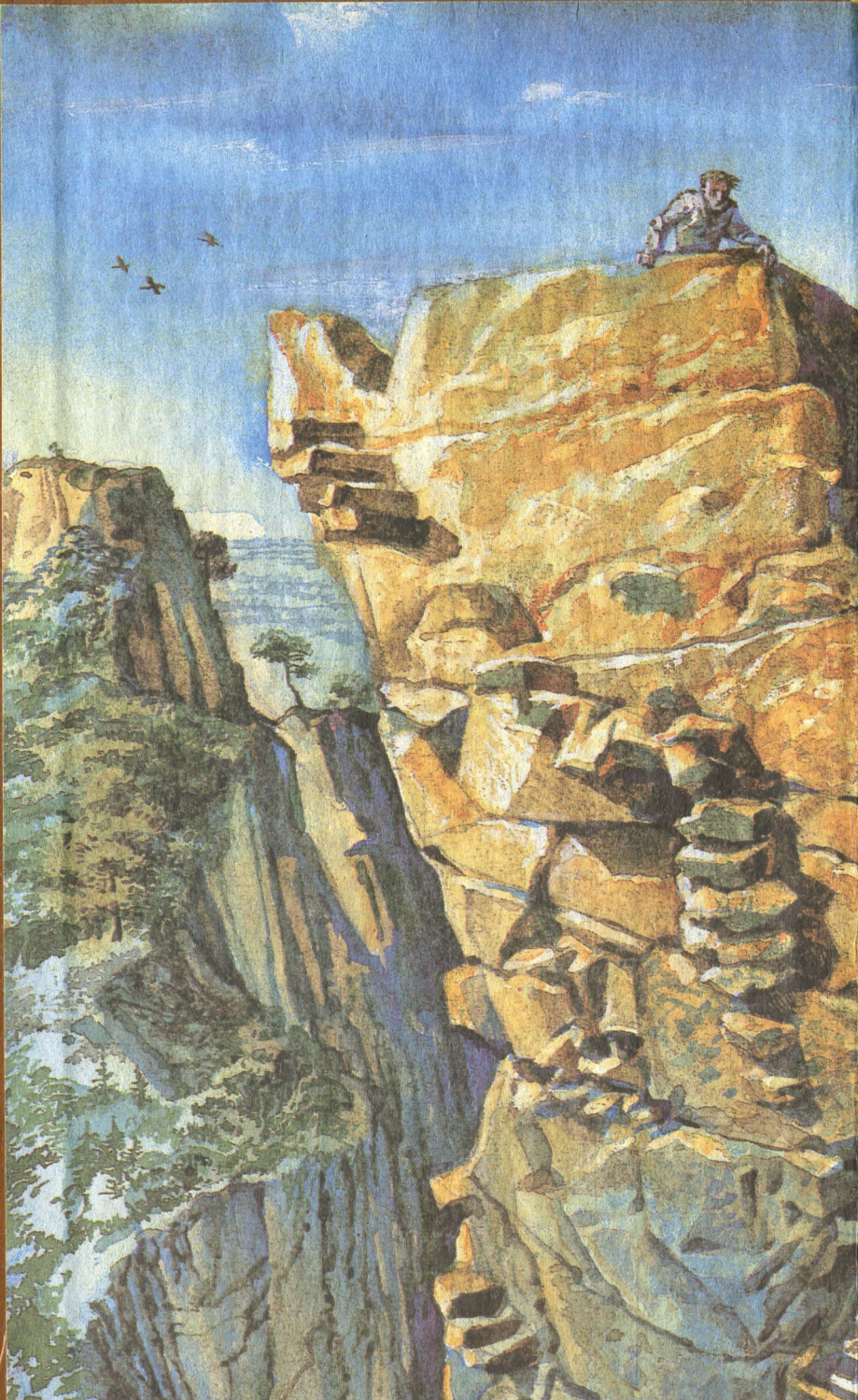

С. ДОНАЛЬДСОН
ПРЕЗРЕНИЕ ЛОРДА
С. ДОНАЛЬДСОН

СТИВЕН ДОНАЛЬДСОН

СТИВЕН ДОНАЛЬДСОН

ББК 84.4
В 12

СТИВЕН ДОНАЛЬДСОН

В 12 *ПРЕЗРЕНИЕ ЛОРДА*: Роман-фэнтези./Пер. с англ. - СПб.: АП "Васильевский остров", 1993. - С. 544.

СТИВЕН ДОНАЛЬДСОН

ПРЕЗРЕНИЕ ЛОРДА

РОМАН-ФЭНТЕЗИ

ИБ № 170

Оригинал-макет подготовлен АО "Оверлайт-Сан".

Подписано к печати 10.12.92. Формат 84 × 108 1/32.
Гарнитура "Таймс". Печать высокая. Усл. печ. л. 28.56.
Усл. кр.-отт. 28.56. Тираж 50000 экз. Заказ № 136.

АП "Васильевский остров" 191028, С.-Петербург,
Манежный пер., 2

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГПП "Печатный Двор"
197110, С.-Петербург, П-110, Чкаловский пр., 15.

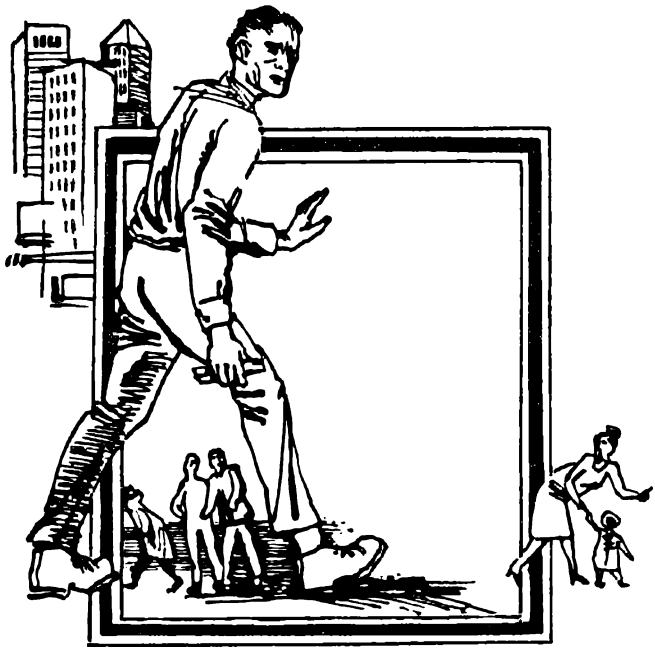
В 4803020000 - 170 Без объявл.
022 (01) - 93

ISBN 5 - 7012 - 0367 - 0

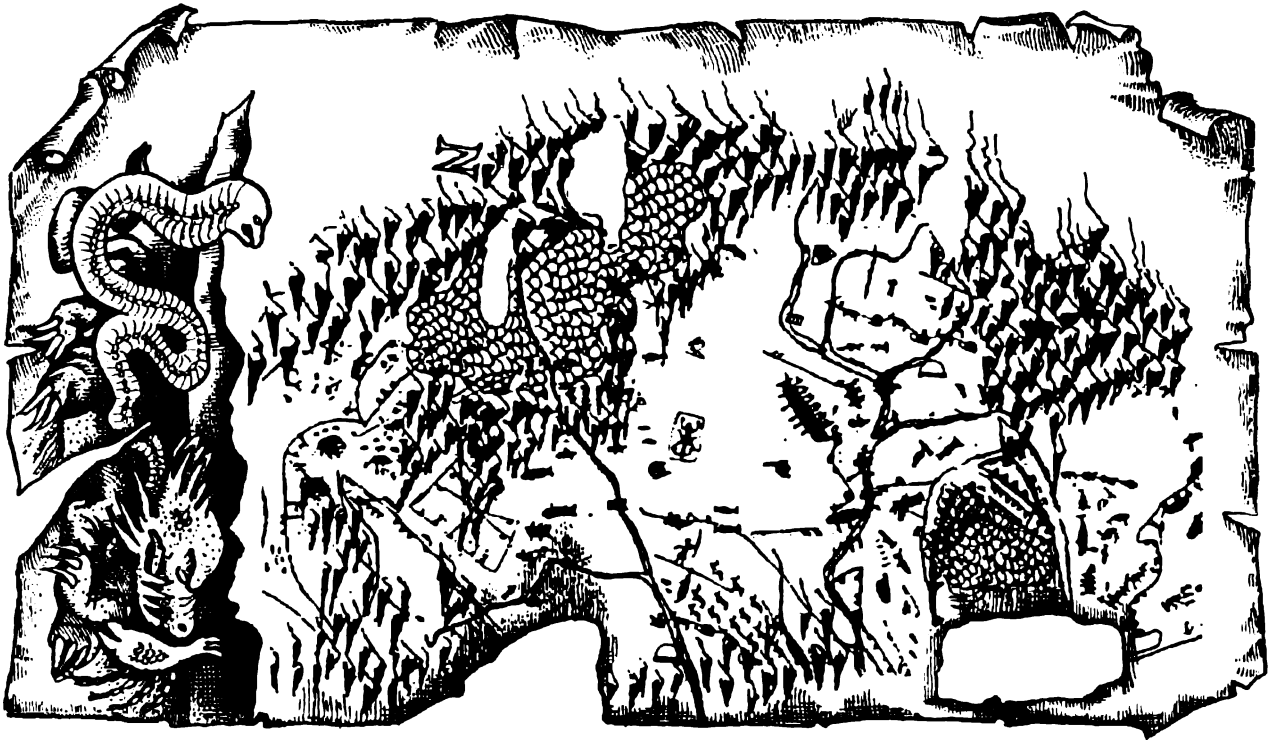
© Составление. АО "Оверлайт - Сан". 1993.
© Оформление. ТОО "МиМ", 1993.
© АП "Васильевский остров", 1993.

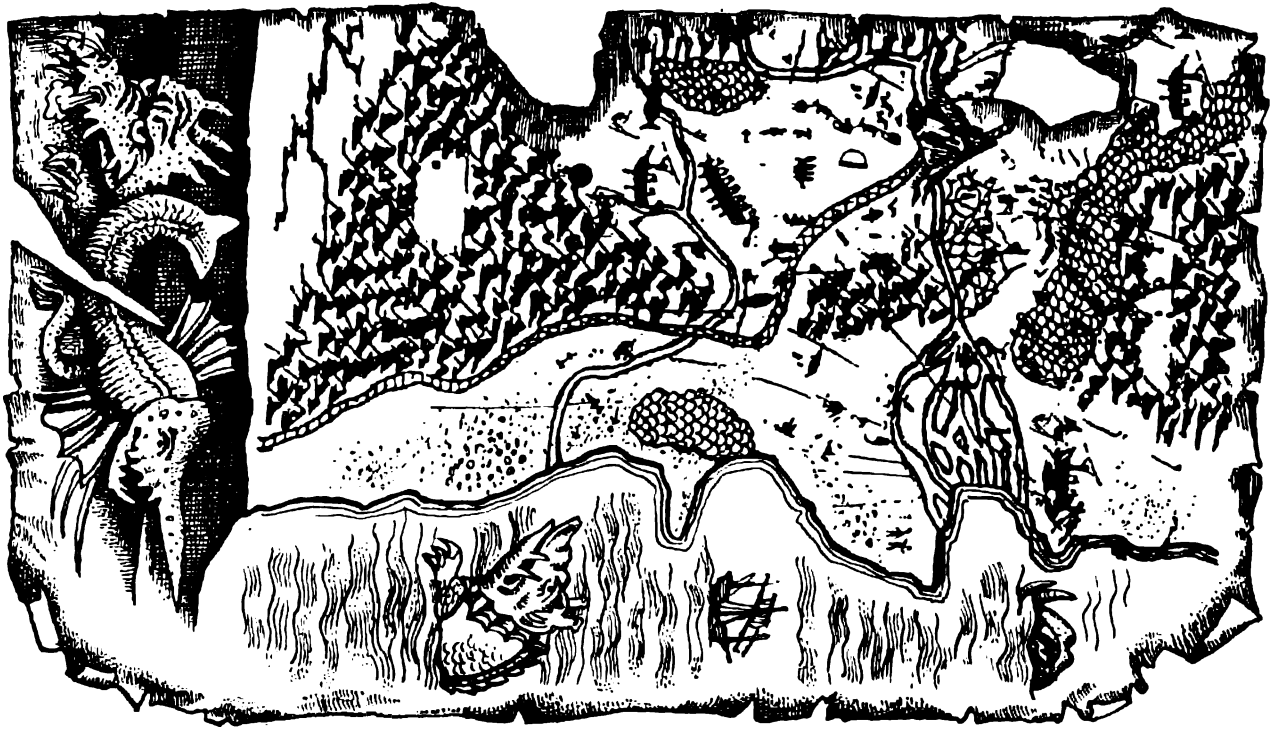
СТИВЕН ДОНАЛЬДСОН

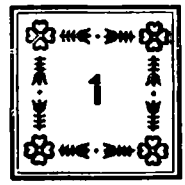
ПРЕЗРЕНИЕ ЛОРДА

САНКТ—ПЕТЕРБУРГ
"ВАСИЛЬЕВСКИЙ ОСТРОВ"
1993

ЗОЛОТОЙ МАЛЬЧИК

Она вышла из магазина как раз вовремя, чтобы увидеть, что ее играющий маленький сын оказался прямо на пути высокого худого мужчины в сером, шагавшего посередине аллеи, словно какой-то механизм. На мгновение ее сердце екнуло. Но в следующий момент она прыгнула вперед, схватила мальчика за руку и оттащила в сторону.

Мужчина прошел мимо, не повернув головы. Женщина прошипела в его удаляющуюся спину:

— Иди, иди! Уматывай отсюда! Хоть бы постыдился...

Томас Кавинант продолжал размеренно шагать, столь же непоколебимый, как ход часового механизма, заведенного до отказа именно с этой целью. Но мысленно он отозвался на реплику женщины:

"Стыдиться? Стыдиться! Чего? Того, что я чуть было не наступил на этого ничтожного щенка? — Его лицо исказила гримаса бешенства. — Берегись! Я — пария!"

Он видел, что люди, мимо которых он проходил, люди, которые знали его и которых он знал по именам, семьям и дружеским рукопожатиям, — все они сторонились, уступали ему дорогу, жались к стенам домов или к кромке тротуара. Некоторые из них, казалось, даже старались не дышать вблизи него. Но он уже устал от непрерывного внутреннего крика. Эти люди были недостойны древнего ритуала приветствия. Он сосредоточил все усилия на том, чтобы справиться со спазматическим оскалом, перекосившим лицо, а исправный механизм воли перемещал его вперед шаг за шагом.

По мере того, как Томас Кавинант шел вдоль аллеи, его глаза осматривали собственную фигуру, проверяя,

нет ли на одежде непредвиденных прорех или лоскутов, контролируя руки во избежание царапин и убеждаясь, что ничего пока не случилось со шрамом, пересекавшим правую ладонь от основания до того места, где оставались два последних пальца. В ушах у него звучал голос врача:

— ВНК, мистер Кавинант. Визуальный надзор за конечностями. От этого зависит ваше здоровье. Те мертвые нервы уже никогда не восстановятся; вы можете не заметить сами, как нанесете себе травму, если не привыкнете к постоянному самоконтролю. Осуществляйте его все время, думайте о нем денно и нощно. В следующий раз вам уже, наверное, так не повезет.

ВНК. Эти буквы вмещали в себя всю его жизнь.

"Доктора!" — саркастически думал Томас. Но если бы не они, он, возможно, столько бы не протянул. Ведь Томас был в таком неведении относительно грозящей ему опасности. Небрежность в отношении самого себя могла его убить.

Глядя на удивленные, испуганные, похожие друг на друга лица — похожих лиц было много, хотя городок не отличался многочисленным населением, — мелькавшие вокруг, Томасу хотелось, чтобы его лицо сохраняло выражение бесконечного презрения. Но нервы лица были едва живы, хотя врачи заверили его, что это лишь иллюзия, характерная для настоящей стадии его болезни. Отгораживаясь от мира, он никогда не мог рассчитывать на то, что надел нужную маску. Когда женщины, которые в свое время обсуждали его роман в литературных салонах, отшатнулись от него, словно он являл собой некую разновидность упыря или вурдалака, Томас почувствовал внезапный предательский приступ тоски. Однако он сурово подавил ее, не дожидаясь, пока тоска нарушит его внутреннее равновесие.

Томас приближался к цели своего путешествия, предпринятого им с такой непреклонностью во имя самоутверждения и дерзкого вызова. Впереди показалась вывеска "Телефонная компания". Он прошел от Небесной Фермы две мили до города, чтобы оплатить свой телефонный счет. Конечно, он мог отправить деньги по почте, но приучил себя рассматривать это, как трусость, капитуляцию перед все растущим по отношению к нему отчуждением.

Пока он находился на лечении, его жена Джоан оформила развод и вместе с несовершеннолетним сыном выехала за пределы штата. Единственное, что она осмелилась взять из общего имущества — машину. Большая часть одежды Джоан тоже осталась дома. Затем жившие за полмили по обе стороны соседи стали настойчиво докучать ему намеками на нежелательность присутствия среди них, а когда он отказался продать ферму, один из них покинул штат. Кроме того, через три недели после его возвращения домой хозяин продовольственного магазина — Томас как раз проходил мимо его витрин, увешанных дешевой рекламой, — начал доставлять ему товары на дом независимо от того, были они заказаны или нет, и, как подозревал Томас, даже независимо от того, желал или не желал он за них платить.

Теперь он шел мимо здания суда, старинные серые колонны которого, казалось, горделиво поддерживали ношу справедливости и законности; здания, в котором (по доверенности, конечно) его лишили семьи. Даже ступени парадной лестницы были отполированы до блеска, чтобы сделать незаметными пятна нужды и отчаяния тех, кто ходил по ней вверх и вниз в поисках справедливости. Развод был разрешен, поскольку ни один гуманный закон не мог заставить женщину жить в обществе такого человека, как он.

— Пролила ли ты хоть одну слезу? — прошептал он, взывая к памяти Джоан. — Что ты чувствовала? Решимость? Облегчение?

Кавинант подавил желание бежать от опасности. Головы гигантов с широко раскрытыми ртами, венчавшие колонны здания суда, казалось, переживали приступ дурноты и были готовы стошнить прямо на прохожих.

В городе, где население составляло не более пяти тысяч человек, коммерческий район был не слишком велик. Кавинант перешел улицу напротив универсального магазина и сквозь стеклянную стену успел заметить, как несколько девушек из колледжа примеряют дешевую бижутерию. Некоторые, торгуясь, облокотились на прилавок в весьма вызывающих позах, и горло Кавинанта непроизвольно сжалось. Он поймал себя на том, что оглядывает бедра и грудь девушек — то, что было доступно

кому угодно, но только не ему. Он стал импотентом. Распад нервных волокон затронул и эту функцию организма. Ему было отказано даже в семяизвержении; он мог возбуждать себя почти до безумия, но это ни к чему не приводило. Внезапно, словно удар грома, на него обрушились воспоминания о жене, почти затмив собой солнце, тротуар и идущих навстречу людей. Он увидел ее в одном из непрозрачных пеньюаров, подаренном им, — все линии тела четко вырисовывались под тонкой тканью. Он внутренне застонал:

"Джоан! Как ты могла это сделать! Неужели больное тело перевесило все остальное?"

Обхватив свои плечи с такой силой, словно хотел задушить себя, он подавил воспоминания. Такие мысли являлись слабостью, которую он не мог себе позволить; необходимо было избавиться от них раз и навсегда.

"Надо ожесточиться, — думал он. — Это помогает выжить!"

По-видимому, жестокость была единственным, вкус к чему он был еще способен ощущать. К своему ужасу Томас вдруг заметил, что перестал двигаться. Он стоял посередине тротуара со сжатыми кулаками и трясущимися плечами. Он безжалостно заставил себя идти вперед. И тут же с кем-то столкнулся.

— Грязная свинья!

Томас успел заметить что-то цвета охры; человек, на которого он налетел, был одет в грязный коричнево-красный макинтош. Но он не стал останавливаться для извинений. Вместо этого он ускорил шаг, чтобы не видеть выражения страха и отвращения еще на одном лице. Вскоре его шаги вновь обрели пустую механическую размеренность.

Теперь он шел мимо офисов электрической компании — единственной причины, заставившей его проделать этот путь ради оплаты телефонного счета. Два месяца назад он отправил по почте чек для электрической компании; сумма была ничтожной — он мало пользовался электроэнергией и получил этот чек обратно. Фактически, конверт даже не вскрывали. Приклеенная к нему записка поясняла, что его счет кто-то анонимно оплачивал по меньшей мере в течение года.

В результате долгой внутренней борьбы он пришел к выводу, что если не станет сопротивляться такой тенденции, то скоро у него вообще не будет повода появляться среди людей. Поэтому-то он и совершил сегодня эту двухмильную прогулку до города с целью лично оплатить свой телефонный счет, а также доказать всем, что он не позволит отобрать у себя право быть человеком. В ярости на свою отверженность, он искал способ, чтобы бросить вызов, защитить свои, равные с другими смертными, права.

"Лично... — думал он. — А что, если я опоздал? Если счет уже оплачен? Тогда зачем я пришел сюда лично?"

Эта мысль повергла его сердце в трепет. Он быстро проделал процедуру ВНК и снова бросил взгляд на вывеску телефонной компании, до которой оставалось полквартала. Продвигаясь вперед, готовый в любой момент подавить приступ страха, он вдруг осознал, что мысленно повторяет какой-то мотив в такт шагам. Вспомнились и слова:

Золотой мальчик, глиняные ножки,
До чего же тебе трудно
Топать по дорожке...
Дам тебе несильного пинка я —
Покатился, золотом сверкая...

Этот бессмысленный стишок назойливо вертелся в голове, насмешливо хихикая, и дурацкий мотив стучал в висках, как оскорбление, словно исполняемый на каком-то смычковом инструменте.

"Наверное, где-нибудь в мистических небесах Вселенной, — думал Кавинант, — есть некая ожиревшая богиня, с трудом вымучивающая мою дурацкую судьбу; довольно одного пинка злобным взглядом, и я сразу оказался поверженным. И до чего же я неповоротлив! Насмешка рождает страх. О, все верно, золотой мальчик".

Однако одной усмешкой от этой мысли было не отделаться, потому что однажды он уже был чем-то вроде золотого мальчика. Брак его оказался счастливым. В одном порыве вдохновения он написал роман, не имея ни малейшего понятия о том, как это делается, и потом целый год видел его название в списках бестселлеров. И потому денег у него сейчас было достаточно.

"Я мог бы стать богачом, — думал он, — если бы знал, что напишу такую книгу".

Но он не знал. И даже сомневался, найдет ли издателя. Да, тогда он сомневался в этом. Те дни были самыми счастливыми в его жизни: он только что женился на Джоан... Когда они были вместе, им не нужно было ни денег, ни славы, вообще ничего. Воображение его тогда озарило самое настоящее вдохновение, и теплые чары ее гордости и страсти заставляли его гореть, подобно вспышке молнии, но не секунды, не доли секунды, а целые пять месяцев в одном долгом неистовом взрыве энергии, который, казалось, создавал природу земли из ничего одной лишь силой своего блеска: холмы, утесы, деревья, клонящиеся под порывами пылкого ветра, ночные грабители — все являлось на свет из вспышки этой белой молнии, ударившей в небо из-под его блистательного пера. Когда работа была закончена, он почувствовал себя таким опустошенным и умиротворенным, словно вся любовь мира излилась в одном акте.

Ему было нелегко. Восприятие вершин и глубин, придавшее каждому написанному им слову вид засохшей до черноты крови, было мучительно. А он был из тех, кто любит вершины; беспредельные эмоции давались ему непросто. Но это восхитительно. Сосредоточение на этом пике энергии оставалось самым чистым и прекрасным из всего, что было у него в жизни. Величественный фрегат его души пересек глубокий и опасный океан. Кавинант отослал рукопись с чувством спокойной уверенности.

В течение этих месяцев творчества, а затем ожидания, они жили на ее доход. Она, Джоан Махт Кавинант, была спокойной женщиной, глаза и цвет лица ее выражали больше, чем слова. Кожа ее имела золотистый оттенок, и оттого Джоан была похожа на теплый драгоценный шлейф, наполненный радостью. Ее нельзя было назвать ни крупной, ни сильной, и Томаса всегда поражало то обстоятельство, что она добывала средства для их существования, объезжая лошадей.

Однако слова "объездка" и "дрессировка" ни в коей мере не отражали ее мастерства в обращении с животными. В ее работе не было никаких проверок на силу, ни

каких брыкающихся жеребцов с сумасшедшими глазами и раздувающимися ноздрями. Кавинанту казалось, что она не укрощала лошадей — она их обольщала. Одно ее прикосновение мгновенно успокаивало их дергающиеся мускулы. Ее воркующий голос заставлял расслабиться их напряженные уши. Когда она садилась верхом без седла, то ее ноги, обхватывая их бока, уменьшали силу их первобытного страха. И всякий раз, когда лошадь выходила из-под контроля, она просто соскальзывала с нее и оставляла в покое до тех пор, пока спазм дикости не проходил сам собой. И, наконец, она пускала лошадь в неистовый галоп вокруг Небесной Фермы, чтобы доказать, что та может выложиться до предела, даже подчиняясь чужой воле.

Глядя на нее, Кавинант, бывало, чувствовал себя несколько униженным таким мастерством. И даже после того, как она научила его ездить верхом, он не мог преодолеть страха перед этими животными.

Ее работа была не слишком прибыльной, но она кормила их обоих до того самого дня, когда от издателя пришло письмо с положительным ответом. В этот день Джоан решила, что пора завести ребенка.

Ввиду обычных задержек с публикацией им пришлось прожить еще почти год на аванс от авторского гонорара Кавинанта. Джоан продолжала заниматься своей работой, пока это не стало угрожать безопасности развивающегося в ней ребенка. Потом, когда ее тело подсказало, что час настал, она перестала работать. С той поры она начала жить внутренней жизнью, с таким старанием подчиняясь задаче выносить ребенка, что часто глаза ее заволакивало дымкой ожидания.

Когда ребенок родился, Джоан объявила, что следует назвать его Роджером в честь отца и деда.

— Роджер... — проворчал Кавинант, подходя к двери телефонной компании. Это имя никогда ему не нравилось. Конечно, первое время он испытывал нежность и даже гордость, чувствуя себя причастным к свершившемуся таинству, но потом бесконечные заботы, связанные с воспитанием малыша, начали ему изрядно докучать. И теперь, когда его сын исчез, исчез вместе с Джоан, он почти не вспоминал о нем, а мысли о жене вызывали в его сердце горечь и острую тоску.

Внезапно в его рукав вцепились чьи-то пальцы.

— Эй, мистер, — произнес боязливо и настойчиво чей-то голосок. — Эй, мистер...

Он повернулся и выкрикнул:

— Не прикасайся ко мне! Я — пария! — Но, увидев лицо мальчика, остановившего его, не стал вырываться. Мальчику было лет восемь или девять — стало быть, он еще слишком мал, чтобы бояться его болезни. Лицо ребенка от страха покрывали багровые пятна, как будто кто-то заставил его сделать нечто ужасное.

— Эй, мистер, — повторил он с ноткой мольбы в голосе. — Вот. Возьмите. — Он сунул мятый клочок бумаги в бесчувственные пальцы Кавинанта. — Он велел отдать это вам. Вы должны прочитать. Хорошо, мистер?

Пальцы Кавинанта непроизвольно сжали бумагу.

"Он, — тупо думал больной, глядя на мальчика. — Он?"

— Он. — Мальчик указал трясущимися пальцами в ту сторону, откуда появился Кавинант.

Томас оглянулся и увидел старика в грязном макинтоше цвета охры, стоящего на расстоянии полуквартала от него. Тот бормотал, почти напевал что-то неразборчивое и бессмысленное; его рот был открыт, хотя губы и челюсть не двигались, и звуки образовывались без их участия. Его длинные спутанные волосы и борода развевались на легком ветру. Лицо было поднято к небу; казалось, он смотрел прямо на солнце. В левой руке он держал деревянную чашу, с какими ходят нищие. Правая рука сжимала длинный деревянный посох, к верхнему концу которого был прикреплен плакатик с надписью: "Берегись!"

— Берегись!

На мгновение Томасу показалось, что одна эта надпись источает угрозу для него. Страшные опасности словно бы отделялись от нее и плыли к нему по воздуху, издавая истошные вопли стервятников. И среди них, под эти вопли, на него смотрели глаза — два глаза, словно клыки, сверлящие и неумолимые. Они рассматривали его с пристальной, холодной и жадной злобой, как будто он и только он был той мертвечиной, которой они жаждали. Злорадство изливалось из них, словно яд. Кави-

нант затрепетал, охваченный неизъяснимым страхом.

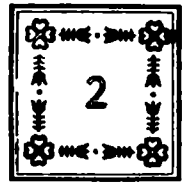
Берегись!

Но это была всего лишь надпись, всего лишь дощечка, прикрепленная к деревянному посоху. Кавинант вздрогнул, и воздух перед ним снова стал прозрачным.

— Вам надо прочитать это, — снова сказал мальчик.

— Не прикасайся ко мне, — пробормотал Кавинант, все еще чувствуя, что мальчик держит его за рукав. — У меня проказа.

Но когда он оглянулся, мальчик уже исчез.

У тебя нет надежды

В замешательстве Томас быстро осмотрел улицу, но мальчика нигде не было. Потом, когда он снова повернулся к старику-нищему, его взгляд наткнулся на дверь с надписью золотыми буквами: "Телефонная компания". При этом Кавинант испытал новый приступ страха, заставивший забыть обо всем остальном. А вдруг... Это была цель его "похода": он пришел сюда лично, чтобы заявить свое человеческое право на оплату собственного счета. Но что, если...

Он встряхнулся. У него была проказа, и он не мог позволить себе делать всякие предположения. Бессознательно сунув клочок бумаги в карман, он в очередной раз произвел процедуру ВНК и с мрачной решимостью направился к двери.

Человек, поспешно выскочивший навстречу, чуть было не налетел на него, потом узнал и отшатнулся в сторону; лицо человека внезапно стало серым от того, что он все понял. Этот толчок нарушил внутреннее равновесие Кавинанта, и он чуть было не крикнул: "Грязная свинья!"

Снова остановившись, он позволил себе минутную паузу. Этот человек был адвокатом Джоан на суде — толстый коротышка, вечно сыплющий остротами, типичными для адвокатов и министров. Пауза нужна была Кавинанту для того, чтобы оправиться от испуга во взгляде адвоката. Томас чувствовал непроизвольный стыд от того, что стал причиной его страха. На мгновение он даже потерял уверенность, которая привела его в город.

Но почти в тот же момент он вскипел от злости. Стыд и ярость тесно переплелись в его чувствах.

— Я не собираюсь позволять им так поступать со мной, — проскрипел он. — Черт побери! Они не имеют права.

Тем не менее, изгнать из мыслей выражение лица адвоката было нелегко. Этот отвлекающий фактор являлся реальностью, такой же, как проказа, иммунной к любому вопросу права или справедливости. А больной проказой прежде всего должен помнить о фатальной реальности фактов.

Во время этой паузы Кавинанту пришло в голову, что появился неплохой сюжет для стихотворения:

То, что люди по ошибке зовут жизнью, —
Смерть на самом деле, без преувеличенья...
И запахи цветов, и трав на летнем луге
Могильным испареньем к горлу
протянули руки.
Тела живых танцуют в пляске смерти,
Все ад вокруг, один лишь ад
на всей планете..

Вокруг лишь ад... — вот настоящая правда. Адское пламя.

Успел ли он за это короткое время насмеяться столько, сколько положено за жизнь?

Он чувствовал, что вопрос этот очень важен. Он смеялся даже тогда, когда приняли его роман; смеялся над отражением глубоких тайных мыслей, которые, словно подводные течения, скользили по лицу Рождера; смеялся, увидев отпечатанный экземпляр своей книги; смеялся над ее появлением в списках бестселлеров. Тысячи вещей, больших и малых, наполняли его весельем. Когда Джоан однажды спросила, что он находит столь смешным, он ответил лишь, что каждый вздох заряжает его идеями следующей книги. Его легкие источали энергию и фантазию. Он хохотал всякий раз, когда чувствовал радость, большую, чем мог в себя вместить.

Но когда роман получил известность, Роджеру было шесть лет, и еще шесть месяцев спустя Кавинант так и не приступил почему-то к новому роману. У него было слишком много идей. Он, казалось, просто терялся среди их изобилия, не зная, какие выбрать.

Джоан не одобряла подобного непродуктивного богат-

ства. Забрав Роджера, она оставила мужа одного в только что купленном доме, где у него был кабинет в двух небольших комнатах, окна из которых выходили на лес позади Небесной Фермы и на речушку посреди него. При этом она заявила Томасу, что повезла Роджера повидаться с родственниками, а также дала ему строгий наказ начать писать.

Это был некий поворотный пункт, с которого судьба начала приближать его к неустойчивому положению "золотого мальчика". Начала она с предостережения о том ударе, который отсек ему впоследствии жизнь с такой же беспощадностью, с какой хирург отрезает пораженную гангреной конечность. Он слышал эти предостережения, но не обратил на них внимания. Он не понимал, что они значили.

Нет, вместо того чтобы выяснить причину этого грома среди ясного неба, он с сожалением и спокойным почтением проводил Джоан. Томас понимал, что она права, что снова писать он не начнет до тех пор, пока не побудет некоторое время один; и его восхищала ее способность действовать столь решительно, в то время как сердце его стонало под неизведанной пока тяжестью. Итак, помахав ей на прощание рукой и подождав, пока самолет скроется из виду, он вернулся на Небесную Ферму, заперся у себя в кабинете, включил электрическую пишущую машинку и напечатал посвящение к следующему роману: "Джоан, моей хранительнице возможного".

Его пальцы неуверенно скользнули по клавишам, и для того, чтобы напечатать нормальную копию, пришлось трижды переделывать все заново. Но ему не хватило благоразумия предугадать надвигающийся шторм.

Точно так же не обратил он внимания и на боль в запястьях и лодыжках; единственное, что он сделал — это обложил ноги льдом, который в конце концов чуть не погубил их. И когда Томас обнаружил на правой руке, возле основания мизинца, онемевшее пурпурное пятнышко, то просто выкинул это из головы. В течение 24 часов после отъезда Джоан он был с головой погружен в новую книгу. Образы каскадами обрушивались на его мозг, созданные воображением. Пальцы все чаще отказывались напечатать самое простое слово, но с фантазией

было все в порядке. Ему даже и в голову не пришло потратить время на выяснение причин загноения маленькой ранки, образовавшейся в центре пурпурного пятнышка.

Джоан и Роджер приехали через три недели, нанеся визиты всем родным. Она ничего не замечала, пока однажды вечером, после того как Роджер уснул, они не сели вместе на диван и Томас не обнял ее. Окна были закрыты ставнями, и было слышно, как обдувавший ферму холодный ветер пытался их открыть. В неподвижном воздухе гостиной Джоан вдруг уловила сладковатый запах — запах болезни Кавинанта.

Месяцами позже, глядя на вымытые антисептиком стены своей палаты в лепрозории, он клял себя за то, что не смазал руку йодом. Его беспокоила отнюдь не утрата двух пальцев. То, что отняло у него часть руки, было лишь микроскопическим символом того удара, который отсек его от жизни, исключил из собственного мира, словно он был некоей разновидностью злокачественной инвазии. И когда его правая рука болела, лишенная двух пальцев, эта боль была ничуть не сильнее, чем положено. Нет, он бранил себя за легкомыслие потому, что оно отняло у него последнюю возможность держать Джоан в объятиях.

Но той зимней ночью, когда она была рядом, он и понятия не имел, что такое может случиться. Неторопливо рассказывая о своей новой книге, он привлек ее к себе, с удовольствием ощущая прикосновение ее мягкого тела, чистый запах ее волос и чудесное тепло. Внезапная реакция жены повергла его в недоумение. Прежде чем он понял, что ее обеспокоило, она уже вскочила с дивана, стащила его следом за собой и, схватив его правую руку, подставила ее под свет лампы. Голос ее зазвенел от гнева и тревоги:

— О, Томас! Почему ты так неосторожен?

Потом Джоан уже не колебалась. Попросив одного из соседей посидеть с Роджером, она потащила мужа по пушистому февральскому снегу в пункт оказания первой помощи при местном госпитале. И не оставила его до тех пор, пока их не принял хирург.

Предварительный диагноз: гангрена.

Большую часть следующего дня Джоан провела вместе с Томасом в госпитале, пока тот сдавал различные анализы. А следующим утром, в шесть часов Томаса Кавинанта повели на операцию правой руки. Он очнулся тремя часами позже в госпитальной палате, лишенный двух пальцев. Действие наркотиков еще некоторое время затуманивало его сознание, и только к полудню он почувствовал, что соскучился по Джоан.

Но в этот день она вообще не пришла к нему. А когда появилась следующим утром, в ней явственно была заметна перемена. Кожа ее была бледна, словно сердце нехотя гнало кровь, а кости лба, казалось, выступили наружу. У нее был вид загнанного животного. Она не обратила внимания на его руку, протянутую к ней. Голос ее был низким и придушенным, она не хотела, чтобы даже издаваемый ею звук прикасался к нему. Став от него так далеко, насколько позволяли размеры палаты, обратив пустой взгляд к окну и мокрой улице за ним, она поведала последние новости.

Врачи обнаружили у него проказу.

Пораженный, он сказал:

— Ты шутишь.

Тогда она повернулась и, глядя ему в лицо, крикнула:

— Хватит прикидываться дурачком! Доктор сказал, что сам сообщит тебе, но я не согласилась. Я думала о тебе. Но я не могу, не могу этого вынести. Ты подцепил проказу! Разве ты не знаешь, что это значит? Твои кисти рук и ступни отвалятся, руки и ноги искривятся, а лицо станет отвратительным, как губка. На месте глаз образуются язвы, и я не смогу этого вынести. Тебе будет все равно, потому что ты утратишь способность что-либо чувствовать, черт бы тебя побрал! И... о, Том, Том, Том! Эта болезнь заразна.

— Заразна? — Казалось, он не понимал, что она имеет в виду.

— Да! — прошипела Джоан. — Большинство людей заболевают ею потому... — на мгновение она задохнулась от ужаса и разрыдалась, — потому что они заразились еще в детстве. Дети более восприимчивы, чем взрослые. Роджер... Я не могу рисковать... Я должна уберечь его от этого!

И уже когда она исчезла, выбежала из палаты, он ответил:

— Да, конечно... — Потому, что ему больше нечего было сказать. Он все еще не понимал.

В голове было пусто. Лишь недели спустя он начал осознавать, как разрушительно подействовал на него взрыв Джоан. Потом Томас просто испугался.

Через сорок восемь часов после операции хирург Кавинанта заявил, что тот вполне способен перенести небольшое путешествие, и отправил его в Луизиану, в лепрозорий. Врач, встречавший его самолет, бесстрастно ознакомил его с различными поверхностными аспектами проказы. Микробактерия проказы была впервые обнаружена Армауором Хансеном в 1874 году, но изучение бациллы постоянно срывалось из-за того, что исследователям никак не удавалось провести две из четырех ступеней анализа по Коху: никто не мог искусственно вырастить микроорганизм, и никто не обнаружил, как он передается. Тем не менее, некоторые современные исследования проводились доктором О. А. Сконенесом на Гавайях и казались обнадеживающими. Кавинант почти не слушал. В слове "проказа" ему чудились абстрактные вибрации ужаса, но они не были слишком убедительны и действовали на него подобно угрозе, произнесенной на иностранном языке. Кроме интонации опасности, сами по себе слова ничего не передавали. Он смотрел в честное лицо доктора, а видел непонятный гнев Джоан и ничего не говорил в ответ.

Но когда Кавинант обосновался в своей комнате в лепрозории — квадратной камере с белой чистой кроватью и вымытыми антисептиком стенами, — доктор переменил политику. Он резко сказал:

— Мистер Кавинант, вы, кажется, так и не уяснили себе, в чем заключается опасность. Идемте со мной, я хочу вам кое-что показать.

Кавинант вышел следом за ним в коридор. По пути доктор говорил:

— Ваш случай — это то, что мы называем основной разновидностью болезни Хансена, — приобретенная проказа, та, у которой, по-видимому, нет... э... генеалогии. Восемьдесят процентов случаев заболеваний в нашей

стране зарегистрированы у эмигрантов, которые заразились, будучи еще детьми, в странах с тропическим климатом. Мы, по меньшей мере, знаем, где они подцепили ее, если не как именно и почему.

Разумеется, основная или побочная форма, она протекает одинаково. Но, как правило, люди с побочными формами выросли в местах, где болезнь Хансена выражена гораздо сильнее, чем здесь. Больные сразу распознают, чем именно они заболели. Это значит, что у них больше шансов вовремя получить необходимую медицинскую помощь.

Я хочу познакомить вас с одним из наших пациентов. В настоящее время он — единственный, кроме вас, имеющий основную разновидность лепры. Он был кем-то вроде отшельника — жил один, вдали от всех, в горах западной Вирджинии. Он не знал, что с ним происходит, до тех пор, пока с ним не попытался связаться из штаба армии командир его убитого сына. Когда офицер увидел этого человека, он позвонил в общественную службу здоровья. А они послали старика к нам.

Доктор остановился перед такой же дверью, какая вела в комнату Кавинанта. Он постучал, но не стал ждать ответа. Распахнув дверь, он поймал Кавинанта за локоть и втащил в палату.

Когда Томас переступил порог, в ноздри ему ударила острая вонь — запах, похожий на зловоние гниющего в отхожем месте мяса. Даже карболовая кислота и различные мази не смогли задушить этого смрада. Исходил он от сморщенной фигуры, сидевшей на постели и выглядевшей совершенно абсурдной на фоне чистых простыней.

— Добрый день, — сказал доктор. — Это Томас Кавинант. У него основная форма болезни Хансена, и он, кажется, не понимает грозящей ему опасности.

Пациент медленно поднял руки, словно хотел обнять Кавинанта.

Вместо кистей у него были вздутые обрубки, лишенные пальцев куски розового больного мяса, испещренного трещинами и язвами, из которых сквозь лечебные мази сочился желтый эксулат. Они висели на тонких, обмотанных бинтами руках, словно неуклюжие болван-

ки. А ноги, даже несмотря на то, что они были прикрыты госпитальной пижамой, выглядели сучковатыми деревяшками.

Потом пациент зашевелил губами, пытаясь заговорить, и Кавинант посмотрел на его лицо. Тусклые, пораженные катарактой глаза на этом лице, казалось, были центром извержения вулкана. Кожа щек бело-розовая, как у альбиноса, но оттопыривалась и разбегалась от глаз складками, словно ее нагрели до такого состояния, что она начала плавиться; и верхушками этих складок служили густые туберкулезные узелковые утолщения.

— Убей себя, — страшным скрипучим голосом произнес старик. — Лучше, чем это.

Кавинант вырвался из рук доктора, бросился в коридор, и содержимое его желудка выплеснулось на чистые стены и пол, словно пятно поругания.

И тогда он решил выжить.

Томас Кавинант прожил в лепрозории более шести месяцев. Все это время он бродил по коридорам, как изумленный призрак, отрабатывая навыки ВНК и других, необходимых для выживания, упражнений, подвергаясь обследованию во время многочасовых врачебных конференций, слушая лекции о проказе, терапии и восстановлении. Вскоре он узнал, что доктора считали, будто психология пациента является ключом к излечению проказы. Они хотели порекомендовать ему этот метод. Но он отказывался говорить о себе самом. Глубоко внутри него росло прочное ядро непримиримой ярости. Он заметил, что по какой-то жестокой прихоти его нервов два утраченных пальца казались остальному организму более живыми, чем оставшиеся. Большой палец его правой руки все время пытался дотронуться до этих ампутированных пальцев и, наткнувшись на шрам, оставлял чувство удивления и неловкости. Помощь докторов, казалось, походила на тот же самый трюк. Их стерильные образы надежды вызывали у него те же чувства, что и прикосновение к воображаемым пальцам. А конференции, так же, как и лекции, кончались долгими речами специалистов о проблемах, с которыми столкнулся он, Томас Кавинант.

Неделями эти речи вливались в него до тех пор, пока

он не начал бредить ими по ночам. Предостережения заполнили его опустошенный мозг. Ему чудились не страсти и не приключения, а заключительные части речей.

— Проказа, — слышал он ночь за ночью, — возможно, самое необъяснимое из всех человеческих несчастий. Эта загадка такая же, каковой является тончайшая разница между живым и неживым веществом. О, кое-что о ней нам известно: она не смертельна, не заразна, если говорить обо всех уже известных способах заражения, проявляется она в разрушении нервов, обычно конечностей и роговой оболочки глаз; может вызывать уродство, главным образом потому, что лишает тело возможности защищать себя путем ощущений и реакции на боль; иногда ее результатом является полная нетрудоспособность, крайняя деформация лица и конечностей, а также слепота; и это необратимо, поскольку утраченные нервы восстановить невозможно. Мы также знаем, что почти во всех случаях надлежащее лечение и использование ДДС — диамино-дивениловых сульфамидов — а также некоторых новых синтетических антибиотиков может задержать распространение болезни, и, как только разрушение нервных волокон будет остановлено, нужные лекарства и терапия смогут поддерживать проказу под контролем в течение всей оставшейся жизни пациента. Нам неизвестно почему и как данная конкретная личность подхватывает болезнь. Мы склонны полагать, что болезнь приходит ниоткуда и без какой-либо особой причины. А как только ты ее подцепил — можешь оставить всякую надежду на полное излечение.

Слова, которые чудились Кавинанту, не были вымышленными или преувеличенными — это могли быть дословные выдержки из любой лекции или конференции, но их погребальный звон звучал, будто поступь чего-то, столь невыносимого, что их вообще не следовало когда-либо произносить. Бесплотный голос врача продолжал:

— За годы изучения болезни Хансена мы выяснили, что она ставит перед пациентом уникальные проблемы — две взаимосвязанные трудности, которые не сопутствуют никакой другой болезни, и это делает моральный аспект превращения в жертву проказы более тяжким, чем физический.

Первая проблема затрагивает взаимоотношения боль-

ного с людьми. В отличие от лейкемии в наше время или туберкулеза в прошлом веке проказа не является и никогда не была "поэтическим" недугом, который можно романтизировать. Как раз наоборот. Даже в обществах, где своих больных ненавидят меньше, чем ненавидим их мы, американцы, пораженного проказой всегда презирали и боялись; он был парией даже среди близких из-за этой редкой болезни, появление которой никто не может предсказать или проконтролировать. Проказа не смертельна, и пациент среднего возраста может надеяться на тридцать или сорок лет жизни после заболевания. Этот факт в совокупности с прогрессирующей недееспособностью, вызванной болезнью, говорит о том, что пораженный проказой, как никто другой, отчаянно нуждается в человеческой поддержке. Но в сущности все общества обрекают своих прокаженных на изоляцию и отчаяние, приговаривая их, словно преступников и дегенератов, предателей и негодяев, к изгнанию из человеческого общества; и это все только потому, что наука не сумела раскрыть тайну этого несчастья. В любой стране, в любой культуре, по всему миру прокаженные считались воплощением всего того, что люди — поодиночке или коллективно — боятся и ненавидят.

Такому поведению людей есть объяснение. Во-первых, болезнь вызывает уродство и зловоние, что, безусловно, неприятно. А во-вторых, вопреки проводимым научным исследованиям, люди не верят, что нечто, столь очевидно отвратительное и таинственное, не заразно. И тот факт, что мы не можем ответить на вопросы, касающиеся пресловутой бациллы, усиливает их страх. Мы не можем со стопроцентной уверенностью утверждать, что прикосновение, воздух, пища и вода, или даже просто сострадание не передает болезнь. При отсутствии какого-либо правдоподобного, доказуемого объяснения заболевания люди воспринимают его по-разному, но все — отрицательно, как доказательство преступления, разврата или извращенности, как ужасный знак какого-то психологического, духовного или морального разложения или вины. И они упорно считают, что болезнь заразна, несмотря на свидетельства того, что она воспринимается с трудом даже детьми. Поэтому многим из вас придется жить, не

рассчитывая на поддержку хотя бы одного человеческого существа, на то, что кто-то разделит с вами вашу ношу.

Это одна из причин, почему мы придаем такое значение даваемым здесь рекомендациям; мы хотим помочь вам научиться мириться с одиночеством. Многие из пациентов, покидающие это заведение, не проживают столько, сколько смогли бы прожить. Шокированные своим отчуждением, они утрачивают приобретенную здесь мотивацию; они отказываются от самолечения и становятся либо активными, либо пассивными самоубийцами; очень немногие из них вовремя возвращаются сюда. Пациенты, которым удается выжить, находят где-то кого-то, кто не отказывается помочь им сохранить стремление к жизни. Или находят силу жить дальше где-то внутри самих себя.

Однако каким бы путем вы ни пошли, одно остается неизменным: с сего момента и до конца жизни проказа — самый главный и единственный факт вашего существования. Она будет держать вас под своим контролем каждое мгновение. С момента пробуждения и до момента погружения в сон вам придется отдавать все без исключения внимание всем острым углам и трудностям жизни. От этого нельзя будет уйти ни на каникулы, ни в отпуск. Вы не должны позволять себе отдыхать, погружаясь в мечты или впадая в меланхолию. Все, что наносит ушибы, толкает, жжет, царапает, скоблит, пихает или ослабляет вас, может стать причиной вашего увечья, уродства или даже смерти. А мысли о том образе жизни, который вам недоступен, тоже могут привести вас к отчаянию и самоубийству. Я много раз был тому свидетелем.

Пульс Кавинанта учащался, и простыни, мокрые от пота, липли к телу. Голос его ночного видения не изменился; он не мог пытаться напугать его, его страх не доставлял ему радости — но теперь слова стали черны, как ненависть, а за ними простиралась огромная кровоточащая рана пустоты.

— Это подводит нас ко второй проблеме. На первый взгляд она не так уж сложна, но впоследствии вы убедитесь в том, что она может быть разрушительной. Многие люди зависят во многом от того, в какой степени у них развито осязание; фактически, вся система их взаимоот-

ношений с окружающим миром построена на осязании. Они могут не поверить своим глазам или ушам, но когда они к чему-то прикасаются, то знают, что это реально. И не случайно мы описываем свои глубочайшие проявления эмоций с помощью терминов чувства прикосновения. Грустные истории трогают нас за душу. Неприятные ситуации раздражают или ранят нас. Это неизбежный результат того факта, что мы являемся биологическими организмами.

Вы должны бороться, чтобы для себя изменить эту ориентацию. Вы — разумные существа, у каждого из вас есть мозг. Пользуйтесь. Пользуйтесь им, чтобы распознать опасность. Пользуйтесь, чтобы научить себя оставаться в живых.

Потом он проснулся один в своей постели, облитый потом, с широко раскрытыми глазами, губы напряжены от готовых прорваться сквозь сжатые зубы рыданий. И так повторялось ночь за ночью, неделя за неделей. День за днем он вынужден был доводить себя до бешенства, чтобы найти силы покинуть бесполезное убежище своей палаты.

Однако его главное решение оставалось неизменным. Он познакомился с пациентами, уже несколько раз проходившими курс лечения в лепрозории, — пойманными рецидивистами, которые не в состоянии были выполнить главное условие своего мучения — условие держаться за жизнь без всякой мысли о компенсации, которая и придавала жизни ценность. Их циклическая деградация доказала Кавинанту, что его ночные видения содержали в себе сырье для выживания. Ночь за ночью они дубасили его о жестокий и непоправимый закон проказы; удар за ударом они показывали ему, что полное подчинение этому закону является единственной защитой от нагноения, разъедающей гнили и слепоты. В течение пятого и шестого месяцев лечения в лепрозории он практиковался в ВНК и других упражнениях с маниакальным усердием. Глядя на пустые антисептичные стены палаты, он словно бы старался загипнотизировать себя с их помощью. Привычка отсчитывать часы между приемами лекарств постепенно стала подсознательной. Если же он допускал ошибку или хоть немного нарушал свой защитный ритм,

беспощадному самобичеванию потом не было конца.

Через семь месяцев врачи пришли к мнению, что его усердие — это не проходная фаза. Они имели все основания полагать, что прогресс его болезни остановился. И отправили его домой.

Возвращаясь поздно вечером к себе на Небесную Ферму, Томас думал, что готов ко всему. Он приучил себя спокойно относиться к отсутствию каких бы то ни было вестей от Джоан и к испуганному шараханью бывших своих друзей и знакомых, хотя эти обиды все еще причиняли ему боль, вызывая время от времени головокружительные приступы ярости и отвращения к самому себе. Оставшиеся в доме вещи Джоан и Роджера и опустевшая конюшня, где Джоан держала прежде лошадей, терзали его измученное сердце, словно едкая кислота, но он уже подчинил себя задаче сопротивляться таким раздражителям.

Тем не менее, ко всему он все-таки не был готов. Очередной шок оказался ему не по силам. После того, как он дважды и даже трижды проверил, действительно ли Джоан ничего не писала, и после разговора по телефону с юристом, который наводил для него справки, — смущение и волнение этого человека, казалось, можно было почувствовать даже через соединяющий их металлический провод — Томас отправился в свою хижину среди леса и занялся чтением написанного им начала второго романа.

Явное скудоумие собственного сочинения ошеломило его. Назвать эти каракули смехотворно-наивными было бы для них еще комплиментом. Он едва мог поверить, что эта высокомерная чушь написана им самим.

Той же ночью он перечитал свой первый роман, бестселлер. Затем, двигаясь с величайшей осторожностью, он разжег огонь в камине и бросил туда как новую рукопись, так и напечатанный роман.

"Огонь! — думал он. — Очищение. Если мне не суждено больше написать ни строчки, то, по крайней мере, я избавлю свою жизнь от этой лжи. Воображение! Как я мог быть настолько самоуверенным?"

И, глядя, как листки превращаются в серый пепел, он вместе с ними сжигал и свои мечты о дальнейшей

писательской деятельности. Впервые он ощутил, насколько верны были наставления врачей; ему надлежало подавить все свое воображение. Он не мог позволить себе развивать воображение — способность, с помощью которой можно представить Джоан, радость, здоровье. Если он будет терзать себя несбыточными желаниями, то это нанесет урон соблюдению того закона, который позволял ему выжить. Воображение Томаса могло убить его, или соблазнить, или обманом склонить к самоубийству: мысли о недоступном повергли бы его в отчаяние.

Когда огонь потух, Томас затоптал пепел ногами, как бы довершая уничтожение написанного.

На следующее утро он принялся за организацию своей жизни.

Первым делом он отыскал старую опасную бритву. Ее длинное лезвие из нержавеющей стали сверкало в флюоресцентном свете ванной, словно злобный плотоядный взгляд, но Томас намеренно загородил его от света, намылил лицо, боязливо облокотился о раковину и приблизил лезвие к горлу. Словно линия холодного огня пересекла его яремную вену — пронзительная угроза крови и гангрены, и возвращенной проказы. Если бы его лишенная двух пальцев рука соскользнула или дернулась, последствия могли бы быть самыми серьезными. Но Томас сознательно пошел на риск с тем, чтобы приучить себя к внутренней дисциплине, усилить свою бдительность при соблюдении основных правил выживания и подавить непокорность им. Бритье этим лезвием стало у него впоследствии особым ритуалом, ежедневной очной ставкой со своим положением.

По той же причине Томас повсюду стал таскать с собой острый перочинный нож. Как только он чувствовал, что его контроль ослабевает, что к нему возвращается воспоминание о надежде или любви, он доставал этот нож и колол себя в запястье.

Побрившись, он занялся домом. Сделал уборку, расставил мебель таким образом, чтобы выступавших углов было как можно меньше, чтобы свести до минимума угрозу острых краев и невидимых препятствий; он уничтожил все, обо что можно было споткнуться, ушибиться или пораниться, так что комнаты стало безопасно обхо-

дить даже в темноте; он сделал свой дом максимально похожим на камеру в лепрозории. Все опасное он поместил в комнату для гостей; покончив с этим, он запер ее и запрятал ключ подальше.

После этого Томас вернулся в свою хижину и тоже запер ее, предварительно выкрутив пробки, чтобы предотвратить возможность возгорания старой электропроводки.

Наконец он смыл пот с рук. Он мыл их с мрачным и одержимым видом; он ничего не мог с собой поделать — физическое чувство нечистоты было слишком сильно.

Грязный прокаженный!

Осень прошла в непрерывном балансировании на грани безумия. Темная сила пульсировала в нем, словно пиратская шпага застряла между ребрами, непреднамеренно раздражая его. Он чувствовал смертельную потребность выспаться, но не мог этого сделать, потому что во сне ему теперь стали чудиться кошмары разложения; несмотря на бесчувственность своего тела, он, казалось, ощущал, как оно живет. А пробуждение ставило его лицом к лицу с ужасным непоправимым парадоксом. Не имея никакой поддержки или ободрения со стороны других людей, он начал сомневаться в том, что сможет вынести всю тяжесть борьбы с ужасом и смертью; тем не менее эти ужас и смерть объясняли, делали понятным, почти оправданным его отчуждение и отказ других помочь или ободрить его. Его борьба была результатом тех же страстей, что обуславливали его изгнание; мысль о том, что с ним будет, если он откажется от борьбы, была ему ненавистной. Ненавистной была и мысль о том, что он вынужден вести безвыигрышную вечную борьбу. Но людей, которые сделали его духовное одиночество столь абсолютным, он ненавидеть не мог. Они всего лишь разделяли его собственный страх.

Единственной его опорой в этих обстоятельствах был сарказм. Он держался за свою отчаянную злобу, как за якорь спасения; чтобы выжить, ему нужна была ярость — ярость, позволявшая ему держаться за жизнь, словно накинув ей на шею удавку. Бывали дни, когда ярость не покидала его от восхода солнца до заката.

Но со временем даже эта страсть начала затихать. Из-

гнание было частью его закона; оно стало необратимым фактом, столь же реальным и обязательным, как земное притяжения, чума и бесчувственность. Если не удастся заставить себя подчиниться фактам, ему не удастся выжить.

Когда Томас смотрел из окна на ферму, то деревья, опоясывающие принадлежащий ему клочок земли и отгораживающие его от шоссе, казались такими далекими, что ничто не могло послужить мостом через эту пропасть.

Противоречию не было ответа. Пальцы Томаса беспомощно дернулись, так что он, бреясь, едва не поранил себя. Без страсти он не мог продолжать борьбу, однако все страсти покидали его.

По мере того, как проходила осень, он все реже и реже проклинал несбыточность желаний, в плену которых находился. Он бродил по лесу позади Небесной Фермы — высокий худой человек с диким взором, механической походкой и лишенной двух пальцев правой рукой. Любой острый камень, крутой уступ, заваленная тропа напоминали ему о том, что жизнь его зависит от осторожности, что стоит ему на мгновение ослабить бдительность, и все его беды исчезнут вместе с ним безболезненно и для всех незаметно.

Иногда, прикасаясь к стволу дерева и ничего не ощущая под рукой, он становился лишь еще более грустным, и только сам видел, какой конец его ожидает: сердце его станет таким же бесчувственным, как и тело, и тогда мир окончательно будет потерян.

Тем не менее, узнав о том, что кто-то заплатил за него по счету за электричество, он ощутил внезапное чувство сосредоточения, кристаллизацию, словно наконец опознал своего врага. Неожиданное это благодеяние ясно показало ему, что происходит. Горожане не только избегали его, но и активно действовали с целью лишить его всякого предлога появляться в их обществе.

Когда Томас впервые осознал эту опасность, его мгновенным побуждением было открыть окно и крикнуть так, чтобы голос раскатился в зимнем воздухе:

— Так и продолжайте! Черт меня задери, если вы мне нужны!

Однако вопрос этот был не настолько прост, чтобы его

можно было решить одной только бравадой. Когда зима постепенно рассеялась, превратившись в раннюю мартовскую весну, Томас пришел к выводу, что ему необходимо что-нибудь предпринять. Он был личностью, человеком, как и все остальные, и у него было сердце, живое и поддерживающее жизнь в его теле. И он не собирался покорно ждать, когда это сердце ампутируют.

Поэтому, получив очередной счет за телефон, он собрался с духом, тщательно побрился, надел одежду из плотной ткани, сунул ноги в крепкие ботинки на высокой шнуровке и отправился в двухмильный поход в город, чтобы лично уплатить по счету.

И вот теперь он стоял перед дверью телефонной компании, обуреваемый сомнениями, проносящимися в голове, словно грозовые тучи. Так прошло уже немало времени, а он все стоял перед дверью с надписью золочеными буквами, повторяя про себя: "Это бледная смерть". Потом он собрался с духом, распахнул дверь с силой штормового ветра и направился к девушке за стойкой с таким видом, словно она вызвала его на единоборство.

Чтобы унять дрожь в руках, он подошел и положил их ладонями на стойку. На мгновение лицо его исказила свирепая гримаса. Он сказал:

— Меня зовут Томас Кавинант.

Девушка была опрятно одета и казалась довольно миловидной. Томас заставил себя посмотреть ей прямо в лицо. Он увидел ничего не выражающий взгляд, направленный мимо него. И пока он выискивал в этом взгляде испуг или отвращение, девушка посмотрела на него и сказала:

— Я вас слушаю...

— Я хочу оплатить свой счет, — ответил Томас, подумав: "Она ничего не знает, просто не слышала обо мне".

— Пожалуйста, сэр, — отозвалась девушка. — Назовите ваш номер.

Томас назвал, и она томно проплыла в соседнюю комнату, чтобы проверить по картотеке.

Неопределенность ее отсутствия возродила страхи, и он почувствовал, как сжалось горло. Ему надо было как-то отвлечься, чем-то занять свое внимание. Внезапно

вспомнив о встрече на улице, он сунул руку в карман и извлек из него обрывок бумаги, который передал ему мальчик.

"Вы должны это прочитать", — вспомнил Томас. Он расправил обрывок на стойке и прочел полустертый печатный текст:

"Реальный человек, реальный во всех отношениях, внезапно обнаруживает, что он абстрагирован от мира и помещен в физическую ситуацию, которая не может существовать: звуки имеют запах, запахи обладают цветом и глубиной, зрительные образы осязательно ощутимы, прикосновения имеют высоту и тембр. Некий голос сообщает ему, что он был доставлен сюда, как защитник своего мира. Он должен сразиться в смертельном поединке с защитником другого мира. Если он потерпит поражение, он умрет, и его мир — реальный мир — будет разрушен, поскольку он лишен внутренней способности к выживанию.

Человек отказывается верить в то, что все, услышанное им, — правда. Он приходит к выводу, что либо спит, либо бредит, и отказывается стать частью ложной ситуации сражения насмерть, поскольку никакой "реальной" опасности не существует. Он непоколебим в своем решении не верить очевидной ситуации и не обороняется, когда его атакуют защитники другого мира.

Вопрос: является поведение этого человека мужеством или трусостью? Это фундаментальный вопрос этики".

"Этики! — фыркнул про себя Кавинант. — И кто только придумывает такую ерунду?"

В следующий миг вернулась девушка с вопросительным выражением на лице.

— Томас Кавинант? С Небесной Фермы? Сэр, на ваш счет был сделан вклад, который покрывает несколько месяцев. Разве вы недавно не присылали нам чек на большую сумму?

Внутренне Кавинант сжался, словно от удара, причинившего ему внезапную боль, потом схватился за стойку, заваливаясь набок, словно наскочивший на рифы галеон. Бессознательно он скомкал в кулаке клочок бумаги. Голова кружилась, в ушах эхом отдавались слова:

— Фактически все общества проклинают, отрекают, отталкивают вас от себя. У вас нет надежды.

Прилагая все силы, чтобы сдержать готовую прорваться ярость, он сосредоточил внимание на похолодевших ступнях и ноющих лодыжках.

С чрезвычайной осторожностью положив смятый клочок бумаги на стойку перед девушкой, Томас сказал, стараясь придать своему голосу выражение доверительности:

— Это, знаете ли, совсем не заразно. Можете не беспокоиться — от меня вы ничего не подхватите. Это не заразно, разве что для детей.

Девушка, хлопая глазами, смотрела на него, словно удивляясь смутности своих мыслей.

Его плечи сгорбились, ярость комком застряла в горле. Он повернулся со всем достоинством, на какое был способен, и вышел на улицу, громко хлопнув дверью.

— Дьявольщина! — чертыхался он про себя. — Дьявольщина и проклятье!

Чувствуя, как от ярости кружится голова, он оглядел улицу. Отсюда ему был виден город во всей своей зловещей величине. В направлении небесной фермы по обеим сторонам дороги теснились маленькие торговые предприятия, словно зубы готовых сомкнуться челюстей. Пронзительное солнце заставило Томаса почувствовать себя беспомощным и одиноким. Быстро осмотрев руки на предмет царапин или ссадин, он поспешил обратно. Онемевшие ноги едва держали его, словно асфальт стал скользким от отчаяния. Томасу казалось, что он проявил мужество, сдерживая желание пуститься бегом.

Через несколько минут впереди показалась громада здания суда. На тротуаре перед ним стоял старик-нищий. Он не двигался, по-прежнему глядя на солнце и что-то бессвязно бормоча. Его знак "Берегись!" был теперь бесполезен, словно предупреждение, которое пришло слишком поздно.

Когда Кавинант приблизился, его поразила отрешенность старика — нищие и фанатики, святые и пророки апокалипсиса дисгармонировали с этой улицей, залитой солнцем, нахмуренный приниженный взгляд каменных колонн не допускал подобной доисторической экзальтации. И горстки пожертвованных ему монет не хватило бы даже на скудный обед. Кавинант вдруг ощутил вне-

запную острую боль сострадания. Почти против своей воли он остановился перед стариком.

Нищий не шевельнулся, не прервал своего созерцания солнца, однако голос его изменился, и среди невнятного бормотания раздалось одно ясное слово:

— Дай.

Этот приказ, казалось, относился непосредственно к Кавинанту. Словно по команде, он снова опустил взгляд на чашу. Однако требование, попытка принуждения вызвали в нем новый приступ гнева.

— Я ничего тебе не должен! — тихо огрызнулся он.

Прежде чем он отошел, старик заговорил снова:

— Я предупреждал тебя.

Эти слова неожиданно подействовали на Кавинанта, как внутреннее озарение, как интуитивное суммирование всех переживаний, испытанных им в прошлом году. И решение мгновенно пробилось сквозь гнев. С перекошенным лицом он стянул с пальца обручальное кольцо.

До этого Томас никогда не снимал кольца; несмотря на развод и безжалостное молчание Джоан он продолжал носить его. Кольцо было как бы изобретением его самого. Оно напоминало ему, где он был прежде и где он теперь, о разбитых надеждах, утраченной дружбе, о беспомощности и его исчезающей человечности.

Теперь он сорвал его с левой руки и бросил в чашу.

— Это стоит больше, чем несколько монет, — сказал он и, спотыкаясь, побрел прочь.

— Подожди.

В этом слове прозвучала такая властность, что Кавинант снова остановился. Он стоял, не шевелясь, усмиряя свою ярость, и вдруг почувствовал, что старик взял его за руку. Тогда он повернулся и посмотрел в бледно-голубые глаза, такие пустые, будто они все еще разглядывали таинственный огонь солнца. Старик буквально излучал невиданную силу.

Внезапное чувство опасности, чувство близости к вещам, недоступным его пониманию, встревожило Кавинанта. Но он только отмахнулся от этого.

— Не прикасайся ко мне. Я прокаженный!

Отсутствующий взгляд, казалось, даже не задевал

его, словно Томаса здесь не было или глаза старика были незрячими; однако голос нищего был ясен и тверд:

— На тебе проклятие, сын мой.

Кавинант ответил, облизнув губы:

— Нет, старик. Это нормально, таковы уж люди. Пустышки.

И, словно ссылаясь на закон проказы, он добавил про себя:

"Поверхностность — отличительная черта жизни".

Вслух же он продолжал:

— Такова жизнь. Просто я придаю меньшее значение всяким пустякам, чем большинство людей.

— Такой молодой и уже такой несчастный!

Кавинант давно уже не встречал участия, и поэтому нечто, похожее на его проявление, оказало на него сильнейшее воздействие. Гнев отступил, хотя в горле так и остался комок, делая голос сдавленным и приглушенным.

— Идем, старик, — сказал Кавинант. — Не мы сотворили мир. Все, что нам остается, — это жить в нем. Все мы в одной лодке, так или иначе.

— Разве не мы?

Но, не дождавшись ответа, нищий снова принялся бормотать свой таинственные слова. Он удерживал Кавинанта, пока в пении не наступила пауза. Тогда в его голосе появилось нечто новое — агрессивный тон, который был направлен на неожиданную уязвимостью Кавинанта.

— Почему бы не покончить с собой?

В груди Кавинанта возникло такое чувство, словно на нее надавили, а сердце сжало спазмом. Голубые глаза излучали какую-то необъяснимую опасность. Томаса охватила тревога. Он хотел оторвать взгляд от старческого лица, провести процедуру ВНК, чтобы убедиться, что все в порядке, но не мог этого сделать; пустой взгляд удерживал его. Наконец он сказал:

— Это слишком легко.

На этот ответ не последовало возражений, но все же тревога росла. По принуждению воли старика он стоял над пропастью своего будущего и смотрел вниз, на вечные муки, которые мыслились и множились там. Он

вспоминал разные варианты смерти прокаженных. Но такие мысли придавали ему силы. Это было подобно пробному камню дружеских отношений в фантастической ситуации; и такое чувство снова опустило его на знакомую почву. Он почувствовал, что может отвернуться от собственного страха, чтобы сказать:

— Послушай, могу я для тебя что-нибудь сделать? Еда? Место для ночлега? Я могу поделиться с тобой всем, что у меня есть.

Глаза старика внезапно утратили опасный оттенок, словно Кавинант произнес какой-то решающий пароль.

— Ты уже и так сделал чересчур много. Такие подарки я возвращаю тем, кто их жертвует.

Он протянул чашу Кавинанту.

— Возьми кольцо обратно. Будь истинным. Не надо сдаваться!

Повелительный тон теперь исчез. Вместо него Кавинанту слышалась мягкая просьба. Он колебался, размышляя над тем, какое отношение может иметь к нему этот старик. Но надо было что-то ответить. Он взял кольцо и снова надел его на левую руку. Потом сказал:

— Все рано или поздно сдаются. Но я собираюсь выжить и жить так долго, сколько смогу.

Старик весь как-то осел, покосился, словно только что переложил груз пророчества или заповедей на плечи Кавинанта. Голос его звучал теперь совсем слабо:

— Может быть, так это и будет.

Не сказав больше ни слова, он повернулся и побрел прочь, опираясь на посох, будто изможденный пророк, уставший от предсказаний. Посох ударился о тротуар со странным звуком, как если бы дерево было тверже асфальта.

Кавинант смотрел вслед развевающемуся на ветру ржаво-коричневому плащу до тех пор, пока старик не повернул за угол и не скрылся из виду. Потом Томас встряхнулся и приступил к процедуре ВНК. Но взгляд его задержался на обручальном кольце. Оно едва держалось на пальце, словно вдруг стало очень велико ему.

"Проклятье! — подумал Томас. — На мой счет поступил вклад. Я должен что-то сделать, пока они не начали устраивать против меня на улицах баррикады".

Некоторое время он еще стоял на том же месте, пытаясь выработать план действий. Машинально поднял взгляд вверх, к каменным головам, венчающим колонны здания суда. В глазах у них было равнодушие, а на губах — судорога отвращения, изогнувшая их в вечной угрозе, непреодолимой и навеки незавершенной. И они подсказали ему идею. Молча послав им проклятие, он снова пошел вдоль улицы. Томас решил встретиться со своим юристом и потребовать, чтобы эта женщина, занимавшаяся его контрактами и финансовыми делами, нашла какое-то легальное средство против этой своеобразной черной благотворительности, которая отсекала его от города.

"Пусть оплату счетов аннулируют, — думал он. — Они не имеют права оплачивать мои долги без моего на то согласия".

Контора юриста находилась в здании на углу пересечения двух улиц, и Кавинанту надо было перейти на другую сторону дороги. Вскоре он уже стоял на перекрестке возле единственного в городе светофора. Он чувствовал, что надо спешить, действовать согласно тому, что он решил, прежде чем отвращение к юристам и всему общественному механизму в целом убедит его в том, что эта решимость является глупостью. Он с трудом подавил в себе искушение перейти дорогу на красный свет.

Сигнал менялся очень медленно, но вот, наконец, зажегся зеленый. Кавинант ступил на переход.

Не успел он сделать и трех шагов, как раздалась сирена. Из боковой улицы, мигая красными огнями, вылетела полицейская машина. На повороте из-за высокой скорости ее занесло в сторону, и она понеслась прямо на Кавинанта.

Он остановился, словно его вдруг стиснул невидимый кулак. Он хотел отскочить, но мог только стоять неподвижно, остановленный и удерживаемый на месте, и смотреть на морду несущегося на него автомобиля. На мгновение он услышал безумный скрип тормозов. Потом упал.

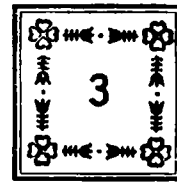
Падая, он смутно ощущал, что падает слишком быстро, что его еще не сбило машиной. Но ничего не мог с собой поделать; он слишком боялся, боялся столкнове-

ния. После всех предосторожностей и самозащиты так умереть! Потом в сознании возникла тяжелая тьма позади солнечного света и сверкающих окон магазина, и он услышал визг покрышек. Свет и дорога казались не чем иным, как рисунком на черном фоне; и теперь этот фон вспучился, заполняя все вокруг, добрался до Томаса и, поглотив, увлек его вниз. Тьма лучилась сквозь солнечный свет, словно луч холодного света в ночи.

Томас подумал, что видит все это в страшном сне. И совершенно некстати снова услышал слова старика:

— Это будет справедливо. Ты не должен сдаваться!

Тьма все лилась и лилась, затопляя день; и единственное, что Кавинант видел наверняка, — это красную искру огней полицейской машины, красную молнию, горячую и смертоносную, пронзающую его лоб, подобно копью.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПРЕДАТЕЛЬСТВУ

Некоторое время, которое можно было измерить только ударами сердца, Кавинант висел в темноте. Красный пронизывающий свет был единственной устойчивой точкой во всей вселенной, которая, казалось, кипела вокруг него. Он чувствовал, что мог бы увидеть тяжелое движение неба и земли, если б только знал, куда надо смотреть; но тьма и горячий красный луч, бьющий в лоб, мешали повернуться, и ему пришлось смириться с тем, что он не увидит бурливших вокруг него течений.

Под давлением этого свирепого излучения он мог вполне отчетливо чувствовать в висках каждый толчок своего пульса, словно его разум, а не сердце, ковал жизнь. Толчки были редкими, слишком редкими для полноты восприятия, испытываемого им. Он не мог их понять, не мог понять, что с ним происходит. Но каждый удар потрясал его, как если бы сама структура мозга подвергалась опасности.

Внезапно проклятое световое копье дрогнуло и расщепилось надвое. Он двигался к свету, или свет приближался к нему. Два горящих пятна оказались глазами.

В следующее мгновение он услышал смех — высокий, вызывающий, ликующий хохот, полный триумфа и застарелой злобы. Раздавшийся затем голос был похож на злорадный петушиный крик, предвещающий рассвет в аду, и при этом звуке сердце Кавинанта затрепетало.

— Готово! — кудахтал голос. — Я! Мой!

И снова перешел в визгливый хохот.

Теперь Кавинант был достаточно близко, чтобы отчетливо видеть глаза. Они не имели ни белков, ни зрачков — красные шары заполняли глазные впадины, и свет бурлил в них, словно лава. Этот жар был так близок, что Кавинант обжег лоб.

Потом глаза вспыхнули и, казалось, воспламенили пространство вокруг. Языки пламени, вырываясь из них, окружили Кавинанта зловещим сиянием.

Он оказался в глубокой каменной пещере. Ее стены ловили и удерживали свет, так что в пещере было светло от одного сверкания глаз. Камень казался гладким, но разбитым на сотни неправильных граней, словно пещеру вырезал блуждающий нож. По всей окружности пещеры, словно открытые рты, зияли проходы. Высоко над головой свод переходил в густой пучок сталактитов, но пол оказался плоским и мертвым, как будто по нему пробежало множество ног. Свет отражался на сталактитах, так что их гроздь переливалась красным светом.

Пещеру наполняло отвратительное зловоние, ядовитый запах с болезненной сладковатой примесью — горящая сера над испарениями гниющей плоти. Кавинант зажал лицо руками, чтобы не слышать этой вони и не видеть существа, чьи глаза удерживали его.

На небольшом возвышении около центра пещеры, распластавшись по полу, лежало существо с длинными костлявыми конечностями и с кистями рук, огромными и тяжелыми, как лопаты, с тощим горбатым туловищем и головой, похожей на таран или стенобитное орудие. Оно чуть пошевелилось, и его колени поднялись почти до уровня шеи. Одной рукой оно держалось за скалу перед собой, другой сжимало длинный деревянный жезл с металлическим наконечником и с затейливой резьбой по всей длине. Его оскаленный рот свело судорогой смеха, глаза, казалось, пузырились, подобно магме.

— Ха! Готово! — снова взвизгнуло оно. — Вызвал его. Моя сила! Убить их всех!

Напыщенно проповедуя визгливым голосом, оно одновременно пускало голодную слюну.

— Лорд Друл! Хозяин! Я!

Существо вскочило на ноги, подпрыгивая в безумной гордости. Оно начало приближаться к своей жертве, и Кавинант отшатнулся с отвращением, которое не мог контролировать.

Удерживая жезл обеими руками возле центра пещеры, существо завопило:

— Убить тебя! Взять твою силу! Сокрушить их всех!

Стать Лордом Друл! — Оно подняло жезл, словно хотело им ударить Кавинанта.

Тогда в пещере раздался другой голос. Он был глубоким и звучным, достаточно сильным, чтобы легко заполнить пространство, и в то же время каким-то мертвенным, словно голос бездны.

— Назад, Каменный Червь! — скомандовал он. — Эта жертва слишком жирна для тебя. Я беру его себе.

Существо задрало голову к потолку и закричало:

— Мое! Мой жезл! Ты видел! Я вызвал его! Ты видел!

Кавинант, следуя направлению взгляда красных глаз, тоже посмотрел вверх, но ничего не увидел, кроме головокружительной светотени сросшихся каменных игл.

— Тебе была оказана помощь, — возразил глубокий голос. — Жезл был для тебя слишком сложной штукой. Ты мог уничтожить его, просто придя в раздражение, если бы я не обучил тебя некоторым приемам обращения с ним. А моя помощь имеет свою цену. В дальнейшем можешь делать все, что тебе заблагорассудится. Я же требую отдать мне эту награду. Она принадлежит мне!

Ярость существа внезапно стихла, как если бы оно вспомнило о какой-то тайной выгоде.

— Мой жезл! — злобно пробормотало оно. — Я владею им. Твоей безопасности пришел конец.

— Ты угрожаешь мне? — рассвирепел глубокий голос, и таящиеся в нем угрозы стали ощутимо ближе. — Смотри и берегись! Друл Каменный Червь, близится твой час! Берегись! Я начинаю!

Послышался низкий гнетущий скрежет, как будто издаваемый огромными зубами, и между Кавинантом и Друлом зазмеился холодный туман. Его становилось все больше и больше, он бурлил и сгущался до тех пор, пока совсем не скрыл Друла от глаз Кавинанта. Сначала туман смешался со светом горящих камней, но по мере того, как он клубился, заполняя пещеру, его красноватый цвет переходил в характерный для смогов влажный серый оттенок. Отвратительные испарения таяли, превращаясь в более приятный запах эфирного масла — запах похоронных церемоний. Хотя в тумане ничего не было видно, Кавинант чувствовал, что он больше не в пещере Друла.

Перемена не принесла ему облегчения. Страх и замешательство мучили его, словно он погрузился в кошмар. Этот бестелесный голос приводил его в ужас. Ноги его дрожали и подгибались, и он упал на колени посреди клубившегося вокруг тумана.

— С твоей стороны весьма любезно было бы вознести мне молитву, — нараспев произнес голос. Его мертвенность шокировала Кавинанта, как очная ставка с ужасным убийством.

— Для человека, судьба которого потерпела такое крушение, нет иных надежд и иной помощи. Мой враг не поможет тебе. Именно он выбрал тебя для этой участи. А если уж он выбрал, то не отступает; он берет.

В голосе послышалось явное презрение, царапнув по нервам Кавинанта.

— Да, вознося мне молитвы, ты поступил бы благоразумно. Я могу освободить тебя от твоей ноши. Попросишь ли ты у меня здоровье и силу — и то, и другое я могу тебе дать. Потому, что я начал наступление на это время, и будущее за мной. Теперь уже я не потерплю поражения.

Разум Кавинанта все еще испытывал шок от голоса. Но упоминание о здоровье не прошло незамеченным, и сердце его подпрыгнуло. Он ясно чувствовал, как оно бьется в груди, как оно борется против бремени страха. Но все же он был еще слишком ошарашен, чтобы говорить.

А голос тем временем продолжал:

— Кевин был глупцом — обреченным, слабоумным и безвольным. Все они глупцы. Смотри же, подхалим. Могущественный высокий Лорд Кевин, сын Лорика и правнук Берека, Лорда-творца, которого я ненавижу, стоял там, где ты стоишь теперь на коленях, и собирался уничтожить меня. Он раскрыл мои планы, определил некую меру моего настоящего роста, хотя дурак долгие годы помещал меня в Совете справа от себя, не чувствуя угрожающей ему опасности; и наконец он понял, кто я такой. Потом между нами началась война — война, взорвавшая Запад и угрожавшая самой его драгоценной Колыбели. Кулак собрата был моим, и он это знал. Когда его армии дрогнули, а сила его ослабла, он впал в отчаяние, и в

своем отчаянии стал моим. Он думал, что все еще может полностью уничтожить меня. И потому встретил меня в той самой пещере, из которой я тебя спас, называющейся "Кирил Френдор Сердце Грома".

Друл Каменный Червь не знает, что это за скала, на которой он стоит. И не только он не знает об этом. Но о самых сокровенных своих планах я молчу. В определенном смысле он неплохо мне служит, хотя и сам того не подозревает. Таким же образом будешь служить мне и ты, и эти застенчивые Лорды, независимо от того, захотите вы этого или нет. Пусть они еще немного поплутают в своих ничтожных тайнах, едва ли опасаясь того, что я жив. Они не овладели и седьмой частью учения Кевина, и все же в своей гордыне они осмеливаются именовать себя Друзьями Земли, служителями мира. Слепцы, они не замечают собственного высокомерия. Но я научу их видеть его.

По правде говоря, для них уже слишком поздно. Они придут в Кирил Френдор, и я преподам им кое-какие уроки, которые омрачат им душу. Это соответствует. Там меня встретил Кевин и в отчаянии бросил мне вызов. И я его принял. Глупец? Я едва мог говорить, смех душил меня. Он думал, что подобные заклинания могут обескуражить меня!

Но сила, которая меня поддерживает, существует с момента сотворения времени. Поэтому когда Кевин бросил мне вызов спустить с привязи силы, которые превратят страну и всех ее проклятых созданий в пыль, я принял этот вызов. Да, и смеялся до тех пор, пока на его лице не появилось сомнение, прежде чем наступил конец. Этот глупец сам стал виновником того, что время Старых Лордов подошло к концу, а я остался. Я! Вместе были мы в Кирил Френдор — слепой Кевин и я. Вместе произнесли Ритуал Осквернения. Ах, глупец! Он уже был моим рабом, сам того не зная. Полный гордости за свое учение, он не подозревал, что тот самый закон, которому он служит, сохранил меня в этом катаклизме, а почти все его люди погибли.

Правда, на некоторое время я ослабел. Тысячу лет я зализывал раны, как побитая дворняга. За это мне еще заплатят, за это и за многое другое, когда я взыщу все,

что мне причитается. Но я не был уничтожен. И когда Друл нашел посох и узнал его, но не смог им воспользоваться, я снова решил поймать судьбу за хвост. Будущее этой жизни будет принадлежать мне, и я распоряжусь им по-своему. Так что молись мне, подхалим, отвергай судьбу, созданную для тебя моим врагом. Раскаиваться тебе не придется.

Туман и наполненный запахом эфирного масла воздух, казалось, ослабили Кавинанта, словно из его крови выкачали всю силу. Но сердце еще билось, и в этом он пытался найти защиту от страха. Обхватив себя руками, он скорчился, стараясь спастись от холода.

— Какую судьбу? — заставил себя произнести он. Его голос, зазвучавший в тумане, был жалким и потерянным.

— Он хочет, чтобы ты стал моим последним противником. Он выбрал тебя — тебя, низкопоклонник, ибо в твоих руках сила, какой прежде не видел ни один смертный, — выбрал, чтобы уничтожить меня. Но я докажу ему, что одолеть меня не так-то просто. У тебя есть сила — могучая магия, которая в данный момент сохраняет тебе жизнь, но ты никогда не узнаешь, что это такое. Ты не сможешь в итоге сражаться со мной. Нет, ты — жертва его надежд, и я не могу освободить тебя с помощью смерти. Пока не могу. Но мы можем повернуть эту силу против него самого и полностью лишить его Земли.

— Здоровье? — Кавинант мучительно посмотрел вверх. — Ты говорил о здоровье?

— Сколько будет угодно твоей душе, подхалим. Только молись мне, пока я терпелив.

Однако презрение голоса ранило слишком глубоко. Сквозь рану Кавинанта ключом забила сила. Он начал сражаться; с трудом поднимаясь с колен, он подумал:

"Нет, я не подхалим!"

Сцепив зубы, чтобы унять дрожь, он спросил:

— Кто ты?

Словно почувствовав свою ошибку, голос стал мягче.

— У меня много имен, — сказал он. — Для Лордов Ревлстона я — Лорд Фаул Презренный; для Гигантов морского пространства — Сердце Сатаны и Губитель Душ. Рамены называют меня "Ядовитый Клык". В ви-

дениях Стражи Крови я — Порча. Но люди Страны называют меня Серый Убийца.

Кавинант внезапно произнес:

— Забудь об этом!

— Глупец! — проскрежетал голос, и его сила распяла Кавинанта на скале. Прижатый лбом к камню, он лежал и с ужасом ждал, когда гнев голоса истребит его. — Сейчас я пока никак не прореагирую на твои претензии. Но я не забуду этого. Я вижу, что твое самолюбие задето моим презрением, подхалим. Прежде, чем с тобой будет покончено, я открою тебе истинное значение презрения. Но это будет не сейчас. Пока это не в моих планах. Скоро я буду достаточно силен, чтобы вырвать у тебя магическую силу, и тогда ты на собственном горьком опыте убедишься, что презрение мое безгранично так же, как и мои желания.

Но я и так уже потерял достаточно времени. Теперь к делу. Слушай меня внимательно, подхалим. У меня есть для тебя задание. Ты доставишь мое послание в Ревлстон, в Совет Лордов.

Скажи Совету Лордов и высокому Лорду Тротхоллу, сыну Даиллиана, что максимальный срок оставшихся им в Стране дней составляет семь раз по семь лет с настоящего времени. Когда этот срок истечет, я возьму управление жизнью и смертью в свои руки. И как знак того, что все сказанное мною — правда, скажи им следующее: Друл Каменный Червь, Пещерное Существо Горы Грома, нашел Посох Закона, который был потерян Кевином при Ритуале Осквернения десять раз по сотне лет назад. Скажи им, что задача их поколения — вернуть себе Посох. Без него они не смогут сопротивляться мне и семи лет, и моя победа будет достигнута на шесть раз по семь лет скорее, чем было бы в обратном случае.

Что же касается тебя самого, низкопоклонник: не вздумай ослушаться моего приказа. Если послание не будет доставлено в Совет, то тогда все люди Страны будут мертвы прежде, чем минует десять сезонов. Тебе не понять, но я повторяю, что Друл Каменный Червь владеет Посохом, и это причина для страха. Он сядет на трон в Колыбели Лордов через два года, если послание не дойдет. Пещерные Существа уже собираются на его зов: и

волки, и юр-вайлы Демонмглы откликаются на власть Посоха. Но война — это еще не самое худшее. Друл все глубже зарывается в темные недра Горы Грома — Грейвин Френдор, Пик Огненных Львов. А в глубинах земли таится проклятие, слишком могущественное и ужасное, чтобы кто-то из смертных мог справиться с ним. Оно навсегда превратило бы вселенную в ад. И это проклятие ищет Друл. Он ищет Камень Иллеарта. Если он станет его хозяином, закону придет конец и наступит конец самого времени.

Выполни как следует мое поручение, подхалим. Ты уже знаком с Друлом. Разве привлекает тебя перспектива отдать концы у него в лапах?

Голос умолк, и Кавинант схватился руками за голову, пытаясь укрыться от эха угроз Фаула.

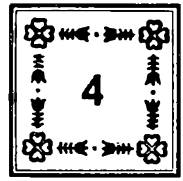
"Это сон, — думал он. — Это сон!"

Но непроницаемый туман заставлял чувствовать его пойманным в ловушку, заключенным, словно в капсулу, в безумие. Он содрогнулся от силы, с которой желал избавления и тепла.

— Уходи! Оставь меня!

— Еще два слова, — сказал Фаул. — Последнее предупреждение. Не забывай, кого следует опасаться в конце. Мне приходилось довольствоваться убийствами и мучениями. Но теперь мой план готов, и я приступил к его осуществлению. Я не остановлюсь до тех пор, пока не искореню в Стране надежду. Подумай над этим и ужаснись!

Последнее слово "ужаснись" долго еще висело в воздухе, в то время, как вокруг нарастал шум размалывания — огромные валуны перемалывались между собой в более мелкие камни. Этот звук обрушился на Кавинанта, потом пронесся мимо него и исчез, оставив Томаса на коленях, с головой, зажатой в руках, и с разумом, опустевшим от страха. Он оставался неподвижным до тех пор, пока наступившую тишину не сменил низкий гул ветра. Тогда он испуганно открыл глаза и увидел солнечный свет на камне прямо перед собой.

СМОТРОВАЯ КЕВИНА

Растянувшись, он долго лежал неподвижно, ожидая, чтобы солнечные лучи как следует прогрели его продрогшее в тумане тело. Ветер тихо и монотонно свистел вокруг, не задевая его; и вскоре после того, как Лорд Фаул исчез, Кавинант услышал голоса далеких птиц. Он лежал неподвижно и глубоко дышал, набирая новую силу в конечности, благодарный за солнце и конец кошмара.

Однако в конце концов он вспомнил, что во время происшествия на улице рядом с ним находилось несколько человек. Они хранили странное молчание; сам город, казалось, умолк. Должно быть, полицейская машина нанесла ему более тяжкие повреждения, чем он предполагал. Беспокойство прокаженного заставило его рывком встать на четвереньки.

Томас обнаружил, что под ним гладкая каменная плита. Она располагалась по кругу десяти футов диаметром и была окружена бортиком высотой фута в три. Над головой бесконечной аркой голубело небо. Оно накрывало куполом обнесенную бортиком площадку, и казалось, что плита каким-то невероятным образом плывет в небесах.

"Нет. — У Кавинанта пересохло в горле. — Где?"

Потом задыхающийся голос позвал:

— Эй!

Сердце у Томаса дрогнуло.

— Что это?

— Смотровая Кевина. Тебе что-нибудь нужно?

Что все это значит, черт побери?

Внезапно сзади послышалось какое-то царапанье. Мускулы Кавинанта напряглись, он нырнул к бортику и, повернув голову, прижался к нему спиной.

Напротив него, отделяемая пропастью воздушного пространства, за бортиком стояла гора. Ее громада высилась, поднимаясь из скал, достигавших уровня площадки, на которой находился Кавинант, и оканчивалась освещенной солнцем вершиной, где все еще лежал снег. Вершина выносилась далеко в небо, а отвесные стены горы заслонили почти половину видимого с плиты горизонта. Сначала Томасу показалось, что гора совсем близко, но мгновением позже он понял, что его отделяет от нее по меньшей мере расстояние, равное броску камня. Прямо напротив горы в бортике был пролом. Низкий царапающий звук, казалось, доносился из этого пролома.

Кавинант хотел пересечь плиту и выяснить, что представляет собой источник этого звука. Но сердце билось тяжело и медленно, и он не мог сдвинуться с места. Томас боялся того, что мог увидеть.

Звук приближался. Прежде, чем Кавинант смог как-то отреагировать, в проеме появились голова и плечи девушки, а потом и ее руки, уцепившиеся за камень. Когда она заметила Томаса, то остановилась и в свою очередь уставилась на него.

Ее длинные густые волосы — каштановые, с отблесками бледно-медового — развевались на ветру, кожа была покрыта густым загаром, и темно-синее платье с узорами из белых листьев еще больше подчеркивало этот загар. Она тяжело дышала и вся раскраснелась, словно только что закончила долгий подъем. Кавинант уловил дружелюбное удивление и интерес.

На вид ей было не более шестнадцати лет.

Откровенность ее вопрошающего взгляда уменьшила его страдания. Он смотрел на нее, как на привидение.

После минутного колебания она выдохнула:

— С вами все в порядке?

Потом возбужденно зачастила:

— Я никак не могла решить, пойти ли мне самой или поискать помощи. С горы я увидела серую тучу над Смотровой Кевина, внутри нее, казалось, шло какое-то сражение. Я видела, как вы стояли, а потом упали. Я не знала, что делать. Потом я подумала, что лучше вовремя оказать хоть какую-то помощь, чем оказать настоящую

помощь, но слишком поздно. Вот я и пришла. — Она сделала паузу, потом опять спросила: — С вами все в порядке?

В порядке?

Но его же сбили!..

Его руки были только оцарапаны и ссажены, словно он пытался с их помощью смягчить удар при падении. Голова от удара слегка болела. Но одежда была в целости, и по ней нельзя было определить, что Кавинанта сбили и он проехался по асфальту.

Он ощупал тело немыми пальцами, ощупал живот и ноги, но не ощутил при этом никакой острой боли. Казалось, он почти не пострадал.

Но ведь должна же была машина куда-то его ударить!

Ну? Он смотрел на девушку, словно слова вдруг утратили всякий смысл.

Видя, что он молчит, она собралась с духом и, взобравшись на плиту, встала перед ним на фоне горы. Он увидел, что на ней надето темно-голубое платье, похожее на длинную тунику, с белым шнурком, стянутым на поясе. На ногах у нее были сандалии, завязанные на лодыжках. Фигурка ее была тонкая и изящная, а красивые глаза широко раскрыты от испуга, неуверенности и любопытства. Она сделала два шага в его направлении, словно боялась подвоха, потом опустилась на колени, чтобы поближе взглянуть на этого ошарашенного, ничего не понимающего человека.

Что это еще за чертовщина?

Голосом, в котором звучали осторожность и уважение, она спросила:

— Чем я могу вам помочь? Вы — чужой в Стране, я это поняла. Вы сражались в ядовитом облаке. Приказывайте.

Его молчание, казалось, смущало ее. Она опустила взгляд.

— Вы не хотите говорить?

Что со мной происходит?

В следующий миг она задохнулась от волнения и, указывая с благоговением на его правую руку, вскричала:

— Полурукий! Значит, легенды оживают снова?! — Изумление озарило ее лицо. — Берек Полурукий! — прошептала она. — Это правда?

Берек? Сначала он не мог вспомнить, где уже слышал это имя. Потом до него дошло. Берек! В холодном страхе он осознал, что кошмар не кончился, что и эта девушка, и Лорд Фаул были частью одного и того же сна.

Он снова увидел тьму, сгущавшуюся в ярком голубом небе. Она клубилась над ним, била по голове, словно крылья стервятника.

Где?..

Неуклюже, словно суставы заледенели от ужаса, Кавинант поднялся на ноги.

Мгновенно его глазам открылась грандиозная панорама внизу и приковала к себе взгляд, как будто его ударили дубинкой радости и ужаса. Он находился на каменной платформе в четырех или более тысячах футов над землей. Птицы скользили и вились под его ногами. Воздух был чист и прозрачен, словно кристалл, и сквозь него обширная картина пейзажа казалась неимоверно громадной, так что глазам стало больно, когда он попытался увидеть ее полностью. Прямо под ним уходили вдаль горы; по обе стороны до самого горизонта простирались равнины, среди гор слева блестела серебром на солнце река. Все сияло весной, словно только что появилось на свет в утренней росе.

Проклятье!

Головокружительная высота заставила его пошатнуться. Крылья стервятника-тьмы били по голове. Земля завертелась перед глазами.

Кавинант не знал, где он. Никогда прежде не доводилось ему видеть ничего подобного. Как он сюда попал? Его сбила полицейская машина, и Фаул доставил его сюда. Фаул доставил его сюда?

Доставил сюда?

Невредимым?

В ужасе он бросился прочь от девушки. Тремя неверными шагами он достиг пролома в парапете. Тут он увидел, что находится на вершине узкого каменного острия по меньшей мере пятидесяти футов высотой, который наклонно отделялся от основания утеса подобно пальцу, обвиняющему небо. В поверхности этой колонны были вырублены неглубокие ступени, образующие крутую лестницу.

В течение какого-то головокружительного мгновения он тупо думал:

"Я должен выбраться отсюда. Все это происходит не со мной!"

Потом все безумие этой ситуации дошло до сознания, обрушилось на него из вращающегося воздуха подобно когтям кондора. Он споткнулся, пучина бездны разверзлась перед ним. Он молча закричал:

— Нет!

Когда он стал падать вперед, девушка поймала его за руку, повисла на ней. Он очнулся, качнулся назад и упал на колени внутри парапета, подтянул колени к груди и закрыл голову руками.

— Безумие! — кричал он, произнеся в действительности нечленораздельные звуки.

Тьма, словно тошнота, клубилась в его головее. Картины сумасшествия вставали в сознании.

Как?

Невозможно!

Он переходил улицу. Он отчаянно цеплялся за этот факт. Горел зеленый свет.

Где?

Он был сбит полицейской машиной.

Невозможно!

Она целилась прямо ему в сердце, и она нанесла удар.

И не причинила ему вреда?

Сумасшествие. Я схожу с ума, схожу, схожу, схожу.

И не причинила вреда?

Кошмар. Ничего этого нет, нет, нет!

Сквозь белые вихри отчаяния чья-то рука внезапно схватила его за руку и сжала ее сильно и настойчиво. Она держала его, как якорь.

Кошмар! Я сплю, сплю!

Эта мысль пронзила его охваченный ужасом мозг, как откровение. Сплю! Конечно же, он спал. Бессознательно пытаясь перехитрить самого себя, он постарался восстановить новую картину. Его сбило полицейской машиной, он потерял сознание. Сотрясение мозга. Возможно, он отключился на несколько часов, даже дней. И пока он не пришел в сознание, ему снится этот сон.

Это был ответ. Кавинант ухватился за него, словно

это была рука девушки, державшая его напряженную руку. Ответ помог ему преодолеть головокружение, упростить страх. Но этого было недостаточно. Тьма все еще кружилась над ним, словно он был падалью, брошенной Фаулом.

Как?

Откуда берутся такие сны?

Мысль об этом была непереносима, он мог сойти с ума. Кавинант отогнал ее от себя, словно она уже начала вгрызаться в его кости.

Не думай об этом. Не пытайся понять. Сумасшествие, безумие — единственная опасность. Выжить! Вперед! Делай что-нибудь. Не оглядывайся назад!

Он заставил себя открыть глаза, и как только в них ударил солнечный свет, тьма отступила, отползла на задний план и крадучись, медленно последовала за ним, словно дожидаясь, когда он обернется, посмотрит на нее и станет ее жертвой.

Девушка стояла возле него на коленях. Она взяла его увечную правую руку в свои ладони, и в глазах ее, словно слезы, стояла тревога.

— Берек, — с болью прошептала она, когда их взгляды встретились. — О, Берек! Какой недуг терзает тебя? Я не знаю, что делать.

Она сделала уже достаточно — помогла ему овладеть собой, оказать сопротивление натиску опасных вопросов, на которые он не мог ответить. Но пальцы его оставались немы, на некоторых прикосновения ее руки он вообще не чувствовал. Подтянувшись, он принял сидячее положение, хотя это движение заставило его снова почувствовать слабость.

— Я прокаженный, — слабым голосом произнес он. — Не прикасайся ко мне.

Поколебавшись, она разжала пальцы, словно не была уверена в том, отдает ли он отчет своим словам, знает ли, о чем говорит.

С усилием, из-за слабости показавшимся ему невероятным, Кавинант отнял свою руку.

Она огорченно закусила нижнюю губу. И, словно испугавшись, что обидела его, отодвинулась назад и села, прислонившись к противоположной стене парапета.

Но он видел, что ее разбирает любопытство. Она не могла долго оставаться неподвижной. Через минуту она мягко спросила:

— Разве это нехорошо — прикасаться к тебе? Я не хотела причинить тебе зла. Ты — Берек Полурукий, Лорд Создатель. Зло, которого я не могла увидеть, напало на тебя. Как я могла спокойно смотреть на твои муки?

— Я прокаженный, — повторил он, пытаясь собраться с силами. Но выражение на ее лице показало ему, что это слово ничего ей не говорит. — Я болен, у меня болезнь. Ты не знаешь всей опасности.

— Если я прикоснусь к тебе, то тоже буду "больной"?

— Кто знает? — Потом, почти не веря своим глазам и ушам, он спросил: — Ты не знаешь, что такое проказа?

— Нет, — ответила она, и в ее голосе послышалось прежнее изумление. — Нет. — Она покачала головой, и волосы мягко закачались вокруг ее лица. — Но я не боюсь.

— Бойся! — проскрежетал он. Неведение и невинность девушки привели его в неистовство. За ее словами чудились крылья, бьющие, словно ножами. — Эта болезнь вгрызается в человека. Она вгрызается до тех пор, пока его пальцы, и ступни, и руки, и ноги не сгниют и не отвалятся. Она делает его слепым и безобразным.

— Можно ее вылечить? Может быть, Лорды...

— Спасения от нее нет.

Он хотел продолжить, излить часть той горечи, которую оставил в нем Лорд Фаул. Но он был слишком измучен, чтобы удержать гнев. Ему надо было отдохнуть и подумать, изучить положение, в которое он попал.

— Тогда как я могу помочь тебе? Я не знаю, что делать. Вы — Берек Полу...

— Да нет, — выдохнул он.

Девушка уставилась на него, и к ее изумлению он повторил:

— Нет.

— Тогда кто? Вы обладаете рукой-предзнаменованием, поскольку легенды говорят, что Берек Полурукий может прийти снова. Вы Лорд.

Усталым жестом он ответил на ее вопросы. Ему надо было подумать. Но как только он закрыл глаза и оперся

спиной на парапет, то почувствовал, как внутри поднимается страх. Надо было двигаться, идти вперед, лететь по дороге сна.

Он снова сосредоточил взгляд на лице девушки. И в первый раз за все время заметил, что она хорошенькая. Даже ее благоговение, внимание, с которым она ловила каждое его слово, было привлекательным. И она не боялась прокаженных.

Поколебавшись еще мгновение, он сказал:

— Я — Томас Кавинант.

— Томас Кавинант? — Его имя в ее устах прозвучало довольно неуклюже. — Странное имя. Достаточно странное, чтобы соответствовать вашей странной одежде. Томас Кавинант. — Она склонила перед ним голову в медленном поклоне.

"Странно", — мягко подумал он. Странность была взаимной. Он все еще не имел представления, с чем ему придется иметь дело в этом сне. Надо было хотя бы выяснить, где он находится. Следуя примеру девушки, он спросил:

— Кто вы?

— Я Лена, — официальным тоном сообщила она, — дочь Этьеран. Мой отец — Трелл, Гравлингас радхамаэрля. Наш дом находится в Подкаменье Мифиль. Ты был там?

— Нет. — Ему хотелось спросить ее, что такое "подкаменье", но были вопросы и поважнее. — Где... — Слово застряло у него в горле, как будто это была опасная уступка тьме. — Где мы?

— Мы на Смотровой Кевина.

Легко вскочив на ноги, она простерла руки к зелени и небу.

— Смотри!

Подбадривая себя, Кавинант повернулся и встал на колени возле парапета. Упираясь грудью в его край, он заставил себя посмотреть.

— Это Страна, — радостно сказала Лена, словно распростертая внизу зелень обладала силой, вызывающей в ней трепет. — Она уходит далеко за пределы взгляда на север, на запад и на восток, хотя старые баллады говорят, что Высокий Лорд Кевин, стоя здесь, мог видеть всю

Страну и всех ее людей. Поэтому место и назвали "Смотровой Кевина". Неужели вы этого не знаете?

Несмотря на холодный ветер, Кавинант обливался потом. От головокружения у него подкосились ноги, и только острый каменный край прямо напротив сердца позволял ему сохранять над собой контроль.

— Я ничего не знаю! — простонал он прямо в открывающуюся пропасть.

Лена с любопытством взглянула на него, но через минуту снова повернулась лицом к Стране. Протянув тонкую руку в направлении северо-запада, она сказала:

— Это река Мифиль. Наше Подкаменье находится рядом с ней, но его не видно из-за этой горы. Река течет с горной цепи Саутрон, что позади нас, и впадает в черную реку. Там — северная граница южных равнин, где почва неплодородна, и почти никто не живет. В южной равнине только пять Подкаменьев. Но в этой горной цепи, уходящей на север, живет несколько Вудхельвенов.

К востоку от этих гор находятся равнины Ра. — Ее голос словно заискрился, когда она продолжила. — Это владения диких свободных лошадей — Ранихинов, а Раменьг служат им. Они летают над равнинами на расстоянии в целых пятьдесят лье и позволяют стать своими всадниками только тем, кого сами выберут.

Ах, Томас Кавинант, — вздохнула она. — Моя мечта — увидеть этих лошадей. Большинство моих сородичей довольствуются тем, что имеют. Они мало путешествуют и не видели много того, что видели жители Вудхельвенов. Но я мечтаю побродить по равнинам Ра и увидеть мчащихся лошадей.

После долгой паузы она продолжила:

— Вот эти горы и есть цепь Саутрон. Позади них лежат пустыри и Серая пустыня. Там нет жизни, и никто туда не ходит; вся Страна находится к северу, западу и востоку от нас. И мы стоим на Смотровой Кевина, где во время последней битвы стояли высочайшие из Старых Лордов, прежде чем наступило Запустение. Наш народ помнит об этом и избегает Смотровой, как места с плохой репутацией. Но Этьеран, моя мать, приносила меня сюда, чтобы здесь рассказать мне о Стране. И через два года я буду уже достаточно взрослой, чтобы поступить в Лос-

раат и учиться самой, как когда-то моя мать. Знаете ли вы, — с гордостью произнесла она, — что моя мать училась у Ловарденов?

Она посмотрела на Кавинанта так, словно ожидала увидеть произведенное этими словами впечатление. Но потом опустила взгляд и пробормотала:

— Но вы — Лорд, и все это вам известно. Вы слушаете меня так, будто готовы посмеяться над моим невежеством.

Зачарованный ее голосом и все еще находясь во власти головокружения, Кавинант вдруг на мгновение увидел Страну такой, какой она, должно быть, была после Ритуала Осквернения, проведенного Кевином. За блеском ослепительного утра он увидел расколотые огнем скалы, выжженную почву, протухшую воду, сочащуюся из отвратительных болот в русло реки. И над всем этим густой мрак безмолвия: ни птиц, ни насекомых, ни животных, ни людей — ничего живого, что могло бы шевельнуть листком, прожужжать, пролаять или погрозить пальцем в ответ на все эти разрушения. Потом глаза залило потом, заволокло, словно слезами. Кавинант отогнал от себя видение и снова сел, прислонившись спиной к стене.

— Нет, — пробормотал он, обращаясь к Лене, — ты не так поняла. Я свое уже отсмеялся давным-давно.

Теперь, казалось, он видел способ идти вперед, бежать от темного безумия, парившего над ним. В этом кратком видении он нашел тропинку своего сна. И без всякого перехода, чтобы избавиться от необходимости задавать конкретные вопросы или отвечать на них, он сказал:

— Мне надо попасть в Совет Лордов.

По лицу девушки Кавинант видел, что она хочет спросить, зачем это ему. Но, казалось, она чувствовала, что не вправе задавать ему подобные вопросы. Упоминание о Совете только еще более возвысило его в ее глазах. Она двинулась к лестнице.

— Мы должны зайти в Подкаменье. А там придумать способ переправить вас в Ревлстон.

По ее виду можно было определить, что ей хочется отправиться вместе с ним.

Но мысль о лестнице пугала его. Как он сможет выдержать такой спуск? Ведь даже просто выглянуть из-за

парапета оказалось достаточно, чтобы у него закружилась голова. Когда Лена повторила: "Пошли", он покачал головой. Бесстрашием он похвастаться не мог. Тем не менее он как-то должен был сохранить активность.

— Много лет прошло со времен Запустения?

— Я не знаю, — печально ответила она. — Но люди южных равнин пришли обратно через горы из бесплодных пустырей двадцать поколений назад. И говорят, что сам Высокий Лорд Кевин предупредил их; они бежали и жили изгнанниками в пустыне, добывая себе пищу зубами и ногтями и руководствуясь учением Радхамаэрль в течение пятисот лет. Это последнее, чего мы не забыли. По достижении пятнадцати лет каждый из нас приносит Клятву Мира, и мы живем ради жизни и красоты Страны.

Он почти не слушал ее, поскольку его не особенно интересовало то, что она говорила. Но звук ее голоса нужен был ему, чтобы найти в себе силы. Не без усилий удалось ему сформулировать еще один вопрос, который можно было задать. Глубоко дыша, он сказал:

— Что ты делала в горах? Почему ты забралась так высоко, что смогла даже увидеть меня здесь?

— Я искала камни, — ответила девушка. — Я учусь искусству зуру-па-мерль. Ты знаешь, что это такое?

— Нет, — произнес Кавинант между двумя вздохами. — Расскажи.

— Это ремесло, которому я учусь у Эйсекс, сестры моей матери, а она научилась этому у Тамала, лучшего ремесленника в нашем Подкаменье. Он тоже учился некоторое время в Лосраате. Но зуру-па-мерль — это искусство изготовлять изображения из камней, соединяя их между собой, не изменяя их формы. Я бродила по горам и искала образцы крупных камней и гальки. Когда я нахожу форму, которая мне понятна, я несу ее домой и подбираю для нее место, балансируя и комплектуя с другими формами, пока не получается новая форма.

Иногда, набравшись смелости, я делаю неровный камень гладким, чтобы все сооружение было устойчивым. При этом я восстанавливаю разрушенные секреты земли и дарю людям красоту.

Кавинант слабым голосом пробормотал:

— Это, должно быть, трудно — придумать форму и потом найти камень, соответствующий ей.

— Это не совсем так. Я смотрю на камень и ищу в нем форму, которая уже ему дана. Я не прошу землю дать мне лошадь. Искусство заключается в умении увидеть то, что земля предлагает по своему собственному выбору. Возможно, это будет лошадь.

— Мне бы хотелось посмотреть на твои работы. — Кавинант не придавал особого значения тому, что говорил. Лестница манила его, как соблазнительный лик забвения, в котором прокаженные отказывались от соблюдения мер самозащиты и теряли руки и ноги, теряли жизни.

Но он спал. Лучший способ вынести неприятный сон — это плыть по его течению, пока он сам не закончится. Томас должен был спуститься вниз, чтобы выжить. Эта необходимость превысила все остальные соображения.

Резко, конвульсивно двигаясь, Кавинант поднялся на ноги. Встав в самом центре круга, он перестал обращать внимание на гору и небо, на глубокую пропасть внизу и тщательно осмотрел себя. Трепеща, он проверил те нервы, которые были еще живы, посмотрел, нет ли на одежде клочьев или прорех, и тщательно проконтролировал свои немые руки. Он должен был преодолеть этот спуск.

Кавинант был в состоянии перенести его, поскольку это был сон. Он не может погибнуть, сорвавшись вниз, и поскольку он не мог уже выносить всю эту тьму, хлопающую крыльями прямо возле уха.

— Послушай-ка, — сухо сказал он, обращаясь к Лене. — Мне придется спускаться первым. И нечего смотреть на меня с таким смущением. Я уже сказал тебе, что я — прокаженный. Мои руки и ноги немы, они ничего не чувствуют. Я не могу крепко держаться за что-нибудь. И к тому же я... плохо переношу высоту. Я могу упасть. И не хочу, чтобы ты упала вместе со мной. Ты... — Он запнулся, потом, сбиваясь, продолжал: — Ты была добра ко мне, а с той поры, когда я мирился с этим, прошло много времени.

Девушка захлопала глазами, услышав этот суровый тон.

— Почему вы сердитесь? Чем я вас обидела?

"Тем, что была добра ко мне!" — мысленно пробормотал он. Его лицо посерело от страха, когда он повернулся спиной к пролому, опустился на четвереньки и стал спускаться вниз.

В первом порыве ужаса он ставил ноги на ступеньки, закрыв при этом глаза. Но спускаться с закрытыми глазами он не мог; привычка прокаженного контролировать себя, а также необходимость держать все чувства начеку были слишком сильны. Однако, когда глаза были открыты, начинала кружиться голова.

Поэтому он изо всех сил заставлял себя смотреть только на камень прямо перед собой. С первого же шага он понял, что наибольшая опасность для него заключается в немоте ног. Немые руки заставляли его чувствовать себя неуверенно из-за непрочности захвата, и прежде, чем ему удалось преодолеть пятьдесят футов, он уже цеплялся за края ступенек с такой силой, что у него начало сводить судорогой плечи. Но он мог видеть свои руки, видеть, что они на скале, что боль в запястьях и локтях не мистификация. Ног Кавинант видеть не мог, если только не смотреть вниз. Лишь тогда он убеждался в том, что его нога попала на следующую ступеньку, когда лодыжка чувствовала давление всего тела. Каждый шаг вниз он делал наугад. Если неожиданно подкатывал новый приступ слабости, Томас был вынужден, держась за скалу, крепко прижимать руки к бокам, при этом целиком полагаясь на невидимую опору под ногами. Он старался выкидывать ноги вперед таким образом, чтобы вибрация тела при контакте говорила ему, когда ступни ног находятся у края следующей ступени; но когда он ошибался, его голени и колени стукались о каменные углы, и острая боль заставляла ноги подгибаться.

Карабкаясь вниз, ступенька за ступенькой, глядя на руки сквозь пот, заливающий глаза, Кавинант проклинал судьбу, отнявшую у него два пальца, которых, возможно, как раз и не хватит, чтобы удержаться, если ноги сорвутся. Вдобавок отсутствие половины руки приводило к тому, что Кавинанту казалось, будто правой рукой он держится слабее, чем левой, что его тело под собственной тяжестью смещается влево с лестницы. Чтобы компенсировать это, он время от времени заносил ноги вправо

и постоянно промахивался мимо ступенек с этой стороны.

Он не мог смотреть и стереть пот с лица. Глаза его уже ничего не видели, но Кавинант боялся освободить одну руку, потому что мог потерять равновесие. Судороги терзали его спину и плечи. Ему приходилось сжимать зубы, чтобы не закричать, призывая на помощь.

Словно почувствовав его отчаяние, Лена крикнула:

— Полпути!

Кавинант продолжал ползти вниз, ступенька за ступенькой.

Внезапно он беспомощно ощутил, что ноги двигаются быстрее. Мышцы стали уставать — напряжение в коленях и локтях было слишком велико, и с каждой ступенькой он все больше терял контроль над спуском. Томас заставил себя остановиться и отдохнуть, хотя страх гнал его вниз, чтобы побыстрее покончить с этим. В какое-то мгновение ему пришла в голову дикая мысль, что лучше повернуться и прыгнуть в надежде на то, что склон горы окажется достаточно близко и он останется жив. Потом он услышал звук шагов Лены, приближавшейся к его голове. Кавинант хотел протянуть руку и ухватиться за ее лодыжку, заставить ее спасти его. Но даже эта надежда казалась призрачной, и он остался висеть на прежнем месте, охваченный дрожью.

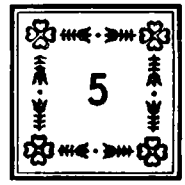
Дыхание с трудом вырывалось из-за его сжатых зубов, и смысл слов, выкрикнутых Леной, не сразу дошел до него:

— Томас Кавинант! Смелее! Осталось всего пятьдесят ступеней!

Содрогнувшись так, что тело чуть было не оторвалось от скалы, Кавинант снова начал спускаться вниз.

Последние ступени миновали в гремящем хаосе судорог и слепоты, вызванной потоками пота, и затем он оказался внизу, лег ничком на горизонтальном грунте — основании Смотровой — и, задыхаясь, стал ждать, когда кончится страшная ломота в конечностях. Воздух устремлялся в его легкие и вырывался из них со звуком, напоминающим рыдания. Томас прислушивался к нему, пока этот звук не затих и он не смог дышать более спокойно.

Когда наконец он посмотрел вверх, то увидел голубое небо, длинный черный палец Смотровой Кевина, указывающий на полуденное солнце, возвышающийся, подобно башне, склон горы и Лену, склонившуюся над ним так низко, что ее волосы почти касались его лица.

ПОДКАМЕНЬЕ МИФИЛЬ

Кавинант чувствовал себя странно очищенным, словно прошел через божий суд, оставшись в живых после ритуального испытания головокружением. Он-таки одолел эту лестницу. Чувствуя огромное облегчение, он был уверен, что нашел правильный ответ на ясную угрозу сумасшествия, на необходимость реального и понятного объяснения всей данной ситуации, возникшей с момента его появления на Смотровой Кевина. Он посмотрел вверх, на лучезарнсе небо, и оно казалось чистым, не испорченным пожирателями падали.

"Вперед, — сказал он сам себе. — Не думай об этом. Выживи!"

Подумав так, он посмотрел в мягкие карие глаза Лены и обнаружил, что она улыбается.

— С вами все в порядке? — спросила она.

— В порядке? — как эхо отозвался Томас. — Это не простой вопрос.

Этот вопрос заставил его принять сидячее положение. Пристально разглядывая свои руки, он обнаружил кровь на ладонях и кончиках пальцев. Колени, локти и голени словно горели и, когда он их потрогал, отозвались болью.

Не обращая внимания на боль в мышцах, Кавинант рывком поднялся на ноги.

— Лена, это важно, — сказал он. — Я должен вымыть руки.

Она тоже встала, но Кавинант видел, что она не понимает его.

— Смотри, — он взмахнул перед ней руками. — Я прокаженный. Я не чувствую этих царапин и ссадин. Никакой боли.

Поскольку она все еще казалась смущенной, он продолжал:

— Именно так я и потерял пальцы. Я поранился, в ранку попала инфекция, и пришлось их отрезать. Мне надо немного мыла и воды.

Прикоснувшись к шраму на его правой руке, Лена спросила:

— Так это сделала болезнь?

— Да.

— На пути к Подкаменью есть ручей, — сказала Лена. — А рядом с ним — целебная глина.

— Идем, — Кавинант грубым жестом приказал ей указывать путь. Она кивнула и сразу же пошла по тропинке.

Она уходила на запад от основания Смотровой Кевина и шла вдоль уступа крутого горного склона, покуда не уперлась в загроможденное ущелье. Мышцы Кавинанта сжимало, словно щипцами, поэтому двигался он довольно неуклюже. Сначала он следовал за Леной вверх по ущелью, потом осторожно спускался по ступенькам, грубо высеченным в стенке крутой трещины, уходящей в гору. Когда они достигли дна этой расселины, Лена пошла дальше вдоль нее, обратив внимание Кавинанта на каменистую осыпь под ногами. Так они шли, и тем временем полоска неба над головой становилась все уже, а стены расселины постепенно смыкались. Их окружали густые влажные испарения, и холодные тени становились все глубже, пока наконец темное платье Лены почти совсем не слилось с сумраком впереди. Кавинант увидел, что впереди расселина резко повернула влево и внезапно открылась в маленькую освещенную солнцем долину, посреди которой сверкал ручей, и по его берегам зеленели травы и высокие сосны.

— Здесь, — со счастливой улыбкой сказала Лена. — Что может быть целебнее этого?

Кавинант остановился, зачарованный, не в состоянии отвести взгляд от открывшейся перед ним картины. В длину долина имела не более пятидесяти ярдов, и в дальнем ее конце ручей снова поворачивал влево и исчезал между двумя отвесными стенами. В этом небольшом кармашке, запрятанном в колоссальной толще гор, земля была комфортабельно зеленой и солнечной, а воздух был одновременно и свежим, и теплым, напоенный ароматом

сосны, благоухающий весной. Вдохнув этот воздух, Кавинант почувствовал, как его грудь заныла от привычной тоски по утраченному здоровью.

Чтобы отвлечься от этого ощущения, он пошел вперед. Трава под ногами была такой густой, что он чувствовал это даже сквозь напряженные связки коленей и икр. Казалось, она помогает ему идти к ручью и очищает его раны.

Вода, разумеется, должна была оказаться холодной, но это не беспокоило Кавинанта. Его руки были слишком немы, чтобы быстро ощутить холод. Присев на корточки на плоском камне возле воды, он погрузил их в поток и начал тереть одну о другую. Запястья сразу почувствовали холод, но пальцы едва его ощутили, и, тщательно промывая порезы и трещины, Кавинант не чувствовал никакой боли.

Краем глаза он видел, что Лена ушла от него вверх по ручью, вероятно, пытаясь что-то отыскать, но он был слишком занят, чтобы полюбопытствовать, что она делает. Яростно протерев руки, Кавинант дал им немного отдохнуть, а затем закатал рукава, чтобы осмотреть локти. Они покраснели и саднили, но целостность кожи не была нарушена.

Осмотр ног показал, что голени и коленки в основном были ушиблены. Пятна синяков на них уже начали темнеть и в скором времени должны были стать совсем черными; но толстый материал брюк выдержал, и кожа здесь тоже оказалась неповрежденной. В определенном смысле синяки были так же опасны для Кавинанта, как и царапины, но тут без помощи лекарств не обойтись. Усилием воли он заставил себя подавить тревогу и снова сосредоточил внимание на руках.

Кровь все еще сочилась из ладоней и кончиков пальцев, и, смыв ее водой, Кавинант увидел кусочки черного песчаника, глубоко забившиеся в некоторые порезы. Но прежде, чем он снова принялся за мытье рук, вернулась Лена со сложенными лодочкой ладонями. Они были полны густой коричневой грязью.

— Это целебная глина, — почтительно сказала девушка, словно это было нечто редкое и могущественное. — Вы должны положить ее на свои раны.

— Грязь? — Осторожность прокаженного восстала против такого предложения. — Мне нужно мыло, грязи и так достаточно.

— Это целебная глина, — повторила Лена. — Это для лечения.

Она подошла ближе и протянула ему грязь. Кавинанту показалось, что он видит в ней крохотные золотые искорки.

Он тупо смотрел на нее, шокированный идеей положить грязь на раны.

— Вы должны ею воспользоваться, — настаивала девушка. — Я знаю, что это такое. Разве вы не понимаете? Это целебная глина. Послушайте. Мой отец — Трелл, Гравлингас Радхамаэрля. Его работа связана с огненными камнями, и лечить людей он предоставляет целителям. Но он еще и Радхамаэрль. Он понимает камни и почву. И он научил меня, как оказывать самой себе помощь, если это потребуется. Он рассказал мне о приметах и местах залежей целебной глины. Это лечебная земля. Вы должны воспользоваться ею.

"Грязь? — все так же уставившись на руки Лены, думал Кавинант. — На мои раны? Ты, наверное, хочешь меня изуродовать!"

Но прежде, чем он успел ее остановить, Лена опустилась перед ним на колени и положила пригоршню грязи на его голое колено. Теперь, когда одна рука у нее освободилась, она растирала коричневую глину по всей голени Кавинанта. Потом она собрала оставшееся и таким же образом намазала ему второе колено и голень. Золотые искры в растертой на ногах глине, казалось, стали ярче, сильнее.

Влажная грязь была прохладной и успокаивающей; казалось, она нежно гладит ноги, впитывая в себя боль из его синяков. Он пристально смотрел на нее. Облегчение, которое, будто волны, омывало суставы, принесло ни с чем не сравнимое удовольствие, никогда прежде им не испытанное. Ошеломленный, Кавинант подставил Лене руки и позволил ей нанести целебную глину на все его порезы и царапины.

Мгновенно через локти и запястья в него хлынуло облегчение. И в ладонях началось странное покалыва-

ние, словно целебная глина, проникнув сквозь порезы в нервы, пыталась оживить их. Такое же покалывание появилось и в ступнях ног. Кавинант смотрел на поблескивающую грязь с каким-то благоговением во взгляде.

Она быстро высохла, и ее блеск перешел в коричневый цвет. Через несколько мгновений Лена соскребла ее с ног Кавинанта. И тогда он увидел, что синяки почти исчезли, они были уже почти не видны, побледнев до желтого цвета, что означало выздоровление. Томас погрузил руки в поток, смыл с них глину и посмотрел на пальцы. Они снова стали невредимыми. Ладони тоже зажили, ссадины на предплечьях исчезли полностью. Кавинант был так ошарашен, что некоторое время мог только, раскрыв рот, глазеть на свои руки, думая:

"Чертовщина. Проклятье, какая чертовщина! Что со мной происходит?"

Наконец, после долгого молчания, он прошептал:

— Это невозможно!

В ответ Лена широко улыбнулась.

— Что здесь смешного?

Стараясь подражать его тону, она сказала:

— Мне нужно мыло, хватит с меня грязи. — Потом она рассмеялась, и в глазах ее запрыгали озорные огоньки.

Но Кавинант был слишком ошеломлен, чтобы прийти в ярость.

— Я серьезно. Как это могло произойти?

Лена опустила глаза и тихо сказала:

— В земле заключена сила — сила и жизнь. Вы должны знать это. Этьеран, моя мать, говорит, что такие вещи, как целебная глина, такие силы и тайны, все заключены в земле. Но мы слепы в отношении их, потому что недостаточно связаны со Страной и друг с другом.

— Значит, есть и... другие вещи, подобные этой?

— Много. Но я знаю лишь несколько. Если вы направляетесь в Совет, то, может быть, Лорды научат вас всему. Но идемте... — Она легко вскочила на ноги. — Здесь есть еще кое-что. Вы не голодны?

Словно разбуженное ее вопросом, в желудке возникло ощущение пустоты. Сколько времени прошло с тех пор, как он ел последний раз? Кавинант расправил брючины,

раскатал рукава и, сгорбившись, поднялся на ноги. Изумление его еще более усилилось, когда он почувствовал, что мышцы больше не болят. Недоверчиво покачав головой, он последовал за Леной к месту, где кончалась долина.

Они остановились в тени шишковатого кустарника высотой по пояс. Его листья были расправлены и растопырены, словно листья на дубе, но тут и там виднелись маленькие свежие цветочки зеленоватого цвета, а под некоторыми листьями примостились тугие гроздья сине-зеленых плодов. Величина ягод была с ежевику.

— Это алианта, — сказала Лена. — Мы называем их "драгоценные ягоды". — Оторвав одну гроздь, она съела четыре или пять ягодок, потом выплюнула косточки на ладонь и бросила их за спину.

— Говорят, что человек может пройти всю Страну вдоль и поперек, питаясь одними драгоценными ягодами, и вернется домой здоровее и упитаннее, чем был до выхода. Это великий дар Земли. Они цветут и дают плоды в любое время года. Нет такого района в Стране, где бы они не росли, за исключением, быть может, расположенных на востоке бесплодных равнин. Из всей растительности ягоды — самые сильные, позже всех осыпаются и раньше всех созревают. Все это рассказала мне моя мать, как часть учения нашего народа.

Ешьте, — сказала она, протягивая Кавинанту гроздь ягод, — ешьте и раскидывайте семена по земле, чтобы алианта процветала.

Но Кавинант даже не пошевелился, чтобы взять ягоды. Он терялся в догадках, откуда у этой Страны такое странное могущество. На мгновение он даже забыл о грозящей ему опасности.

Лена заметила его блуждающий взгляд, потом взяла одну ягодку и положила ее Кавинанту в рот. Он непроизвольно прокусил кожицу алианты зубами, и тотчас его рот наполнил легкий приятный вкус, похожий на вкус зрелого персика с небольшими добавлениями соли и лимона. В следующее мгновение он уже жадно ел ягоды, лишь иногда вспоминая о том, чтобы выплюнуть косточки.

Он ел до тех пор, пока на этом кусте больше не оста-

лось ягод, потом принялся осматриваться в поисках другого. Но Лена взяла его за руку, останавливая.

— Драгоценные ягоды — очень питательная еда, — сказала она. — Много есть их не нужно. И вкус будет лучше, если есть их медленно.

Но Кавинант все еще был голоден. Он не помнил, чтобы когда-нибудь ему так хотелось что-нибудь съесть, как сейчас хотелось этих ягод; ощущение поглощения пищи никогда не было столь ярким, столь желанным. Он вырвал руку, словно намереваясь ударить девушку, но потом внезапно остановил себя.

Что это? Что происходит?

Прежде, чем найти ответ на этот вопрос, он осознал, что его одолевает уже другое чувство — всепоглощающая дремота. В мгновение ока он почти без перехода перестал ощущать голод и принялся непрерывно зевать. При этом у него был такой вид, будто он умирает от усталости. Он попытался повернуться, но запнулся.

Лена тем временем говорила:

— Целебная глина иногда оказывает такое действие, но я этого не ожидала. Когда раны слишком тяжелы, целебная глины усыпляет человека, чтобы ускорить его выздоровление. Но царапины и порезы на руках — не смертельные раны. Может быть, у вас есть другие, которых вы мне не показали?

"Да, — подумал Кавинант, в очередной раз зевая. — Я смертельно болен".

Еще не успев коснуться травы, он уже спал.

Когда он стал медленно просыпаться, первое, что осознал, были твердые бедра Лены, служившие ему подушкой. Постепенно он узнал и все остальное — тень дерева, щедро разукрашенную бликами заходящего солнца, аромат сосен, бормотание ветра, густую траву, касающуюся его, словно колыбель, звук напева, беспорядочное покалывание, появляющееся и исчезающее в ладонях, будто атавизм. Но теплота его щеки на колене у Лены казалась сейчас важнее всего. В данный момент его единственным желанием было сжать Лену в объятиях и спрятать лицо между ее ног. Он подавил это желание, прислушавшись к ее песне.

Мягким и каким-то наивным голоском она пела:

В душе людской, как хрупкое растенье,
Таится красота — чудесное творенье...
На свете между тем есть разные напасти —
Болезнь, война, злой рок
и прочие несчастья.
Они подстерегают нас,
И случай может каждый час
Отнять у человека радость бытия,
И мир, и красоту, которая цвела.
И лишь душа, пока она живет,
Хранит цветок, который в ней цветет.

Ее голос как бы укутал его каким-то уютным покрывалом, и ему хотелось, чтобы это длилось бесконечно. После паузы, полной аромата сосен и шептания ветерка, Кавинант мягко сказал:

— Мне это нравится.

— Правда? Эту песню сочинил Томал-ремесленник для танца, когда он венчался с Миойран, дочерью Мойран. Но часто красота песни зависит от того, как ее поют, а я не певица. Может быть, сегодня вечером Этьеран, моя мать, будет петь для Подкаменья. Тогда вы услышите настоящее пение.

Кавинант не ответил. Он лежал неподвижно, желая лишь одного — как можно дольше покоить голову на этой подушке. Покалывание в ладонях, казалось, побуждало его обнять Лену, и он лежал, не двигаясь, наслаждаясь возникшим желанием и сомневаясь, хватит ли у него мужества его осуществить.

Потом она вновь запела. Мелодия казалась знакомой, и в ней прослеживался шелест темных крыльев. Внезапно Кавинант понял, что мелодия напоминает ему ту, под которую еще совсем недавно в его мозгу крутилась песенка о золотом мальчике.

Он шел по тротуару к офису телефонной компании — название "Телефонная компания" было золотом написано на двери, — чтобы оплатить свой счет.

Резко оторвав голову от колен Лены, Кавинант вскочил на ноги. Туман ярости заволок его зрение.

— Что это за песня? — требовательно и хрипло спросил он.

Озадаченная, Лена ответила:

— Никакой песни. Я просто пыталась придумать мелодию. Это плохо?

Интонация ее голоса успокоила Кавинанта. Она говорила так непринужденно, с таким огорчением, вызванным внезапной вспышкой его гнева. Ее слова подействовали на него расслабляюще, и туман рассеялся.

"Не имею права, — думал он. — Я не имею права так набрасываться на нее".

Протянув руки, Кавинант помог девушке встать. Он попытался даже улыбнуться, но его неподвижное лицо могло лишь состроить гримасу.

— Куда мы теперь пойдем?

Обида постепенно исчезла в ее взгляде.

— Вы странный, Томас Кавинант, — сказала она.

Криво усмехнувшись, он ответил:

— Я не знал, что это настолько плохо.

Мгновение они стояли, пристально глядя друг другу в глаза. Потом, к его удивлению, Лена вспыхнула и отняла свои руки. Когда она вновь заговорила, в ее голосе слышалось какое-то новое волнение.

— Мы пойдем в Подкаменье. Вы увидите мою мать и отца.

Она весело повернулась и побежала по долине.

В своем беге она была тоненькой, легкой и грациозной, и Кавинант смотрел на нее, погруженный в размышления о странных новых чувствах, просыпающихся в нем. У него появилось неожиданное ощущение, что эта Страна может с помощью каких-то чар помочь ему освободиться от собственной импотенции, обрести какое-то второе рождение, которое останется с ним даже после возвращения к нему сознания, после того, как Страна и все ее безумные события потускнеют и перейдут в небытие полузабытого сна. Такая надежда не подразумевала того, что Страна должна быть настоящей физической реальностью и независимой от его собственного сознания, бесконтрольных сновидений. Нет, проказа была неизлечимой болезнью, и если он не умер в случившемся с ним происшествии, то ему придется смириться с этим фактом. Но сон мог излечить другие несчастья. Мог. И Кавинант направился вслед за Леной, раскачиваясь на ходу и чувствуя прилив сил в венах.

Солнце уже опустилось достаточно низко, чтобы половина долины оказалась укрытой тенями. Кавинант

увидел, что бегущая впереди Лена сделала ему знак рукой, и он ускорил шаг, с наслаждением чувствуя под ногами пружинящий мох. Ему казалось, что он каким-то образом вырос, стал выше, словно целебная глина сделала нечто большее, чем просто вылечила его порезы и царапины. Приближаясь к Лене, он вдруг рассмотрел то, чего не заметил раньше, — изящество ее ушек, обнажавшихся, когда порыв ветра взметал вверх волосы, нежную девичью грудь, тонкую талию и округлые бедра, вырисовывающиеся под тонкой тканью туники. Когда он смотрел на нее, покалывание в ладонях усилилось.

Девушка улыбнулась ему, потом продолжила идти вдоль ручья к выходу из долины. Они двигались друг за другом по извилистой тропе между отвесными стенами скал, вздымающихся на высоту сотен футов. Тропа была каменистой, и Кавинанту приходилось все время смотреть себе под ноги, чтобы не споткнуться. Вызванное этим напряжение сделало путь довольно долгим, но уже через каких-то двести ярдов Кавинант и Лена вышли к расщелине, уходящей вверх и вправо от ручья. Они принялись карабкаться к этой расщелине, а потом вдоль нее. Вскоре дорога выровнялась, потом начала постепенно понижаться, и спуск оказался довольно длинным. При этом наклон был достаточным, чтобы Кавинант не мог видеть цели их путешествия.

Наконец расщелина повернула еще раз и закончилась, оставив Лену и Кавинанта на склоне горы высоко над речной долиной. Они стояли лицом прямо на запад, глядя на заходящее солнце. Слева от них из скал вытекала река и исчезала в равнинах справа. Долину пересекал отрог горной цепи, переходивший на севере в равнину.

— Это Мифиль, — сказала Лена, — а вон там — Подкаменье Мифиль.

Кавинант увидел на восточной стороне реки, к северу от себя, несколько домов.

— Расстояние до селения не слишком велико, — продолжала Лена, — но тропинки проходят вверх по долине, а потом назад, вдоль реки. Когда мы доберемся до нашего Подкаменья, солнце уже зайдет. Идемте.

Кавинант испытал неприятное ощущение, глядя вниз со склона горы, более чем с двух тысяч футов над долиной, но он переборол его и пошел следом за Леной на юг. Склон горы становился все менее крутым, и вскоре уже тропинка вилась по травянистым откосам среди суровых горных вершин, через лощины и овраги, среди лабиринтов упавших камней. И по мере того, как тропа понижалась, воздух становился глубже, мягче и делался менее прозрачным. Запахи тоже постепенно менялись, становились мягче; сосны и осины сменились сочным травянистым ковром. Кавинант чувствовал, что он воспринимает все изменения высоты до малейшего нюанса. В возбуждении от вновь обретенной остроты восприятия он не заметил, как спуск закончился. Тропинка скользнула с длинного пологого холма, вышла к реке и устремилась вдоль нее на север.

В том месте, где тропинка в первый раз выходила к реке, Мифиль была узкой и бурной, и ее торопливый влажный голос был полон резонансов и бормотания. Но по мере того, как река устремлялась к равнинам, она становилась шире, и ее течение замедлялось, становилось более задумчивым и словно говорило само с собой, бормоча что-то низким и глубоким голосом. Вскоре ее голос совсем растворился в воздухе. Она уходила в сторону в поисках моря, по пути тихо рассказывая самой себе длинную сказку.

Зачарованный рекой, Кавинант постепенно все более осознавал успокоительную реальность Страны. Она не была неуловимым сновидением, ее можно было осязать и обожать — словом, все подтверждало, что она реальна. И все же это, безусловно, была иллюзия, обман его поврежденного разбитого мозга. Но этот обман был до смешного приятным. Казалось, он доказывал, что Кавинанту не угрожают кошмар и хаос, что эта Страна понятна и поддается управлению; что когда он овладеет ее законами, ее особенностями, то у него появится возможность путешествовать невредимым по дороге своего сна, оставаться все время в здравом уме. Подобные мысли вызывали у Кавинанта уверенность в себе, даже смелость

по мере того, как он шел, глядя на узкую спину Лены, на ее призывно покачивающиеся бедра.

Пока Кавинант переживал незнакомые ему эмоции, долина Мифиль погрузилась в сумрак ночи. Солнце опустилось за горы на западе, и хотя его свет еще мерцал на дальних равнинах, тонкая вуаль тьмы быстро сгущалась в долине. Граница тьмы быстро перемещалась по высокой горе справа, карабкаясь, словно жадный прилив по берегам дня. В наступивших сумерках Кавинант почувствовал, как опасность украдкой подползает к нему, хотя что это за опасность, он не знал.

Вскоре последняя горная гряда погрузилась во тьму, и сияние равнин начало меркнуть.

Лена остановилась и, прикоснувшись к руке Кавинанта, указала вниз.

— Смотрите, — сказала она. — Это Подкаменье Мифиль.

Они стояли на вершине пологого длинного холма, у подножия которого сгрудились строения поселка. Кавинант ясно различал дома, хотя в некоторых окнах свет едва мерцал. Если не считать большой открытой круглой площадки в центре деревни, Подкаменье выглядело несколько хаотично, словно не так давно оно свалилось с какой-то горы. Однако это утверждение опровергалось гладкими до блеска каменными стенами и плоскими крышами. А, вглядевшись более внимательно, Кавинант заметил, что Подкаменье на деле было отнюдь не таким уж неорганизованным. Окна всех строений выходили в центр.

Все строения были одноэтажными, все были сделаны из камня, с плоскими каменными плитами вместо крыш; но среди них имелись значительные различия в размерах и форме: некоторые были круглыми, другие — квадратными или прямоугольными, а некоторые — настолько неправильной формы, что больше были похожи на приземистые полые камни, чем на здания.

Пока Кавинант разглядывал подкаменье, Лена сказала:

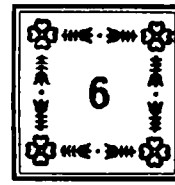
— Пять раз по сотне людей южных равнин живет

здесь — Радхамаэрли, пастухи, скотоводы, фермеры и те, кто занимается ремеслом. Но только Этьеран, моя мать, училась в Лосраате.

Указывая рукой, она добавила:

— Дом моей семьи — вон там, ближе к реке.

Шагая рядом, она и Кавинант обогнули Подкаменье по краю, направляясь к ее дому.

Легенда о Береке Полуруком

Тьма сгущалась над долиной. Птицы забрались на вечер в гнезда на деревьях у подножия гор. Еще некоторое время они пели и звали друг друга, но их оглушительный щебет вскоре перешел в спокойное удовлетворенное бормотание. Проходя мимо домов на окраине Подкаменья, Лена и Кавинант снова услышали, как река в отдалении разговаривает сама с собой. Лена молчала, словно погруженная в какое-то волнение или тревогу, а Кавинант был слишком поглощен окружавшими его звуками сумерек, чтобы о чем-то говорить. Наступавшая ночь, казалось, была полна невидимых контактов. Так, молча, они подошли к дому Лены.

Это было прямоугольное строение, по размеру больше всех остальных домов в Подкаменье, но с такими же отполированными до блеска каменными стенами. Из окон лился теплый желтый свет.

Пока Лена и Кавинант приближались к дому, в одном из его окон мелькнула крепкая фигура и удалилась в одну из внутренних комнат.

Возле угла дома Лена остановилась, взяла Кавинанта за руку и сжала ее, прежде чем вести его к двери.

Вход был закрыт тяжелыми занавесями. Лена откинула их и провела Кавинанта внутрь. Войдя следом за ним, она остановилась. Томас быстро огляделся и заметил, что комната, в которую они вошли, вела в глубь дома, но в каждой ее стене была занавешенная дверь. Посередине стоял каменный стол и скамьи, на которых могло разместиться шесть — восемь человек. Но комната была достаточно большой, так что стол не занимал в ней господствующего положения.

По всем стенам в камне были вырезаны полки, на

которых стояли глиняные кувшины, кружки и другая утварь, как явно предназначенная для кухни, так и такая, назначение которой Кавинант понять не мог. Вдоль стен размещалось несколько каменных табуретов. И все это помещение заполнял теплый желтый свет, мерцавший на гладких поверхностях и отражавшийся от камня редкой окраски и структуры.

Свет исходил от пламени в нескольких каменных горелках, по одной в каждом углу комнаты и посередине стола; но бликов пламя не давало, свет лился такой же постоянный и ровный, как от электрической лампочки. И к свету примешивался мягкий запах, похожий на запах только что разрытой земли.

Кавинант лишь бегло осмотрел комнату, как вдруг его взгляд задержался на ее дальнем конце. Там на каменной плите возле стены стоял огромный гранитный сосуд в половину человеческого роста. И над этим сосудом, напряженно вглядываясь в его содержимое, стоял крупный мужчина, похожее на ствол дерева тело которого было таким же массивным и крепким, как камень. Он стоял спиной к Лене и Кавинанту и, казалось, не подозревал об их приходе. На нем была короткая коричневая туника с такого же цвета брюками под ней, но узор из листьев, вплетенный в ткань по плечам, был точно таким же, как на платье у Лены. Его массивные мускулы вздувались и опадали под туникой по мере того, как он вращал сосуд. Тот казался чудовищно тяжелым, но Кавинант был почти уверен в том, что мужчина при желании мог поднять его над головой вместе с содержимым.

Над сосудом висела тень, не исчезавшая даже в ярком свете, заливающем комнату, и время от времени человек пристально смотрел в эту тьму, словно изучал ее, и одновременно вращал сосуд. Потом он запел. Голос его оказался слишком низким, чтобы Кавинант мог разобрать слова, но, слушая его, Томас уловил в этом звуке нечто, похожее на заклинание, словно содержимое сосуда обладало магической силой. В течение некоторого времени ничего не происходило. Потом тень начала бледнеть. Сначала Кавинант подумал, что в комнате изменился свет, но вскоре он увидел, что из сосуда появилось другое сияние. Оно нарастало и становилось глубже, и, наконец,

ослепительно засверкало, заставив померкнуть другие огни.

Произнеся последние слова, человек выпрямился и обернулся. В новом ярком свете он казался еще огромнее, чем прежде, словно его конечности, плечи и широкая грудь вобрали в себя силу сияния; лоб его покраснел от исходившего из сосуда жара. Увидев Кавинанта, он удивленно уставился на него. В его глазах появилась тревога, и правой рукой он провел по густым рыжеватым волосам. Потом он, повернув руку ладонью вверх, протянул ее Кавинанту и сказал Лене:

— Что ж, дочь, ты привела гостя. Но, насколько я помню, сегодня ты у нас отвечаешь за гостеприимство.

Странная сила, мгновение назад звучавшая в его голосе, теперь исчезла. Он говорил как человек, который не слишком любит общаться с другими людьми. Но, несмотря на суровое обращение с дочерью, он казался чрезвычайно спокойным.

— Ты знаешь, что мне надо сегодня еще позаниматься с гравием, а Этьеран, твоя мать, помогает принимать новое дитя у Одоны, жены Муррина. Гость будет недоволен нашим гостеприимством — ведь в доме даже нет еды, чтобы отметить конец дня.

Тем не менее, укоряя Лену, он изучал Кавинанта.

Лена опустила голову, стараясь, как был уверен Кавинант, выглядеть виноватой, чтобы угодить отцу. Но уже в следующий миг она быстро пересекла комнату и повисла на шее великана. Потом, повернувшись к Кавинанту, она объяснила:

— Трелл, мой отец, я привела в Подкаменье чужака. Я нашла его на Смотровой Кевина. — Живые огоньки сверкали в ее глазах, хотя она пыталась говорить официальным тоном.

— Так-так, — ответил Трелл. — Чужестранец — это я вижу. И не представляю, какое дело привело его в это гибельное место.

— Он сражался там с серым облаком, — сказала Лена.

Глядя на этого грубоватого, добродушного, крепкого человека, чья мускулистая рука лежала на плече Лены, Кавинант ожидал, что он рассмеется над ее абсурдным заявлением — человек сражался с облаком. Вся внеш-

ность Трелла дышала невозмутимостью и приземленностью, словно утверждение здравого смысла, переводившее кошмарное видение Лорда Фаул в надлежащую ему категорию нереальности. Поэтому Кавинант был буквально огорошен, услышав, как Трелл абсолютно серьезно спросил:

— И кто же победил?

Этот вопрос вынуждал Кавинанта искать для себя новую опору. Он не был готов иметь дело с воспоминанием о Лорде Фаул, но в то же время он был абсолютно уверен, что не сможет солгать Треллу... Он почувствовал, что в горле пересохло, и невпопад ответил:

— Я пережил этот поединок.

Трелл в первый момент ничего не сказал, но это молчание показало Кавинанту, что его ответ усилил тревогу великана. Трелл отвел взгляд, потом снова посмотрел на Кавинанта и сказал:

— Понятно. А как тебя зовут, чужестранец?

Лена ободряюще улыбнулась Кавинанту и ответила вместо него:

— Томас Кавинант, Кавинант со Смотровой Кевина.

— Что такое, девочка? — спросил Трелл. — Уж не стала ли ты пророком, если говоришь за кого-то, кто выше тебя?

Потом, обращаясь к Кавинанту, он добавил:

— Что ж, Томас Кавинант со Смотровой Кевина, есть у тебя другие имена?

Кавинант уже собрался было ответить отрицательно, как вдруг увидел в глазах Лены неподдельный интерес к этому вопросу. Он сделал паузу. Потом в мгновенном озарении он понял, что для нее он был такой же волнующей фигурой, как сам Берек Полурукий; что для этой жаждущей таинственного и мистического, всезнающих Лордов и битв с облаками девушки его странность и необъяснимое появление на Смотровой Кевина были все равно что персонификация великих событий героического прошлого. Выражение ее взгляда стало теперь абсолютно понятным; в томлении любопытства она цеплялась за надежду, что он откроется ей, сделает хотя бы намек на свое высокое звание, сделает скидку на ее молодость и неведение.

Эта мысль вызвала в нем странные отзвуки. Он не привык к подобной лести, она вызывала в нем незнакомое чувство возможности. Он быстро начал придумывать какой-нибудь громкий титул, какое-нибудь имя, которое могло или вернее доставило бы Лене удовольствие и в то же время не ввело бы в заблуждение Трелла. Потом его осенило.

— Томас Кавинант, — сказал он так, словно отвечал на вызов. — Неверующий.

Он немедленно почувствовал, что с этим именем взял на себя больше, чем мог это осознать в настоящий момент. Ему стало неловко за свою претенциозность, но Лена наградила его лучезарным взглядом, а Трелл мрачно принял это заявление.

— Ну что ж, Томас Кавинант, — сказал он. — Добро пожаловать в Подкаменье Мифиль. Пожалуйста, чувствуйте себя как дома. Сейчас я должен уйти, чтобы заняться своими делами, как обещал. Возможно, скоро вернется Этьеран, моя жена. А Лена, если ее заставить, возможно, вспомнит о том, чтобы предложить вам освежиться в мое отсутствие.

Трелл снова повернулся к каменному сосуду и, обхватив его руками, оторвал от постамента. Освещаемый языками красно-желтого пламени, отблески которого танцевали в его бороде и волосах, он понес горшок к двери. Лена поспешила вперед, чтобы отогнуть для него занавес, и через мгновение Трелл исчез, оставив Кавинанта недоумевать по поводу мельком увиденного им содержимого горшка. Тот был полон маленьких круглых камешков, похожих на отборный гравий, и они, казалось, горели.

— Проклятье, — прошептал Кавинант. — Интересно, сколько весит эта штука?

— Трое мужчин не смогли бы поднять пустой горшок, — гордо ответила Лена. — Но когда гравий горит, мой отец без труда поднимает его. Он — Гравлингас Радхамаэрля и глубоко связан с учением о камне.

Кавинант еще мгновение смотрел вслед Треллу, устрашенный его силой.

Затем Лена сказала:

— А теперь я просто обязана предложить вам осве-

житься. Вы примете ванну или умоетесь? Не хотите ли пить? У нас есть хорошее весеннее вино.

Ее голос вновь разбудил мерцание нервов Кавинанта. Его инстинктивное недоверие к могуществу Трелла рассеялось, когда он понял, что тоже обладает какой-то силой. Этот мир принимал его, наделял его значимостью. Люди, такие, как Трелл и Лена, были готовы принимать его столь серьезно, сколь ему этого хотелось. Все, что ему оставалось делать, — это продолжать двигаться, следовать по тропе своего сна в Ревлстон, чем бы все ни закончилось. От мысли о перспективах у него закружилась голова. Вдохновленный импульсом момента, он решил участвовать в собственной значимости, наслаждаться ею до тех пор, пока это будет возможно.

Чтобы совладать с потоком новых эмоций, Кавинант сказал Лене, что хотел бы умыться. Она провела его мимо занавеса в другую комнату, где вода непрерывно текла из трубы в стене. Вода попадала сначала в наклонную каменную раковину, а потом в большую лохань, причем и та, и другая были сделаны из камня. Лена показала чудесный белый песок, которым можно было пользоваться вместо мыла, и вышла. Вода оказалась холодной, но Кавинант с каким-то нарастающим энтузиазмом погружал в нее руки и голову.

Когда с этим было покончено, он огляделся вокруг в поисках полотенца, но того нигде не было. Решив провести эксперимент, он вытянул руки над горшком, освещавшим комнату. Теплый желтый свет быстро высушил его пальцы, и тогда он наклонился над горшком, стирая воду с лица и шеи, и вскоре даже волосы его были сухими. Подчиняясь силе привычки, он провел процедуру ВНК, осматривая почти невидимые следы бывших порезов на руках. Потом, отдернув занавес, он вновь вошел в центральную комнату.

Оказалось, Лена была уже не одна, а с какой-то другой женщиной. Возвращаясь, Кавинант слышал, как Лена сказала:

— Он говорит, что ничего не знает о нас.

Когда женщина посмотрела на Кавинанта, он сразу догадался, что это Этьеран. Узор из листьев, вытканный на плечах ее длинной коричневой туники, казалось, был

чем-то вроде фамильной эмблемы, но и без этого между двумя женщинами — молодой и пожилой — было много общего вплоть до движений. Но в то время, как Лена была свежей и стройной, полной ненарушенной новизны, Этьеран, казалось, внешностью противоречила своему внутреннему миру. Мягкая округлость форм, полнота ее фигуры были словно помехой огромной внутренней силе ее жизненного опыта и знаний, и казалось, что она живет со своим телом на основе древнего и трудного перемирия. На ее лице отражались признаки этого перемирия: лоб ее был преждевременно изборожден морщинами, а глубокие большие глаза, казалось, смотрели внутрь на истерзанное поле битвы сомнений и нелегких примирений с ними. Глядя на нее через каменный стол, Кавинант увидел в ее глазах выражение хмурой озабоченности — результат того, что стало ей известно, — и еще в глаза ему бросилась рассеянная красота, которая сделала бы ее лицо добрее, если бы она улыбнулась.

После короткого колебания Этьеран прижала руку к сердцу, а потом протянула ее Кавинанту тем же жестом, что и Трелл.

— Приветствую тебя, гость. Добро пожаловать. Я — Этьеран, жена Трелла. Я уже говорила с Треллом и Леной, моей дочерью. Вы можете не представляться, Томас Кавинант. Располагайте нашим домом, как своим.

Вспомнив об этикете и о своем новом решении, Кавинант ответил:

— Это для меня большая честь.

Этьеран слегка поклонилась.

— Если считать, что предложенное делает честь тому, кто предлагает. А учтивость всегда приятна.

Потом она, казалось, снова заколебалась, не зная, как продолжить. Кавинант увидел, как в ее взгляде снова отразились сомнения, и подумал, что этот взгляд мог бы обладать чрезвычайной силой, не будь он настолько обращен в себя. Но вскоре она нашла решение и сказала:

— В обычаи нашего народа не входит беспокоить гостя трудными вопросами, не накормив его. Но еда еще не готова... — она взглянула на Лену, — а вы кажетесь мне странным, Томас Кавинант, странным и вселяющим тревогу. Если позволите, я бы хотела побеседовать с ва-

ми, пока Лена приготовит то, что имеется у нас в доме. Вы выглядите так, словно у вас есть какие-то неотложные дела.

Кавинант уклончиво пожал плечами. При мысли о ее вопросах он ощутил приступ беспокойства и, собрав силу воли, приказал себе попытаться ответить на них, не теряя вновь приобретенного равновесия.

В наступившей паузе Лена засновала по комнате. Она подходила к полкам и снимала с них тарелки, кувшины и другую кухонную посуду, а потом принялась готовить на каменной плите, нагреваемой снизу гравием, рассыпанным по подносу. Часто взгляд ее падал на Кавинанта, но он не всегда это замечал. Его вниманием завладела Этьеран.

Сначала она неуверенно пробормотала:

— Просто не знаю, с чего начать. Это было так давно, и я знаю так мало из того, что знают Лорды. Но полученных мною знаний должно хватить. Никто здесь не может занять моего места. — Она расправила плечи. — Могу я взглянуть на ваши руки?

Вспомнив о первой реакции Лены, Кавинант протянул Этьеран правую руку.

Она обошла вокруг стола, словно собиралась потрогать ее, но не стала этого делать. Вместо этого она пристально посмотрела ему в лицо.

— Полурукий! Так сказал Трелл. И некоторые говорят, что Берек, Друг Земли, Хатфью, Лорд Создатель вернется в Страну, когда в этом появится необходимость. Известно вам об этом?

Кавинант хрипло ответил:

— Нет.

По-прежнему глядя ему в лицо, Этьеран сказала:

— А ваша другая рука?

Озадаченный, он протянул левую руку. Она опустила на нее взгляд.

Увидев что-то, она резко выдохнула, закусила губу и отступила назад. На мгновение она, казалось, впала в неописуемый ужас. Но потом, овладев собой, она спросила лишь с некоторой дрожью в голосе:

— Из какого металла это кольцо?

— Что? Это? — Ее реакция изумила Кавинанта, и в

своем удивлении он внезапно отчетливо вспомнил, как Джоан когда-то сказала:

"Этим кольцом венчаю тебя".

И как ответил ему старик-нищий в плаще цвета охры:

"Будь истинным! Будь истинным!"

Тьма грозила ему. Он слышал свой голос, словно кто-то другой отвечал за него, кто-то, не имевший ничего общего с проказой и изгнанием.

— Это белое золото.

Этьеран охнула и прижала руки к вискам, как будто почувствовала внезапную боль. Но она вновь справилась с собой, и в ее глазах появилась суровая отвага.

— Я одна, — сказала она. — Я одна в Подкаменье Мифиль знаю значение всего этого. Даже Трелл не знает. Я же знаю слишком мало. Ответьте, Томас Кавинант, это правда?

— Надо было давно выбросить его, — горько пробормотал он. — Прокаженный не имеет права быть сентиментальным.

Но напряженность Этьеран вновь приковала его внимание. У него создалось впечатление, что она знает обо всем происходящем с ним гораздо больше его самого, ощущение того, что он двигается в мир, который каким-то неясным, зловещим способом был подготовлен для его принятия. В нем поднялся прежний гнев.

— Разумеется, это правда, — огрызнулся он. — А что такое? Это всего лишь кольцо.

— Это белое золото. — Слова Этьеран были сказаны таким несчастным тоном, словно она только что понесла тяжелую утрату.

— Ну так что? — Он не мог понять, что так расстроило женщину. — Это ничего не значит. Джоан... Джоан когда-то предпочитала его темному золоту. — И это не удержало ее от развода с ним.

— Это белое золото, — повторила Этьеран. — Лорды знают древнюю песню Учения, в которой говорится о владельце белого золота. Я помню лишь отрывок из нее, вот он:

> В золоте белом, диком, волшебном,
> Силы неведомые воплощены.

Сам же владелец его, несомненно,
Угрозу несет всему миру Страны.
Он могуч и бессилен, глупец и герой,
И словом предательства или правды
Он может, шутя, управлять Страной,
Дать счастья нам всем
Иль разрушить мечты...
Холоден он и страстен,
Утерян и найден вновь,
И в разуме его безумном
Уживаются злость и любовь...

Вы знаете эту песню, Кавинант? Во всей стране нет белого золота. В земле никогда не находили золота, хотя говорят, будто Берек знал о нем и сочинял песни. Вы появились из других мест. Какая ужасная цель привела вас сюда?

Кавинант чувствовал, что она хочет по его взгляду найти в нем какой-то порок, какую-то фальшь, которая успокоила бы ее страх. Он будто окаменел.

"У тебя есть сила, — сказал Презренный. — Могущественная магия... Ты никогда не узнаешь, что это такое".

Мысль о том, что это обручальное кольцо является каким-то талисманом, заставила его почувствовать приступ тошноты, словно он вдохнул в себя запах эфирного масла. Ему страшно захотелось закричать. Ничего этого нет! Но ему был известен лишь один-единственный ответ: не думать об этом, следовать по тропе сна, выжить. И он ответил Этьеран ее же языком:

— Все цели ужасны, мне надо передать послание в Совет Лордов.

— Какое послание? — требовательно спросила она.

После секундного колебания он пробормотал:

— Серый Убийца вернулся.

Как только Кавинант произнес это имя, Лена выронила из рук глиняный кувшин, который несла, чтобы поставить на стол, и бросилась в объятия матери.

Кавинант стоял, сердито глядя на разбитый кувшин. Вылившаяся из него жидкость блестела на гладком каменном полу. Потом он услышал, как Этьеран, задыхаясь, в ужасе произнесла:

— Откуда вам это известно?

Он оглянулся на нее и увидел, что обе женщины при-

жались друг к другу, словно дети, напуганные демонами своих самых страшных снов.

— Грязный отвергнутый прокаженный! — угрюмо пробормотал он.

Но к Этьеран, казалось, понемногу возвращалась обычная твердость. Она крепко сжала губы, и взгляд ее больших глаз посуровел. Несмотря на весь свой страх, она была сильной женщиной, успокаивающей свое дитя и заставляющей себя броситься навстречу угрожающей ему опасности. Она снова спросила:

— Откуда вам это известно?

Она заставила его встать в оборонительную позицию, и он ответил:

— Я встретил его на Смотровой Кевина.

— Ах, увы! — вскричала Этьеран, крепко прижимая к себе Лену. — Что будет с молодежью в этом мире. Поколения умрут в агонии, и будет война, и ужас, и боль для живых. Увы, Лена, дочь моя! Ты родилась в злое время, и когда наступит час битвы, не будет для тебя ни мира, ни утешения. Ах, Лена, Лена!

Ее горе затронуло незащищенную струну в Кавинанте, и в горле его появился комок. Голос Этьеран заполнял его собственное видение запустения в Стране, будто погребальное пение, которого он прежде никогда не слышал. Впервые он почувствовал, что в Стране имелось нечто драгоценное, чему теперь грозило исчезновение.

Это сочетание сочувствия и гнева еще больше натянуло его нервы. Он почувствовал, что его бьет дрожь. Когда он взглянул на Лену, то увидел, что сквозь страх в ней уже пробудилось новое благоговение перед ним. Бессознательное предложение в ее взгляде горело еще более завлекающе, чем прежде.

Кавинант сидел молча, пока Этьеран и Лена постепенно успокаивали друг друга. Потом он спросил:

— Что вам известно обо всем этом? Что происходит со мной?

Прежде, чем Этьеран смогла ответить, снаружи послышался голос:

— Эй! Этьеран, дочь Тьеран! Трелл Гравлингас говорит нам, что твои дела на сегодня окончены. Выходи и спой для Подкаменья!

Мгновение Этьеран стояла, совершенно погрузившись в себя. Потом она вздохнула:

— Ах! Дело моей жизни только что началось, — и направилась к двери. Отогнув занавес, она произнесла в темноту: — Мы еще не ели. Я приду позже. Но после собрания мне нужно поговорить с группой старейших.

— Их предупредят, — отозвался голос.

— Хорошо, — сказала Этьеран. Но вместо того, чтобы повернуться к Кавинанту, она осталась стоять у входа, некоторое время глядя в темноту. Когда она, наконец, опустила занавес и повернулась к Кавинанту, он увидел, что глаза у нее увлажнились и в них появилось такое выражение, которое он сначала принял за покорность судьбе. Но потом он понял, что Этьеран просто вспомнила о былой покорности.

— Нет, Томас Кавинант, — печально сказала она. — Я ничего не знаю о вашей судьбе. Может быть, если бы я дольше пробыла в Лосраате, если бы у меня хватило сил... Но лимит моего пребывания там кончился, и я вернулась домой. Я знаю часть старого учения, о котором и не подозревают в Подкаменье Мифиль, но этого слишком мало. Все, что я могу вспомнить для вас, — это обрывки магических старых строк, нарушающих мир: "...Дикая магия, высеченная в каждом камне, сдерживаемая до поры, когда белое золото освободит ее и возьмет под контроль..." Но значения этих строчек, так же, как и направление теперешних времен, я не знаю. Так что вдвойне необходимо доставить вас в Совет.

Потом, посмотрев ему прямо в лицо, она добавила:

— Я открыто говорю вам, Томас Кавинант, что если вы пришли, чтобы предать Землю, то лишь Лорды, может быть, смогут остановить вас.

Предать? Эта была еще одна новая мысль. Прошло мгновение, и Кавинант понял, что имела в виду Этьеран. Но прежде, чем он заявил свой протест, Лена вступилась за него:

— Мама! Он же сражался с серой тучей на Смотровой Кевина. Я сама это видела. Как ты можешь в нем сомневаться?

Эта защита сдержала его воинственную реакцию. Сама того не желая, Этьеран затронула запретную тему. Он

еще не зашел настолько далеко, чтобы сражаться с Лордом Фаул.

Возвращение Трелла лишило Этьеран возможности ответить дочери. Великан некоторое время стоял в дверях, переводя взгляд с Этьеран на Лену и Кавинанта и обратно. Наконец он сказал:

— Так-так. Наступают тяжелые времена.

— Да, муж мой Трелл, — пробормотала Этьеран. — Тяжелые времена.

Потом его взгляд упал на осколки кувшина на полу.

— И в самом деле, тяжелые времена, — тихо проворчал он, — если бьется глиняная посуда, а черепки спокойно валяются под ногами.

На сей раз Лена испытала неподдельный стыд.

— Прости, папа, — сказала она. — Я испугалась.

— Ничего. — Трелл подошел к ней и положил ей на плечи свои тяжелые руки. — Некоторые раны вполне поддаются лечению. Сегодня я чувствую себя сильным.

При этом Этьеран с благодарностью посмотрела на мужа, словно он только что совершил какой-то подвиг.

К недоумению Кавинанта, она сказала:

— Садитесь, гость. Еда скоро будет готова. Идем, Лена.

Они вдвоем засуетились вокруг нагретого камня.

Кавинант смотрел, как Трелл начал подбирать осколки разбитого кувшина. Гравлингас тихо мурлыкал древнюю таинственную песню. Он осторожно перенес черепки на стол и положил их возле лампы. Потом он сел. Кавинант сел рядом с ним, гадая, что должно произойти.

Напевая сквозь сомкнутые зубы приглушенную песню, Трелл начал подбирать черепки друг к другу, словно решая головоломку. Осколок за осколком становился на место, смыкаясь с другими без помощи какого-либо клея, насколько это видел Кавинант. Движения Трелла были тщательными, кропотливыми, прикосновение к каждому осколку очень осторожным, но кувшин, казалось, очень быстро рос в его руках, и черепки точно подходили друг к другу, оставляя лишь сеть красивых темных линий в тех местах, где были трещины. Вскоре кувшин снова стал целым.

Тогда глубокий голос Трелла приобрел новую модуля-

цию. Он принялся поглаживать пальцами кувшин, и везде, где его пальцы касались поверхности, темные сетчатые линии исчезали, словно стирались. Трелл медленно ощупал так весь сосуд снаружи, а потом принялся за его внутреннюю поверхность. Наконец он поднял его и проделал ту же процедуру с днищем. Держа сосуд пальцами обеих рук, он начал вращать его, внимательно осматривая, чтобы убедиться, что ничего не пропущено. Затем он окончил пение, осторожно поставил кувшин и отнял от него руки. Посудина казалась такой же целой, как будто ее никогда не разбивали.

Кавинант перевел благоговейный взгляд с кувшина на лицо Трелла. Гравлингас, казалось, осунулся от напряжения, и его упругие щеки были залиты слезами.

— Чинить труднее, чем разбивать, — пробормотал он. — Я не смог бы делать это каждый день.

Он устало оперся локтями о стол и положил голову на руки.

Этьеран стояла сзади мужа, массируя тяжелые мускулы его плеч и шеи, и глаза ее были полны гордости и любви. Что-то в выражении ее лица заставило Кавинанта почувствовать, что он пришел из очень мелкого мира, где никто не подозревал и не заботился о возможности починки разбитых глиняных кувшинов. Он пытался внушить самому себе, что спит, но слушать себя ему не хотелось.

После молчаливой паузы, полной уважения к мастерству Трелла, Лена стала накрывать на стол. Вскоре Этьеран принесла с плиты чаши с едой. Когда все было готово, Трелл поднял голову, устало поднялся на ноги. Теперь вместе с Этьеран и Леной они стояли возле стола. Этьеран сказала Кавинанту:

— Обычай нашего народа — встать перед принятием пищи в знак нашего уважения к земле, из которой происходит жизнь, и еда, и сила.

Кавинант тоже встал, чувствуя себя неловко и не к месту. Трелл, Этьеран и Лена, закрыв глаза, на мгновение склонили головы. Потом они сели. Кавинант последовал их примеру, и они начали передавать друг другу блюда.

Ужин был обильным: холодная соленая говядина с

дымящимся соусом, дикий рис, черный хлеб и сыр; Кавинанту дали также высокий кубок с напитком, который Лена называла "весенним вином". Оно было таким же прозрачным и легким, как вода, слегка шипучим и чуть пахло алиантой, но по вкусу напоминало отличное пиво, лишенное всякой горечи. Кавинант проглотил изрядное количество напитка, прежде чем почувствовал, что он вызывает еще более ощутимую вибрацию его и без того пульсирующих нервов. Он чувствовал, что все сильнее напрягается. Он был слишком полон неожиданных впечатлений. Вскоре ему уже не терпелось поскорее покончить с едой, выйти из дома и расслабиться в ночном воздухе.

Но семья Лены ела медленно, и над ними витала угроза пресыщения. Они ужинали с эдакой целеустремленностью, словно эта трапеза венчала конец всего их счастья. В тишине Кавинант понял, что это было результатом его присутствия. Он чувствовал себя не в своей тарелке.

Чтобы отвлечься, он попытался суммировать мысленно то, что ему было известно обо всей этой ситуации. Но потом решил, что момент более подходит для расширения таких сведений.

— У меня есть один вопрос, — натянуто сказал он, жестом показывая, что вопрос касается Подкаменья. — Никаких дров. В этой долине полно деревьев, но я не вижу, чтобы вы пользовались дровами. Деревья для вас священны, или что-нибудь в этом роде?

Мгновение спустя Этьеран ответила:

— Священны? Это слово знакомо мне, но его значение не совсем понятно. В Земле содержится Сила, она в деревьях, реках, почве и камне, и мы уважаем ее за то, что она дает жизнь. Поэтому мы дали клятву мира. Вы спрашиваете об этом? Мы не пользуемся деревом, поскольку деревянное учение — лиллианрил — утеряно для нас, и мы не пытались вновь обрести его. Во время изгнания нашего народа, когда Страна переживала Запустение, были утеряны многие драгоценные вещи. Наш народ в пустынях и в горах Саутрон придерживался учения Радхамаэрль, и оно позволило нам выжить. Учение дерева там не помогало нам и было забыто. Теперь, когда

мы вернулись в Страну, нам вполне достаточно каменного учения. Но другие придерживаются лиллианрилл. Я видела Парящий Вудхельвен в горах далеко к северо-востоку от нас, и это чудесное место; люди там понимают деревья. Между Подкаменьем и Вудхельвеном существует некоторая торговля, но при этом ни дерево, ни камень не являются предметом продажи.

Когда она умолкла, Кавинант почувствовал, что снова наступившее молчание стало уже другим. Мгновение спустя послышался отдаленный гул голосов. Этьеран отрывисто сказала Треллу:

— Ах, собрание! Я обещала петь сегодня.

Она и Трелл встали, и он сказал:

— Хорошо. А потом ты побеседуешь со старейшинами. Некоторые приготовления к завтрашнему дню я возьму на себя. Смотри, — он указал на стол, — завтра будет чудесный день: на сердце камня нет тени.

Потом, вопреки самому себе, Кавинант посмотрел туда, куда указывал Трелл. Но ничего не увидел.

Заметив его взгляд, Этьеран добродушно сказала:

— Не удивляйтесь, Томас Кавинант. Никто кроме Радхамаэрля не может предсказать погоду по такому камню, как этот. А теперь идите со мной, если хотите, и я спою балладу о Береке Полуруком.

Она взяла со стола горшок с гравием и спросила:

— Лена, ты вымоешь посуду?

Кавинант, вставая, взглянул на Лену и увидел на ее лице выражение неохотного повиновения; было ясно, что ей хочется пойти вместе с ними. Но Трелл тоже заметил это выражение и сказал:

— Составь компанию нашему гостю, дочь моя. У меня будет достаточно времени, чтобы уделить внимание посуде.

Радость мгновенно преобразила девушку, и, вскочив, она обняла отца. Он легонько шлепнул ее и отстранил от себя. Она спохватилась, что выдала себя, и постаралась придать своему облику сдержанный и застенчивый вид, а также выразить взглядом благодарность, но ей это плохо удалось.

Этьеран сказала:

— Трелл, ты добьешься того, что эта девчонка возомнит себя красивой.

Но, взяв Лену за руку, она показала, что не сердится, и они вместе вышли из дома. Кавинант быстро последовал за ними и с чувством облегчения вышел в звездную ночь. Под открытым небом у него было больше возможностей, чтобы разобраться в самом себе.

Разбираться было в чем. Он не мог понять, объяснить свое растущее возбуждение. Выпитое им весеннее вино, казалось, сфокусировало всю энергию, и та резвилась в его венах, словно неистовый сатир. Он чувствовал, что необъяснимым образом доведен вдохновением до звероподобного состояния, словно стал скорее жертвой, чем источником своего сна. Белое золото! Он плюнул в темноту. Дикая магия! Они что, думают, что он сумасшедший?

Пусть он сумасшедший. Значит, в данный момент он просто переживает бред слабоумного, терзая себя ложными печалями и желаниями, порождениями иллюзий. Такое случалось с прокаженными.

"Нет! — крикнул он почти вслух. — Я знаю разницу, знаю, что я сплю!"

Его пальцы скорчились в ярости, и он глубоко вдохнул в легкие холодный воздух и все отбросил прочь. Он знал, как пережить сон. Единственной опасностью было сумасшествие.

Когда они шли между домами, гладкая рука Лены коснулась его руки. Он почувствовал новый прилив забытого ощущения.

Шум голосов становился все громче. Вскоре Лена, Этьеран и Кавинант добрались до круглого пятачка в центре Подкаменья и присоединились к собранию жителей деревни.

Оно освещалось дюжиной ручных ламп-горшков с гравием, и в этом освещении Кавинант все ясно различал. Мужчины, женщины, дети сгрудились вокруг площадки. Кавинант догадался, что практически все Подкаменье пришло сюда, чтобы послушать песню Этьеран. Многие сельчане были ниже его ростом и значительно ниже Трелла. Они были темноволосыми, приземистыми и плотными, с широкими плечами. Даже женщины и дети производили впечатление физической силы — века работы с камнем способствовали такому развитию. Ка-

винант чувствовал такой же смутный страх перед ними, как и перед Треллом. Они казались чересчур сильными, а у него не было ничего, кроме своей необычности, чтобы защитить себя, если они повернутся против него.

Они были заняты разговорами друг с другом, очевидно, ожидая появления Этьеран, и не подали вида, что заметили Кавинанта. Не желая привлекать к себе внимания, он держался сзади людей. Лена встала рядом с ним. Этьеран подала горшок с гравием и стала пробираться сквозь толпу к центру площадки.

Оглядев собравшихся, Кавинант переключил внимание на Лену. Она стояла против него и слева, на дюйм или два выше его плеча, и обеими руками держала на уровне талии полный горшок с гравием. Кавинант снова почувствовал зуд в ладонях от пугающего желания прикоснуться к ней.

Словно прочитав его мысли, она взглянула на него с торжественной мягкостью в лице, которая заставила его сердце сжаться, словно оно было слишком велико и не умещалось за обхватывающими его ребрами. Он стесненно отвел от нее взгляд и сделал вид, что оглядывает площадку, хотя на самом деле ничего не видел. Когда он снова взглянул на Лену, она, казалось, сделала то же самое — притворилась, что смотрит мимо. Кавинант сжал зубы и заставил себя набраться терпения и ждать, когда что-нибудь произойдет.

Вскоре собравшиеся замолчали. В центре открытой площадки на низком каменном возвышении стояла Этьеран. Она поклонилась собранию, и люди ответили на ее приветствие, молча подняв вверх светильники. Огни, казалось, сфокусировались вокруг нее, образовав полутень.

Когда светильники опустились, а в толпе затихли последние голоса, Этьеран начала:

— Сегодня ночью я чувствую себя старой, мою память как будто затуманило, и я не помню всей песни, которую хотела бы спеть. Но я спою то, что помню, и расскажу всю историю, как рассказывала и раньше, чтобы вы могли разделить со мной те знания, что я имею.

При этом по собранию пронесся тихий смех — веселая дань превосходству знаний Этьеран. Она молчала, склонив голову, чтобы скрыть страх, который принесли ей

знания, до тех пор, пока люди снова не утихли. Затем она подняла глаза и сказала:

— Я спою легенду о Береке Полуруком.

После последней короткой паузы она вплела свою песню в приветственную тишину, как необработанный редкий драгоценный камень.

Все в этой жизни бренно —
Звезды, шепот людской и мечты,
И пятнает Страну надменно
Война ликом земной красоты.

Люди проходят, как тени,
Жизнь свою оставляя в траве.
И земля уж молит о забвенье,
Но никто не внемлет мольбе.

В красный омут у ног своих
Берек мерзких топит мечом.
Больше рядом с ним нет таких,
Что стояли б к плечу плечом.

Он — последний страж красоты,
Он последний падет в бою,
И останутся лишь следы
О нем в песнях, что я пою...

Искорежен шлем, сломан меч,
Где рука, что сжимала его?
Какой недруг сумел отсечь
Пальцы Берека самого?

Полуруким он стал, и вот
К Горе Грома Берек идет.
Там заплакал он среди скал —
Друзей и руку он потерял...

Берек! Друг земли! Для тебя
Земля силу дарит, любя,
Всех погибших сынов своих;
Не исчезнет память о них...

Надевай кольцо и иди,
От напасти Страну исцели,
Уничтожь все горе и зло!
Снова в мире будет светло!

Песня повергла Кавинанта в трепет, словно скрывала в себе призрак, который он должен был суметь опознать. Но голос Этьеран очаровал его. Ее пение не сопровожда-

лось никакими музыкальными инструментами, но прежде, чем она пропела первую строчку, Кавинант почувствовал, что песня не нуждается ни в каком сопровождении. Чистая линия мелодии была украшена неожиданными резонансами, содержала в себе гармонию, эхо молчаливых голосов, так что при каждом новом запеве голос Этьеран, казалось, распадался на три или четыре независимых в песне голоса.

Баллада начиналась в грустной тональности, застывшего золотого оттенка ночи, украшенного звездами-драгоценностями, так что хотелось зарыдать, словно на панихиде; и сквозь это повеяло черным ветром утраты, в которой предметы нежной заботы, сконцентрированные в Подкаменье, казалось, затрепетали и исчезли. Слушая песню, Кавинант чувствовал, что все собравшиеся кричали, как один, в молчаливом горе под неистовой силой певицы.

Но печаль недолго звучала в ее голосе. После паузы, открывшейся в ночи, словно откровение, Этьеран запела свой храбрый припев: "Берек! Друг Земли!" И эта перемена отразилась в таком повышении основной модуляции, которая была недоступна для обычного голоса, менее универсального, чем ее. Собравшихся вновь переполнили эмоции, и в мгновение ока из печали они оказались в радости и благодарности. И тогда последняя долгая высокая нота вырвалась из горла Этьеран, как салют горам и звездам, люди подняли вверх светильники и издали звучный крик:

— Берек! Друг Земли! Привет тебе!

Потом, медленно опустив светильники, они двинулись вперед, придвигаясь ближе к Этьеран, чтобы услышать ее рассказ. Общий импульс был так прост и силен, что Кавинант тоже сделал несколько шагов прежде, чем опомнился. Он быстро оглянулся вокруг, задержал взгляд на слабо мерцающих звездах, вдохнул вездесущий аромат гравия. Единодушная реакция Подкаменья испугала его, он не мог позволить себе потеряться в ней. Он хотел уйти, но ему нужно было услышать рассказ о Береке, поэтому он остался на месте.

Как только люди устроились, Этьеран начала:

— Случилось так, что в старые времена, в те времена,

которые отмечают начало памяти человечества, произошла большая война. Это было до того, как родились Старые Лорды, до того, как Гиганты пересекли море, рождающее солнце, чтобы заключить союз с горбратьями — во времена перед Клятвой Мира, перед запустением и последней битвой Высокого Лорда Кевина. Это было время, когда Вайлы, правящие Демонмглой, были высокой и гордой расой, а Пещерные Существа ковали и плавили прекрасные металлы, чтобы торговать на основе открытой дружбы со всеми народами Страны. В то время страна была одной огромной нацией, и ею правили Король и Королева. Это была здоровая, крепкая пара, полная любви и достоинства, и в течение многих лет они правили в согласии и мире.

Но прошло время, и тень легла на сердце короля. Он вкусил власть над жизнью и смертью тех, кто ему служил, и научился стремиться к власти. Вскоре он начал испытывать жажду власти, она стала ему необходима, как пища. Ночи его проходили в темных поисках новой власти, а днем он пользовался ею, становясь все более алчным и жестоким по мере того, как его одолевала жажда.

Королева смотрела на мужа и ужасалась. Она хотела лишь одного: чтобы вернулись здоровье и мудрость прежних лет. Но ни ее мольбы, ни увещевания, никакая сила не могли разорвать путы жестокости, сковавшие Короля. И наконец, увидев, что все доброе в Стране умрет непременно, если ее муж не будет остановлен, она порвала с ним, противопоставила его могуществу свое.

И в Стране началась война. Многие, испытавшие на себе силу королевского хлыста, вставали на сторону королевы. И те, кто ненавидел убийства и любил жизнь, тоже присоединились к ней. Главнейшим среди них был Берек — самый сильный и мудрый из сторонников Королевы. Но Страна была охвачена страхом перед королем, и целые города вставали, чтобы сразиться за него — убивая, защитить свое собственное рабство.

Сражение шло по всей Стране, и одно время казалось, что королева победит. Ее герои обладали незаурядной силой, и никто не мог сравниться по силе с Береком, про которого говорили, что он не хуже любого короля. Но по

мере того, как бушевало сражение, тень, серая туча с востока упала над войском. Защитники Королевы были поражены прямо в сердце, и сила оставила их. А ее враги нашли в туче силу сумасшедших. Они забыли о том, что они люди. Они рубили и топтали, царапали и кусали, калечили и оскверняли до тех пор, пока их серый помощник подавлял героев, и товарищей Берека одного за другим настигало отчаяние или смерть. И так битва продолжалась, пока в живых не остался всего лишь один, кто ненавидел тень, — Берек.

Но он продолжал сражаться, не обращая внимания на свою судьбу и численность врагов, которые один за другим падали под ударами его меча, как листья с восковицы. Наконец сам Король, набрав страха и сумасшествия из тьмы, бросил вызов Береку, и они сразились; Берек нанес сокрушительный удар, но тень отвернула его клинок. Поэтому поединок балансировал до тех пор, пока один из ударов королевского топора не пришелся прямо по руке Берека. Тогда его меч упал на землю, и он оглянулся вокруг и увидел тень и всех убитых храбрых своих товарищей. Он издал громкий крик и, повернувшись, оставил поле битвы.

Так он бежал, преследуемый смертью, и память о тени витала над ним. Он бежал три дня, не останавливаясь, не отдыхая, и все три дня королевское войско гналось за ним, словно стая кровожадных животных, жаждущих добычи. Собрав остатки сил, на пределе отчаяния, он дошел до Горы Грома. Взобравшись по усыпанному камнями склону, он бросился ничком на большой валун и зарыдал, говоря:

— Увы, земля. Мы опрокинуты, и нет никого, кто мог бы спасти нас. Красота должна покинуть Землю.

Но камень, на котором он лежал, ответил:

— Для сердца, обладающего мудростью увидеть друга, такой друг есть.

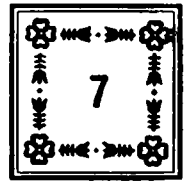
— Камни не друзья мне! — крикнул Берек. — Смотри, мои враги разгуливают по Стране, и никакое землетрясение не вырвет у них почву из-под ног.

— Возможно, — сказала скала. — Они живы так же, как и ты, и им нужна земля, чтобы стоять на ней. Тем не менее, в земле есть друг для тебя, и ты можешь исцелить его, отдав в залог свою душу.

Тогда Берек встал и подпустил к себе врагов как можно ближе. Он дал клятву, скрепив ее кровью из своей разрубленной руки. Земля ответила громом; с вершины горы скатился огромный Камень Огненных Львов, сметая все на своем пути. Король и все его войско были убиты, и Берек один остался живым свидетелем буйства валуна, похожий на мачту корабля в море.

Когда буйство прекратилось, Берек воздал благодарность Львам Горы Грома, обещал уважение, поклонение и служение Земле со своей стороны и со стороны поколений своих потомков, которые последуют за ним в Стране. Владея первой земной силой, он создал Посох Закона из древесины Одного Дерева и с его помощью начал исцелять Страну. Со временем Берек Полурукий получил прозвище — Хатфью и стал Лордом Создателем, первым из Старых Лордов. Те, кто последовали по его стопам, процветали в Стране две тысячи лет.

Когда Этьеран закончила, над людьми долго висела тишина. Потом одновременно, словно сердца их бились в унисон, Подкамники ринулись вперед, протягивая руки, чтобы прикоснуться к ней в благоговении. Она раскинула руки, чтобы обнять как можно больше своих соотечественников, и те, кто не мог дотянуться до нее, обнялись друг с другом, разделяя единство своего общего порыва.

лена

Один в ночи; один потому, что не мог разделить спонтанного импульса Подкаменья, Кавинант почувствовал себя внезапно пойманным в ловушку. Давление темноты вызвало спазм в легких, ему казалось, что не хватает воздуха. Он оказался во власти клаустрофобии, страха прокаженного перед толпой, перед ее непредсказуемым поведением.

"Берек!" — саркастически усмехнулся он. Эти люди хотели, чтобы он был героем.

Отвергая их заблуждение, от отшатнулся от них с глубоким возмущением, с надменным видом прошествовал между домов, словно Подкаменье нанесло ему смертельное оскорбление.

"Берек! — грудь его вздымалась при этой мысли. — Дикая магия! Это просто смешно. Разве эти люди не понимают, что он прокаженный?"

Не было ничего более невозможного для него, чем героизм такого рода, какой они видели в Береке Полуруком.

Но Лорд Фаул сказал:

— Он намерен сделать тебя моим последним врагом. Он выбрал тебя для этого, чтобы ты меня уничтожил.

В абсолютном страхе он на мгновение увидел конец, к которому, возможно, вела его тропа сна; он увидел себя неизбежно вовлеченным в конфронтацию с Презренным.

Он оказался в ловушке. Разумеется, он не мог играть героя в какой-то снящейся войне. Он не мог до такой степени забыться; забывчивость была равносильна самоубийству. И, тем не менее, он не мог избавиться от этого сна, не пройдя сквозь него, он не мог вернуться к реальности, не проснувшись. Он знал, что случилось бы с ним,

если бы он не двигался, стараясь при этом не сойти с ума. Удалившись от огней собрания даже на такую небольшую дистанцию, он чувствовал, как широкие крылья тьмы плещутся над ним, кругами спускаясь с неба над головой.

Пошатнувшись, он остановился, прислонившись к стене, и закрыл лицо руками.

— Я не могу, — прошептал он.

Надежды, что эта Страна могла бы его избавить от импотенции, как-нибудь вылечить его больное сердце, развеялись, словно дым.

— Не могу продолжать. Не могу остановиться. Что происходит со мной?

Внезапно он услышал приближающиеся к нему торопливые шаги. Оторвавшись от стены, он увидел спешащую к нему Лену. Светильник, подпрыгивающий в ее руке в такт шагам, отбрасывал причудливые тени на ее фигуру. Сделав еще несколько шагов, девушка пошла медленнее, потом остановилась совсем, подняв лампу так, чтобы лучше видеть Кавинанта.

— Томас Кавинант? — неуверенно произнесла она. — Вам нехорошо?

— Да! — огрызнулся он. — Мне нехорошо. И вообще, все нехорошо, и это длится с тех пор, как... — на мгновение слово застряло у него в горле, — с тех пор, как я развелся.

Кавинант взглянул на Лену, с вызовом ожидая, что она спросит, что такое "развод".

Девушка держала светильник так, что большая часть ее лица оставалась в тени. Кавинант не мог видеть, как подействовал на нее взрыв.

Однако какая-то внутренняя восприимчивость, казалось, руководила ею. Когда она заговорила, Кавинант понял, что она не будет усугублять его боль грубыми расспросами или соболезнованиями.

— Я знаю место, где вы сможете побыть один, — мягко сказала она.

Он угрюмо кивнул. Да! Он чувствовал, что его обезумевшие нервы вот-вот порвутся. Горло давило тисками ярости. Он не хотел, чтобы кто-нибудь видел, что с ним происходит.

Осторожно коснувшись его руки, Лена пошла к реке, и Кавинант последовал за ней. В тусклом мерцании звезд они добрались до берега Мифиль, а затем спустились вниз, к самой реке. Пройдя полмили, они вышли к старому каменному мосту, по которому скользили мокрые черные блики, словно он только что поднялся из воды специально для Кавинанта. Нелепость этой мысли заставила его остановиться. И, тем не менее, пролет моста казался ему чем-то вроде пролога, ведущего в неведомое; в темных горах по ту сторону реки таились перемены. Кавинант резко спросил:

— Куда мы идем?

Он боялся, что после того, как перейдет мост, он будет не в состоянии узнать самого себя.

— На ту сторону, — сказала Лена. — Там вы можете побыть один. Наши люди нечасто переходят через Мифиль. Считается, что западные горы враждебны, что зло убежища смерти, лежащего за ними, покорило их дух. Но в поисках камней для изображений зуру-па-мерль я прошла всю западную долину без всякого ущерба для себя. Здесь неподалеку есть место, где вас никто не потревожит.

Несмотря на всю свою массивность, мост на взгляд Кавинанта выглядел не внушающим доверия. Не скрепленные известью стыки казались непрочными, соединенными лишь с помощью тусклых, предательских, отбрасываемых созвездиями теней. Ступив на мост, Кавинант ожидал, что нога его подскользнется, а камни задрожат. Но арка моста была недвижима. Дойдя до середины, Кавинант остановился, облокотился на низкий парапет моста и посмотрел в реку.

Внизу сплошной темной массой текла вода, бормоча бесконечную молитву об отпущении грехов в море, и Кавинант смотрел в нее, словно просил мужества. Разве не мог он просто проигнорировать то, что ему угрожало, проигнорировать очевидную невероятность, сумасшествие всей этой ситуации, с тем, чтобы вернуться в Подкаменье и притвориться с веселым коварством, что он — воскресший Берек Полурукий.

Он не мог. Он был прокаженным; не всякая ложь удалась бы ему.

Ощутив острый приступ головокружения, Кавинант обнаружил, что колотит кулаками по парапету. Он судорожно поднес руки к лицу, пытаясь рассмотреть, не поранил ли их, но в тусклом свете звезд ничего не было видно.

С искаженным лицом он повернулся и сошел вслед за Леной на западный берег Мифиль.

Вскоре они добрались до цели. Некоторое время Лена вела Кавинанта прямо на запад, потом вверх по крутому холму и вправо, а затем вниз по ущелью и снова к реке.

Они осторожно пробирались по заваленному дну ущелья, словно балансировали на разбитом киле корабля; боковины его "корпуса" вздымались по обе стороны от них, суживая горизонт; несколько деревьев торчали из этих "стенок", словно рангоуты, а возле реки стенки ложились на землю, на косу гладкого песка, переходившую в плоский каменистый мыс, вдававшийся в реку. Мифиль жалобно стонала возле мыса, словно ее тревожило это небольшое сужение русла, и стон ее метался по ущелью, как морской ветер, завывающий среди остова разбитого судна, застрявшего на рифах.

Лена остановилась на песчаном дне "судна". Встав на колени, она выкопала в песке неглубокую ямку и высыпала в нее гравий из своего светильника. Камни запылали ярче, осветив желтым светом дно ущелья, и вскоре Кавинант почувствовал исходящее от них спокойное тепло. И лишь тогда он осознал, насколько холодна ночь и как приятно такой ночью посидеть у огня. Он опустился на корточки возле гравия, ощутив, как по телу прошла судорога — последний острый трепет надвигающейся истерии.

Высыпав гравий на песок, Лена пошла к реке. Она остановилась на мысе, там, куда свет почти не доходил, и фигура ее едва была видна в темноте, но Кавинант все же различил, что ее лицо было обращено к небу.

Проследив глазами направление ее взгляда, Кавинант увидел, что над темным ликом гор всходит луна. Серебристое сияние затуманило свет звезд вдоль гористого хребта и укрыло долину своей тенью, но тень эта вскоре переместилась к ущелью, и лунный свет упал на реку, сделав ее похожей на старинное серебро. И лишь только

полная луна взошла над горами, она осветила Лену и, словно лаская, набросила белую дымку ей на голову и на плечи. Стоя по-прежнему возле воды, девушка не отрывала взгляда от луны, и Кавинант смотрел на нее со странной мрачной ревнивостью, словно она балансировала над пропастью, принадлежавшей ему.

Наконец после того, как лунный свет перешел на западную долину, Лена опустила голову и вернулась к огню. Избегая взгляда Кавинанта, она мягко спросила:

— Мне уйти?

Кавинант ощутил зуд в ладонях, словно хотел ударить ее за одно лишь предположение, что она могла бы остаться. Но в то же время ночь пугала его, ему не хотелось оставаться с ней один на один. Он неуклюже поднялся, сделал несколько шагов в сторону от огня. Хмуро глядя на ущелье, спросил, пытаясь придать своему голосу нейтральное выражение:

— Чего ты хочешь?

Чего ты хочешь? А чего она может хотеть?

Ее ответ был спокойным и уверенным.

— Я хочу больше узнать о вас.

Он вздрогнул и наклонил голову, словно из воздуха материализовались когти и впились в него. Потом он снова взял себя в руки.

— Спрашивай.

— Вы женаты?

Он резко обернулся и посмотрел на нее, словно она нанесла ему предательский удар в спину.

Увидев его полные страдания глаза и оскаленные зубы, Лена заволновалась, опустила взгляд и отвернулась. Видя ее нерешительность, Кавинант понял, что лицо снова выдало его. Страшная оскаленная гримаса исказила лицо помимо его воли. Он хотел сдержаться, не дать выхода своим чувствам — во всяком случае, не в присутствии Лены... Тем не менее, она усугубила его боль так, как ничто иное, с чем ему приходилось сталкиваться. Прилагая отчаянные усилия, чтобы взять себя в руки, Кавинант резко произнес:

— Да. Нет. Это не имеет значения. Что за вопрос?

Под его пристальным взглядом Лена опустилась на песок, села, поджав под себя ноги, возле огня и искоса

посмотрела на него из-под ресниц. Сразу она ничего не ответила, и Кавинант принялся ходить туда-сюда вдоль песчаной косы и при этом крутил и яростно дергал свое обручальное кольцо.

Спустя некоторое время Лена несколько невпопад сказала:

— Один человек хочет жениться на мне. Это Триок, сын Тулера. Хотя я еще не достигла совершеннолетия, он сватается ко мне, чтобы, когда придет время, я не сделала другого выбора. Но если бы сейчас было можно, я бы вышла за него. О, он по-своему хороший человек — умелый пастух, храбрый при защите своих коров. И он выше многих других. Но в мире слишком много чудес, слишком много непознанных сил и красоты, неразделенной или несозданной, и к тому же я не видела Ранихинов. Я не могла бы выйти замуж за пастуха, которому в жены довольно всего лишь мастерицы зуру-памерль. Я лучше отправилась бы в Лосраат, как сделала когда-то Этьеран, моя мать, и училась бы там, и все бы у меня получалось независимо от того, каким бы испытаниям ни подвергали меня в учении, пока не стала бы Лордом. Говорят, что такое может случиться. А как думаете вы?

Кавинант почти не слушал ее. Он продолжал вышагивать по песку, пытаясь справиться со своим волнением, взбешенный и лишенный равновесия вынужденным воспоминанием о Джоан. Рядом с его утраченной любовью Лена и серебристая ночь в Стране потеряли всякое значение. Перед внутренним взором внезапно предстала вся бессмысленная картина его сна, словно таившаяся за миражом пустыня, новая разновидность одиночества прокаженного. Это не было реальностью; Кавинант мучил себя этой мыслью в бессознательном, невольном сопротивлении своей болезни и своей утрате. Мысленно он стонал:

"Неужели это результат изгнания? Или, может быть, человек всегда испытывает такой шок, когда умирает? К черту! Я больше не желаю!"

Он чувствовал, что сейчас закричит. Пытаясь совладать с собой, он упал на песок спиной к Лене и изо всех

сил обхватил колени руками. Не обращая внимания на неровность своего голоса, он спросил:

— Как у вас женятся?

Девушка спокойно ответила:

— Очень просто: мужчина и женщина сами выбирают друг друга. Став друзьями, они, если хотят пожениться, сообщают об этом кругу старейшин. Старейшины назначают срок, в течение которого смогут убедиться, что дружба этих двоих крепка и лишена примесей тайной ревности или неоправдавшихся свиданий, которые в дальнейшем стали бы помехой в их жизни. Затем подкамники собираются в центре. Старейшины берут за руки тех двоих и спрашивают: "Хотите ли вы делить жизнь в радости и горе, в труде и отдыхе, в мире и войне, ради обновления Страны?" Двое отвечают: "Жизнь с жизнью, мы хотим делить благо земли и службу ей".

На мгновение голос ее почтительно умолк. Затем она продолжала:

— Подкамники кричат все вместе: "Хорошо! Да будет жизнь, и радость, и сила, пока длятся годы!" Потом наступает день веселья, и новобрачные учат людей новым играм, танцам и песням, чтобы счастье Подкаменья обновлялось, а общение и радость не иссякли в Стране.

Она вновь сделала короткую паузу, прежде чем продолжить:

— День свадьбы Этьеран, моей матери, и Трелла, моего отца, был запомнившимся днем. Старейшины, которые учат нас, часто рассказывали о нем. Каждый день в течение испытательного срока Трелл поднимался к горам, разыскивая забытые тропинки и потерянные пещеры, скрытые водопадами, и вновь образовавшиеся расщелины, чтобы найти Камень Оркрест — драгоценную и страшно могущественную скалу. Дело в том, что когда южные равнины были охвачены засухой, жизни в Подкаменье грозила голодная смерть.

Потом, в самый канун свадьбы, он нашел свое сокровище — кусочек Оркреста величиной с кулак. И в день веселья, после проведения всех ритуалов, он и Этьеран спасли Подкаменье. Пока она пела глубокую молитву земле — песню, известную в Лосраате, но давно забытую среди нашего народа, он держал Оркрест в руке, а потом

раскрошил его своими сильными пальцами. Как только камень смешался с пылью, гром прокатился среди гор, и, хотя в небе не было туч, одна молния ударила ему из пыли прямо в руку. Голубое небо мгновенно почернело от грозовых туч, и полил дождь. Так было покончено с засухой, и подкамники улыбались грядущим дням, как будто родились заново.

Изо всей силы сжимая колени, Кавинант все же не мог совладать со своей умопомрачительной яростью. Джоан! Рассказ Лены он воспринял, как насмешку над своей болью и утратой.

— Я не могу...

На мгновение его нижняя челюсть задрожала от усилия, когда он попытался заговорить. Потом он вскочил и бросился к реке. Отбежав на небольшое расстояние, он нагнулся и выхватил из песка камень. Подбежав к краю мыса, он изо всей силы швырнул камень в воду.

— Не могу!

Слабый всплеск был ему ответом, но и этот звук тотчас же угас в бездумном бормотании реки, а на воде не осталось даже кругов.

Кавинант сначала тихо сказал реке:

— Джоан к свадьбе я подарил пару башмаков для верховой езды.

Потом, дико потрясая кулаками, он закричал:

— Тебя удивляет моя импотенция?

Невидимая и недоумевающая, Лена встала и двинулась к Кавинанту, вытянув вперед руку, словно пытаясь смягчить удар, застигнувший ее врасплох. Но в нескольких шагах от него она остановилась, подбирая нужные слова. Наконец она прошептала:

— Что случилось с вашей женой?

Плечи Кавинанта дернулись, он хрипло сказал:

— Ее нет.

— Как она умерла?

— Не она — я! Она оставила меня. Развелась. Положила конец нашей совместной жизни. Тогда, когда была особенно мне нужна.

Лена возмущенно удивилась:

— Как такое могло случиться, если жизнь продолжается и сейчас?

— Я не живу. — Она услышала, как в его голосе снова закипела ярость. — Я прокаженный, грязный пария. Прокаженные — мерзкие и безобразные. И противные.

Его слова вызвали в Лене ужас и протест.

— Как такое может быть? — простонала она. — Вы не... противный. Что это за мир, который осмелился так обращаться с вами?

Его плечи снова дернулись, словно руки его сжимали горло какого-то демона-мучителя.

— Это реально. Реальность. Факт. Нечто, убивающее тебя, если ты в это не веришь.

Сделав отвергающий жест в сторону реки, он прошептал:

— Это сон.

Лена вспыхнула от внезапной ярости.

— Я не верю этому. Может быть, ваш мир. Но Страна... Ах, Страна реальна!

Кавинант почувствовал, что его спина словно одеревенела, и спросил с неестественным спокойствием:

— Ты что, пытаешься сделать из меня сумасшедшего?

Его зловещий тон озадачил и привел в уныние девушку. На мгновение ее мужество поколебалось; она почувствовала, как река и ущелье смыкаются вокруг нее, словно челюсти капкана. Потом Кавинант стремительно обернулся и нанес ей жгучий удар по лицу.

Сила удара заставила ее пошатнуться и вновь вступить в круг света, отбрасываемого гравием. Он быстро шагнул следом, с перекошенным ужасной ухмылкой лицом. С трудом удержав равновесие и бросив на Кавинанта один ясный и испуганный взгляд, она поняла, что он хочет убить ее. Эта мысль парализовала ее. Она стояла, окаменевшая и беззащитная, пока он подходил все ближе.

Подойдя вплотную к девушке, Кавинант сгреб обеими руками платье у нее на груди и разодрал тонкую ткань, словно паутину. Она не могла даже шевельнуться. Мгновение он смотрел на нее, на ее робкие нежные груди и маленькие трусики, с мрачным триумфом в глазах, словно только что разоблачил какой-то отвратительный заговор. Потом, схватив девушку левой рукой за плечо, он сорвал с нее трусики, одновременно повалив ее на песок.

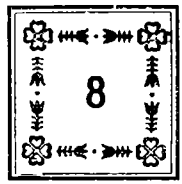
Теперь Лена хотела было сопротивляться, но не могла шевельнуть и рукой, обезоруженная болью.

Мгновение спустя Кавинант всей тяжестью навалился на нее, и ее лоно пронзила дикая боль, точно белый огонь, и заставила ее закричать. Но еще не стих этот крик, а она уже знала, что теперь слишком поздно. Нечто, считавшееся у ее народа даром, было вырвано, отнято у нее.

Однако Кавинант не чувствовал себя вором. Оргазм низверг из него целый поток, словно он упал в Мифиль растопленной ярости. Задыхаясь в страсти, он почти терял сознание. Потом время, казалось, перестало существовать для него, и он лежал неподвижно несколько мгновений, которые, насколько он знал, могли оказаться часами; часами, в течение которых его мир, возможно, рассыпался, незамеченный.

Наконец он вновь ощутил мягкое тело Лены под собой и почувствовал, как она сотрясается от глухих рыданий. Он с усилием поднялся и, посмотрев вниз, в свете гравия увидел кровь на ее бедрах. Его голова мгновенно закружилась, и он покачнулся, словно заглянул в пропасть. Он повернулся и неуклюжими, нетвердыми шагами поспешил к реке, упал плашмя на скалу, и его стошнило. Воды Мифиль мгновенно все унесли, словно ничего и не было.

Он неподвижно лежал на скале, а его возбужденные нервы постепенно успокаивались. Он не слышал, как встала Лена и, собрав клочья своей одежды, пыталась как-то прикрыть наготу; как она что-то говорила, как потом покинула ущелье. Он не слышал ничего, кроме беспрестанного стенания реки, и не видел ничего, кроме тепла своей выгоревшей страсти, и не чувствовал ничего, кроме влажного, словно смоченного слизью камня под щекой.

ЭТЬЕРЯН

Жесткое каменное ложе постепенно пробуждало Томаса Кавинанта от видений пылких объятий. Некоторое время он медленно плыл в поднимавшемся потоке рассвета, окруженный на своей аскетической постели раздумьями, рекой, отыскивающей свой путь, свежими ароматами утра, криками кружащих в небе птиц.

По мере того, как к Кавинанту возвращалось сознание, он чувствовал умиротворение, свою гармонию с окружающим, и даже непреклонная жесткость камня казалась ему уместной, необходимой частью утра в целом.

Первым его воспоминанием о прошедшей ночи было воспоминание об оргазме, о разрывающемся сердце, об облегчительном освобождении и удовольствии, столь драгоценном, что он готов был продать душу за то, чтобы сделать все это частью реальной жизни. Вспоминая и словно бы заново переживая эти ощущения, он испытал долгий прилив радости. Потом он вспомнил, что для того, чтобы получить все это, он причинил боль Лене.

Лена!

Перекатившись на бок, Кавинант сел. Уже совсем рассвело. Хотя солнце еще не поднялось над горами, все же в долине было достаточно света, чтобы Кавинант увидел, что Лены нигде нет. Она ушла.

Она оставила огонь гореть в песке, выше по ущелью от того места, где лежал Кавинант. Он с трудом поднялся и осмотрел все ущелье и оба берега Мифиль, надеясь найти какой-нибудь след девушки. О, лишь теперь его воображение представило месть Подкамников. Сердце тяжело бухало в груди; всем этим людям, сильным, как скалы, будет наплевать на его объяснения и извинения. Словно дезертир, он искал следы погони.

Но ничто не нарушало утреннего покоя, словно здесь не было ни людей, ни преступлений, ни стремления к наказанию. Постепенно паника Кавинанта пошла на убыль. Бросив последний взгляд вокруг, он начал готовиться к тому, что ему предстояло.

Он знал, что должен немедленно отправиться в путь, поспешить вдоль реки к относительной безопасности равнины. Но он был прокаженный и не мог так просто пуститься в одиночное путешествие, ему необходимо было подготовиться.

О Лене Кавинант не думал, он инстинктивно чувствовал, что не может себе позволить думать о ней. Он осквернил ее доверие. Осквернил доверие Подкаменья, в ярости прошедшей ночи он зашел слишком далеко. Это кануло в прошлое, безвозвратно прошло, это было иллюзорным, как сон.

С усилием, заставившим его задрожать, он отбросил от себя мысли об этом. Почти случайно на Смотровой Кевина он нашел ответ на это безумие: продолжай двигаться, не думай об этом, выживи. Теперь такой ответ был даже еще более необходим. Его страх "Берека", испытанный накануне вечером, казался сейчас относительно несущественным. Его сходство с легендарным героем было всего лишь частью сна, а вовсе не обязательным фактом или требованием. Эту мысль он тоже отбросил, а затем намеренно произвел тщательный осмотр самого себя и ВНК.

Убедившись в том, что на теле нет незаметных ушибов и опасных пурпурных пятен, он двинулся к концу мыса. Он все еще дремал. Ему требовалась большая самодисциплина, самоуправление; руки его дрожали, как будто не могли успокоиться без обычного ритуала бритья. Но перочинный нож в кармане не годился для этой цели. Выждав мгновение, Кавинант сделал глубокий вдох, ухватился за край скалы и бросился прямо в одежде в реку, чтобы искупаться.

Течение соблазнительно тянуло его, побуждая проплыть под голубыми небесами прямо в весенний день. Но вода была слишком холодна, и выдержки Кавинанта хватило только на то, чтобы нырнуть и несколько секунд поплескаться в струях течения. Потом он, подтянув-

шись, снова выбрался на каменный мыс и встал на нем во весь рост, отдуваясь и стирая воду с лица. А вода продолжала стекать с волос прямо в глаза, ослепляя Кавинанта и не давая ему увидеть Этьеран, стоящую на песке возле ямки с гравием. Она смотрела на Томаса мрачным твердым взглядом.

Когда Кавинант наконец заметил ее, позволив воде ручьями стекать с себя, словно его застигли в момент преступного акта, мгновение он и Этьеран мерили друг друга взглядами через песок и скалу. Когда Этьеран заговорила, Кавинант внутренне съежился, ожидая, что она будет оскорблять его, бранить, осыпать упреками и проклятьями. Но она сказала только:

— Подойдите к гравию. Вам надо обсушиться.

С удивлением он тщательно проанализировал выражение ее голоса при помощи всех своих обостренных чувств, но не смог обнаружить в нем ничего, кроме решимости и спокойной печали. Внезапно он понял, что она не знает, что случилось с ее дочерью.

Делая глубокие вдохи, чтобы держать под контролем работу сердца, Кавинант двинулся вперед и скорчился возле огня. Его разум с невероятной скоростью перебирал самые немыслимые предположения, которые объясняли бы поведение Этьеран, но он подставил теплу лицо и молчал, надеясь, что она скажет что-нибудь и он поймет, как ему следует держать себя с ней.

И почти сразу же она пробормотала:

— Я знала, где вас искать. Прежде, чем я вернулась после разговора с кругом старейшин, Лена рассказала Треллу, что вы были здесь.

Она замолчала, и Кавинант заставил себя спросить:

— Он ее видел?

Он знал, что это подозрительный вопрос. Но Этьеран ответила просто:

— Нет. Она отправилась провести ночь с подругой. Проходя мимо дома, она просто крикнула отцу.

После этого Кавинант долго сидел молча, будучи не в силах говорить, пораженный подтекстом поступка Лены. Просто крикнула. Сначала голова у него закружилась от облегчения. Он был в безопасности, по крайней мере, на время. Свойственной ей скрытностью Лена сбе-

регла для него драгоценное время. Очевидно, люди этой Страны готовы понести жертвы.

Еще мгновение спустя он понял, что она не сделала для него никакой жертвы. Он не мог себе представить, чтобы она заботилась о его личной безопасности. Нет, она решила защитить его потому, что он был похож на Берека и должен был доставить послание Лордам. Она не хотела, чтобы возмездие Подкаменья помешало осуществлению его намерений. Это был ее вклад в дело защиты страны от лорда Фаул, Серого Убийцы.

Это был героический вклад. Несмотря на самодисциплину, на свой страх, он чувствовал, какое усилие пришлось приложить Лене ради его послания. Он, казалось, видел, как она, нагая, провела, скорчившись за скалой у подножия гор, эту холодную ночь, впервые за все время своей молодой жизни избегая дружеских объятий своей общины, в одиночку перенося боль и позор своего растерзанного тела, чтобы никто не спросил ее о причине этого. С мучительной силой им овладело воспоминание о крови на ее бедрах.

Плечи его дернулись, отгоняя эту непрошенную мысль. Сквозь стиснутые зубы он пробормотал, обращаясь к себе самому:

— Я должен попасть в Совет.

Взяв себя в руки, он мрачно спросил:

— Что сказали старейшины?

— Не так уж много смогли они сказать, — бесстрастным голосом произнесла Этьеран. — Я рассказала им все, что знала о вас и о грозящей Стране опасности. Они согласились, что я должна сопровождать вас в Колыбель Лордов. Именно для этого я и пришла сюда. Вот, — она указала на два рюкзака, лежащие у ее ног, — я готова. Трелл, мой муж, благословил меня. Вот только очень огорчает то, что я не попрощалась с Леной, моей дочерью, но время не ждет. Вы не рассказали мне до конца, в чем заключается ваше послание, но я чувствую, что, начиная с этого дня, всякое промедление грозит катастрофой. Старейшины обдумают план защиты равнин. Мы должны идти.

Кавинант встретился с ней взглядом, и теперь ему стала понятна печальная решимость ее взгляда. Она бо-

ялась и не верила, что останется жива и сможет вернуться к своей семье. Ему неожиданно стало жаль ее. Не вполне понимая, что говорит, Кавинант попытался успокоить Этьеран:

— Дела не так плохи, как могли бы быть. Пещерный Житель нашел Посох Закона, но, насколько я понял, он не знает толком, как им пользоваться. Лорды должны как-нибудь Посох у него отобрать.

Но попытка Кавинанта не удалась. Этьеран еще больше помрачнела и сказала:

— Значит, жизнь Страны сейчас — в скорости наших ног. Увы, мы не можем обратиться за помощью к Ранихинам. Рамены не проявляют особого сочувствия к делам Страны, и с незапамятных времен на Ранихинах никто не ездил, кроме Лорда Стражи Крови. Нам придется идти пешком, Томас Кавинант, а до Ревлстона — триста долгих лье. Высохла ли ваша одежда? Нам пора отправляться в путь.

Кавинант был готов, ему хотелось убраться подальше от этого места. Он поднялся и сказал:

— Прекрасно. Идемте.

Тем не менее, во взгляде Этьеран, когда он поднялся, появилась какая-то нерешительность. Тихим голосом, словно пересиливая себя, она сказала:

— Доверяете ли вы мне быть вашим проводником, Томас Кавинант? Вы не знаете меня. Я училась в Лосраате, но не справилась со всем, что требовалось.

Выражение ее голоса, казалось, подразумевало не то, что на нее нельзя было положиться, а то, что он имел право судить ее. Но ему было не до этого.

— Я вам доверяю, — пробормотал он. — А почему бы и нет? Вы сами сказали... — Он запнулся, потом все же нашелся. — Вы сами сказали, что я пришел, чтобы спасти или уничтожить Страну.

— Это правда, — сказала Этьеран просто. — Но вы не похожи на слугу Серого Убийцы. Сердце предсказывает мне, что судьба страны — поверить вам, на счастье или на беду.

— Тогда вперед. — Он взял рюкзак, который протянула ему Этьеран, и накинул лямки на плечи. Но прежде, чем надеть свой рюкзак, женщина опустилась на ко-

лени перед лежащим на песке гравием и начала водить над ним руками, издавая какое-то низкое гудение — тихий напев, довольно нескладно звучащий в ее исполнении, словно он был для нее непривычен. Под волнообразными движениями ее рук желтый свет угас. В мгновение ока камни превратились в бледно-серую гальку, словно Этьеран убаюкала их, и они уснули. Когда они остыли, женщина собрала их в светильник, закрыла его и положила в свой рюкзак.

Это зрелище напомнило Кавинанту обо всем, что было ему неясно в этом сне. Когда Этьеран встала, он сказал:

— Мне потребуется лишь одно. Я хочу, чтобы вы рассказали мне... Рассказали все о Лосраате, и о Лордах, и обо всем, что я попрошу. — И, поскольку объяснить свою просьбу он не мог, то неубедительно добавил: — Так мне легче будет скоротать время.

Бросив на Кавинанта насмешливый взгляд, Этьеран закинула на спину свой рюкзак.

— Вы странный, Томас Кавинант. Мне кажется, вам слишком не терпится убедиться в моем неведении. Но о том, что мне известно, я вам расскажу, хотя, если бы не ваше одеяние и речь, я бы ни за что не поверила, что вы никогда не были в Стране. А теперь идемте. Этим утром нам по дороге в изобилии будут встречаться драгоценные ягоды, так что о завтраке можно не беспокоиться. Съестные припасы лучше всего поберечь пока на всякий случай.

Кавинант кивнул и начал взбираться следом за Этьеран по склону ущелья. Он был рад, что снова движется, и путь казался ему легким. Вскоре они были уже внизу, у реки, и приближались к мосту.

Этьеран направилась прямо на мост, но, дойдя до его середины, остановилась. Спустя мгновение к ней присоединился и Кавинант, и она рукой указала в направлении далеких равнин.

— Должна прямо вам сказать, Томас Кавинант, — сказала Этьеран, — что я не собираюсь идти в Колыбель Лордов по прямой. Колыбель находится к северо-западу от нас, в трехстах лье, если идти через центральные равнины Страны. Там, в Подкаменьях и Вудхельвенах живет много людей, и там, возможно, мы найдем помощь

и дорогу, которые приведут нас к цели. Но на лошадей надеяться нельзя. В стране они встречаются редко, и никто, кроме жителей Ревлстона, ничего о них не знает. Сердце подсказывает мне, что мы можем сэкономить время, отправившись на север и переплыв Мифиль в том месте, где она поворачивает на восток, и, тем самым, окажемся в земле Анделейна, чудесные горы которой — цветок в букете красот земли. Потом мы доберемся до реки Соулсиз и, может быть, найдем лодку, в которой поплывем вверх по этим прекрасным водам, мимо западных берегов земли Третгард, где хранятся обещания Лордов, к самому великому Ревлстону, Колыбели Лордов. Воды Соулсиз покровительствуют всем путешествующим, и наш путь окончится скорее, чем мы найдем там средство передвижения. Но нам придется проплыть в пятидесяти лье от Горы Грома — Грейвин Френдор.

Голос ее слегка задрожал, когда она произнесла древнее название.

— Только там, и нигде больше, можно найти Посох Закона, и мне бы не хотелось приближаться даже на такое расстояние к незаконному владельцу такого могущества.

Она заколебалась и сделала паузу, затем продолжала:

— Нескончаемые беды наступят, если эта гниль, Пещерный Житель, завладеет вашим кольцом. Слуги дьявола не замедлят воспользоваться дикой магией. И даже если бы Пещерный Житель был неспособен воспользоваться кольцом, я боюсь, что под Горой Грома все еще живут юр-вайлы. Эти твари знакомы с Учением, и белое золото их бы не превзошло.

Однако время не терпит, и мы должны его экономить при каждом удобном случае. Есть и другая причина искать дорогу через Анделейн в это время года, если мы будем спешить. Но об этом я говорить не буду. Вы сами об этом догадаетесь и обрадуетесь, если в пути нас не настигнет какая-нибудь беда.

Этьеран пристально взглянула на Кавинанта, вложив в этот взгляд всю свою внутреннюю силу, так что он почувствовал, как и накануне вечером, что она ищет в нем какую-то слабинку. Он испугался, что она прочтет по его лицу обо всех его ночных делах, и заставил себя

выдержать ее взгляд, глядя ей прямо в глаза до тех пор, пока она не сказала:

— Теперь скажи мне, Томас Кавинант, пойдешь ли ты туда, куда я тебя поведу?

Чувствуя одновременно стыд и облегчение, он ответил:

— Давайте покончим с этим. Я готов.

— Хорошо. — Она кивнула и вновь направилась к восточному берегу. Но Кавинант еще мгновение оставался недвижим, глядя вниз, на реку. В ее мягком жалобном бормотании эхо звучало сотнями голосов, и они, казалось, оплакивали его со спокойной иронией.

— Тебя удивляет моя импотенция?

Облако тревоги набежало на его лицо, но он взял себя в руки, потер кольцо и зашагал следом за Этьеран, оставляя Мифиль катить волны прежней дорогой, словно поток забвения или границу смерти.

Когда солнце поднялось над восточными горами, Этьеран и Кавинант шли уже на север вдоль течения реки, к открытым равнинам. Первое время они шли молча. Кавинант то и дело совершал короткие набеги в горы по правой стороне, собирая алианту. Их острый, напоминающий персик аромат по-прежнему казался ему восхитительным; чудесный экстракт сока удивительно обострял чувство голода и вкусовые ощущения. Кавинант воздерживался от того, чтобы обрывать все ягоды с каждого куста; ему приходилось часто отклоняться от проложенной Этьеран в строгом направлении дороги, чтобы добыть себе достаточно пищи, и он старательно рассеивал семена, как учила его Лена. Затем ему приходилось пускаться рысью, чтобы нагнать Этьеран. Так они преодолели почти лье, и Кавинант наконец насытился, а долина стала заметно шире. Он в последний раз предпринял вылазку за алиантой, а заодно решил спуститься к реке, чтобы напиться; а потом поспешил занять место рядом с Этьеран.

Что-то в выражении ее лица, казалось, просило его не разговаривать, поэтому он отвлек себя от желания завязать разговор, осуществляя свои обычные самопроверки. Затем он, призвав всю силу воли, попытался вспомнить прежнюю свою механическую походку, которая завела

его так далеко от Небесной Фермы. Этьеран, казалось, вполне свыклась с мыслью о том, что им предстоит путь длиной в триста лье, но о нем этого сказать было нельзя. Кавинант чувствовал, что ему понадобятся все навыки прокаженного, чтобы уже в первый же день этого путешествия по горам не поранить себя. Следя за ритмом своих шагов, он пытался овладеть неуправляемостью ситуации, в которой очутился.

Он знал, что, рано или поздно, придется объяснять Этьеран, какая опасность ему угрожает. Ему могла понадобиться ее помощь, по крайней мере, ее понимание. Но не теперь, не теперь. Он еще не вполне установил контроль за собой.

Через некоторое время Этьеран изменила направление и начала удаляться от реки, направляясь вверх к подножиям северо-восточных гор. Прилегавшие к горам холмы были крутыми и частыми, и Этьеран, казалось, шла безо всякой тропинки. Позади нее Кавинант карабкался вверх и ковылял вниз по каменистым, извилистым склонам, хотя естественный ландшафт постоянно пытался направить их на запад. Мышцы шеи начали болеть от рюкзака, и под лопатками запрыгали пульсирующие точки, словно зарождающиеся судороги. Вскоре он уже тяжело дышал, бормоча проклятья в адрес Этьеран, так по-дурацки выбиравшей направление.

К середине утра они остановились, чтобы передохнуть, на склоне высокого холма. Она даже не присела и отдыхала стоя, но мышцы Кавинанта дрожали от усталости, и он упал на землю рядом с ней, тяжело дыша. Когда он немного пришел в себя, то спросил, задыхаясь:

— Почему мы не пошли вокруг, к северу мимо этих гор, а потом на восток? Зачем нужны все эти подъемы и спуски?

— По двум причинам, — коротко ответила Этьеран. — Впереди будет длинная тропа, ведущая на север через горы. По ней идти будет легко, и мы сэкономим время. И кроме того... — она замолчала и оглянулась, — мы сможем кое от чего избавиться. С тех пор, как мы оставили мост, меня не покидает ощущение, что за нами кто-то идет.

— Идет? — воскликнул Кавинант. — Кто?

— Не знаю. Возможно, кругом уже полно шпионов Серого Убийцы. Говорят, его высшие слуги, его Пожиратели не могут умереть, пока он жив. У них нет собственного тела, и дух каждого из них странствует до тех пор, пока не найдет живое существо, которое бы ему подошло. Таким образом они могут воплотиться и в человеке, и в животном — это дела случая — и начать убивать жизнь Страны.

Но я надеюсь, что в горах мы избавимся от погони. Вы отдохнули? Мы должны идти.

Расправив одежду под лямками рюкзака, она начала спускаться с холма. Мгновением позже Кавинант, ворча, последовал за ней.

В течение остальной части утра ему пришлось изо всех сил стараться держаться стойко перед лицом изнуряющей усталости. Ноги его онемели, а груз на спине, казалось, так стеснил дыхание, что он дышал с трудом, будто задыхался. Он не был приспособлен к таким переходам; неуверенно шатаясь, он ковылял вверх и вниз по холмам. То и дело лишь крепкие ботинки и толстые брюки спасали его ноги от повреждений. Но Этьеран шла впереди ровным шагом, не делая, казалось, ни одного лишнего движения и ни разу не оступившись. И, глядя на нее, он чувствовал в себе новый прилив сил.

Но, наконец, она повернула вниз, в длинное ущелье, уходившее на север насколько хватало глаз, словно прорезь в горах. Небольшой ручей струился посреди ущелья, и они остановились возле него, чтобы напиться, умыть лицо и отдохнуть. На этот раз Этьеран тоже сняла рюкзак и опустилась на землю. Издавая глубокие стоны, Кавинант лег на спину, закрыв глаза.

На некоторое время он просто расслабился, прислушиваясь к своему хриплому дыханию, пока оно не стало мягче и он не расслышал тихий шелест ветра. Потом он открыл глаза, чтобы оглядеться.

Оказалось, что в четырех тысячах футов от него возвышается Смотровая Кевина.

Зрелище было весьма неожиданным; он поднялся и сел, чтобы получше рассмотреть. Смотровая находилась прямо на юго-востоке от него, упираясь в небо с каменного постамента, словно обвиняющий перст. На этом рас-

стоянии камень казался черным и роковым, словно нависшим над ущельем, по которому должны были пройти он и Этьеран. Это напомнило ему о Презренном и о тьме.

— Да, — сказала Этьеран. — Это Смотровая Кевина. Там стоял Кевин, Расточитель Земли, Высокий Лорд и владелец Посоха, прямой потомок Берека Полурукого, во время последней битвы с Серым Убийцей. Говорят, здесь он познал поражение и сводящее с ума горе. Во тьме, поглотившей его сердце, он — самый могущественный герой всех времен Страны; даже он, Высокий Лорд Кевин, присягнувший на дружбу с Землей, вызвал разорение, конец всему в Стране в течение многих поколений. То, что вы были там, — плохая примета.

По мере того, как она говорила, Кавинант повернулся к ней и увидел, что она смотрела не вверх, на скалу, а как бы внутрь себя, словно размышляя, каково было бы ей на месте Кевина. Затем она внезапно встряхнулась и сказала:

— Но тут уже ничего не поделаешь. Наш путь на многие лье будет проходить в тени Смотровой Кевина. А теперь нам пора!

Кавинант заворчал, но она скомандовала:

— Идемте. Мы не можем себе позволить двигаться медленно, если не хотим, чтобы в конце пути оказалось, что уже слишком поздно. Теперь наш путь будет легче легкого. И, если это вам поможет, я расскажу о Стране.

Потянувшись за рюкзаком, Кавинант спросил:

— Нас все еще преследуют?

— Не знаю. Я не видела и не слышала ни одного признака. Но мое сердце предчувствует беду. Сегодня днем в нашем пути мне виделось что-то не то.

Кавинант закинул рюкзак на спину и, шатаясь, поднялся на ноги. Его сердце тоже чуяло что-то нехорошее, но на то у него были свои причины. Здесь, под Смотровой Кевина, гудящий ветер звучал, словно отдаленное хлопанье крыльев стервятника. Расправив лямки рюкзака на ноющих плечах, Кавинант согнулся под его тяжестью и начал следом за Этьеран спускаться на дно ущелья.

Большей частью расселина была прямой, с гладким дном, хотя ширина ее не превышала пятидесяти футов. Однако Этьеран и Кавинанту хватало места, чтобы идти

рядом вдоль неширокого ручья. По мере того, как они шли, останавливаясь возле каждого встречавшегося изредка куста алианты, чтобы собрать и съесть несколько ягод, Этьеран своими краткими рассказами заполняла пробелы в знаниях Кавинанта о Стране.

— Трудно даже решить, с чего начать говорить об этом, — сказала она. — Все есть часть всего, и каждый вопрос, на который я стала бы отвечать, поднимает три других вопроса, ответа на которые я дать не могу. Мое обучение ограничивалось тем, что быстро усваивают все в течение первых лет обучения в Лосраате. Но я расскажу вам все, что смогу.

Сыном Берека Хатфью был Дэймлон, Друг Гигантов, а его сыном был Лорик Глушитель Мерзости, который остановил размножение Демонмглы, сделав их импотентами.

По мере того, как она говорила, ее голос приобретал модуляции, напоминающие Кавинанту о ее пении. Она не просто перечисляла сухие факты, она говорила об истории своей Страны, которая была для нее священной.

— А Кевин, которого мы зовем Расточителем Земли скорее из жалости, чем из-за осуждения его отчаяния, был сыном Лорика и Высоким Лордом, занявшим место отца, когда ему был передан Посох. В течение тысячи лет Кевин стоял во главе Совета, и он расширил дружбу Лордов с Землей до таких пределов, какие прежде были неведомы в Стране, и пользовался большой славой и уважением.

Еще будучи совсем юным, он был мудрым, могущественным и очень много знал. Заметив первые признаки того, что древняя тень ожидает оживления, он сумел заглянуть далеко в будущее, и то, что он там увидел, наполнило его страхом. Поэтому он собрал все свое учение в Семь Заповедей:

> **Семь Заповедей древнего Учения,**
> **Для защиты Страны, ее стен и дверей...**

И спрятал их так, чтобы эти знания не покинули Страну даже в том случае, если Старые Лорды потерпят поражение.

В течение многих, многих долгих лет Страна жила в мире. Но за это время под личиной друга возвысился Серый Убийца. Ему удалось как-то затуманить взор Кевина, и тот принимал своего врага за друга и Лорда. И поэтому Лорды и все их дела исчезли с лица земли.

Но когда это предательство вызвало поражение Кевина и Запустение, и Страна в течение многих поколений находилась под проклятием, а потом начала исцеляться, она позвала людей, которые прятались в пустынях и северных горах. Те начали медленно возвращаться. По мере того, как шли годы, а дома и деревни становились безопасными, некоторые люди стали путешествовать, исследуя Страну в поисках полузабытых легенд. И когда они наконец отважились проникнуть в леса Гигантов, они вышли к древней земле Сирич и обнаружили, что Гиганты, горбратья людей Страны, сохранили в памяти Ритуал Осквернения.

Есть много песен, старых и новых, прославляющих верность Гигантов, и на то имеются все основания. Когда Гиганты узнали, что люди вернулись в Страну, они предприняли великий поход, поселяясь на время в каждом новом Подкаменье и Вудхельвене Страны, рассказывая людям о поражении Кевина и повреждении старого горбратства. Затем, взяв с собой тех людей, которые сами пожелали этого, Гиганты окончили свой поход в Ревлстоне, в не имеющем возраста городе-твердыне, который они высекли в скале для Высокого Лорда Дэймлона, как залог их взаимных уз.

В Ревлстоне Гиганты преподнесли дар собравшимся там людям. Они открыли Первую Заповедь, фундаментальное вместилище начальных основ Учения Кевина. Оказалось, он доверил ее Гигантам перед последней битвой. И люди приняли эту заповедь, и произвели посвящение в нее, поклявшись на дружбу с землей, подчинение власти и красоте Страны.

И еще одному они поклялись — миру, собственному спокойствию, чтобы защищать Страну от разрушительных эмоций, таких, какие сводили с ума Кевина. Потому что всем было ясно, что власть — страшная вещь, и что познание ее затмевает взор и скрывает мудрость. Когда они узнали Первую Заповедь, в них возник страх перед

новым Осквернением. Поэтому они поклялись овладеть Учением, чтобы суметь исцелить Страну и овладеть самими собой, чтобы не впасть в гнев и отчаяние, которые заставили Кевина стать своим же собственным злейшим врагом.

Эта клятва была донесена до всех людей Страны, и все дали эту клятву. Затем некоторые, избранные в Ревлстоне для великой работы, доставили Первую Заповедь в Кураш Пленетор, Большой Камень, где после последней битвы остались наиболее сильные разрушения. Они переименовали это место в Третгард в знак обещаемого ими исцеления.

Там же был основан Лосраат — место изучения, где они надеялись воскресить знания и силу Старых Лордов и попрактиковаться в клятве мира.

Потом Этьеран умолкла, и они с Кавинантом продолжили свой путь по ущелью в молчании, прерываемом лишь шепотом ручья и изредка раздающимися криками птиц. Кавинант обнаружил, что ее повествование и в самом деле помогло ему идти. Оно заставило его на время забыться, забыть ноющую боль в плечах и ногах. А ее голос, казалось, придавал ему силу; ее рассказ был, как обещание, что любое страдание, принятое во имя службы Стране, не останется невознагражденным.

Через некоторое время Кавинант снова вызвал ее на разговор.

— А не могли бы вы рассказать мне о Лосраате? — спросил он.

Горькая страстность ее ответа удивила его.

— Вы что, хотите мне напомнить о том, что из всех людей я наименее достойна говорить на такие темы? Ты, Томас Кавинант Неверующий и владелец белого золота, ты упрекаешь меня?

Он мог только молча посмотреть на нее, не в силах постичь годы борьбы, наполнявшие ее большие глаза.

— Я не нуждаюсь в твоих напоминаниях.

Но мгновением позже она снова устремилась вперед, на север.

— Теперь вы и в самом деле упрекаете меня, — сказала она. — Я слишком остро чувствую, что весь мир знает о том, что я сама прекрасно знаю. Как человек

виновный, я не могу поверить в невиновность других. Пожалуйста, простите меня. Вы заслуживаете гораздо большего уважения, чем я проявила.

Прежде, чем он смог ответить, она заговорила вновь.

— Лосраат я описала бы так: он находится в Третгарде, в долине двух рек, и это — сообщество обучения и изучения. Туда направляются все желающие, и там посвящаются в дружбу с землей и в Учение Старых Лордов.

Это Учение — очень глубокая вещь, которой все еще не овладели до конца, несмотря на все потраченные на это годы и усилия. Самая главная проблема — это перевод, поскольку язык Старых Лордов отличается от нашего, и слова, которые без труда понимаются в одном месте, становятся необъяснимыми в другом. А после перевода Учение требует еще истолкования, и только потом следует обучение приемам его использования. Когда я... — она запнулась, — когда я училась там, Ловардены, обучавшие меня, говорили, что весь Лосраат не проник еще дальше поверхностного слоя могущественного Учения Кевина. А ведь эта заповедь — всего лишь седьмая часть целого, всего лишь Первая Заповедь из Семи.

В ее словах Кавинанту чувствовалось непроизвольное эхо презрения Лорда Фаул, и это заставило его еще внимательнее прислушаться к ее рассказу.

— Легче всего, — продолжала она, — поддалось переводу военное учение, искусство боя и обороны. Но здесь необходимо большое умение. Поэтому одна часть Лосраата имеет дело только с теми, кто последует за Мечом и присоединится к Боевой Страже Колыбели Лордов. Но в наше время войн не было, и в годы моего обучения в Лосраате Боевая Стража насчитывала едва ли более двух тысяч мужчин и женщин.

Таким образом, главная функция Лосраата — это обучение и изучение языка и знаний земной силы. Сначала новые ученики изучают историю Страны, молитвы, песни и легенды. На сегодняшний день это все, что известно о Старых Лордах и их борьбе против Серого Убийцы. Овладевшие этим становятся Ловарденами. Они обучают других или пытаются извлечь новые знания и силу из Первой Заповеди. Цена такого мастерства высока; подобная чистота, решимость, внутреннее озарение и муже-

ство — требования учения Кевина, и некоторые, — сказала она так, словно решила не щадить своих чувств, — не способны удовлетворить этому требованию. Я отказалась от продолжения обучения, когда то, что я узнала, заставило мое сердце затрепетать, когда Ловардены лишь слегка приоткрыли передо мной завесу зла Серого Убийцы. Этого я выдержать не смогла, и поэтому, нарушив свое посвящение, вернулась в Подкаменье Мифиль, чтобы использовать то немногое, что узнала, на пользу своему народу. И теперь, когда я столько уже забыла, меня постигло испытание.

Она глубоко вздохнула, словно смирилась со своей судьбой, но ей было очень тяжело.

— Но речь не об этом. В Лосраате те, кто следуют и овладевают как мечом, так и посохом, кто занимает место в Боевой Страже и среди Ловарденов и кто не сворачивает в сторону, чтобы в одиночестве предаваться личным мечтам, подобно Освобожденным, — все эти люди с мужественным сердцем получают звание Лорда и становятся членами Совета, который руководит возрождением и защитой Страны. Лорды выбирают из своего числа Высокого Лорда, осуществляющего все, что требует Учение:

> Высокий Лорд, чтобы владел Учением,
> Сохранял невредимым ядро силы земной.

Когда я училась в Лосраате, Высоким Лордом был Вариоль, муж Тамаранты, сын Пентиля. Но он был стар даже для Лорда — а лорды живут дольше других людей — и вот уже много лет, как наше Подкаменье не получало никаких новостей ни из Ревлстона, ни из Лосраата. Поэтому я не знаю, кто сейчас возглавляет Совет.

Кавинант непроизвольно произнес:

— Тротхолл, сын Даиллиана.

— Ах, — воскликнула Этьеран, — он знает меня! Он был Ловарденом и обучал меня первым молитвам. Должно быть, он помнит о моей неудаче в Учении и не захочет доверять мне, как посланнику.

Она в отчаянии покачала головой. Через мгновение, что-то вспомнив, она добавила:

— И вы это знали. Зачем вы хотите пристыдить меня

убогостью моих знаний? Так может поступать только злой человек.

— Черт побери! — прошипел Кавинант. Ее упрек внезапно разозлил его. — Каждый встречный-поперечный здесь, в том числе и вы, и... — но он не мог заставить себя произнести имя Лены, — все остальные постоянно обвиняете меня в том, что я будто бы некий кабинетный ученый. Повторяю, я ни черта не знаю обо всем этом до тех пор, пока мне кто-нибудь не объяснит. Поймите же наконец, никакой я не Берек.

Этьеран бросила на него взгляд, полный скептицизма, — продукт долгого и мучительного сомнения в себе — и он ощутил ответную потребность как-то доказать свою правоту. Он остановился и с трудом выпрямился, преодолевая тяжесть рюкзака.

— Вот послание Лорда Фаул Презренного:

"Скажи Совету Лордов и Высокому Лорду Тротхоллу, сыну Даиллиана, что максимальный срок их пребывания в Стране не превышает семь раз по семь лет, считая с настоящего времени. Прежде чем он минует, я возьму в свои руки управление жизнью и смертью".

Кавинант резко умолк. Его слова, казалось, слетали на дно расселины, словно стервятники, и он почувствовал, как щеки обожгло горячим румянцем прокаженного, словно он осквернил девственный чистый день. На мгновение все окружила полная тишина: птицы затихли, будто сбитые с неба, и даже ручей словно застыл в своем русле. Кожа Кавинанта блестела от пота в полуденном зное.

В течение этой секунды пораженная ужасом Этьеран, задохнувшись, смотрела на Кавинанта; потом она воскликнула:

— Меленкурион абафа! Не говори об этом, пока не пришел срок! Я не смогу защитить нас от таких бед.

Тишина вздрогнула и миновала: ручей снова зажурчал, и птицы защебетали над головой. Кавинант неверным жестом ослабевшей руки вытер пот со лба.

— Тогда перестаньте обращаться со мной так, словно я — не тот, за кого себя выдаю.

— Как я могу? — тяжело ответила она. — Для меня вы закрыты, Томас Кавинант, я не вижу вас.

Слово "вижу" она произнесла так, будто это было нечто такое, чего он не понимал.

— Что вы хотите этим сказать? — раздраженно и требовательно спросил он. — Я стою прямо напротив вас.

— Для меня вы закрыты, — повторила она. — Я не знаю, здоровы вы или больны.

Он посмотрел на нее, рассеянно моргая, и вдруг понял, что она, сама того не подозревая, дала ему шанс рассказать ей о его болезни. И он воспользовался этой возможностью, сейчас он был достаточно зол для этого. Проигнорировав свое непонимание, он проговорил:

— Разумеется, болен. Я прокаженный.

Услышав это, Этьеран застонала, словно он только что сознался в преступлении.

— О, горе Стране! Ведь вы обладаете дикой магией и можете уничтожить нас всех!

— Может, вы оставите это в покое? — размахивая левой рукой, крикнул он. — Это всего лишь кольцо. И оно напоминает мне обо всем, без чего я вынужден жить. В нем не больше... дикой магии... чем в камне.

— Земля — источник всей силы, — прошептала Этьеран. Кавинант с трудом удержался от того, чтобы не выкрикнуть ей в лицо все свои печали. Она не смотрела на него, реагируя на слова так, словно они означали нечто другое, не то, что он хотел ими выразить.

— Секундочку, — сказал Кавинант. — Давайте выясним это сразу. Я сказал, что был болен. Что означает это для вас? Неужели в этом вашем мире нет даже болезней?

На мгновение ее губы образовали слово "болезни". Потом внезапный страх сковал ее лицо, и взгляд ее остановился на чем-то позади левого плеча Кавинанта.

Он повернулся, чтобы посмотреть, что так испугало ее. Сзади ничего не было, но скользнув взглядом по западному краю расселины, он услышал какое-то царапанье и увидел, как вниз скатываются мелкие камешки и куски глины.

— Погоня! — воскликнула Этьеран. — Бежим! Бежим!

Тревога в ее голосе заставила Кавинанта мгновенно повиноваться; он повернулся и, изо всех сил стараясь не отставать, бросился следом за Этьеран по расселине.

На мгновение он забыл об усталости, о тяжести рюкзака, о жаре. Задыхаясь, он бежал за Этьеран по пятам так, словно слышал дыхание преследователя. Вскоре он почувствовал, что его легкие словно разрываются от напряжения, и потерял равновесие. Когда он споткнулся, то его изможденное тело едва не рухнуло на землю.

Этьеран прокричала:

— Бежим! — Но она на мгновение остановилась и, дрожа, оглянулась, чтобы увидеть погоню.

Скачущая фигура мелькнула над краем расщелины и упала вниз, на Кавинанта. Он метнулся прочь от этого тяжелого тела и вскинул вверх руки, защищаясь от преследователя.

Пролетая мимо, нападавший задел тыльную сторону ладоней Кавинанта ножом. Ударившись о землю, он перекатился через голову, вскочил на ноги, повернувшись спиной к восточной стене расселины, и угрожающе выставил вперед руки, в одной из которых был зажат нож.

Солнце словно бы выгравировало с предельной четкостью все детали представшей перед Кавинантом картины. Он видел шероховатые стены, тени под ними, подобные ротовым отверстиям.

Нападавшим был молодой человек с мощным телосложением и темными волосами — без сомнения, житель Подкаменья, хотя гораздо выше многих. Нож его был выточен из камня, а одежда на плечах украшена фамильной эмблемой — перекрещивающимися молниями. Ярость и ненависть так изменили его черты, что лица было не узнать.

— Губитель! — воскликнул он. — Насильник!

Он приближался, размахивая ножом. Кавинант был вынужден отступать до тех пор, пока не оказался по щиколотку в ручье, в холодной воде.

Этьеран бежала к ним, хотя была слишком далеко, чтобы успеть очутиться между Кавинантом и ножом.

Из его ладоней капала кровь. Биение сердца пульсацией отдавалось в порезах, в кончиках пальцев.

Он услышал повелительный окрик Этьеран:

— Триок!

Нож мелькнул еще ближе. Кавинант видел его так ясно, словно тот был выгравирован на его глазных яблоках.

Пульс бился в кончиках пальцев.

Молодой человек подобрался, чтобы нанести смертельный удар.

Этьеран снова крикнула:

— Триок! Ты что, с ума сошел? Ты дал Клятву Мира! В кончиках пальцев?

Стремительно вскинув руки, Кавинант уставился на них. И взгляд его внезапно затуманился благоговением. Он перестал воспринимать происходящее.

— Это невозможно! — прошептал он в неимоверном изумлении. — Невозможно!

Его немые, пораженные проказой пальцы испытывали самую настоящую боль.

Этьеран приблизилась к ним и остановилась, скинув рюкзак на землю. Она словно бы загипнотизировала Триока: он злобно рвался к Кавинанту, но не мог переступить какой-то невидимой черты. Задыхаясь от ненависти, он выкрикнул:

— Убей его! Губитель!

— Я запрещаю! — воскликнула Этьеран.

Сила ее поведения подействовала на Триока, как физический удар. Пошатнувшись, он сделал шаг назад, поднял голову и издал хриплый стон разочарования и ярости.

Голос Этьеран словно прорезал этот звук.

— Лояльность — твой долг. Ты дал Клятву. Уж не хочешь ли ты навлечь проклятье на Страну?

Триок вздрогнул. Одним конвульсивным движением он метнул нож вниз так, что тот по рукоятку ушел в землю у его ног. Гневно выпрямившись, он прошептал Этьеран:

— Он изнасиловал Лену. Прошлой ночью!

Кавинант все еще не воспринимал ситуацию. Боль ошеломила его, она была сенсацией, роскошью, о которой забыли его пальцы; он не мог найти ответа на этот парадокс, кроме как говорить про себя:

"Невозможно! Невозможно!"

Он не замечал, как по запястьям, красная и человеческая, струится кровь.

Его лицо свела судорога. Тьма сгустилась в воздухе вокруг него. Все забурлило вокруг, словно расселина на-

полнилась хлопающими крыльями, когтями, сверкающими прямо возле лица. Он простонал:

— Невозможно!

Но Этьеран и Триок были поглощены друг другом, их глаза избегали его, словно он был заразным пятном. Когда слова Триока дошли до нее, она упала на колени, закрыла лицо руками и прижалась лбом к земле. Плечи ее вздрагивали, словно она плакала, хотя и беззвучно; тем временем Триок безжалостно продолжал:

— Я нашел ее в горах, когда первые лучи сегодняшнего утра коснулись равнин. Ты знаешь, как я люблю ее. Во время собрания я наблюдал за ней, и мне не доставило радости то, как этот чужак пялился на нее. Я видел, что он чем-то прельщает ее, и мне казалось странным, что она с таким участием относится к человеку, о котором никто ничего не знает. Поэтому поздно ночью я пошел к Треллу, твоему мужу, и узнал, что Лена собиралась провести ночь с подругой — Терасс, дочерью Аниории. Тогда я спросил об этом у Терасс, но ей ничего не было известно об этом намерении Лены. Тогда тень страха закралась ко мне в душу, ибо когда случалось такое, чтобы кто-то из наших людей солгал? Всю ночь я искал ее. И в первых рассветных лучах нашел в разорванном платье и крови. Она пыталась убежать от меня, но слишком ослабла от холода, горя и боли, и через мгновение она бросилась в мои объятия и рассказала о том, что... Что сделал этот губитель...

Потом я отвел ее к Треллу, ее отцу. Предоставив ее его заботам, я бросился на поиски чужака с намерением убить его. Когда я увидел вас, то последовал за вами, полагая, что моя цель — это и твоя тоже, что ты уводишь его в горы, чтобы уничтожить. Но ты намерена спасти его; его, который изнасиловал Лену, твою дочь! Чем сумел он подкупить твое сердце? Ты запрещаешь? Этьеран, жена Трелла! Она была ребенком, таким прекрасным, что любой мог заплакать от счастья, глядя на нее. И вот она растоптана, без жалости и угрызений совести. Ответь мне. Какое нам дело до клятв?

Яростное, неистовое хлопанье темных крыльев заставило Кавинанта пригнуться к земле, и он неуклюже

скорчился в ручье. Сквозь его мозг проносились видения и воспоминания о лепрозории, о словах врача:

"У вас нет надежды!"

Он был сбит полицейской машиной. Он направлялся в город, чтобы оплатить свой телефонный счет лично. Голосом, бесцветным от страха, он бормотал:

— Не может быть!

Этьеран медленно подняла голову и раскинула руки, словно открывая грудь навстречу пронзающему удару с неба. Лицо ее было искажено горем, а глаза походили на темные кратеры страдания, глядящие внутрь, на ее подвергнутую риску гуманность.

— Трелл, помоги мне, — тихо прошептала она.

Затем ее голос набрал силу, и ее боль, казалось, заставила воздух вокруг затрепетать.

— Горе! Горе молодым в этом мире. Почему столь тяжела она, ноша ненависти и зла? Ах, Лена, дочь моя. Я понимаю, что ты совершила. Понимаю. Это мужественный поступок, достойный похвалы и гордости! Прости, что я не могу быть рядом с тобой в этом испытании.

Но через некоторое время ее взгляд вновь вернулся во внешний мир. Покачиваясь, она с трудом поднялась на ноги и, помолчав еще несколько мгновений, прошептала:

— Лояльность — наш долг. Я запрещаю тебе мстить!

— Значит, он останется ненаказанным! — протестующе воскликнул Триок.

— Страна в беде, — ответила она. — Пусть его накажут Лорды.

Вкус крови сделал ее голос резче.

— Они знают, каково должно быть мнение о чужестранце, нападающем на невинных!

Затем к ней снова вернулась слабость.

— Я не могу решать этот вопрос. Триок, помни свою клятву.

Обхватив себя за плечи, она провела пальцем по узору из листьев, словно пытаясь подавить свою печаль.

Триок повернулся к Кавинанту. В лице молодого человека была какая-то утрата, разбитые или потерянные надежды на радость. Слова проклятий исказили его лицо страшным оскалом:

— Я знаю тебя, Неверующий. Мы еще встретимся.

Потом, резко повернувшись, он пошел назад. Он все набирал скорость, пока наконец не перешел на бег, втаптывая свои упреки в твердое дно ущелья. Через несколько мгновений он достиг того места, где западная стена опускалась, переходя в равнину, и пропал из вида, выйдя из расселины в горы.

— Невозможно! — бормотал Кавинант. — Этого не может быть. Нервные ткани не восстанавливаются. — Но его пальцы болели так, словно боль дробила их на мелкие куски. Вероятно, в Стране нервы могли все же восстанавливаться. Кавинант хотел закричать, чтобы развеять тьму и страх, но, казалось, он утратил контроль над своим горлом, голосовыми связками и над самим собой.

Словно бы с огромного расстояния, образованного отвращением или горем, Этьеран сказала:

— Вы превратили мое сердце в пустыню.

— Нервы не восстанавливаются. — Горло Кавинанта сжималось, словно там находился кляп, и крикнуть он не мог. — Они не восстанавливаются!

— Это делает вас свободным? — мягко, но требовательно и горько спросила она. — Это оправдывает ваше преступление?

— Преступление? — Он услышал, как это слово, словно нож, врезалось в бьющие крылья. — Преступление?

Кровь струилась из порезов, словно он был нормальным человеком, но кровотечение с каждой минутой уменьшалось.

Внезапным конвульсивным движением обхватив себя руками, он крикнул:

— Мне больно!

Звук собственного вопля встряхнул его и отодвинул на шаг клубящуюся тьму. Боль! Невозможное перебросило для него мостик через пропасть. Боль существовала только для здоровых людей, чьи нервы были живы.

Не может быть. Конечно же, не может. Этот факт — доказательство тому, что все это — сон.

Внезапно он ощутил странное желание заплакать. Но он был прокаженным и потратил слишком много своего

времени. Прокаженные не могут себе позволить горевать. Лихорадочно дрожа, он опустил порезанную руку в воду ручья.

— Боль есть боль, — проговорила Этьеран. — Что мне ваша боль? Вы сделали черное дело, Неверующий, совершили жестокое насилие, без взятия на себя обязательств и согласия. Вы причинили мне такую боль, какую не сможет смыть никакая кровь и никакая река. И Лена, моя дочь... Ах, я молю о том, чтобы Лорды наказали, наказали вас!

Проточная вода была холодной и чистой. Через мгновение его пальцы заныли от холода, и боль распространилась по суставам в запястье. Кровь из порезов все еще капала в ручей, но холодная вода вскоре остановила кровотечение. По мере того, как поток промывал рану Кавинанта, его горе и страх превратились в гнев. Поскольку Этьеран была его единственным спутником, он прорычал ей:

— Почему, собственно, я должен туда идти? Ни одного из этих дел... И на черта мне сдалась ваша драгоценная Страна?

— Именем Семи! — Твердый голос Этьеран, казалось, высекал слово прямо из воздуха. — Ты пойдешь в Ревлстон, даже если мне придется тащить тебя туда.

Кавинант поднял руку, чтобы осмотреть ее. Нож Трика оставил на ней порез, похожий на порез бритвы; никаких рваных краев, где могла бы остаться грязь и которые затруднили бы выздоровление. Но на двух средних пальцах была задета кость, и из порезов на них все еще сочилась кровь. Он встал. И в первый раз после того, как на него напали, посмотрел на Этьеран.

Она стояла в нескольких шагах от него, прижав руки к груди, словно биение собственного сердца причиняло ей боль. Она смотрела на него с отвращением, и ее лицо было напряжено, выдавая свирепую первобытную силу. Он ясно видел, что она и в самом деле готова силой вести его в Ревлстон, если это понадобится. Она была для него немым укором, усугубляя его ярость. Он воинственно помахал перед ее лицом своей раненой рукой.

— Мне нужна повязка.

На мгновение ее взгляд достиг предельного напряже-

ния, словно она была готова броситься на него. Но потом она овладела собой, подавив гордость. Нагнувшись над рюкзаком, она развязала его, вытащила кусок белой материи и, оторвав полоску нужной длины, вернулась к Кавинанту. Бережно поддерживая его руку, она осмотрела порез, кивнула, выразив тем самым удовлетворение результатом осмотра, и крепко обмотала пальцы Кавинанта мягкой тканью.

— У меня нет с собой целебной глины, — сказала она. — И некогда ее искать. Порезы не страшные, грязи в них нет, они быстро заживут.

Закончив с повязкой, она быстро вернулась к своему рюкзаку. Забрасывая его на спину, она сказала:

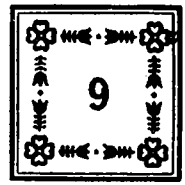
— Пошли. Мы потеряли много времени.

Не взглянув больше на Кавинанта, она пошла вдоль ущелья.

Мгновение еще он оставался на прежнем месте, прислушиваясь к боли в пальцах. Рана была горячей, словно нож все еще был там. Теперь он уже знал ответ. Тьма несколько развеялась, так что он мог осмотреться вокруг без паники. И все же он еще боялся. Ему грезились выздоровевшие нервы; он не понимал прежде, что был так близок к гибели. Беспомощный, лежа где-то без сознания, он был в тисках кризиса — кризиса своей способности к выживанию. Чтобы перенести это, ему потребуется вся его дисциплина и непреклонность, на что у него еще хватит сил.

Повинуясь внезапному импульсу, он наклонился и попытался выдернуть нож Триока из земли правой рукой. Рука с недостающими пальцами соскользнула с рукоятки ножа, когда он дернул его прямо на себя. Но, расшатав его, он наконец сумел высвободить лезвие из земли. Нож был вырезан из единого плоского куска камня, а затем отполирован. Рукоятка его была обмотана кожей, чтобы за нее удобнее было держаться, а острие лезвия, казалось, было достаточно острым для того, чтобы им можно было бриться. Он попробовал его на левом предплечьи и обнаружил, что нож сбрил волоски так, будто лезвие было смазано.

Он засунул нож за ремень, потом подбросил рюкзак повыше на плечах и зашагал следом за Этьеран.

ИОХАННУМ

Еще до наступления полудня Кавинанта охватила тупая, гипнотизирующая боль. Лямки рюкзака, врезавшиеся в плечи, мешали нормальному кровообращению в руках, усугубляя боль в кистях; от мокрых носков на ногах вздулись волдыри, которые — и это было невероятно — он остро чувствовал; мышцы от усталости словно налились свинцом. Но Этьеран упорно, безостановочно шла впереди него по дну ущелья, и он двигался за ней, как будто влекомый силой ее воли. Глаза его уже ничего не видели; он утратил всякое чувство времени, пространства — всего, кроме чувства боли. Вряд ли он заметил, что засыпает, и когда его встряхнули за плечи, и он проснулся, то ощутил лишь какое-то отрешенное, безразличное удивление.

Он обнаружил, что может упасть на дно ущелья. Вокруг сгущались сумерки. Разбудив его, Этьеран протянула миску горячего бульона. Кавинант машинально проглотил его. Когда миска опустела, Этьеран взяла ее, а взамен подала большую фляжку с молодым вином. Кавинант опустошил и ее.

Вскоре он почувствовал, как вино словно бы протягивает изнутри длинные мягкие пальцы, лаская и расслабляя все ноющие мышцы, вливая в них целебные соки, так что он уже больше не мог сидеть. Положив под голову рюкзак вместо подушки, он снова лег и уснул. Последнее, что он увидел прежде, чем глаза его сомкнулись, была Этьеран, сидевшая по другую сторону горшка с гравием, покрытая густыми тенями, обратившая лицо к северу.

Утро нового дня было ясным, прохладным и свежим. Когда тьма на небе почти совсем рассеялась, Этьеран на-

конец удалось разбудить Кавинанта. Он с неохотой сел, потирая лицо руками, словно за ночь оно онемело. Прошло несколько мгновений, прежде чем он вспомнил о вновь обретенной чувствительности своих нервов; он подвигал руками, пошевелил пальцами, глядя так, как будто видел их впервые. Они были живые, живые!

Рывком отбросив в сторону одеяло, Кавинант открыл ноги. Натягивая ботинки, он ощутил острую боль от волдырей. Пальцы ног были такими же живыми, как пальцы рук.

От страха у него заболел живот. С внутренним стоном он спрашивал себя:

"Сколько, ну сколько еще все это будет продолжаться?"

Он чувствовал, что долго не выдержит.

Потом он вспомнил, что когда засыпал вечером, одеяла на нем не было. Должно быть, это Этьеран укрыла его.

Избегая ее взгляда, он встал и, с трудом двигая одеревенелым телом, поплелся к ручью, чтобы умыться. Откуда в ней бралось мужество делать для него подобные вещи?

Плеская холодной водой себе на шею и лицо, Кавинант почувствовал, что снова боится своей спутницы.

Но в том, как она себя вела, не было ничего угрожающего. Она накормила его, проверила повязку на раненой руке, уложила рюкзаки — словом, все делала так, словно Кавинант был обузой, к которой она уже привыкла. Только темные круги от бессонницы вокруг глаз да скорбная линия рта говорили о том, что она держит себя в руках усилием воли.

Когда все было готово для дороги, Кавинант тщательно осмотрел себя, затем нехотя закинул на плечи рюкзак и пошел следом за Этьеран по дну ущелья, словно ее прямая спина была приказом, ослушаться которого он не мог.

Прежде, чем день подошел к концу, Кавинант изучил эту спину до мелочей. Она не пошла бы ни на какие компромиссы; в ней не было ни тени сомнения в своем авторитете, ни малейшего соболезнования. Хотя мышцы его натянулись и стали негнущимися, подобными кости,

хотя боль в плечах заставляла его сгибаться под тяжелым рюкзаком и сделала похожим на горбуна, хотя волдыри на ногах лопнули, и ему пришлось снять ботинки и ковылять дальше босиком, как будто его ограбили разбойники, ее спина вынуждала его продолжать путь, словно ультиматум: или иди, или сойди с ума, иной альтернативы я тебе не дам. И Кавинант не мог противоречить ей. Она шла впереди, похожая на призрак, и он следовал за ней, словно у нее был ключ к его существованию.

Время близилось уже к полудню, когда они вышли наконец из ущелья и очутились на поросшем вереском склоне горы, почти точно к северу от высокого мрачного пальца Смотровой Кевина. На западе виднелись южные равнины; и ручей, протекавший по дну ущелья, тоже поворачивал в этом направлении, чтобы потом, вдалеке отсюда, слиться с Мифиль. Но Этьеран повела Кавинанта дальше на север, петляя вдоль попадавшихся время от времени тропинок и через травянистые поля, окаймлявшие горы справа от них.

На западе травянистые поля равнин заросли маками, алевшими в лучах солнца. А на востоке величественно и спокойно вздымались горы — на несколько сот футов выше тропинки, выбранной Этьеран. Здесь заросли вереска сменялись широкими прокосами голубой травы. Склоны гор были покрыты цветами, над которыми порхали бабочки, здесь же попадались густые заросли кустарников и группы деревьев — дубов и смоковниц, изредка — вязы и какие-то деревья с золотистыми листьями — Этьеран называла их "золотень", — похожие на клены.

Все краски — деревьев, вереска, маков, алианты, цветов, бесконечного лазурного неба — были полны весеннего пыла, знаменуя своим буйством и роскошью возрождение природы.

Но у Кавинанта не хватало сил воспринять все это. Он был слеп и глух от страшной усталости, боли, непонимания. Словно кающийся грешник, он плелся следом за Этьеран, повинуясь ее молчаливому приказу.

Наконец на землю опустились сумерки. Последние метры Кавинант прошел совершенно машинально, запинаясь на каждом шагу, хотя в этот раз он не уснул на

ходу, как накануне. Когда Этьеран остановилась и сбросила свой рюкзак, Кавинант рухнул на траву, словно подрубленное дерево. Его перенатруженные мышцы сводило судорогами, и он не мог ничего с этим поделать, кроме как помассировать их рукой. Вынужденный бодрствовать, он помог Этьеран, вытащив из рюкзаков одеяла, пока она готовила ужин. Тем временем солнце почти совсем зашло, и его последние лучи испещрили травяное поле полосами янтарного света, чередующимися с длинными тенями; и когда на небе появились звезды, Кавинант лег и стал смотреть на них, пытаясь расслабиться с помощью вина.

Наконец он задремал. Но сон его был неспокоен. Ему снилось, что он час за часом тащится по пустыне, а чей-то сардонический голос призывает его насладиться свежестью травы. Это видение повторялось и повторялось, словно навязчивый кошмар, до тех пор, пока Кавинант не почувствовал, что злость как бы выходит из него вместе с потом. Когда наступил рассвет и разбудил его, он встретил пробуждение так, словно его оскорбили.

Он обнаружил, что ноги его окрепли, а порезанная рука почти полностью зажила. Явная боль утихла. Но нервы, тем не менее, не утратили своей чувствительности. Кончиками пальцев ног он мог нащупать ткань носков, ощущал легкие прикосновения ветра пальцами рук. Теперь очевидность этих необъяснимых явлений стала приводить его в ярость. Они являлись свидетельством здоровья, жизнеспособности, они открывали ту полноту жизни, которая была доступна ему прежде, и обходиться без которой он приучал себя в течение долгих месяцев, проведенных в прозябании; и они, казалось, наводнили его ужасающими подозрениями. Казалось, они отрицали реальность его болезни.

Но это было невозможно. Или то, или другое, думал он с яростью. Но не то и не другое одновременно. Либо я прокаженный, либо нет. Либо Джоан развелась со мной, либо она никогда не существовала. Третьего не дано.

С усилием, заставившим его заскрежетать зубами, Кавинант заставил себя признать, что он — прокаженный, что это все ему снится и что это — непреложный факт.

Смириться с наличием альтернативы он не мог. Если он спал, то, возможно, ему еще удастся сохранить здравый рассудок, выжить и продолжать существовать. Но если Страна была реальна, если она существовала в действительности... ах, тогда сном была долгая мука проказы, и он уже сошел с ума без всякой надежды на выздоровление.

Лучше верить во что угодно, но только не в это. Лучше бороться за нормальный рассудок, что, по крайней мере, он мог сделать, чем поддаться на удочку "здоровья", которое не поддавалось никакому объяснению. Он переваривал эти мысли в течение нескольких часов, пока тащился следом за Этьеран, но каждый новый довод возвращал его назад к той же самой позиции. Тайна его проказы была единственной тайной, с которой он мог смириться, принять ее, как факт. Она определяла его ответ на все остальные правдоподобные вопросы.

Она заставляла его ковылять следом за Этьеран с таким видом, будто он был готов наброситься на нее, лишь только появится повод.

Однако возникшая перед ним дилемма все же была в некотором смысле полезна. Ее непосредственное присутствие и осязаемость воздвигли некое подобие стены между ним и определенными страхами и действиями, пугавшими его прежде. Отдельные воспоминания о насилии и крови не возвращались вновь. И гнев, не подогреваемый стыдом, находился сейчас под его контролем, представляя собой нечто вроде абстрактной субстанции. Он не побуждал Кавинанта восстать против бескомпромиссного главенства Этьеран.

В течение всего этого третьего дня ее прямая, неумолимая фигура все так же выражала молчаливый приказ. Вверх и вниз по склонам, вдоль узких лощин, вокруг непроходимых зарослей она все влекла Кавинанта вперед вопреки желанию его мятущегося разума и сопротивляющейся плоти. Но едва наступил полдень, она внезапно остановилась и огляделась вокруг, словно услышала какой-то далекий испуганный крик. Ее неожиданное волнение озадачило Кавинанта, но прежде, чем он успел спросить ее, в чем дело, она мрачно двинулась дальше.

Чуть позже все повторилось вновь. На этот раз Кави-

нант заметил, что Этьеран нюхает воздух, словно ветер донес до нее какой-то странно-дьявольский запах. Он тоже принюхался, но ничего не почувствовал.

— В чем дело? — спросил он. — Нас снова преследуют?

Этьеран даже не взглянула на него.

— Если бы здесь был Трелл, — рассеянно произнесла она, — возможно, он бы понял, почему Страна так неспокойна.

И без дальнейших пояснений она вновь поспешно двинулась на север.

В этот вечер они остановились раньше, чем обычно. День подходил к концу, когда Кавинант заметил, что Этьеран ищет какой-то знак в траве и листьях; но при этом она никак не поясняла свои действия, так что Кавинанту ничего больше не оставалось, как смотреть и следовать за ней. Потом вдруг без всякого предупреждения она резко свернула вправо, и они оказались в неглубокой долине между двумя горами. Идти приходилось по самому ее краю, поскольку всю долину покрывали густые заросли кустарника; пройдя несколько сот ярдов, они вышли к широкой густой рощице на северном склоне. Этьеран сначала двигалась вдоль края рощицы, а затем внезапно скрылась в ней.

Со смутным удивлением Кавинант приблизился к тому месту, где она исчезла. Ему удалось разглядеть узкую ленту тропинки, ведущей в глубь рощи. Пришлось то и дело сворачивать в сторону, следуя по этой тропинке, петлявшей среди деревьев... Но, пройдя футов двадцать, он вышел на открытое место, похожее на комнату в гуще леса. Она освещалась лучами, проникавшими сквозь "стены", образованные молодыми деревцами, которые стояли тесными рядами, образуя грубый прямоугольник; легкий ветерок шелестел их листвой. Их переплетенные ветви и листья служили прочной "крышей" для комнаты. Она была достаточно велика, чтобы вместить трех-четырех человек, и вдоль каждой из ее стен были сделаны насыпи из травы, наподобие кроватей. В одном углу стояло большое дерево с дуплом в стволе, в которое были встроены полки, уставленные деревянными и каменными горшками и бутылями. Все вместе выглядело весьма приветливо и уютно.

Пока Кавинант осматривался, Этьеран опустила свой рюкзак на одну из травяных кроватей и коротко сказала:

— Это Веймит.

Но, встретив недоуменный взгляд Кавинанта, вздохнула и добавила:

— Место отдыха путешественников. Здесь найдется еда, питье и постель для каждого, кто идет этой дорогой.

С этими словами она принялась исследовать содержимое "шкафа", и Кавинанту пришлось повременить с другими вопросами в надежде, что позднее она будет более расположена к разговору. Но, наблюдая за тем, как она пополняет запасами свой рюкзак и готовит ужин, он понял, что она, видимо, никогда не будет расположена разговаривать с ним, а он был не в том настроении, чтобы примириться с этим бойкотом. Поэтому, когда с едой было покончено и Этьеран приготовилась к ночлегу, Кавинант сказал со всей мягкостью, на какую был способен:

— Расскажите мне об этом месте поподробнее. Быть может, когда-нибудь мне это пригодится.

Некоторое время она лежала в сгущающихся сумерках молча, все так же не поворачивая к нему лица. Казалось, она набирается мужества, но вот наконец послышался вздох:

— Спрашивайте.

— Много еще мест, подобных этому? — поспешил отозваться Кавинант.

— Да. Их много по всей Стране.

— Откуда? Кто их устраивает?

— Это делается по указанию Лордов. Ревлстон всего один, а люди живут повсюду, поэтому Лорды нашли способ помочь путешественникам, чтобы облегчить людям путь в Ревлстон и в другие места.

— Ну, а кто же обслуживает их? Я вижу, здесь свежая еда.

Этьеран снова вздохнула, словно разговор с Кавинантом был для нее ужасно тяжелым. Между тем ночь уже вступила в свои права: Кавинант различал лишь тень Этьеран, устало продолжавшей:

— Среди отродья Демонмглы, пережившего Запустение, были такие, кто с благодарностью вспоминал Лори-

ка Глушителя Мерзости. Они пошли против юр-вайлов и обратились к Лордам с просьбой доверить им какое-нибудь дело, как искупление за грехи их рода. Эти существа, Вейнхим, поддерживают порядок в Веймитах: ухаживают за деревьями, приносят пищу и питье. Но связи между людьми и Вейнхим очень хрупкие, и вы не увидите ни одного из них. Они несут эту службу, имея на то свои причины, а вовсе не из любви к нам. Они выполняют простые поручения, чтобы возместить хоть частично зло их могущественного учения.

Тьма вокруг была теперь абсолютно непроницаемой. Несмотря на свое раздражение, Кавинант почувствовал, что готов уснуть. Он задал еще только один вопрос:

— Как вы нашли это место? У вас есть карта?

— Карты нет. Веймит — это благо, которое принимает каждый странствующий, лишь только встречается с ним — признак здоровья и гостеприимства Страны. Их можно обнаружить всегда, когда это необходимо. Вейнхим оставляет знаки на прилегающей местности.

Кавинанту показалось, что в голосе Этьеран, напряженном от нежелания говорить, он уловил ноту одобрения. Это напомнило ему о ее постоянной ноше противоречий, о ее чувстве собственной слабости перед лицом опасности, угрожающей Стране, о ее стремлении одновременно наказать и спасти его. Но вскоре он забыл обо всем этом, поскольку его воображение заполнили образы веймитов. Окутанный запахом свежей травы, на которой лежал, он быстро погрузился в сон.

За ночь погода изменилась. В утреннем свете стали видны тяжелые облака, которые принес с собой порывистый северный ветер, и Кавинант встретил их мрачным взглядом из-под нахмуренных бровей. Он поднялся прежде, чем его окликнула Этьеран. Хотя сон его в безопасности Веймита был на редкость крепким, он чувствовал себя таким разбитым, словно всю ночь ругался сам с собой.

Пока Этьеран готовила завтрак, Кавинант вытащил нож Триока, затем обыскал полки и нашел миску для воды и маленькое зеркало. Мыла ему обнаружить не удалось; вероятно, вейнхим пользовались тем же самым чу-

десным песком, который он видел в доме Этьеран. Так что пришлось ему заставить себя бриться без пены. Было странно ощущать в правой руке нож Триока, и он никак не мог отделаться от мрачных опасений порезать себе горло.

Чтобы набраться мужества, Кавинант стал рассматривать себя в зеркало. Волосы его находились в страшном беспорядке: заросший щетиной, он немного смахивал на пророка. Тонкие, крепко сжатые губы напоминали рот оракула-изваяния, а взгляд воспаленных глаз был твердым и упрямым. Единственное, чего не хватало для полноты картины — это легкой примеси ярости. Пробормотав про себя "всему свое время", Кавинант поднес лезвие к лицу.

К его удивлению, оно легко стало скользить по коже, и, чтобы сбрить бакенбарды, Кавинанту оказалось достаточно провести по ним ножом всего лишь один раз. Вся процедура бритья заняла совсем немного времени, и при этом результаты оказались весьма удовлетворительными — по крайней мере в контрасте с тем, что было. Кроме того, что было самое главное, он не поранил себя. Сардонически кивнув собственному отражению, он убрал нож в рюкзак и принялся за завтрак.

Вскоре он и Этьеран были готовы покинуть Веймит. Она подала ему знак, чтобы он шел вперед; он повиновался, выйдя на тропинку и опередив Этьеран на несколько шагов, затем остановился, чтобы посмотреть, что она делает. Выйдя из лесной "комнаты", Этьеран подняла голову, обратив лицо к лиственному потолку, и мягко сказала:

— Мы приносим свою благодарность Веймиту. Для нас большая честь получить этот дар, и, принимая его, мы оказываем честь дарителю. Мы уходим с миром.

С этими словами она последовала за Кавинантом.

Выйдя из рощи в открытую долину, они обнаружили, что с севера по небу движутся скопления черных туч. Этьеран напряженно вглядывалась в небо, принюхиваясь к воздуху; казалось, близость дождя встревожила ее. При виде такой ее реакции Кавинанту и самому стали казаться зловещими эти кипящие грозовые облака, и

когда Этьеран резко свернула вниз, возобновив путь на север, он поспешил следом за ней с криком:

— В чем дело?

— Зло над несчастьем, — ответила она. — Разве вы не чувствуете этого? Страна неспокойна.

— Но что именно не так?

— Не знаю, — пробормотала Этьеран так тихо, что Кавинант едва расслышал ее. — В воздухе какая-то тень. И этот дождь... Ах, Страна!..

— Но что плохого в дожде? Разве у вас никогда не бывает дождя весной?

— Только не с севера, — ответила Этьеран через плечо. — Весна приходит в Страну с юго-запада. Нет, этот дождь двигается прямо с Грейвин Френдор. Посох Пещерных Существ пробует силу, я чувствую это. Мы слишком запоздали.

Ветер поймал их в свои когти, и теперь каждый шаг давался с трудом. Кавинант, согнувшись, шел за Этьеран, когда первые капли дождя упали ему на лицо. Он спросил:

— А что, этот посох действительно может определять погоду?

— Старые Лорды не использовали его для этой цели. У них не было намерений применять по отношению к Стране насильственные меры. Но кто может сказать, что в состоянии сделать подобная сила?

Вскоре гроза разразилась в полную мощь. Ветер мчал дождевые струи на юг с такой стремительностью, что казалось, само небо хлестало водой по ним и по всему беззащитному живому. Вскоре склоны гор полностью намокли. Ветер яростно набросился на деревья, рвал и раскидывал траву; он буквально выдул с гор дневной свет, и земля погрузилась в доисторическую тьму. В мгновение ока Этьеран и Кавинант вымокли до нитки, задыхаясь в сплошном потоке воды. Не сбиваться с пути им помогало лишь то, что они все время шли против яростных порывов ветра. Землю совершенно не стало видно; они ковыляли вниз по неровным склонам, беспомощно блуждали в потоках глубиной по пояс, продирались напрямик сквозь заросли кустарника; они боролись с ветром, словно это был жалящий поток, испускаемый не-

ким лимбо, какая-то прорва, безжалостно стремящаяся из никуда в никуда. И все же Этьеран шла вперед прямая, с бесстрашной решимостью, и страх потерять ее из виду заставил Кавинанта ковылять следом за ней.

Но силы быстро покидали его. Собрав остаток воли, он рванулся вперед так, что заболели легкие, нагнал Этьеран, схватил ее за плечо и крикнул прямо в ухо:

— Стой! Нам надо остановиться!

— Нет! — крикнула она в ответ. — Мы и так опаздываем! Я не могу рисковать!

Кавинант едва расслышал ее голос сквозь завывание ветра. Она двинулась было дальше, и он еще крепче сжал пальцы у нее на плече, выкрикивая:

— У нас нет другого выхода! Мы погибнем!

Ливень обрушился на них с новой силой; на мгновение Кавинант едва не выпустил Этьеран. Обхватив ее другой рукой, он приблизил к себе ее лицо, заливаемое струями воды.

— Убежище! — крикнул он. — Мы должны остановиться!

Сквозь воду ее лицо было похоже на лицо утопленника.

— Невозможно! Нет времени! — ответила она и, внезапно рванувшись, вырвалась из его рук, уронив его на землю. Прежде, чем он опомнился, она схватила его за правую руку и поволокла по траве и по грязи, как беспомощную ношу, вопреки противодействию урагана. В ее отчаянном порыве было столько силы, что она протащила его несколько ярдов, прежде чем он смог выпрямиться и подняться на ноги.

Как только он стал двигаться самостоятельно, Этьеран отпустила его руку и устремилась вперед. С криком "Мы должны остановиться, черт возьми!" он прыгнул на нее. Но она отскочила в сторону и, спотыкаясь, побежала прочь от него, навстречу урагану.

Кавинант заковылял следом за ней. Несколько долгих мгновений он, скользя, падая и передвигаясь на четвереньках, пытался дотянуться до ее ускользающей спины, в нетерпении схватить и остановить. Но словно какой-то внутренний источник питал ее силу, делая неуловимой для Кавинанта; вскоре он прекратил свои по-

пытки. Дождь тормозил его, словно он пытался бежать по дну глубокого ручья.

Подскользнувшись, он поехал на животе с крутого склона, захлебываясь грязью. Когда он смог поднять голову и протереть глаза от воды и грязи, то увидел, что Этьеран исчезла во тьме урагана, словно боялась его, страшилась его прикосновения.

С трудом поднявшись на ноги, Кавинант взревел, обращаясь к неистовым тучам:

— Черта с два! Ничего у вас не выйдет!

В этот же миг, когда ярость его достигла апогея, огромная белая молния ударила в землю прямо около него. Кавинант почувствовал, что она задела его левую руку.

Разряд отбросил его вверх на гору. Несколько мгновений он лежал, ошеломленный, сознавая лишь силу разряда и обжигающую боль в руке. Его обручальное кольцо, казалось, воспламенилось. Но когда он немного пришел в себя, то не заметил никаких ран на руке, и пока он искал источник боли, та постепенно прошла.

Тряхнув головой, он сел. Поблизости не было никаких следов от удара молнии. Погруженный в оцепенение, Кавинант чувствовал, что что-то изменилось, но не мог определить, что именно. Он с трудом поднялся на ноги и тут же увидел Этьеран, лежавшую в двадцати ярдах впереди на склоне горы. Голова его кружилась от ошеломления, но он осторожно двинулся к ней, сконцентрировав на движении все свое внимание. Она лежала на спине, очевидно не раненая, и смотрела, как он приближается. Когда Кавинант подошел, она с удивлением спросила:

— Что вы сделали?

Звук ее голоса помог ему вернуть самообладание. Он смог произнести вполне членораздельно:

— Я? Ничего.

Этьеран медленно поднялась. Стоя перед Кавинантом, она мрачно и с сомнением взглянула на него и сказала:

— Нам что-то помогло. Смотрите, ураган затих. И ветер переменился, теперь он дует, как положено. Грейвин Френдор больше не угрожает. Благодари Страну, Неверующий, если это действительно не твоя заслуга.

— Разумеется, не моя, — пробормотал Кавинант.

Он удивился своей неспособности обнаружить, что изменилось вокруг.

То, что сказала Этьеран, было очевидно. Ветер переменился, его сила значительно уменьшилась. Дождь шел так же беспрестанно, но без прежней ярости: теперь это был всего лишь основательный весенний дождь.

Кавинант снова тряхнул головой. Он чувствовал себя до странного неспособным что-либо понять. Но когда Этьеран мягко спросила: "Ну что, пойдем?", он услышал в ее голосе нотку невольного уважения. Казалось, она все же думала, что ураган стих благодаря ему.

Оцепенело пробормотав: "Разумеется", он снова пошел следом за Этьеран.

Весь остаток дня шел тот же чистый дождь. Кавинанта не покидало чувство умственной заторможенности, и единственными внешними факторами, проникавшими в его сознание, были сырость и холод. Большая часть дня незаметно миновала, как один долгий рывок сквозь промозглость и холод. К вечеру Кавинант уже настолько пришел в себя, что смог обрадоваться, когда Этьеран нашла новый Веймит, и пока его одежда сушилась возле пламени гравия, он тщательно осмотрел себя на предмет скрытых травм. Все случившееся по-прежнему удивляло его. Он не мог отделаться от странного ощущения, что та сила, которая укротила ураган, необъяснимо изменила и его самого.

Утро следующего дня было ясным и торжествующим, и путники покинули Веймит рано, на рассвете вновь наступившей весны. После напряжения предыдущего дня Кавинант чувствовал острую настороженность к этой ликующей свежести воздуха и сверканию росы на траве, к блеску вереска и пьянящему аромату драгоценных ягод. Страна поразила его своей красотой, словно он никогда не видел ее прежде. Ее реальность, жизненность была до странного доступна его чувствам. Он чувствовал, что может видеть, как весна циркулирует внутри деревьев, травы и цветов; слышать возбуждение в птичьих голосах, обонять свежесть бутонов и почек и чистоту воздуха.

Потом Этьеран внезапно остановилась и осмотрелась. Когда она втянула носом воздух, черты ее исказила гри-

маса отвращения и тревоги. Она повела головой, словно пытаясь засечь источник угрозы.

Кавинант последовал ее примеру, и тотчас его охватила дрожь узнавания. Он почувствовал, что в воздухе на самом деле что-то не то, что-то фальшивое. Этого не было в непосредственной близости — запахи деревьев, травы и цветов, благоухающих после дождя, были такими, какими им положено быть, Но это примешивалось к ним, как нечто тревожное, неуместное, неестественное. Кавинант инстинктивно понял, что это был запах болезни, запах преднамеренного зла.

Спустя мгновение ветер переменился, и запах исчез. Но эта примесь зла обострила все чувства Кавинанта; контраст усилил впечатление того, что все, окружавшее его, было реальным. Сделав интуитивное усилие, он осознал перемену, произошедшую внутри него или для него. Каким-то образом, совершенно ошеломившим Кавинанта, чувства его перешли в новое качество. Он смотрел на траву, вдыхал ее свежесть и видел ее зелень, ее бьющую ключом жизнь, ее уместность в окружающем мире. Переведя взгляд на росшую поблизости алианту, он ощутил исходящее от нее такое ощущение силы и здоровья, что это потрясло его.

Мысли его закружились, смешались, затем внезапно прояснились вокруг образа здоровья. Он видел здоровье, чувствовал по запаху естественную пригодность к жизнеспособности, слышал истинную роскошь и изобилие весны. Здоровье было очень ярко и живо вокруг него, как если бы дух жизни Страны стал осязаемым воплощением. Это было похоже на то, как если бы он попал без всякого предупреждения в абсолютно иную вселенную. Даже Этьеран — она смотрела на его восторг с озадаченным удивлением — была окружена ореолом явного здоровья, хотя ее жизнь осложнялась тревогами, усталостью, болью, необходимостью принимать решения.

"Черт возьми, — подумал про себя Кавинант. — Неужели ореол проказы столь же очевиден для нее? Тогда почему она не понимает?" Он отвернулся от ее взгляда, обдумывая способ, каким можно было бы проверить свои и ее глаза. Спустя мгновение он заметил рядом с одной из горных вершин дерево-золотень, с которым, казалось,

что-то было не в порядке. Во всех отношениях, доступных чувствам Кавинанта, оно было нормальным и здоровым, но при этом таило в себе выражение какого-то внутреннего недуга, какой-то странной печали — во всяком случае, так казалось Кавинанту. Указывая на дерево, Кавинант спросил Этьеран, что она видит.

Этьеран мрачно ответила:

— Я не принадлежу к числу лиллианрилл, но все-таки вижу, что золотень умирает. Какая-то болезнь поразила ее сердцевину. Разве вы не замечали подобных вещей прежде?

Он покачал головой.

— Тогда как живет тот мир, из которого ты пришел?

Казалось, ее пугает возможность существования такого места, где само здоровье было неразличимо.

В ответ на ее вопрос Кавинант лишь пожал плечами. Он хотел бросить ей вызов, выяснить, что она видит в нем. Но потом он вспомнил, как она однажды сказала:

— Вы закрыты для меня.

Теперь он понимал, что она имела в виду, и это понимание дало ему чувство облегчения. Тайна его болезни оставалась нетронутой, целой. Он сделал жест в направлении северо-запада, и когда через секунду она продолжила путь, он последовал за ней с радостью. И надолго забыл о себе, созерцая окружавшее его повсюду здоровье.

Постепенно, по мере того, как полдень сменялся сумерками и затем темнотой ночи, Кавинант привыкал видеть здоровье за разнообразными красками и формами, попадавшимися на глаза. Еще дважды его ноздри улавливали едва различимый запах зла, но он не смог обнаружить его нигде поблизости от притока реки, возле которого Этьеран решила остановиться на ночлег. Кавинант подумал, что теперь можно спать спокойно.

Но каким-то образом розовые сновидения о духовном здоровье и красоте превратились в кошмар, в котором чувства отбрасывали свои тела, и оказывалось, что на самом деле они отвратительные, разлагающиеся, презренные. Кавинант был рад проснуться и даже рад был подвергнуть себя риску бриться без помощи зеркала.

На шестой день запах зла стал ощущаться постоянно и становился сильнее по мере того, как Этьеран и Кави-

нант продолжали путь к подножию гор. На рассвете короткий весенний дождь намочил их одежду, но не вымыл запах из воздуха. Этот запах беспокоил Кавинанта, возбуждал в нем тревогу, так что в конце концов он стал чувствовать себя так, если бы прямо в сердце ему было нацелено холодное лезвие ужаса.

Тем не менее он не мог определить источник и природу запаха. Тот просачивался в него сквозь благоуханный букет трав, густых зарослей орляка и алианты, сквозь красоту полных жизни холмов, словно зловоние разлагающегося трупа где-то на границе его обоняния.

Наконец переносить это молча стало невозможно. Поравнявшись с Этьеран, Кавинант спросил:

— Вы чувствуете этот запах?

Даже не взглянув на него, она мрачно произнесла:

— Да, Неверующий. Я его чувствую. И это становится мне понятно.

— Что он означает?

— Он означает, что мы идем навстречу опасности. Вы не ожидали этого?

Думать, черт побери! Кавинант задал вопрос по-другому:

— Но откуда он исходит? Что его порождает?

— Откуда я знаю? — огрызнулась Этьеран. — Я не оракул.

Кавинант едва удержался от ответной грубости. Это стоило ему немалых усилий.

— Но тогда все же что это такое?

— Это убийство, — без всякого выражения произнесла Этьеран и, ускорив шаг, вновь ушла вперед.

"Не проси, чтобы я забыла", — снова говорила ее спина, и Кавинант, кипя от злости, последовал, спотыкаясь, за ней. Холодная тревога еще ближе придвинулась к его сердцу.

К полудню он почувствовал, что запах усиливается буквально с каждым шагом. Его глаза шарили вверх и вниз по горам, словно он ожидал в любой момент увидеть источник запаха. Его ноздри болели от постоянного вдыхания этого зловония. Но при этом он не воспринимал ничего; ничего, кроме извилистой тропинки, по которой шла Этьеран сквозь заросли, долины, и овраги, и нагро-

мождения выветренных горных пород, ничего, кроме здоровых деревьев, кустарников, цветов и зеленой травы, буйства зеленой весны, и ничего, кроме усиливавшейся угрозы какого-то зла в воздухе. Это была едкая и резкая угроза, и Кавинант смутно чувствовал, что ее источник будет ей под стать.

Это ощущение усиливалось в течение некоторого времени без всякого ограничения. Но затем внезапная перемена в напряжении спины Этьеран дала Кавинанту знать, что необходимо быть готовым ко всему, и тут же раздался ее шепот, приказывающий остановиться. Она только что обогнула край горы, и теперь ей была видна лощина впереди. На мгновение она застыла, слегка пригнувшись и вглядываясь в лощину. Потом побежала вниз с горы.

Кавинант немедленно последовал за ней. В три прыжка он достиг того места, где она остановилась. Внизу, на дне лощины, находилась небольшая рощица, словно островок на широкой просеке. Ничего дурного в ней как будто бы не было. Но запах стал совершенно невыносимым, и Этьеран бежала прямо по направлению к этой рощице. Кавинант помчался за ней.

Она резко остановилась на восточной стороне недалеко от деревьев. Лихорадочно дрожа, она огляделась вокруг с выражением ужаса и ненависти, словно хотела войти в рощу, но у нее не хватало мужества. Потом она громко, с ужасом выкрикнула:

— Вейнхим? Меленкурион! Ах, клянусь Семью, какое зло!

Поравнявшись с Этьеран, Кавинант увидел, что она с выражением молчаливого крика смотрит на деревья. Сцепленные руки ее были прижаты ко рту, а плечи тряслись.

Вглядевшись в рощу, Кавинант заметил узкую тропинку, ведущую внутрь. Повинуясь внезапному импульсу, он двинулся вперед, продираясь сквозь ветки деревьев. Через пять шагов он очутился на открытом месте, весьма похожем на те Веймиты, которые он уже видел. Эта "комната" была круглой, но имела те же самые стены, образованные деревьями, сплетенную из ветвей крышу, постели и полки.

Однако, стены были забрызганы кровью, а в центре, на земляном полу лежало какое-то тело.

У Кавинанта перехватило дыхание, когда он понял, что это не человек.

Очертания фигуры в основном походили на человеческие, хотя туловище было чересчур длинным, а все четыре конечности — одинаково короткими, что говорило о способности этого существа передвигаться как в вертикальном положении, так и на четвереньках. Но подобного лица Кавинант сроду не видел. Длинная гибкая шея соединяла лишенную волос голову с туловищем; почти на самой макушке черепа располагалась пара остроконечных ушей; рот был настолько тонок, что казалось — это просто щель в плоти. А глаз вообще не было. Середину лица занимали две зияющие ноздри, окруженные толстой мясистой мембраной. Больше на этом лице не было ничего. Грудь существа пронзал в центре, пригвождая его к земле, длинный железный костыль.

И над всем этим стояло такое зловоние насилия, что Кавинанта тошнило. Первым его побуждением было бежать. Он страдал проказой; даже мертвые существа были опасны для него. Но он заставил себя остаться, из сумятицы чувств отобрав тем временем одно ощущение. При первом взгляде на это существо ему показалось, что с его смертью Страна избавилась от чего-то отвратительного. Но вскоре его глаза и нос подсказали ему, что это не так. Зло, угнетавшее его чувства, исходило от убийства — от костыля, а не от существа. Его плоть имела запах растерзанного здоровья; она была естественна, уместна — присущая часть здоровой жизни Страны.

Зажав нос, чтобы не чувствовать зловония преступления, Кавинант повернулся и вышел.

Оказавшись вновь под солнечным светом, он увидел, что Этьеран опять уходит на север, почти добравшись до самого выхода из лощины. Его не нужно было подгонять для того, чтобы он последовал за ней; кости его ныли от желания оказаться как можно дальше от осквернённого Веймита. Он бросился следом за Этьеран с такой поспешностью, словно сзади лязгали клыки, угрожая схватить за ноги.

Весь остаток дня он черпал силы в мыслях о том, что

с каждым шагом удаляется от страшного места. По мере того, как они спешили вперед, граница жуткого запаха стала постепенно расплываться. Но окончательно он не исчезал, оставаясь на некоем постоянном уровне. Когда Кавинанту и Этьеран пришлось остановиться для ночлега, причиной чему послужили усталость и темнота, его охватило непреодолимое чувство, что главные тревоги еще впереди, что убийца Вейнхима находится где-то к северу от них, вызывая беспокойство и страх. Этьеран, казалось, разделяла его подозрения; она спросила, умеет ли он пользоваться ножом, который несет с собой.

Через некоторое время, оставив безуспешные попытки уснуть, Кавинант заставил себя спросить Этьеран:

— Может быть, нам следовало... похоронить его?

Она тихо ответила со своего затененного ложа по ту сторону ямы с гравием:

— Они не одобрили бы нашего вмешательства. Они позаботятся о нем сами. Но меня страшит то, что они могут разорвать свои связи с Лордами из-за этого.

Ее слова вызвали у Кавинанта холодный озноб, объяснить причину которого он не смог, и он полночи лежал, не в силах уснуть, под холодным насмешливым взглядом звезд.

Рассвет нового дня ознаменовался скудным завтраком. Этьеран планировала пополнить запасы провизии накануне в очередном Веймите, и теперь у нее не было вина, а хлеба и других продуктов осталось очень мало. Но все же голод им не грозил — вдоль всего пути в изобилии росли драгоценные ягоды. Однако начать путь им пришлось без горячей пищи, способной подкрепить их после холодной, беспокойной ночи. И им пришлось идти в том же направлении, которое избрал убийца Вейнхима. Кавинант почувствовал, как им овладевает гнев, словно чутье подсказывало ему, что убийство было совершено специально для него. Впервые за несколько дней он позволил себе вспомнить про Друла и Лорда Фаул. Он знал, что любой из них был способен убить Вейнхима и даже сделать это безо всякой причины. И по меньшей мере один из них — Презренный — мог без труда узнать, где он находится.

Однако день прошел без злоключений. Смутная по-

стоянная тревога в воздухе не становилась сильнее, а алианты вокруг было полно. По мере того, как все новые лье оставались позади, гнев Кавинанта понемногу утихал. Он расслабился, созерцая окружающее его со всех сторон здоровье, с неослабевающим удивлением глядя на деревья — величественные дубы и благородные вязы, на внушающие спокойствие кроны золотеней, на чудесные узорчатые листья мимозы, на гибкие молодые побеги акации и на спокойные древние очертания гор, похожих на сонные головы, склонившиеся на покатое плечо западных равнин. Подобные картины вызывали у него новое чувство пульсации жизни паузы поднимающихся соков и неподвижного камня Страны. Как контраст этому преследующая их скверна смерти казалась одновременно и мелкой, и незначительной, маловероятной рядом с необъятной обильной жизненностью гор и плохой, словно акт жестокости, совершенный по отношению к беззащитному животному.

На следующее утро Этьеран изменила свой курс, повернув слегка на восток, так, чтобы ей и Кавинанту постепенно забираться все глубже в сердцевину гор. Они шли по извилистому пути, держась преимущественно долины, которая пролегала в северном направлении между горами. И когда солнце спустилось уже довольно низко, погрузив в тень восточные склоны, путешественники увидели вдалеке Парящий Вудхельвен.

По мере того, как они приближались, Кавинант успел как следует рассмотреть селение на дереве и с дальнего, и с близкого расстояния. На его взгляд, высота дерева достигала четырехсот футов, а ширина ствола у основания — добрых тридцати футов. Сучья начинали расти на высоте 40-50 футов на землей, сменяясь неожиданно мощными горизонтальными ветвями, образующими по очертанию полуовал с расплющенной макушкой. Все дерево настолько изобиловало ветвями и листьями, что большая часть деревни была не видна; но Кавинант разглядел несколько лестниц между ветвями и вдоль ствола; а в нескольких особенно густых местах на ветвях он, как ему показалось, различил очертания жилищ. Что же касается людей, то в данный момент кто-то из них если и передвигался в листве, то благодаря искусному камуфляжу заметить это было совершенно невозможно.

— Это Парящий Вудхельвен, — сказала Этьеран, — где обитают люди племени Лиллианрилл, в то время как Подкаменье Мифиль населяют люди племени Радхамаэрль. Однажды я уже побывала здесь, когда возвращалась из Лосраата. Вудхельвеннины — очень милый народ, хотя я не понимаю их лесного учения. У них мы найдем приют и пищу, а может быть, они нам еще и помогут. Как говорится: "За правдой иди к Радхамаэрль, а за советом — к Лиллианрилл". А мне сейчас хороший совет нужен, как никогда. Идем.

Она повела Кавинанта через поляну к подножию гигантского дерева. Им пришлось обогнуть покрытый грубой корой ствол, чтобы зайти с северо-западной стороны, где они обнаружили большое естественное дупло в полом основании. Глубина дупла была невелика; размеры его были таковы, что внутри помещалась спиральная лестница. Над первым толстым суком было еще одно дупло, из которого наверх шло уже несколько лестниц.

При виде такого устройства Кавинант ощутил дрожь, вызванную давним его страхом перед высотой, о котором он уже почти забыл с тех пор, как пережил тяжкое испытание при спуске со Смотровой Кевина. И теперь он не испытывал ни малейшего желания карабкаться по этим лестницам.

Но оказалось, что взбираться наверх не было необходимости. Дупло, служившее входом в ствол, было закрыто тяжелыми деревянными воротами, и поблизости не было никого, кто бы мог их открыть. И вообще вокруг было чересчур тихо и темно, чтобы это место могло подходить для человеческого жилища.

Сумерки все сгущались, а сквозь нависавшую над головой лиственную массу не пробивалось ни единого огонька. и тишина не нарушалась ни единым звуком.

Кавинант взглянул на Этьеран и увидел на ее лице недоумение. Положив руки на засовы ворот, она сказала:

— Что-то тут не так, Томас Кавинант. Когда я была здесь в последний раз, по поляне бегали дети, по лестницам двигались люди, и у входа не было никаких ворот. Что-то не так. И все же большой беды я не чувствую. Здесь зла не больше, чем где-либо еще вдоль нашей дороги.

Отступив на шаг от ворот, она подняла голову и крикнула:

— Эй! Парящий Вудхельвен! Мы — путешественники, люди Страны! Путь наш долог, будущее наше скрыто во мраке! Что стало с вами? — Ответа не последовало, и она с раздражением продолжила: — Я бывала здесь прежде! В те дни говорили, что гостеприимство Вудхельвеннинов не имеет себе равных! И это вы называете дружбой со Страной?

Внезапно сзади них раздался какой-то тихий шелест. Повернувшись, Кавинант и Этьеран обнаружили, что находятся в окружении семи или восьми человек, сжимавших гладкие деревянные кинжалы. Инстинктивно они попятились назад, к воротам. Приближаясь к ним, один из мужчин сказал:

— Значение слова "дружба" меняется со временем. Мы видели тьму и слышали дурные вести. Мы должны быть уверены в чужеземцах.

В руке говорившего зажегся факел. В его свете Кавинант смог разглядеть Вудхельвеннинов. Все они были высокие, стройные и гибкие, со светлыми волосами и ясными глазами. Их одежда была того же цвета, что и основные атрибуты Вудхельвена, и, казалось, облегала их тела, чтобы за нее не цеплялись сучья. У каждого в руках был заостренный кинжал из отполированного дерева, тускло мерцавшего в свете факела.

Кавинант совершенно растерялся, но Этьеран поправила свою накидку и с суровой гордостью ответила:

— Тогда, если вам надо знать точно, я — Этьеран, жена Трелла из Подкаменья Мифиль. А это — Томас Кавинант Неверующий, и у него послание к Лордам. Мы пришли с миром и по нужде, в поисках безопасности и помощи. Я не знала, что в ваших обычаях превращать чужеземцев в пленников.

Человек, держащий факел, выступил вперед и учтиво поклонился.

— Когда мы убедимся, что все, сказанное вами — правда, мы попросим извинить нас. Но до этого времени вы должны пойти со мной туда, где вас можно будет проверить. Мы видели странные приметы и теперь замечаем их все больше. — Он кивнул Кавинанту. — Будьте

уверены, что, выбрав доверие или недоверие, мы не ошибемся. Так вы идете со мной?

— Хорошо, — вздохнула Этьеран. — Но если бы вы были гостем Подкаменья Мифиль, с вами не стали бы так обращаться.

Человек с факелом ответил:

— Прежде, чем презирать нашу осторожность, пусть жители Подкаменья сначала испытают наши беды. А теперь идите за мной.

С этими словами он подошел к воротам, чтобы открыть их.

Кавинант почувствовал замешательство. Он не был готов к тому, чтобы взбираться в темноте вверх по высокому дереву. Даже при свете, когда он мог бы видеть то, что делает, это испытание было бы для него слишком тяжким, а при одной лишь мысли о том, какому риску он подвергнется ночью, в голове его гулкими ударами начал отдаваться пульс. Отступив в сторону от Этьеран, он сказал, не в силах удержать дрожь в голосе:

— Забудьте об этом.

Прежде, чем он успел отреагировать, двое мужчин схватили его за руки. Он попытался вывернуться, но они держали его, приподняв руки вверх, к свету факелов.

Мгновение Вудхельвеннины смотрели на его руки — на кольцо на его левой руке и на шрам на правой — так, словно увидели какого-то вурдалака или упыря. Потом человек с факелом резко произнес:

— Взять его!

— Нет! — громко запротестовал Кавинант. — Вы не понимаете. Я не выношу высоты. Я упаду.

Когда же, схватив за локти, его поволокли к воротам, он завопил:

— Черт побери! Вы хотите убить меня!

Его конвоиры на мгновение остановились. Кавинант услышал крики, но в своем страхе, смущении и злобе не понял их. Затем предводитель сказал:

— Если ты не умеешь хорошо лазить, тебя не будут заставлять делать это.

В следующее мгновение рядом с Кавинантом упал конец веревки. Двое мужчин немедленно привязали к ней Кавинанта за запястья. Прежде чем он успел понять, что

происходит, веревка туго натянулась. И он поднялся в воздух, словно абсолютно беспомощный мешок.

Ему показалось, что Этьеран издала крик протеста, но так ли это было на самом деле, он не был уверен. Внутренне чертыхаясь, он напряг плечи, чтобы уменьшить нагрузку на запястья, и диким взглядом уставился вверх, в темноту. Того, кто тянул веревку, совершенно не было видно; в исчезающем свете факела казалось, что веревка устремляется в бесконечность, и это лишь усиливало его страх.

Вскоре свет факела окончательно растворился.

В следующее мгновение тихий шелест листьев подсказал ему, что он достиг уровня первых ветвей. Он увидел желтое мерцание сквозь листву, окружавшую первую "лестничную площадку".

Но веревка потащила его выше, на верхние этажи селения.

Собственные движения заставляли Кавинанта слегка раскачиваться, так что время от времени он задевал телом листву. Но это было его единственным контактом с деревом. Он не видел огней, не слышал голосов; очертания мощных ветвей скользили мимо него, словно он возносился на небо.

Вскоре его плечи сильно заныли, а руки онемели. Вытянув шею и задрав голову вверх, он всматривался в кромешную тьму, как если бы шел ко дну.

— Черт побери! Ах-х!

Затем без всякого предупреждения его движение прекратилось. Прежде, чем он смог прийти в себя, зажегся факел, и оказалось, что его голова находится на уровне ног троих мужчин, стоящих на толстой ветке. Во внезапно вспыхнувшем свете они показались идентичными тем людям, которые связали Кавинанта внизу, но на голове одного из них был небольшой венок из листьев. Двое других мгновение рассматривали Кавинанта, затем протянули руки, схватили его за рубашку и втащили на ветку, на которой стояли. Как только под ногами у Кавинанта оказалась твердая поверхность, веревка ослабла, и он смог опустить руки.

Его запястья были все еще связаны, и он попытался ухватиться за одного из стоявших рядом мужчин, чтобы

не свалиться с ветки. Руки его ничего не чувствовали; он не мог пошевелить ими. Внизу под ним расстилалась тьма, словно голодный зверь. Хватая ртом воздух, Кавинант рванулся к людям, пытаясь заставить их спасти его. Они грубо подхватили его и, поскольку ноги Кавинанта отказывались держать его собственный вес, им пришлось тащить Томаса вдоль сука до широкого дупла в стволе. Оно было превращено в нечто, напоминающее зал, и Кавинант тяжело опустился на пол, охваченный дрожью облегчения.

Вокруг него тотчас началась какая-то суета, постепенно все нараставшая. Он не обращал на нее внимания; глаза его были закрыты, чтобы дать сознанию возможность сконцентрироваться на надежной стабильности пола и на боли, с которой кровь вновь приливала к кистям и предплечьям. Боль была мучительной, но он переносил ее молча, стиснув зубы. Вскоре руки начало покалывать, а пальцы распухли, и им стало горячо. Кавинант согнул их, сжал кулаки.

— Проклятье! Черт бы побрал все это! — бормотал он в ритм с бешеным биением собственного сердца.

Наконец он открыл глаза.

Он лежал на гладкой деревянной поверхности в центре несметного количества концентрических кругов ствола. Годовые кольца, казалось, сфокусировались вокруг него, словно его поместили в центр огромной мишени. Руки отказывались ему служить, но он заставил себя принять с их помощью сидячее положение. Затем он посмотрел на свои ладони. На запястьях остались следы от веревок, но они не кровоточили.

Ублюдки!

Кавинант поднял голову и огляделся.

Зал был около двадцати футов шириной и, казалось, заполнял собой весь внутренний диаметр ствола. Единственным входом в него служило отверстие, через которое он сюда попал, а снаружи царила тьма. Но зал был ярко освещен факелами, которые при горении не давали дыма и, казалось, ничуть не уменьшались в размерах.

Гладкие стены сверкали, словно отполированные, но потолок, высоко поднятый над полом, являл собой грубое, необработанное дерево.

Вокруг Кавинанта стояли пятеро Вудхельвеннинов — трое мужчин, включая обладателя венка из листьев, и две женщины. Все они были одеты в одинаковые костюмы, плотно облегающие их фигуры, хотя и отличающиеся по цвету, и все они были выше Кавинанта. Их рост казался просто угрожающим, поэтому Кавинант медленно поднялся на ноги, одновременно снимая с плеч рюкзак.

Спустя еще секунду в зал вошел мужчина, возглавлявший отряд, который пленил Кавинанта. Его сопровождала Этьеран. Она была цела и невредима, но выглядела усталой и подавленной, как если бы подъем и недоверие подорвали ее силы. Увидев Кавинанта, она приблизилась к нему.

Одна женщина сказала:

— Только двое, Саронал?

— Да, — ответил спутник Этьеран. — Я все время наблюдал, но пока они пересекали южную поляну, других не появлялось. От наших разведчиков тоже не поступило никаких сведений о других чужаках в горах.

— Разведчики? — спросила Этьеран. — Я не слышала о том, чтобы людям Страны когда-либо были нужны шпионы.

Одна женщина сделала шаг вперед и ответила ей:

— Этьеран, дочь Трелла, мы знали народ Подкаменья Мифиль с тех самых пор, как вернулись в Страну после наступления новой эры. Среди нас есть и такие, кто помнит твой визит к нам. Мы знали своих друзей, и цена дружбы нам тоже известна.

— Тогда чем мы заслужили подобное к себе отношение? — требовательно осведомилась Этьеран. — Мы пришли сюда в поисках друзей.

На этот раз женщина уклонилась от прямого ответа на ее вопрос.

— Поскольку все мы — люди Страны, — сказала она, — и поскольку грозящая нам опасность — это опасность для всех, я попытаюсь немного сгладить ваше неприятное впечатление от нашей неучтивости, объяснив наши действия. Присутствующие сейчас в этом зале в сердце дерева — все Хииры Парящего Вудхельвена, вожди нашего народа. Я — Ллаура, дочь Аннамара. А это, — она

кивнула в сторону остальных, — Омоурнил, дочь Иоурнила, Саронал, сын Тиллера, Падриас, сын Миала, Моллинер, сын Веймина, и Барадакас, Хайербренд учения Лиллианрилл (последний был как раз человеком в венке). Мы решили не доверять вам и объясним причины такого решения.

Я вижу, вы полны нетерпения, — в голосе ее послышалась горечь. — Что ж, я не стану утомлять вас подробным рассказом о том губительном ветре, который время от времени прилетал к нам со стороны Грейвин Френдор. И не стану описывать жестокие бури или показывать вам тело трехкрылой птицы, погибшей на вершине нашего Вудхельвена, или обсуждать с вами правдоподобность дошедших до нас слухов об убийстве. Именем Семи! Я должна была бы спеть вам песни ярости, но я не стану делать этого сейчас. Я скажу вам лишь следующее: не все слуги Серого Убийцы мертвы. Нам кажется, среди нас побывал Пожиратель.

Это имя таило в себе столько опасности, что Кавинант невольно огляделся вокруг, пытаясь понять, откуда грозит эта опасность. Сначала он ничего не понял. Но потом заметил, как сжалась при этих словах Ллауры Этьеран, как в середине ее подбородка задергался маленький мускул, почувствовал в ней поднимающуюся тревогу, хотя она ничего не сказала вслух, и понял. Вудхельвеннины боялись, что она и он могут оказаться Пожирателями.

Не подумав, он пробормотал:

— Это смешно.

Хиирры проигнорировали это его замечание. После короткой паузы Саронал продолжил объяснения, начатые Ллаурой:

— Два дня тому назад, когда полуденное солнце стояло высоко над горизонтом, когда наши леди были заняты своими делами и ремеслами, а дети играли в верхних ветвях дерева, к Парящему Вудхельвену подошел незнакомец. Еще двумя днями раньше внезапно разразилась непонятная злая буря, пришедшая от Горы Грома, и так же внезапно сменилась ведром, и в тот день, когда появился незнакомец, наши сердца были полны радости, ибо мы полагали, что некая битва, неизвестная нам, выиграна защитниками Страны. Чужак с виду был

похож на обитателя Подкаменья и назвался Иоханнумом. Мы встретили его гостеприимством, принятым повсюду в Стране. Мы не видели причины не доверять ему, хотя дети бросались от него прочь с недовольными и испуганными криками. Увы, приходится признать, что молодые видят лучше нас, стариков. Речь его таила злобу и какие-то нелепые намеки, он иронично высмеивал наши ремесла и обычаи. А мы не могли ему ничего ответить. Но мы помнили о мире и ничего не предпринимали в течение целого дня.

Между тем намеки Иоханнума стали напоминать предсказания судьбы. Поэтому мы, наконец, вызвали его в зал в сердце дерева на собрание Хииров. Мы слышали слова, которые он выбирал для своей речи — слова, полные ликования и оскорбляющие Страну. Тогда наши глаза стали видеть яснее, и мы предложили ему тест ломильялора.

— Ты ведь знаешь о Высоком Дереве под названием ломильялор, не так ли, Этьеран, — вступил в разговор Барадакас. — По своим свойствам оно очень напоминает Оркрест или Радхамаэрль. Это росток Одного Дерева, из которого был сделан сам Посох Закона.

— Но провести проверку нам не удалось, — резюмировал Саронал. — Когда Иоханнум увидел высокое дерево, он вырвался от нас и бежал. Мы послали вслед ему погоню, но он застиг нас врасплох; мы были слишком беспечны и не готовы к таким дьявольским проделкам, и он намного опередил нас. Он ускользнул от нас, направившись на восток.

Вздохнув, он закончил:

— В течение дня, прошедшего после этого события, мы предприняли некоторые шаги для укрепления обороны Страны.

Спустя мгновение Этьеран сказала:

— Все ясно. Простите мне мой гнев — он был вызван нетерпением и незнанием. Но теперь-то вы, конечно, видите, что мы не являемся друзьями Серого Убийцы.

— В тебе мы видим многое, Этьеран, жена Трелла, — сказала Ллаура, пристально глядя на жительницу Подкаменья. — Много печали и много мужества. Но твой спутник закрыт для нас. Может оказаться так, что мы

будем вынуждены взять этого Томаса Кавинанта под стражу.

— Меленкурион! — прошипела Этьеран. — Не выдумывайте! Разве вы не знаете? Разве вы не видели его!

При этих ее словах среди Хиироов послышалось облегченное бормотание, подчеркнувшее их напряжение. Сделав шаг к Этьеран, Саронал вытянул правую руку вперед в приветственном жесте и сказал:

— Мы видели, видели и слышали. Мы доверяем тебе, Этьеран, дочь Трелла. Ты произнесла имя, которое не призвал бы на помощь ни один Пожиратель даже с целью спасти своего единомышленника.

Взяв Этьеран за руку, он отвел ее от Кавинанта за пределы центра зала.

Оставшись один, Кавинант внезапно почувствовал себя беззащитным, уязвимым. Впервые он осознал, насколько стал зависим от ее присутствия, от ее руководства, если не от ее поддержки. Но он не был предрасположен пассивно воспринимать угрозы. Мышцы его ног напряглись, готовые повиноваться первому же его приказу, а глаза быстро скользнули по лицам людей, стоявших у гладких стен.

— Иоханнум предсказал многое, — сказала Ллаура. — Но об одном тебе надо знать обязательно. Он сказал, что чудовищное зло в образе Берека Полурукого приближается к нам с юга, со стороны гор. И вот... — Она указала бледной рукой на Кавинанта, и голос ее зазвенел от напряжения... — И вот перед нами чужак, явно не имеющий ничего общего со Страной, правая рука которого цела лишь наполовину, а на левой надето кольцо из белого золота. Без сомнения, он несет Лордам какое-то послание, послание или судьбу!

Голосом, в котором слышались убеждение и мольба, Этьеран сказала:

— Напрасно вы берете на себя смелость судить. Помните о Клятве. Вы не Лорды. И черные слова могут быть как предсказанием, так и предубеждением. Разве вы доверяете словам Пожирателя?

Барадакас слегка пожал плечами.

— Мы судим не о послании. Наш шест касается лишь самого человека...

Пошарив рукой позади себя, он поднял вверх гладкую деревянную палку в три фута длиной, с которой была удалена кора. Он держал ее за середину осторожно, с благоговением.

— Это Ломильялор.

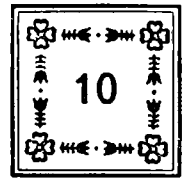
Как только он произнес это слово, дерево заблестело, словно его чистую поверхность смочила роса.

Какого черта все это значит? Кавинант постарался быть готовым ко всему, что бы ни последовало. Но следующее движение Хайербренда все же застало его врасплох. Барадакас замахнулся палкой и запустил ею в Неверующего.

Тот дернулся в сторону и поймал Ломильялор правой рукой. Но поскольку пальцев на этой руке не хватало, палка выскользнула и упала на пол с деревянным стуком, показавшимся неестественно громким в тишине зала.

Мгновение все оставались неподвижными, словно застыли, постепенно осознавая значение всего происходящего. Затем Хииры в унисон вынесли вердикт со всей непреклонностью смертного приговора:

— Высокое Дерево отвергает его. Он чужой для Страны.

ПРАЗДНИК ВЕСНЫ

Неуловимым движением Барадакас вытащил из-за пояса дубинку и, подняв ее, двинулся к Кавинанту.

Тот отреагировал так, как требовал инстинкт самозащиты. Прежде чем Хайербренд вплотную подошел к нему, он нагнулся и схватил Ломильялор левой рукой. И когда Барадакас занес дубинку над его головой, он ударил этой палкой по руке Хайербренда.

Веером белых брызг дубинка разлетелась на мелкие осколки. Барадакас был отброшен назад с такой силой, как если бы его сдуло взрывной волной.

Сила удара отозвалась в руке Кавинанта до самого локтя, и его пальцы на мгновение онемели. Палка выскользнула из руки. Он тупо смотрел на нее, думая: "Какого черта?.."

Но потом немое изумление Хииров и скорчившегося у стены Хайербренда привели его в чувство.

"Проверять меня? — злобно подумал он. — Ублюдки!"

Он переложил палку в правую руку, держа ее за середину, как это делал Барадакас. Блестящее дерево палки было скользким на ощупь; оно как бы просачивалось сквозь пальцы, хотя дерево не обладало способностью двигаться. Крепко зажав палку в руке, он посмотрел на Хииров, вложив в свой взгляд все негодование, которое возникло в нем из-за их отношения.

— Ну, отчего бы вам теперь еще раз не сказать о том, что эта штука отвергает меня?

Саронал и Лаура стояли по бокам Этьеран, а Моллинер напротив них прислонился к стене. Омоурнил и Падриас склонились над упавшим Хайербрендом.

Пока Кавинант разглядывал все это, Этьеран мрачно смотрела на него.

— Когда-то давным-давно, — сказала она, — когда Высокий Лорд Кевин доверял Серому Убийце, тот получил бесценные дары — Оркрест и Ломильялор. Легенда говорит, что эти дары вскоре были потеряны, но в то время, когда Серый Убийца владел ими, они не отвергали его. Отчаяние иногда может принимать облик правды. Быть может, дикая магия сильнее правды.

— Ну, спасибо. — Кавинант с негодованием взглянул на нее. — Что вы пытаетесь со мной сделать?

Каким-то бесцветным голосом Лаура ответила:

— Такова легенда. Но мы — всего лишь Вудхельвеннины, а не Лорды. Подобные вещи нас не касаются. Наш народ не помнит такого, чтобы за всю его историю в результате теста правды пострадал Хайербренд учения Лиллианрилл. Как говорится в песне: "...Он спасет или проклянет Страну". Давайте будем молить его, чтобы он не наслал на нас проклятие за наше недоверие. — Вытянув дрожащую руку в приветствии, она сказала: — Эй, Неверующий! Прости нас за наши сомнения и будь гостем в Парящем Вудхельвене.

Мгновение Кавинант смотрел на нее с горькой усмешкой, кривившей его губы. Но, встретившись с ее взглядом, он почувствовал, что может различить искренность ее извинений. Это сразу охладило его гнев. Терзаемый разноречивыми побуждениями, он пробормотал:

— Забудьте об этом.

Лаура и Саронал поклонились, как бы признавая тем самым, что он принял ее извинения. Затем они повернулись к Барадакасу, с трудом поднимавшемуся с пола. На его лице все еще оставалось выражение крайнего изумления. Он принялся тереть лицо руками, словно оно было облеплено паутиной, но при этом заверил Омоурнила и Падриаса, что он цел и невредим. И потом тоже отдал салют Кавинанту с выражением удивления и страха во взгляде.

Кавинант ответил легким поклоном. Он не стал дожидаться, когда его попросят, и сам отдал Ломильялор Барадакасу, с облегчением избавившись от этого скользкого и непоседливого куска дерева.

Барадакас принял палку и криво усмехнулся ей, как свидетельнице своего поражения. Затем он вновь засунул ее себе за пояс. Повернувшись к Кавинанту и все так же улыбаясь, он сказал:

— Неверующий, теперь наше присутствие здесь уже необязательно. Ты еще не ел, и тяжесть путешествия ложится тяжелым грузом тебе на плечи. Согласен ли ты воспользоваться гостеприимством моего дома?

Приглашение удивило Кавинанта; мгновение он колебался, пытаясь решить, может ли он доверять Хайербренду. Барадакас казался спокойным и дружелюбным, но его улыбка была более сложной, чем извиняющаяся улыбка Ллауры. Но затем Кавинант почувствовал, что если уж речь идет о доверии, то с одним Барадакасом он будет в большей безопасности, чем со всеми Хиирами вместе. И тогда он тихо сказал:

— Вы делаете мне честь.

Хайербренд поклонился.

— Принимая дар, ты делаешь честь дарящему. — Он оглянулся на других Вудхельвеннинов, и когда те кивнули в знак одобрения, повернулся и вышел из зала в сердце дерева.

Кавинант взглянул на Этьеран, но та уже о чем-то тихо беседовала с Сароналом. Без дальнейшего промедления он ступил на широкую ветку следом за Барадакасом.

Сумрак ночи, нависшей над огромным деревом, теперь рассеивался огнями — светом домашних очагов Вудхельвеннинов. Иллюминация уходила далеко вниз, однако не до самой земли. Кавинант невольно у хватился за плечо Барадакаса.

— Это недалеко, — мрачно сказал Хайербренд. — Надо всего лишь подняться на следующую ветвь. Я пойду сзади, ты не упадешь.

Чертыхаясь сквозь зубы, Кавинант ухватился за перекладины лестницы. Ему хотелось отступить назад, вернуться вновь в надежную прочность зала в сердце дерева, но гордость и злость мешали ему сделать это. К тому же перекладины казались крепкими и даже чуть ли не клейкими, так что пальцы с трудом отрывались от них. Когда Барадакас успокаивающим жестом похлопал

его по спине, Кавинант неуклюже начал подниматься.

Как и обещал Барадакас, до следующей ветки оказалось недалеко. Вскоре Кавинант добрался до этой широкой и развилистой ветви. В нескольких шагах от ствола она разветвлялась, образуя вилку, и в этой вилке находился дом Барадакаса. Держась за плечо Хайербренда для надежности, Кавинант добрался до входа и со вздохом облегчения переступил порог.

Он оказался в опрятном жилище из двух комнат, образованном исключительно ветвями дерева. Сплетенные ветви служили стенами и полом, включая также перегородку между комнатами. А потолок представлял собой купол из сучков и листьев. Вдоль одной из стен первой комнаты стояли широкие деревянные чурбаки, служащие стульями, а напротив них — койка. Вся атмосфера жилища была чистой и теплой, и окружающие предметы говорили о преданности их хозяина Учению. Кавинант нашел это обстоятельство несколько тревожащим, как напоминание о том, что Хайербренд может оказаться опасным человеком.

Пока Кавинант разглядывал комнату, Барадакас воткнул факелы в каждую наружную стену и зажег, потирая руками наконечники и что-то тихо бормоча. Затем он на несколько минут удалился в соседнюю комнату и вернулся с подносом, уставленным бутербродами с сыром, большими гроздьями винограда и деревянными кувшинами. Между двумя стульями он установил маленький трехногий столик, поставил на него поднос и жестом предложил Кавинанту сесть.

При виде еды Кавинант почувствовал, как он голоден; в течение последних двух дней он не ел ничего, кроме алианты. Он смотрел, как Барадакас на мгновение склонился над пищей, затем сел. Следуя примеру хозяина, он сделал сандвичи из сыра и винограда, поместив их между ломтями свежего хлеба, и щедро налил себе из кувшина вина. В первые минуты он ничего не говорил, увлекшись едой.

Однако он не забывал о том, кто хозяин этого дома, и что произошло между ними.

Предоставив кувшин с вином в полное распоряжение Кавинанта, Барадакас убрал со стола остатки пищи. За-

тем, вернувшись из соседней комнаты, где, видимо, хранились запасы провизии, он сказал:

— Ну что ж, Неверующий, чем я еще могу быть тебе полезен?

Кавинант сделал большой глоток вина, затем спросил как можно небрежнее:

— Ответь. Ты был готов размозжить мне голову — там, полчаса тому назад. И мне показалось, что тебе здорово досталось при этом... От этого Высокого Дерева. Почему ты пригласил меня сюда?

Мгновение Барадакас колебался, словно раздумывая, сколько он может сказать. Затем удалился в другую комнату, вернулся с гладким посохом почти шести футов длиной и сел на кровать напротив Кавинанта. Разговаривая, он начал полировать белое дерево посоха мягкой тряпочкой.

— На то есть много причин, Томас Кавинант. Тебе нужно место для сна, а мой дом находится ближе всего к залу сердца дерева, чем у остальных, — и это существенно, если человек не привык лазить по деревьям. Кроме того, ни твое, ни мое присутствие не обязательно на совете, который сегодня ночью определит меры в плане оказания тебе помощи. Этьеран знает Страну, она скажет все, что касается вашего похода. А Саронал и Ллаура в состоянии оказать любую помощь, какую она попросит.

Глядя на руки Хайербренда и в его светлые проницательные глаза, Кавинант ощутил странное чувство, будто его снова проверяют и что поединок с Ломильялором был лишь началом экзамена, задуманного Барадакасом. Но под воздействием вина его страхи и напряжение улетучились; он чувствовал себя спокойно и твердо, сказав:

— Рассказывай дальше.

— Само собой разумеется, что мое предложение гостеприимства можно расценить и как извинение. Я был готов нанести вам травму, и это мое нарушение Клятвы Мира требует искупления. Если бы ты показал себя слугой Серого Убийцы, этого было бы достаточно, чтобы взять тебя под стражу. А травма могла бы лишить Лордов шанса проверить тебя. Так что в этом отношении я был неправ. И стал еще больше неправ, когда ты поднял

Ломильялор и его огонь нанес мне удар. Я надеюсь, что мне удастся исправить мою глупость.

Кавинант почувствовал искренность Хайербренда, однако чувство, что его опять проверяют, не только не развеялось, но даже обострилось. Не отрывая взгляда от Барадакаса, он сказал:

— Ты все еще не ответил на мой вопрос.

Барадакас, казалось, ничуть не удивился этому и спросил:

— Есть еще какие-нибудь причины? Что ты видишь во мне?

— Ты все еще проверяешь меня, — проворчал Кавинант.

Хайербренд медленно кивнул.

— Возможно. Возможно, так оно и есть. — Он встал и, уперев посох одним концом в пол, в последний раз провел по нему тряпицей. Потом сказал: — Смотри, Томас Кавинант, я сделал для тебя посох. Когда я начинал его делать, то думал, что делаю для себя. Но теперь я знаю, что это не так. Возьми его. Возможно, он поможет тебе, когда помощь и совет будут бессильны. — Увидев в глазах Кавинанта вспыхнувший вопрос, он продолжил: — Нет, это не Высокое Дерево. И все-таки он тоже неплох. Позволь мне подарить его.

Кавинант покачал головой.

— Сначала закончи свою проверку.

Внезапно Барадакас поднял посох и изо всей силы ударил им по дереву у себя под ногами. Вся огромная ветвь мгновенно содрогнулась, словно ее встряхнул внезапный порыв ветра; ветки тихонько затрепетали, и жилище подкинуло, словно суденышко на штормовой волне. Кавинант испугался, подумав, что дерево падает, и ухватился за стул в панике. Но все закончилось так же внезапно, как и началось. Барадакас устремил свои светлые глаза на Кавинанта и сказал:

— Тогда слушай меня, Неверующий. Никакой тест правды не превосходит того, кто его проводит. А я ощутил твою силу. За всю историю Лиллианрилл никто из Хайербрендов не подвергался насилию со стороны Высокого Дерева. Мы — друзья Одного Дерева, а не враги его. Но рядом с тобой я слаб, как ребенок, я не могу силой

вызвать из тебя правду. Несмотря на мою проверку, ты можешь оказаться самим Серым Убийцей, который вернулся, чтобы повергнуть во прах всю жизнь Страны.

Обозленный подобным предположением, Кавинант процедил сквозь зубы:

— Это смешно.

Барадакас подошел ближе, не отрывая пристального взгляда от глаз Кавинанта. Кавинант скорчился под этим взглядом, он чувствовал, как Хайербренд исследует самые отдаленные уголки его сознания, которые он хотел бы утаить, не раскрывать для посторонних глаз.

"И что может быть общего со мной у этого ублюдка Фаула? — с горечью подумал он. — Я вовсе не собираюсь быть у него мальчиком на побегушках".

Глаза Барадакаса на мгновение расширились, и он попятился назад, словно увидел нечто, поразившее его своей силой. Опустившись на койку, он сидел там некоторое время, глядя, как дрожат его руки, держащие посох. Потом он сказал, тщательно подбирая слова:

— Действительно. Когда-то, быть может, я стану достаточно мудрым, чтобы знать, на что можно полагаться. Теперь же мне требуется время, чтобы понять. Я доверяю тебе, друг мой. В последнем испытании ты не обречешь нас на смерть. Ну так что? — Он снова протянул Кавинанту посох. — Примешь ли ты мой дар?

Кавинант ответил не сразу. Его тоже бил озноб, и он тоже должен был взять себя в руки, чтобы ответить без дрожи в голосе:

— Почему? Почему ты доверяешь мне?

Глаза Хайербренда блестели, словно он готов был заплакать, но на губах его была улыбка, когда он сказал:

— Ты — человек, который знает цену красоте.

Кавинант некоторое время переваривал этот ответ, потом отвернулся. Его охватило какое-то смешанное чувство стыда; он казался себе нечистым, запятнанным перед лицом доверия Барадакаса. Но потом он вновь взял себя в руки. Двигаться. Выжить. При чем здесь доверие? Резким движением он протянул руку и взял посох.

Тот был кристально чистым на ощупь, словно его вырезали из самого здорового дерева самые благородные руки. Кавинант сжал его, пристально разглядывая, слов-

но тот мог вернуть ему утраченную невинность. Чуть позже Кавинант с удивлением поймал себя на том, что зевает. Только сейчас он осознал, насколько устал. Он попытался подавить слабость, но попытки привели лишь к тому, что зевота усилилась.

Барадакас отреагировал на это доброй улыбкой. Он встал с койки и жестом указал на нее Кавинанту.

Кавинант не собирался засыпать, но как только он принял горизонтальное положение, выпитое им вино, казалось, ударило в голову, и он почувствовал, как все вокруг поплыло в такт мерным колебаниям ветвей огромного дерева, качающихся на ветру.

Спал он как убитый, тревожимый лишь воспоминаниями о намерениях Хайербренда, о его вопрошающих глазах и об ощущении, какое он испытал, когда Ломильялор ускользал из его пальцев, как бы крепко он их ни сжимал. Проснувшись утром, Кавинант почувствовал, как болит у него запястье — словно он всю ночь боролся с нечистой силой.

Он открыл глаза и увидел Этьеран, которая сидела у противоположной стены комнаты и ждала. Увидев, что Кавинант проснулся, она встала и приблизилась к нему.

— Идемте, Томас Кавинант, — сказала она. — И так уже мы потеряли целый рассвет.

Кавинант мгновение пристально смотрел на нее. На ее лице лежала сгустившаяся тень усталости, и он понял, что большую часть ночи она провела в беседе с Хиирами. Но при этом она, казалось, была удовлетворена состоявшейся беседой, и ее яркий взгляд был почти оптимистичен. Возможно, у нее появилась какая-то тень надежды.

Кавинант приветствовал все, что могло уменьшить ее враждебность по отношению к нему, и он бодро вскочил с койки, как бы разделив ее оптимизм. Несмотря на боль в руках, он чувствовал себя весьма освеженным, словно окружающая обстановка Вудхельвена своим гостеприимством и благотворным влиянием помогла ему отдохнуть. Проворно двигаясь, он умылся, вытер лицо пестрым полотенцем из листьев, проверил себя на предмет повреждений и привел в порядок одежду. На трехногом столике лежал батон. Отрезав от него ломоть себе на завтрак, Кавинант обнаружил, что тот представляет собой

смесь из мелко перемолотого мяса и муки, запеченных вместе. Жуя, он подошел к одному из окон.

Этьеран присоединилась к нему, и вместе они устремили взгляд сквозь сплетение ветвей на север. Вдалеке они увидели реку, текущую почти точно на восток, а за ней до самого горизонта простирались горы. Но эти северные горы отделялись от тех, вдоль которых путешественники шли от самого Подкаменья Мифиль, не только этой рекой. Земля за рекой, казалось, была покрыта рябью, и в свете утреннего солнца почва словно бы струилась над нею, словно какая-то скрытая скала таранила поверхность Страны, обнаруживая себя для тех, кто мог ее увидеть. С возвышения, которое представлял собой Вудхельвен, Кавинант смотрел на эту картину и чувствовал, что видит нечто такое, что превосходит даже его новое восприятие.

— Это Анделейн, — произнесла Этьеран мягко, словно говорила о каком-то святом месте. — Хайербренд выбрал удачное место для своего жилища — вид отсюда прекрасный. Здесь река Мифиль течет на восток, прежде чем вновь повернуть на север, к Грейвин Френдор и Соулсиз. А за ней горы Анделейна, богатство Страны. Ах, Кавинант, когда я смотрю на них, один их вид придает мне мужества. А Саронал указал мне путь, который, быть может, сделает осуществимой мою заветную мечту; если нам будет сопутствовать удача и хорошая скорость, мы, возможно, увидим то, что превратит мою глупость в мудрость. Мы должны идти. Вы готовы?

"Нет, — подумал Кавинант, — только не к тому, чтобы опять ползать по этому дереву".

Однако он кивнул Этьеран, которая принесла ему рюкзак, и, когда она вышла из дома Хайербренда на широкую ветвь, он натянул лямки на плечи, стараясь не обращать внимания на боль в руках. Затем он взял посох, подаренный Барадакасом, и мысленно приготовился к головоломному спуску с Вудхельвена.

Ствол был всего лишь в трех или четырех шагах от крыльца дома, но двухсотфутовая высота словно заморозила Кавинанта, заставила его опасливо колебаться, чувствуя, как первые приступы головокружения подтачивают решимость. Но, стоя в дверях дома Хайербренда,

он услышал звуки новых голосов и увидел детей, снующих в ветвях над его головой. Видимо, они играли в салочки и в пылу погони прыгали с ветки на ветку так беспечно, словно падение им абсолютно не грозило.

В следующее мгновение с ветви, находившейся почти в двадцати футах выше Кавинанта, прямо перед ним спрыгнули двое детей — мальчик и девочка. Девочка весело гналась за мальчиком, но тот ускользнул от ее протянутой руки и спрятался за Кавинанта. Из этого укрытия он ликующе крикнул:

— Убежище! Я в убежище!

Кавинант повторил, как во сне:

— Он в убежище.

Девочка засмеялась, сделала обманный бросок вперед и спрыгнула с ветви в погоне за кем-то другим. Мальчик немедленно рванулся к стволу и стал стремительно взбираться по лестнице наверх, откуда только что спрыгнул.

Кавинант сделал глубокий вдох, сжал для баланса в руках посох и сделал шаг от дверей. Неуклюже семеня, он изо всех сил заспешил к относительной безопасности ствола.

После этого он почувствовал себя лучше. Засунув посох за лямки рюкзака, он обеими руками ухватился за лестницу, и надежность прикосновения к ее ступеням вернула ему некоторую уверенность. К тому времени, когда он преодолел половину спуска, а его сердце уже колотилось не так неистово, он мог полагаться на себя уже в достаточной мере, чтобы оглядеться вокруг и осмотреть жилища и людей, мимо которых он спускался.

Наконец он добрался до нижних ветвей и следом за Этьеран спустился по спиральной лестнице на землю. Там уже собрались Хииры, чтобы попрощаться с гостями. Увидев Барадакаса, Кавинант взял в руки посох, чтобы показать, что он не забыл его, и в ответ на улыбку Хайербренда тоже улыбнулся, хотя это получилось больше похожим на гримасу.

— Ну, что же, гонцы, — сказала Ллаура, выдержав паузу, — вы сказали нам, что судьба Страны на ваших плечах, и мы вам верим. Нам грустно, что мы не можем облегчить тяжесть вашей ноши, но мы считаем, что в этом деле никто не может вас заменить. Ту небольшую

помощь, которую возможно было оказать, мы оказали. И теперь нам остается лишь одно: защищать свои дома и молиться за вас. Ради блага всей Страны мы желаем вам хорошей скорости. А ради вас самих мы убедительно просим успеть вовремя к празднованию. Для каждого, кто увидит этот фестиваль, возникнут великие предзнаменования надежды.

Этьеран, жена Трелла, отправляйся с миром и помни о своей клятве. Помни о пути, который указал тебе Саронал, и не сворачивай с него.

Томас Кавинант Неверующий, чужеземец в нашей стране, будь правдив и искренен. В час тьмы вспомни о посохе Хайербренда. А теперь — в путь.

Ответная речь Этьеран была официальной, как если бы она выполняла какой-то ритуал.

— Мы уходим, сохранив в душе воспоминание о Парящем Вудхельвене, как о доме помощи и надежды.

Она поклонилась, прикоснувшись ладонями ко лбу, и затем широко развела руки. Кавинант неуверенно последовал ее примеру. Хииры ответили тем же жестом прощания, означавшим открытость сердца, с церемониальной медлительностью. Затем Этьеран пошла на север, и Кавинант понесся следом за ней, словно листок, влекомый потоком ее решимости.

Ни он, ни она ни разу не оглянулись назад. Покой и восстановление сил, подаренные им чудесным поселком на дереве, оживили их, вдохнули новую энергию, дали им импульс к движению вперед. И он, и она — хотя и по разным причинам — стремились к Анделейну и знали, что Иоханнум направлялся из Парящего Вудхельвена на восток, а не на север. Они спешили вперед среди гор, растительность которых становилась все пышнее, и добрались до берегов реки Мифиль в начале полудня.

Они перешли ее вброд по широкой отмели. Прежде, чем войти в воду, Этьеран сняла сандалии, и какой-то полуосознанный импульс заставил Кавинанта снять свои ботинки и носки и закатать брюки.

Ощутив в первый раз пьянящий аромат гор, он почувствовал, что ему даже необходимо перейти Мифиль босиком, что омовение водами этой реки нужно для трансфокации его плоти в более тонкую сущность Анде-

лейна. И когда он ступил на северный берег, то обнаружил, что может почувствовать его жизненность через подошвы ног; теперь даже они способны были воспринимать здоровье Страны.

Ему так понравилось сильное ощущение гор под ногами, что снова надевать ботинки не хотелось, но он отказал себе в этом удовольствии, чтобы не отстать от Этьеран. Он последовал за ней по тропинке, которую указал Саронал — самый быстрый и легкий путь через центр Анделейна, — шел и удивлялся перемене, произошедшей с землей, лишь только они перешли реку.

Он ясно ощущал эту перемену, но в чем конкретно она заключалась — постичь, казалось, было невозможно. Деревья были здесь выше и толще, чем их земные сородичи, обильная и щедрая алианта покрывала порой целые горные склоны изумрудной зеленью, холмы и овраги заросли буйной ароматной травой, цветы так весело качались на ветру, словно всего лишь несколько мгновений назад появились из чрева земли; маленькие лесные зверушки — кролики, белки, барсуки и тому подобные — сновали вокруг, лишь изредка вспоминая о том, что им следует опасаться людей. Но истинная перемена была необыкновенна. Горы Анделейна несли в себе такое чистейшее ощущение здоровья, какое Кавинант не смог сравнить ни с чем, что он видел раньше. Аура гармонии была здесь настолько могущественна, что он начал жалеть о своей принадлежности к миру, где здоровье было неощутимо, неразличимо, заметно только как некий подтекст, задний фон. Некоторое время он размышлял о том, какое чувство испытает при возвращении назад, как перенесет свое пробуждение. Но вскоре красота Анделейна заставила его забыть все эти мысли. Это была опасная красота — не потому, что она была предательской или могла нанести вред, но потому, что могла обольстить или совратить. Очень скоро болезнь, необходимость постоянных самопроверок, отчаяние, гнев — все было забыто, потеряно в потоке здоровья, струившегося вокруг Кавинанта без конца и края.

Затерянный в горах, окруженный со всех сторон такой осязаемой и специфической жизненностью, Кавинант начал все более и более удивляться тому, что Этье-

ран ничуть не замедлила движения. По мере того, как они продвигались по лучистой, сияющей местности, лье за лье углубляясь все дальше в район Анделейна, ему все более хотелось останавливаться возле каждого нового открытия, в каждой новой долине, аллее или лощине, чтобы не спеша насладиться увиденным, смотреть на это до тех пор, пока оно не станет частью его самого, неотделимой, неподвластной любым грядущим испытаниям. Но Этьеран все так же стремительно шла вперед, подымаясь рано утром, редко останавливаясь, все время торопясь. Взор ее был устремлен куда-то далеко вдаль, и усталость, все больше проступавшая в ее чертах откуда-то изнутри, казалось, никогда не достигнет поверхности. Было совершенно очевидно, что даже эти горы бледнели в ее глазах по сравнению с ожидаемым ею загадочным "празднованием". Кавинанту ничего не оставалось, как только заставить себя двигаться следом за ней; ее воля не терпела никаких отлагательств.

Вторая ночь, наступившая со времени их ухода из Парящего Вудхельвена, была такой же ясной и чистой, что не пришлось останавливаться с заходом солнца, и Этьеран продолжала идти почти до самой полуночи. После ужина Кавинант некоторое время сидел, глядя на небо и яркие до боли звезды. Высоко в небе висел менявший фазу серп луны, и его белое серебро посылало вниз лишь некое подобие сверхъестественно-жуткого света, иллюминировавшего его первую ночь в Стране. Как бы между прочим он заметил:

— Через несколько дней луна станет темной.

При этом Этьеран пристально взглянула на него, словно подозревая, что он раскрыл какой-то свой секрет, но ничего не сказала. И Кавинант не знал, была ли это реакция на воспоминание или на ожидание чего-то предстоящего.

Утро следующего дня было столь же великолепным, как и предыдущее. Сверкавшая на солнце, словно алмазы, роса осыпала траву и листья; воздух, свежий, как первое дыхание земли, был напоен ароматом алианты и вереска, золотеней и пионов, покрывающих склоны гор. Кавинант воспринимал все это с чувством, похожим на блаженство, с удовольствием следуя за Этьеран на север.

Но в начале полудня случилось нечто, омрачившее его радость, оскорбившее его до мозга костей. Когда он шел по естественной аллее между густо разросшимися деревьями на склонах гор, наслаждаясь чудесным ощущением упругой травы под ногами, внезапно на его пути встретилась торфяная проплешина, такая же ненадежная и опасная, как яма на зыбучем песке.

Кавинант инстинктивно отшатнулся, отпрянул на три шага назад. Угрожающее ощущение тотчас же исчезло. Но нервы Кавинанта запомнили испытанное ощущение от самых подошв на всю длину ног.

Он был так удивлен, так оскорблен, что ему даже не пришло в голову позвать Этьеран. Вместо этого он осторожно приблизился к месту, где почувствовал угрозу, и попробовал потрогать его ногой. Однако на этот раз он не почувствовал ничего, кроме сочной травы Анделейна. Наклонившись, он стал ощупывать руками траву и землю во всех направлениях в радиусе ярда. Но то, что испугало его, теперь исчезло, и после нескольких секунд замешательства Кавинант вновь двинулся вперед. Сначала он шел чрезвычайно осторожно, ожидая нового подвоха. Однако земля, казалось, была так же полна чистой звучной жизненности, как и прежде. Вскоре он уже перешел на легкий бег, чтобы нагнать Этьеран.

К вечеру Кавинант вновь почувствовал зловоние зла, словно наступил ногой в кислоту. На этот раз его реакция была более быстрой, чем в первый раз, и он рванулся вперед так, словно спасался от удара молнии, а из его горла вырвался невольный крик. Этьеран бегом вернулась к нему и увидела, что он яростно шарит руками по траве, яростно выдирая целые пучки.

— Здесь! — сказал он, ударяя кулаком по земле. — Клянусь дьяволом! Это было здесь!

Этьеран молча смотрела на него. Кавинант вскочил и гневно указал на землю.

— Неужели вы этого не чувствуете? Это было здесь! Проклятье! — Руки его дрожали. — Как вы миновали это место?

— Я ничего не почувствовала, — спокойно ответила она.

Кавинант вздрогнул и опустил руку.

— У меня было такое чувство, словно я... Словно я ступил ногой в зыбучий песок... Или в кислоту... Или... — Он вспомнил убитого Вейнхим. — Или в убийство.

Этьеран медленно опустилась на колени возле того места, на которое указывал Кавинант. Мгновение она изучала его, затем потрогала руками. Поднявшись, она сказала:

— Я ничего не чувствую...

— Оно исчезло! — перебил он ее....

— Но мне не дано чувствовать все, что чувствуют Радхамаэрли, — продолжала она. — А вы ощущали это прежде?

— Да. Один раз. Раньше.

— Ах, — вздохнула Этьеран, — если бы только я была Лордом и знала, что делать. Где-то глубоко под землей, должно быть, развивается зло, по-настоящему огромное зло, если даже горы Анделейна не спасают от него. Но пока еще оно чувствует себя неуверенно. Оно не задерживается на поверхности. Мы должны надеяться обогнать его. Ах, человеческая слабость! С каждым днем наша скорость становится все менее приемлемой.

Этьеран плотно закуталась в накидку и пошла вперед, быстро теряясь в сгущающихся сумерках. Она и Кавинант шли без остановки до тех пор, пока ночь не стала непроницаемой, и лишь тонкий серп луны, почти полностью истаявшей, слабо светил высоко в небе среди звезд.

На следующий день Кавинант наблюдал конвульсии зла, передаваемые травой, уже чаще. Дважды утром и четыре раза днем и вечером. При этом он каждый раз с внезапной яростью отдергивал ногу от почвы, и к тому времени, когда Этьеран остановилась на ночлег, его нервы от кончиков ног до корней зубов были натянуты, как струны, и восприимчивы к любому раздражению. Он остро чувствовал, что такие недобрые места были оскорблением и даже предательством по отношению к Анделейну, где каждая деталь, каждая линия, каждый оттенок неба, деревьев и трав поражали своей красотой. Эти предательские ловушки, боль и зловоние заставляли Кавинанта невольно опасаться самой земли, словно даже эта основа стала вызывать в нем сомнения.

На пятый день после того, как они покинули Парящий Вудхельвен, проплешины в траве стали попадаться реже, но зато зло, казалось, стало более упорным. Вскоре после полудня он обнаружил пятно, которое не исчезло после того, как он в первый раз его потрогал. Когда же он вновь поставил на него ногу, то почувствовал дрожь, словно в земле была какая-то болячка, на которую он наступил. От этой вибрации нога Кавинанта быстро онемела, а челюсти заныли — так крепко он сжал зубы. Однако он не стал отступать. Позвав Этьеран, он встал коленями на траву и потрогал пятно руками. К своему удивлению, он ничего не почувствовал.

Этьеран тоже исследовала землю, потом, нахмурившись, посмотрела на Кавинанта. Она тоже ничего не чувствовала.

Но когда Кавинант прикоснулся к пятну ногой, то снова ощутил вибрацию. Она передалась в мозг чем-то вроде звука, с каким скребут ржавым железом о железо; она покрыла его лоб капельками пота, она вызвала рычание в его горле. По мере того, как боль распространялась по костям, посылая вверх по ноге холодную немоту, Кавинант нагнулся и засунул руки себе под подошву. Но рука ничего не почувствовала; лишь нога способна была ощутить угрозу.

Повинуясь внезапному импульсу, Кавинант сбросил с одной ноги ботинок, стащил носок и поставил на пятно босую ногу. На этот раз противоречие было еще более поразительным. Обутой в ботинок ногой он ощущал зло, а босой — нет. И, тем не менее, его ощущения были абсолютно ясны, зло исходило от земли, а не от ботинка.

Не долго думая, Кавинант стащил ботинок и носок со второй ноги и отшвырнул их от себя. Потом он тяжело опустился на траву, зажав обеими руками гудящую голову.

— У меня нет для вас сандалий, — стесненно сказала Этьеран. — Однако до конца пути вам потребуется какая-то обувь.

Кавинант едва ли слышал ее. Он остро чувствовал, что распознал опасность, коробившую его в течении многих дней, хотя он сам того не знал.

— Значит, именно так ты собираешься сделать это,

Фаул? — прорычал он. — Сначала мои нервы вернулись к жизни. Затем Анделейн заставил меня забыть... Затем я сбросил свои ботинки. Значит, это оно и есть? Нейтрализовать всю мою самозащиту, чтобы я не был в состоянии уберечься? Значит, именно так ты собираешься меня уничтожить?

— Мы должны идти дальше, — сказала Этьеран. — Решайте, как вам поступить.

— Решать? Проклятье! — Кавинант вскочил.

Содрогаясь от негодования, он процедил сквозь зубы:

— Это не так-то легко.

Затем он, осторожно ступая, начал искать свои ботинки и носки.

Выжить!

Он крепко зашнуровал ботинки, словно они были частью доспехов.

В течение всего остатка дня он шарахался прочь от всякого намека на пятно зла в земле и мрачно следовал за Этьеран с выражением упорства во взгляде, с решимостью пробиться сквозь зло — земное зло и сохранить свою независимость и чувство собственного достоинства. И к вечеру эта его решимость, казалось, увенчалась успехом. После особенно злобной атаки в конце дня проявления земной боли исчезли. Кавинант не знал, вернутся они вновь или нет, но, по крайней мере, на некоторое время он был от них избавлен.

Наступившая ночь была темной, как никогда, из-за неба, покрытого тучами, и Этьеран была вынуждена раньше обычного остановиться на ночлег. И, тем не менее, отдохнуть ей как следует — и Кавинанту тоже — не удалось. Мелкий беспрерывный дождь намочил одеяла, из-за чего оба не спали большую часть ночи, хотя и расположились после поисков укрытия под большой раскидистой ивой.

Следующее утро, шестое со дня их ухода из Вудхельвена, было ясным и полным обычной бодрости Анделейна. Этьеран встретила его с нетерпением и поспешностью, которая выражалась в каждом ее движении, и та манера, в какой она понуждала Кавинанта поторапливаться, казалось, выражала больше дружелюбия и общительности, чем когда бы то ни было со времени начала

их совместного путешествия. Ее желание увеличить скорость было выразительно; Кавинант был рад разделить его, поскольку это избавляло от раздумий о возможности новых атак зла. Свой путь они продолжили с утра почти бегом.

День был словно специально предназначен для путешествия. Воздух был прохладным, солнце — ясным и бодрящим, тропинка — прямой и ровной, пружинящая трава словно помогала каждому шагу Этьеран и Кавинанта. И ее заразительное нетерпение заставляло Кавинанта преодолевать следом за ней одно лье за другим. К полудню Этьеран замедлила шаг, чтобы подкрепиться драгоценными ягодами, в изобилии покрывающими кусты вдоль тропинки; но даже при этом скорость ее оставалась немалой, и по мере приближения вечера она вновь перешла на полубег.

Затем еле заметная тропа, указанная ей вудхельвеннинами, привела путников на край широкой долины. После короткой остановки, во время которой Этьеран проверила свою ношу, она направилась прямо вверх по длинному отлогому склону горы, который, казалось, тянулся на большое расстояние в восточном направлении. Она взяла направление ватерпаса, которое привело ее прямо между двумя сросшимися золотенями, росшими в сотне ярдов над долиной, и Кавинант без лишних вопросов шагал следом за ней, задыхаясь, бегом взбираясь вверх. Он слишком устал и выдохся, чтобы задавать вопросы.

Так они и поднимались по склону — Этьеран, взбегающая вверх с высоко поднятой головой и развевающимися волосами, словно она видела перед собою звездные врата неба, и Кавинант — спотыкающийся, с трудом карабкающийся следом за ней. Позади них садилось солнце, как бы делая глубокий выдох облегчения после долго сдерживаемого вдоха. А склон впереди, казалось, простирался прямо в небо.

Кавинант был ошарашен, когда Этьеран, добравшись до гребня горы, внезапно остановилась, схватила его за плечи и закружила, крича с ликованием:

— Мы здесь! Мы успели вовремя!

Кавинант потерял равновесие и упал на землю. Мгно-

вение он лежал, тяжело дыша, собирая остатки сил для того, чтобы с удивлением взирать на Этьеран. Но она не замечала этого. Ее глаза были устремлены вниз, вдоль восточного склона горы, и голосом, срывающимся от усталости, ликования и благоговения, она повторяла:

— Банас ниморам! Ах, радость сердца! Радость сердца Анделейна! Все же я дожила до этого момента!

Загипнотизированный чарами ее голоса, Кавинант медленно поднялся и устремил свой взор туда же, словно надеялся постичь воплощенную душу Анделейна.

И не смог удержаться от стона в первом приступе разочарования. Он не смог увидеть ничего, что объясняло бы восторг Этьеран, ничего, что было бы драгоценнее и чудеснее, чем многочисленные проявления Анделейна, мимо которых они промчались с такой небрежностью. Там, внизу, куда он смотрел, трава переходила в гладкую широкую чашу, похожую на пиршественный кубок ночного неба. Солнце уже село, и в сумерках очертания чаши расплывались, но света звезд было достаточно, чтобы видеть, что кругом не было ни деревьев, ни кустов — ничего, что могло бы возмутить идеально гладкую поверхность чаши. Она казалась такой безукоризненной, словно поверхность земли посыпали песком и отполировали. В эту ночь звезды казались особенно веселыми, словно затмение луны принудило их светить ярче, чем прежде. Но Кавинант чувствовал, что подобных вещей явно недостаточно, чтобы вознаградить ту усталость, которая пронизывала его до мозга костей.

Однако Этьеран не оставила его стон без внимания. Взяв Кавинанта за руку, она сказала:

— Не спеши осуждать меня, — и потащила его вперед.

Под ветвями последнего дерева, росшего у края чаши, она сняла рюкзак и села, прислонившись к стволу, глядя вниз, на склон горы. Когда Кавинант присоединился к ней, она мягко сказала:

— Следите за своим сумасшедшим сердцем, Неверующий. Мы успели сюда вовремя. Это Банас Ниморам — затмение луны в весеннюю ночь. Во время моего поколения еще ни разу не было такой ночи, такой поры великолепия и красоты. Не надо подходить к Стране со своими стандартами и мерками. Подождите. Это Банас

Ниморам, Празднование Весны — самый чудесный обряд из всех сокровищ земли. Если ты не потревожишь воздуха гневом, мы увидим танец духов Анделейна. — Когда она говорила, в ее голосе была такая глубокая гармония, как будто она пела; и Кавинант ощутил силу обещаемого ею, хотя и не понял этого. Сейчас было не время задавать вопросы, и Кавинант приготовился к ожиданию посещения.

Ждать оказалось нетрудно. Сначала Этьеран передала Кавинанту хлеб и остатки вина, и ужин несколько освежил его. Затем, по мере того, как сгущалась ночь, он обнаружил, что воздух, струившийся к ним из чаши, оказывает на него успокаивающее, расслабляющее влияние. Вдохнув всеми легкими, он почувствовал, что этот целебный воздух словно выдувает из него все страхи и тревоги, полностью заполняет все его существо и погружает в состояние спокойного ожидания. Он расслабился, отдаваясь омовению ласкового ветерка, и устроился поудобнее, опершись о ствол дерева. Плечо Этьеран касалось его, овевая теплом, словно она простила его. Ночь становилась все глубже, звезды ожидающе мигали, и ветерок продувал сердце Кавинанта, как бы просеивая сквозь него и унося прочь всю паутину и пыль; и ожидание не было утомительным.

Первый мигающий огонек появился, словно знак решимости, сфокусировавшей в себе всю ночь. На окружности чаши Кавинант увидел пламя, похожее на пламя свечи — крошечное на таком расстоянии, но все же ясно различимое, переливающееся желтым и оранжевым так отчетливо, словно он держал подсвечник в руках. Он почувствовал странную уверенность, что расстояние не имеет значения; если бы пламя находилось перед ним на траве, оно было бы по своей величине не больше его ладони.

Когда появились духи, из горла Этьеран вырвался вздох, а Кавинант сел прямее, чтобы лучше сконцентрировать внимание.

Прозрачно мерцая и вращаясь, пламя стало спускаться вниз, на дно чаши. Оно было как раз на полпути, когда на северном краю чаши появился второй огонек. Затем еще два духа возникли с южного края; и потом,

слишком внезапно, чтобы их можно было сосчитать, целый сонм огоньков со всех сторон стал собираться в чашу. Некоторые миновали Кавинанта и Этьеран и с той, и с другой стороны на расстоянии не более десяти футов, но, казалось, не заметили наблюдателей; они приближались к чаше, медленно кружась, так, словно каждый из них был один в горах и не зависел ни от какого свечения, кроме собственного. Тем не менее, огоньки их сливались, образуя над чашей в своем сиянии золотой купол, сквозь который звезды едва были видны; и время от времени некоторые духи, казалось, кланялись и вращались друг вокруг друга, словно разделяя свою радость на пути к центру чаши.

Кавинант смотрел на движение тысяч огоньков, прыгающих с высоты его плеча в чашу, и едва отваживался дышать. От избытка изумления он чувствовал себя самовольным зрителем, ставшим причастным к какому-то оккультному обряду, таинству, не предназначенному для глаз человека. Он стиснул себе руками грудь, словно возможность досмотреть празднование до конца зависела от того, насколько тихо он будет дышать; словно он боялся, что любой звук может нарушить феерическое кружение, спугнуть духов.

Затем в скоплении огоньков произошла какая-то перемена. Высоко в небо поднялась высокая мерцающая песня без слов, мелодия, фонтанами бьющая вверх, к звездам. Из центра чаши, где тысячи духов вращались беспорядочно, каждый сам по себе, стала выстраиваться сверкающая кружащаяся цепочка танцоров. Каждый дух, казалось, наконец нашел свое место в огромной замкнутой цепочке, имеющей форму колеса и заполнившей половину чаши, и затем это колесо начало вращаться вокруг центра. Но в самом центре огоньков не было; колесо вращалось вокруг ступицы абсолютной тьмы, не отражавшей свечения духов.

Как только песнь заполнила собой ночь, огромный круг стал вращаться, каждый огонек при этом танцевал свой особый, таинственный, не зависящий от других танец, отличающийся движениями и раскачиваниями; но каждый огонек тем не менее сохранял свое место в общем строю. А в пространстве между внутренней ступицей и

внешним ободом возникли другие кольца, так что все колесо состояло теперь из многих колец, каждое из которых вращалось. И ни один из духов не сохранял долго одного и того же положения. Огоньки бесконечным потоком струились сквозь движущийся рисунок, так что по мере вращения колеса отдельные духи перетанцовывали с места на место, то кружась вдоль внешнего обода, то вращаясь по спирали через средние кольца, то обвиваясь вокруг ступицы. Каждый дух двигался и менял место беспрестанно, однако общий рисунок ни на мгновение не менялся — ни малейшая брешь не нарушала совершенства формы колеса даже на короткий миг, и каждый огонек казался одновременно и абсолютно одиноким, таинственно следующим какому-то своему предназначению, исполняя танец, и неотрывной частью целого. Пока они танцевали, свет их становился все ярче, до тех пор, пока звезды не потускнели на небе, потерявшись в их сиянии, а ночь не отступила в стороны, подобно отдаленному зрителю празднования.

И красота, и восторг, вызванный танцем, превратили ожидание Кавинанта в томительную боль.

Потом в празднестве произошла новая перемена. Кавинант понял это лишь тогда, когда Этьеран прикоснулась к его руке; это прикосновение привело его в чувство, и он увидел, что колесо духов медленно наклоняется. При этом оно сохраняло свою форму, и черная ступица не двигалась. Постепенно поворачивающееся колесо покосилось по мере того, как внешние духи приближались к зрителям. Вскоре все растущая выпуклость образовала как бы перст, указывающий на Кавинанта.

В свою очередь Кавинант, казалось, с еще большей силой стал чувствовать их песню — пронизывающий, экстатический напев; серенаду, столь же страстную, как погребальная панихида, и столь же бесстрастную, как величественное безличное утверждение. Их приближающиеся огоньки наполнили его благоговением и очарованием, так что внутренне он весь сжался, потеряв способность шевелиться. Круг за кругом духи все приближались к нему, а Кавинант, положив руки на колени, сидел неподвижно, с замершим в груди сердцем, безмолвный перед лицом огненных танцоров.

Время от времени этот длинный язык, выделившийся из кольца, зависал над ним, и он видел, как каждый огонек кланялся ему, проносясь мимо в своем чудном танце. Затем край языка опустился, и движение танца замедлилось, словно для того, чтобы дать каждому духу возможность подольше побыть в обществе Кавинанта. Вскоре огоньки уже крутились возле него на расстоянии протянутой руки. Затем вытянутая часть кольца вспыхнула, как будто танцоры пришли к какому-то решению. Ближайший дух двинулся вперед и опустился на обручальное кольцо Кавинанта.

Тот вздрогнул, ожидая, что огонек обожжет его, но никакой боли не последовало. Пламя трепетало на кольце, словно на фитиле, и Кавинант начал слегка улавливать гармонию песни празднования через палец, на котором находилось кольцо. Не улетая с кольца, дух танцевал и подпрыгивал, словно мотылек, пьющий нектар с цветка, и мало-помалу цвет его из желто-оранжевого цвета пламени превращался в серебристо-белый.

Когда трансформация завершилась, дух вспорхнул, а на его место опустился другой. Последовала дальнейшая смена огоньков, каждый из которых танцевал на его кольце, пока не становился серебристым, и по мере того, как беспокойство Кавинанта исчезало, смена огоньков происходила быстрее. За короткое время почти весь отделившийся от кольца язык превратился в сверкающую белым стайку духов. Каждый новый огонек без промедления садился на белое золото кольца Кавинанта, словно торопясь достичь некоего апофеоза, некой кульминации своего существования.

Вскоре эмоциональный настрой Кавинанта достиг такого уровня, что сидеть он уже не мог. В волнении он вскочил на ноги, подняв руку с кольцом так, чтобы духи могли заряжаться на нем светом, не опускаясь вниз.

Этьеран встала рядом с ним. Кавинант не мог оторвать взгляда от трансформации, которую каким-то образом сделало возможным его кольцо, но Этьеран смотрела на весь танец.

То, что она увидела, заставило ее вцепиться ему в руку.

— Нет! Именем Семи, этого не должно быть!

Ее крик вывел Кавинанта из оцепенения; он перевел взгляд на чашу.

То, что он увидел, заставило его покачнуться, словно от удара в сердце.

С северо-восточного края чаши в золотистый свет вторгался клин тьмы, такой же непроницаемо-черный и не отражающий света, как само порождение ночи. Этот клин прокладывал себе узкий путь вниз, к танцовщикам, и сквозь песнь огней он нес в себе звук, похожий на призрак окровавленных ног, топчущих чистую правду. Упорно, безостановочно он пробирался внутрь, не нарушая формации круга. В течение нескольких мгновений острие тьмы добралось до танцовщиков и начало пробираться в их середину.

В ужасе Кавинант увидел, что танец не остановился и даже не замедлил своего движения. При первом прикосновении клина песнь духов исчезла из воздуха, словно с корнем выдранный цветок, не оставив после себя никакого звука, кроме шума, похожего на приближающееся убийство. Но танец не остановился. Огоньки продолжали вращаться, словно не замечая происходившего с ними, беззащитные и доверчивые. Следуя по кругу, они оказывались на дороге у черного клина и исчезали, словно падали в пропасть. Ни одного духа уже не появлялось из этой тьмы.

Проглатывая каждый соприкасающийся с ним огонек, черный клин все глубже вторгался в празднование.

— Они все погибнут! — простонала Этьеран. — Они не могут остановиться, не могут спастись бегством. Они должны исполнить танец до конца. Все погибнут — каждый дух, каждый яркий огонек Страны! Этого не должно быть! Помоги им, Кавинант, помоги им!

Но Кавинант не знал, как помочь. Он был парализован. Зрелище черного клина вызвало в нем такую тошноту, словно через пропасть онемения он наблюдал, как его пальцы пожирает сумасшедший. Его тошнило, он был взбешен и беспомощен, словно он слишком долго ждал случая защитить себя, и теперь у него не было рук, с помощью которых он мог бы это сделать. Нож Триока выскользнул из его онемевших пальцев и исчез в темноте.

Как?..

Несколько мгновений Этьеран яростно теребила его.

— Кавинант! Спаси их! — кричала она ему в лицо. Потом повернулась и бросилась вниз, в долину, наперерез черной напасти.

Духи!..

Ее движение разбило лед ужаса, сковавшего Кавинанта. Схватив посох Барадакаса, он нырнул под светящийся поток и помчался следом за Этьеран, все время пригибаясь, чтобы не загородить дорогу духам. Сумасшествие, казалось, придало ему скорости; он поймал Этьеран, когда та была уже на полпути к ступице. Отбросив ее назад, Кавинант рванулся к клину, подгоняемый подсознательным убеждением, что он должен добраться до центра раньше, чем это сделает тьма.

Этьеран бросилась следом за ним, крича:

— Берегись! Это юр-вайлы! Отродья Демонмглы!

Кавинант едва слышал ее. Все в нем было сейчас подчинено одному: во что бы то ни стало добраться первым до центра танца. Чтобы бежать быстрее, он немного выпрямился, отклоняя голову в сторону всякий раз, когда дух вспыхивал рядом с уровнем его глаз.

Сделав последний рывок, он ворвался в пустую середину колеса.

И остановился. Теперь он был достаточно близко, чтобы видеть, что клин состоял из длинных, плотно прижатых друг к другу фигур, настолько черных, что никакой свет не мог отразиться или заблестеть на их коже. По мере того, как беззащитные духи, вращаясь, оказывались рядом, нападающие проглатывали их.

Юр-вайлы приближались. Острием их клина служила одна фигура, по размерам превосходящая другие. Кавинант ясно различил ее очертания. Она была похожа на Вейнхим, только выше и гораздо отвратительнее: длинное туловище, короткие конечности одинаковой длины, заостренные уши, высоко поставленные на голове, безглазое лицо, большую часть которого занимали огромные ноздри.

Его щелеобразный рот распахивался, словно капкан, всякий раз, когда поблизости пролетал дух. Из чудовищных ноздрей струилась слизь, стекавшая по бокам головы. Когда Кавинант оказался с ним лицом к лицу, нос

юр-вайла сморщился, словно он унюхал новое развлечение, и он издал какой-то хриплый лай, означавший, видимо, команду для всех остальных. Весь клин тотчас подался вперед.

Этьеран догнала Кавинанта и крикнула ему прямо в ухо:

— Твоя рука! Посмотри на свою руку!

Кавинант рывком поднял вверх левую руку. На его кольце все еще находился дух — сияя белым огнем и танцуя, словно в забытьи.

В следующее мгновение главный юр-вайл ворвался в середину танца и остановился. Нападавшие столпились, тесно прижавшись друг к другу плечами, позади своего вожака. Черные, безобразные и жестокие, они дружно пускали слюни и пожирали беззащитных духов.

Кавинант содрогнулся, словно его сердце рассыпалось в прах. Но Этьеран яростно крикнула:

— Нет! Надо бить их сейчас!

Дрожа, Кавинант сделал шаг вперед. Он не имел представления о том, что должен сделать.

Первый юр-вайл немедленно взмахнул длинным ножом с горящим кроваво-красным лезвием, от которого исходила сногсшибательная сила. Кавинант и Этьеран невольно отступили назад.

Юр-вайл поднял руку, приготовившись к схватке.

Повинуясь внезапному импульсу, Кавинант сунул белого, горящего чистым пламенем духа прямо в морду юр-вайла. С рычанием, в котором слышалась боль, существо отпрыгнуло назад.

Внезапная интуиция овладела Кавинантом. Он быстро поднес конец своего посоха к горящему духу. Тотчас посох словно расцвел белым цветком яркого пламени, затмившего золото танца и бросившего вызов силе юр-вайлов. Их лидер снова отступил.

Но затем он вновь обрел прежнюю решимость. Прыгнув вперед, он сунул прямо в сердцевину белого пламени свой кроваво-красный клинок.

В центре танца столкнулись две силы. Клинок юр-вайла пылал подобно жаркой ненависти, а посох сиял так ослепительно, что Кавинант почти ничего не видел вокруг. Их столкновение вызвало фонтан искр, словно сам воздух загорелся в крови и грозных молниях.

Но юр-вайл был мастером своего дела. Его могущество заполнило чашу глубоким сыпучим звуком, похожим на треск огромного валуна под гигантским прессом. И огонь, зажженный Кавинантом, тотчас потух, словно затоптанный тяжелым каблуком.

Вырвавшаяся при этом сила швырнула его и Этьеран на землю. С торжествующим рычанием юр-вайлы приготовились к прыжку, который должен был стать последним для Этьеран и Кавинанта.

Кавинант увидел приближающийся красный клинок и съежился, ощутив на себе пелену смерти.

Но Этьеран успела вскочить на ноги с криком:

— Меленкурион! Меленкурион абафа!

По сравнению с мощью юр-вайлов, голос ее звучал слабо, но встретила она их, твердо шагнув навстречу клинку предводителя. На мгновение она отвела его удар.

Затем сзади и с запада от нее раздался вторящий ей крик. Металлический голос, полный ярости, кричал:

— Меленкурион абафа! Бинас милл банас ниморил кабаал! Меленкурион абафа! Абафа ниморам!

Этот голос стряхнул с Кавинанта оцепенение ужаса, и он, шатаясь, поднялся, чтобы прийти на помощь Этьеран. Но и вместе они не смогли дать отпор юр-вайлу; он снова швырнул их на землю и сразу же прыгнул на них.

Однако на полпути его остановила какая-то огромная неуклюжая фигура, перепрыгнувшая через людей и схватившаяся с юр-вайлом. Мгновение между ними длилась яростная борьба. Затем пришелец выхватил у юр-вайла кроваво-красный клинок и вонзил его в сердце черного отродья.

Рычащий вопль вырвался из стаи юр-вайлов. Кавинант услышал какой-то шум, издаваемый множеством бегущих маленьких ног. Посмотрев вверх, он увидел, как в чашу устремился поток маленьких зверушек — кроликов, енотов, ласок, кротов, лис и нескольких собак. С молчаливой решительностью они набросились на юр-вайлов.

Духи тем временем понемногу рассеивались. Пока Этьеран и Кавинант с трудом поднимались с земли, из чаши вылетел последний огонек.

Но юр-вайлы остались, и их размер делал атаку животных похожей на яростное раздражение. Во внезапно наступившей темноте эти существа, казалось, начали размыкаться, словно свет прежде был для этого помехой, удерживая их в тесных рядах. Теперь они разъединились.

Дюжины клинков, кипящих, будто лава, засверкали в темноте и с ужасным единством принялись кромсать зверьков.

Прежде, чем Кавинант успел осознать все происходящее, неуклюжая фигура, спасшая их, повернулась и прошипела:

— Бегите! На север, к реке. Я освободил духов. А теперь мы должны выиграть время, чтобы дать вам бежать. Скорее!

— Нет! — задыхаясь, произнесла Этьеран. — Ты здесь один. Зверьков мало для такой битвы. Мы должны помочь вам в сражении.

— Нас все равно мало, даже если мы будем вместе! — крикнул неизвестный ей в ответ. — Разве вы забыли свою задачу? Вы должны добраться до Лордов! Должны! Друл должен заплатить за это осквернение! Бегите! У вас мало времени! — С криком: — Меленкурион абафа! — он развернулся и прыгнул в гущу сражающихся, раскидывая юр-вайлов своими могучими кулаками.

Помедлив еще мгновение для того, чтобы поднять с земли посох Барадакаса, Этьеран бросилась на север. И Кавинант последовал за ней следом, мчась так, словно за его спиной сверкали клинки юр-вайлов. Света звезд было достаточно, чтобы различать дорогу. Они взбежали по склону, не оглядываясь, не заботясь о своих рюкзаках, оставшихся на месте битвы, они боялись думать о чем-либо, кроме одного: им необходимо убежать как можно дальше. Оказавшись на краю чаши, они уже почти не слышали звуков битвы. И все же они бежали, не останавливаясь, до тех пор, пока их не догнал короткий вскрик, полный боли и уходящей силы.

При этом звуке Этьеран упала на колени и прижалась лбом к земле, не скрывая отчаянных слез:

— Он мертв! — стонала она. — Освобожденный мертв! Несчастная Страна! Все мои дороги ведут к беде, и раз-

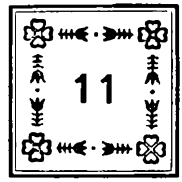
рушение настигает все мои начинания. Я с самого начала накликала на нас беду. Теперь больше не будет празднований, и в том моя вина!

Подняв лицо к Кавинанту, она произнесла, рыдая:

— Возьми свой посох и ударь меня, Неверующий!

Кавинант тупо смотрел ей в глаза, заполненные болью. Он чувствовал какое-то оцепенение от боли, горя и нерастраченной ярости и не понимал, почему Этьеран так бичевала себя. Он нагнулся за посохом, потом взял Этьеран за руку и поднял с земли.

Оглушенный и опустошенный, он вел ее вперед, в ночь, до тех пор, пока она не выплакала свою боль и не смогла идти дальше сама. Кавинанту и самому захотелось поплакать, но за время своего долгого поединка с несчастьем быть прокаженным он забыл, как это делается, и теперь он мог лишь идти молча вперед. Когда Этьеран взяла себя в руки, он понял, что она винит его в чем-то. Однако в течение всей бессонной ночи, пока они шли на север, он ничего не мог с этим поделать.

Бездомные

Постепенно ночь стала спотыкаться, словно кем-то оглушенная, и бесцельно перешла в хмурый день — день, неуверенно вступавший на землю, словно не знающий, где кончается рваная пелена тьмы и где начинаются тлеющие угольки света. Низкие тучи, казалось, были переполнены горем, отяжелели и набухли от скопившейся скорби, и, тем не менее, они были бесплодны, не способны дать дождя, словно воздух слишком сильно сожалел, чтобы заплакать. Сквозь этот рассвет неверной и тяжелой поступью двигались Этьеран и Кавинант, как осколки разбитой погребальной песни.

Наступивший день не принес с собой никакой перемены для них, не изменил пути, по которому они шли безбоязненно, поскольку вся способность бояться уже израсходовалась — шли на север. День и ночь были не что иное, как маскировка, пестрая одежда для неизменной тени сердца Страны. Они не могли знать, сколько вреда нанесено этому сердцу. Они могли судить об этом лишь по своему собственному сердцу, и в течение всей долгой мрачной ночи и последовавшего за осквернением празднования дня они шли, преследуемые увиденным и невосприимчивые ни к чему другому, словно даже голод, жажда и усталость перестали для них существовать.

Этой ночью их плоть дошла до крайней степени изможденья, и они забылись тяжелым сном, будучи более не в силах даже бояться погони. Пока они спали, напряжение в небе несколько разрядилось. Голубая молния словно цепом ударила по горам; заворчал, будто выражая долго подавляемую боль, гром. Когда путники проснулись, солнце стояло над ними, а их одежда была вымочена ночным дождем. Но солнце и утро не в состоянии

были затянуть раны на их израненной памяти. Как неживые поднялись они, шатаясь, на ноги, поели алианты, выпили воды из источника и пошли дальше, двигаясь так, словно их охватило трупное окоченение.

И все-таки время, алианта и воздух Анделейна малопомалу начали воскрешать людей. Усталый мозг Кавинанта постепенно стал работать; сковывающий ужас кровопролития начал отступать, уступая место более привычной, заурядной боли. Он все еще слышал крик Этьеран: "Кавинант, помоги им!" И этот крик заставлял его кровь холодеть от бессилия.

"Духи! Духи!" — внутренне стонал он где-то глубоко в подсознании. Они были так прекрасны, а он был так беспомощен, чтобы спасти их.

И все-таки Этьеран считала, что он был в состоянии спасти их; она ожидала, что он применит какую-то силу, — так же, как Лена, Барадакас и все остальные, кого он встречал на своем пути. Они видели в нем возрожденного Берека Полурукого, властителя дикой магии.

"Ты обладаешь силой, — сказал ему Презренный. — Ты никогда не узнаешь, что это такое". И он действительно не знал, откуда ему знать это? Что общего у него с магией или даже со снами?

И все же духи проявили почтение к его кольцу, словно почувствовали его утраченную человеческую природу. Оно изменило их.

Через некоторое время он сказал, вернее, подумал вслух:

— Если бы я мог, я бы спас их.

— У тебя есть сила. — Голос Этьеран был лишен всяких эмоций: ровный и бесстрастный, он словно бы утратил способность выражать горе или гнев.

— Какая сила? — с болью в голосе спросил Кавинант.

— А для чего же ты носишь белое золото?

— Это простое кольцо. Я ношу его... Я ношу его потому, что я прокаженный. Я ничего не знаю ни о какой силе.

Этьеран не смотрела на него.

— Я не могу в это поверить. Ты закрыт для меня.

При этих ее словах ему захотелось протестовать, схватить за плечи и крикнуть ей в лицо: "Закрыт? Смотри.

смотри на меня! Я не Берек! Я не герой. Я слишком болен для этого". Но ему не хватало силы. Он был чересчур тяжело ранен, как своим бессилием, так и невозможным требованием Этьеран.

Как?

Духи!

Как могло это случиться со мной?

Несколько секунд он вздыхал над этим вопросом. Потом решил про себя: "Я должен был знать..."

Он должен был услышать угрозу для себя в песне Этьеран о Береке, увидеть ее в Анделейне, почувствовать в перемене, произошедшей с его ботинками. Но он был глух, слеп, нем. Движение вперед так захватило его, он так стремился убежать от безумия, что не обратил внимания на безумие, к которому вела тропа его сна. Этот сон хотел сделать из него героя, спасителя; и, таким образом, он соблазнял его, гнал вперед все быстрее и быстрее, так, чтобы у него не оставалось времени позаботиться о себе; чтобы он рисковал своей жизнью ради духов, Страны, ради иллюзий. При этом единственная разница между Этьеран и Лордом Фаул заключалась в том, что Презренный желал ему неудачи во всем этом.

"Ты никогда не узнаешь, что это такое". Конечно, он никогда не узнает. Под гнетом слабости в нем постепенно росла волна гнева. Ему снился сон — это было ответом на все, на невозможные ожидания Страны по отношению к нему, равно как и на бессилие самой Страны. Он понимал разницу между реальностью и сном; он был в здравом уме.

Он был прокаженным.

И все-таки духи были так прекрасны. Они были убиты...

Я прокаженный...

Дрожа, он начал осматривать себя.

"Проклятье, — думал он, — что общего может быть у меня с духами, с дикой магией и с этим чертовым Береком Полуруким? — На нем, казалось, не было повреждений — никаких царапин и ссадин, одежда измята, но не порвана, однако конец посоха Хайербренда почернел от испытанной им силы юр-вайлов. — Черта с два! Им не удастся проделать это со мной".

Обуреваемый злобой на собственную усталость, он тащился рядом с Этьеран. Она не смотрела на него и, казалось, вообще не замечала его присутствия; и он в течение всего дня не тревожил ее, словно опасаясь, что не сможет ответить, если даст повод обвинить себя. Но когда они остановились вечером на ночлег, холодная ночь и хрупкие звезды заставили его пожалеть об утрате одеял и гравия. Чтобы отвлечься от неприятного дискомфорта, он возобновил полузабытые попытки узнать побольше о Стране. Он робко попросил:

— Расскажите мне об этом... О том, кто нас спас. Там, во время празднования...

Этьеран долго молчала, затем ответила:

— Завтра.

Ее голос не выражал ничего, кроме апатии.

— Оставьте меня в покое. Хотя бы до завтра.

Кавинант кивнул ей в темноте, казавшейся густой от холодных бьющихся крыльев, но на это он мог дать лучший ответ, нежели на тон Этьеран. Долгое время его бил озноб, словно он готовился с негодованием встретить любой сон, причиняющий страдания несчастному человечеству, и наконец он впал в какое-то судорожное забытье.

На следующий день, девятый после выхода из Парящего Вудхельвена, Этьеран рассказала Кавинанту об Освобожденном. Голос ее был ровным, как рассыпавшаяся скала, словно она достигла такого состояния, когда все, что говорила, разоблачая себя, уже ничего более для нее не значило.

— Среди студентов Лосраата есть такие, — сказала она, — которые обнаружили, что не могут работать на благо Страны или учения Старых Лордов в обществе своих коллег-Лордов или Ловарденов, последователей Меча или Посоха. Они обладают особым даром видеть, который вынуждает их действовать в одиночку. Но их приверженность к одиночеству не отделяет их от людей. Они проходят Ритуал Освобождения и освобождаются от общих обязанностей для того, чтобы с благословения Лордов искать свое собственное учение, пользуясь уважением всех, кто любит Страну. Еще давным-давно Лордам стало понятно, что желание уединения — это не всегда

и не обязательно эгоистичное желание, если только оно не выражается теми, кто в действительности ему подвержен.

Многие из Освобожденных больше никогда не вернулись к людям и пропали без вести. А вокруг тех, кто не пропал полностью, стали складываться легенды; про некоторых говорят, будто им известны секреты снов, про других — будто они пользуются какими-то таинственными средствами для лечения людей, про третьих — будто они дружат с животными, умеют говорить на их языке и могут призвать их на помощь, если в этом возникнет большая необходимость.

— Именно один из таких и спас нас... — Ее голос на мгновение перехватило. — Исследователь духов и друг маленьких обитателей леса. Он знал больше из Семи Слов, чем когда-либо слышали мои уши. — Она тихо вздохнула. — Могучий человек, и так погибнуть... Он освободил духов и спас нам жизнь. Если бы только я стоила этого! Именем Семи! Никакое зло прежде не смело покушаться на духов Анделейна. Даже сам Серый Убийца никогда не отваживался... И говорят, что Ритуал Осквернения — и тот не в силах нанести им вред. Теперь сердце мое обливается кровью при мысли о том, что они никогда больше не будут танцевать.

После долгой тяжелой паузы она продолжала:

— Все равно. Все кончается когда-нибудь извращением или смертью. Печаль не расстается с теми, кто имеет надежду. Но этот Освобожденный отдал свою жизнь за то, чтобы ты, твое послание и твое кольцо могли достичь Лордов. И мы сделаем это, чтобы подобная жертва не оказалась напрасной.

На мгновение она вновь умолкла, и Кавинант спросил себя:

— Так ли это? Для того ли предназначена жизнь? Чтобы защищать других от смерти?

И ничего не ответил, и вскоре мысли Этьеран вновь вернулись к предмету их разговора.

— Однако об Освобожденных... Некоторые из них ведают снами, другие лечат, третьи посвящают себя животным, есть такие, кто исследует землю в надежде раскрыть секреты Пещерных Существ, другие изучают за-

коны Демонмглы, стремятся узнать, какие знания позволили ему делать свои пророчества. Однажды я даже краем уха слышала, будто некоторые Освобожденные исследуют легенду о Сиройде Вайлвуде из Гарротинг Дип и становятся лесничими. Но это опасная идея, даже если передавать ее в вполголоса.

Прежде я ни разу не видела никого из Освобожденных. Но я слышала гимн, исполняемый во время Освобождения.

Ровным голосом она начала читать:

Свободный
Освобожденный,
Получивший право
Свободы, —
Да приснится тебе,
Что все приснившееся сбудется;
Крепко закрой глаза,
Не открывай их, пока не станешь видеть,
И молча пой напев пророчества,
И будь
Освобожденным,
Получившим право
Свободы.

Там есть и другие слова, но сейчас слабость не позволяет мне вспомнить их, и, может быть, я вообще никогда больше не спою ни одной песни.

Она плотно закуталась в накидку, словно защищаясь от холодного ветра, и в течение всего оставшегося дня не проронила более ни слова.

Этой ночью, когда они остановились на ночлег, Кавинант снова не мог уснуть. Вопреки собственному желанию он лежал и смотрел в небо, выискивая тонкий серпик новой луны. Когда тот наконец поднялся над горами, Кавинант с ужасом увидел, что цвет его из серебристо-белого превратился в красный — цвет крови похожих на озера лавы глаз Друла.

Он придал горам оттенок зла, окрасил ночь в какой-то темно-малиновый цвет, словно кровавый пот струился с кустов, деревьев, травы и горных склонов, словно весь Анделейн подвергался пытке, словно его терзала какая-то мука. Под этим светом осквернённая земля начала мерцать, будто вздрагивала.

Кавинант смотрел на все это, не в силах закрыть глаза. Хотя сейчас как никогда ему необходимо было чье-то общество, он сжал зубы, преодолевая желание разбудить Этьеран. Одинокий и дрожащий, с зажатым в потной руке посохом, он сидел до самого захода луны, потом полууснул-полуоцепенел до наступления рассвета.

И на четвертый день после ночи танца уже не кто иной, как Кавинант следил за скоростью передвижения, не давая ей снижаться. По мере того, как день подходил к концу, он все наращивал и наращивал скорость, словно боялся, что кровавая луна настигнет их.

Когда они остановились на ночлег, он отдал Этьеран свой посох и велел сидеть и ждать восхода луны. Та появилась над горизонтом в малиновой дымке, выползая на небо подобно кровавому серпу. Ее полумесяц был заметно полнее, чем предыдущей ночью. Этьеран сурово смотрела на нее, сжав в руках посох, но ничего не говорила; когда она почувствовала все зло, то сказала бесстрастным тоном:

— Времени нет... — И отвернулась.

Но с наступлением утра она вновь возглавила их маленький отряд. Под покровом ограбленной луны она, казалось, пришла к какому-то решению и теперь мчалась вперед так, словно ее подгоняло какое-то самобичевание или чувство вины, отвергавшее логику поражения с помощью непреклонной решимости. Казалось, она считала, что для нее и для Страны все уже потеряно, и, тем не менее, то, что она торопилась, показывало, что боль может быть стимулом не слабее всякого другого. Кавинант снова обнаружил, что торопится изо всех сил, чтобы поспевать за ее неистовой поступью.

Он примирился с этой сумасшедшей скоростью из-за подстерегавшей его страшной угрозы; он не хотел быть схваченным силами, отважившимися напасть на духов и обладавшими способностью вызывать перевоплощение луны. Однако он не забывал время от времени скрупулезно осматривать себя и проделывать другие процедуры самозащиты. Если бы ему удалось отыскать какое-нибудь лезвие взамен утерянного, он стал бы бриться.

Весь этот день, часть ночи и утро следующего дня они, спотыкаясь, шли, а точнее, бежали вперед. Кавинант,

как мог, старался выдержать этот темп, но долгие дни и беспокойные ночи истощили запас его сил; он все чаще спотыкался, мышцы его утратили эластичность. Все чаще и чаще ему приходилось опираться на посох, иначе ему не удалось бы сохранить равновесие. И даже опираясь на посох, он мог бы упасть, приведись совершать такой переход где-нибудь в другом месте. Но придающая сил сущность Анделейна поддерживала его. Здоровый бодрящий воздух омывал легкие, густая трава ласкала ноющие суставы. Золотени укрывали в своей тени, драгоценные ягоды заряжали энергией. И наконец, ближе к полудню шестого дня, он и Этьеран перевалили через гребень горы и увидели у подножия внизу реку Соулсиз.

Она глубоко голубела широкими изгибами под лазурным небом, спокойная и медлительная в своем движении почти прямо на восток, пересекая им путь подобно демаркационной линии или границе достижимого. Извиваясь и мчась среди гор, она молодо блестела, сверкая озорно, словно от сдерживаемого смеха, которым могла разразиться в тот же момент, как только ее попробовала бы задержать какая-нибудь отмель. А вода ее была такой чистой, прозрачной и свежей, как в купели крещения. При виде ее Кавинант испытал непреодолимое желание погрузиться в воду, словно поток обладал силой смыть с него смертность.

Но почти мгновенно внимание его было отвлечено. На некотором расстоянии к западу вверх по течению посередине реки плыла лодка, похожая на ялик, на корме которой выделялась высокая фигура. При виде этого Этьеран громко закричала, замахала руками. Затем начала торопливо спускаться вниз по склону, крича изо всех сил:

— Эй! Помогите! Вернитесь! Вернитесь!

Кавинант последовал за ней, но не столь поспешно. Взгляд его не отрывался от лодки.

Нос ялика повернулся и, описав полукруг, нацелился в их сторону.

Этьеран вновь взмахнула руками, крикнула еще раз и упала на землю. Когда Кавинант подбежал к ней, она сидела, прижав колени к груди, и губы ее дрожали так, словно она была готова зарыдать. Дрожа всем телом, она смотрела на приближающуюся лодку.

По мере того, как расстояние до лодки сокращалось, Кавинант со все возрастающим удивлением смотрел на правившего суденышком человека и поражался его росту. Уже на расстоянии в сотню футов он пришел к выводу, что кормчий был как минимум в два раза выше его самого. Никаких средств, приводящих лодку в движение, заметно не было. Судно на первый взгляд казалось не чем иным, как громадной гребной шлюпкой, но в нем не было ни уключин, ни весел, ни мачт. Кавинант не верил своим глазам, глядя, как лодка скользит по воде.

Когда до нее осталось не более тридцати футов, Этьеран вскочила и крикнула:

— Эй, горбрат! Гигант Сирича — другое название для дружбы! Помоги нам!

Лодка все так же скользила к берегу, но ее кормчий молчал, и вскоре Этьеран добавила шепотом, так что ее мог слышать только Кавинант:

— Я умоляю тебя!

Гигант, приближаясь, все так же хранил молчание. Когда до берега оставалось лишь несколько ярдов, он развернул нос лодки прямо на него и прежде, чем она врезалась в землю, переместил свой вес на корму. Нос лодки поднялся из воды и опустился на берег лишь в нескольких ярдах от Этьеран и Кавинанта. Через мгновение Гигант уже стоял рядом с ними на траве, подняв руку в приветственном жесте.

Кавинант в изумлении тряхнул головой. Он чувствовал, что невозможно быть таким огромным; Гигант был по меньшей мере двенадцати футов ростом. Но гранитная реальность присутствия Гиганта противоречила ему. Гигант разрушил его ощущения так ощутимо, словно он споткнулся об огромный камень.

Даже для существа в двенадцать футов ростом он имел слишком много мышц, напоминая собой могучий оживший дуб... Одет он был в тяжелую кожаную куртку, краги и был безоружен. Короткая борода, жесткая, как проволока, торчала на его лице. А глаза были маленькие, глубоко посаженные и полные энтузиазма. Из-под бровей, нависающих подобно крепостным стенам, сверкал пронзительный взгляд, как отблеск мыслей, рождаю-

щихся в недрах его огромного мозга. И все же, несмотря на свою впечатляющую внешность, он производил впечатление доходящей до нелепости доброты и незаурядного чувства юмора.

— Эй, горсестра, — произнес он мягким, журчащим тенором, кажущимся чересчур тонким и нежным для его мускулистого горла. — Что случилось? Я бы с удовольствием помог, но я посол, и мое поручение не терпит отлагательств.

Кавинант ожидал, что Этьеран тотчас выпалит свою просьбу; то колебание, с которым она встретила слова Гиганта, обеспокоило его. Она долго кусала губы, словно пытаясь справиться со своей плотью, подбирая слова, которые бы определили то или иное направление выбора, который она ненавидела. Затем, опустив глаза, словно от стыда, она неуверенно пробормотала:

— Куда ты едешь?

При этом вопросе Глаза гиганта вспыхнули, а голос зажурчал подобно весенней воде, сбегающей со скал, когда он ответил:

— Мой пункт назначения? Есть ли такой мудрец, который знает свою цель в жизни? Но я должен... Нет, это чересчур длинная история, а времени в обрез. Я направляюсь в Колыбель Лордов, как вы, люди, называете это место.

Все еще колеблясь, Этьеран спросила:

— Как тебя зовут?

— Это другая длинная история, — ответил Гигант и повторил: — Что у вас случилось?

Но Этьеран настойчиво, с каким-то тупым упорством спросила:

— Твое имя?

Из-под огромных бровей Гиганта вновь сверкнула молния.

— Имена заключают в себе силу. Я не хочу, чтобы ко мне взывал о помощи кто-нибудь кроме друзей.

— Твое имя! — прорычала Этьеран.

Мгновение Гигант в нерешительности колебался. Потом сказал:

— Хорошо. Хотя мое поручение не из легких, я отвечу во имя лояльности между твоим и моим народами. Сло-

вом, меня зовут Соленое Сердце Преследующий Море.

В этот же миг какое-то сопротивление, какая-то ненависть к своему решению рассыпалась в Этьеран, словно потерпев, наконец, поражение от доверия Гиганта. Она вскинула голову, и Кавинант с Гигантом смогли увидеть ее глаза, полные мрачных раздумий. За этим последовал приветственный салют.

— Пусть будет так, Соленое Сердце Преследующий Море, горбрат и посол Гигантов, я заклинаю тебя силой твоего имени и великим обетом доверия, данным Дэймлоном, Другом Гигантов, и твоим народом, взять с собой этого человека, Томаса Кавинанта Неверующего, чужака в Стране, и доставить его в целости и сохранности в Совет Лордов. Он несет послание к Совету от Смотровой Кевина. Храни его как зеницу ока, горбрат. Я дальше идти не могу.

— Что? — Кавинант не верил своим ушам и едва не запротестовал вслух: — И отказаться от своей мести? — Однако он сдержался и терпеливо стал ждать, когда она пояснит свое решение.

— Ах, быстро же это у тебя получается — взывать к таким светлым именам, — мягко произнес Гигант. — Я принял бы твою просьбу, даже если бы ты их и не упомянула. Но я настоятельно тебе рекомендую присоединиться к нам. В Колыбели Лордов есть редкие лекарства. Отчего бы тебе не поехать? Те, кто тебя ждет, наверное, не стали бы возражать против подобного путешествия, во всяком случае, если бы могли видеть тебя так, как я вижу сейчас.

Горечь скривила губы Этьеран.

— А ты видел новую луну? Вот что вышло из моего последнего желания найти исцеление.

По мере того, как она продолжала, голос ее становился серым от презрения к себе.

— Моя просьба к тебе бесполезна. Я уже обрекла все дело на неудачу. С тех пор, как я стала проводником этого человека, во всем, что бы я ни выбирала, было зло, такое зло... — Она поперхнулась от нахлынувшей желчи воспоминаний и вынуждена была судорожно сглотнуть прежде, чем продолжить:

— Поскольку моя тропа привела вас чересчур близко

к Горе Грома. Ты обогнул это место. Ты должен был видеть зло, действующее там.

Гигант ответил сдержанно:

— Я видел.

— Мы занялись исследованием этого зла вместо того, чтобы пересекать центральные равнины. И теперь уже слишком поздно для кого бы то ни было. Он... Серый Убийца вернулся. Я выбрала этот путь, поскольку искала исцеление для самой себя. Что будет с Лордами, когда я попрошу их помочь мне теперь?

И отказаться от своей мести? Кавинанта это удивляло. Он не мог этого понять. Повернувшись всем корпусом к Этьеран, он принялся внимательно рассматривать ее лицо, пытаясь увидеть ее здоровье, ее дух.

Она выглядела так, словно была поражена какой-то разрушительной болезнью. Черты ее лица стали тоньше и заострились; ее лучистые глаза затянула темная пелена; губы ее были бескровны. А лоб прямо посередине пересекала глубокая вертикальная складка, словно трещина в черепе — результат непроходящего отчаяния. Лицо это также выражало безмерное личное горе и тот вред, который она наносила себе, пряча это горе глубоко в душе.

Наконец Кавинант ясно увидел моральную борьбу, овладевшую Этьеран, тройной конфликт между ее отвращением к нему, ее страхом за Страну и ее презрением к собственной слабости, борьбу, которая выматывает ее, превращая в жалкое существо. Это зрелище заставило сердце Кавинанта сжаться от стыда, а его самого — опустить глаза. Не отдавая себе отчета, он прикоснулся к ней рукой и произнес:

— Не сдавайся!

— Сдаваться? — злобно выдохнула она, попятившись от него. — Если бы я сдалась, то заколола бы тебя прямо здесь же, где ты сейчас стоишь!

Внезапно она сунула руку в складки своей одежды и вытащила оттуда каменный нож, похожий на тот, который потерял Кавинант. Размахивая им, она прошептала:

— Со времени празднования... С того самого момента, когда ты позволил духам умереть... Этот клинок жаждет

твоей крови. Другие преступления я еще могла бы пока забыть. Я говорю за себя. Но это!.. Позволить подобное осквернение!..

Она яростно вонзила нож в землю, так что он по самую рукоятку ушел в торф у самых ног Кавинанта.

— Берегись! — воскликнула она, и в то же мгновение голос ее внезапно стал спокойным и бесстрастным. — Я ранила землю вместо тебя. Все правильно. С тех пор, как ты появился в стране, я кроме этого мало что сделала.

Теперь слушай мое последнее слово, Неверующий. Я отпускаю тебя, поскольку эти решения возникают помимо моей воли. Я не стану навязывать свои желания единственной надежде Страны, — поскольку эта надежда бесплодна. Помни о том, что я удержала свою руку. Я сдержала клятву.

— Разве? — спросил Кавинант, движимый сложным импульсом симпатии и безымянного гнева.

Дрожащим пальцем она указала на нож.

— Я не повредила тебе. Я доставила тебя сюда.

— Ты повредила самой себе.

— Такова моя клятва, — глухо произнесла она. — Теперь прощай. Когда ты благополучно вернешься в свой мир, помни, что такое зло.

Кавинант хотел протестовать, спорить, но ее волнение передалось ему, и он промолчал перед силой ее решимости. Повинуясь молчаливому приказу ее взгляда, он нагнулся и вытащил нож из травы. Лезвие легко подалось. Кавинант почти ожидал, что из "раны" в земле пойдет кровь, но густая трава сомкнулась над разрезом, полностью скрыв его, как будто его и не было. Кавинант бессознательно попробовал лезвие пальцем и ощутил его остроту.

Когда он вновь поднял глаза, то увидел, что Этьеран уже взбирается вверх по холму, уходя все дальше от них и двигаясь неверным шагом калеки.

"Это неправильно! — хотел крикнуть он ей вслед. — Пожалей меня, посочувствуй мне! — Но язык отказывался повиноваться. Охваченный болью ее отречения, он не мог говорить. — По крайней мере прости меня". Напряженность мускулов лица навела его на отвратительную мысль, что он ухмыляется.

— Этьеран! — простонал он. — Почему мы так немощны?

Словно бальзам, тихий голос Гиганта пролился на его боль.

— Так мы едем?

Кавинант машинально кивнул. Он оторвал взгляд он удаляющейся спины Этьеран и засунул ее нож себе за пояс.

Соленое Сердце Преследующий Море подал ему знак садиться в лодку. Когда Кавинант перешагнул через борт и опустился на поперечину, сделанную на носу, — единственное сиденье в тридцатифутовом судне, достаточно тесное для него, — Гигант тоже шагнул внутрь, одновременно оттолкнувшись от берега. Затем он перешел на широкую низкую корму. Стоя там, он ухватился за руль. Через киль прошла силовая волна. Гигант направил судно прочь от берега реки, на середину потока, и вскоре оно уже двигалось на запад среди гор.

Когда Кавинант устроился на сиденье, он тут же повернулся и с тоской стал смотреть, как Этьеран взбирается вверх по горному склону. Но силовая волна, двигавшая лодку, несла ее со скоростью бегуна, и вскоре расстояние между ними и Этьеран увеличилось настолько, что женщина превратилась в небольшую коричневую точку на фоне зелени Анделейна. С огромным усилием Кавинант заставил себя отвести взгляд от этой точки и заняться поисками источника силы, двигавшей лодку.

Однако никакого источника силы заметить ему не удалось. Лодка стремительно неслась против течения, словно влекомая огромной рыбиной. Причем в движении не ощущалось никаких толчков. И, тем не менее, нервы Кавинанта чувствовали энергию, изливавшуюся через киль. Он мрачно спросил:

— Что позволяет этому судну двигаться? Я не вижу никакого двигателя.

Гигант стоял на корме, глядя вверх по течению, держа левой рукой высокий руль, а правой определяя направление встречных ветров; при этом он что-то напевал, какую-то простую песню на языке, понять который Кавинант не мог; песню, в которой словно бы слышался шелест волн и которая оставляла соленый привкус на губах, похожий на привкус моря.

Услышав вопрос Кавинанта, он еще мгновение продолжал петь. Но вскоре язык песни переменился, и Кавинант понял, что Гигант поет:

Камень и Море глубоко входят в жизнь.
Они — два неизменных
Символа мира;
Постоянство в покое
И постоянство в движении;
Носители силы, которая остается...

Затем Гигант умолк и посмотрел вниз, на Кавинанта, с укором, сверкавшим в глазах из-под густых бровей.

— Чужак в Стране, — сказал он, — разве эта женщина ничему тебя не научила?

Кавинант напрягся. Выражение голоса Гиганта, казалось, принижало Этьеран, приуменьшало цену принесенной ее жертвы; его высокий неприступный лоб и полный юмора взгляд казались непроницаемыми для чувства симпатии. Однако для Кавинанта боль Этьеран была очевидной. Она была лишена в огромной степени нормальной человеческой любви и тепла.

Голосом, резким от гнева, он ответил:

— Она Этьеран, жена Трелла из Подкаменья Мифиль, и она сделала нечто большее, чем научила меня. Она сумела провести меня мимо Пожирателей, мимо убитого Вейнхим, кровавой луны, юр-вайлов. А ты бы мог сделать это?

Гигант не ответил, но широкая веселая улыбка озарила его лицо, приподняв кончик бороды словно в насмешливом салате.

— Черт побери! — взорвался Кавинант. — Уж не думаешь ли ты, что я лгу? Я не пал бы столь низко, чтобы лгать тебе.

При этом улыбка Гиганта перешла в высокий журчащий смех. Преследующий Море смеялся самозабвенно, откинув назад голову.

Кавинант смотрел на него, коченея от гнева, в то время как Гигант все продолжал хохотать. Кавинант недолго терпел это оскорбление. Вскочив со скамьи, он бросился на гиганта, собираясь ударить его поднятым посохом.

Преследующий Море остановил его успокаивающим жестом.

— Полегче, Неверующий, — сказал он. — Быть может, мне сесть, чтобы ты почувствовал себя выше?

— Ад и кровь! — взвыл Кавинант. Свирепо взмахнув рукой, он ударил по днищу судна концом своего посоха, зачерненным юр-вайлами.

Лодка подпрыгнула, словно этот удар заставил реку конвульсивно содрогнуться. Шатаясь, Кавинант ухватился за поперечину, на которой сидел, чтобы не упасть за борт. Через мгновение спазм миновал, и сверкающий на солнце поток стал таким же гладким, как и прежде. Но Кавинант еще несколько мгновений держался за перекладину, чувствуя, как тяжело бьется в груди сердце, как натянуты, словно струна, все нервы и как тяжело пульсирует его кольцо.

"Кавинант! — внутренне прорычал он, обращаясь к самому себе, — Ты был бы смешон, если бы не был так... смешон".

Он выпрямился и стоял так, упираясь ногами в дно лодки, до тех пор, пока не взял свои эмоции под контроль. Затем его взгляд скользнул к Гиганту, осторожно коснулся его ауры. Однако он не смог уловить ничего, похожего на зло; Преследующий Море казался столь же безупречно крепким, как природный гранит.

"Нелепость!" — повторил себе Кавинант. — Она заслуживает уважения! — добавил он вслух.

— Ах, прости меня, — сказал Гигант. Повернувшись, он опустил руль так, чтобы им можно было управлять в сидячем положении. — Я не хотел проявить неуважение. Твоя лояльность принесла мне облегчение. И я знаю, как следует ценить то, чего она достигла.

Он сел на корме и оперся спиной о руль так, что его глаза оказались всего лишь в футе над глазами Кавинанта.

— Да, и как следует жалеть ее, я тоже знаю. Никто во всей Стране — ни один человек, ни один Гигант или Ранихин — никто не смог бы доставить тебя... Доставить в Колыбель Лордов быстрее, чем это сделаю я.

Затем улыбка вновь вернулась на его лицо.

— Но ты, Томас Кавинант Неверующий и чужак в Стране, ты сжигаешь себя слишком свободно. Я засмеялся, глядя на тебя, потому что ты был похож на петуха,

нападающего на Ранихина. Ты растрачиваешь себя, Томас Кавинант.

Кавинант двойным усилием обуздал свой гнев и спокойно сказал:

— Разве это факт? Ты судишь слишком поспешно, Гигант.

Грудь Преследующего Море заклокотала от еще одного фонтана журчащего смеха.

— Смело сказано! В Стране появилось нечто новое — человек, обвиняющий Гиганта в спешке. Что ж, ты прав. Но разве ты не знаешь, что люди считают нас... — он снова расхохотался, — считают нас осмотрительными и неторопливыми? Я был избран послом потому, что короткие человеческие имена, лишающие их носителей такой огромной доли истерии, силы и значения, даются мне легче, чем большинству представителей моего народа. Но теперь выходит, что не просто легче, а чересчур легко.

Он снова откинул голову и залился самозабвенным хохотом.

Кавинант смотрел на Гиганта так, словно весь юмор последнего был абсолютно недоступен его пониманию. Затем не без усилия он заставил себя расслабиться, положил посох на дно лодки и сел на поперечину, глядя вперед, на запад и на полуденное солнце. Смех Гиганта звучал очень заразительно, в нем смешалось простое неподдельное веселье, но Кавинант чувствовал, что все в нем почему-то сопротивляется этому смеху. Он не мог позволить себе стать жертвой еще одного обольщения. Он уже и так потерял себя в большей степени, чем мог надеяться найти вновь.

"Нервы не восстанавливаются". Эти слова звучали в нем погребальным звоном, как будто они были литургией для него, иконами с изображением его самого, поверженного и повергнутого в прах. "Гиганты не существуют. Я знаю разницу".

Двигаться, выжить.

Он кусал губы, словно эта боль могла помочь ему сохранить равновесие, удержать свою ярость под контролем.

Сзади Гигант вновь тихо запел. Его песня раскати-

лась, подобно рокоту длинной реки, впадающй в море, поднимаясь и падая, как прилив и отлив, и ветры расстояний дули сквозь архаику слов. В интервалах они переходили в прежний припев:

Камень и Море глубоко
Входят в жизнь...

А затем вновь уносились вдаль. Этот звук напомнил Кавинанту о его усталости, и он лег на носу, чтобы отдохнуть.

Вопрос Гиганта застал его, когда он еще не успел уснуть.

— Ты хороший рассказчик, Томас Кавинант?

Он рассеянно ответил:

— Когда-то был им.

— А потом забросил это дело? Ах, эта история в трех словах не менее грустна, чем любая другая, которую ты мог бы мне рассказать. Но жизнь без сказки подобна морю без соли. Как ты живешь?

Кавинант положил руки на борт и опустил на них голову. По мере того, как лодка двигалась вперед, Анделейн раскрывался перед ним подобно бутону, но он не обращал на это внимания, устремив взгляд на струю воды, обтекавшую нос. Бессознательно он сжал руку с кольцом в кулак.

— Я живу...

— Еще одна? — вернул его к действительности Гигант. — Теперь уже в двух словах, и эта история еще печальнее первой. Не говори больше ничего; одно слово твое заставит меня зарыдать.

Если Гигант затаил какую-то обиду, то Кавинант не смог этого услышать. Голос Преследующего Море звучал наполовину дразняще, наполовину доброжелательно. Кавинант пожал плечами и ничего не сказал.

Через мгновение Гигант продолжал:

— Что ж, для меня такой оборот ничего хорошего не сулит. Наше путешествие будет нелегким, и я надеялся, что ты поможешь скоротать долгие часы с помощью рассказов. Но ничего. Я полагаю, что в любом случае ты не рассказал бы ничего веселого. Пожиратели, убийство

Вейнхим и духов Анделейна. Что ж, кое-что из этого меня не удивляет; наши старейшины не раз предсказывали, что Губитель Душ не умрет так легко, как на то надеялся бедный Кевин. Камень и Море! Все это осквернение — опустошение и грабеж — за ложную надежду. Но у нас есть пословица, которая успокаивает детей, хотя их не так уж много, когда они начинают плакать, вспоминая свой народ, свои дома и общество, утраченные нами. Мы говорим: "Радость в ушах того, кто слышит, а не в устах того, кто говорит". В мире очень мало историй, веселых сами по себе, и у нас должны быть веселые уши, чтобы мы могли бросить вызов злу. Слава Создателю! Старый Лорд Дэймлон, Друг Гигантов, знал цену хорошему смеху. Когда мы достигли Страны, наше горе было слишком велико, чтобы мы могли сражаться за право жить.

— Хороший смех, — угрюмо вздохнул Кавинант. — Неужели за то короткое время я отсмеялся на всю жизнь?

— Вы, люди, в большинстве своем нетерпеливы, Томас Кавинант. Ты думаешь, я несу чепуху? Ничего подобного. Я хочу как можно быстрее добраться до главного. Поскольку ты забросил ремесло рассказчика, и поскольку оказывается, что никто из нас не счастлив в степени достаточной, чтобы противостоять описанию твоих приключений, — что ж, придется мне самому что-нибудь рассказать.

В рассказах есть сила — возрождение сердца, которое обязывает, — а сила нужна даже Гигантам, когда им предстоит выполнить такую задачу, как моя.

Он сделал паузу, и Кавинант, не хотевший, чтобы он умолкал — голос Гиганта, казалось, вплетал шум воды, несущейся мимо лодки, в какой-то успокаивающий узор, — сказал в наступившей тишине:

— Говори!

— Ах, — ответил Гигант, — это было уже неплохо. Ты выздоравливаешь вопреки самому себе, Томас Кавинант. Ну что ж, тогда пусть твои уши слушают весело, ибо я не поставщик скорби, хотя во времена действий мы не морщились от фактов. Если б ты попросил меня заново преодолеть твой путь, я бы потребовал, чтобы ты описал все свое путешествие в деталях, прежде чем сде-

лал бы три шага в горы. Повторное путешествие опасно, и слишком часто возвращение возможно лишь в одну сторону — тропа потеряна, или путешественник изменился настолько, что не осталось никакой надежды на возвращение.

Но ты должен понять, Неверующий, что выбор рассказа — обычно вопрос для рассказчика.

Язык старых Гигантов — это целая сокровищница всяких историй, и для того, чтобы пересказать некоторые из них, требуются дни. Однажды, будучи еще ребенком, я прослушал три раза подряд сказку о Богуне Невыносимом и Тельме, приручившем его. Это была история, достойная доброго смеха, но прошло девять дней прежде, чем я узнал, в чем дело. Однако ты не понимаешь язык Гигантов, а перевод — это долгая история даже для Гигантов, так что проблема выбора упрощается. Но учение нашей жизни в Сириче после того, как наши корабли достигли Страны, содержит много раз помногу историй-легенд о правлении Дэймлона Друга Гигантов, и Лорика Глушителя Мерзости, и Кевина, которого теперь называют Расточителем Земли, — легенд о том, как вырезали из скал, как строили благословенный Ревлстон, "знак верности и преданности, от руки вырезанный в вечном камне времени" — как однажды выразил это в своей песне Кевин; самое могущественное, что сделали Гиганты в Стране — храм, на который теперь люди могли смотреть и помнить, что может быть достигнуто — легенд о миграции, спасшей нас от Осквернения, и о множестве лекарств, которыми владеют новые Лорды. Но выбор вновь нетрудно сделать, поскольку ты — чужак. Я расскажу тебе первую историю Гигантов Сирича — Песнь о Бездомных.

Кавинант посмотрел вокруг себя на сияющее лазурное спокойствие Соулсиз, и приготовился слушать рассказ Гиганта. Но повествование началось не сразу. Вместо того, чтобы начать свой рассказ, Гигант вернулся к своей древней простой песне, задумчиво сплетая мелодию так, что она раскатывалась подобно морской тропе реки. Он пел долго, и, поддавшись чарам его голоса, Кавинант задремал. Он был слишком утомлен, чтобы постоянно поддерживать наготове свое внимание. В ожидании он прилег на носу лодки, как усталый пловец.

Но затем какая-то новая интонация изменила напев

Гиганта. Мелодия приобрела более четкие очертания, превратившись наконец в подобие погребальной песни. Вскоре Гигант пел уже на языке, знакомом Кавинанту:

Мы — Бездомные...
Затерянные странники мира,
В стране позади моря, рождающего солнце,
Жили мы. Там были наши дома.
Там мы росли
И подставляли паруса ветру,
Не остерегаясь зла прошлого.

Мы — Бездомные.
От дома и очага,
От каменных священных жилищ,
Построенных нашими благоговейными руками,
Мы подставляли наши паруса
Ветру звезд
И несли жизнь
Во все места на земле,
Не обращая внимания на
Опасность нашей утраты.

Мы — Бездомные...
Затерянные странники мира.
От пустынного берега
К высокому скалистому утесу,
К дому людей и сказочным землям
На край моря,
От мечты к мечте направляли
Мы наши паруса
И улыбались радуге
Нашей утраты.

Теперь мы — Бездомные,
Лишенные корня и родных,
И знакомых.
От других тайн счастья
Направляли мы свои паруса,
Чтобы проплыть обратной дорогой.
Но ветры жизни дули не в ту сторону,
Которую мы выбирали,
И страна за морем была
Потеряна нами.

Ах, камень и море! Знаешь ли ты старую легенду о раненой радуге, Томас Кавинант? Говорят, будто в самые сумрачные времена земли на нашем небе не было ни одной звезды. Небо представляло собой бездонную тьму, отделявшую нас от всеобщей вселенной Создателя. Там он жил со своими людьми и мириадами своих ярких,

лучистых творений, и они кружились под музыку радости.

Но по мере того, как годы устремлялись от вечности к вечности, у Создателя возникла идея о том, чтобы создать нечто новое для счастливых сердец своих детей. Он спустился к огромным кузницам и котлам своей силы и смешивал, и ковал, и отливал редкие формы. И когда он устал, то обратился к небесам и забросил свое таинственное творение в небо — и, держись! Радуга раскинула по всей вселенной свои руки.

На мгновение Создателя охватила радость. Но потом он пристально вгляделся в радугу, и там, высоко в сияющем полотнище он увидел рану, прореху в созданной им красоте. Он не знал, что его враг, дух демона тьмы и грязи, пробравшийся вовнутрь даже его вселенной, видел, как он работает, и подмешал зло в чан, где творилось его создание. Так что теперь, когда радуга появилась над землей, она была дырявой.

Раздосадованный Создатель вернулся к своей работе, чтобы найти средство исцелить свое создание. Но пока он трудился, его дети, мириады его светоносных творений, нашли радугу, и ее красота наполнила их радостью. Они все вскарабкались на небеса и принялись весело носиться по радуге, танцуя на ее цветных полосах. Высоко на дуге они обнаружили прореху. Но они не поняли этого. Весело распевая хором, они спрыгнули в рану и оказались в нашем небе. Этот новый неосвещенный мир лишь обрадовал их еще больше, и они принялись кружиться по небу, пока оно не засияло радостью их игры.

Устав от бегства, они захотели вернуться в свою светлую вселенную. Но дверь туда оказалась закрыта, поскольку Создатель обнаружил работу своего врага — причину прорехи, и от гнева разум его затуманился. Не отдавая себе отчета, он сбросил радугу с небес. И только когда гнев его прошел, он понял, что запер своих детей в нашем небе. Так они и остались там и находятся до сей поры — звезды, сопровождающие приход ночей, — и так будет, пока Создатель не сможет избавить свою вселенную от врага и найти способ вернуть домой свои творения.

То же самое было и с нами, Бездомными. В этой давно

потерянной скалистой стране мы жили и процветали среди себе подобных, а когда научились путешествовать по морям, это лишь увеличило наше благополучие. Но, опьяненные своей радостью, своим здоровьем и своими походами, мы не заметили, как превратились в глупцов. Мы построили двадцать прекрасных кораблей, каждый их которых был достаточно велик, чтобы служить крепостью для вас, людей, и поклялись друг другу отправиться в плавание и исследовать всю землю. Ах, всю землю! Погрузившись на двадцать кораблей, две тысячи Гигантов простились со своими родными, пообещав вернуться назад и рассказать обо всем, что увидят они в многоликом мире, и отправились в свою мечту.

Затем, от моря к морю, от шторма к шторму, через жажду и голод, и многое другое, между рифами и облаками плыли Гиганты, радуясь порывам соленого ветра, в непрерывной борьбе с океаном, "постоянством в движении" и в предвкушении встреч с новыми народами, и в надежде сдружить их между собой.

За половину поколения потеряли они три корабля. Сто Гигантов решили остаться и жить отдельно от своего народа с прекрасными Сильвенами Элохим. Двести погибли, сражаясь за Брафор — народ, который был почти целиком уничтожен песчаными горгонами Великой пустоши. Два корабля разбились о рифы и затонули. И когда первые дети, родившиеся во время путешествия, стали достаточно взрослыми, чтобы самим заниматься морским делом, пятнадцать кораблей собрались на совет и обратили свои помыслы к дому, поскольку они поняли безумие своей клятвы и устали от поединка с морями.

Итак, они установили паруса по звездам и пустились на поиски дома. Но не тут-то было. Знакомые пути вели их в незнакомые океаны, к неисчислимым опасностям. Штормы сбили все их расчеты. Руки их были в кровь изодраны непослушными канатами, а волны все вставали им навстречу, словно выражая свою ненависть. Было потеряно еще пять кораблей, хотя пробоина в одном из них была обнаружена, а экипаж второго был спасен с острова, на который их выбросило. Сквозь лед, державший их в тисках много месяцев, убивавший их дюжинами, сквозь штили, приводившие их на грань голодной

смерти, они все же упорно плыли, сражаясь за свою жизнь и за свой дом. Но несчастья стерли в их памяти все знания, какими они располагали когда-то, так что в конце концов они окончательно потеряли представление о том, где находятся и куда им нужно плыть. Добравшись до Страны, они бросили здесь свои якоря... Меньше тысячи Гигантов ступило на скалистый берег Сирича. Отчаявшись, они оставили надежду отыскать свой дом.

Но дружба с высоким Лордом Дэймлоном, сыном Хатфью, возродила их. В своем могущественном Учении он видел знамения надежды, и его слова зажигали эту надежду в сердцах Гигантов. Они остались в Сириче и принесли Лордам Клятву Верности и отправили три корабля на поиски дома. С тех пор — вот уже трижды по тысяче лет — в море всегда находится девять кораблей Гигантов, по очереди пытающихся отыскать нашу землю. Когда возвращаются три старых, на смену им уже готовы три новых, но пока успеха не добился ни один. Поэтому мы по-прежнему Бездомные, затерянные в лабиринте безумной мечты.

Камень и Море! По сравнению с вами, людьми, мы живем гораздо дольше. Я родился на борту корабля во время короткого путешествия, спасшего нас от Осквернения, а мои прадеды были среди первых путешественников. Но у нас так мало детей. Редко когда у женщины бывает более одного ребенка. Поэтому теперь нас осталось всего лишь пять сотен, и наша жизнеспособность с каждым поколением все снижается.

Мы не можем забыть.

Но, согласно старой легенде, дети Создателя имели надежду. После коротеньких дождей он выпускает в наше небо радугу, как обещание звездам, что когда-нибудь он все же найдет способ вернуть их домой.

Если нам суждено выжить, мы должны отыскать дом, потерянный нами, — землю своего сердца за морем, рождающим солнце.

Пока Преследующий Море говорил, солнце постепенно начало снижаться и наступил поздний полдень; когда же он закончил свой рассказ, горизонт был освещен закатом. Волны Соулсиз мчались с запада, словно охваченные оранжево-золотым пламенем, отражая на своей

поверхности каждую искру заходящего солнца. Огонь, полыхающий в бездонных небесах, отражал и утрату, и пророчество, предстоящую ночь и обещанный день, тьму, которая пройдет; ибо когда наступит настоящий конец дня и света, то нечем будет его приукрасить, не будет ни чудесного огня, ни радости — ничего, что могло бы поддержать сердце, кроме гниения и серого пепла.

Охваченный вдохновением, Гигант снова возвысил голос, в котором слышалась пронзительная боль.

Мы не правили свои паруса,
Чтоб поплыть прежними путями,
Но ветра жизни дули
Не туда, куда мы хотели,
И земля за морем была потеряна...

Кавинант повернулся, чтобы посмотреть на Гиганта. Голова Преследующего Море была высоко поднята, а по щекам тянулись тонкие мокрые полоски, отсвечивающие золотисто-оранжевым огнем. Пока Кавинант смотрел, отраженный свет принял красноватый оттенок и начал угасать.

Гигант мягко сказал:

— Смейся, Томас Кавинант! Смейся для меня. Радость в ушах, которые слышат!

Кавинант слышал в голосе Преследующего Море подавленные невольные рыдания и мольбу, и собственная придушенная боль словно бы застонала в ответ. Но смеяться он не мог; ему было ничуть не смешно. Со спазмом отвращения к уродовавшим его ограничениям он сделал неуклюжую попытку в другом направлении:

— Я голоден.

На мгновение затуманенные глаза Гиганта вспыхнули, словно его кто-то ужалил. Но затем он откинул голову и засмеялся над собой. Его юмор, казалось, лился прямо из сердца, и вскоре он стер с его лица все напряжение и все слезы.

Когда он немного успокоился и хохот его перешел в тихие смешки, он сказал:

— Томас Кавинант, я не люблю спешить, но я верю, что ты — мой друг. Ты сбил с меня мою спесь, и одно это было бы уже прекрасной услугой, даже если бы я ранее не посмеялся над тобой.

Голоден? Разумеется, ты голоден. Храбро сказано. Я должен был бы предложить тебе еду раньше. У тебя явный вид человека, который в течение нескольких дней питался лишь алиантой. Некоторые старые провидцы говорят, что лишения очищают душу, но, по-моему, самое подходящее время для очищения души настает тогда, когда у тебя нет иного выбора.

К счастью, у меня с собой имеется неплохой запас пищи.

Ногой пододвинув к Кавинанту громадный кожаный мешок, он жестом предложил ему открыть его. Развязав стягивающие горловину тесемки, Кавинант обнаружил внутри соленую говядину, сыр, хлеб и более дюжины мандаринов величиной с два его кулака каждый, а также бурдюк с чем-то, который он с трудом смог приподнять. Решив отложить это неудобство на потом, он начал с еды, заедая соленое мясо дольками мандарина. Затем его внимание переключилось на бурдюк.

— Это "алмазный глоток", — сказал Преследующий Море. — Очень полезный напиток. Быть может, мне лучше... Нет, чем больше я смотрю на тебя, друг мой, тем больше вижу слабости. Отпей из бурдюка. Это поможет тебе лучше отдохнуть.

Наклонив бурдюк, Кавинант принялся потягивать "алмазный глоток". По вкусу он напоминал легкое виски, и Кавинант чувствовал его силу; но в то же время пить его было очень легко: он не кусался и не жег. Кавинант сделал несколько освежающих глотков и сразу же почувствовал, как к нему возвращаются силы.

Затем он тщательно завязал бурдюк, сложил обратно в мешок еду и с усилием пододвинул мешок назад, в пределы досягаемости гиганта. "Алмазный глоток" пылал у него в животе, и он чувствовал, что вскоре будет готов выслушать еще один рассказ. Но едва он улегся на носу лодки, как сумерки в небе превратились в кристальную тьму, на фоне которой веселым хороводом высыпали звезды. Кавинант не успел понять, что хочет спать, как уснул.

Сон его был неспокойным. Он пробирался сквозь какие-то отвратительные видения, полные умирающих дум, убийств и беззащитной терзаемой плоти, и, нако-

нец, очутился лежащим на улице возле переднего бампера полицейского автомобиля... Вокруг собралась толпа горожан. Глаза у них были из кремня, а рты перекошены в единой гримасе омерзения. Все без исключения они указывали на его руки. Когда он их поднял, чтобы рассмотреть, то увидел, что все они покрыты темно-красными царапинами проказы.

Затем к нему подошли двое одетых в белое мускулистых мужчин и положили его на носилки. Ему была видна машина "скорой помощи", стоящая поблизости. Но эти двое не сразу понесли к ней носилки. Они стояли неподвижно, держа носилки на уровне пояса, словно демонстрируя его толпе.

Внутрь круга вступил полицейский. Глаза его были цвета презрения. Он нагнулся над Кавинантом и строго сказал:

— Ты перешел мне дорогу. Так нельзя. Тебе должно быть стыдно.

Его дыхание покрыло Кавинанта запахом ладана.

Сзади полицейского раздался чей-то голос. Он был таким же безжалостным, как голос адвоката Джоан. Он произнес:

— Так нельзя.

И тут все горожане разом отрыгнули на асфальт окровавленные внутренности.

"Я не верю этому", — подумал Кавинант.

Безжалостный голос тотчас отозвался:

— Он не верит нам.

Из толпы раздалось молчаливое завывание реальности, неистовое утверждение факта. Оно колотило Кавинанта до тех пор, пока тот не съежился под этими ударами, жалкий и безответный.

Затем горожане хором произнесли:

— Ты мертвец. Без общества жить ты не можешь! Жизнь может быть лишь в обществе, а у тебя его нет. Ты не можешь жить, если ты никому не нужен.

Унисон их голосов производил звук, похожий на то, когда что-нибудь рассыпается, ломается. Когда они замолчали, Кавинант почувствовал, что воздух в его легких превратился в щебень.

Со вздохом удовлетворения безжалостный голос произнес:

— Отвезите его в госпиталь. Вылечите его. Это самый лучший ответ смерти. Вылечите и вышвырните его вон.

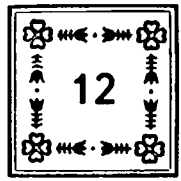
Двое в белом забросили его в машину "скорой помощи". Прежде, чем дверь закрылась, Кавинант увидел, как горожане пожимают друг другу руки, обмениваются поздравлениями. После этого "скорая помощь" поехала. Кавинант поднял руки вверх и увидел, что красные пятна распространяются уже по запястьям. Он смотрел на них в ужасе, стеная про себя: "Прокляты! Прокляты! Прокляты!"

Но потом журчащий тенор ласково произнес:

— Не бойся. Это сон.

Успокоение распространилось над ним, словно мягкое одеяло. Но он не мог потрогать его руками, а машина "скорой помощи" все продолжала двигаться. В стремлении удержать на себе невидимое одеяло, он схватился за воздух так, что костяшки его пальцев побелели от напряжения.

Когда он почувствовал, что больше не выдержит боли, "скорая помощь" перевернулась, и он упал с носилок в темноту.

РЕВЛСТОН

Левая щека, на которую что-то давило, начала понемногу затекать, и это заставило его с трудом подняться со дна тяжелой дремоты. Все тело страшно ныло, словно он спал на камнях. Он еще долго не мог очнуться ото сна. Затем его дважды что-то быстро толкнуло в щеку и потом понесло куда-то вверх. Поднимаясь, Кавинант ударился головой о борт лодки. Голова загудела от боли. Ухватившись за борт, он рывком откачнулся от шпангоута, который упирался ему в щеку, и сел, озираясь по сторонам.

Он обнаружил, что окружающая его обстановка радикально изменилась. Не осталось ни единой тени, ни единого намека, ни даже малейшего воспоминания о пышности Анделейна... На северо-востоке реку огораживала высокая отвесная каменная стена. А к западу расстилалась серая бесплодная равнина — уродливая пустыня, похожая на огромное поле битвы, на котором погибли более, чем просто люди, и где опаливший огонь и пролитая кровь лишили землю возможности к возрождению, к новому цветению — неровная, озлобленная низменность, оживляемая лишь низкорослым кустарником, цепляющимся за жизнь благодаря речушке, впадающей в Соулсиз в нескольких лье впереди лодки. Ветер, дувший почти прямо с востока, нес с собой запах давнего пожара, который воскрешал зловоние воспоминаний о преступлениях.

Они уже почти достигли того места, где видневшаяся впереди речка впадала в Соулсиз, сбивала ее течение, замутняла прозрачные воды своей кремнистой грязью, и Кавинанту пришлось ухватиться за борт, чтобы сохранить равновесие, поскольку качка усилилась.

Преследующий Море удерживал лодку посередине реки, подальше от шума прибоя, бьющегося в каменную стену на северо-востоке. Кавинант оглянулся и посмотрел на Гиганта. Тот стоял на корме; ноги широко расставлены, под правой рукой — руль. Заметив взгляд Кавинанта, он сказал, перекрывая шум реки, бьющейся о камни:

— Впереди Третгард! Там мы свернем на север в Белую реку! Серая идет с запада! — В голосе его слышался какой-то надрыв, словно он всю ночь пел, что было сил; но через мгновение он пропел куплет из новой песни:

Ибо мы не будем отдыхать,
Не свернем со своего пути,
Не потеряем веры,
Не потерпим поражения.
И так будет до тех пор,
Пока серое не станет голубым,
А Рилл и Маэрль не будут столь же
Свежими и чистыми, как древний Алураллин.

Поверхность реки стала неспокойной. Кавинант стоял в середине лодки, опершись об одну из поперечин, и наблюдал за насильственным смешением чистой и грязной воды. Затем Преследующий Море прокричал:

— В ста лье от гор Вестрон — Ущелье Стражей и высокая весна Алураллин — и сто пятьдесят на юго-запад — последние горы и Гарротинг Дип! До Колыбели Лордов осталось семьдесят лье!

Внезапно приглушенный шум реки стал громче и заглушил голос Гиганта. Неожиданная струя течения поймала лодку и швырнула ее нос вправо, развернув бортом к течению. Лодка накренилась, переваливая через волну, и брызги окатили Кавинанта. Он инстинктивно перенес свой вес на левую ногу.

В следующее мгновение он услышал обрывок песни Гиганта и ощутил силу, пронизывающую киль. Лодка медленно повернула влево и снова развернулась по ходу реки.

Но это происшествие, едва не приведшее к беде, закончилось все же тем, что лодка оказалась в опасной близости к северо-восточной стене. Она дрожала от энергии, пока Преследующий Море возвращал ее в более спо-

койные воды, протекавшие ниже главной струи течения Серой. Затем ощущение силы пронизывающей киль, исчезло.

— Прошу извинения! — прокричал гигант. — Я начинаю утрачивать искусство мореплавания!

Голос его звенел от напряжения.

Костяшки пальцев Кавинанта побелели — с такой силой вцепился он в борт лодки. Стараясь удержать равновесие в раскачивающемся судне, он вдруг вспомнил:

"Это самый лучший ответ смерти".

"Самый лучший ответ, — подумал он. — Нет, это не так".

Может быть, было бы лучше, если бы лодка опрокинулась, лучше, если бы он утонул, лучше, если бы он со своей ополовиненной рукой и со своим кольцом не доставлял в Ревлстон послание Лорда Фаул. Он не был героем. Он не мог удовлетворить таких ожиданий.

— Теперь — пересечение! — вновь крикнул гигант. — Мы должны пересечь серую, чтобы взять курс на север. Большой опасности в этом нет, кроме того, что я уже устал. А течение очень неспокойное.

На этот раз Кавинант повернулся и пристально посмотрел на Гиганта. Теперь он видел, что Соленое Сердце Преследующий Море страдает. Щеки его ввалились, образовав глубокие ямы, словно кто-то стер с его лица добродушие, а его глаза из-под насупленных бровей горели суровой решимостью.

"Устал? — подумал Кавинант. — Скорее, дошел до изнеможения".

Неуклюже перебираясь от переборки к переборке, он добрался до Гиганта. Глаза его находились на уровне талии Преследующего Море. Он задрал голову, чтобы крикнуть:

— Я буду править. Ты должен отдохнуть!

На губах Гиганта мелькнула улыбка.

— Благодарю тебя. Но нет, ты не готов. У меня еще достаточно силы. Но, пожалуйста, подай мне "алмазный глоток".

Кавинант открыл мешок с едой и взялся руками за кожаный бурдюк. Тяжесть и податливость делали его неподъемным для Кавинанта, а постоянная качка вали-

ла с ног. Он просто не мог поднять бурдюк. Но после секундного колебания он подсунул под бурдюк обе руки и, застонав от напряжения, вытолкнул его наверх.

Преследующий Море перехватил бурдюк за горловину левой рукой как раз вовремя.

— Спасибо тебе, друг, — сказал он с усталой улыбкой. Подняв бурдюк ко рту, он на мгновение выпустил из-под своего контроля опасности течения, чтобы сделать глубокий глоток. Затем он опустил бурдюк и направил лодку к устью Серой реки.

По судну вновь прокатилась, пронизав его, силовая волна. Когда она поборола главную силу Серой, Гигант повернул вдоль по течению и сделал разворот поперек потока. Дно лодки сотряслось от энергии. Совершив ловкий маневр, Гигант вывел лодку к северной стороне потока, повернув ее вокруг своей оси так, что она продвинулась вдоль стены вверх по течению и скользнула в спокойные воды Белой. Как только этот поворот на север был завершен, рев сливающихся потоков начал быстро затихать над лодкой.

Мгновением позже пульсация энергии тоже стала замирать. Тяжело вздохнув, Преследующий Море вытер пот с лица. Плечи его поникли, голова склонилась. Медленно и с натугой он опустил руль и, наконец, уселся, почти упал, на корме лодки.

— Ах, мой друг, — простонал он, — даже Гиганты не созданы для того, чтобы совершать подобные вещи.

Кавинант добрался до центра лодки и сел на дно, опершись о борт. Из такого положения окружающая местность была ему не видна, но в данный момент ландшафт его вовсе не занимал. У него были иные заботы. Одной из них являлось состояние Преследующего Море. Он не понимал, почему Гигант выглядел столь изможденным.

Он попытался разузнать об этом косвенно, сказав:

— Ловко сделано! Как тебе это удалось? Ты так и не сказал мне, что движет этой посудиной.

И он нахмурился — столь нетактично звучал его голос.

— Спроси лучше о чем-нибудь другом, — устало вздохнув, сказал Преследующий Море. — Эта история почти столь же длинна, как история самой Страны. У

меня нет внутреннего желания объяснять тебе значение здешней жизни.

— Ты же не знаешь никаких коротких рассказов, — отозвался Кавинант.

При этих словах на губах Гиганта появилась вымученная улыбка.

— Ах, это действительно так. Что ж, постараюсь сделать ее для тебя короткой. Но тогда ты должен обещать мне тоже рассказать что-нибудь необычное, такое, о чем я никогда бы не додумался сам. Мне это потребуется, друг мой.

Кавинант выразил свое согласие кивком головы, и Гигант сказал:

— Ну что ж. Ешь, а я буду говорить.

Слегка удивившись тому, насколько он, оказывается, был голоден, Кавинант принялся за содержимое кожаного мешка. Он жадно поглощал мясо и сыр, утоляя жажду мандаринами. И пока он ел, Гигант начал слабым от усталости голосом:

— Время Дэймлона, Друга Гигантов, закончилось в Стране прежде, чем мой народ завершил сооружение Коуэркри, своего дома в Сириче. Прежде чем начать трудиться на подаренных Лордами землях, они вырезали из сердцевины горы Колыбель Лордов, как называют ее люди, и когда Коуэркри был завершен, Высоким Лордом был Лорик. Затем мои предки обратили внимание на другие вещи — на море, рождающее солнце, и на дружбу со страной.

Теперь и Лиллианрилл, и Радхамаэрль хотели постичь учение Гигантов, и время Высокого Лорда Лорика, Глушителя Мерзости, было временем великого расцвета Лиллианрилл. Чтобы еще более способствовать этому, Гигантам необходимо было некоторое время пожить в Колыбели Лордов. — Он перешел на тихое пение, словно вызывая заклинанием былое величие благоговения Гигантов. — В могущественном Ревлстоне. Это было хорошо, поскольку Ревлстон не мерк перед их взором.

Но Гиганты были не особыми любителями ходить пешком, что, кстати, можно сказать о них и сейчас. Поэтому мои предки разведали реки, стекавшие от гор Вестрон к морю, и решили построить лодки. Правда, лодки

не могут пройти сюда с моря. Как тебе, возможно, известно, гигантская трещина, над которой стоит Грейвин Френдор, преграждает путь. И никто — будь то Гигант или кто-нибудь другой — по собственной воле не поплывет по ущелью мимо Глотателя Жизни, великой топи. Поэтому Гиганты построили доки на реке Соулсиз, выше по течению от Грейвин Френдор и теснин, именуемых "Бездной предателя". Там они держали лодки, подобные этой; там, а также в Колыбели Лордов, у подножия Водопада Фел, так что по меньшей мере две сотни лье путешествия можно было совершить по воде, которую мы любим.

Лорик и Лиллианрилл решили помочь Гигантам в этом деле. Использовав свою силу, они создали золотую жилу — сильный лес, который они назвали Лор-лианрилл, и из деревьев этого леса стали делать рули и кили для наших речных лодок. И еще Старые Лорды обещали, что когда изменения надежды, касающиеся нас, исчезнут, тогда золотая жила поможет нам.

— Ах, достаточно. — Гигант коротко вздохнул. — Короче говоря, это судно привожу в движение я. — Он поднял руки от руля, и лодка неожиданно начала терять направление. — Или, точнее говоря, я вызываю силу золотой жилы. Земля содержит жизнь и силу, она в камне, в воздухе, в воде, в почве. Но жизнь в них как бы спрятана, как бы дремлет. Нужны и знания, и сила, да и могучие жизненные песни, чтобы разбудить их.

Он снова ухватился за руль, и лодка вновь пошла вперед.

— И потому я устал, — тяжело дыша, продолжал он. — Я не отдыхал с той самой ночи, которая была накануне нашей встречи.

Интонация его голоса напомнила Кавинанту о слабости Трелла после того, как Гравлингас восстановил разбитый кувшин.

— Два дня и две ночи я не давал золотой жиле остановиться или замедлить свое действие, хотя все мои кости ноют от усталости.

Увидев удивление на лице Кавинанта, Гигант добавил:

— Да, мой друг, ты спал две ночи и один день. От

запада Анделейна через центральные равнины до границы Третгарда более сотни лье.

Сделав паузу, он заключил:

— "Алмазный глоток" иногда проделывал такие вещи с людьми. Но ты нуждался в отдыхе.

Мгновение Кавинант сидел молча, неподвижно глядя на дно лодки, словно выискивая место, где бы сквозь него можно было провалиться. Вокруг его рта легли горькие складки, когда он поднял голову и сказал:

— Ну, так теперь я отдохнул. Могу я чем-нибудь помочь?

Преследующий Море ответил не сразу. Казалось, за крепкой стеной своего лба он взвешивает различные сомнения, прежде чем пробормотать:

— Камень и Море! Конечно, можешь. И, тем не менее, сам тот факт, что ты об этом спрашиваешь, говорит о том, что не можешь. Мешает какое-то или нежелание, или незнание.

Кавинант понял. Он мог слышать темные крылья, видеть убитых духов.

— Дикая магия! — простонал он. — Героизм! Это невыносимо!

Мотнув головой, он отогнал от себя нахлынувшие видения и резко спросил:

— Ты хочешь мое кольцо?

— Хочешь? — прохрипел гигант с таким видом, словно ему надлежало бы засмеяться, но не хотелось этого делать. — Хочешь?

Его голос болезненно дрогнул, словно он признавался в каком-то заблуждении.

— Не надо употреблять это слово, мой друг. "Хотеть" естественно, и это может быть исполнено или нет без всяких вредных последствий. Лучше скажи "жаждать". Жаждать — это желать чего-либо такого, что невозможно получить. Да, я жажду твоего иного мира, дикой магии, белого золота.

Дикая магия закована в каждом камне,
Хранимая для того,
Чтобы белое золото ее высвободило
Или заточило навеки...

Я признаюсь в этом желании, но не искушай меня, сила имеет свойство льстить своим узурпаторством. Я не принял бы этого кольца, если бы ты предложил его мне.

— Но ты все же знаешь, как им пользоваться? — спросил Кавинант скучным голосом, наполовину ошеломленный вдруг зародившимся страхом перед его ответом.

На этот раз Преследующий Море все же растерялся и засмеялся. Юмор его был изнуренным — жалкие остатки прежнего, — но все же он был чист и весел.

— Ах, смело сказано, мой друг. Так алчность наказывается за собственную глупость. Нет, я не знаю. Если дикую магию нельзя вызвать простым желанием воспользоваться ею, тогда я вообще ее не понимаю. У Гигантов нет такого учения. Мы всегда действовали сами и надеялись только на себя, хотя мы с удовольствием пользуемся такими вещами, как золотая жила. Что ж, я вознагражден за недостойные мысли. Прошу прощения, Томас Кавинант.

Кавинант кивнул, словно получил неожиданную отмену приговора. Он не желал знать, как именно действует дикая магия; он не хотел видеть ее никоим образом. Просто носить это кольцо и то было опасно. Он накрыл его правой рукой и беззвучно, беспомощно посмотрел на Гиганта.

Спустя мгновение усталость Гиганта взяла верх над его юмором. Глаза его затуманились, из приоткрытого рта вырвался усталый вздох. Он повис на руле, словно смех лишил его жизненных сил.

— А теперь, мой друг, — произнес он. — Мое мужество почти иссякло. Мне нужен твой рассказ.

— Рассказ? — сказал Кавинант. — Я не знаю, о чем рассказывать. Я похоронил все в своей памяти.

А свой роман он сжег — и новый, и первый, бестселлер. В них было столько самодовольства, столько абсолютной слепоты к угрозам проказы, которая скрывалась тайком в засаде и могла неожиданно появиться в любом физическом или моральном существовании, и столько неведения относительно собственной слепоты. Они были падалью, как он сам; как и он сам, годились только в пламя. Что мог он рассказать теперь?

Но ему необходимо было двигаться, действовать, выжить. Безусловно, он знал, что ранее стал жертвой сновидений. Разве не узнал он этого в лепрозории, в гниении и рвоте? Да, да! Выжить! И, тем не менее, этот сон ждал от него силы, ждал, чтобы он положил конец убийствам, видения вспыхивали в нем, словно осколки зеркала, в котором отражался потусторонний мир. Джоан, полицейская машина, глаза Друла цвета лавы. Голова закружилась, словно он падал.

Чтобы скрыть свою внезапную скорбь, он отодвинулся от Преследующего Море, перешел на нос и встал лицом к северу.

— Рассказ, — сказал он глухо. В действительности он все-таки знал одну историю во всей ее мрачности и пестроте красок. Он быстро перебрал их, пока не нашел одну, соответствующую другим вещам, которые необходимо было произнести.

— Я расскажу тебе один рассказ. Правдивый рассказ.

Ухватившись за край борта, он попытался справиться со своим головокружением.

— Это рассказ о шоке культуры. Знаешь ли ты, что такое "шок культуры"? — Преследующий Море ничего не ответил. — Впрочем, это неважно. Я расскажу тебе об этом. Шок культуры — это то, что происходит, когда человека высылают из его собственного мира и помещают в такое место, где предположения, точнее... Э... Стандарты личности... Настолько отличаются от прежних, что он совершенно не в состоянии их понять. Он устроен иначе. Если он... податлив и мягок... он может притвориться кем-то другим, пока не попадет обратно в свой собственный мир. Или он может просто отступиться и позволить делать с собой все, что угодно. Иного пути нет.

Я приведу тебе пример. Пока я был в лепрозории, доктора говорили о человеке, прокаженном подобно мне. Отверженном. Он представлял классический случай. Он приехал из другой страны, где проказа гораздо более распространена; он, должно быть, подхватил ее бациллой еще будучи ребенком, а по прошествии многих лет, когда у него уже была жена и трое детей, он внезапно почувствовал омертвление ступней ног, а затем начал слепнуть.

Ну так вот, если бы он остался в той стране, где родился, он был бы... Там ведь болезнь более распространена... Там это было бы замечено уже на ранней стадии. И как только это было бы замечено, он и его жена и дети, и все, что ему принадлежало — его дом и его скот, его близкие родственники, — все они были бы объявлены "нечистыми". Его имущество, дом и скот были бы сожжены дотла. А он, его жена, дети и близкие родственники были бы сосланы в отдаленное поселение, где стали бы жить в жалкой нищете вместе с другими людьми, страдающими той же болезнью. Он провел бы остаток своей жизни там безо всякого лечения, безо всякой надежды, в то время как отвратительное уродство обезображивало бы его руки, ноги и лицо, до тех пор, пока он, его жена, дети и близкие родственники не умерли бы все от гангрены.

Как ты считаешь — жестоко это? А теперь послушай, что произошло с этим человеком на самом деле. Как только он понял, что у него за болезнь, он сразу отправился к врачу. Врач отправил его в лепрозорий — одного, без семьи, — и там распространение болезни было приостановлено. Его лечили, давали лекарства и обучали, в общем, восстанавливали. Затем его послали домой, чтобы он мог жить "нормальной" жизнью вместе с женой и детьми. Как чудесно. И была всего лишь одна проблема. И он не мог вынести этого.

Начать хотя бы с того, что ему начали докучать соседи. О, сначала они не знали, что он болен; они понятия не имели, что такое проказа, и не знали ее признаков; но местная газета напечатала статью о нем, так что все в городе теперь знали, что он — прокаженный. Они стали избегать его, ненавидели потому, что не знали, как с ним теперь быть. Затем у него начались трудности с самолечением. В стране, где он родился, не выпускалось нужных лекарств и не практиковалась лепротерапия, и он в глубине души верил в действенность этих средств, в то, что после того, как его болезнь была приостановлена, он был вылечен, прощен, избавлен от состояния, худшего, чем состояние медленной смерти. Но увы! Как только он перестал заботиться о себе, онемение вновь начало распространяться. Затем наступает резкое ухудшение. Вне-

запно он обнаруживает, что за его спиной, пока он утратил бдительность и не был настороже, его семья отстранилась от него. Они отнюдь не хотели делить с ним его беду — куда там. Они хотели избавиться от него, вернуться к той жизни, которой жили прежде.

Поэтому они решили вновь упрятать его в лепрозорий. Но после того, как его посадили в самолет — кстати говоря, самолетов в его родной стране тоже не было, — он заперся в туалетной комнате с таким чувством, словно его лишили наследства и не объяснили причин, и вскрыл вены на запястьях.

Кавинант с широко раскрытыми глазами словно бы со стороны слушал самого себя. Он бы с радостью заплакал над судьбой человека, о котором рассказывал, если бы это можно было сделать, не жертвуя собственной защитой. Но он не мог заплакать. Вместо этого он тяжело сглотнул и вновь отдался во власть движущей его инерции.

— Я расскажу тебе еще кое-что о шоке культуры. В любом мире есть свои особенные способы покончить с жизнью самоубийством, и гораздо легче убить себя каким-нибудь непривычным методом. Я никогда не мог бы вскрыть себе вены. Я слишком много читал об этом и слишком много об этом говорил. Эти "слишком" живы во мне. Я бы не мог сделать это как следует. Но я мог бы отправиться в мир этого человека и выпить чаю с белладонной, не испытав при этом тошноты. Потому что я недостаточно хорошо знаю об этом. В этом есть что-то смутное, что-то неясное, поэтому не совсем фатальное.

Итак, этот бедный человек в туалете сидел более часа, глядя, как кровь стекает в раковину. Он не пытался призвать кого-то на помощь, пока внезапно не осознал, что собирается умереть, хотя он и так уже мертв, как если бы накануне выпил чая с белладонной. Тогда он попытался открыть дверь, но был уже слишком слаб. И он не знал, какую кнопку нажать, чтобы вызвать помощь. В конце концов его нашли в гротескной позе с ободранными пальцами, словно он... Словно он пытался проползти под дверь. Он...

Кавинант не мог продолжать. Скорбь сдавила ему горло, и некоторое время он сидел молча, глядя, как вода с

каким-то жалобным звуком струится мимо. Он чувствовал себя больным и слишком отчаявшимся, чтобы выжить; он не мог поддаться этому соблазну. Затем до его сознания дошел голос Преследующего Море. Гигант мягко спросил:

— Так значит поэтому ты не любишь рассказывать истории?

Кавинант вскочил, охваченный внезапной яростью.

— Эта ваша Страна пытается убить меня! — свирепо прошипел он. — Она... Вы принуждаете меня к тому, чтобы я покончил с собой! Белое золото! Берек! Духи! Вы творите со мной такие вещи, которых я не могу перенести. Я совсем не такой, я живу в ином мире. Все эти... соблазны! Проклятье! Я прокаженный! Неужели вы не понимаете этого?

Взгляд Гиганта и горящий взгляд Кавинанта надолго встретились, и сочувствие в глазах Преследующего Море заставило Кавинанта утихомириться. Он стоял, вцепившись в край борта, в то время как Гигант устало и печально смотрел на него. Кавинант увидел, что он его не понимает; "проказа" была словом, которое, казалось, не имело в Стране никакого смысла.

— Давай! — Сказал Кавинант с болью в голосе. — Смейся на этим. Радость в ушах того, кто слушает.

Однако Гигант доказал, что он все же понимает кое-что. Сунув руку под куртку, он вытащил кожаный сверток, развернув который, обнаружил перед Кавинантом большой кусок тонкой гибкой шкуры.

— Здесь, — сказал он, — ты увидишь много подобного, прежде чем расстанешься со Страной. Это клинго. Гиганты завезли его в страну много лет назад, но я избавлю нас обоих от труда рассказывать. — Он оторвал от угла шкуры небольшой клочок и отдал его Кавинанту. С обеих сторон клочок оказался липким, но легко передавался из рук в руки, не оставляя при этом никаких клейких пятен.

— Доверься ему. Положи свое кольцо на этот клочок и спрячь под одеждой. Никто тогда не будет знать, что у тебя есть талисман дикой магии.

Кавинант тотчас же ухватился за эту идею. Стянув кольцо с пальца, он положил его на клочок клинго. Коль-

цо крепко прилипло: он не мог стряхнуть кольцо, однако без труда мог оторвать его. Кивнув самому себе, он положил кольцо на кожу, затем расстегнул рубашку и прилепил клинго в центре груди. Клинго надежно прикрепилось, не доставляя при этом Кавинанту никакого дискомфорта. Быстро, словно стараясь не упустить предоставившуюся возможность, он застегнул рубашку. К своему удивлению он, казалось, начал ощущать вес кольца своим сердцем, но решил не обращать на это внимания.

Преследующий Море аккуратно свернул клинго и убрал сверток под куртку. Затем он снова быстро взглянул на Кавинанта. Тот попытался улыбнуться в ответ, но его лицо, казалось, было способно изображать лишь оскал. Наконец он отвернулся и вновь уселся на носу лодки, наблюдая за ее ходом и "переваривая" то, что сделал для него Преследующий Море.

Поразмышляв некоторое время, он вспомнил про каменный нож Этьеран. Нож делал возможным самодисциплину, в которой Кавинант остро нуждался. Он перегнулся через борт лодки, чтобы увлажнить лицо, затем взял нож и усердно сбрил бакенбарды. Растительности на лице было уже восемь дней, однако острое, гладкое лезвие выбрило щеки и шею, ничуть не поранив его при этом. Но он уже отвык от подобных упражнений, отвык от риска; мысль о возможности пораниться до крови заставила его сердце затрепетать. Потом он начал понимать, как срочно ему надо вернуться в свой реальный мир и восстановить себя прежде, чем он окончательно утратит способность выживать, будучи прокаженным.

Позднее в этот день пошел дождь, и легкая морось испещрила поверхность реки, раздробив небесное зеркало в мириады осколков. Водяная пыль, словно из пульверизатора, орошала его лицо, медленно стекая на одежду, так что, наконец, ему стало так сыро и неуютно, словно он промок насквозь. Но он мирился с этим, впав в какое-то монотонное забытье, думая о том, что он выиграл и что потерял, спрятав свое кольцо.

Наконец день пошел на убыль. Тьма возникла в воздухе незаметно, словно дождь просто стал темнее, и в сумерках Кавинант и Гигант мрачно поужинали. Гигант был так слаб, что едва мог бы самостоятельно принять

пищу, но с помощью Кавинанта заставил себя неплохо поесть и выпить немного "алмазного глотка". Затем и тот, и другой вновь замолчали.

Кавинант был рад наступлению темноты; она избавила его от возможности видеть всю изможденность Гиганта. Перспектива провести ночь на сыром полу лодки вовсе не привлекала его, и, скорчившись у борта, мокрый и продрогший, он попытался расслабиться и уснуть.

Через некоторое время Преследующий Море стал напевать слабым голосом:

> Камень и Море глубоко в жизни,
> Два неизменных символа мира;
> Постоянство в покое
> и постоянство в движении —
> Участники в силе, которая остается...

Казалось, он черпал силы в этой песне, с ее помощью безостановочно передвигая лодку против течения, направляя ее на север, словно не было в мире такой усталости, которая могла бы заставить его поколебаться.

Наконец дождь прекратился; завеса облаков медленно разорвалась. Но Кавинант и Гигант не нашли облегчения в просветлевшем небе. Над горизонтом, подобно кляксе, поставленной дьяволом, стояла луна на поруганном звездном фоне. Она окрасила окружающую местность в цвет сырого мяса, наполнив все вокруг какими-то странными исчезающими формами малинового цвета, напоминающими призраков немыслимых убийств. От этого света исходила какая-то гнилостная эманация, словно Страна освещалась неким злом, некой отравой. Песня Гиганта стала пугающе слабой, почти неслышной, и даже сами звезды, казалось, шарахались с пути, по которому двигалась луна.

Однако рассвет принес омытый солнечным светом день, не омрачаемый ни единым намеком или воспоминанием о мерзком пятне. Когда Кавинант поднялся и осмотрелся вокруг, то прямо к северу увидел горы. Они простирались на восток, где на вершинах самых высоких из них все еще лежал снег; однако горная цепь резко обрывалась в том месте, где она встречалась с Белой рекой. До гор, казалось, было уже рукой подать.

— Десять лье, — хрипло прошептал Гигант, — против такого течения потребуется не меньше половины дня.

Внешний вид Гиганта наполнил Кавинанта резким страхом. Преследующий Море с пустым взглядом и обвисшими губами был похож на труп. Борода его казалась более седой, словно за одну ночь он постарел на несколько лет, и ручеек слюны, которую он не в силах был контролировать, бежала из угла его рта. Пульс в его висках был едва заметен. Но рука, держащая руль, оставалась так же крепка, как будто она была выточена из того же прочного, обветренного непогодой дерева, и лодка уверенно шла по волнам реки, все более неспокойной.

Кавинант двинулся на корму, чтобы попытаться помочь. Он вытер губы Гиганту, затем приподнял бурдюк с "алмазным глотком" так, чтобы Преследующий Море мог напиться. Что-то, похожее на улыбку, тронуло губы Гиганта, и он произнес, тяжело дыша:

— Камень и море. Быть твоим другом непросто. Переправлять тебя вниз по течению проси другого перевозчика. Места назначения годятся для более сильных душ, чем моя.

— Ерунда, — сдавленно сказал Кавинант. — О тебе за это сложат песни. Как ты думаешь, стоит ли работа того?

Гигант попытался ответить, но усилие заставило его отчаянно закашляться, и ему пришлось уйти в себя, сконцентрировать угасающий огонь своего духа на руке, сжимающей руль, и на движении лодки.

— Ничего, ничего, — мягко сказал Кавинант. — каждый, кто помогает мне, неизменно кончает так же — усталостью до изнеможения — по той или иной причине. Если бы я был поэтом, я сам сложил бы о тебе песню.

Молча проклиная свою беспомощность, он покормил Гиганта дольками мандарина, не оставив для себя ни кусочка. Когда он смотрел на Преследующего Море — огромное существо, утратившее сейчас все — даже всякие признаки чувства юмора и собственного достоинства, словно это были только придатки, — все, кроме способности вызывать силу ценой самопожертвования, причин которого Кавинант понять не мог; когда он смотрел на Гиганта, то чувствовал себя в каком-то нерациональном

долгу перед ним, словно ему навязывали путем обмана, не обращая ни малейшего внимания на его согласие или несогласие, получение ростовщического процента с его единственного друга.

— Каждый, кто помогает мне, — пробормотал он снова. Томас поднял цену, которую люди Страны готовы были заплатить за него, до устрашающих размеров.

Наконец он не в силах был более выносить это зрелище. Вернувшись на нос, он стал смотреть на громады гор вокруг тоскливым взглядом, проворчав:

— Я этого не просил.

"Неужели я настолько ненавижу самого себя?" — требовательно задал он себе вопрос. Однако единственным ответом на него было хриплое дыхание Преследующего Море.

Так прошла половина утра, и время, появляющееся из непроницаемой субстанции, отмерялось лишь этими хриплыми вздохами Гиганта, похожими на удары мясника по туше. Окружавший лодку пейзаж застыл, словно подобравшись для прыжка в небо. Горы стали выше и более зазубрены; вереск и индийская смоковница, покрывавшие равнины, постепенно уступили место жесткой, более похожей на низкорослый кустарник траве и изредка встречавшимся кедрам. А впереди за холмами горы становились все выше с каждым изгибом реки. Теперь Кавинант мог видеть, что западная оконечность горной цепи круто обрывалась, переходя в плато, образуя как бы лестницу, ведущую в горы; высота плато достигала, вероятно, двух или трех тысяч футов, и заканчивалось оно прямым утесом у подножия гор. С плато падал водопад, и благодаря какому-то световому эффекту каскад его сверкал бледно-голубым светом, низвергаясь с огромной высоты.

— Водопад Фел, — сказал Кавинант самому себе. Несмотря на шум дыхания Гиганта, он почувствовал, как дрогнуло сердце, словно он приближался к чему-то величественному.

Однако скорость приближения неуклонно уменьшалась. По мере того, как Белая углублялась в ущелье между горами, она сужалась, и, как результат этого, течение становилось все более неспокойным. Изнурение Гиганта,

казалось, достигло предела. Его дыхание превратилось в сплошной хрип и, казалось, могло задушить его в любую минуту; он передвигал лодку вперед со скоростью, не превышающей скорость пешехода. Кавинант не представлял себе, как они смогут одолеть оставшееся расстояние.

Он принялся рассматривать берега, подыскивая место, где они могли бы причалить лодку; он намеревался как-нибудь заставить Гиганта подогнать лодку к берегу. Но вдруг в воздухе раздался низкий грохот, похожий на топот бегущих лошадей. Какого черта?.. В мозгу вспыхнуло видение юр-вайлов. Кавинант схватил посох, лежавший на дне лодки, и сжал его, пытаясь держать под контролем внезапный барабанный бой своей тревоги.

В следующий момент, подобно волне, поднимающейся над гребнем холма, впереди по течению и к востоку от лодки появилась бегущая легким галопом дюжина лошадей со всадниками. Всадники были людьми — мужчины и женщины. В то же мгновение, когда они увидели лодку, один из них что-то крикнул, и вся группа перешла на галоп, вихрем пронеслась вниз по склону и остановилась у берега реки.

Всадники были похожи на воинов. На них были высокие сапоги с мягкими подошвами и черные краги, а также черные безрукавки, нагрудники, выплавленные из какого-то желтого металла, и желтые наголовные повязки. На поясе у каждого висел короткий меч, лук и колчан со стрелами за спиной. Бегло оглядев их, Кавинант заметил характерные черты как Вудхельвеннинов, так и жителей Подкаменья; некоторые из людей были высокими, светловолосыми, светлоглазыми и стройными, другие — приземистыми, темноволосыми и мускулистыми.

Как только лошади остановились, всадники одновременно стукнули себя правыми кулаками по левой стороне груди, затем вытянули руки ладонями вверх в приветственном жесте. Мужчина, отличавшийся от других черной диагональной полосой, пересекавшей его кирасу, прокричал:

— Эй, горбрат! Добро пожаловать, честь и наша верность тебе и твоему народу. Я — Кваан, Вохафт третьего йомена Боевой Стражи Колыбели Лордов.

Он сделал паузу, надеясь услышать ответ, а когда Кавинант промолчал, продолжил более спокойным тоном:

— Нас послал Лорд Морэм. Он видел, что на реке сегодня происходят важные вещи. Мы прибыли сюда в качестве эскорта.

Кавинант посмотрел на Преследующего Море, но то, что он увидел, лишь убедило его, что Гигант не воспринимает происходящего вокруг. Он грузно сидел на корме, глухой и слепой ко всему, кроме все слабеющего усилия, поддерживающего движение лодки вперед. Кавинант повернулся вновь к йомену и крикнул:

— Помогите нам! Он умирает!

Кваан на мгновение застыл, затем молниеносно приступил к действиям. После его приказа он и еще двое всадников направили своих коней в реку. Эти двое держали прямо на западный берег, но Кваан направил своего коня наперерез лодке. Мустанг плыл мощными рывками, словно эта работа была составной частью его обучения.

Вскоре Кваан добрался до лодки. В последний момент он взобрался на шею своему коню и легко перескочил через борт лодки. Повинуясь приказу хозяина, его конь поплыл назад, к восточному берегу.

Мгновение Кваан мерил Кавинанта взглядом, а тот в свою очередь, увидев его густые черные волосы, широкие плечи и ясное лицо, пришел к выводу, что перед ним уроженец Подкаменья. Затем Вохафт двинулся к Преследующему Море. Он схватил Гиганта за плечи и встряхнул его, выкрикивая слова, понять которые Кавинант не мог.

Сначала Гигант не отвечал. Он сидел, ничего вокруг не замечая, точно пригвожденный к месту, намертво зажав в руке руль. Но мало-помалу голос Кваана начал доходить до его сознания. Он медленно, с трудом поднял голову и с мучительным усилием сосредоточил взгляд на Кваане. Затем со стоном, исходившим, казалось, из самого мозга его кости, он выпустил из рук руль и буквально повалился набок.

Судно медленно начало тормозить, постепенно сдвигаясь назад, вниз по реке. Но к этому времени два других всадника уже достигли западного берега и были начеку.

Кваан прошел мимо Кавинанта на нос лодки и поймал конец длинной веревки, брошенной ему с берега одним из всадников. Сделал он это с удивительной точностью, а затем затянул веревку вокруг носа лодки. Присмотревшись получше, Кавинант заметил, что это вовсе не веревка, а полоса клинго; она буквально облепила нос судна. Тем временем Кваан ловил уже другую "веревку", летевшую к нему с восточного берега, и тоже прикрепил ее к носу лодки. Веревки натянулись; лодка перестала двигаться назад. Кваан махнул рукой, и всадники поскакали вдоль берега, волоча лодку вверх по течению.

Как только все происшедшее дошло до сознания Кавинанта, он снова повернулся к Преследующему Море. Гигант лежал там, куда упал, и дыхание его было очень слабым, поверхностным и неровным. Кавинант мгновение раздумывал, чем бы ему помочь, а потом поднял кожаный бурдюк и полил из него прямо на голову Преследующего Море. Жидкость затекла в рот Гиганту; он принялся, захлебываясь, тяжело глотать ее. Затем он глубоко, хрипло вздохнул, и глаза его слегка приоткрылись, образовав узкие щелки. Кавинант поднес бурдюк к его губам, и, напившись, Гигант вытянулся на дне лодки. Почти сразу же он погрузился в глубокий сон.

Кавинант облегченно пробормотал:

— Вот прекрасное окончание для песни: "...И он уснул". Что хорошего в том, если ты просыпаешься лишь тогда, когда тебя начинают поздравлять?

Внезапно он ощутил слабость, словно изможденье Гиганта истощило и его собственные силы, и, зевая, сел на одну из поперечин, чтобы наблюдать, как они движутся вверх по реке, в то время как Кваан перешел на корму и взялся за руль. Некоторое время Кавинант не обращал внимания на испытывающий взгляд Кваана. Но затем, собравшись с силами, он сказал:

— Это Соленое Сердце Преследующий Море, посланец от Гигантов Сирича. Он не отдыхал с тех самых пор, как подобрал меня в центре Анделейна три дня назад.

На лице Кваана отразилось, что он теперь понял причину плачевного состояния Гиганта. Затем Кавинант перевел свое внимание на проплывающий мимо пейзаж.

Лошади, тянувшие лодку, двигались хорошим ша-

гом, продвигая лодку вперед по все сужающемуся руслу Белой. Их наездники искусно предусматривали все изменения в рельефе берегов, то натягивая, то ослабляя буксировочные веревки в тех местах, где это было необходимо. По мере того, как они двигались на север, почва становилась все более каменистой, а кустарниковая трава уступила место папоротнику орляку. Над вершинами холмов ветви золотеней становились все более раскидистыми, а их листва — все более густой, сияя теплым светом в лучах солнца. Показавшееся впереди плато оказалось почти в лье шириной, и горы, возвышающиеся на его западной окраине, были прямыми, словно гордо выстроились на параде.

К полудню Кавинанту стал слышен грохот великих водопадов, и он догадался, что они приближаются к Ревлстону, хотя высокие предгорья загораживали сейчас большую часть перспективы. Рев неуклонно приближался. Вскоре лодка прошла под широким мостом. Еще через некоторое время всадники обогнули последний поворот, и лодка очутилась в озере у подножия водопадов Фел.

Озеро имело неправильную круглую форму, довольно большую ширину, и по всему своему берегу с запада было окружено золотенями и соснами. Оно находилось у подножия утеса, возвышавшегося более чем на две тысячи футов, и голубая вода, грохоча, низвергалась в озеро с плато, подобно бурлящей крови, струящейся с сердца гор. Вода в озере была чистой и холодной, как омытый дождем эфир, и Кавинант мог ясно видеть на огромной глубине его дно, покрытое галькой.

Сучковатый горец с нежными голубыми цветочками гнездился на мокрых камнях у подножия водопада, но большая часть восточного берега озера была лишена растительности. Там виднелось два больших мола и несколько меньших по размеру грузовых доков. Возле одного мола была причалена лодка, весьма напоминавшая ту, в которой находился Кавинант, а более мелкие суденышки — ялики и плоты — были привязаны у доков. Под руководством Кваана всадники подтащили лодку к одному из молов, где два воина крепко привязали ее, затем вохафт осторожно разбудил Преследующего Море.

Гигант с трудом очнулся ото сна, но когда он наконец открыл глаза, в них было спокойствие и ни тени изнеможения, хотя он выглядел по-прежнему настолько слабым, словно его кости были из песчаника. С помощью Кваана и Кавинанта он принял сидячее положение. Так он отдыхал, изумленно глядя вокруг себя, словно удивляясь тому, куда может деваться его сила.

Через некоторое время он произнес тонким голосом, обращаясь к Кваану:

— Прошу простить меня, Вохафт, я... немного устал.

— Я понимаю, — пробормотал Кваан. — Не беспокойся. Ревлстон уже близко.

На мгновение Преследующий Море нахмурился в замешательстве, словно пытаясь вспомнить, что с ним произошло. Затем лицо его напряглось — он вспомнил.

— Пошли всадников, — произнес он с тревогой в голосе. — Соберите Лордов. Нужно созвать Совет.

Кваан улыбнулся.

— Времена меняются, горбрат. Самый новый Лорд, Морэм, сын Вариоля, провидец и оракул, десять дней назад послал всадников в Лосраат и на север, к Высокому Лорду Тротхоллу. Все будут в Колыбели сегодня же вечером.

— Хорошо. — Гигант вздохнул. — Наступают смутные времена. Ужасные намерения грозят извне.

— Мы это предвидели, — угрюмо ответил Кваан. — но Соленое Сердце Преследующий Море не зря так спешил. Я отправил впереди нас гонцов в колыбель с вестью о вашем отважном путешествии. Оттуда вышлют носилки, если они тебе понадобятся.

Преследующий Море покачал головой, и Кваан удалился на нос, чтобы отдать приказ одному из воинов йомена. Гигант посмотрел на Кавинанта и слабо улыбнулся.

— Камень и Море, друг мой, — сказал он. — Разве я не говорил тебе, что быстро доставлю тебя сюда?

Эта улыбка тронула сердце Кавинанта подобно нежному рукопожатию.

Внезапно севшим голосом он ответил:

— В следующий раз не следует так надрываться. Я не могу выносить... Смотреть... Ты что, всегда так держишь слово — любой ценой?

— Твое послание не терпит отлагательств. Разве мог я поступить иначе?

Снова вспомнив о том, что он — прокаженный, Кавинант возразил:

— И все же это не настолько срочно. Что за польза будет от того, если ты погибнешь в процессе выполнения какого-нибудь дела?

Преследующий Море ответил не сразу. Опершись тяжелой рукой о плечо Кавинанта, он поднялся, шатаясь, и затем сказал, словно отвечая на вопрос Кавинанта:

— Идем. Мы должны увидеть Ревлстон.

Дружеские руки помогли ему выбраться на мол, и вскоре он уже стоял на берегу озера. Несмотря на согнувшую его усталость, он казался великаном даже рядом с мужчинами и женщинами, сидящими на лошадях. Когда Кавинант присоединился к нему, тот представил своего пассажира жестом, похожим на жест соответствующего владения.

— Йомен Боевой Стражи, это мой друг, Томас Кавинант Неверующий, посланец в Совет Лордов. Он владеет многими странными знаниями, однако не знает Страны. Охраняйте его, как следует, во имя дружбы, и еще из-за сходства, которое он имеет с Береком Хатфью, Другом Земли и Лордом Создателем.

В ответ Кваан приветствовал Кавинанта салютом.

— Прими привет от Колыбели Лордов, построенного Гигантами Ревлстона, — сказал он. — Добро пожаловать в Страну, добро пожаловать и сохранить ей верность.

Кавинант ответил резким приветственным жестом, но не стал ничего говорить, и мгновением позже Преследующий Море сказал Кваану:

— Идем. Моим глазам не терпится увидеть творение моих предков.

Вохафт кивнул, затем отдал воинам какой-то приказ. Двое всадников сразу же поскакали на восток, а двое других заняли места по обе стороны от Гиганта так, чтобы он мог опираться на спины их лошадей. Еще один воин, молодая светловолосая женщина, уроженка Вудхельвена, предложила Кавинанту сесть сзади нее на лошадь. Кавинант впервые заметил, что седла йоменов были не чем иным, как клинго без всякой мягкой прокладки

ки — широкий лоскут, по бокам заостряющийся книзу и переходящий в стременные петли. Сесть на такое "седло" было бы равносильно тому, чтобы ехать на одеяле, приклеенном к лошади и к седоку. Но хотя Джоан обучила его элементарным правилам верховой езды, ему так никогда и не удалось преодолеть свое глубокое недоверие к лошадям. Он отказался ехать верхом. Забрав из лодки свой посох, он занял место рядом с одной из лошадей, поддерживающей Гиганта, и Йомен начал удаляться от озера вместе с двумя спутниками.

Они обогнули подножие одной из гор с южной стороны и выехали на дорогу, ведущую от моста ниже озера. В восточном направлении дорога шла почти прямо вверх по склону пересекавшей ее горной гряды. Крутизна подъема заставила Гиганта несколько раз споткнуться, и у него едва хватило сил удержаться за лошадей. Но, с трудом преодолев подъем, он остановился, поднял голову, широко раскинул руки и стал смеяться.

— Смотри, друг мой! Разве это не является ответом на твой вопрос? — Голос его был слаб, но весел от вернувшейся радости.

Впереди, над несколькими чуть более низкими холмами, был виден Ревлстон.

Это зрелище, заставшее Кавинанта врасплох, едва не лишило его дыхания. Ревлстон был шедевром. Он стоял в своей гранитной нерушимости, словно закон вечности, неподвластное времени творение, созданное из одной сплошной скалы непревзойденными мастерами Гигантов.

Кавинант согласился, что "Ревлстон" было названием, слишком скромным для него.

Восточная часть плато оканчивалась широкой скалой в форме колонны, высота которой достигала половины высоты плато и которая отделялась от него на высоте первых нескольких футов от основания. Колонна эта изнутри была выполнена полой и превращена в башню, охранявшую единственный вход в Колыбель, и круглые окна шли вверх мимо контрфорсов до самой укрепленной вершины. Но большая часть Колыбели была врезана в скалу под плато.

На удивительном расстоянии от башни вся лицевая

поверхность утеса была превращена Старыми Гигантами в отполированную и украшенную резьбой вертикальную внешнюю сторону города, который, как позже узнал Кавинант, занимал весь этот клиновидный мыс плато. Стена была затейливо разукрашена зубцами, правильными и неправильными группами окон, балконами, контрфорсами, альковами, эркерами и парапетами — словом, многочисленными разнообразными и на первый взгляд спонтанными деталями, которые при более внимательном рассмотрении, казалось, сливались в некий рисунок. Но свет вспыхивал и плясал на гладкой поверхности утеса, и богатство разнообразных деталей ошеломило Кавинанта, так что он никак не мог увидеть этот рисунок.

Однако благодаря новым своим свойствам зрения он мог видеть кипучую жизнь города. Она сияла из-за стены, словно скала была почти прозрачной, почти освещаемой изнутри, подобно светотени, жизненной силой тысяч его обитателей. Это зрелище заставило всю Колыбель закружиться перед ним. Хотя он смотрел на город с расстояния и мог весь его охватить взглядом — водопады Фел, гремящие с одной стороны, и необъятные просторы равнин с другой, — он чувствовал, что Старые Гиганты превзошли его. Это было творение, достойное того, чтобы ему ходили поклоняться пилигримы, преодолевая все испытания пути. Он не удивился, когда услышал шепот Гиганта:

— Ах, Ревлстон! Колыбель Лордов! Здесь Бездомные находят облегчение в своей утрате.

Воины Йомена нараспев отвечали:

Воздвигнутый Гигантами Ревлстон,
Древний страж,
Сердце и дверь главного друга
Земли;
Храни правду с помощью
Магического меча,
Ты, колыбель древних, король гор!

Затем всадники вновь двинулись вперед. Преследующий Море и Кавинант, ошеломленные, приближались к громаде стен, и расстояние сокращалось быстро, не отмеряемое ничем, кроме стука их сердец. Дорога шла па-

раллельно утесу и его восточному краю, затем поворачивала и вела к высоким дверям в юго-восточном основании башен. Ворота, могучие каменные плиты с двух сторон, были открыты в миролюбивом приветствии, однако на них были сделаны зазубрины, и они были сбалансированы так, чтобы при первой же необходимости захлопнуться, сомкнувшись подобно чудовищным челюстям. Сейчас они были открыты настолько, чтобы весь Йомен мог въехать в них, развернувшись строем, плечом к плечу.

По мере того, как они приближались к воротам, Кавинант увидел голубой флаг, развевающийся высоко на вершине башни, словно лазурное пламя, лишь тончайшим оттенком голубее, чем ясное небо. Под ним был флаг поменьше — красный лоскут цвета кровавой луны и глаз Друла. Заметив направление взгляда Кавинанта, женщина возле него сказала:

— Вам известно, что это за цвета? Голубой — это цвет Высокого Лорда Фел, знамя Лордов. Оно символизирует их клятву и преданность народам Страны. А красный — это знак опасности, угрожающей нам в настоящее время. Он будет развеваться там до тех пор, пока сохраняется опасность.

Кавинант кивнул, не отводя взгляда от Колыбели. Но через мгновение он перенес внимание на вход в Ревлстон. Тот был похож на пещеру, уходящую прямо в гору, только внутри виднелся солнечный свет.

Над воротами стояли на страже трое часовых, расположившись равномерно по всей длине свода арки. Их внешность привлекла внимание Кавинанта; они были похожи на всадников боевой Стражи. По росту и телосложению они походили больше на жителей Подкаменья, но лица у них были плоские и смуглые, кудрявые волосы коротко подстрижены. Их одежда состояла из коротких туник цвета охры, перетянутых голубыми поясами, а руки и ноги были обнажены. Просто стоя на своде арки, безоружные, они держались с удивительным достоинством и в то же время были настороже; казалось, они готовы вступить в бой по первому же подозрению.

Когда до ворот оставалось не так уж далеко, Кваан крикнул часовому:

— Эй, первый знак Тьювор! Как же вышло так, что Страже Крови пришлось встречать гостей?

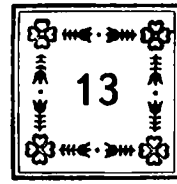
Главный среди часовых ответил на языке, казавшимся чужим, неуклюжим, словно говоривший привык говорить на наречии, абсолютно чуждом языку Страны.

— Гиганты и посланники вместе прибыли в колыбель.

— Ну что же, Стража Крови, — отозвался Кваан уже дружелюбным тоном, — исполняйте свои обязанности. Гигант — это Соленое Сердце Преследующий Море, посланник из Сирича в Совет Лордов. А этот человек тоже посланник, Томас Кавинант Неверующий и чужеземец в Стране. Готовы ли для них места?

— Распоряжения отданы. Баннор и Корик ждут.

Кваан сделал знак рукой, что он все понял, и вместе со своими воинами въехал в каменные ворота Колыбели Лордов.

ВЕЧЕРНИ

Оказавшись между каменными челюстями, Кавинант покрепче сжал в левой руке свой посох. Вход напоминал туннель, проложенный под башней и выходящий на открытый двор между башней и главной Колыбелью, и туннель освещался только тусклым отраженным солнечным светом. В камне не было ни окон, ни дверей. Единственными отверстиями служили бойницы прямо над головой, проделанные, видимо, для каких-то оборонительных целей. Стук лошадиных копыт эхом отдавался от гладких каменных стен, наполняя туннель словно отголоском войны, и даже легкое постукивание посоха Кавинанта звенело вокруг, словно его собственные тени следовали за ним по пятам вдоль горла Колыбели, отстав на шаг.

Затем йомен выехал на залитый солнцем двор. Здесь природный камень был выдолблен до уровня входа так, что между двумя высокими отвесными стенами образовалось пространство шириной почти с башню. Двор был плоским и вымощен плитами, но в центре его находился широкий участок земли, из которого рос старый золотень, а по бокам этого седого дерева сверкали два маленьких фонтана. С противоположной стороны было еще несколько каменных ворот, подобных тем, которые находились в основании башни, и они тоже были открыты. Это был единственный вход в Колыбель на уровне земли, но над двором через равные интервалы деревянные мостки опоясывали открытое пространство от башни до зубчатых выступов на внутренней поверхности Колыбели. Вдобавок две двери с каждой стороны туннеля обеспечивали доступ к башне.

Кавинант взглянул вверх, туда, куда уходили стены

главной Колыбели. Тени лежали на южной и восточной стенах двора, но верхняя их часть все еще сверкала в полном блеске полуденного солнца, и с того места, где стоял Кавинант, Ревлстон казался достаточно высоким, чтобы служить основанием для небес. На мгновение благоговение, охватившее Кавинанта, заставило его пожелать, чтобы он подобно Преследующему Море — наследнику Колыбели Лордов — каким-то образом мог претендовать на великолепие этого сооружения. Ему хотелось быть принадлежностью этого места. Но как только первоначальный удар, нанесенный ему Ревлстоном, миновал, Кавинант начал сопротивляться возникшему желанию. Это был всего лишь еще один соблазн, а он уже и так утратил слишком большую долю своей хрупкой, столь необходимой независимости. Он подавил благоговение, нахмурившись как можно сильнее, и прижал рукой кольцо. То, что оно теперь было спрятано, придавало ему решимости.

Была всего лишь одна надежда, которую он мог себе представить, единственное решение его парадоксальной позиции. Пока он держал кольцо спрятанным, он мог доставить послание Лордам, удовлетворить насущную потребность в беспрерывном движении и избежать опасных неожиданностей, требований силы, которой он не обладал. Преследующий Море и Этьеран тоже, быть может, непроизвольно дали ему определенную свободу выбора. Теперь он, возможно, смог бы сохранить себя, если ему удастся избежать дальнейших соблазнов и если Гигант раскрыл его секреты.

— Преследующий Море, — начал было он, но потом остановился. К нему и Гиганту приближались двое мужчин из главной Колыбели. Люди были похожи на часовых над воротами. По их плоским непроницаемым лицам невозможно было определить возраст, словно их отношения со временем были в некоторой степени двухвалентности, и от них исходило такое ощущение твердости в ответ на взгляд Кавинанта, что его внимание отвлеклось от Гиганта. Они пересекли двор с таким спокойствием, словно являлись воплощением скалы. Один из них приветствовал Преследующего Море, а другой направился к Кавинанту.

Подойдя к нему, он отвесил легкий поклон и сказал:

— Я — Баннор из Стражи Крови. Мне поручено опекать вас. Я провожу в приготовленные для вас апартаменты. — Речь его тоже была неловкой, словно язык не мог приспособиться к диалекту Страны, но в его тоне Кавинант уловил некоторую резкость, прозвучавшую, как недоверие.

Это обстоятельство, а также суровая внушительная внешность Стража Крови сразу заставили Кавинанта почувствовать себя не в своей тарелке. Он посмотрел в сторону Гиганта, увидел, как тот отдает Стражу Крови салют, полный уважения и старой дружбы.

— Привет, Корик! — сказал Преследующий Море. — Отдаю честь Стражу Крови и передаю ему заверения в преданности от Гигантов Сирича. В эти трудные времена мы горды назвать Стражу Крови в числе своих друзей.

Корик бесстрастно ответил:

— Мы — Стражи Крови. Апартаменты для вас уже готовы, чтобы вы могли отдохнуть. Идемте.

Преследующий Море улыбнулся.

— Хорошо. Я очень устал, друг мой.

С этими словами он вместе с Кориком отправился к воротам.

Кавинант пошел было за ним, но Баннор преградил ему путь сильной рукой.

— Вы пойдете со мной, — сказал он неизменным голосом.

— Преследующий Море!.. — неуверенно позвал Кавинант. — Преследующий Море, подождите меня!

Гигант ответил через плечо:

— Иди с Баннором. Будь в мире.

Казалось, он не заметил испуга Кавинанта; голос его выражал только благодарное облегчение, словно мысли его были заняты лишь отдыхом и Ревлстоном.

— Мы встретимся вновь. Завтра.

Двигаясь так, словно он безоговорочно доверял Стражу Крови, Гигант удалился вместе с Кориком в главную Колыбель.

— Ваши апартаменты в башне, — сказал Баннор.

— В башне? Почему?

Страж Крови пожал плечами.

— Если вы задаете такой вопрос, вы получите ответ. Но теперь вы должны следовать за мной.

На мгновение взгляд Кавинанта встретился со взглядом Баннора, и Кавинант прочел в нем компетентность Стража Крови, его способность и желание настоять на своем. Это еще более усилило спокойствие Кавинанта. Даже в глазах Саронала и Барадакаса, когда они сначала взяли его в плен, полагая, что он — Пожиратель, не было столько спокойствия и выполняемого обещания принуждения, насилия. Жители Вудхельвена были нарочито грубы в силу своей природной мягкости, но во взгляде Баннора не было ни малейшего намека ни на какую Клятву Мира. Кавинант испуганно отвел взгляд. Когда Баннор направился к одной из дверей башни, он в неуверенности и смятении последовал за ним.

Как только они приблизились, дверь открылась и тут же закрылась, впустив их, хотя Кавинант не заметил, кто или что привело ее в движение. Теперь они очутились на спиральной лестнице с пустой серединой, по которой начал методично подниматься Баннор, пока наконец, через сотню или более футов, ступени не привели их к другой двери. Войдя в нее, Кавинант оказался в хаотичном лабиринте коридоров, лестниц и дверей, так что вскоре абсолютно утратил чувство направления. Баннор через неправильные интервалы вел его то одним путем, то другим, вниз и вверх по бесчисленным ступеням, вдоль широких, а затем узких коридоров, так что Кавинант начал бояться, что не сможет отыскать дорогу обратно без провожатого. Время от времени он мельком замечал других людей, в основном Стражей Крови и воинов, но никто из них не попался непосредственно им навстречу. Наконец Баннор все же остановился в центре чего-то, напоминающего пустой коридор. Резким жестом он распахнул потайную дверь. Кавинант следом за ним вошел в большую жилую комнату с балконом в наружной стене.

Баннор подождал, пока Кавинант бегло огляделся в помещении, а затем сказал:

— Если вам что-нибудь понадобится, позовите. — И вышел, захлопнув за собой дверь.

Несколько мгновений Кавинант еще осматривался;

он мысленно зафиксировал расположение всех предметов, чтобы знать все опасные углы, выступы и края. В комнате находилась кровать, ванна, стол, уставленный едой, стулья, на одном из которых висела разнообразная одежда, и ковер на одной стене. Но ничто из обстановки не несло очевидной угрозы, и вскоре взгляд Кавинанта вернулся к двери.

На ней не было ни ручки, ни щеколды, ни задвижки — ничего, за что можно было бы ухватиться, чтобы открыть.

Какого дьявола?..

Он толкнул ее плечом, попытался ухватиться за края и потянуть, однако тяжелый камень даже не шелохнулся.

— Баннор! — Его нарастающий страх мгновенно превратился в гнев. — Проклятье! Баннор! Открой дверь!

Почти немедленно каменная плита качнулась внутрь. В проеме бесстрастно стоял Баннор. Взгляд его ничего не выражал.

— Я не могу открыть дверь, — резко сказал Кавинант. — В чем дело? Это что, разновидность тюрьмы?

Плечи Баннора слегка приподнялись.

— Называйте это, как хотите. Вы должны будете пробыть здесь до тех пор, пока Лорды не пошлют за вами.

— "Пока Лорды не пошлют..." А что я должен делать тем временем? Просто сидеть здесь и мечтать?

— Ешьте. Отдыхайте. Делайте, что хотите.

— Я скажу, что я хочу. Я не останусь здесь, чтобы сойти с ума, ожидая, пока ваши прекрасные Лорды соизволят меня принять. Я прошел сюда весь путь от Смотровой Кевина, чтобы поговорить с ними. Я рисковал своей...

Он заставил себя замолчать, поскольку понял, что эти его бурные излияния не производят на Стража Крови ни малейшего впечатления. Изо всех сил сдерживая гнев, он глухо сказал:

— Почему я нахожусь здесь на положении пленника?

— Посланники могут быть и друзьями, и врагами, — ответил Баннор. — Может быть, вы — слуга Порчи. Нам поручена забота о безопасности Лордов. Стража Крови не позволит вам подвергать их опасности. Прежде, чем

позволить вам свободно передвигаться, мы должны быть в вас уверены.

"Проклятье! — подумал Кавинант. — А мне как раз и нужно именно это". Комната позади него казалась наполненной темными хищными мыслями, от которых он так старался убежать. Как он сможет защититься от них, если его лишили возможности двигаться? Но стоять так, выставив на обозрение Баннору все свои страхи, он тоже не мог. И он заставил себя отойти от двери.

— Передай им, что мне не хочется ждать.

Дрожа, он подошел к столу и взял с него керамическую бутыль с вином.

Услышав, что дверь закрылась, он сделал большой глоток в качестве жеста неповиновения. Затем, все еще ощущая во рту чудесный аромат вина, он вновь осмотрел комнату, словно ожидая, что темные призраки сейчас появятся из укрытия и нападут на него.

На этот раз его внимание привлек ковер. Он был соткан из толстой разноцветной шерсти, в которой преобладали ярко-красные и небесно-голубые тона, и через несколько мгновений Кавинант понял, что рисунок, вытканный на ковре, изображает легенду о Береке Полуруком.

Прямо в центре находилась фигура Берека в стилизованной позе, выражавшая одновременно и отрешение, и блаженство. А вокруг по всему полотну были изображены сцены, отражающие историю Лорда-Создателя: его верность своей Королеве, алчность короля и его жажду власти, отречение Королевы от своего мужа, героическую борьбу самого Берека, рассечение его руки, его отчаяние на Горе Грома, победу Огненных Львов. Все вместе производило впечатление спасения, возрождения, достигнутого на самом краю гибели с помощью честности, словно сама Земля вмешалась; можно было доверить ей это вмешательство, чтобы выправить нарушенное моральное равновесие в войне.

— О, проклятье! — простонал Кавинант. — Неужели я должен буду смириться с этим?

Зажав в руке керамическую бутыль, словно она была единственной в комнате надежной вещью, он направился к балкону.

Остановившись в проеме, он оперся о каменные перила. За перилами балкона была пропасть глубиной в 3 или 4 сотни футов, уходившая к подножию гор. Он не отважился заглянуть за перила; от одной мысли об этом в желудке похолодело, а голова закружилась. Но он заставил себя как следует рассмотреть окрестности, чтобы определить свое местонахождение.

Балкон находился на восточной стороне башни, и с него открывался вид на широкие равнины. Лучи полуденного солнца отбрасывали тень от мыса на восток, подобно какому-то защитному средству, и в мягком свете позади тени равнины выглядели красочными и разнообразными. Голубоватые лучи, вспаханные коричневые поля и первая зелень посевов перемешались друг с другом на огромном пространстве, а между ними на юг и на восток бежали, серебрясь на солнце, нитки ручьев. На полях виднелись скученные пятна деревень, образующие тонкую паутину жилья; пурпурный вереск и серый папортник орляк широкими полосами уходили на север. Справа Кавинанту была видна Белая река, извивавшаяся в направлении Третгарда.

Этот вид напомнил ему о том, как он попал сюда, — о Преследующем Море, об Этьеран, о духах, о Барадакасе и об убитом Вейнхим... Головокружительные воспоминания, вращаясь спиралью, поднимались к нему от подножия гор. Этьеран обвинила его в причастности к убийству Духов. И все же она отреклась от своего справедливого желания возмездия, от своей справедливой ярости. Он принес ей столько горя...

Кавинант вернулся в комнату и, споткнувшись, сел за стол. Руки его задрожали так сильно, что он не мог отпить из бутылки. Он опустил ее на стол, сжал кулаки и прижал костяшками пальцев твердое кольцо, спрятанное на груди.

— Я не стану думать об этом.

Тяжелые морщины, словно от искривления черепа, собрали его лоб в глубокие складки.

— Я не Берек!

Он сидел так до тех пор, пока звук опасных крыльев стал стихать, а холод в желудке постепенно растаял. Тогда он разжал занемевшие пальцы. Не обращая внимания

на их невозможную чувствительность, он принялся есть.

На столе он нашел в изобилии холодное мясо, разнообразные сыры, фрукты и черствый хлеб. Ел он неторопливо и осторожно, словно кукла, исполняющая команды помимо своей воли, пока не насытился. Затем он снял одежду и стал мыться, тщательно натираясь и внимательно осматривая свое тело, чтобы убедиться, что на нем нет никаких открытых повреждений. Разобрав приготовленную для него одежду, он наконец облачился в бледно-голубой халат, запахнув который, он мог быть уверен в том, что кольцо надежно спрятано. Затем с помощью ножа Этьеран он осторожно побрился. После этого он все так же механически выстирал в ванной свою одежду и развесил ее на спинках стульев, чтобы та просохла. Все это время его мысли двигались в одном и том же ритме:

Я не буду...
Я не являюсь...

Пока он занимался всем этим, над Ревлстоном с запада подплыл вечер, и когда с делами было покончено, Кавинант поставил стул прямо к балконной двери так, чтобы можно было сидеть и смотреть на сумерки, не видя опасной пропасти. Но тьма, казалось, изливалась из неосвещенной комнаты позади него в широкий мир, словно его апартаменты были источником ночи. Вскоре пустое пространство за спиной, казалось, заполнилось до отказа пожирателями падали.

Кавинант в глубине сердца чувствовал, что превращается в безумца, чтобы избежать своего сна.

Стук в дверь, словно пружина, подбросил его в воздух, и он рванулся к двери сквозь тьму, чтобы ответить на него.

— Войдите... входите!

В мгновенном замешательстве он начал искать ручку, которой здесь не было. Затем дверь отворилась, и яркий свет ворвался в комнату, ослепив Кавинанта.

Сначала все, что он мог видеть, были три фигуры — одна у противоположной стены коридора, а две другие прямо в дверном проеме. Один из пришедших держал в

обеих руках по горящей лучине, другой — горшок с гравием. Этот ослепительный свет превратил обычное освещение коридора в полутень, откуда и надвигались на Кавинанта эти две огромные фигуры. Он отступил назад, часто мигая.

Словно приняв его отступление за приветствие, двое вошли в комнату. Из-за них раздался голос, до странности казавшийся одновременно грубым и мягким:

— Можно войти? Я — Лорд Морэм...

— Конечно, — перебил его более высокий мужчина голосом, надтреснутым и ослабленным старостью.

— Ему нужен свет, не так ли? Тьма иссушает сердце. А как он получит свет, если мы не войдем? Теперь, если бы он знал что-нибудь, он мог бы позаботиться о себе. Разумеется... А ему не слишком часто придется с нами встречаться. Чересчур много дел. Надо еще уделить внимание Вечерням. У Высокого Лорда, возможно, будут специальные указания. Мы и так опоздали. Потому что он ничего не знает. Разумеется. Но мы быстры. Тьма иссушает сердце. Обрати внимание, молодой человек. Мы не можем позволить себе вернуться только для того, чтобы избавить тебя от наваждения.

Пока этот человек говорил, выталкивая слова, словно ленивых слуг, из своей груди, глаза Кавинанта привыкли к свету. Стоявший перед ним более высокий человек превратился в статного, но древнего старца с узким лицом и бородой, висевшей, словно изорванный в клочья флаг, почти до самого пояса. Одет он был в плащ Вудхельвеннина, а его голову украшал венок из листьев.

Его спутник был почти мальчиком. Юноша был одет в коричневый наряд жителя Подкаменья, а на плечах у него, вытканное голубыми нитками, красовалось некое подобие эполетов. Его чистое, веселое лицо, обращенное к старику, улыбалось, а улыбка эта выражала и веселье, и любовь.

Пока Кавинант разглядывал эту пару, человек сзади них увещевательным тоном произнес:

— Он гость, Биринайр.

Старик замолчал, словно вспоминая правила хорошего тона, и Кавинант посмотрел на Лорда Морэма. Лорд был худощавым мужчиной ростом приблизительно с Ка-

винанта. Одет он был в длинный хитон цвета Высокого Лорда Фел, подпоясанный черным как смоль кушаком, и в правой руке он держал длинный посох.

Затем старик откашлялся.

— Ну что ж, хорошо, — засуетился он. — Но на все это нужно время, а мы опаздываем. Пора уже служить Вечерни. Приготовления для Совета. Разумеется. Вы — гость. Я — Биринайр, Хайербренд учения Лиллианрилл и Хатфрол Колыбели Лордов. Этот ухмыляющийся щенок — Торн, Гравлингас Радхамаэрля и тоже Хатфрол Колыбели Лордов. Теперь слушайте.

Походкой, исполненной достоинства, он направился к кровати. Над ней на стене был укреплен держатель для факела.

Биринайр сказал:

— Это сделано для таких несведущих молодых людей, как вы, — и сунул в держатель одну из горящих лучин. Пламя потухло, но, едва он вытащил лучину, вспыхнуло вновь.

Он установил в держателе лучину и, перейдя комнату, сделал то же самое на другой стене.

Пока Хайербренд занимался этим делом, Торн поставил один из горшков с гравием на стол, а другой — на поставку возле раковины.

— Когда захотите спать, накройте их, — сказал он чистым голосом.

Покончив со своим занятием, Биринайр сказал:

— Тьма иссушает сердце. Берегись этого, гость.

— Но учтивость подобна глотку из горного потока, — пробормотал Торн, улыбаясь, словно какой-то скрытой шутке.

— Это так. — Биринайр повернулся и вышел из комнаты. Торн задержался, подмигнул Кавинанту и прошептал:

— Он не так уж строг, как вам могло показаться.

Затем он тоже исчез, оставив Кавинанта наедине с Лордом Морэмом.

Морэм закрыл за ними дверь, и Кавинант мог теперь как следует разглядеть одного из Лордов. У Морэма были изогнутые чувственные губы, на которых сейчас играла улыбка симпатии к Хатфролам. Но эффект, вызываемый

улыбкой, уравнивался взглядом глаз. Это были опасные глаза — серо-голубые с золотистыми крапинками, — которые, казалось, проникали сквозь любую личину до самого мозга преднамеренности; глаза, которые скрывали нечто значительное и неведомое, будто Морэм был способен застать врасплох саму судьбу, если бы оказался у последней черты. А его горбатый нос, расположенный между опасными глазами, был подобен рулю, направлявшему его мысли.

Затем Кавинант разглядел посох Морэма. Он был окован металлом, как и Посох Закона, который Кавинант мельком видел в лопатообразных руках Друла, но резьбы на нем не было. Морэм держал посох в левой руке, правой отдавал Кавинанту приветственный салют. Затем он скрестил руки на груди, зажав посох сгибом локтя.

Губы его изогнулись, выражая сложную комбинацию из усмешки, робости и настороженности.

— Позволь мне начать снова, — сказал он. — Я — Лорд Морэм, сын Вариоля. Добро пожаловать в Ревлстон, Томас Кавинант Неверующий и посланец. Бринайр — это Хатфрол и глава учения Лиллианрилл в Колыбели Лордов, но, тем не менее, до Вечерен есть еще время. Итак, я пришел по нескольким причинам. Первое — это чтобы приветствовать вас, второе — чтобы ответить на вопросы чужестранца, оказавшегося в Стране, и третье — это осведомиться о причинах, которые привели вас в Совет. Простите, если я кажусь чересчур официальным. Вы — чужестранец, и я не знаю, как у вас принято приветствовать гостя.

Кавинант хотел ответить. Но он все еще чувствовал замешательство, в которое ввергла его темнота; ему требовалось время, чтобы голова прояснилась. Несколько мгновений он, мигая, смотрел на Лорда, затем, чувствуя необходимость нарушить молчание, сказал:

— Этот ваш Страж Крови мне не доверяет.

Морэм криво усмехнулся.

— Баннор говорил мне о том, будто вы считаете, что вас держат в заключении. Это еще одна причина, побудившая меня побеседовать с вами этим вечером. Не в наших обычаях проверять гостей прежде, чем они отдохнут. Однако я должен рассказать вам кое-что относительно Стражей Крови. Может быть, присядем?

Он взял стул и, поставив его напротив Кавинанта, сел, положив посох на колени таким естественным образом, словно тот был частью его самого.

Кавинант сел возле стола, не отрывая взгляда от Морэма. Когда он сел, Лорд продолжил:

— Томас Кавинант, я говорю вам открыто: до тех пор, пока вы не проверены, я допускаю, что вы друг или, по крайней мере, не враг. Вы — гость, по отношению к которому должна быть проявлена учтивость. Кроме того, мы давали Клятву Мира. Но вы такой же чужак для нас, как мы — для вас. А Стража Крови приносила присягу, которая ни в малейшей степени не сравнима с нашей Клятвой. Они присягали служить Лордам и Ревлстону, охранять нас от любых угроз с помощью силы своей верности.

Он тихо вздохнул.

— Ах, это унизительно, когда тебе так служат, невзирая на время и на смерть. Но оставим это. Я должен сказать вам две вещи. Верные своей присяге, Стражи Крови уничтожили бы вас немедленно, если бы вы подняли руку на кого-либо из Лордов, да и на любого обитателя Ревлстона. Но Совет Лордов отдал приказ о взятии вас под свое покровительство. Так вот, Стражи Крови — Баннор или кто-либо другой — скорее отдадут свои жизни, защищая вас, чем нарушат этот приказ или допустят, чтобы вам был нанесен какой-то вред.

Видимо, заметив на лице Кавинанта какое-то сомнение, Лорд добавил:

— Уверяю вас, это так. Быть может, для вас было бы не лишним расспросить Баннора обо всем, что касается Стражей Крови. Пусть это недоверие не огорчает вас; быть может, когда-нибудь вы поймете причину. Он по происхождению Харучай. Это племя живет высоко в горах Вестрон, за расселиной, которую мы теперь называем Пропастью Стражей. Они попали в Страну в первые годы правления Кевина, Высокого Лорда, сына Лорика; пришли и остались, принеся Присягу, которая своей нерушимостью достойна даже богов.

На мгновение он, казалось, погрузился в размышления о Страже Крови.

— Это были люди с горячей кровью, сильные и пло-

довитые, прирожденные воины и бойцы, а теперь, благодаря своей обещанной верности, они превратились в племя аскетов, старое и лишенное женщин. Говорю вам, Томас Кавинант, за их преданность была заплачена такая вот непредвиденная цена... Это нелегко им дается, и единственной наградой им служит нерушимая истая служба. И узнать потом горечь сомнения...

Морэм снова вздохнул, затем как-то застенчиво улыбнулся.

— Спросите у Баннора. Я слишком молод, чтобы рассказывать все так, как было!

"Слишком молод? — с удивлением подумал Кавинант. — Сколько же ему лет?" Но он не стал задавать этот вопрос, опасаясь, что ответ будет столь же опасным соблазном, каким был рассказ Преследующего Море о Бездомных. Затем, с усилием отогнав от себя эти мысли, он сказал:

— Мне надо поговорить с Советом.

Морэм в упор взглянул на него.

— Лорды соберутся завтра, чтобы выслушать вас и Гиганта. Вы хотите говорить сейчас? — Глаза Лорда с золотистыми крапинками, казалось, вспыхнули от сосредоточенности. Неожиданно он спросил:

— Вы — враг, Неверующий?

Кавинант внутренне вздрогнул. Он чувствовал на себе испытующий взгляд Морэма, и ему казалось, что пламя этого взгляда прожигает мозг. Но он был готов к сопротивлению и глухо огрызнулся:

— Вы же провидец и оракул. Вот и скажите мне.

— Это Кваан меня так назвал?

Улыбка Морэма была разоружающей.

— Что ж, я высказал некоторую проницательность, когда позволил обычной красной луне меня побеспокоить. Может быть, мои способности провидца удивляют вас?

Затем, прервав свое отступление, он намеренно повторил:

— Вы враг?

Кавинант вернул Лорду его взгляд, надеясь, что тот увидит в его глазах твердость и бескомпромиссность. "Я не буду... — подумал он. — Я не являюсь... Я никоим образом не являюсь ему никем. Просто я должен..."

— Просто я должен, — сказал он, — передать вам... послание. Так или иначе, меня заставили доставить его сюда. Кроме того, по дороге произошло несколько вещей, которые могли бы вас заинтересовать.

— Рассказывайте, — мягко, но с настойчивостью сказал Морэм.

Но его взгляд напомнил Кавинанту о Барадакасе, об Этьеран, о моментах, когда они говорили: "Ты закрыт..."

Он мог видеть здоровье Морэма, его опасную смелость, его живую любовь к Стране.

— Люди постоянно спрашивали меня об этом, — пробормотал он. — Не могли бы вы сами рассказать?

Мгновением позже он ответил сам себе: "Конечно нет. Что они знают о проказе?" Затем до его сознания дошла причина, вызвавшая вопрос Морэма. Лорд хотел, чтобы он говорил, хотел слышать его голос и распознать в нем правду или ложь. Слух Морэма мог уловить честность или фальшь ответа.

Кавинант вспомнил послание Фаула и отвернулся в целях самозащиты.

— Нет... я приберегу это для Совета. Одного раза для таких вещей достаточно. Мой язык рассыпется в песок, когда ему придется говорить это дважды.

Морэм кивнул, словно подтвердил, что понял. Но почти немедленно спросил:

— Так значит обезображенная луна объясняется вашим посланием?

Кавинант инстинктивно посмотрел в проем балконной двери.

Там, извилисто плывя над горизонтом, подобно чумному кораблю, светилась кровавым светом луна. Ее отблеск делал равнины похожими на воплощение фантазии. Он не мог сдержать дрожь в голосе, отвечая:

— Он пускает пыль в глаза. Просто показывает нам, на что способен.

Однако в глубине души он кричал: "Черт побери! Фаул! Духи были беззащитны! А что я сделал для этих уничтоженных созданий?"

— Ах, — вздохнул Морэм, — так бывает в плохие времена. — Он шагнул в сторону от стула и закрыл вход на балкон деревянной шторкой. — Боевая Стража на-

считывает менее двух тысяч воинов. В Страже Крови их всего лишь пять сотен — ничтожное количество для выполнения какой-либо задачи, кроме защиты Ревлстона. А Лордов всего лишь пять. Из них двое старики, на исходе своих сил, и никто не овладел более, чем ничтожной частью Первой заповеди Кевина. Мы сейчас слабее, чем любой из Друзей Земли во все времена существования Страны. Вместе мы едва способны лишь на то, чтобы заставить колючую траву расти лишь на Кураш Пленетор.

Нас было больше, — пояснил он, вновь сев на стул. — Но в последнее поколение почти все лучшие в Лосрате избрали Ритуал Освобождения. Я первый должен пройти испытание в течение пятнадцать лет. Увы, сердцем я чувствую, что теперь нам понадобятся другие силы.

Он сжал в кулаке посох так, что побелели костяшки пальцев, и на мгновение его глаза отразили нескрываемое чувство отчаяния.

Кавинант резко сказал:

— Тогда предупредите своих друзей, чтобы они были готовы к худшему. То, что я скажу, вряд ли вам понравится.

Но Морэм постепенно успокаивался, словно не слышал предупреждения Кавинанта. Разжав руку, державшую посох, он вновь положил его себе на колени. Потом он мягко улыбнулся.

— Томас Кавинант, у меня есть определенные причины допускать, что вы не враг. У вас, я вижу, есть посох Лиллианрилл и нож Радхамаэрль. Да, и посох познал борьбу с сильным врагом. Кроме того, я уже разговаривал с Соленым Сердцем Преследующим Море. Другие вам доверяли. Я не думаю, что вы добрались бы сюда, если бы вам не оказывали доверие.

— Черт побери! — взорвался Кавинант. — Вы все переворачиваете с ног на голову! — Он бросал взгляд, словно камни, в собственное искаженное отражение. — Меня вынудили прийти сюда. Это была не моя идея. С того момента, когда все это началось, у меня не было другого выбора. — Он прикоснулся рукой к груди, чтобы напомнить себе о том выборе, который у него все же был.

— Не по своей воле, — мягко констатировал Морэм.

— Значит, не зря вас называют Неверующим. Впрочем, оставим это. Совет выслушает вас завтра.

Так. Боюсь, что сумел ответить далеко не на все ваши вопросы. Но наступило время Вечерен. Вы не составите мне компанию? Если хотите, можем продолжить беседу по дороге.

Кавинант сразу согласился. Несмотря на усталость, он с радостью ухватился за возможность действовать, держать разум все время занятым.

Раздражение, вызванное вопросами к нему, было немногим лучше тяжести вопросов, которые ему хотелось задать относительно белого золота. Чтобы избежать своей сложной уязвимости, он встал и сказал:

— Идемте.

Лорд поклонился и вышел из комнаты в коридор. Кавинант последовал за ним. Здесь он увидел Баннора. Тот стоял, прислонившись к стене возле двери, флегматично скрестив руки на груди. Но когда Морэм и Кавинант вышли в коридор, он присоединился к ним. Повинуясь внезапному импульсу, Кавинант пересек ему путь. Его взгляд встретился со взглядом Баннора, и, прикоснувшись к груди Стража Крови негнущимися пальцами, он сказал:

— Я тоже тебе не доверяю.

Затем в злобном удовлетворении он снова повернулся к Лорду.

Морэм подождал, пока Баннор зашел в комнату Кавинанта, чтобы взять там один из факелов. Затем Страж Крови занял позицию на шаг позади левого плеча Кавинанта, и Лорд Морэм повел их вдоль коридора. Вскоре Кавинант вновь утратил ориентацию; запутанные коридоры башни сбивали его с толку не хуже лабиринта. Но вскоре они дошли до зала, который, казалось, замыкался глухой каменной стеной. Морэм прикоснулся к камню концом посоха, и стена ушла вбок, открыв проход на галерею, протянувшуюся над внутренним двором между башней и главной Колыбелью и выходившую к внешнему углу с контрфорсами.

— Нет, — пробормотал он, — забудьте, я просто побуду здесь...

Краска стыда залила Томасу лицо, и холодный ручеек пота скатился вдоль спины.

— Я плохо переношу высоту.

Лорд мгновение с любопытством рассматривал его, но принуждать не стал.

— Хорошо, — сказал он просто. — Мы пойдем другим путем.

Обливаясь потом, теперь уже наполовину от облегчения, Кавинант последовал за Морэмом, который прошел часть прежнего пути, а потом сложными переходами вывел их к одной из дверей в основании башни. Там они перешли двор.

Затем Кавинант впервые оказался в главной части Ревлстона.

Вокруг него Колыбель была ярко освещена факелами и гравием. Стены здесь были достаточно высоки и широки даже для Гиганта, и их размеры словно контрастировали с витками башни. В присутствии такого количества резного, величественного и властного гранита, такой тяжести нависающих над головой гор и обилия огней Кавинант остро ощутил свое невежество и собственную хрупкую недолговечность. Снова он почувствовал, что создатели Ревлстона превзошли его.

Но Морэм и Баннор не казались ему ничтожными. Лорд шел вперед так, словно эти залы были естественным окружением, словно его смертная плоть расцветала и служила этому великолепию. А непроницаемость и твердость Баннора, казалось, еще увеличилась, словно внутри у него было нечто, почти равнозначное нерушимости Ревлстона. Среди них Кавинант чувствовал себя нереальным, лишенным какой-либо важной действительности.

Сквозь зубы он непроизвольно издал рычание, и плечи его сгорбились, когда эти мысли стали душить. Мрачным усилием он заставил себя сконцентрироваться на окружающих внешних деталях.

Они повернули и пошли вдоль широкого коридора, ведущего прямо, если не считать определенной волнистости, словно он был врезан согласно структуре камня прямо в сердце горы. От него через неровные интервалы отходили связующие коридоры. Некоторые были проруб-

лены прямо между одной и другой скалой, а другие только соединяли центральный зал с внешними проходами. Через эти коридоры центральный зал заполняли во все возрастающем числе мужчины и женщины. Все они, как догадался Кавинант, шли на Вечерни. На некоторых были надеты кирасы и головные повязки воинов, остальные носили уже знакомую Кавинанту одежду Вудхельвеннинов и Подкамников. Некоторые произвели на него впечатление, как имеющие отношение к Лиллианрилл или Радхамаэрль; но подавляющее большинство, казалось, принадлежало к числу тех, кто занимается более прозаическими делами городского обслуживания — стряпней, уборкой, строительством, ремонтом, сбором урожая. Кавинант заметил также нескольких Стражей Крови, рассредоточившихся в толпе. Многие из людей кивали и уважительно приветствовали Лорда Морэма, который, в свою очередь, отдавал во все стороны приветственные салюты, часто называя здоровавшихся с ним людей по именам. Однако шедший позади него Баннор нес факел все с той же невозмутимостью, словно он был одним во всей Колыбели.

Когда толпа стала чересчур густой, Морэм двинулся к стене и остановился у какой-то двери. Открыв ее, он повернулся к Баннору и сказал:

— Я должен присоединиться к Высокому Лорду. Проведите Томаса Кавинанта в святилище среди людей.

Повернувшись к Кавинанту, он добавил:

— Баннор доставит вас завтра в Клоуз в надлежащее время.

Махнув на прощание, он оставил Кавинанта со Стражем Крови.

Теперь уже Баннор вел Кавинанта по Ревлстону. Через некоторое время зал кончился, расколовшись под правильным углом на левую и правую арку вокруг широкой стены, и люди со всех направлений вливались в этот опоясывающий коридор. Двери, достаточно большие, чтобы впустить Гигантов, были проделаны в изогнутой стене через равные интервалы, и через них проходили люди — быстро, но без суеты и замешательства.

По обе стороны от каждой двери стояли Гравлингас и Хайербренд, и когда Кавинант приблизился к одной из

дверей, то услышал, как стоявшие возле нее стражи говорят:

— Если в сердце твоем зло, оставь его здесь. Внутри для него нет места.

Время от времени кто-либо из людей протягивал руку и прикасался к стражу, словно передавал ему свою ношу.

Подойдя к двери, Баннор отдал факел Хайербренду. Тот потушил его, накрыв пламя рукой и тихо мурлыча какую-то песенку. Затем он вернул потухшую лучину Баннору, и Страж Крови вошел в святилище. Кавинант последовал за ним.

Они очутились на балконе, опоясывающем изнутри огромную пещеру. Огней в ней не было, но свет струился изо всех открытых дверей, и над балконом, на котором стоял Кавинант, находилось еще шесть балконов, все двери на которых тоже были открыты. Было хорошо видно. Балконы располагались вертикальными ярусами, а под ними, более чем в сотне футов внизу, находилось плоское дно пещеры. Одну сторону занимал помост, но остальная часть площадки была заполнена людьми. На балконах тоже было много людей, но все же там было относительно спокойнее; всем было хорошо видно.

Внезапное головокружение хлестнуло Кавинанта по голове черными крыльями. Он вцепился в перила, расположенные на уровне груди, и прижался к ним, стараясь унять заколотившееся сердце. Ревлстон казался наполненным безднами; куда бы он ни пошел, везде приходилось сталкиваться с утесами, пропастями, расщелинами. Но перила были сделаны из надежного гранита. Сжимая их, он усилием воли подавил свой страх и посмотрел вверх, чтобы оторвать взгляд от притягивающего дна.

Он был несколько удивлен, обнаружив, что пещера не была открытой и над ней не видно было неба; она оканчивалась сводчатым куполом в нескольких сотнях футов над верхним балконом. Детали потолка различались смутно, но Кавинанту казалось, что он различил фигуры, вырезанные в камне, — гигантские формы, исполняющие какой-то замысловатый танец.

Затем свет начал угасать. Двери одна за другой закрылись; тьма заполнила пещеру подобно возрожденной

ночи. Вскоре святилище погрузилось во мрак, и в пустоте, как неугомонный дух, распространился мягкий шум движения и дыхания людей. Тьма, казалось, изолировала Кавинанта. Он чувствовал себя так, словно потерял якорь, будучи заброшенным в глубокое пространство, и массивные камни Колыбели нависли над ним, словно весь их громадный, чудовищный вес лег ему на плечи. Кавинант непроизвольно попятился к Баннору, прислонившись к его непоколебимому плечу.

Затем зажегся огонь — два огонька: факел Лиллианрилл и горшок с гравием. Огоньки эти были совсем крошечные в огромной пещере, однако они освещали Биринайра и Торна, стоявших по обе стороны помоста со своими, соответствующими каждому, светильниками. Позади каждого Хатфрола стояли два человека, одетые в голубое: Лорд Морэм с пожилой женщиной, державшей его под руку, — сзади Биринайра; другая женщина и старик, тоже одетые в голубое, — позади Торна. Стать старика противоречила его седым волосам и бороде. Кавинант интуитивно догадался, что это Высокий Лорд Тротхолл.

Старик поднял посох и трижды ударил его металлическим концом по каменному помосту. Голова Лорда была высоко поднята, однако голос напомнил о старости. Несмотря на осанку и бодрость духа, в интонации его голоса была ревматическая боль возраста, когда он сказал:

— Настало время Вечерен Колыбели Лордов — древнего Ревлстона, созданного Гигантами воплощения всего, во что мы верим. Добро пожаловать, сильные сердца и слабые, свет и тьма, кровь и кость, разум и душа, во имя добра. Пусть мир будет снаружи и внутри вас. Это время посвящается служению Земле.

Его компаньоны отозвались:

— Пусть будет исцеление и надежда, сердце и дом для Страны и для всех людей, служащих Земле, ибо вы, стоящие перед нами, вы — прямые ученики Земной Силы и Учения, Лиллианрилл и Радхамаэрль, ученые, Ловардены и воины. А вы, стоящие перед нами, — вы, люди, кто ежедневно заботится об очаге и урожае жизни; и для вас, находящиеся среди нас Гиганты, Стражи Крови, чу-

жеземцы, и для отсутствующих Ранихинов, Раменов, Вудхельвеннинов и жителей Подкаменья, всех братьев и сестер общей веры. Мы — Лорды Страны. Добро пожаловать в правде и справедливости.

Затем во тьме святилища зазвучала песня Лордов. Огоньки Хатфролов были крошечными в огромном, высоком, заполненном людьми святилище — крошечными и, несмотря на это, отчетливыми и яркими, как неподдельное мужество. И в этом свете Лорды пели свой гимн:

Семь Заповедей Древнего Учения
Для защиты Страны, Стена и Дверь;
И один Высокий Лорд, чтобы
Блюсти закон и хранить в
неприкосновенности
Суть земной силы.

Семь заповедей вопреки злу —
Яд для смертоносных
Созданий дьявола;
И один чистокровный Лорд,
Чтобы хранить Посох,
Ограждающий Страну от
предательского взгляда Фаула.

Семь чистилищ для угасшей веры,
Для предателей Страны, людей
и духов,
И один храбрый Лорд, чтобы
Противостоять судьбе и беречь
цветок Красоты
От черной болезни...

Когда эхо их голосов затихло, Высокий Лорд Тротхолл заговорил снова:

— Мы — новые хранители Страны, сторонники и верные слуги Земной Силы, поклявшиеся посвятить себя восстановлению Учения Кевина и излечению Земли от всего, что бесплодно или неестественно, разрушительно, бессознательно или извращено. И, поклявшись также посвятить себя в равном соотношении со всеми другими посвящениями и обещаниями, поклялись, несмотря ни на какие поползновения назойливого себялюбия, посвятить себя Клятве Мира. Ибо спокойствие — это единственный залог того, что мы не осквернim Страну вновь.

Люди, стоявшие перед помостом, хором ответили:

— Мы не осквернim Страну, хотя усилие владения собой иссушает нас на лозе нашей жизни. Но мы не будем знать отдыха до тех пор, пока тень нашей прежней глупости не улетучится из сердца Страны, а тьма не зачахнет в цветении и жизни.

И Тротхолл продолжал:

— Но в служении Стране нет иссушения. Иссушение делает возможным служение точно так же, как рабство увеличивает унижение. Мы можем идти от знаний к знаниям, а затем — еще к более высоким знаниям, если нас поддерживают мужество и сила и если мудрость не покидает нас, гонимая тенью. Мы — новые хранители Страны, сторонники и верные слуги земной силы.

Ибо мы не станем отдыхать,
Не свернем с пути,
Не потеряем веру
И не потерпим поражения;
Пока серое не станет голубым,
А Рилл и Маэрль не станут такими же
Новыми и чистыми, как древний
Лауралин.

На это все собрание ответило пением тех самых слов, строчка за строчкой повторяя их за Высоким Лордом, и звук этого единого голоса отражался в святилище, словно его ритмичная интонация высвободила какую-то скрытую подземную страсть.

Пока длился этот могучий звук, Тротхолл склонил голову в знак смирения.

Но когда пение прекратилось, он опять вскинул голову и широко раскинул руки, словно открывая грудь навстречу обвинению.

— Ах, друзья мои, — воскликнул он, — посвятившие себя служению Стране! Почему нам стало так трудно постигать Учение Кевина? Кто из нас сумел хотя бы приблизиться к уровню знаний наших предков? Мы держим в руках Первую Заповедь, мы читаем манускрипт, слова которого большей частью нам понятны. И все же мы не можем проникнуть в тайны. Какой-то недостаток в самих нас, какая-то перемена к худшему, какое-то ошибочное действие, какой-то основной сплав в наших намерениях мешает нам. Я не сомневаюсь, что цель наша

чиста — это цель Высокого Лорда Кевина, и до него это было целью Лорика Дэймлона и Хатфью, но мудрее, ибо мы никогда не поднимем руку на Страну в сумасшествии отчаяния. Но тогда что? Где мы не правы, если не можем понять того, что нам дано?

На мгновение после того, как голос его умолк, в святилище воцарилось молчание, и пустота пульсировала, словно рыдала, словно в словах Лорда люди узнали самих себя, почувствовали беду, о которой он говорил, как свою собственную. Но затем послышался новый голос. Соленое Сердце Преследующий Море бодро сказал:

— Мой Лорд, мы еще не дошли до конца. Действительно, задачей нашей жизни было понять и укрепить достижения предков. Но наши труды открывают двери в будущее. Наши дети и дети наших детей победят, потому что мы не потеряли своего сердца, потому что вера и мужество — это величайший дар, который мы можем вручить нашим потомкам. И Страна хранит тайны, о которых мы ничего не знаем, — тайны надежды, равно как и угрозы. Пусть ваши сердца не знают скорби, горбратья. Ваша вера драгоценна несмотря ни на что.

— Но у вас нет времени! — простонал Кавинант. — Вера! Потомки! Фаул собирается уничтожить вас!

Его мнение о Лордах теперь изменилось. Они не были какими-то высшими существами, вершителями судеб: они были такими же смертными, как и он сам, и им знакома была слабость. Фаул отнимет у них все.

Но мгновение он отпустил перила, за которые держался, словно собирался выкрикнуть послание судьбы собравшимся людям. Но головокружение тотчас же разрушило это намерение, набросившись на него из пустоты. Пошатнувшись, он вновь ухватился за перила, потом качнулся назад и ухватился за плечо Баннора.

"...Что максимальный предел отпущенных им в Стране дней..."

Ему придется объявить им смертный приговор.

— Уведите меня отсюда, — хрипло проговорил он. — Я не могу вынести этого.

Баннор поддержал Кавинанта, потом повел его к выходу. Дверь тотчас же отворилась в ярко освещенный внешний коридор. Кавинант наполовину выпал из две-

рей. Не говоря ни слова, Баннор зажег факел от одного из горящих на стене светильников. Затем он взял Кавинанта под руку, чтобы поддержать его.

Кавинант отбросил его руку.

— Не прикасайся ко мне, — еле слышно проговорил он. — Разве ты не знаешь, что я болен?

На бесстрастном лице Баннора не возникло ни тени какого-либо выражения. Спокойно повернувшись, он повел Кавинанта прочь от святилища.

Кавинант пошел за ним, согнувшись и держась руками за живот, словно его все еще мутило.

"...Что максимальный предел..." Как он мог помочь им? Он не мог помочь даже самому себе. В состоянии замешательства и с тяжестью на сердце он кое-как доплелся до своей комнаты в башне, закрыв за собой дверь, словно исполнив приговор. Потом сжал ладонями виски, как будто его разум раскалывался надвое.

"Ничего этого на самом деле нет, — молча стонал он. — Каким образом они это делают со мной?"

Повернувшись, он уставился на ковер, словно тот мог дать ему ответ. Но это лишь ухудшило его состояние.

— Проклятье! Берек! — стонал он. — Ты думаешь, это легко? Ты думаешь, обычного человеческого отчаяния достаточно? Если ты чувствуешь себя достаточно паршиво, то нечто космическое, по крайней мере, таинственное обязательно появится и спасет тебя? Будь ты проклят! Он собирается уничтожить их! А ты — просто еще один грязный отверженный прокаженный, и сам даже не знаешь об этом!

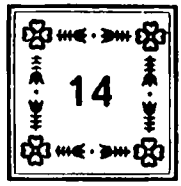
Его пальцы согнулись, как дикие когти, и он прыгнул вперед, царапая ковер, словно пытаясь соскрести черную ложь с камня мира. Тяжелая пряжа не поддавалась его наполовину искалеченным рукам, но ковер упал со стены. Распахнув дверь на балкон, он с усилием перекинул ковер через перила и швырнул его в багряную ночь. Тот стал падать, медленно кружась, как опавший лист осенью.

Я не Берек!

Тяжело дыша, он вернулся в комнату, рывком опу-

стил за собой деревянную штору, чтобы не видеть кровавого света. Скинув халат, он надел свою одежду, затем погасил свет и забрался в постель.

Но прикосновение к коже мягких чистых простыней не утешило его.

СОВЕТ ЛОРДОВ

Проснулся он с тяжелой головой, словно на него давила какая-то темная грозовая туча, состоящая из клокочущей тьмы и блеска белых молний. Кавинант механически начал готовиться к Совету — умылся, осмотрел себя, оделся и снова побрился. Когда Баннор принес ему поднос с едой, Кавинант приступил к ужину с таким воодушевлением, как если бы пища была приготовлена из грязи и камней. Затем он заткнул за пояс нож Этьеран, в левой руке зажал посох Барадакаса и сел лицом к двери в ожидании вызова.

Наконец вернулся Баннор и сказал, что время подошло. Еще несколько мгновений Кавинант сидел неподвижно, не сводя со Стража Крови невидящего взгляда и раздумывая, где взять мужество, чтобы идти по дороге этого сна. Он чувствовал, что лицо перекосилось, но не был уверен в этом.

Наконец он прикоснулся к твердому металлу кольца, спрятанному на груди, чтобы подбодрить себя, и встал, преодолевая сопротивление собственного тела. Пристально глядя в дверной проем, словно это был вход на эшафот, Кавинант приблизился к порогу и пошел вдоль стены. Следуя за повелительной спиной Баннора, он вышел из башни, пересек внутренний двор, затем вошел во внутреннюю крепость и начал петлять по запутанным и причудливо разукрашенным коридорам Ревлстона.

Наконец они оказались в ярко освещенном зале глубоко в горе и подошли к двум деревянным дверям с верхней частью в форме арки. Они были закрыты и охранялись Стражей Крови; вдоль обеих стен стояли каменные стулья, один — нормальных размеров, другие достаточно большие, чтобы на них могли сидеть Гиганты.

Баннор кивнул часовым. Один из них открыл дверь, а другой знаком приказал Баннору и Кавинанту войти. Баннор провел Кавинанта в палату Совета Лордов.

Святилище было огромной круглой комнатой с высоким потолком в виде крестового свода; ряды сидений, расположенные по всей окружности, занимали три четверти пространства. Дверь, через которую вошел Кавинант, находилась почти на том же уровне, что и верхние ряды сидений, точно так же, как и две другие двери — обе очень небольшие — в противоположной стене палаты. Там, где кончались самые нижние ряды, располагались три яруса: на первом, в нескольких футах ниже галереи, стоял резной каменный стол в форме трех четвертей окружности, повернутый выемкой к большим дверям, а с другой стороны вокруг него стояло много стульев. На полу, в центре, в том месте, где в столе была выемка, находился широкий круглый горшок с гравием. Желтый свет огненных камней поддерживали четыре огромных факела Лиллианрилл, укрепленных в верхней части стен и горевших, не дымя и не уменьшаясь в размерах.

Пока Баннор вел его вниз по ступенькам к открытой части стола, Кавинант рассмотрел находящихся в зале людей. Неподалеку от стола в массивном каменном ложе сидел, непринужденно развалясь, Соленое Сердце Преследующий Море. Глядя, как Кавинант спускается вниз, он приветливо улыбнулся своему недавнему пассажиру. Кроме него все остальные, сидевшие за столом, были Лорды. Прямо напротив Кавинанта, во главе стола, сидел Высокий Лорд Тротхолл. Возле него на камне лежал посох. По обе стороны от него в отдалении нескольких футов сидели старые мужчины и женщины; на таком же расстоянии слева от женщин сидел Лорд Морэм; а напротив Морэма, следующая за стариком, сидела женщина средних лет. Позади каждого из Лордов стоял Страж Крови.

Кроме них в святилище было еще четыре человека. Позади Высокого Лорда, почти на самой вершине галереи, сидели Хатфролы, Биринайр и Торн, и между ними не было никакого расстояния, словно они дополняли друг друга. Прямо позади них располагалось еще двое —

воин с двойной черной диагональю на кирасе и Тьювор, Первый Знак Стражи Крови. Столь небольшое количество людей заставило палату выглядеть еще более огромной, пустой и загадочной.

Баннор подвел Кавинанта к одиноко стоящему стулу ниже уровня стола Лордов. Теперь Кавинанта и Высокого Лорда разделяло только углубление с гравием. Кавинант, внутренне сжавшись, сел и огляделся. Он чувствовал, что находится в неприятном удалении от Лордов; он боялся, что ему придется кричать, чтобы передать свое послание. Поэтому он удивился, когда Тротхолл встал и тихо сказал:

— Томас Кавинант, добро пожаловать на Совет Лордов.

Его напевный голос дошел до слуха Кавинанта столь же ясно, как если бы они сидели рядом.

Кавинант, не зная, как ответить, неуверенно прикоснулся правой рукой к груди, затем вытянул ее открытой ладонью вперед. Как только он освоился в палате, то начал улавливать присутствие и эмонацию личностей Лордов. Они произвели на него впечатление свято хранимой нерушимой клятвы, широко простирающейся, но, тем не менее, единодушной преданности. Тротхолл стоял один, глядя прямо в глаза Кавинанту. Внешний облик Высокого Лорда — облик седой старости — нарушала густая борода и величественная осанка; было совершенно ясно, что он все еще силен. Но в глазах его была усталость, вызванная аскетизмом, самоотречением, зашедшим так далеко, что оно, казалось, лишало его плоти, словно старость его длилась так долго, что теперь только сила, которой он себя посвятил, предохраняла его от дряхлости.

Два Лорда, сидевшие по бокам от него, сохранились не столь хорошо. У них была дряблая, испещренная отметинами лет кожа и тонкие, словно пух одуванчика, волосы; они склонились над столом, как будто пытались побороть стремление своей древней плоти предаться сну или дремоте. Лорда Морэма Кавинант уже знал, хотя Морэм теперь казался более проницательным и опасным, словно соседство других Лордов усиливало эту его способность. Но пятого Лорда Кавинант не знал; она сидела

за столом прямо и как-то значительно, и ее грубоватое открытое лицо сосредоточивалось на нем, словно вызов.

— Разрешите вам представить прежде, чем мы начнем, — проговорил Высокий Лорд. — Я — Тротхолл, сын Дуиллиана, Высокий Лорд по назначению Совета. Справа от меня — Вариоль, муж Тамаранты и сын Пентили, бывший Высокий Лорд...

Как только он произнес это, два пожилых Лорда подняли морщинистые лица и, посмотрев друг на друга, как-то таинственно улыбнулись. Тротхолл продолжал:

— ...и Осандрея, дочь Сандреи. Слева от меня — Тамаранта, жена Вариоля. Ты знаешь Гиганта Сирича, Соленое Сердце, и встречался с Хатфролами Колыбели Лордов. Позади меня находятся также Тьювор, Первый Знак Стражи Крови, и Гаф, Вомарк Боевой Стражи Колыбели Лордов. Все они имеют право присутствовать на Совете Лордов. У тебя нет возражений?

Возражений? Кавинант молча покачал головой.

— Тогда начнем. У нас есть традиция — почтить тех, кто предстал перед нами. Как можем мы почтить тебя?

Кавинант снова покачал головой.

— Я не хочу никаких почестей. Однажды я уже совершил такую ошибку.

После вопросительной паузы Высокий Лорд сказал:

— Хорошо.

Повернувшись к Гиганту, он возвысил голос:

— Привет и добро пожаловать, Гигант Сирича, Соленое Сердце Преследующий Море, горбрат и наследник верности Стране. Бездомные — это благо Страны.

Камень и Море глубоко в жизни.

Добро пожаловать во здравии или в недуге, в благоденствии или несчастье, проси или отдавай. В любой просьбе мы тебе не откажем, если у нас хватит жизни или сил ее выполнить. Я — Высокий Лорд Тротхолл, я говорю в присутствии самого Ревлстона.

Преследующий Море встал, чтобы ответить на приветствие.

— Здравствуй во веки веков. Лорд и друг Земли. Я, Соленое Сердце Преследующий Море, посланник от Гигантов Сирича Совету Лордов. Правда моего народа у меня на устах, и я слышу одобрение древнего священного родового камня...

Суровый камень —
Истинная дружба,
Знак верности и преданности,
Высеченный вручную
В вечном камне времени.

Теперь настало время доказательства и силы данного когда-то слова. Сквозь Гигантские Леса, и Саранграйв Флот, и Анделейн я пронес звучание древних клятв.

Затем манеры его утратили некоторую долю официальности, и он добавил, с улыбкой взглянув на Кавинанта:

— А также доставил сюда кое-что еще. Мой друг Томас Кавинант обещал мне, что об этом путешествии будет сложена песня. — Он мягко рассмеялся. — Я — Гигант Сирича. Коротких песен мне не надо.

Его юмор заставил Лорда Морэма усмехнуться и вызвал легкую улыбку на лице Тротхолла, но суровому лицу Осандреи смех, казалось, был не знаком, да и Вариоль с Тамарантой, казалось, не слышали Гиганта. Преследующий Море вновь занял свое место, и почти тотчас же Осандрея произнесла, словно только этого и ожидала:

— В чем заключается твое послание?

Преследующий Море выпрямился в кресле, положив руки на стол.

— Мои Лорды, Камень и Море! Я Гигант. Нелегко говорить так, как привыкли говорить вы, хотя для меня это легче, чем для кого-нибудь другого из моего народа, и по этой причине я был выбран. Но я постараюсь говорить покороче.

Пожалуйста, поймите меня. Мое послание вручили мне на форуме Гигантов, длившимся десять дней. Потери времени в этом не было. Когда требуется полное понимание, всю историю следует рассматривать в полном объеме. У нас говорят: "Спешка — для потерявших надежду", и не прошло и дня, как я убедился, насколько верна пословица. Все это я говорю для того, чтобы предупредить, что мое послание содержит много такого, чего вы, возможно, не пожелали бы слушать в настоящее время. Вы должны знать историю моего народа, все, что было до и после потери, которая привела нас сюда, все совместные шаги с того времени, если вы хотите услы-

шать меня. Но я воздержусь от этого. Мы — Бездомные, влекомые необузданной силой своей энергии и энтузиазма, чья численность постоянно сокращается из-за утраченной способности к своевременному воспроизводству. Мы истосковались по своей родной земле. Однако со времен Дэймлона, Друга Гигантов, мы не утратили надежды, хотя Губитель Душ строит против нас козни. Мы исследовали моря и ждали, когда осуществятся предзнаменования.

Гигант сделал паузу и задумчиво посмотрел на Кавинанта, затем продолжал:

— Ах, мои Лорды, предсказания странны. Так много всего говорится, и так мало проявляется. Это не было Домом, предсказанным для нас Дэймлоном, а скорее это был конец, подтверждение невозвратимости нашей утраты. И все же этого для нас оказалось достаточно. Это нас удовлетворило.

Итак, мы нашли для себя одну надежду. Когда в Сирич пришла весна, вернулись наши поисковые корабли и сообщили, что в самом конце своего путешествия они наткнулись на остров, граничащий с древними океанами, по которым мы скитались когда-то. Все это пока еще не ясно, но наши следующие разведчики смогут отправиться прямо к этому острову и поискать за его пределами более точных знаков. Таким образом, через лабиринт морей мы воспитываем в себе хладнокровие.

Тротхолл кивнул, и безупречная акустика Святилища донесла до слуха Кавинанта едва уловимый шелест — эхо движения мантии Верховного Лорда.

Гигант продолжал, всем видом показывая, что приближается к сути своего послания:

— Однако от Дэймлона Друга Гигантов, Высокого Лорда, сына Хатфью получили мы и другую надежду. Главным его предсказанием было следующее: наше изгнание закончится, когда наше семя вновь обретет былую силу и рождаемость превысит смертность. Таким образом надежда рождается из надежды, ибо даже без всякого предсказания мы почерпнули бы силу и храбрость в успешном продолжении рода. И представьте себе! В ночь когда вернулись наши корабли, Хейлол Кудрявая Шевелюра, жена Спарлимба Корабела, разрешилась от

бремени... ах, Камень и Море, мои Лорды! Мой язык отказывается произнести это, ибо он не в силах передать ликование Гигантов. Как могут ощущать радость люди, которые говорят обо всем так коротко? Достойная женщина, чистокровный отпрыск рода Гигантов дала жизнь троим сыновьям!

Не в силах больше сдерживаться, Преследующий Море разразился песней, полной мощного рева бурунов и привкуса соли.

К своему удивлению Кавинант увидел, что Лорд Осандрея улыбается, а в ее увлажнившихся глазах отражается золотой свет гравия — красноречивое свидетельство радости, доставленной ей сообщением Гиганта.

Но Преследующий Море внезапно оборвал песню. Указав в сторону Кавинанта, он сказал:

— Прошу меня простить, у тебя тоже есть дело. Я должен наконец подойти к главному в своем послании. Ах, друг мой, — сказал он Кавинанту, — неужели ты так и не посмеешься для меня? Я должен вспомнить, что Дэймлон предвещал нам конец, а не возвращение домой; хотя я не могу представить себе другого конца, кроме Дома. Быть может, я, сам того не зная, являюсь свидетелем заката Гигантов.

— Тише, горбрат, — прервала его Лорд Тамаранта. — Не делай зла своему народу, произнося такие слова.

Преследующий Море ответил тем, что от души рассмеялся.

— Ах, благодарю, Лорд Тамаранта. Вот так молодые женщины и учат мудрых старых Гигантов. Весь мой род будет хохотать, когда я расскажу им об этом.

Тамаранта и Вариоль обменялись улыбками и вернулись к состоянию размышления или дремоты.

Вволю насмеявшись, Гигант сказал:

— Ну что ж, мои Лорды. Тогда к сути дела. Камень и Море! От такой спешки у меня голова идет кругом. Я пришел, чтобы просить выполнения древних обещаний. Высокий Лорд Лорик Глушитель Мерзости обещал, что Лорды сделают нам подарок, когда будет готова наша надежда, подарок, который умножит наши шансы в поисках дороги домой.

— Биринайр, — произнесла Лорд Осандрея.

Высоко на галерее старый Биринайр поднялся позади Тротхолла и сказал:

— Разумеется. Я не сплю. И не так уж стар, как кажется, знаете ли. Я вас слышу.

Широко улыбнувшись, Гигант крикнул:

— Эй, Биринайр! Хатфрол Колыбели Лордов и Хайебренд Лиллианрилл. Мы — старые друзья, Гиганты и Лиллианрилл.

— Да, но вот кричать незачем, — ответил Биринайр. — Я тебя слышу. Старые друзья со времени Высокого Лорда Дэймлона. И никак иначе.

— Биринайр, — резко прервала его Осандрея, — помнит ли твое учение дар, обещанный Лориком Гигантам?

— Дар? А почему бы и нет? С моей памятью все в порядке. Где этот щенок, мой ученик? Разумеется. Лорлиарилл. Они назвали его Золотой Жилой. Вот. Кили и рули для кораблей. Верный курс, никогда не заштиливают. И прочные как камень — обращаясь, к Торну, он добавил: — Не то, что ты, ухмыляющийся Радхамаэрль. Я все запомню.

— Ты можешь это сделать? — тихо спросила Осандрея.

— Сделать? — эхом отозвался Биринайр, видимо озадаченный.

— Можешь ли ты изготовить золотожильные рули и кили для Гигантов? Или это учение уже утрачено? — Повернувшись к Преследующему Море, она спросила: — Сколько вам потребуется кораблей?

Бросив быстрый взгляд на величественного Биринайра, Гигант сдержал готовый прорваться смех и просто сказал:

— Семь. Может быть, пять.

— Можно это сделать? — снова обратилась Осандрея к Биринайру, произнося слова отчетливо, но без раздражения.

Взгляд Кавинанта переходил с одного говорившего на другого, словно они беседовали на иностранном языке.

Хатфрол достал из-под своей мантии дощечку и острую иглу и погрузился в расчеты, бормоча что-то себе под нос. Скрип его иглы раздавался в Святилище до тех

пор, пока он не поднял голову и не произнес срывающимся голосом:

— Учение остается. Но это не так просто. Мы сделаем все, что в наших силах. Разумеется. И время, на это потребуется время. Бодах глас, на это потребуется время.

— Сколько времени?

— Мы сделаем все возможное. Если нас оставят в покое. Не моя вина. Я не терял своего гордого учения Лиллианрилл. Сорок лет.

Затем внезапно, перейдя на шепот, он добавил, обращаясь к Гиганту:

— Прошу прощения.

— Сорок лет? — Гигант мягко рассмеялся. — Ах, здорово сказано, Биринайр, друг мой. Сорок лет? Мне это не кажется чересчур долгим.

Повернувшись к высокому Лорду Тротхоллу, он сказал:

— Мой народ не может поблагодарить тебя. Даже в языке Гигантов для этого нет достаточно длинных слов. Тех тысячелетий нашей дружбы было недостаточно, чтобы отплатить за семь золотожильных килей и рулей.

— Нет, — запротестовал Тротхолл, — семьдесят раз по семь золотожильных даров — ничто по сравнению с великой дружбой Гигантов Сирича. Лишь мысль о том, чтобы мы помогли вашему возвращению домой, сможет заполнить ту пустоту, которая останется после вашего ухода. А наша помощь отодвигается на сорок лет. Но мы начнем немедленно, и, может быть, случится так, что какое-то новое понимание учения Кевина сократит этот срок.

— Немедленно, — эхом повторил его слова Биринайр.

— Сорок лет? — подумал Кавинант. — У вас нет сорока лет.

Затем Осандрея, посмотрев сначала на Гиганта, а потом на Высокого Лорда Тротхолла, спросила:

— Значит, решено?

Когда они оба утвердительно кивнули в ответ, она повернулась к Кавинанту и сказала:

— Тогда давайте перейдем к делу этого Томаса Кавинанта.

Ее голос, казалось, повысил напряжение окружающей атмосферы, подобно отдаленному удару грома.

Улыбаясь, чтобы смягчить прямолинейность Осандреи, Морэм сказал:

— Чужеземца называют Неверующий.

— И неспроста, — подтвердил Гигант.

Его слова прозвучали, как угроза для Кавинанта, находящегося в состоянии смутного беспокойства, и он пристально посмотрел на Преследующего Море. В глубоких глазах Гиганта под нависшим лбом он прочел подразумеваемый смысл этой фразы. Так ясно, словно он открыто отвечал на обвинение.

Гигант сказал ему взглядом:

"Признай белое золото и используй его для блага Страны".

"Невозможно", — также глазами ответил ему Кавинант. Он ощутил, как изнутри к голове приливает жар от бессилия и гнева, но лицо его оставалось неподвижным, как мраморная плита.

Лорд Осандрея внезапно спросила требовательным голосом:

— Внизу был найден ковер из вашей комнаты. Зачем вы сбросили ковер?

Не глядя на нее, Кавинант ответил:

— Он оскорбил меня.

— Оскорбил? — Ее голос дрогнул от недоверия и негодования.

— Осандрея, — увещевательным тоном тихо обратился к ней Тротхолл. — Он здесь чужак.

Она не отвела от Кавинанта обвиняющего взгляда, но промолчала. На мгновение воцарилась полная тишина, все замерли; у Кавинанта возникло смутное ощущение, будто Лорды спорят друг с другом относительно того, как с ним обращаться. Затем поднялся Морэм, обошел вокруг края каменного стола и двинулся назад внутрь кольца, пока наконец не очутился вновь напротив Осандреи. Там он сел на край стола, положив на колени посох, и устремил взгляд на Кавинанта. Под этим испытывающим взглядом Кавинант почувствовал себя более незащищенным, чем когда-либо. В то же время он чувствовал, что Баннор шагнул ближе к нему, словно собираясь отразить нападение на Морэма:

Лорд Морэм, криво улыбаясь, сказал:

— Томас Кавинант, ты должен простить нас за нашу осторожность. Осквернённая луна предрекает Стране зло, которого мы едва ли ожидали. Безо всякого предупреждения самое суровое знамение нашего времени появляется в небе, и мы в высшей степени напуганы. Тем не менее мы не имеем права тебя осуждать, не выслушав. Ты должен доказать, что ты болен, если это в самом деле так.

Он посмотрел на Кавинанта, словно в ожидании какого-то ответа, какого-то подтверждения, но Кавинант лишь смотрел на него пустым взором. Слегка пожав плечами, Лорд продолжал:

— Итак. Быть может лучше, если ты сразу начнешь со своего послания.

Кавинант вздрогнул и втянул голову в плечи, как человек, терзаемый стервятниками. Ему не хотелось передавать это послание, не хотелось вспоминать о Смотровой Кевина, о Подкаменьи Мифиль или о чем-либо другом. Внутри у него все заныло от видений бездны. Все было невозможно. Как мог он сохранить свое оскорбленное здравомыслие, если он думал о таких вещах?

Но послание Фаула обладало силой принуждения. И Кавинант слишком долго томил его в своем сознании, будто рану, чтобы теперь от него отречься. Прежде, чем он смог призвать себе на помощь какую-либо защиту, оно вылилось из него, словно вытолкнутое какой-то конвульсией. Бесконечное презрение зазвучало в его голосе, когда он произнес:

— Вот слова Лорда Фаул, Презренного: "Скажи Совету Лордов и Высокому Лорду Тротхоллу, сыну Дуиллиана, что крайний лимит отпущенных им в Стране дней — семь раз по семь лет, начиная от настоящего времени. Прежде, чем этот срок подойдет к концу, я возьму власть над жизнью и смертью в свои руки. И в знак того, что все сказанное мной — правда, скажи им следующее: Друл Каменный Червь, Пещерный Житель Горы Грома, нашел Посох Закона, который был потерян десять раз по сто лет назад Кевином на Ритуале Осквернения. Скажи им, что их поколению определено вернуть себе Посох. Без него они не смогут выстоять против меня и семи лет, и моя полная победа будет достигнута в шесть раз по семь лет раньше, чем в противоположном случае.

Что же касается тебя, пресмыкающийся: не вздумай ослушаться моего приказа. Если ты не сообщишь об этом в Совет, то все люди в Стране будут мертвы прежде, чем минует десять времен года. Ты не понимаешь, но повторяю, что Друл Каменный Червь нашел Посох Закона и это — причина для страха. Если это послание не будет доставлено, через два года он сядет на трон в Колыбели Лордов. Пещерные Существа уже собираются на его зов, а Пожиратели и юр-вайлы Демонмглы подчиняются его власти. Но война — это еще не самое худшее из зол. Друл все глубже подкапывается под темные корни Горы Грома, Грейвин Френдор, Пик Огненных Львов. А в глубинах земли таится зло, слишком могущественное и ужасное, чтобы кто-то из смертных мог держать его под контролем. Оно могло бы превратить Вселенную в вечный ад. Вот такое зло и разыскивает Друл. Он ищет Камень Иллеарта. Если он станет его хозяином, закону придет конец, и так будет до тех пор, пока не исчезнет само время.

Поэтому вспомни мое поручение, низкопоклонник. Или, может быть, ты не прочь передохнуть в его лапах?"

Сердце Кавинанта тяжело ухало от огромной силы отвращения к произносимым им же словам и к этому презрительному тону. Но это было еще не все.

— "Еще несколько слов, последнее предостережение. Не забудь, кого все-таки следует бояться. Мне приходилось довольствоваться убийствами и мучениями, но теперь план мой составлен, и я начал действовать. Я не позволю себе отдыхать до тех пор, пока не искореню в Стране надежду. Подумай над этим и ужаснись".

Закончив, Кавинант ощутил, как страх и отвращение вспыхнули в Святилище, словно зажженные его вынужденным монологом.

"Проклятье! Проклятье!" — молча стонал он, пытаясь избавиться от застилавшей глаза черной пелены, из которой вылилось презрение Фаула. Нечистый!

Тротхолл сидел со склоненной головой, сжав посох так, словно пытался извлечь из него мужество. Позади него Тьювор и Вомарк Гаф стояли в позах воинственной готовности. И только Вариоль с Тамарантой тихо покачивались, сидя на своих местах, словно все еще дремали

и пребывали в абсолютном неведении относительно всего происходящего. Осандрея же смотрела на Кавинанта широко раскрытыми глазами, словно он поразил ее в самое сердце. Стоявший напротив нее Морэм держался прямо, с высоко поднятой головой и закрытыми глазами, твердо опираясь посохом о каменный пол; и в том месте, где металлический наконечник соприкасался с камнем, горело горячее голубое пламя. Гигант сгорбился в своем кресле; его огромные руки с силой сжимали подлокотники. Плечи его дрогнули, и камень внезапно треснул.

При этом звуке Осандрея закрыла лицо руками, издав приглушенный возглас:

— Меленкурион абафа!

В следующее мгновение она опустила руки и вновь обратила свой тяжелый изумленный взгляд на Кавинанта. И тогда он воскликнул: "Нечистый!" и тем самым словно согласился с ней.

— Смейся, Кавинант, — хрипло прошептал Гигант. — Ты поведал нам о том, что наступает конец всему. Теперь помоги нам. Смейся.

Кавинант бесцветным голосом ответил:

— Смейтесь вы. "Радость — в ушах тех, кто слушает". Я этого сделать не могу.

К его удивлению Преследующий Море и в самом деле рассмеялся. Подняв голову, он издал какой-то придушенный, ненатуральный звук, больше похожий на рыдание; но через мгновение звук этот смягчился, стал чистым и постепенно приобрел выражение неудержимого веселия. Ужасное напряжение испугало Кавинанта.

Пока Гигант смеялся, Член Совета понемногу справился от первого шока ужаса, Тротхолл медленно поднял голову.

— Бездомные — это благо для Страны, — пробормотал он.

Морэм опустился на сидение, и огонь между его посохом и полом угас. Осандрея тряхнула головой, вздохнула и провела рукой по волосам. Кавинант вновь ощутил что-то наподобие мысленного общения между Лордами; не говоря ни слова, они, казалось, взялись за руки, делясь друг с другом своей силой.

Сидя в одиночестве и чувствуя себя ничтожным, Кавинант ждал, когда они начнут задавать ему вопросы. И в этом ожидании он изо всех всех сил старался вновь вспомнить все, от чего зависело его выживание.

Наконец внимание Лордов вновь обратилось к нему. Лицо Тротхолла выражало крайнюю усталость, однако его взгляд оставался твердым и решительным.

— Ну что ж, Неверующий, — мягко сказал он. — Ты должен рассказать нам обо всем, что с тобой произошло. Мы должны знать, каким образом угрозы Лорда Фаул получили такое воплощение.

Кавинант скорчился на своем сиденьи. Он едва мог устоять перед желанием дотронуться до кольца. Черные тени воспоминаний хлопали крыльями перед его лицом, пытаясь сломить его защиту. Все в Святилище теперь смотрели на него.

Посылая слова вниз, словно выталкивая из себя потрескавшиеся кирпичи, он начал:

— Я оказался здесь... я пришел сюда совсем из другого места. Меня доставили на Смотровую Кевина... я не знаю, каким образом. Сначала я встретился с Друлом, потом Фаул оставил меня на Смотровой. Они, кажется, знают друг друга.

— А Посох Закона? — спросил Тротхолл.

— Я видел какой-то посох у Друла — весь украшенный резьбой, с металлическим наконечникам, как у вас. Что это было, я не знаю.

Теперь у Тротхолла исчезла последняя тень сомнения, и Кавинант мрачно заставил себя описать все события путешествия, не упоминая, однако, о себе, о Лене, Трионе и Барадакасе. Когда он рассказывал об убитом Вейнхим, дыхание с шумом вырвалось из горла Осандреи, но остальные Лорды никак не прореагировали на это.

Затем, когда он упомянул о зловещем незнакомце, возможно, Пожирателе, посетившем Парящий Вудхельвен, Морэм напряженно спросил:

— Незнакомец пользовался каким-либо именем?

— Он называл себя Иоханнумом.

— А... И какова была его цель?

— Откуда я могу знать? — прошипел Кавинант, пытаясь с помощью раздражения скрыть свою неискренность. — Я не знаю никаких Пожирателей.

Морэм уклончиво кивнул, и Кавинант продолжил описание своего совместного с Этьеран путешествия через Анделейн. Он старательно избегал всякого намека на зло, нападавшее на него через подошвы ботинок. Но когда он подошел к описанию Праздника Весны, то запнулся.

— Духи! — молча простонал он, ощутив боль в сердце. Ярость и ужас той ночи все еще не покинули его, все еще терзали его израненное сердце.

"Кавинант, помоги им!" — стоял у него в ушах крик Этьеран.

А как он мог это сделать? Это сумасшествие! Он не... он не Берек.

С усилием, словно произносимые им слова ранили горло, он сказал:

— Во время празднования произошло нападение юрвайлов. Мы бежали. Некоторые из духов были освобождены одним из... одним из Освобожденных, как его назвала Этьеран. Потом луна стала красной. Мы добрались до реки и встретили там Преследующего Море. Этьеран решила вернуться домой. Сколько еще я должен все это терпеть, черт подери?

Неожиданно Лорд Тамаранта подняла опущенную голову.

— Кто пойдет? — спросила она, обращаясь к потолку Святилища.

— Пока еще не решено, пойдет ли кто-нибудь вообще, — мягко ответил ей Тротхолл.

— Нонсенс! — фыркнула она. Потянув за тонкую прядку волос за ухом, она заставила свое слабое тело принять вертикальное положение.

— Если уж где и проявить осторожность, то только не в таком вопросе. Слишком он важен. Мы должны действовать. Разумеется, я верю ему. У него в руках посох Хайербренда, разве нет? Какой Хайербренд отдал бы свой посох, не имея на то серьезной причины? И посмотрите, один конец у него почернел. Он сражался с помощью этого посоха — на Праздновании, если я не ошибаюсь. Ах, бедные духи! Это было ужасно, ужасно!

Взглянув на Вариоля, она добавила:

— Пошли, мы должны приготовиться.

Вариоль с трудом встал. Взяв Тамаранту под руку, он покинул Святилище через одну из дверей позади Высокого Лорда.

После паузы, полной глубокого уважения к старым Лордам, Осандрея вновь устремила взгляд на Кавинанта и требовательно спросила:

— Откуда у тебя этот посох?

— Барадакс Хайебренд дал его мне.

— Почему?

Кавинант медленно ответил:

— Он хотел извиниться за причиненное мне страдание.

— Как тебе удалось заставить его поверить тебе?

— Проклятье! Я подвергся его дьявольскому тесту на правду!

Лорд Морэм осторожно осведомился:

— Неверующий, а почему Хайербренд Парящего Вудхельвена решил проверить тебя?

Кавинант вновь почувствовал себя принужденным лгать.

— Иоханнум заставил его быть настороже. Он проверял каждого.

— Проверял ли он также и Этьеран?

— А вы как думаете?

— Я думаю, — твердо вмешался в разговор Гигант, — что Этьеран, жена Трелла из Подкаменья Мифиль, не нуждалась ни в какой проверке на правду для подтверждения своей лояльности.

Это заявление вызвало молчаливую паузу, во время которой Лорды смотрели друг на друга, словно зашли в тупик. Затем Высокий Лорд Тротхолл твердо произнес:

— Томас Кавинант, ты чужеземец, а у нас нет времени проверять тебя. Но мы не подчиним свои чувства тому, что кажется тебе правильным. Ясно, что ты солгал. Во имя Страны ты должен ответить нам на наши вопросы. Пожалуйста, скажи нам, почему Хайебренд Барадакас подверг тебя проверке на правду, а твою спутницу Этьеран — нет?

— Я не буду говорить!

— Тогда скажи, почему Этьеран, жена Трелла, решила не сопровождать тебя сюда. Очень редко случалось,

что человек, родившийся в Стране, повернул назад недалеко от Ревлстона.

— Нет.

— Почему ты отказываешься?

Чувствуя, как в нем закипает гнев, Кавинант взглянул на Лордов. Они возвышались над ним подобно судьям, в руках которых была власть отвергнуть его. Кавинант хотел защититься криками и проклятиями; но пристальные взгляды Лордов остановили его. На их лицах он не видел презрения. Они смотрели на него с гневом, страхом, беспокойством, с выражением оскорбленной любви к Стране, но без презрения. Он очень тихо произнес:

— Неужели вы не понимаете? Я пытаюсь удержаться от того, чтобы не сказать вам еще большую ложь. Если вы не перестанете настаивать, пострадаем мы все.

Высокий Лорд на мгновение встретил его гневный взгляд и хрипло вздохнул.

— Хорошо. Ты делаешь нашу задачу, и без того трудную, еще труднее. Теперь мы должны посовещаться. Пожалуйста, оставь святилище. Вскоре мы тебя позовем.

Кавинант встал, повернулся и начал подниматься по ступенькам к большим дверям. Тишина в зале нарушалась лишь звуками его шагов по камню, когда, почти уже добравшись до дверей, он услышал голос Гиганта, произнесшего так отчетливо, словно эти слова были сказаны его собственным сердцем:

— Этьеран, жена Трелла, обвинила тебя в убийстве духов.

Кавинант застыл, в леденящем ужасе ожидая, что еще скажет Гигант. Но Преследующий Море ничего больше не сказал. Трепеща, Кавинант прошел через дверь и неверной походкой направился к одному из кресел, стоявших вдоль стены. Таимый внутри его секрет казался таким хрупким, что он едва мог поверить в то, что он все еще цел и невредим.

Я не...

Подняв глаза, он увидел стоявшего напротив него Баннора. Лицо Стража Крови было лишено какого-либо выражения, но в то же время на нем лежала какая-то неуловимая тень презрительности. Его совершенная не-

определенность, казалось, была способна на любую реакцию, и теперь оно несло на себе печать осуждения слабости Кавинанта, его болезни.

Побуждаемый гневом и расстройством, Кавинант пробормотал про себя.

— Двигаться. Выжить. Баннор, — прорычал он. — Морэм, кажется, считает, что нам следует лучше узнать друг друга. Он сказал мне, чтобы я спросил тебя о Страже Крови.

Баннор пожал плечами, словно был совершенно невосприимчив к каким бы то ни было вопросам.

— Твой народ, Харучай (Баннор кивнул), живет в горах. Вы пришли в Страну, когда Кевин был Высоким Лордом. Как давно это было?

— За столетие до Осквернения. — Отчужденный тон Стража Крови, казалось, говорил, что такие единицы времени, как года и десятилетия, не имеют никакого значения. — За две тысячи лет.

Две тысячи лет. Думая о Гигантах, Кавинант сказал:

— Так вот почему вас осталось всего лишь пять сотен. С тех пор, как вы пришли в Страну, вы начали вымирать.

— Стража Крови всегда насчитывала пять сотен. Такова Клятва. Харучаев — больше. — Название своего народа он произнес нараспев, это очень подходило его голосу.

— Больше?

— Они живут в горах, как и раньше.

— Тогда откуда ты... Ты сказал это так, словно ты не был там долгое время.

Баннор снова молча кивнул.

— Каким образом ваша численность здесь остается неизменной? Я не вижу никакой...

Баннор бесстрастно перебил его:

— Когда кого-то из Стражей Крови убивают, его тело отправляют в горы через ущелье Стражей, и его место занимает другой Харучай.

— Убивают? — удивился Кавинант. — Неужели с тех пор ты ни разу не был дома? Ни разу не навестил свою... У тебя есть жена?

— Была когда-то.

Выражение голоса Баннора не изменилось, но что-то в его бесстрастности заставило Кавинанта почувствовать, что этот вопрос был важным для него.

— Когда-то? — настаивал он. — А что с ней случилось?

— Она умерла.

Инстинкт подсказывал Кавинанту, что следует остановиться, но он продолжил, движимый чарами непоколебимой, отрешенной твердости Баннора:

— Как... как давно она умерла?

Не колеблясь ни мгновения, Страж Крови ответил:

— Две тысячи лет назад.

Что?! Кавинант долго не мог опомниться от изумления, шепча про себя, словно опасаясь, что Баннор может его услышать:

— Это невозможно! Это невозможно!

Пытаясь взять себя в руки, он пораженно моргал. Две?.. Что это?

Тем не менее, несмотря на все свое ошеломление, он не мог не признать, что в голосе Баннора звучала неподдельная убежденность. Этот бесстрастный голос, казалось, не способен был произнести ложь, даже не мог выразить что-либо неверно. Понимание наполнило Кавинанта ужасом и головокружительным дружелюбием. Внезапное озарение подсказало ему, что означали слова Морэма: "...своей клятвой они обрекли свою расу на аскетизм, бесполость и старение".

Бесплодие... каковы могли быть пределы бесплодия, длившегося уже две тысячи лет?

— Сколько... — выдавил он из себя, — сколько тебе лет?

— Я пришел в страну с первыми Харучаями, когда Кевин только что занял пост Высокого Лорда. Мы вместе впервые произнесли Клятву Службы. Вместе мы воззвали к силе Земли, чтобы она засвидетельствовала наше обязательство. Теперь мы не возвращаемся домой до тех пор, пока нас не убьют.

— Две тысячи лет, — промямлил Кавинант. — Пока нас не убьют. Это невозможно. Ничего подобного не бывает. — В смятении он попытался убедить себя в том, что все, услышанное им, было подобно возвращению

чувствительности его нервов, дальнейшему доказательству невозможности существования Страны. Но это мало походило на доказательство. Это подействовало на него так, как если бы он узнал, что Баннор страдает редкой формой проказы. С усилием он выдохнул:

— Почему?

Баннор все так же бесстрастно ответил:

— Когда мы пришли в Страну, то увидели чудеса — Гигантов, Раннихинов, Лордов Ревлстона, настолько могущественных, что они отказались вести с нами войну, чтобы избежать нашего уничтожения. В ответ на наш вызов они дали Харучаям столь драгоценные дары...

Баннор сделал паузу, погрузившись, казалось, в какие-то личные воспоминания.

— Поэтому мы принесли Клятву. Ничем иным ответить на это великодушие и щедрость мы не могли.

— Так значит, таков ваш ответ Смерти? — Кавинант пытался перебороть в себе возникшую симпатию, свести все сказанное до пропорций, которые он был в состоянии воспринять. — Значит, вот как делаются дела в Стране? Как только ты попадешь в беду, надо всего лишь сделать невозможное? Как Берек?

— Мы принесли Клятву. Клятва — это жизнь. Разложение — смерть.

— Но в течение двух тысячелетий?... — протестующе сказал Кавинант. — Проклятье! Это даже неприлично. Тебе не кажется, что вы уже сделали достаточно?

Страж Крови смотрел без всякого выражения:

— Ты не сможешь разложить нас.

— Разложить вас? Я не собираюсь вас разлагать. Можете продолжать служить этим Лордам до тех пор, пока не засохнете на корню. Я говорю о твоей жизни, Баннор! Сколько можно служить, даже не спросив себя при этом, а стоит ли служба того? Этого требует гордость или хотя бы здравый смысл. Проклятье!

Он не мог представить себе, каким образом даже здоровый человек не покончил бы с собой перед лицом перспективы подобного существования.

— Ведь это же не салат украсить... невозможно все разбросать по тарелке, зная, что в запасе еще много. Ты человек. И ты не рожден бессмертным.

Баннор равнодушно пожал плечами.

— Что значит бессмертие? Мы — Стражи Крови. Мы знаем только жизнь или смерть, Клятву или Порчу.

Прошло мгновение прежде, чем Кавинант вспомнил, что Стражи Крови словом "Порча" называют Лорда Фаул. Затем он вздохнул.

— Что ж, конечно, я понимаю. Вы живете вечно, потому что ваша чистая, безгрешная служба в высшей степени свободна от тяжести или ржавчины обычных человеческих слабостей. Ах, таковы преимущества чистой жизни.

— Мы не знаем. — Непривычное произношение Баннора отдавалось странным эхом. — Кевин спас нас. Откуда нам было знать, что у него в сердце? Он послал всех нас в горы. Мы спрашивали, зачем, но он приказал. Он заставил нас подчиниться, напомнив о нашей клятве. Ослушаться мы не могли. Откуда нам было знать? Мы бы остались рядом с ним во время Осквернения, остались бы рядом с ним и предотвратили бы это. Но он спас нас, спас Стражу Крови. Тех, кто поклялся хранить его жизнь любой ценой.

"Спас", — с болью подумал Кавинант. Он чувствовал, каким преднамеренно жестоким был поступок Кевина.

— Итак, теперь вы знаете, правы вы или нет, живя все эти годы, — глухо произнес он. — Как вы терпите это? Может быть, ваша Клятва насмехается над вами?

— Никакое обвинение не может указать на нас пальцем, — убежденно сказал Баннор. И все же на мгновение его непоколебимая твердость, казалось, дрогнула.

— Нет, вы сами это делаете.

В ответ Баннор лишь медленно опустил веки, словно обвинение или оправдание не имели значения перед древней перспективой его посвящения.

Мгновением позже один из Стражей сделал Кавинанту знак в сторону Святилища. Тревога сжала его сердце. Пугающая симпатия к Баннору опустошила запасы его мужества; он чувствовал себя не в силах вновь предстать перед Лордами, отвечать на их требовательные вопросы. С трудом поднявшись на ноги, он заколебался.

Когда Баннор сделал ему знак идти вперед, Кавинант поспешно произнес:

— Скажи мне еще одно. Если бы твоя жена была все

еще жива, пошел бы ты навестить ее и вернулся ли затем сюда? Смог бы ты... — Он запнулся. — Смог бы ты это вынести?

Страж Крови встретил умоляющий взгляд Кавинанта спокойно, но по его лицу, словно тени, прошли мысли, прежде чем он тихо ответил:

— Нет.

Тяжело дыша, словно его мучило головокружение, Кавинант протащился сквозь двери по ступенькам к желтому жертвеннику ямы с гравием.

Тротхолл, Морэм, Осандрея, Гигант, четверо Стражей Крови, четверо зрителей — все оставались в том же положении, в каком были, когда он уходил. Под их взглядами, полными угрожающего ожидания, Кавинант сел в свое одиноко стоявшее кресло ниже стола Лордов. Его трепал озноб, словно камни вместо тепла излучали холод.

Когда Высокий Лорд заговорил, голос его казался более усталым, чем прежде:

— Томас Кавинант, если мы неверно обращаемся с тобой, то в свое время будем просить за это прощения. Но мы должны разрешить свои сомнения насчет тебя. Ты скрыл многое из того, что нам нужно знать. Однако мы смогли найти такой вопрос, по которому наши мнения сошлись. Мы видим твое пребывание в Стране следующим образом:

Подкапываясь под Гору Грома, Друл Каменный Червь нашел потерянный Посох Закона. Если ему никто не поможет, то пройдет много лет прежде, чем он научится им управлять. Но Лорд Фаул Презренный знает о находке Друла и в своих собственных целях согласился научить Пещерного Жителя, как пользоваться Посохом. Совершенно ясно, что ему не удалось отнять у Друла Посох. Может быть, он был слишком слаб. Или, возможно, он боялся воспользоваться тем, что было сделано не для его рук. Или у него есть какая-то другая цель, которой мы не знаем. Но все же очевидно, что Лорд Фаул вынудил Друла воспользоваться Посохом, чтобы вызвать тебя в Страну, — только Посох Закона обладает таким могуществом. И Друл бы не смог придумать и выполнить такую задачу без помощи глубокого знания. Ты был до-

ставлен в Страну по велению Лорда Фаул. Мы можем лишь надеяться на то, что в этом принимали участие и другие силы.

Но это не объясняет нам причины, — голос Морэма стал напряженным. — Если единственной целью Лорда Фаул было доставка послания, совсем не обязательно было привлекать для этого кого-либо извне. И не было никакой нужды спасать тебя от Друла, как сделал он, доставив тебя на Смотровую Кевина, и как, по-моему, хотел сделать, послав своего Пожирателя, чтобы тот помешал тебе идти через Анделейн. Нет, ты призван привести наши души к истинному намерению Презренного. Почему он вызвал тебя из-за пределов Страны? И почему именно тебя, а не кого-нибудь другого? В чем ты соответствуешь его запросам?

Тяжело дыша, Кавинант сжал зубы и ничего не сказал.

— Давай я поставлю вопрос иначе, — настаивал Тротхолл. — История, которую ты нам рассказал, содержит в себе свидетельство правды. Но многие из живущих знают, что Пожирателей одно время звали Хереш, Шеон и Иоханнум. И мы также знаем, что один из Освобожденных в течение многих лет изучал духов Анделейна.

Сам того не желая, Кавинант вспомнил безнадежное мужество животных, которые помогали Освобожденному спасти его в Анделейне. Они бросались навстречу гибели с отчаянной и тщетной яростью, пытаясь заглушить звучавший в ушах звук их гибели.

Тротхолл продолжал без остановки:

— И мы знаем, что тест правды ломильялор абсолютно надежен — если проверяемый не превосходит проверяющего.

— Но Презренный это тоже знает, — огрызнулась Осандрея. — Он мог знать, что Освобожденный живет и занимается изучением в Анделейне. Он мог сочинить эту легенду и обучить ей тебя. Если это так, — мрачно заявила она, — то тогда вопросы, на которые ты отказываешься отвечать, — именно те, которые могли бы обнаружить фальшивость твоего рассказа. Почему Хайербренд Парящего Вудхельвена проверял тебя? Как проходила эта проверка? С кем ты сражался, используя посох? Ка-

кой инстинкт обратил против тебя Этьеран, жену Трелла? Ты боишься отвечать, потому что тогда мы увидим, что это дело рук Презренного.

Высокий Лорд Тротхолл властно произнес:

— Томас Кавинант, нам необходим какой-то знак того, что все рассказанное тобой — правда.

— Знак? — сдавленно переспросил Кавинант.

— Докажи нам, что мы можем тебе верить. Ты принес приговор нашим жизням. Этому мы верим. Но может быть, это твоя цель — отвлечь нас от истинной защиты Страны. Дай нам какой-то знак, Неверующий.

Трепеща, Кавинант чувствовал, что непостижимые обстоятельства сна сомкнулись вокруг него, отрезав любую попытку к надежде или независимости. Он с трудом поднялся на ноги, чтобы достойно встретить поражение. Как к последней инстанции он обратился к Гиганту:

— Скажи им. Этьеран и тебя винила в том, что случилось на праздновании. Потому что она проигнорировала предупреждение. Скажем им.

Он горящими глазами смотрел на Преследующего Море, желая, чтобы Гигант поддержал его последний шанс на независимость, и после мгновения мертвой тишины Гигант сказал:

— Мой друг Томас Кавинант говорит правду, в некотором смысле. Этьеран, жена Трелла, больше всех винила себя.

— И тем не менее! — сухо сказала Осандрея. — Может быть, она винила себя за то, что провела его на празднование... что позволило ему... Ее боль еще ничего не говорит в его пользу.

И Тротхолл низким голосом настойчиво повторил:

— Твой знак, Кавинант. Нам необходимо вынести решение. Ты должен выбрать между Страной и Презирающими Страну.

"Кавинант, помоги им!"

— Нет! — хрипло выкрикнул он, повернув лицо к Высокому Лорду. — Это была не моя вина. Неужели вы не понимаете, что именно этого и хочет добиться от вас Фаул?

Тротхолл встал, перенеся весь свой вес на посох. Когда он заговорил, его фигура, казалось, увеличилась в размерах, наполненная силой.

— Нет, я этого не вижу. Ты закрыт для меня. Ты просишь, чтобы тебе верили, но отказываешься проявить доверие. Нет. Я требую знак, в котором ты нам отказываешь. Я — Тротхолл, сын Дунлиона, Высокий Лорд по назначению Совета. Я требую.

В течение одного долгого мгновения Кавинант, казалось, колебался в нерешительности. Взгляд его упал на углубление с гравием. " Кавинант, помоги им!" Со стоном он вспомнил, какой ценой заплатила Этьеран за то, чтобы он стоял сейчас на этом месте. "Ее боль ничего не говорит". Как контрапункт, в ушах его прозвучал голос Баннора: "Две тысячи лет. Жизнь или смерть. Мы не знаем". Но лицо, увиденное им среди огненных камней, было лицо его жены. "Джоан!" — крикнул он. Было ли больное тело важнее, чем все остальное?

Он рванул рубашку, словно пытаясь обнажить свое сердце. Оторвав от прилепленного к груди кусочка клинго свое обручальное кольцо, он втиснул его на безымянный палец и поднял левый кулак, словно вызов. Но настроение его было вовсе не воинственным.

— Я не могу им пользоваться! — с тоской крикнул он, словно кольцо все еще было символом женитьбы, а не талисманом дикой магии. — Я прокаженной!

Святилище наполнилось возгласами удивления. Хатфролы и Гаф были ошеломлены. Тротхолл тряс головой, словно впервые в жизни пытался проснуться. Интуитивное понимание, словно волна, прошло по лицу Морэма, и он вскочил на ноги, полный напряженного внимания. Гигант тоже встал, благодарно улыбаясь. Лорд Осандрея присоединилась к Морэму, но в ее глазах не было облегчения. Кавинант мог видеть, как сквозь первое мгновение замешательства она пытается пробиться к сути дела, мог видеть, как она думает: "Спасение или проклятие, спасение или проклятие..." Казалось, из всех Лордов только она одна понимала, что даже этого знания недостаточно.

Наконец Высокий Лорд овладел собой.

— Теперь мы, наконец, знаем, как принимать вас, — произнес он. — Юр-лорд Томас Кавинант Неверующий и повелитель белого золота, добро пожаловать с правдой. Прости нас, ибо мы не знали. Тебе подчиняется дикая

магия, которая разрушает мир. А сила — во все времена устрашающая вещь.

Лорды отдали Кавинанту салют, словно одновременно хотели и призвать его, и защититься от него, а затем вместе запели:

В каждом камне заключена дикая магия,
Которую может высвободить или подчинить себе
белое золото.
Белое золото — редкий металл,
не встречающийся в Стране,
И не управляемый, не ограничиваемый
и неподчиняемый Законам,
С помощью которых была создана Страна.
(Ибо Страна прекрасна,
Словно мечта сильной души о мире и гармонии,
А красота невозможна без порядка.
И закон, который дал жизнь Времени, —
Это самоконтроль Создателя Страны.)
Но скорее краеугольный камень,
Стержень, ось анархии,
Вне которой было сотворено Время,
И со Временем — Земля.
И с Землей те, кто ее населяет;
Дикая магия содержится и
В каждой частице жизни,
И ее освобождает или подчиняет
Золото
(Которое родилось не в Стране),
Поскольку эта сила — якорь арки жизни,
Которая охватывает и управляет
Временем;
А белое-белое золото,
Не черное, не красное, не алое,
не зеленое,
Потому что белизна — это цвет кости,
Структура плоти,
Порядок жизни.

Эта сила — парадокс,
Ибо Сила не существует без Закона,
А дикая магия не имеет Закона;
И белое золото — парадокс,
Ибо оно говорит в пользу кости
Жизни,
Но в нем нет части Страны.
И тот, кто владеет
Белым дикой магии золотом —
Парадокс.
Ибо он все и ничто,
Герой и глупец,
Могущественный и бессильный,

И одним словом правды или предательства
Он спасет Землю или проклянет Землю,
Ибо он безумен и мудр,
Холоден и горяч,
Утерян и найден.

Это была запутанная песня, странно гармоничная, без диссонанса, позволившего бы слушателю отдохнуть. И в ней Кавинант мог услышать хлопающие крылья стервятников, когда голос Фаула произнес: "Ты обладаешь силой, но никогда не узнаешь, что это такое. Ты не сможешь противиться мне".

Когда песня закончилась, Кавинант подумал о том, помог ли он своей борьбой или нанес ущерб манипуляциям Презренного. Ответить на этот вопрос он не смог. Он ненавидел и боялся правды в словах Фаула. Он нарушил безмолвие, последовавшее за пением Лордов.

— Я не знаю, как этим пользоваться. И не хочу знать. Вот почему я его не ношу. Если вы считаете, что я — некое воплощение спасения, то это ложь. Я прокаженный.

— Ах, Юр-лорд Кавинант, — вздохнул Тротхолл между тем, как Лорды и Преследующий Море вновь опустились на свои места, — позвольте мне еще раз сказать: простите нас. Теперь нам многое понятно — почему вы были названы, почему Хайербренд Барадакас обращался с вами именно таким образом, почему Друл Каменный Червь пытался поймать вас в ловушку на Праздновании Весны. Пожалуйста, поймите и вы в свою очередь, что нам необходимо знать об этом кольце. Ваше сходство с Береком Полуруким небеспричинно. Но, к сожалению, мы не можем сказать вам, как следует пользоваться белым золотом. Увы, мы знаем достаточно мало об Учении, которым владеем. И боюсь, что если бы даже мы постигли до конца и овладели всеми Семью Заповедями и Словами, дикая магия все равно не подчинялась бы нам. Сведения о белом золоте дошли до нас от древних предсказателей или пророчеств, как называет их Преследующий Море, которые говорят о многом, но мало проясняют. Но мы ничего не понимаем в дикой магии. Все же в пророчествах ясно сказано о вашей важности. Поэтому я называю вас Юр-лордом, как участника всех дел Сове-

та до тех пор, пока вы не покинете нас. Мы должны верить вам.

Расхаживая взад и вперед, обуреваемый разноречивыми чувствами, Кавинант проворчал:

— Барадакас говорил как раз о том же самом. Проклятье! Ваш народ ужасает меня. Когда я пытаюсь взять на себя ответственность, вы пытаетесь оказать на меня давление... и когда я уступаю вам... вы задаете мне совсем не те вопросы. Вы не имеете ни малейшего представления о том, что такое прокаженный, и вам даже в голову не приходит спросить об этом. Вот почему Фаул выбрал для этого именно меня. Потому что я не могу... Проклятье! Почему вы ничего не спрашиваете меня о том, откуда я появился? Я собираюсь вам об этом все же рассказать. Тот мир, откуда я пришел, не позволяет никому жить иначе, чем на его же собственных условиях. Эти условия... эти условия противоречат вашим.

— Что же это за условия? — осторожно спросил Высокий Лорд.

— Что ваш мир — это сон.

В удивленной тишине Святилища Кавинант почувствовал, как лицо его искажают гримасы; он закрыл глаза, и перед ним тут же возникли видения — колонны здания суда, старый нищий, морда полицейской машины.

— Сон! — лихорадочно выдыхал он. — Сон! Ничего этого нет!..

Тогда Осандрея выкрикнула:

— Что? Сон? Не хочешь ли ты сказать, что все это тебе снится? Ты в самом деле веришь в то, что спишь?

— Да! — Он чувствовал, как ослаб от страха, откровение лишало его щита, оставило открытым для нападения. Но он не мог отречься от него. Оно было ему необходимо, чтобы вернуть себе некое подобие достоинства.

— Да.

— В самом деле! — резко произнесла Осандрея. — Без сомнения, этим объясняется нападение на Празднование. Скажи мне, Неверующий, ты считаешь это ночным кошмаром, или, может быть, твой мир получает удовольствие от таких снов?

Прежде, чем Кавинант смог ответить, Лорд Морэм сказал:

— Довольно, сестра Осандрея. Он терзает себя сам, и очень умело.

Она замолчала с пылающим взором, и через мгновение Тротхолл сказал:

— Вполне возможно, что у богов бывают такие сны, как этот. Но мы — смертные. Мы можем хоть сопротивляться или сдаться ему. Так или иначе, мы умираем. Может быть, вы посланы, чтобы насмехаться над нами за это?

— Насмехаться над вами? — Кавинант не мог найти слов для ответа. Он молча замахнулся на эту мысль своей беспалой рукой. — Совсем наоборот. Он насмехается надо мной.

Когда все Лорды в недоумении посмотрели на него, он резко крикнул:

— Я ощущаю свой пульс в кончиках пальцев! Но это невозможно! Я болен неизлечимой болезнью. Я... Я должен был обдумывать способ, чтобы не сойти с ума! Ад и кровь! Я не теряю рассудок только потому, что один весьма достойный персонаж моего сна желает получить от меня то, чего я не могу сделать.

— Что ж, очень может быть. — В голосе Тротхолла слышалась нотка грусти и сочувствия, словно он выслушал некоторое отречение или отказ от здравомыслия из уст весьма уважаемого пророка. — Но мы все равно будем доверять вам. Вы полны горечи, а горечь — это знак беспокойства. Я доверяю этому. И все, сказанное вами, тоже соответствует древнему пророчеству. Боюсь, что наступает время, когда вы станете последней надеждой Страны.

— Неужели вы не понимаете? — простонал Кавинант, не в силах скрыть боль в голосе. — Фаул хочет, чтобы вы именно так и думали.

— Может быть, — задумчиво сказал Морэм. — Возможно. — Затем, словно придя к какому-то решению, он устремил свой угрожающий взгляд на Кавинанта: — Неверующий, я должен спросить, сопротивлялся ли ты Лорду Фаул. Я не говорю о Праздновании. Когда он перенес тебя от Друла на Смотровую Кевина, противостоял ли ты ему?

Этот вопрос заставил Кавинанта внезапно ощутить

ужасную слабость, словно он оборвал нить его сопротивления.

— Я не знаю, — сказал он и устало опустился на свое одиноко стоявшее кресло. — Я не помню, как все это происходило.

— Теперь ты — Юр-лорд, — пробормотал Морэм. — И тебе не обязательно сидеть на этом месте.

— И вообще сидеть сейчас не обязательно, — возразил Тротхолл с внезапным оживлением. — У нас впереди много работы. Надо думать, искать и составить план. Что бы вы ни придумали, действовать надо быстро. Встретимся снова сегодня вечером. Тьювор, Гаф, Биринайр, Торм, будьте готовы сами и приведите в готовность всех, кто у вас есть в подчинении. На вечерний Совет сегодня вы должны представить свои соображения по стратегии. И известите всю Колыбель, что Томас Кавинант отныне носит титул Юр-лорда. Он — чужеземец и гость, Биринайр, немедленно начинайте свою работу по выполнению заказа Гигантов. Баннор, я думаю, Юр-лорду больше нет необходимости оставаться в башне.

Он сделал паузу и огляделся вокруг, давая каждому возможность высказаться. Затем он повернулся и вышел из Святилища. Осандрея последовала за ним, то же самое сделал и Морэм, отдав Кавинанту еще один официальный салют.

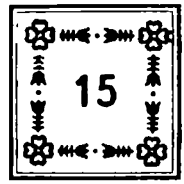
Кавинант молча последовал за Биринайром вверх по высоким переходам и лестницам, пока, наконец, не очутился перед новыми апартаментами. Страж Крови провел его в помещение, состоявшее из нескольких комнат. Потолок везде был очень высокий, а освещались комнаты за счет солнечных лучей, проникавших сквозь несколько широких окон. Столы были в изобилии уставлены разнообразной едой и питьем. Никаких украшений на столах не было.

Как только Баннор удалился, Кавинант выглянул в одно из окон и обнаружил, что его резиденция находится на северной стороне Ревлстона, откуда открывается вид на невозделанные равнины и на утес, выступающий к северу от плато. Солнце уже было как раз в зените, но несколько южнее Колыбели, так что окна оказывались в тени.

Кавинант отошел от окна, устроился возле одного из столов и немного поел. Затем он осушил бутыль с вином, а остатки захватил с собой в спальню. Единственное окно здесь находилось в алькове, и все помещение имело очень уютный, спокойный вид.

Куда придется ему уйти отсюда? Не нужно быть пророком, чтобы понимать, что в Ревлстоне ему оставаться невозможно. Он был здесь слишком уязвим.

Усевшись в каменном алькове, Кавинант принялся рассматривать Страну, лежавшую внизу, размышляя над тем, что он с собой сделал.

ВЕЛИКИЙ ВЫЗОВ

Когда Баннор вошел вечером в комнаты Томаса Кавинанта, чтобы пригласить его на вечерний Совет Лордов, то нашел Юр-лорда по-прежнему сидящим в алькове спальни возле окна. В свете факела, который держал Баннор, Кавинант казался очень худым и каким-то призрачным, словно лишь наполовину видимый сквозь полумрак. Под глазами у него были темные круги от усталости и пережитых волнений, губы посерели и обескровлены, а кожа на лбу имела пепельный оттенок. Руки его были скрещены на груди, словно он пытался успокоить боль в сердце, и он смотрел на равнины, точно в ожидании восхода луны. Когда он заметил Стража Крови, губы его разомкнулись, обнажив зубы.

— Ты все еще не доверяешь мне, — сказал он устало.

Баннор пожал плечами.

— Мы — Стражи Крови. Мы не нуждаемся в белом золоте.

— Не нуждаетесь? — автоматически повторил Кавинант.

— Это учение — оружие. Мы не нуждаемся в оружии.

— Как же вы защищаете Лордов без оружия? — в недоумении спросил Кавинант.

— Мы... — Баннор задумался, словно подыскивая такое слово на языке Страны, которое выразило бы его мысли. — Мы... достаточно нас самих.

Кавинант на мгновение задумался, затем встал и вышел из алькова. Встав перед Баннором, он тихо сказал:

— Браво.

Затем взял свой посох и вышел их комнаты.

На этот раз он уделил больше внимания маршруту, которым вел его Баннор, и не потерял чувства ориента-

ции. Ему даже показалось, что он уже мог бы обойтись без своего проводника. Когда они добрались до тяжелых дверей Святилища, то встретились там с Гигантом и Кориком. Гигант приветствовал Кавинанта салютом и широкой улыбкой, но когда заговорил, голос его звучал очень серьезно.

— Камень и Море, Юр-лорд Кавинант! Я рад, что ты не заставил меня поступить против моей воли. Быть может, я не совсем понимаю стоящую перед тобой дилемму. Но мне кажется, ты принял верное решение, выбрав риск на благо всей Страны.

— Ты прекрасный собеседник, — устало ответил Кавинант. Его сарказм был защитным рефлексом; он растерял почти все остальное оружие. — Сколько времени прошло с тех пор, как потерялись твои Гиганты? Я не думаю, что вы пошли бы на настоящий риск, если бы это касалось вас.

Преследующий Море усмехнулся.

— Смешно сказать, друг мой. Вполне возможно, что Гиганты не принадлежат к числу хороших советчиков, несмотря на весь наш жизненный опыт. И все же ты уменьшил мой страх за Страну.

Состроив бесполезную гримасу, Кавинант вошел в Святилище.

Палата Совета была так же ярко освещена и обладала столь же великолепной акустикой, как и прежде, но количество присутствующих в ней людей изменилось. Тамаранта и Вариоль отсутствовали, а по всей галерее было рассеяно множество зрителей — Радхамаэрль, Лиллианрилл, воины, Ловардены, Стражи Крови сидели позади Морэма и Осандреи, а Тьювор, Гаф, Биринайр и Торм занимали места позади высокого Лорда.

Гигант сел на прежнее место, указав Кавинанту на кресло рядом возле стола Лордов. Сзади них на нижнем ярусе галереи сели Баннор и Корик. Зрители почти сразу же замолчали, прекратился даже шорох их одежды. Все ждали, когда заговорит Высокий Лорд.

Тротхолл некоторое время сидел молча, словно погрузившись в размышления, затем устало поднялся. Опершись на посох, он заговорил, и голос старчески заклокотал у него в груди. Но он по всем правилам прошел це-

ремонию приветствия Гиганта и Кавинанта. Преследующий Море ответил с веселостью, которая свела на нет его усилия быть кратким. Однако Кавинант отверг эту формальность усмешкой и отрицательным жестом головы.

Покончив со вступлением, Тротхолл сказал, не глядя в глаза другим Лордам:

— Среди новых Лордов существует традиция — традиция, возникшая во времена Высокого Лорда Вейланта сто лет тому назад. Она такова: когда Высокий Лорд усомнится в своей способности удовлетворять потребностям Страны, он может прийти в Совет и сложить с себя полномочия Высокого Лорда. Затем любой Лорд, чувствующий в себе достаточную силу, может претендовать на освободившееся место.

С усилием, но твердо Тротхолл продолжал:

— Я слагаю с себя полномочия. Камень и корень, испытания этого времени чересчур велики для меня. Юр-лорд Томас Кавинант, вам разрешается претендовать на пост Высокого Лорда, если вы этого пожелаете.

Кавинант встретился взглядом с Тротхоллом, пытаясь разгадать намерения Высокого Лорда. Но в предложении Тротхолла не удалось уловить никакой двусмысленности. Он тихо ответил:

— Вы знаете, что я не желаю этого.

— И все же я прошу вас принять этот пост. Вы владеете белым золотом.

— Забудьте об этом, — сказал Кавинант. — Все это не так просто.

Спустя мгновение Тротхолл медленно кивнул.

— Я понимаю. — Он повернулся к другим Лордам. — Желает ли кто-нибудь из вас занять этот пост?

— Вы наш Высокий Лорд, — убежденно произнес Морэм.

А Осандрея добавила:

— А кто же еще? Давайте больше не будем терять времени на глупости.

— Хорошо, — сказал Тротхолл, расправив плечи. — Испытания и судьба этого времени лежат на моих плечах. Я — Высокий Лорд Тротхолл, и с согласия Совета моя воля является определяющей. Пусть никто не усом-

нится в моей правоте или потребует другого Лорда, если мои действия окажутся несоответствующими.

Непроизвольная конвульсия прошла по лицу Кави нанта, но он ничего не сказал, и вскоре Тротхолл сел со словами:

— Теперь давайте обсудим, что нам надо делать.

В тишине Лорды мысленно общались между собой. Затем Осандрея обратилась к Преследующему Море:

— Горбрат, есть такая поговорка: "Когда перед тобой множество вопросов, в первую очередь подумай о дружбе". Ради твоего народа ты должен вернуться в Сирич как можно быстрее. Гигантам надо сообщить обо всем, что стало известно здесь. Но я знаю, что водный путь через территорию Анделейна больше не будет для тебя безопасным. Мы дадим тебе эскорт, который будет сопровождать тебя через лес Гриммерухо и через Северные равнины, пока ты не оставишь позади себя Край Света и Плоскогорье Саранграйв.

— Благодарю вас, мои Лорды, — официально ответил Преследующий Море, — но это не понадобится. Я уже сам думал над этим вопросом. В своих скитаниях мои люди узнали пословицу народа Брафор: "Тот, кто ждет, когда на его шею опустится меч, непременно лишается головы". Я полагаю, что лучшее, что я могу сделать, — это помочь вам в выполнении вашего плана, каким он ни будет. Пожалуйста, позвольте мне остаться с вами.

Высокий Лорд Тротхолл улыбнулся и качнул головой в знак согласия.

— Мое сердце надеялось на это. Добро пожаловать разделить с нами наши испытания. В опасности или трудном положении Гиганты Сирича всегда поддерживают нас, и мы не в состоянии выразить словами всю нашу благодарность. Однако нельзя оставить твой народ в неведении. Мы пошлем других гонцов.

Гигант поклонился в ответ, и Лорд Осандрея продолжила Совет, вызвав Вомарка Гафа.

Гаф встал и доложил.

— Лорд, я сделал так, как вы советовали. На вершине Ревлстона теперь горит огонь Фел. Все, кто его увидит, предупредят свой народ и распространят предупреждение о войне на юг, на восток и на север. К утру все, кто

живет к северу от Соулсиз и к западу от Гримердхо, будут вооружены, а те, кто живет возле реки, пошлют гонцов в Центральные равнины. Дальше предупреждения будут распространяться более медленно.

Я послал разведчиков в направлении Гриммердхо и Анделейна. Но прежде, чем мы получим четкие сведения Леса, пройдет шесть дней. И, хотя вы не советовали этого делать, я начал подготовку к осаде. Таким образом тысяча триста моих воинов занимаются тем или иным делом. Двадцать йоменов остаются наготове.

— Хорошо, — сказала Осандрея. — Мы поручаем тебе организовать оповещение Сирича. Отправь столько воинов, сколько по-твоему требуется, чтобы обеспечить выполнение этого задания.

Гаф поклонился и сел на место.

— Теперь, — она тряхнула головой, словно пытаясь избавиться от других забот, — я посвятила достаточное количество времени обдумыванию рассказа Юр-лорда Томаса Кавинанта о его путешествии. Присутствие белого золота объясняет многое. Однако многое еще все же требует размышлений — идущие на юг бури, трехкрылая птица, отвратительное нападение на духов Анделейна, кровавый цвет луны. По-моему, значение этих примет вполне очевидно.

Внезапно она шлепнула по столу ладонью, словно желая, чтобы этот звук и боль помогли ей говорить дальше.

— Друл Каменный Червь уже нашел свой яд — камень Илееарта или какое-то другое смертоносное зло. Имея Посох Закона, он обладает достаточной силой, чтобы перепутать смену времен года! — Низкий стон раздался с галереи, но Тротхолл и Морэм, кажется, не были удивлены. И все же опасный блеск усилился в глазах Морэма, когда он мягко сказал:

— Пожалуйста, объясни.

— Свидетельство силы безошибочно. Мы знаем, что Друл владеет Посохом Закона. Однако Посох — это не простая палочка. Он был вырезан из Одного Дерева, как слуга Земли и Земного Закона. Тем не менее, все, что произошло неестественно, — неправильно. Можете ли вы представить себе такую силу воли, которая могла бы испортить Посох хоть настолько, чтобы он нанес вред

хотя бы птице? Что ж, допустим, безумие придало Друлу такую силу. Или, может быть, Презренный теперь контролирует Посох. Но помните: создание трехкрылой птицы — это наиболее безобидное из всего, что можно сделать с помощью такого оружия. В прежние времена Лорд Фаул, будучи в расцвете сил, не отваживался нападать на духов. А что касается осквернения луны — лишь самые темные и наиболее ужасные из древних пророчеств предсказывали подобные явления.

— Ты считаешь это убедительным доказательством того, что Лорд Фаул на самом деле владеет Посохом? Но подумай, зачем ему тратить силы на такое дело, как осквернение луны, если он и без того мог запросто умертвить нас всех? Мы не смогли бы противостоять такому могуществу. И однако же он расходует свои силы так... так нерационально. И стал бы он тратить свои силы на такую второстепенную задачу, как уничтожение духов, когда он мог бы без труда уничтожить нас? И даже если бы ему этого захотелось, смог бы он осквернить луну с помощью Посоха Закона — орудия, предназначенного не для его рук, сопротивляющегося ему при каждом прикосновении?

— Я полагаю, что если Лорд Фаул контролирует Посох, он не стал бы и, возможно, не сделал бы то, что было сделано, — во всяком случае, не раньше, чем мы были бы уничтожены. Но если Друл все еще владеет Посохом, тогда одного его недостаточно. Ни один из Пещерных Жителей не обладает достаточной силой, чтобы совершить такое преступление без помощи не только Посоха, но и Камня. Пещерные Жители — это существа со слабой волей, насколько вам известно. Они легко поддаются влиянию и легко порабощаются. И у них нет учения, бросающего вызов небу. Таким образом они всегда были только подсобным материалом для армии Лорда Фаул.

Если я не ошибаюсь, то сам Презренный находится сейчас в такой же немилости у Друла, как и мы с вами. Судьба этого времени зависит от сумасшедшей прихоти Пещерного Жителя.

Этот вывод я делаю потому, что на нас пока не было нападения.

Тротхолл мрачно кивнул Осандреи, а Морэм продолжил ее рассуждения:

— Стало быть, Лорд Фаул надеется, что мы спасем его и погубим себя. В определенном смысле он хочет заставить нас, чтобы наш ответ на послание Юр-лорда Кавинанта поймал нас же самих в ловушку, в которой оказались бы не только мы, но и Томас Кавинант. Он притворился другом Друла, чтобы обезопасить себя до той поры, пока его планы не созреют. И он же научил Друла пользоваться этой вновь найденной силой так, чтобы она удовлетворяла жажду власти Пещерного Жителя, при этом не представляя для нас прямой угрозы. Таким образом он пытается заставить нас отнять у Друла Посох Закона.

— Отсюда следует, — продолжала Осандрея, — что для нас было бы величайшей глупостью что-либо предпринимать для этого.

— Как это? — возразил Морэм. — В послании ведь сказано: "Без него они не смогут противостоять мне даже в течение семи лет". Он предсказывает нам более быстрый конец, если мы не сделаем попытки, или если она увенчается неудачей, чем в противоположном случае.

— А что он выигрывает от таких предсказаний? Что, кроме нашей немедленной гибели? Его послание — это лишь приманка ложной надеждой, чтобы заманить нас в западню.

Но Морэм ответил цитатой из послания:

— "Друл Каменный Червь владеет Посохом, и это причина для ужаса. Если послание не будет доставлено, через два года он будет коронован на царство в Колыбели Лордов".

— Однако послание доставлено! — настаивала Осандрея. — Мы предостережены. Мы можем подготовиться. Друл — сумасшедший, и в этом его слабость. Может быть, нам удастся нащупать самое слабое место и обеспечить себе перевес. Именем Семи! Ревлстон никогда не сдастся, пока здесь есть Стража Крови. И Гиганты с Ранихинами придут нам на помощь.

Повернувшись к Высокому Лорду, она настойчиво сказала:

— Тротхолл, не клюй на эту приманку. Это химера. Мы падаем под натиском тьмы, и тогда Страна неминуемо погибнет.

— Но если бы наша попытка увенчалась успехом, — снова возразил Морэм, — если бы мы завладели Посохом, тогда наши шансы значительно возросли бы. Несмотря на пророчество Лорда Фаул, мы можем найти в Посохе достаточно земной силы, чтобы обеспечить себе перевес в войне. А если нет, все равно у нас будет гораздо больше времени, чтобы найти какое-то другое решение.

— Но какие тут могут быть надежды на успех? Друл владеет не только Посохом Закона, но и Камнем Иллеарта.

— И не может управлять ни тем, ни другим.

— Может, и в достаточной степени! Спроси у духов о степени его мощи. Спроси у луны.

— Спросите у меня! — прорычал Кавинант, медленно поднимаясь. Мгновение он колебался, разрываемый между страхом перед Друлом и ужасом перед тем, что может случиться с ним, если не пошлют на поиски Посоха. Он имел более чем ясное представление о злобе, таившейся в глазах Друла цвета лавы. Но мысль о Посохе заставила его решиться. Он чувствовал, что получил возможность заглянуть в логику своего сна. Посох перенес его в эту Страну; Посох понадобится ему, чтобы вернуться назад.

— Спросите меня. — повторил он. — Вам не кажется, что меня это тоже касается?

Лорды не ответили, и Кавинанту пришлось самому высказывать аргументы. В своих размышлениях ему прежде удавалось найти лишь одну хрупкую надежду. Сделав над собой усилие, он начал говорить:

— Судя по вашим выводам, Фаул выбрал меня. Но на Смотровой Кевина он говорил обо мне так, будто был выбран кем-то другим... "моим врагом", — сказал он. О ком он говорил?

Высокий Лорд задумчиво ответил:

— Я не знаю. Раньше мы говорили, что надеемся на то, что в вашем выборе участвовали какие-то другие силы. Быть может, так оно и было. Некоторые из наших древнейших легенд говорят о Создателе — Создателе Земли, но мы ничего не знаем о подобном существе. Нам известно лишь, что мы — смертные, а Лорд Фаул — нет; некоторым образом он превосходит плоть.

— Создатель, — пробормотал Кавинант. — Хорошо.

На мгновение в его мозгу сверкнуло тревожное воспоминание о старом нищем, приставшим к нему возле здания суда.

— Почему же он выбрал именно меня?

— Кто это может знать? Может быть, по той же самой причине, по какой вы выбраны Лордом Фаул.

Этот парадокс разозлил Кавинанта, но он продолжал, словно вдохновленный противоречием:

— Тогда этот... Создатель... тоже хотел, чтобы вы услышали послание Фаула. Примите это во внимание.

— Вот! — взметнулась Осандрея. — Вот эта ложь, которую я искала, — самая жирная наживка. Давая нам надежду на неизвестную помощь, Лорд Фаул тем самым хочет разрушить наши последние сомнения и захлопнуть ловушку.

Кавинант не отрывал глаз от Высокого Лорда. При этом внутренним зрением он постоянно держал перед собой глаза Друла, пытаясь их пламенем пробиться сквозь завесу аскетизма в мозг Тротхолла. Однако Тротхолл, не вздрогнув, выдержал этот взгляд. Морщинки в уголках его глаз, казалось, были выгравированы самоотрицанием этого человека.

— Лорд Осандрея, — спокойно произнес он, — выявило ли ваше изучение какие-нибудь признаки надежды?

— Признаки? Предзнаменования? — Голос ее в Святилище звучал как-то неохотно. — Я не Морэм. А если бы была им, то спросила бы Кавинанта, какие сны снились ему в Стране. Но я предпочитаю более практичные надежды. Я не вижу ничего иного, кроме одного: потеряно так много времени. Мое сердце говорит мне, что никакая другая комбинация из случайностей и выборов не могла бы доставить сюда Кавинанта так быстро.

— Хорошо, — ответил Тротхолл. Взгляд его, сцепившись с Кавинантом, на мгновение заострился, и Кавинант наконец увидел в нем, что Высокий Лорд уже принял окончательное решение. Он слушал споры лишь для того, чтобы дать себе еще один, последний шанс найти альтернативу. Кавинант опустил глаза и неуклюже провалился в кресло.

— Как ему это удается? — тупо пробормотал он себе под нос. — Откуда берется все это мужество?

Неужели я — единственный трус?

Мгновением позже Высокий Лорд запахнулся в свою голубую мантию и поднялся.

— Друзья мои, — сказал он гнусавым от насморка голосом, — пришло время решать. Я должен выбрать путь, который приведет нас к решению стоящей перед нами задачи. Если кто-то хочет высказаться, делайте это сейчас.

Никто не отозвался, и Тротхолл, казалось, черпал из этого молчания достоинство и осанку.

— Тогда слушайте волю Тротхолла, сына Дуналлиана, Великого Лорда решением Совета, и пусть Страна простит меня, если я ошибусь или потерплю неудачу. В это мгновение я вершу будущее Земли.

Лорд Осандрея, тебе, а также Лордам Вариолю и Тамаранте доверяю я защиту Страны. Я призываю вас сделать все, что потребует мудрость или интуиция, чтобы сохранить жизнь под вашим попечением, как мы поклялись. Помните, что пока стоит Ревлстон, всегда есть надежда. Но если Ревлстон падет, тогда все столетия и весь труд Лордов, от Берека Хатфью до нашего поколения, пойдут насмарку, и в Стране уже никогда не будет ничего подобного.

Лорд Морэм и я отправимся на поиски Друла Каменного Червя и Посоха Закона. Вместе с нами пойдет Гигант Соленое Сердце Преследующий Море, Юр-лорд Томас Кавинант, столько Стражей Крови, сколько сочтет возможным выделить из защиты Ревлстона Первый Знак Тьювор, а также один йомен из Боевой Стражи. Таким образом мы встретим судьбу не беспечными и небезоружными, но главная мощь Колыбели Лордов будет оставлена для защиты Страны на случай, если нас постигнет неудача.

Слушайте и будьте готовы. Отряд отправляется на рассвете.

— Высокий Лорд! — возразил Гаф, вскочив с места. — Разве вы не дождетесь донесения от моих разведчиков? Вы должны бросить вызов Гриммардхо, чтобы пройти к Горе Грома. Если лес наводнен слугами Друла

или Серого Убийцы, вы окажетесь в опасности, пока мои разведчики не выяснят продвижения врагов.

— Это правда, Вомарк, — сказал Тротхолл. — Но как долго придется ждать?

— Шесть дней, Высокий Лорд. Затем мы будем знать, какая сила потребуется для пересечения Гриммердхо.

Морэм в течение некоторого времени сидел, подперев подбородок кулаком, рассеянно глядя на яму с гравием. Но потом встал и сказал:

— Сотня Стражей Крови. Или все воины, каких сможет выделить Ревлстон. Я видел это. В Гриммердхо полно юр-вайлов, да еще тысячные стаи волков. Они охотятся в моих снах.

Его голос, казалось, остудил воздух Святилища подобно ветру потерь. Но тут сразу же заговорил Тротхолл, сопротивляясь чарам слов Морэма.

— Нет, Гаф, мы не можем откладывать. И угроза Гриммердхо слишком велика. Даже Друл Каменный Червь должен понимать, что наша лучшая дорога к Горе Грома пролегает через лес и вдоль северной окраины Анделейна, затем на восток — через Моринмосс, к равнинам Ра, прежде чем повернуть на север, к Грейвин Френдор. Я знаю, такой путь может показаться длинным, полным ненужных лье, особенно для нашего отряда, которому дорог каждый день. Но этот южный путь даст нам возможность заручиться поддержкой Раменов. Таким образом все старые враги Презренного примут участие в нашем деле. И, быть может, нам удастся спутать расчеты Друла.

Нет, мой выбор окончательный. Отряд выступает завтра в южном направлении. Таково мое слово. Теперь пусть выскажутся все, кто сомневается.

И Томас Кавинант, который сомневался во всем, с такой силой ощутил сейчас решимость и достоинство Тротхолла, что не проронил ни слова.

Затем Морэм и Осандрея встали, за ними немедленно поднялся Гигант; и все собравшиеся, сидевшие сзади, тоже поднялись на ноги. Все повернулись к Высокому Лорду Тротхоллу, и Осандрея, возвысив голос, произнесла:

— Мелекурион Небесный Водопад смотрит на тебя,

Высокий Лорд. Мелекурион абафа! Славься и здравствуй! Зерно и камень, да процветает твоя цель. Пусть никакое зло не ослепит и никакая болезнь не поразит; никакой страх или слабость, никакой отдых, или радость, или боль не воспрепятствуют поражению зла. Трусость не имеет оправдания, порча неуязвима. Небесный водопад смотрит, а корень Земли закаляет. Меленкурион абафа! Нинас нил ахабаал!

Тротхолл склонил голову, а галерея и Лорды ответили единым салютом, взметнув руки в молчаливом благословении.

Затем люди стали понемногу покидать Святилище. В то же время Тротхолл, Морэм и Осандрея удалились через свои особые двери.

Как только Лорды ушли, Гигант присоединился к Кавинанту, и они вместе поднялись по ступенькам, сопровождаемые Баннором и Кориком. Когда они вышли из Святилища, Гигант поколебался, что-то обдумывая, а потом сказал:

— Друг мой, не ответишь ли ты мне на один вопрос?

— Думаешь, мне есть еще что скрывать?

— А хоть бы и так, кто его знает? У легендарных Элохим была поговорка: "Сердце лелеет тайны, которые не стоят того, чтобы о них говорили". Ах, это был очень веселый народ. Но...

— Нет, — отрезал Кавинант. — Меня и так уже достаточно исследовали. — И он отправился в свои комнаты.

— Но ты ведь так и не слышал моего вопроса.

Кавинант повернулся.

— А зачем это мне? Ты собираешься спросить, что имела против меня Этьеран?

— Нет, друг мой, — ответил Гигант, легко рассмеявшись. — Пусть твое сердце лелеет эту тайну до скончания века. Мой вопрос таков: какие сны снились тебе после того, как ты попал в Страну? Что снилось тебе той ночью в моей лодке?

Повинуясь внезапному импульсу, Кавинант ответил:

— Толпа людей — настоящих людей — плевала на меня кровью. А один из них сказал: "Есть лишь один хороший ответ смерти".

— Лишь один? Что это за ответ?

— Повернуться к ней спиной, — огрызнулся Кавинант, направляясь вниз по коридору. — Отвергнуть ее!

Добродушный смех Гиганта эхом отозвался у него в ушах, но он шел и шел до тех пор, пока не перестал слышать его. Затем Томас попытался вспомнить дорогу к своим апартаментам. Наконец, правда, не без помощи Баннора, он нашел их и закрылся там, побеспокоившись лишь зажечь один из факелов, прежде чем закрыть дверь за Стражем Крови.

Он обнаружил, что в его отсутствие кто-то опустил жалюзи на окнах, чтобы свет луны не попал внутрь. Кавинант подергал за шнурок, открыв одно из окон. Но кровавый свет подействовал на его зрение так же, как действует трупный запах на обоняние, и он вновь опустил штору. Затем он долго ходил туда-сюда прежде, чем лечь спать, споря с самим собой, пока усталость не овладела им.

Когда забрезжил рассвет, и Баннор принялся трясти его, пытаясь разбудить, он начал сопротивляться. Ему хотелось вновь погрузиться в сон, словно во сне он мог найти оправдание. Он смутно припомнил, что собирался отправиться в путешествие, гораздо более опасное, чем то, которое он только что окончил, и его путанное сознание протестующе застонало.

— Пошли, — сказал Баннор. — Если будешь медлить, то пропустишь зов Раннихинов.

— Иди к дьяволу, — пробормотал Кавинант — Ты что, никогда не спишь?

— Стражи Крови не спят.

— Что?

— Ни один из Стражей Крови не спал с тех пор, как Харучаи принесли свою Клятву.

Кавинант усилием заставил себя сесть. Затуманенным взором он мгновение смотрел на Баннора, а потом промямлил:

— Ты и так уже у дьявола.

Голос Баннора был все таким же бесстрастным, когда он ответил:

— У тебя нет повода смеяться над нами.

— Разумеется нет, — пробурчал Кавинант, выбираясь из кровати. — Естественно, я должен радоваться тому,

что о моей честности судит некто, кому даже не требуется сон.

— Мы не судим. Мы осторожны. На нашем попечении Лорды.

— Такие, как Кевин, покончивший с собой. Захвативший с собой заодно туда же почти все остальное.

Но, выпалив это, Кавинант внезапно ощутил жгучий стыд. В свете огня он припомнил бесценность преданности Стражи Крови. Вздрагивая от холода каменного пола, он сказал:

— Забудь это. Я иногда говорю так в целях самозащиты. Насмешка, кажется, мой... мой единственный ответ.

Затем он поспешно принялся умываться, бриться и одеваться. После завтрака, на скорую руку проверив еще раз, взял ли он с собой нож и посох, Кавинант наконец знаком показал Баннору, что он готов.

Баннор повел его вниз, во внутренний двор, где рос старый золотень. Дымка ночи все еще затуманивала воздух, но звезды уже погасли, и приближение рассвета было очевидным. Неожиданно Кавинант почувствовал, что принимает участие в чем то большем, нежели он сам. Ощущение это было весьма странным, и он попытался объяснить себе его, шагая за Баннором по туннелю, между огромными подвешенными на шарнирах воротами и выйдя за пределы крепости в рассвет.

Здесь, возле стены, чуть вправо от ворот, собрался ожидавший их народ. Воины третьего йомена сидели верхом на лошадях, образуя полукруг позади Вохафта Кваана, а слева от них стояло девять Стражей Крови, возглавляемые Первым Знаком Тьювором. Внутри полукруга находился Тротхолл, Морэм и Соленое Сердце. За пояс Гиганта была засунута дубинка в человеческий рост, а одет он был, как обычно, не считая голубого шарфа, задорно трепетавшего на свежем утреннем ветерке. Возле стояли трое людей, державшие под узцы троих коней с седлами из клинго. Возвышавшаяся над ними стена Ревлстона пестрела от множества людских одежд. Обитатели горной прелести заполнили каждый балкон и террассу, каждое окно. Лицом к ним стояла Лорд Осандрея. Голова ее была высоко поднята, словно она бросила вызов навалившейся на ее плечи ответственности.

Затем солнце оседлало восточный горизонт. Оно коснулось верхнего края плато, где горело синее пламя предупреждения; затем его лучи двинулись вниз по стене, выхватив из сумерек огонь Лорда Фел наподобие факела. Затем они осветили алый вымпел и новый белый флаг.

Кивком головы указывая на новый белый флаг, Баннор сказал:

— Это для вас, Юр-лорд. Знак белого золота. — И с этими словами отошел, чтобы занять свое место среди Стражей Крови.

Отряд погрузился в молчание, длившееся до тех пор, пока солнечный свет не коснулся земли, отбросив золотые блики на собравшихся. Как только свет коснулся ее ног, Осандрея заговорила, словно только и ждала этого момента, и боль в сердце она скрыла за брезгливым тоном:

— У меня нет настроения проводить церемонию, Тротхолл. Позови Ранихинов и отправляйся. Глупость этого предприятия не станет меньше от промедления и красивых слов... Тебе сказать больше нечего. Свое задание я получила, и защита Страны не пошатнется до тех пор, пока я буду жива. Давай, зови Ранихинов.

Тротхолл мягко улыбнулся, а Морэм сказал с улыбкой:

— Это счастье, что у нас есть Осандрея. Никому другому я не смог бы доверить Вариоля, моего отца, и Тамаранту, мою мать.

— Оставь свои шуточки при себе! — огрызнулась Осандрея. — Мне сейчас не до них, слышишь?

— Слышу. Не обижайся на меня, сестра Осандрея, будь осторожна.

— Я всегда осторожна. А теперь отправляйтесь, пока я окончательно не вышла из себя.

Тротхолл кивнул Тьювору, десять Стражей Крови развернулись и рассредоточились так, чтобы каждый находился лицом к солнцу и чтобы никто при этом не затенял им свет. Затем они одновременно подняли руки ко рту и издали пронзительный свист, эхом отразившийся от стен Колыбели в рассветном воздухе.

Затем они свистнули еще раз и еще, и каждый раз этот звук был таким же яростным и одиноким, как крик

души. Но на последний свист ответом было далекое ржание и низкий гул могучих копыт. Все глаза в ожидании устремились на восток, к торжеству утреннего сияния. В течение некоторого времени ничего не было видно, и сотрясение почвы не имело никакого воплощения, словно мистический звук.

Но внутри солнечной орбиты показались лошади, словно материализованные в небесном огне.

Вскоре Ранихины миновали прямую траекторию солнца. Их было десять — диких и вызывающих животных. Это были огромные крутобокие животные с широкой грудью, гордой шеей, с некоторой угловатостью, свойственной мустангам. У них были длинные развевающиеся гривы и хвосты, прямой, как по отвесу, аллюр, и глаза, полные беспокойного разума. Гнедые, пегие, черные — они галопом приближались к Стражам Крови.

Кавинант знал о лошадях достаточно много, чтобы понять, что Ранихины — такие же индивидуальности, как и люди, но у них есть одна общая деталь: белая звездочка посредине лба. Неся на своих спинах разгорающийся рассвет, они выглядели, как воплощение самой Страны — воплощение здоровья и силы.

Зыркая и склонив головы, они остановились перед Стражами Крови. И Стражи Крови низко поклонились им. Ранихины ударили о землю копытами и тряхнули гривами, словно добродушно смеясь над обычными человеческими проявлениями уважения. Спустя мгновение Тьювор заговорил с ними:

— Привет Ранихины, носители гордости и блюстители Страны! Плоть Солнца и Гривы Небес, мы счастливы, что вы услышали наш зов. Мы должны отправиться в долгое путешествие на много дней. Понесете ли вы нас?

В ответ несколько коней наклонили головы, а остальные встали на дыбы и принялись танцевать, как жеребята. Потом они двинулись вперед, подойдя каждый к одному из Стражей крови и тыкаясь в них носом, словно побуждая их сесть себе на спину. Стражи Крови так и сделали, хотя кони не имели не седел, ни уздечек. Усевшись Ранихинам прямо на голые спины, Стражи Крови окружили отряд кольцом и выстроились в боевой порядок рядом с воинами-верховыми.

Кавинант чувствовал, что приближается минута расставания, и не захотел упустить случая. Подойдя вплотную к Осандрее, он спросил:

— Что все это значит? Откуда они взялись?

Лорд повернулась и ответила почти охотно, словно руководствуясь радостью отвлечения:

— Разумеется, вы же чужак. Но как я могу вкратце объяснить столь глубокий вопрос? В общем, Ранихины свободны, неприручены, и их дом находится на равнинах Ра. За ними ухаживают Рамены, но сесть на них верхом может лишь тот, кого они сами выберут. Это свободный выбор. И как только Ранихин выберет себе седока, то с того момента хранит ему верность и в огне, и в смерти.

Избранных немного. Из всех, ныне живущих Лордов, только Тамаранта удостоена чести ездить на Ранихине. Гордая Хайнерил выбрала ее, хотя ни Тротхолл, ни Морэм пока еще не пытались добиться такого признания. Тротхолл не испытывал желания к этому. Но я подозреваю, что одна из причин, заставившая его предпринять путешествие на юг, — это дать Морэму шанс быть избранным.

Впрочем, это не имеет значения. Со времен Высокого Лорда Кевина между Ранихинами и Стражей Крови установились довольно тесные узы. В силу ряда причин, из которых мне известно лишь несколько, ни один из Стражей Крови не остался неизбранным.

Что же касается сегодняшнего появления здесь Ранихинов, то этого я объяснить не могу. Это существа Зеленой Силы. Каким-то образом каждый Ранихин чувствует, что его должен позвать наездник; да, чувствует и всегда отвечает на зов. Здесь сейчас Хурин, Барха, Мерни и еще несколько. Десять дней тому назад они услышали зов, который достиг ваших ушей лишь сегодня утром, и, проскакав более четыре сотен лье, они прибыли сюда, свежие, как рассвет. Если бы мы могли сравняться с ними, Страна никогда не оказалась бы перед лицом такой угрозы.

Пока она говорила, Тротхолл и Морэм взобрались на своих лошадей, а Кавинант, сопровождаемый Осандреей, тоже очутился возле своего скакуна. Под влиянием ее голоса он без колебания сел на мустанга. Но едва по-

ставив ногу в стремя седла, сделанного из клинго, он ощутил внезапный спазм нежелания. Он не любил лошадей, не доверял им; их сила казалось ему слишком опасной. Он немного отъехал в сторону, чувствуя, как дрожат руки.

Осандрея с любопытством смотрела на него; но прежде, чем она успела что-либо сказать, среди собравшихся пронесся ропот удивления. Подняв голову, Кавинант увидел фигуры трех старых людей, сидевших верхом, — это были Лорды Вариоль и Тамаранта и Хатфрол Биринайр. Тамаранта сидела на спине огромной чалой Ранихин-кобылицы со смеющимися глазами.

Поклонившись им со своего седла, Высокий Лорд Тротхолл сказал:

— Я рад, что вы здесь. Нам нужно ваше благословение перед отъездом, равно как и Осандрее нужна ваша помощь.

Тамаранта тоже поклонилась в ответ, но на ее морщинистых губах играла слабая полуулыбка. Она быстро оглядела отряд.

— Ты сделал хороший выбор, Тротхолл, — сказала она и вновь обратила взор на Высокого Лорда. — Но совершил ошибку, не пригласив нас. Мы едем с тобой.

Тротхолл начал возражать, но Биринайр решительно перебил его:

— Разумеется. Как же иначе? Поход без Хайербренда, ну надо же!

— Биринайр, — укоризненно сказал Тротхолл, — безусловно, главная твоя задача — работа для заказа Гигантов.

— Главная? Конечно. Что же касается этого — ну... — раздраженно фыркнул Хайербренд, — что же касается этого — нет. К моему стыду, здесь вы можете обойтись без меня. Но я отдал все необходимые распоряжения. Нет. Другие справятся лучше. Вот уже много лет, как я перестал быть главным специалистом в этом деле.

— Тротхолл, — настойчиво сказала Тамаранта, — не запрещай нам этого. Мы стары, разумеется, мы стары. А путь долог и труден. Но это великое испытание нашего времени, великий вызов — единственное высокое и мужественное дело, в котором мы сможем участвовать, пока живы.

— Значит, защита Ревлстона для вас такая уж маловажная вещь?

Вариоль вздернул голову, словно вопрос Тротхолла был насмешкой.

— Ревлстон помнит, что нам не удалось восстановить ничего из учения Кевина. Какую возможную помощь сможем мы здесь оказать? Осандреи больше чем достаточно. Без этого похода наши жизни были бы прожиты впустую.

— Нет, мои Лорды, нет. Не впустую, — пробормотал Тротхолл. На лице его было смущение. Он обратил взгляд к Морэму, ища поддержки. Криво усмехаясь, Морэм сказал:

— Жизнь устроена очень разумно. Мужчины и женщины старятся для того, чтобы было кому учить молодых уму-разуму. Позволь им ехать с нами.

Прошло еще одно мгновение колебаний, и Тротхолл принял решение:

— Ну что ж, едем. Вы будете учить всех нас.

Вариоль улыбнулся Тамаранте, и она в ответ улыбнулась одними глазами с высокой спины Ранихина. На лицах их появилось выражение полного удовлетворения, а глаза заискрились радостью. Глядя на них, Кавинант подобрал поводья своей лошади и поудобнее уселся в седле. Его сердце тревожно билось, но клинго неожиданно дало ему ощущение безопасности, которое успокоило его. Следуя примеру Тротхолла и Морэма, он засунул посох под левое бедро, где тот приклеился к клинго. Затем он сжал коленями бока мустанга и постарался не волноваться.

Человек, державший коня, прикоснулся к колену Кавинанта, чтобы привлечь его внимание.

— Ее зовут Дьюра, Дьюра Дзафленк. В стране лошади встречаются редко. Я хорошо объездил ее. Он бегает не хуже Ранихина, — хвастливо добавил он и опустил глаза, словно смутившись своим преувеличением.

Кавинант хрипло ответил:

— А мне и не нужен Ранихин.

Человек принял это, как комплимент в адрес Дьюры, и засиял от удовольствия. Отойдя назад, он приложил ладони ко лбу и широко раскинул руки в приветственном салюте.

Со своего возвышения Кавинант осмотрел отряд. Вьючных лошадей не было, но к каждому седлу были приторочены мешки с провиантом и оружием, а за спиной у Биринайра висел густой пучок прутьев лиллианрилл. Стражи крови не были обременены чем-либо, но через плечо Гиганта был перекинут его огромный мешок, и он, казалось, готов был двигаться со скоростью не меньшей, чем скорость лошадей.

Тротхолл привстал на стременах и обратился к членам отряда:

— Друзья мои, мы должны отправиться в путь. Наш поход не терпит отлагательств, и срок испытания подгоняет нас. Я не буду тревожить ваши сердца длинным речами и связывать вас священными клятвами. Но я требую от вас двух вещей: берегите силы и помните Клятву Мира. Мы идем навстречу опасности, быть может, войне; если понадобится, мы будем сражаться. Но злобное кровопролитие не спасет Страну. Помните кодекс:

Не порань, где достаточно удержать;
Не изувечь, где достаточно поранить;
Не убей, где достаточно изувечить;
Величайший воин — тот, кто обходится
без убийств.

Затем Высокий Лорд развернул своего коня лицом к Ревлстону. Вытащив посох, он три раза взмахнул им над головой и вознес его к небу. Из его конца вырвалось голубое раскаленное пламя. И он крикнул, обращаясь к Колыбели:

— Эй, Ревлстон!

Все население Колыбели ответило единым могучим потрясающим долину криком:

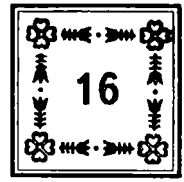
— Эй!

Этот победный клич, исторгнутый тысячами гортаней, достиг гор: сам утренний воздух, казалось, задрожал от одобрения и приветствия. Несколько Ранихинов весело взбрыкнули. В ответ Кавинант сжал зубы, ощутив внезапный спазм в горле. Он чувствовал себя никчемным и недостойным этого зрелища.

Тротхолл развернул коня и пустил его в галоп под гору. Отряд быстро рассредоточился в порядке следова-

ния. Морэм указал Кавинанту на его место позади Тротхолла, впереди Вариоля и Тамаранты. Четверо Стражей Крови двигались по бокам от Лордов. Кваен, Тювор и Корик скакали впереди Тротхолла, а сзади следовали Биринайр и йомен. Широким подпрыгивающим шагом рядом с Морэмом и Кавинантом двигался Гигант, делавший это с такой легкостью, словно совершал подобные путешествия каждый день.

Итак, отряд, снаряженный на поиски Посоха Закона, покинул Колыбель Лордов на рассвете нового дня.

ГРАНИЦА КРОВИ

Следующие три дня Томас Кавинант провел в бесконечных мучениях, доставляемых ему верховой ездой. Сидеть на седле из тонкой кожи было все равно, что ехать вообще без седла; жесткий хребет Дьюри, казалось, вот-вот распилит его пополам. В коленях было такое ощущение, словно они вывернуты из суставов: бедра и икры болели и ныли от напряжения, и боль эта постепенно распространилась вверх по спине; шея тоже устала от неожиданных прыжков Дьюры, когда она преодолевала неровности ландшафта. Временами Кавинант удерживался на спине своей лошади лишь потому, что липкое седло клинго не давало ему упасть. А по ночам все мышцы так ужасно ныли, что он не мог уснуть без помощи "алмазного глотка".

В итоге он почти не видел окружающего пейзажа, не замечал ни погоды, ни настроения членов отряда. Он игнорировал или пресекал любую попытку увлечь его в разговор. Он был целиком поглощен своими болевыми ощущениями и страхом развалиться на две половины. И вновь ему пришлось признаться себе в самоубийственной природе своего сна, вызванного затмевающим сознание помрачением его разума.

Но напиток Гиганта и невероятное здоровье Страны действовали на него, невзирая на все его страдания. Плоть его постепенно приспосабливалась к жесткой спине Дьюры. И, сам того не сознавая, он все более совершенствовался как наездник. Он учился, как совершать движения вместе с лошадью вместо того, чтобы сопротивляться ей. Проснувшись после третьей ночи, он обнаружил, что физические страдания больше не доминируют над ним.

К этому времени отряд уже оставил позади возделанные поля вокруг Ревлстона и углубился в дикие степи. Однажды они разбили лагерь в центре сурового плато, и когда Кавинант получил возможность обращать внимание на пейзаж, то глазам его представилась скалистая и безрадостная местность.

Тем не менее сознание того, что он движется вперед, вновь дало ему иллюзию безопасности. Подобно многим другим вещем, Ревлстон был теперь позади. Когда к нему обратился Гигант, он нашел в себе силы ответить без раздражения.

Заметив это, Гигант сказал Морэму:

— Камень и Море, мой Лорд! Мне кажется, Томас Кавинант решил вернуться к жизни. Безусловно, это заслуга "алмазного глотка". Эй, Юр-лорд Кавинант, добро пожаловать в нашу компанию. Знаете ли вы, Лорд Морэм, что у Гигантов существует древняя легенда о войне, прекращенной "алмазным глотком"? Хотите послушать? Я могу рассказать ее за полдня.

— В самом деле? — усмехнулся Морэм. — Неужели на это потребуется всего лишь полдня, даже если ты будешь рассказывать на бегу, во время движения?

Преследующий Море от души расхохотался.

— Тогда я справился бы с этим к закату следующего дня. Это говорю я, Соленое Сердце Преследующий Море.

— Я слышал эту легенду, — сказал Великий Лорд Тротхолл. — Но рассказывавший ее заверил меня, что на самом деле причиной окончания войны был все же не "алмазный глоток". Эта заслуга принадлежит манере разговаривать Гигантов. Когда Гиганты перестали задавать вопросы о причинах войны, прошло уже столько времени, что соперники забыли ответ.

— Ах, Высокий Лорд, — вновь захохотал Преследующий Море. — Вы не так поняли. Это были Гиганты, которые пили "алмазный глоток".

Смех вырвался у слушающих воинов, и Тротхолл тоже улыбнулся, возвращаясь к своему коню. Вскоре отряд уже вновь был в пути, и Кавинант занял место рядом с Морэмом.

Теперь Кавинант начал прислушиваться к звукам, производимым движущимся отрядом. Лорды и Стражи

Крови почти всегда молчали, погрузившись в размышление, но топот копыт перекрывали ропот и обрывки песен, доносившихся со стороны воинов. Возглавляемые Квааном, они выглядели уверенными в себе и радостно оживленными, словно им не терпелось наконец применить в деле навыки, полученные за годы тренировок в учении Меча.

Некоторое время спустя Лорд Морэм удивил Кавинанта тем, что без всякого предисловия вдруг сказал:

— Юр-лорд, как вам известно, Совет задал вам не все вопросы, какие следовало бы задать. Могу ли я сделать это сейчас? Мне хотелось бы побольше узнать о вашем мире.

— Моем мире? — Кавинант с трудом проглотил слюну. Ему не хотелось говорить об этом; не хотелось вновь переживать болезненную процедуру Совета. — Зачем?

Морэм пожал плечами.

— Потому что чем больше я о вас узнаю, тем точнее смогу определить, что следует ожидать от вас в момент опасности. Или, может быть, потому, что понимание вашего мира может научить меня обращаться с вами надлежащим образом. Или, быть может, потому, что я задал этот вопрос просто из чувства товарищества.

В голосе Морэм Кавинант услышал искренность, и это обезоружило его. Он поклялся Лордам и самому себе соблюдать своего рода честность. Но этот долг был для него нелегким, и он не мог бы найти никакого легкого способа высказать все, что необходимо было сказать. Повинуясь наитию, он начал перечислять:

— У нас существует рак, болезни сердца, туберкулез, всевозможные склерозы, дефекты от рождения, проказа, есть также алкоголизм, венерические заболевания, наркомания, изнасилования, грабеж, убийства, развращение малолетних, геноцид...

Но далее он не в состоянии был перечислять этот каталог зол, который мог длиться вечно. Через мгновение он привстал на стременах и жестом указал на лежащие вокруг суровые равнины.

— Вероятно, вы видите их лучше, чем я, но я могу все же сказать, что они прекрасны. Они живы, живы в том смысле, в каком должны быть. Эта трава имеет не-

приглядный вид — она желтая, жесткая и редкая, но я могу видеть ее здоровье. Она принадлежит этому месту, этому виду почвы. Черт возьми! Глядя на грязь, я даже могу определить, какое сейчас время года. Я вижу весну.

В том мире, откуда я пришел, мы лишены способности видеть. Если не знать ничего о ежегодных циклах растений, невозможно определить разницу между весной и летом. Если не иметь... образца сравнений, невозможно определить... Но мир прекрасен, по крайней мере то, что от него осталось, что мы еще не разрушили. — Видение Небесной Фермы беспрепятственно проникло в его мозг, и он не смог удержаться от сарказма, заключая: — У нас тоже есть красота. Мы называем ее "декорацией".

— "Декорацией", — эхом отозвался Морэм. — Это слово мне незнакомо, но мне не нравится, как оно звучит.

Кавинант ощутил странное потрясение, словно только что увидел, обернувшись через плечо, что он стоит слишком близко к пропасти.

— Это означает, что красота — нечто побочное, — проскрежетал он. — Это хорошо, но это нечто такое, без чего можно жить.

— Можно? — Во взгляде Морэма появился опасный блеск.

А Гигант сзади него повторил, немного запыхавшись:

— Жить без красоты? Ах, мой друг! Как же вы сопротивляетесь отчаянию?

— Я не думаю, что мы это делаем, — пробормотал Кавинант. — Некоторые из нас просто упрямы.

Потом он замолчал. Морэм на задавал ему больше вопросов, и Томас ехал, погрузившись в свои мысли, пока Высокий Лорд Тротхолл не объявил остановку на отдых.

В течение остатка дня молчание Кавинанта, казалось, понемногу заражало всех остальных. Болтовня и пение йоменов постепенно стихло; Морэм как-то искоса поглядывал на Кавинанта, но не делал попыток продолжить их разговор; а Тротхолл казался таким же сумрачным, как и Стражи Крови. По прошествии некоторого времени Кавинант догадался, в чем причина их молчаливости. Этой ночью должно было наступить первое кровавое полнолуние.

Дрожь пронизала его. Эта ночь будет своего рода проверкой силы Друла. Если Пещерный Житель хотел удержать свою кровавую отметину даже на полной Луне, то Лордам придется признать, что его сила не имеет видимых пределов. И такая сила сможет наплодить целые армии, и, должно быть, почти наверняка уже породила мародеров, чтобы удовлетворить вкус Друла к грабежу. Тогда отряду придется сражаться, чтобы получить возможность пройти.

Кавинант с содроганием вспомнил свою краткую встречу с Друлом в пещере Кирил Френдор. Подобно своим спутникам, он чувствовал уже прикосновение ночной пелены и невольно думал о том, что может за ней скрываться.

Лишь Вариоля и Тамаранты, казалось, не коснулось общее настроение. Тамаранта выглядела полусонной и совершенно не правила своей лошадью, доверяя Ранихину самому выбирать путь. Ее муж сидел в седле прямо, твердо держал поводья, но рот его был расслаблен, а взгляд рассеян. Они выглядели немощными; Кавинант чувствовал, что может увидеть хрупкость их костей. Но лишь они одни из всего отряда были безучастны к наступлению ночи; казалось, они даже рады ее приближению. Быть может, они просто не понимали.

Еще до наступления темноты отряд остановился на северном склоне неровной горы, частично защищенном от преобладающего юго-западного ветра. Воздух стал холодным, словно зима вернулась, и ветер леденил сердца путешественников. Несколько воинов молча кормили и расседлывали лошадей, остальные готовили скромную пищу на огне, который Биринайр высек из одного прута Лиллианрилл. Ранихины галопом умчались прочь, чтобы заночевать в каком-то укромном месте или совершить некий обряд. Остальные скакуны остались на месте стреноженные. Стражи Крови выставили вокруг лагеря часовых, а остальные устроились возле огня, завернувшись в плащи. Как только остатки дневного света окончательно рассеялись, ветерок окреп и превратился в довольно сильный постоянный ветер.

Кавинант обнаружил, что не прочь был бы сейчас ощутить товарищеское участие, с которого начался день.

Но сам себе помочь в этом он не мог, и ему пришлось ждать, пока Высокий Лорд Тротхолл не поднимется, чтобы встретить мрачные предчувствия членов отряда.

Твердо уперев посох в землю, он запел Гимн Ревлстону, который Кавинант слышал во время вечерен. К нему присоединился Морэм, за ним Вариоль и Тамаранта, и вскоре весь йомен был уже на ногах, добавив к пению мощь своих голосов. Они стояли под мрачным небом — двадцать пять душ, поющих, словно пророки:

Семь кругов зла для утерянной веры,
Для предателя Страны, человека и духа,
И один храбрый Лорд против судьбы,
Чтобы уберечь цветок красоты
От черной порчи.

Они смело возвысили голоса, и контрапунктом этой мелодии был раскатистый тенор Гиганта, певшего свою песню. Когда гимн был спет до конца, они сели и заговорили все вместе низкими голосами, словно гимн — это все, что было им необходимо, чтобы восстановить мужество.

Кавинант сидел, глядя на свои узловатые руки. Не отрывая от них взгляда, он чувствовал восход луны; он ощутил вокруг себя странное напряжение, когда первый красный отблеск появился на горизонте. Но он закусил губу и не поднял глаза. Его спутники дышали часто и непрерывно, красноватый отблеск постепенно сгущался в середине огня, но Кавинант все не поднимал взгляда, словно изучал, как белеют костяшки его пальцев.

Потом он услышал мучительный шепот Лорда Морэма "Меленкурион!" и понял, что луна была полностью красная, запятнанная так, словно ее осквернение было законченным; такая красная, кровавая, словно ночное небо прорезали до самого сердца. Кавинант ощутил, как ее свет коснулся его лица, и щеку перекосило от отражения.

В следующее мгновение раздался отдаленный вой, словно плач протеста. В холодном воздухе он пульсировал, словно само отчаяние. Вопреки своей воле, Кавинант посмотрел на окрашенную в кровавый цвет равнину; на мгновение ему показалось, что люди должны ух-

ватиться за облегчение этого звука. Но никто не шевелился. Крик, должно быть, издавало какое-то животное. Быстро взглянув на обезображенную луну, Кавинант вновь опустил глаза.

И тут он с ужасом увидел, что лунный свет придал его кольцу красноватый оттенок. Металл выглядел так, словно его погружали в кровь. Серебро изнутри старалось пробиться сквозь алый отблеск, но он, казалось, просачивался внутрь, постепенно погашая, извращая белое золото.

Инстинктивно он понял. Несмотря на то, что сердце было готово выпрыгнуть из груди, он сидел неподвижно, внушая самому себе молчаливые и бесполезные предупреждения. Затем он вскочил, прямой и непреклонный, словно сама луна заставила его сделать это — руки прижаты к бокам, кулаки сжаты.

Позади него раздался голос Баннора:

— Не пугайся, Юр-лорд. Ранихины предупредят нас, если волки будут представлять угрозу.

Кавинант повернул голову. Страж Крови протянул к нему руку в успокаивающем жесте.

— Не прикасайся ко мне! — прошипел Кавинант.

Он рывком отодвинулся от Баннора. На мгновение он с бьющимся сердцем увидел, что кровавый свет луны сделал лицо Баннора похожим на лицо застывшей лавы. Затем под ногами у него, словно взрыв, возникло ужасное ощущение зла, и он упал рядом с огнем.

Ударившись о землю, он бросил тело вперед, не думая ни о чем, ощущая лишь неодолимое внутреннее желание избежать нападения. Перекатившись через голову, он почувствовал, что ноги ударились о тлеющие головешки костра.

Но едва Кавинант упал, Баннор прыгнул вперед. Когда Кавинант задел костер, Стражу Крови оставалось до него всего лишь шаг. Почти в то же самое мгновение он схватил Кавинанта за запястье и, легко выдернув из огня, поставил на ноги.

Еще не успев твердо встать на ноги, Кавинант обернулся к Баннору и прокричал ему в лицо:

— Не прикасайся ко мне!

Баннор отпустил руку Кавинанта и сделал шаг назад.

Тротхолл, Морэм, Гигант и все воины были уже на ногах. Они смотрели на Кавинанта с удивлением, замешательством и возмущением.

Он ощутил внезапную слабость. Ноги его дрожали, он опустился на колени возле костра.

"Проклятый Фаул подстроил мне это, он хочет меня погубить!" — подумал Кавинант, указывая трясущимися пальцами на землю в том месте, где только что стоял.

— Вот, — прошипел он. — Это было здесь. Я это почувствовал.

Реакция Лордов была мгновенной. Пока Морэм кричал Биринайру, Тротхолл быстро шагнул вперед и наклонился над местом, на которое указал Кавинант. Тихо бормоча что-то себе под нос, он коснулся земли кончиками пальцев, словно врач, исследующий рану. Затем к нему присоединились Морэм и Биринайр. Биринайр отодвинул Высокого Лорда в сторону, взял свой посох Лиллианрилл и прикоснулся его концом к подозрительному месту. Вращая посох между ладонями, он повелительно сосредоточил взгляд на своем любимом дереве.

— На какое-то мгновение, — пробормотал Тротхолл, — я кое-что почувствовал — какую-то память в земле. Затем она ускользнула от меня из-под рук. — Он вздохнул. — Это было ужасно.

Биринайр эхом отозвался: "Ужасно", сосредоточенно продолжая свои действия и разговаривая сам с собой. Тротхолл и Морэм смотрели на его руки, дрожавшие от старости или от какого-то ощущения. Вдруг он вскрикнул: "Ужасно! Рука Убийцы! И он отваживается здесь делать это?" Он бросился прочь с такой быстротой, что запнулся и упал бы, если бы его не подхватил Тротхолл.

На мгновение Тротхолл и Биринайр встретились друг с другом взглядами, словно пытаясь обменяться какими-то мыслями, которые нельзя было произнести вслух. Затем Биринайр высвободился из рук Тротхолла. Глядя вокруг себя так, словно собирался увидеть осколки своего достоинства, разбросанные под ногами, он хрипло пробормотал:

— Я настаиваю на своем. Я еще не настолько стар.

Взглянув на Кавинанта, он продолжал уже громче:

— Вы думаете, я стар. Разумеется. Стар и глуп. По-

перся в поход, когда надо было греть свои кости на печи. Как чурбан. — Указывая на Неверующего, он заключил: — Спросите его. Спросите!

Пока внимание всех было привлечено к Хайербренду, Кавинант поднялся на ноги и спрятал руки в карманы, чтобы скрыть цвет кольца. Когда Биринайр указал на него, Томас поднял взгляд от земли. От предчувствия у него похолодело в желудке, он едва вспомнил нападение на него в Анделейне и все, что за ним последовало.

Тротхолл твердо сказал:

— Вступите сюда снова, Юр-лорд.

С исказившей лицо гримасой Кавинант вышел вперед и поставил ногу на то место. Как только пятка коснулась земли, он вздрогнул в ожидании, постарался приучить себя к мысли, что в одном лишь этом месте земля стала небезопасной, лишенной опоры. Но на этот раз он ничего не почувствовал. Так же, как и в Анделейне, зло исчезло, оставив его под впечатлением, что яму прикрыли налетом надежности.

В ответ на молчаливый вопрос Лордов, он покачал головой.

После паузы Морэм уверенно сказал:

— Вы и прежде испытывали это.

Кавинант с усилием заставил себя произнести:

— Да, несколько раз в Анделейне, перед нападением на духов.

— Тебя коснулась рука Серого Убийцы. — Биринайр сплюнул. Но повторить своего обвинения не смог. Его кости, казалось, вспомнили о возрасте, и он устало осел, опершись на свой посох. Словно упрекая себя или извиняясь, он пробормотал:

— Разумеется. Моложе. Если бы молодым...

С этими словами он повернулся и зашаркал к своему месту.

— Почему ты не сказал нам об этом? — сурово спросил Морэм.

Этот вопрос заставил Кавинанта ощутить внезапный стыд, будто кольцо стало просвечивать сквозь ткань брюк. Плечи его сгорбились, и он глубже засунул руки в карманы.

— Я не... Сначала я не хотел, чтобы вы знали об

этом... о том, какой важной персоной считают меня Фаул и Друл. После этого... — он мысленно вернулся к критической ситуации в Святилище, — я думал о других вещах.

Морэм кивнул в знак того, что принимает это объяснение, и через мгновение Кавинант продолжал:

— Я не знаю, что это такое. И я чувствую это только через подошвы своих ботинок. Я не могу прикоснуться к этому ни руками, ни ногами.

Морэм и Тротхолл обменялись удивленными взглядами. Высокий Лорд сказал:

— Неверующий, я не в состоянии понять причину этих нападений. Почему твои ботинки делают тебя чувствительными к этому злу? Я не знаю. Но либо я, либо Лорд Морэм должны постоянно находиться рядом с тобой, чтобы ты смог ответить без промедления.

Затем он бросил через плечо:

— Первый Знак Тьювор. Вохафт Кваан. Вы слышали?

Кваан ответил.

— Да, Высокий Лорд.

А голос Тьювора тихо добавил:

— Нападение будет. Мы слышали.

— Потребуется постоянная готовность, — мрачно сказал Морэм, — и отважные сердца, чтобы противостоять бешеным атакам юр-вайлов, волков и Пещерных Жителей решительно и успешно.

— Это так, — сказал наконец Высокий Лорд. — Но всему свое время. Сейчас пора отдыхать. Надо набраться сил.

Отряд начал понемногу устраиваться на ночлег.

Напевая себе под нос песню Гигантов, Преследующий Море растянулся на земле в обнимку со своим заветным кожаным бурдюком, наполненным "алмазным глотком". Пока Стражи Крови распределяли часовых, воины расстелили одеяла для себя и для Лордов. Кавинанту казалось, что все наблюдают за ним, и он был рад, что одеяло помогло ему надежнее укрыть кольцо. Он долго не мог уснуть из-за холода; одеяло не спасало от холода, исходившего от кольца.

Но прежде, чем сон все-таки сморил его, он слышал песню Гиганта и видел Тротхолла, сидевшего возле тле-

ющего костра. Гигант и Высокий Лорд вместе несли ночную вахту — два старых друга Страны, бодрствующих перед лицом нависшей угрозы.

Рассвет следующего дня был серым и безрадостным: все небо укрывали тучи, будто слоем пепла, и Кавинант сидел в седле, согнувшись, словно на шее у него висел тяжелый груз. С заходом луны его кольцо утратило красный отблеск, но цвет остался в памяти, и кольцо, казалось, тянуло его вниз, подобно бессмысленному преступлению. Будучи беззащитным, он принял это наказание, которого не выбирал, не мог выбрать, которое было ему навязано. Свидетельства казались неопровержимыми. Подобно луне, он готов был пасть жертвой махинаций Лорда Фаул. Его желания здесь не принимались во внимание; для игры были выбраны такие струны его души, что это могло сломить любое сопротивление.

Он не мог понять, как это случилось с ним. Неужели его желание смерти, его слабость и отчаяние прокаженного были так сильны? К чему привел его упрямый инстинкт самосохранения? Куда делись его злость, его сила? Неужели его так долго приносили в жертву, что теперь даже самому себе он мог отвечать только как жертве?

Ответа не было. Он не был уверен ни в чем, кроме страха, овладевшего им, когда отряд остановился на привал в полдень. Он обнаружил, что не хочет слезать со спины Дьюры.

Он не доверял земле, контакт с ней пугал его. Он утратил основополагающую уверенность — свою веру в прочность и стабильность земли, веру, настолько очевидную, постоянную и необходимую, что до сего времени он просто не подозревал о ее существовании. Слепая молчаливая почва превратилась в черную руку, злобно страждущую его и только его.

Однако он все же заставил себя слезть с седла, и тут же ужасное ощущение пронзило его. Злобность и ядовитость этого ощущения заставили все нервы его сжаться, и он едва устоял на ногах, глядя, как Тротхолл, Морэм и Биринайр пытаются поймать то, что он чувствовал. Однако их попытка не удалась; страдание, причиненное этим прикосновением, прошло сразу, как только он отпрыгнул с этого места.

Тем же вечером, во время ужина нападение повторилось вновь. Укладываясь на ночлег, чтобы спрятать кольцо от луны, Кавинант дрожал, как в лихорадке. Утром шестого дня он проснулся с посеревшим лицом и с выражением обреченности в глазах. Перед тем, как сесть на Дьюри, он вновь подвергся нападению.

И еще раз, во время одного из очередных привалов.

И снова в то же мгновение, когда, с трудом поборов отчаяние, он отважился слезть с лошади в конце целого дня езды. Зло было похоже на очередной гвоздь, загоняемый в крышку его гроба. На этот раз нервы Кавинанта среагировали с такой силой, что он покатился по земле, как наглядная демонстрация тщетности всех попыток Лордов. В течение долгого времени ему пришлось лежать неподвижно, прежде чем он вновь обрел возможность контроля над своими конечностями, и когда он, наконец, встал, то при каждом шаге дергался и вздрагивал.

— Я жалок, жалок, — шептал он сам себе, но не мог найти внутри себя достаточно ярости, чтобы справиться с этим.

С дружеским участием в глазах Преследующий Море спросил его, почему он не снимет свои ботинки. Кавинанту пришлось немного подумать прежде, чем он вспомнил причину. Тогда он пробормотал:

— Это — часть меня, часть моего образа жизни. Я не должен... остается очень мало частей. И, кроме того, — устало добавил он, — если я сниму башмаки, то как тогда Тротхолл сможет найти?..

— Не надо это делать ради нас, — напряженно отозвался Морэм. — Разве можем мы просить об этом?

Но Кавинант лишь пожал плечами и пошел к костру. Он даже не притронулся этим вечером к еде, мысль о пище вызывала у него тошноту. Но, попробовав съесть несколько ягод алианты с куста, росшего неподалеку от лагеря, он обнаружил, что они действуют успокаивающе. Он съел пригоршню ягод, рассеяно разбрасывая вокруг семена, как учила его Лена, и вернулся в лагерь.

Когда ужин был окончен, Морэм сел рядом с Кавинантом. Не глядя на него, Лорд спросил:

— Как мы можем тебе помочь? Может быть, сделать носилки, чтобы тебе не пришлось касаться земли? Или,

может быть, есть какие-нибудь другие способы? Возможно, какая-нибудь из легенд Гиганта могла бы немного успокоить твое сердце? Я слышал, будто Гиганты хвастают, что сам Презренный стал бы другом земли, если заставить его выслушать легенду о Бегуне Невыносимом и Тельме Неуклюжем — настолько целительна эта легенда.

Внезапно Морэм повернулся прямо к Кавинанту, и Кавинант увидел, что его лицо проникнуто участием.

— Я вижу твою боль, Юр-лорд.

Кавинант опустил голову, избегая взгляда Морэма, и проверил, спрятана ли в карман его левая рука. Мгновение спустя он тихо сказал:

— Расскажи мне о Создателе.

— Ах, — вздохнул Морэм. — Мы не знаем точно, существует ли Создатель. Немногочисленные сведения об этом существе дошли до нас из наиболее таинственных глубин наших древнейших легенд. Мы знаем Презренного, но Создателя мы не знаем.

Затем Кавинант с некоторым удивлением услышал голос Лорда Тамаранты, вмешавшейся в разговор:

— Разумеется, мы знаем. Ах, эта глупость молодых. Морэм, сын мой, ты пока еще не пророк. Ты должен учиться этому виду мужества.

Медленно оторвав от земли свое тело, она встала, опершись на посох. Длинные седые волосы свисали вокруг ее лица, отбрасывая на него тени. Придвинувшись к огню, она чуть слышно пробормотала:

— Предсказания и пророчества несовместимы. Согласно Учению Кевина, только Хатфью, Лорд-отец, был одновременно и предсказателем и пророком. Менее сильные души не видят в этом разницы. Что ж, я не знаю. Но когда Кевин, Разоритель Страны, решил в своем сердце вызвать Ритуал Осквернения, он спас Стражу Крови, Ранихинов и Гигантов, потому что он был предсказателем. А поскольку он не был пророком, то не сумел предугадать, что Лорд Фаул выживет. Он не был таким великим, как Берек. Разумеется, Создатель существует.

Она взглянула на Вариоля, чтобы он подтвердил, и тот кивнул. Однако Кавинант не был уверен, что он не дремлет и слышит, о чем идет речь. Но Тамаранта в ответ

тоже кивнула как бы в знак того, что Вариоль ее поддержал. Подняв голову к ночному небу и звездам, она заговорила голосом, ломким от старости.

— Разумеется, Создатель жив, — повторила она. — А как же иначе? Противоположности существуют только при наличии друг друга. Иначе разница теряется, и остается только хаос. Нет. Отрицание не может быть без Созидания. Лучше спросить, как об этом мог забыть Создатель, сотворив Землю? Ибо если бы он не забыл, тогда созидание и отрицание существовали бы вместе в одном его существе, и он бы не знал об этом.

Вот что гласит древнейшая легенда: в Вечность, существующую до сотворения Времени, пришел Создатель, словно ремесленник, в свою мастерскую. И поскольку творить совершенство — характерное свойство созидания, Создатель целиком отдался своему замыслу. Сначала он построил арку Времени, чтобы его творение имело место, где существовать — и в краеугольный камень этой арки он заложил дикую магию, чтобы Время могло сопротивляться хаосу и длиться. Затем внутри арки он сформировал землю. На эту работу ушли века, он делал и переделывал, испытывал, пробовал и отвергал, и вновь испытывал и пробовал, так что в итоге его создание не могло ни в чем его упрекнуть. И когда Земля, на его взгляд, стала достаточно прекрасна, он дал жизнь его обитателям — существам, сутью жизни которых должно было стать воплощение его стремлений к совершенству. И он не отказал им в средствах, которые помогли бы им в борьбе за совершенство. Когда его работа была закончена, он испытал гордость, какую может испытать лишь творец.

Увы, он не понимал отрицания или забыл о нем. Он понимал свою задачу в том, чтобы сделать труд единственным средством для достижения совершенства. Но когда он завершил работу и его гордость вкусила первое удовлетворение, он взглянул на Землю повнимательнее, чтобы еще раз насладиться зрелищем своего творения, и был повергнут в ужас. Ибо, увы! Глубоко в земле, независимо от его воли или творчества, таилось зло разрушения, силы, достаточно могущественные, чтобы превратить его шедевр в грязь.

И тогда он понял или вспомнил. Быть может, рядом с собой он обнаружил само отрицание, заставившее его ошибаться во время работы. Или, возможно, он нашел источник вреда в самом себе. Это не имеет значения. Он пришел в ярость от горя и попранной гордости. В гневе от схватился врукопашную с Отрицанием, либо внутри, либо снаружи его, и в ярости он швырнул Презренного вниз, вместо бесконечности космоса, на Землю.

Увы! Таким образом Презренный оказался словно в заключении, внутри времени. И таким образом творение Создателя стало миром Презренного, который он мог терзать, как хотел. Поскольку сам закон Времени, принцип силы, сделавший возможным арку, служил для того, чтобы оберегать Лорда Фаул, как мы теперь его называем. Осквернение нельзя переделать, порчу невозможно уничтожить полностью. Последствия их деятельности можно залечить, но искоренить нельзя. Так Лорд Фаул причинил страдания Земле, и Создатель не может помешать ему, ибо сам поверг сюда Отрицание.

В горе и смирении Создатель смотрел на то, что сделал. Чтобы постигшая Землю беда не была совершенно безнадежной, он начал искать косвенные способы помочь своему творению. Он привел Лорда-Отца к созданию Посоха Закона — оружия против Отрицания. Но сам Закон Земного Созидания не позволял ничего большего. Если бы создатель решил утихомирить Лорда Фаул, то этот факт разрушил бы время, и тогда Презренный вновь очутился бы на свободе в бесконечности и мог бы творить любые осквернения, какие захотел.

Тамаранта сделал паузу. Она вела свой рассказ просто, не нагромождая излишней риторики или многословия. Но на мгновения ее тонкий старческий голос убедил Кавинанта в том, что Вселенная поставлена на карту и что его борьба была всего лишь микрокосмосом гораздо более обширного конфликта. В течение этого момента он с беспокойством ожидал, что она скажет дальше.

Внезапно она опустила голову и повернула морщинистое лицо к Кавинанту. Почти шепотом она произнесла:

— Так мы подошли к величайшему испытанию. Дикая магия здесь. Всего одно слово могло бы растерзать наш мир в клочья. Не ошибитесь, — произнесла она дро-

жащим голосом. — Если мы не сможем привлечь этого Неверующего на свою сторону, то Земля превратится в груду щебня.

Однако Кавинант не мог сказать, дрожал ли ее голос от старости или от страха.

Близился восход луны; он отправился спать, чтобы скрыть изменение в свечении кольца. Укрывшись одеялом с головой, он смотрел в темноту и определил момент восхода луны по кровавому отсвету, возникшему на поверхности кольца. Кстати, металл, казалось, был еще глубже пропитан этими пятнами, чем две ночи тому назад. Он притягивал взгляд Кавинанта, и когда тот, наконец, уснул, то был так же изможден, как после долгого допроса.

На следующее утро ему удалось добраться до спины Дьюри, не подвергаясь атакам, и он вздохнул с облегчением, ничуть не стесняясь этого. Тротхолл нарушил свой обычай и не стал объявлять привал в полдень. Причина этого стала ясна, когда всадники въехали на вершину небольшого холма, с которого открывался вид на реку Соулсиз. Они съехали вниз, торопясь оставить позади суровые равнины, и переплыли реку, не слезая с лошадей. На берегу решено было сделать привал. И вновь Кавинант беспрепятственно сошел на землю со своей лошади.

Однако остаток дня стал резким контрастом по сравнению с этой необъяснимой передышкой. На расстоянии нескольких лье от Соулсиз отряд впервые встретил на своем пути Веймит. Вспомнив рассказ Кавинанта об убитом Вейнхим, Тротхолл послал двух стражей Крови, Коррика и Трелля (охранявшего Лорда Морзма) на разведку к Веймиту. Однако они лишь подтвердили возникшие подозрения. Даже Кавинант в своем напряженном состоянии мог почувствовать запах запустения и заметить, что Вейнхим имеет заброшенный, неухоженный вид: зеленая крыша потемнела, сделалась коричневой и провисла. Вернувшись, Коррик и Террель доложили, что Вейнхим никем не охраняется.

Лорды встретили это известие с застывшими лицами. Было очевидно, что они боятся, как бы убийство, описанное Кавинантом, не заставило Вейнхимов отказаться

от своей службы. Но несколько воинов застонали в потрясении и горе, а Гигант скрипнул зубами. Кавинант оглянулся на него и на мгновение увидел лицо Преследующего Море, перекошенное яростью. Это выражение быстро исчезло, но произвело на Кавинанта неизгладимое впечатление. Неожиданно он почувствовал, что беззаветная преданность Гигантов Стране был опасна; в своих суждениях они были слишком поспешны.

Итак, в конце седьмого дня над отрядом нависла угроза, еще более усиленная луной, обезображенной кровавыми пятнами. И лишь Кавинант испытывал некоторое облегчение: преследовавшее его зло оставило его в покое. Но на следующий день всадники достигли границ Анделейна. Их путь пролегал вдоль подножия гор с юго-западной стороны, и даже сквозь серую пелену хмурой погоды великолепие Анделейна блистало, словно величайшая драгоценность Земли. Это заставило отряд немного приободриться, подействовало на него подобно живому образу того, как выглядела Страна до Осквернения.

Кавинанту это молчаливое утешение было так же необходимо, как и остальным, но оно отвергало его. Во время завтрака он опять подвергся нападению из земли. Передышка предыдущего дня, казалось, лишь усилила злобность атаки; ощущение боли буквально затопило Кавинанта.

Во время одной из очередных остановок нападение повторилось.

И тем же вечером, пока он ужинал ягодами алианты, состоялась еще одна атака. На этот раз зло ударило в него с такой силой, что он на некоторое время потерял сознание. Когда он очнулся, то обнаружил, что лежит на руках Гиганта, как ребенок. Он смутно чувствовал, что его бьют конвульсии.

— Сними свои ботинки, — настойчиво сказал Преследующий Море.

Онемение заполнило голову Кавинанта подобно туману, замедлило его реакцию. Но он все же сумел справиться со слабостью и спросил:

— Зачем?

— Зачем? Камень и Море, мой друг! Когда ты задаешь подобные вопросы, как я могу на них ответить? Спроси себя самого. Чего ты добился, перенеся такие муки?

— Себя, — тихо пробормотал Кавинант. Ему хотелось просто расслабиться на руках у Гиганта и уснуть, но он переборол это желание и начал вырываться из рук Преследующего Море, пока тот, наконец, не поставил его на ноги рядом с зажженным Биринайром огнем Лиллианрилл. Некоторое время ему пришлось, словно калеке, опираться на руку Гиганта, чтобы устоять, но затем один из воинов протянул ему свой посох, и Томас оперся на него.

— Путем сопротивления.

Но в глубине души он понимал, что не оказывал сопротивления. Кости его словно бы размягчились, растаяли от напряжения. Его ботинки стали пустыми символами непримиримости, которой он больше не испытывал.

Преследующий Море принялся было возражать, но Морэм остановил его.

— Ему виднее, — мягко сказал Лорд.

Немного спустя Кавинант погрузился в лихорадочный сон. Он не знал ничего о том, как его бережно уложили в постель, и что Морэм, наблюдавший за ним ночью, видел кровавые пятна на его обручальном кольце.

Во время сна Кавинант пережил нечто вроде кризиса и проснулся с ощущением, что он проиграл, что его способность продолжать существование была поставлена на карту и результат розыгрыша оказался не в его пользу... Горло саднило, словно оно было полем битвы. Когда он с трудом разомкнул веки, то снова обнаружил, что лежит на руках Преследующего Море, вокруг остальные члены отряда были готовы отправиться в путь.

Увидев, что Кавинант открыл глаза, Гигант нагнулся над ним и тихо сказал:

— Я лучше понесу тебя на руках, чем видеть твои страдания. Наш путь к Колыбели Лордов был для меня легче, чем видеть тебя сейчас.

Кавинант взглянул на Гиганта. Лицо его было напряжено, но это не было напряжение, вызванное усталостью. Скорее, это было похоже на какое-то внутреннее давление, распиравшее его лоб так, что тот, казалось, не выдержит. Кавинант долго смотрел на него, прежде чем

понял, что это выражение сострадания. Вид боли Кавинанта заставил пульс Гиганта участиться, и это было видно по набухшим у него на висках голубым жилкам.

"Гиганты? — подумал Кавинант. — Неужели они все такие?" Глядя на эту концентрацию эмоций, он пробормотал:

— Что значит "Преследующий Море"?

Гигант, кажется, не заметил неуместности этого вопроса.

— "Преследующий" на языке Гигантов обозначает "компас", — просто ответил он. — Так или иначе, мое имя звучит как "Морской компас".

Кавинант начал слабо двигаться, пытаясь выбраться из объятий гиганта. Но Преследующий Море не выпускал его, молчаливо запрещая ему ступать на землю.

Но тут вмешался Лорд Морэм. С мрачной решимостью в голосе он сказал:

— Отпусти его.

— Отпусти, — эхом сказал Кавинант.

Под тяжелыми бровями Гиганта сверкнули несколько молний, но он лишь спросил:

— Зачем?

— Я решил, — ответил Морэм. — Мы не сдвинемся с этого места до тех пор, пока не поймем, что же все-таки происходит с Юр-лордом Кавинантом. Я и так слишком долго откладывал этот риск. Смерть сгущается вокруг нас. Отпусти его на землю.

Глаза Морэма опасно сверкнули.

И все-таки Преследующий Море колебался, пока не увидел, что Высокий Лорд Тротхолл кивнул, поддерживая Морэма. Тогда он придал Кавинанту вертикальное положение и осторожно опустил его на землю. Мгновение его руки, готовые тотчас защитить, лежали на плечах у Кавинанта. Потом он сделал шаг назад.

— А теперь, Юр-лорд, — сказал Морэм, — дай мне руку. Мы будем стоять вместе, пока ты не почувствуешь зло, а я не почувствую его через себя.

При этих словах червячок слабой паники шевельнулся в сердце у Кавинанта. В глазах у Морэма он увидел свое отражение: увидел, как он осиротело стоит, а в глазах у него написано то, что он потерял. Эта потеря ужас-

нула его. На этом крошечном отражении лица вдруг промелькнуло выражение, сказавшее ему, что если нападения на него будут продолжаться, то он неизбежно научится получать наслаждение от чувства ужаса и отвращения, которое они ему давали. Он обнаружил границу, отделявшую от самолюбия в страдании, и Морэм просил его рискнуть перейти эту границу.

— Давай, — настойчиво сказал Морэм, протягивая правую руку. — Если мы хотим оказать сопротивление злу, мы должны понять его.

В отчаянии Кавинант протянул руку. Их ладони соприкоснулись; они сцепили пальцы. Двух пальцев Кавинанту казалось мало, чтобы выполнить замысел Морэма, но рукопожатие Лорда было твердым. Словно участники сражения, они стояли рука об руку, словно готовились схватиться врукопашную с каким-то страшным вампиром.

Атака последовала почти сразу же. Кавинант вскрикнул, согнулся, словно кости его размякли, но не отпрыгнул в сторону. В первое мгновение его удержало крепкое рукопожатие Морэма. Потом Лорд обхватил Кавинанта свободной рукой и прижал его к себе. Сила страданий Кавинанта нанесла удар и Морэму, но он устоял на ногах и только крепче прижал к себе Кавинанта.

Нападение закончилось так же внезапно, как и началось. Кавинант со стоном осел в руках Морэма.

Морэм поддерживал его до тех пор, пока Кавинант не зашевелился и не встал на ноги. Потом Лорд медленно опустил его. Мгновение их лица казались странно похожими. На них было одинаковое выражение преследуемой жертвы, тот же опустошенный взгляд, те же капли пота. Но вскоре Кавинант судорожно выдохнул, а Морэм расправил плечи, и сходство исчезло.

— Я был глупцом, — взволнованно произнес Морэм. — Я должен был догадаться — это Друл Каменный Червь, который, используя силу Посоха, хочет найти тебя. Он может почувствовать твое присутствие по касаниям к почве твоих ботинок, поскольку они не похожи ни на что, сделанное в Стране. Таким образом он знает, где ты находишься, а значит — где находимся мы.

Теперь я могу предположить, что в тот день, когда мы

пересекли Соулсиз, ты получил передышку потому, что Друл считал, что мы будем двигаться к нему по реке, и искал нас на воде, а не на суше. Но потом он понял свою ошибку и вчера возобновил контакт с тобой.

Лорд сделал паузу, чтобы Кавинант мог осознать все, сказанное им. Потом он заключил:

— Юр-лорд, ради всех нас, ради Страны, вы не должны носить свои ботинки. Друл и так уже слишком много знает о нас и о нашем продвижении. Вокруг полно его слуг.

Кавинант не ответил. Слова Морэма, казалось, лишили его последних сил. Испытание было для него чересчур тяжелым, со вздохом он опустился на руки Лорду. Потеряв сознание, он не видел, как заботливо с него сняли ботинки и одежду и уложили их в чересседельные мешки Дьюры, как осторожно Лорды обмыли ему ноги и одели в костюм из белой парчи, с какой печалью сняли с него кольцо и прикрепили его к новому кусочку клинго рядом с сердцем, как нежно нес его Преследующий Море в своих руках весь этот день. Он лежал во тьме, словно жертва, он чувствовал, как зубы проказы вгрызаются в его плоть. Его окружал запах презрения, который настаивал на его импотенции. Но губы его были изогнуты в мирной улыбке, а лицо его было спокойным и даже довольным, словно он наконец полностью примирился со своим разрушением.

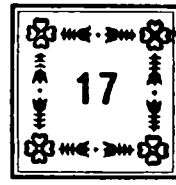
Он все еще улыбался, когда проснулся поздно вечером и обнаружил, что смотрит прямо на широкую вампироподобную улыбку луны. Его улыбка медленно перешла в натянутую гримасу, а на лице возникло выражение то ли счастья, то ли ненависти. Но вдруг огромная фигура Гиганта заслонила от него луну. Тяжелые ладони Преследующего Море, каждая величиной с лицо Кавинанта, нежно погладили его по голове, и эта ласка оказала на него воздействие. Его глаза утратили неприятное выражение, а лицо расслабилось, отразив уже не муку, а спокойствие. Вскоре он спал глубоким сном без злых сновидений.

На следующий день — десятый день похода — он проснулся спокойный, словно понимая, что его удерживает на границе между противоречивыми требованиями.

Ощущение безысходности овладело им, словно у него больше не было мужества заботиться о себе. И, тем не менее, он был голоден. Он плотно позавтракал и не забыл поблагодарить при этом женщину из племени Вудхельвенов, которая, кажется, взяла на себя добровольную заботу о его питании. Свою новую одежду он воспринял безразлично, уныло пожав плечами и отметив про себя со смутным сарказмом, с какой легкостью он все же способен терять себя и как ловко сидел на нем белый костюм, словно был сшит по заказу. Потом он молча сел на Дьюри.

Его спутники смотрели на него так, словно боялись, что он упадет. Он был пока еще слабее, чем сам это сознавал; чтобы удержаться в седле, ему потребовалась концентрация всех сил, но он справился с этой задачей. Понемногу все пришли к мнению, что он вне опасности, и отряд двинулся вперед.

Кавинант ехал среди них сквозь солнечный свет и теплый весенний воздух, вдоль цветущих лугов Анделейна; ехал, ослабевший и безразличный, словно его заперли между двумя невозможностями.

Смерть в огне

Этой ночью отряд остановился в узкой долине между двумя каменистыми горными склонами, в половине лье от густых трав Анделейна. Воины были в приподнятом настроении, освободившись от напряжения последних нескольких дней, и среди них вновь зазвучали рассказы и песни, молчаливыми слушателями которых были Лорды и Стражи Крови. Хотя Лорды не принимали участия в разговорах, но слушали они, казалось, с удовольствием, и несколько раз было слышно, как тихо смеются Морэм и Кваан.

Но Кавинант не разделял возбуждения йоменов. Тяжелая рука пустоты держала закрытой крышкой его эмоции, и он чувствовал себя обособленным, неприкасаемым. Наконец он отправился спать прежде, чем воины закончили свою последнюю песню.

Некоторое время спустя его разбудило прикосновение чьей-то руки к плечу. Открыв глаза, Кавинант увидел склонившегося к нему Гиганта.

— Вставай, — прошептал Гигант. — Ранихины принесли известие. За нами охотятся волки. Кроме того, юрвайлы тоже могут быть где-то неподалеку. Мы должны идти.

Кавинант сонно моргал, глядя в затемненное ночью лицо Гиганта.

— Зачем? Разве они не последуют за нами?

— Торопись, Юр-лорд. Террель, Корик и, вероятно, треть йомена Кваана останутся здесь в засаде. Они разгонят эту стаю. Вставай.

Но Кавинант упирался.

— Ну и что с того? Они только отступят назад, а потом снова бросятся в погоню. Дай мне поспать.

— Мой друг, ты испытываешь мое терпение. Вставай, по пути я все объясню.

Кавинант со вздохом выбрался из-под своего одеяла. Пока он завязывал кушак костюма, надевал на ноги сандалии и проверял наличие посоха и ножа, его помощница из рода Вудхельвенов собрала постель, упаковала ее и убрала в чуресседельный мешок. Потом она подвела к Кавинанту Дьюри.

Чувствуя на себе нетерпеливые взгляды спутников, Кавинант сел на лошадь и в сопровождении Гиганта направился к центру лагеря, где его уже ждали сидевшие верхом Лорды. Когда воины были готовы, Биринайр потушил последние огоньки костра и с трудом взобрался на своего коня. Мгновение спустя всадники повернули коней и выехали из узкой долины, прокладывая путь через сырую местность в красном свете заходившей луны.

Земля под копытами Дьюры был похожа на медленно кипевшую кровь, и Кавинант сжала кольцо в руке, чтобы закрыть его от этого отвратительного света. Его спутники двигались в напряженном молчании; любой еле слышный звук меча тотчас же заглушался, дыхание тоже было затаенным. Ранихины двигались беззвучно, словно тени, и на их широких спинах Стражи Крови сидели, словно статуи, в высшей степени настороженные и одновременно бесчувственные.

Потом луна зашла. Тьма наступила, словно облегчение, она, казалось, еще усугубила риск их побега. Но весь отряд был окружен Ранихинами, и могучие кони выбирали такую дорогу, которую без труда могли преодолеть и другие скакуны.

Проехав два или три лье, все немного расслабились. Шума погони слышно не было, опасности не чувствовалось. Наконец Преследующий Море дал Кавинанту объяснение, которое обещал.

— Все очень просто, — прошептал Гигант. — После рассеивания стаи Корик и Террель пойдут по нашим следам, а потом повернут в другую сторону, чтобы сбить со следа преследователей. Они будут двигаться прямо в глубь Анделейна, к востоку от Горы Грома, так что по-

гоня будет сбита с толку. Затем они повернут и присоединятся к нам.

— Зачем? — тихо спросил Кавинант.

Объяснения продолжил Лорд Морэм:

— Мы сомневаемся в том, что Друл сможет понять наши намерения.

Кавинант не мог ощутить присутствия Лорда так же сильно, как Гиганта, поэтому голос Морэма звучал во тьме как-то бестелесно, словно это говорила сама ночь. Такое впечатление, казалось, мешало поверить его словам, словно без подтверждения физическим присутствием все, сказанное Лордом, было неправдоподобным.

— Наш поход должен казаться ему во многом глупым. Поскольку он владеет Посохом, мы должны быть сумасшедшими, чтобы приблизиться к нему. Но если, тем не менее, мы все же решили приблизиться, тогда выбранное нами южное направление — еще большая глупость, поскольку дорога здесь длиннее, а его сила день ото дня возрастает. Он будет ждать, что мы повернем на восток, приближаясь к нему, или в Убежище Судьбы на юг, и попытаемся удрать. Корик и Террель дадут Друлу повод думать, что мы повернули и готовимся к нападению. Если он не будет знать нашего точного местоположения, то не сможет догадаться о нашей истинной цели. Он будет искать нас в Анделейне и постарается укрепить свою защиту в Горе Грома. Поверив, что мы повернули для нападения на него, он поверит также, что мы овладели силой вашего белого золота.

Кавинант некоторое время обдумывал все это, затем спросил:

— Что во время всего этого собирается делать Фаул?

— Ах, — вздохнул Морэм. — Это вопрос не в бровь, а в глаз. Над нами нависла угроза — угроза для нашего отряда и для всей Страны. — Он ненадолго замолчал. — Когда я сплю, мне снится, что он хохочет.

Кавинант вздрогнул, вспомнив сокрушительный смех Фаула, и замолчал. Итак, всадники пробирались сквозь тьму, вверяя себя инстинктам Ранихинов. С наступлением рассвета оставленная ими засада на волков была уже далеко позади.

Отряду потребовалось еще четыре дня почти непре-

рывной езды (они делали по пятнадцать лье в день), чтобы достичь реки Мифиль, южной границы Анделейна. Отряд двигался все это время на юго-восток, не имея ни малейшего представления о судьбе группы Корика. Она состояла всего лишь из восьми человек, но без них отряд казался чересчур маленьким и ослабевшим. Тревога Высокого Лорда и его спутников рокотала в топоте их скакунов и эхом отдавалась в молчании, которое пролегло между ними, подобно пустой могиле.

Из глаз воинов исчезло то удовольствие, с каким прежде они смотрели на Анделейн слева от них. С рассвета до заката все взоры были обращены к восточному горизонту, они не видели ничего, кроме пустоты, в которой не появлялись всадники Корика. То и дело Преследующий Море отделялся от отряда, чтобы взбежать на ближайший холм и оттуда посмотреть вдаль; но каждый раз он возвращался запыхавшийся и безутешный, и отряду ничего больше не оставалось, как по ночам мучиться кошмарами и снами, объясняющими отсутствие Корика.

Молчаливое единодушное мнение всех заключалось в том, что никакого количества волков не было достаточно, чтобы победить двух Стражей Крови, под которыми были такие скакуны из числа Ранихинов, как Хурин и Крабха. Нет, должно быть, группа Корика попала в лапы небольшой армии юр-валов — так объясняли себе члены отряда ее отсутствие, хотя Тротхолл утверждал, что Корик мог бы проскакать много лье, чтобы найти реку или другое средство сбить волков со следа. Слова Высокого Лорда были очень логичны, но в кровавом свете луны они звучали как-то пусто. И, несмотря на них, Вохафт Кваан уже готовился к церемонии, традиционной в случае гибели воинов.

Все всадники были подавлены и мрачны, когда в сумерки на четвертый день пути они достигли берегов Мифиль.

Как только они приблизились к реке, слева от них неожиданно вдруг выросла крутая гора, словно граница Анделейна. Она охраняла северный берег; отряд мог пересечь ее основание, чтобы добраться до Анделейна, только вытянувшись цепочкой по одному вдоль края реки.

Однако Тротхолл предпочел этот путь пересечению вплавь сильного течения реки. Сопровождаемый лишь Тьювором, он направился на восток вдоль берега. Отряд следовал за ним по одному. Вскоре они уже пересекли границу горы.

Рассредоточившись сейчас в цепочку, они были очень уязвимы. По мере того, как гора вырастала сбоку от них, ее склон становился все более отвесным, а каменистая вершина диктовала путь вдоль реки подобно крепости. Всадники двигались, внимательно вглядываясь вперед: они отлично осознавали всю опасность своего положения.

Они еще не успели пересечь границу, когда услышали с вершины горы чей-то крик. Среди камней появилась фигура человека. Это был Террель.

Всадники радостно приветствовали его. Поспешив закончить пересечение горы, они оказались на широкой травянистой равнине, где неподалеку от реки паслись лошади — два Ранихина и пять мустангов.

Мустанги были заметно изможднены. Ноги их дрожали от слабости, а шеи были устало опущены; у них едва хватало сил, чтобы кормиться.

— Пять, — повторил про себя Кавинант. Он чувствовал какую-то тупую уверенность, что обсчитался. Корик уже опускался к ним с вершины горы. Его сопровождало пять воинов.

Кваан с гневным криком соскочил со своего коня и побежал к Стражу Крови.

— Айрим! — требовательно произнес он. — Где Ийрин? Именем Семи! Что с ней случилось?

Корик ничего не говорил до тех пор, пока не предстал перед Великим Лордом Тротхоллом. Кавинанта поразила противоречивая комбинация, которая получилась при этом: пять воинов, полные чрезвычайного возбуждения, мужества и горя, и один Страж Крови, невозмутимый, словно патриарх. Если Корик и чувствовал какое-то удовлетворение или боль, он не показывал этого.

В одной руке он держал огромный сверток, но не стал сразу объяснять, что это такое. Вместо этого он отдал салют Тротхоллу и сказал:

— Высокий Лорд. С вами все в порядке? Вас преследовали?

— Мы не заметили погони, — мрачно заметил Тротхолл.

— Это хорошо. Нам кажется, что наш план удался.

Тротхолл кивнул, и Корик начал свой рассказ:

— Мы встретили волков и хотели разогнать их. Но это были волки креш, — он сплюнул, — и их не так-то просто повернуть назад. Поэтому мы повели их за собой на восток. Они не стали бы заходить в Анделейн. Они выли над нашими следами, но войти не решались. Мы смотрели на них издали, пока они не повернули на север. Потом мы поскакали на восток.

По прошествии одного дня и одной ночи мы сошли с вашего следа и повернули на юг. Но встретили мародеров. Они оказались сильнее, чем мы предполагали. Это был юр-вайл вместе с Пещерными Существами, да еще гриффин.

Среди слушателей Корика пронесся ропот удивления и сожаления, а Страж Крови прервал свой рассказ, чтобы произнести длинное проклятие на своем родном певучем языке Харучай. Затем он продолжил.

— Айрин помогла нам бежать. Но мы сбились со своего пути. До этого места мы добрались совсем незадолго до вас.

С затрепетавшими от отвращения ноздрями он поднял сверток.

— Этим утром мы увидели над собой ястреба. Он летел как-то странно. Мы застрелили его.

Мы вытащили из мрака тело убитой птицы. Над огромным ее клювом был всего один глаз — большой сумасшедший шар, расположенный посреди лба.

Он поразил всех членов отряда злобой, которую излучал. Ястреб был злом, уродством, существом, созданным силами зла для целей зла. Сила, отважившаяся извратить природу, направила развитие этой птицы с момента ее зачатия по ложному пути. Это зрелище заставило Кавинанта почувствовать удушье, а потом приступ тошноты. Он лишь услышал, как Тротхолл сказал:

— Это работа Камня Иллеарта. Разве мог бы Посох Закона сотворить подобное преступление, подобное надругательство? Ах, друзья мои, это творение нашего врага. Присмотритесь повнимательнее. Милосердие — отнимать жизнь у подобных созданий.

С этими словами Высокий Лорд удалился, отягощенный новым известием.

Кваан и Биринайр предали тело осквернённого ястреба земле. Вскоре воины из отряда Корика тоже заговорили, и их рассказ дополнил картину последних четырех дней. Внимание всех, конечно, приковала битва, в которой погибла Айрин из йомена.

Ранихин Брабха первый почувствовал опасность и предупредил об этом Корика. Тот сразу спрятал свою группу в густой рощице, где они стали ждать появления мародеров. Приложив ухо к земле, он определил, что это была смешанная сила пеших юр-вайлов и Пещерных Существ — Пещерные Существа не обладали способностью юр-вайлов передвигаться бесшумно — общим числом не более пятнадцати. Поэтому Корик задал себе вопрос, как ему следует поступить: спасти своих спутников, как защитников Лордов, или сокрушить врагов Лордов. Стражи Крови принесли клятву защищать Лордов, а не Страну. И все же он выбрал битву, поскольку считал свой отряд достаточно сильным, к тому же на его стороне было преимущество внезапности.

Его решение спасло их. Позже выяснилось, что если бы они не напали, то роща стала бы для них западней: паника лошадей все равно выдала бы их присутствие.

Это была непроглядная ночь после захода луны, вторая ночь после того, как группа Корика оставила отряд, а мародеры двигались без огней. Даже острое зрение Стражей Крови различало не более чем очертания врагов. Между двумя сближающимися силами дул ветер, так что и Ранихины не могли определить по запаху степень угрозы.

Когда мародеры добрались до открытой местности, Корик подал знак группе; воины вихрем вылетели из рощи следом за ним и Террелем. Ранихины сразу же опередили остальных, так что Корик и Террель уже завязали бой с врагом, когда вдруг раздались полные ужаса крики лошадей. Развернув Ранихинов, Стражи Крови увидели, как все шесть воинов пытаются справиться со своими охваченными паникой лошадьми, и кружащего над ними гриффина.

Гриффин представлял собой похожее на льва существо

с сильными крыльями, позволявшими ему делать перелеты на короткие расстояния. Он приводил в ужас лошадей, кидался на всадников. Корик и Террель поскакали к своим товарищам. А следом за ними бросились мародеры.

Стражи Крови бросились на гриффина, но эта крылатая тварь с выставленными когтистыми лапами не имела уязвимых мест, до которых они бы могли добраться без оружия. Тем временем мародеры напали на группу. Воины сбились в тесное кольцо, чтобы защитить своих лошадей. Корик вскочил на спину Брабхи и, балансируя на ней, готовился при первой же возможности прыгнуть на гриффина. Но когда такой момент настал, перед ним вдруг очутилась Айрин. Каким-то образом ей удалось захватить длинный палаш Пещерного Существа. Гриффин схватил ее в когти, и прежде, чем разорвал на клочки, она его обезглавила.

В следующий миг еще один отряд мародеров бросился на них. Лошади воинов были слишком напуганы, чтобы быть способными на что-либо, кроме бегства. Поэтому группа Корика отступила, бежав на восток, а затем на север, с врагами на хвосте. К тому времени, когда они оторвались от преследователей, они уже углубились в Анделейн так далеко, что могли присоединиться к Тротхоллу лишь на четвертый день.

Рано вечером воссоединившийся отряд разбил лагерь. Пока воины готовили ужин, с севера медленно поднимался холодный ветер. Сначала он казался освежающим, полным ароматов Анделейна. Но по мере того, как приближался восход луны, он все крепчал, и порывы его становились все более ощутимы, пока, наконец, он не стал продувать всю долину. Кавинант ощущал его неестественность, нечто подобное ему приходилось чувствовать и раньше. Как хлыстом он гнал темные скопления туч на юг.

Приближалась ночь, но никому, казалось, не хотелось спать. Общая депрессия все усиливалась, словно ветер был пронизан страхом. На противоположных концах лагеря Преследующий Море и Кваан беспокойно меряли шагами землю туда и сюда. Большинство воинов с удрученным видом сидели вокруг костра, бесцельно переби-

рая свое оружие. Биринайр с видом глубокого неудовлетворения шевелил угли костра. Тротхолл и Морэм стояли, подставив себя целиком ветру, словно пытались прочесть его с помощью нервов лица. А Кавинант сидел, склонив голову под грузом воспоминаний.

Только Вариоля и Тамаранту не коснулось всеобщее настроение. Взявшись за руки, два старых Лорда сидели и мечтательным, сонным взглядом смотрели в огонь, и отблески костра, словно письмена, мелькали у них на лбу.

Вокруг лагеря, непоколебимые, словно камень, стояли часовые.

Наконец, Морэм вслух выразил то, что чувствовали остальные:

— Что-то происходит, что-то ужасное. Этот ветер неестественный.

Восточный горизонт, видимый из-за туч, краснел от света луны. Время от времени Кавинанту казалось, что он видит оранжевые отблески на этом красном фоне, но не был в этом уверен. Он исподтишка посмотрел на свое кольцо и увидел на преобладающем красном фоне те же короткие оранжевые вспышки. Но он ничего не сказал. Слишком стыдно ему было за то, что Друл наложил на него свою лапу.

И все же бури пока не было. Ветер продолжал дуть, и в завываниях его ощущалось дыхание льда, но он не приносил с собой ничего, кроме туч и депрессии, охватившей постепенно весь отряд. Наконец большинство воинов все же сумело задремать, дрожа от порывов ветра, несущегося к Убежищу Судьбы и Пустотам Саутрон.

Рассвет так и не наступил; тучи поглотили восходившее солнце. Однако отряд был разбужен переменой в характере ветра. Тот ослабел и потеплел, постепенно сменив направление на западное. Но при этом он не стал здоровее, а был лишь более коварным. Несколько воинов выбрались из-под одеял, звеня мечами.

Отряд поспешно завтракал, подгоняемый смутным чувством тревоги, которое внушал им непонятный ветер. Старый Хайербренд Биринайр первым понял его. Жуя хлеб, он вдруг вскочил на ноги, словно чем-то ошарашенный. Дрожа от напряжения, он долго всматривался

в восточный горизонт, затем выплюнул хлеб на землю.

— Горит! — прошипел он. — Ветер. Я чувствую. Горит. Что? Я чувствую... горит... дерево!

— Дерево! — взвыл он. — Ах, они отважились!

Мгновение все молча смотрели на него. Потом Морэм воскликнул:

— Парящий Вудхельвен горит!

Его спутники тотчас пришли в движение. Стражи Крови позвали Ранихинов леденящим душу свистом. Тротхолл сквозь зубы отдавал приказы, которые Кваан затем выкрикивал срывающимся голосом. Часть воинов бросилась седлать лошадей, пока остальные сворачивали лагерь. К тому времени, когда Кавинант оделся и сел на Дьюру, весь отряд уже был готов отправиться в путь. Тотчас же все галопом поскакали на восток вдоль Мифиль.

Вскоре начались неприятности с лошадьми. Даже самые свежие из них не могли угнаться за Ранихинами, а мустанги, которые побывали с Кориком в Анделейне, еще не восстановили силы. Местность тоже не располагала к быстрой езде — она была слишком неровной. Тротхолл послал двух Стражей Крови вперед на разведку. Но после этого он был вынужден замедлить скорость передвижения отряда; он не мог позволить себе оставить часть сил позади. И все же они двигались вперед с максимально возможной скоростью. Это была скачка, полная нервного напряжения, — Кавинант, казалось слышал, как Кваан скрежещет зубами, но помочь этому было никак нельзя. Тротхолл мрачно сдерживал рвущихся вперед свежих лошадей. К полудню они достигли брода через Мифиль. Теперь они уже могли видеть дым прямо к югу, а запах горящего дерева наполнял воздух. Тротхолл отдал приказ остановиться, чтобы напоить лошадей. Потом всадники снова рванули вперед, понукая наиболее ослабевших лошадей, словно надеялись, что они где-то найдут новый источник силы и свежести.

Через несколько лье Высокий Лорд был вынужден еще более замедлить скорость, разведчики не возвращались. Мысль о том, что они попали в засаду, прорезала его лоб глубокой складкой, а глаза сверкали так, словно имели алмазную грань. Отдав всадникам приказ перей-

ти на шаг, он выслал вперед еще двоих Стражей Крови.

Эти двое вернулись, прежде чем отряд преодолел одно лье. Они сообщили о том, что Парящий Вудхельвен был мертв. Местность вокруг него превращена в пустыню; судя по признакам, можно было предположить, что первые двое разведчиков ускакали на юг.

Пробормотав: "Меленкурион", Тротхолл легким галопом повел за собой отряд, пока они не достигли останков селения на дереве.

Деревня была уничтожена самым жестоким образом. Огонь превратил гигантское дерево в тлеющие головешки длиной не более ста футов, и обугленный ствол был расщеплен от вершины до основания на две половины, чуть разошедшиеся в разные стороны. Время от времени то тут, то там все еще вспыхивали язычки пламени. И всюду вокруг основания дерева землю устилали трупы, словно земля была уже чересчур переполнена смертью, чтобы вместить в себя население дерева. Трупы остальных Вудхельвенинов, не обгоревших, лежали какой-то странной цепочкой, тянувшейся через поляну на юг.

Вдоль этой цепочки лежало несколько искалеченных трупов Пещерных Существ, но возле дерева было всего лишь одно тело, не принадлежавшее человеку, — один мертвый юр-вайл. Он лежал на своей длинной спине с южной стороны дерева, лицом к расщепленному стволу, и его черное как сажа тело было так же измято, как металлический палаш, все еще зажатый в его руке. Возле тела лежала тяжелая металлическая пластина почти в десять футов толщиной.

Зловоние мертвой обожженной плоти заполняло всю поляну. Воспоминания об обитателях Вудхельвена заставили Кавинанта ощутить прилив дурноты.

Лордов же, казалось, это зрелище лишило возможности мыслить здраво; они не могли поверить в то, что люди, находившиеся под их попечением, могли подвергнуться такому насилию. Вскоре Первый Знак Тьювор рассказал им о том, что здесь произошло.

У людей Парящего Вудхельвена не было ни малейшего шанса.

В конце дня, накануне, предположил Тьювор, большой отряд пещерных существ и юр-вайлов (истоптанная

земля на поляне говорила о том, что отряд был очень многочисленным) окружили дерево. При этом они держались за пределами досягаемости стрел. Вместо того, чтобы напасть на Вудхельвеннинов, они выслали вперед несколько юр-вайлов, и те под прикрытием металлических пластин подобрались к дереву и подожгли его.

— Слабый огонь, — заметил Биринайр. Подойдя к дереву, он постукал по нему посохом. Часть обугленной коры отпала, обнажив белое дерево.

— Сильный огонь уничтожает все, — пробормотал он. — А это дерево выжило. Хорошее дерево. Немного ослабило огонь и выжило. Те, кто осмелился сделать это, — сильные только против слабых. Численность ничего не значит. В расчет идет только сила. Разумеется. Слабый шанс. Или если бы Хайербренд знал заранее. Был готов. Он мог бы подготовить дерево, дать ему силу. Они могли бы выжить. Ах! Я должен был быть здесь. Они не смогли бы сделать это с деревом, если бы я позаботился.

— Как только огонь охватил дерево, — продолжал свою версию Тьювор, — атакующие просто выпускали стрелы в тех, кто пытался его погасить, и ждали, когда отчаявшиеся Вудхельвеннины попытаются бежать. Отсюда и цепочка необгоревших тел, протянувшаяся на юг; здесь была устроена засада. Потом, когда огонь стал слишком велик, чтобы Вудхельвенинны могли еще сопротивляться, мастер учения юр-вайлов расщепил дерево, чтобы уничтожить его окончательно и стряхнуть с его ветвей всех, кто еще остался в живых.

Биринайр снова заговорил:

— Он получил свое. Возмездие. Глупец, а не мастер собственной силы. Дерево уничтожило его. Хорошее дерево. Даже охваченное огнем, оно не было мертво. Хайербренд — храбрый человек. Нанес ответный удар. И... до осквернения Лиллианрилл могло бы спасти ту жизнь, которая еще оставалась. — Он нахмурился, словно в ожидании, что кто-либо осмелится критиковать его. — Ничего больше. Этого я не могу.

Но мгновение спустя вся его величественность угасла, и он в печали обернулся, чтобы еще раз посмотреть на разрушенное дерево, словно молча просил у него прощения.

Кавинант не стал вдаваться в подробности анализа Тьювора; он чувствовал себя смертельно больным от зловония, насыщенного кровью. Но на Гиганта оно, казалось, не действовало. Он рассеянно заметил:

— Это сделал не Друл. Ни один из Пещерных Жителей не владеет подобной стратегией. Ветер и тучи, чтобы скрыть признаки нападения, должны были отвлечь внимание всех, кто мог бы прийти на помощь, окажись они рядом. Металлические щиты доставлены сюда кто знает, из какого далека. Атака с такими минимальными потерями. Нет, здесь от начала до конца чувствуется рука Губителя Душ. Камень и Море!

Голос его внезапно перехватило, и он отвернулся и затянул песню Гигантов, чтобы успокоиться.

Кваан спросил.

— Но почему здесь? — В его голосе слышалось нечто, похожее на панику. — Почему он напал именно на это место?

Что-то в голосе Кваана, какой-то намек на истерику среди храбрых, но неопытных, пораженных молодых воинов заставило Тротхолла выйти из состояния глубокой задумчивости.

Отвечая скорее на эмоции Кваана, а не на его вопрос, Высокий Лорд твердо сказал:

— Вохафт Кваан, у нас много работы. Лошадям надо отдохнуть, но мы должны работать. Мертвых надо похоронить. Было бы жестоко оставить их так после всего, что они перенесли. Пусть ваш йомен принимается за работу. Копайте могилы в южной стороне поляны, вон там. Он указал на участок травы примерно в ста футах от изувеченного дерева. — Мы... — Он обратился к остальным лордам. — Мы будем относить мертвых к могилам.

Гигант прервал песню.

— Нет, носить буду я. Позвольте мне доказать свое уважение.

— Хорошо, — сказал Тротхолл. — Тогда мы приготовим пищу и обсудим ситуацию.

Кивком он послал Кваана отдавать приказы йомену. Затем повернулся к Тьювору и попросил его выставить часовых. Тьювор заметил, что восьми Стражей Крови недостаточно, чтобы осматривать все открытое пространст-

во, такое, как поляна, но если послать Ранихинов пастись по отдельности в окружающих горах, то помощь йоменов, возможно, и не понадобится. После минутной паузы Первый Знак спросил, как быть с отсутствующими разведчиками.

— Подождем, — тяжело ответил Тротхолл.

Тьювор кивнул и отошел к Ранихинам. Они стояли неподалеку, глядя горящими глазами на обугленные тела вокруг дерева. Когда к ним подошел Тьювор, они сомкнулись вокруг него, словно горя нетерпением сделать все, что он прикажет, и мгновение спустя они уже мчались по поляне в разных направлениях.

Лорды слезли с лошадей, распаковали мешки с едой и занялись приготовлением пищи на небольшом костерке Лиллианрилл, который зажег для них Биринайр.

Воины собрали всех лошадей по ветру от дерева, расседлали и стреножили их. Затем йомен приступил к рытью могил.

Ступая с величайшей осторожностью, чтобы не наступить на кого-нибудь из мертвых, Гигант двигался к дереву, чтобы осмотреть металлическую пластину. Она была чрезвычайно тяжелой, но он поднял ее и вынес на край поляны. Здесь он начал осторожно подбирать и укладывать на пластину трупы, используя ее в качестве носилок. При этом глаза его горели опасным огнем, а выпуклый лоб еще больше вспучился от распиравших его эмоций.

В течение некоторого времени Кавинант, единственный из всего отряда, оставался без дела. Это беспокоило его. Зловоние трупов заставило его вспомнить Парящий Вудхельвен, каким он его оставил несколько дней тому назад: высокий и гордый, полный жизни прекрасных людей, и среди них — он с болью подумал об этом — Барадакаса, Лльауры и детей.

Ему необходимо было чем-то заняться, чтобы отвлечься от этих мыслей.

Оглядев отряд, он заметил, что воинам нечем копать. Они захватили с собой лишь несколько пил и лопат; большинство пытались рыть землю руками. Он подошел ближе к дереву. Вокруг ствола было раскидано множество обгорелых ветвей, и у некоторых из них уцелела

сердцевина. И хотя ему приходилось прокладывать себе путь среди мертвых, хотя близость этих тел, чья плоть, словно намазанная, подобно тающему воску, на обугленные кости, вызывали у него непрерывную тошноту, он собрал все сучья, которые не смог сломать через колено. Затем, оттащив их подальше от дерева, он с помощью своего ножа очистил их и заострил с одного конца. От этой работы руки его почернели, равно как и белая одежда, а нож как-то неловко изогнулся в ополовиненной руке, но он настойчиво продолжал свое дело.

Изготовленные колья он отдал воинам, и теперь их работа пошла быстрее. Вместо отдельных могил они копали братские, каждая из которых была достаточно глубока и длинна, чтобы вместить дюжину или более мертвых. С помощью кольев, которые сделал Кавинант, воины начали рыть могилы быстрее, чем Гигант успевал их заполнять.

Поздно в полдень Тротхолл позвал их обедать. К этому времени почти половина погибших была погребена. Никто не был расположен к приему пищи в этом месте, где воздух был полон зловония, а пейзаж — растерзанной плоти, но Высокий Лорд настаивал. Кавинанту это казалось странным до тех пор, пока он не попробовал пищу. Лорды приготовили пищу, не похожую ни на что, прежде испробованное им в Стране. Ее вкус вызывал необычайный аппетит, и когда он насытился, то почувствовал, что депрессия уменьшилась. С предыдущего дня он поел в первый раз и сам удивился своей прожорливости.

Большинство воинов уже покончили с едой, и солнце было на закате, когда внимание всех привлек отдаленный крик. Часовые, находившиеся южнее всех, ответили, и мгновение спустя на поляну галопом вылетели двое отсутствующих Стражей Крови. Их Ранихины были мокры от пота.

Они привезли с собой двоих людей — женщину и ребенка, на вид лет четырех, оба были Вудхельвеннинами и оба были изранены, словно выдержали битву.

Рассказ разведчиков был краток. Они достигли опустошенной поляны и обнаружили след Вудхельвеннинов, пытавшихся бежать в южном направлении. И вско-

ре они обнаружили некоторые признаки того, что, возможно, не все люди были убиты. Поскольку враг ушел, то не было срочной необходимости возвращаться назад и предупреждать Лордов, и поэтому они решили поискать оставшихся в живых. Они уничтожили за собой все следы, чтобы вернувшиеся мародеры не смогли их найти, и поехали на юг.

Ровно в полдень они нашли женщину и ребенка, бежавших изо всех сил, не соблюдая никакой осторожности. Оба они были ранены; ребенок, казалось, утратил все признаки здравомыслия, и женщина тоже готова была впасть в безумие. Она признала в Стражах Крови друзей, но была не в состоянии что-либо рассказать. Однако в момент просветления она настойчиво утверждала, что в лье или двух оттуда живет Освобожденный Исцелитель.

Надеясь что-либо узнать от женщины, разведчики отвезли ее к пещере Исцелителя. Но пещера была пуста, и похоже, что уже в течение многих дней. Поэтому разведчики отвели оставшихся в живых назад, к Парящему Вудхельвену.

Двое стояли перед Лордами, и женщина сжимала безответную руку ребенку. Мальчик равнодушно смотрел вокруг, но не различал лиц, не реагировал на голоса. Когда рука его выскользнула из руки женщины, то безвольно упала вдоль тела, словно неживая; он не сопротивлялся и вообще никак не реагировал, когда она снова взяла его за руку. Его глаза, рассеянно блуждавшие вокруг, казались сверхъестественно темными, словно были полны черной крови.

Его вид ошеломил Кавинанта. Мальчик мог быть похож на его собственного сына Роджера, которого у него отняли, словно его отцовство было отменено проказой.

— Фаул! — молча простонал он.

Словно косвенно отвечая на его мысли, женщина вдруг сказала:

— Это Пьеттен, сын Саронала. Он любит лошадей.

— Это правда, — отозвался один из всадников. — Он сидел впереди меня и все время гладил шею Ранихина.

Но Кавинант не слушал. Он смотрел на женщину.

Всматриваясь в ее лицо, искаженное болью утрат, исцарапанное и обожженное, он неуверенно произнес:

— Ллаура?

Солнце садилось, но заката не было. Тучи затянули горизонт, и короткие сумерки стали быстро превращаться в ночь. Но по мере того, как солнце садилось, воздух становился все гуще и душнее, словно тьма истекала потом предчувствия.

— Да, я знаю тебя, — слабым голосом произнесла женщина. — Ты Томас Кавинант Неверующий и повелитель белого золота. В облике Берека Полурукого. Иоханнум говорил правду. Пришло большое зло.

Она тщательно выбирала слова, словно сначала пыталась балансировать на лезвии ножа.

— Я — Ллаура, дочь Амнамара, из числа Хииров Парящего Вудхельвена. Наших разведчиков, должно быть, убили. Никто нас не предупредил. По...

Но тут ее самообладание кончилось, и она начала произносить какие-то нечленораздельные всхлипывающие звуки, словно связь между мозгом и голосовыми связками порвалась, оставив в мучительной борьбе с невозможностью выговорить хотя бы слово. Глаза ее горели яростной сосредоточенностью, а голова тряслась при каждой попытке сформировать слова, но трясущиеся губы не слушались.

Страж Крови — разведчик сказал:

— В таком вот состоянии мы ее и нашли. Время от времени она может говорить. Но большей частью нет.

Услышав это, Ллаура сделала над собой сверхъестественное усилие и подавила истерику, опровергнув то, что сказал разведчик.

— Я — Ллаура, — повторила она, — Ллаура из числа Хииров Парящего Вудхельвена. Наших разведчиков, должно быть, убили. Я Ллаура, я Ллаура, — настаивала она. — Берегитесь... — Ее голос вновь прервался, и, успев выговорить еще: "Вы Лорды", она вновь потеряла способность говорить. Видя ее мучительную борьбу, Кавинант оглядел всех членов отряда. Все напряженно смотрели на Ллауру, а в глазах у Вариоля и Тамаранты стояли слезы.

— Сделайте что-нибудь, — с болью в голосе произнес он. — Кто-нибудь.

Внезапно с Лаурой что-то случилось. Схватившись за горло свободной рукой, она вскрикнула: — "Вы должны выслушать меня!" — и начала падать.

Как только ее колени подогнулись, Тротхолл сделал шаг вперед и поймал ее. Схватив за руки, он сильным движением заставил ее выпрямиться.

— Стоп, — скомандовал он. — Стоп. Не разговаривай больше. Слушай и головой показывай "да" или "нет".

В глазах Лауры вспыхнула искра надежды, и, высвободившись из рук Тротхолла, она снова взяла за руку мальчика.

— Итак, — ровным голосом произнес Высокий Лорд, пристально глядя в опустевшие глаза Лауры. — Ты не сумасшедшая. Разум твой чист. С тобой что-то сделали.

Лаура кивнула: да.

— Когда ваши люди пытались бежать, тебя взяли в плен?

Она кивнула: да.

— Тебя и ребенка?

— Да.

— А с ним тоже что-то сделали?

— Да.

— Ты знаешь, что это было?

Она покачала головой: нет.

— С вами обоими сделали одно и то же?

— Нет.

— Что ж, — вздохнул Тротхолл, — оба были взяты в плен вместо того, чтобы быть уничтоженными вместе с другими. Мастер учения юр-вайлов причинил вам страдания.

Лаура, содрогнувшись, кивнула: да.

— Повредил тебя?

— Да.

— Вызвал затруднения в твоей речи?

— Да.

— Теперь твоя способность говорить приходит и уходит.

— Нет!

— Нет?

Тротхолл на мгновение задумался, и Кавинант вмешался в их разговор:

— Черт побери, пусть она напишет обо всем!

Лаура затрясла головой и подняла свободную руку. Она сильно дрожала.

Внезапно Тротхолл сказал:

— Тогда должны существовать определенные вещи, о которых ты не можешь говорить?

— Да.

— Есть нечто такое, о чем ты не можешь говорить, поскольку этого не хотели нападавшие?

— Да!

— Тогда... — Высокий Лорд заколебался, словно едва мог поверить собственным мыслям. — Тогда нападавшие знали, что тебя найдут, — мы или кто-то другой, кто пришел бы на помощь Парящему Вудхельвену слишком поздно.

— Да!

— Таким образом, вы бежали на юг, к Вудхельвену Каньян и Подкаменью Саутрон.

Она кивнула, но так, что стало ясно, что она не совсем поняла вопрос.

Заметив это, он пробормотал:

— Именем Семи! Так дело не пойдет. Подобный разговор потребует времени, а мое сердце мне подсказывает, что у нас его очень мало. Что сделали с мальчиком? Откуда нападавшим было известно, что мы или кто-то другой поедем этой дорогой? Что она может знать? Что-то такое, чего боится мастер учения юр-вайлов и не хочет, чтобы мы узнали об этом? Нет, мы должны найти другое средство.

Краем глаза Кавинант увидел, как Вариоль и Тамаранта расстилают свои одеяла возле костра. Это на мгновение отвлекло его внимание от Лауры. Взгляд их глаз был печален и странно загадочен. Он не мог понять его, но почему-то напомнил о том, что они знали, каково будет решение Тротхолла относительно Похода, еще до того, как решение было принято.

— Высокий Лорд, — глухо произнес Биринайр.

Не отрывая взгляда от Лауры, Тротхолл ответил:

— Да?

— Тот молодой щенок Гравлингас Торн сделал мне дар Радхамаэрль. Я уже было думал, что он просто насмехается надо мной. Смеется, потому что я — не такой щенок, как он сам. Это была болевая глина.

— Болевая глина? — удивленно повторил Тротхолл. — Ты ее взял с собой?

— Конечно. Я ведь, знаете ли, не дурак. Я все время поддерживал ее во влажном состоянии. Торн пытался научить меня. Будто я сам ничего не знаю.

Подавив свое нетерпение, Тротхолл сказал:

— Пожалуйста, принеси ее.

Минуту спустя Биринайр вручил Высокому Лорду каменный горшок, полный влажной поблескивающей массы — болевой глины.

Тротхолл без колебаний зачерпнул из горшка горсть глины.

— Не забудьте, — пробормотал Кавинант, вспомнив о чем-то, — это заставит ее уснуть.

Но Тротхолл осторожно размазал глину по лбу, по щекам и по горлу Лауры. Во тьме, освещаемой только огнем Лиллианрилл и последними тлеющими углями сожженного дерева, она заблестела, отражая золотистые отблески костра.

Кавинант заметил, что Лорд Морэм перестал уделять внимание Тротхоллу и Лауре и присоединился к Вариолю и Тамаранте, причем между ними, казалось, завязался спор. Они лежали рядом на спинах, держась за руки, а он стоял над ними, словно обороняя их от какой то тени. Но они не двигались. Перебивая его протесты, Тамаранта мягко сказала:

— Так лучше, сын мой.

А Вариоль пробормотал:

— Бедная Лаура. Это все, что мы можем сделать.

Кавинант быстро оглядел весь отряд. Воины, казалось, были приведены в состояние транса допросом Лауры, но пещероподобные глаза Гиганта рассеянно блуждали по поляне, словно его мысли сплетались в какую-то опасную сеть. Кавинант вновь повернулся к Лауре, чувствуя, как озноб пробирается вдоль спины.

Первое прикосновение целебной глины только ухудшило ее состояние. Лицо исказилось в муках и судорогах, похожих на предчувствие смерти, губы растянуло в беззвучном крике. Но потом сильнейшая конвульсия сотрясла ее, и кризис миновал. Она упала на камни и зарыдала от облегчения, словно из ее разума вынули нож.

Тротхолл встал на колени рядом с ней и заключил в объятия, молча ожидая, когда самообладание вернется к ней. Через некоторое время Ллаура наконец взяла себя в руки и, вскочив, крикнула:

— Бегите! Вы должны бежать! Это ловушка! Вас заманили в западню!

Но ее предупреждение запоздало. Минуту спустя со своего поста бегом вернулся Тьювор, а следом за ним — все остальные Стражи Крови.

— Готовьтесь к бою, — спокойно сказал Первый Знак. — Мы окружены. Ранихины были отрезаны и не могли предупредить нас. Будет битва. У нас очень мало времени, чтобы подготовиться.

Кавинант не мог поверить в то, что услышал.

Тротхолл резко подал команду; лагерь быстро опустел. Воины и Стражи Крови нырнули в незаполненные еще могилы, спрятались в пустом основании дерева.

— Оставьте лошадей, — скомандовал Тьювор. — Ранихины прорвутся сюда, чтобы защитить их, если это будет возможно.

Тротхолл поручил Ллауру и мальчика заботам Гиганта, который спрятал их в пустой могиле и накрыл сверху металлической пластиной.

Потом Тротхолл и Морэм вместе спрыгнули в яму, вырытую южнее всех. Кавинант же остался там же, где и был. Он смутно видел, как Биринайр загасил костер, и прижался к обгорелому стволу дерева. Кавинанту потребовалось время, чтобы понять, что было сделано с Ллаурой. Ее бедственное положение приводило его в оцепенение.

Сначала ей позволили узнать то, что могло спасти Лордов, а потом отняли у нее способность сообщить то, что она знает. И ее мучительные попытки предупредить Лордов лишь способствовали обратному, поскольку служили гарантией того, что Лорды попытаются понять ее вместо того, чтобы бежать. И все-таки то, что было с ней сделано, было ненужным, излишним; ловушка захлопнулась еще раньше. В каждой грани несчастья Ллауры Кавинант слышал смех Лорда Фаул.

Кавинант очнулся от прикосновения к плечу. Это был Баннор. Страж Крови произнес так бесстрастно, словно объявил время дня:

— Пошли, Юр-лорд. Ты должен спрятаться. Это необходимо.

Необходимо? Кавинант воскликнул про себя: "А ты знаешь, что он с ней сделал?"

Но, повернувшись, он увидел, что Вариоль и Тамаранта все еще лежат около последних тающих угольков костра, охраняемые лишь двумя Стражами Крови.

"Как? — мысленно воскликнул он. — Их же убьют!"

В то время другая часть его сознания настойчиво повторяла:

"Он делает то же самое со мной. Абсолютно то же самое".

Вслух он прорычал, обращаясь к Баннору:

— Не трогай меня! Адский огонь и кровавое проклятье! Когда, наконец, ты научишься это понимать?

Баннор без колебаний поднял Кавинанта, развернул его и столкнул в одну из могил. Там ему едва хватило места: остальное пространство занимал Гигант, сидя на корточках, чтобы не высовывалась голова. Но следом за Кавинантом в ту же траншею протиснулся и Баннор, заняв место над Неверующим.

Затем на лагерь опустилась тишина, полная боли и напряжения. Наконец Кавинант почувствовал, что атака началась. Сердце его учащенно забилось, лоб покрылся потом, нервы заныли, словно оказались вдруг обнажены. Серая дурнота, наполнявшая горло, подобно грязи, чуть не заставила его стошнить. Он попытался проглотить ее, но не смог.

— Нет! — молча стонал он. — Только не это! Я не буду!

В точности то же самое, в точности то, что случилось с Ллаурой.

Голодный визг распорол тишину. Потом послышался топот приближающихся врагов. Кавинант рискнул выглянуть за край могилы и увидел, что поляна окружена черными фигурами с горящими глазами цвета лавы. Они двигались медленно, давая окруженным представить свою кончину. А позади приближавшихся врагов тяжело хлопала крыльями над цепью огромная тварь.

Кавинант отпрянул назад. В страхе он смотрел на атаку, как отверженный, с расстояния.

По мере того, как Пещерные Существа и юр-вайлы

сжимали кольцо вокруг поляны, направляя центр атаки на беспомощный лагерь, их стена становилась все гуще; с каждым шагом уменьшался шанс, что отряд сможет прорваться сквозь их ряды. Постепенно их приближение становилось все более шумным, они ступали по земле так, словно пытались вытоптать всю траву. Стал уже различим и низкий гул голосов — тихое рычание, шипение сквозь сомкнутые зубы, бульканье, радостное чмоканье — все это разносилось над могилами, словно вздох ветра, наполненного шелестом искалеченных листьев. Пещерные Существа разинули рты, словно лунатики, терзаемые жаждой убийства; юр-вайлы втягивали носами воздух с каким-то мокрым присвистом. И на фоне всех этих звуков, ужасных в своем спокойствии, было слышно хлопание крыльев грифона, отбивающего погребальный марш.

Стреноженные лошади закричали. Этот звук, полный ужаса, подбросил Кавинанта вверх. Но мустангов не тронули. Сжимавшееся кольцо распалось, чтобы обойти их, и несколько Пещерных Существа отделились от общей массы, чтобы освободить и отогнать их прочь. Лошади истерично сопротивлялись, но сила Пещерных Существ укротила их.

Вскоре нападавшие были уже менее чем в ста футах от могил. Кавинант сжался, как только мог. Он едва отваживался дышать. Весь отряд был беспомощным, спрятавшись в могилах.

В следующий миг среди атакующих раздался вой. Несколько Пещерных Существ закричали:

— Только пять?

— И это все лошади? Обман!

В ярости от такой малочисленности своих жертв, почти треть из них покинула ряды наступавших и занялась костром.

В ту же минуту отряд воспользовался благоприятным моментом.

Внезапно раздалось ржание Ранихинов. Оно прогремело в воздухе, словно клич боевых барабанов. Все вместе они вихрем налетели с востока и помчались к племенным лошадям.

Биринайр отступил от искалеченного дерева. Размах-

нувшись изо всех сил своим посохом и издав пронзительный крик, он ударил по сожженному дереву. Тотчас оно извергло пламя, ослепившее нападавших.

Тротхолл и Морэм одновременно выскочили из своей траншеи. Их посохи пылали синим огнем Лордов. С криком "Меленкурион!" они обрушили всю свою силу на врагов. Ближайшие Пещерные Существа и юр-вайлы попятились от этих огней.

Воины и Стражи Крови выскочили из могил и из ствола дерева.

И одновременно на поле боя возникла гигантская фигура Преследующего Море, оглушающая боевым кличем Гигантов.

Полное криков, страхов и ярости, огня, молниеносных ударов и лязга оружия, сражение началось.

Численность врагов превосходила численность отряда в десять раз.

Кавинант следил за ходом битвы, и его взгляд метался от одной сцены у другой. Стражи Крови мгновенно заняли свои места, по два защищая каждого из Лордов; один — рядом с Биринайром, а другой — Баннор — защищая траншею, в которой находился Кавинант. Воины быстро разбились на группы из пяти человек. Стоя спиной друг к другу, они начали прорубать дорогу в цепи врагов. Морэм оглядывал поле битвы, пытаясь найти вражеских командиров или мастеров учения. Тротхолл стоял в центре битвы, служа ориентиром для отряда, отдавая распоряжения и предупреждая, кого было нужно.

Один Гигант сражался в одиночестве. Он прорывался сквозь строй врагов, словно таран, молотя кулаками, пиная и опрокидывая все в пределах своей досягаемости. Его боевой клич перешел в долгий и яростный рев, его огромные шаги все время удерживали его в гуще сражения. Сначала казалось, что у него хватит сил одному справиться со всей вражьей силой. Но вскоре огромная сила Пещерных Существа начала заметно сказываться. Они прыгали на Гиганта целыми стаями; четверых было достаточно, чтобы повалить его. Через мгновение он вновь поднимался, раскидывая вокруг себя тела, словно кукол. Но было ясно, что если достаточное количество Пещерных Существ сообща набросится на него, то ему несдобровать.

Вариолю и Тамаранте угрожала не меньшая опасность. Они лежали без движения среди яростного шума битвы, и охранявшие их четыре Стража Крови ценой нечеловеческих усилий не подпускали к ним врагов. Несколько нападавших пустили в них стрелы; Стражи Крови отбили их тыльными сторонами рук. Следом за стрелами полетели копья, и под их прикрытием Пещерные Существа бросились вперед с обнаженными мечами и палашами. Безоружные и не имеющие никакой поддержки, Стражи Крови могли противопоставить им только скорость, мгновенную реакцию, мастерство, умение наносить удары с неимоверной точностью. Способствовавший им успех казался невозможным. Вскоре двух Лордов окружало кольцо мертвых и раненых Пещерных Существ. Но, подобно Гиганту, они были уязвимы, вернее, стали уязвимы для согласованной атаки.

По приказу Тротхолла одна группа воинов двинулась на помощь четверым Стражам Крови.

Кавинант перевел взгляд на другой конец лагеря. Там Морэм вел яростный поединок против тридцати или сорока юр-вайлов. Все атаковавшие юр-вайлы (по сравнению с Пещерными Существами их было довольно мало) образовали боевой клин позади своего предводителя, мастера их учения — клин, который позволял им сфокусировать всю свою силу в лидере. Мастер учения размахивал кривой саблей с горящим лезвием, которому Морэм противопоставил свой пылающий посох. Столкновение этих двух сил вызвало фонтан огненных брызг, ослепительных и опаливших воздух.

Затем центр битвы начал продвигаться к траншее Кавинанта. Над ним мелькали какие-то фигуры. Баннор сражался, как лев, чтобы оградить Кавинанта от летевших копий. Вскоре к нему на помощь подоспел один из воинов. Это была женщина-Вудхельвеннин, заботившаяся прежде о Кавинанте. Она и Баннор сражались вместе, чтобы сохранить ему жизнь.

Он прижал руку к груди, словно защищая свое кольцо, его пальцы бессознательно коснулись металла.

Сквозь мелькавшие черные фигуры он на миг увидел Тротхолла, увидел, что Высокий Лорд тоже подвергся нападению. Используя свой горящий посох, как пику,

он сражался с гриффином. Крылья летучей твари чуть не сбивали его с ног, но Лорд удержал равновесие и взметнул голубой посох вверх. Но верхом на гриффине сидел еще один мастер учения юр-вайлов. Своим черным палашом он отражал удары Высокого Лорда.

Тем временем накал битвы все нарастал. Фигуры на поле боя падали, вставали и снова падали. Все кругом было забрызгано кровью. На противоположном конце поля Преследующий Море едва выбрался из-под целой орды Пещерных Существ и тут же был буквально затоплен новой волной. Тротхолл упал на одно колено под объединенным натиском нападавших. Клин юр-вайлов неумолимо теснил Морэма назад; два Стража Крови рядом с ним едва успевали прикрывать его со спины.

У Кавинанта было такое чувство, словно горло ему забил песок.

Двое воинов уже пали среди Пещерных Существ, оберегая Вариоля и Тамаранту. В один из моментов Страж Крови, прикрывавший собой Тамаранту, был атакован одновременно тремя Пещерными Существами с копьями. Первое копье он переломил ударом руки, затем, высоко подпрыгнув, лягнул прямо в лицо владельца второго копья. Но даже той стремительности, с какой он это делал, было недостаточно. Третий из Пещерных Существ вонзил копье ему в руку. Первый тотчас же уцепился за ногу Стража длинными пальцами. Удерживая таким образом с двух сторон своего противника, они дали возможность третьему Пещерному Существу вонзить копье в живот Стражу Крови.

Кавинант смотрел, оцепенев от беспомощности, как Страж, сопротивляясь Пещерным, подтащил их друг к другу достаточно близко, чтобы увернуться от удара копья. Наконечник копья лишь задел Стража. В следующее мгновение он лягнул обоих врагов в пах, но сам пошатнулся, и они уронили его. Страж упал на землю и покатился по ней. Но средний Пещерный настиг его таким ударом, что Стража отшвырнуло от Тамаранты.

С криком триумфа Пещерник прыгнул вперед, подняв высоко в руках копье, чтобы поразить лежащего Лорда.

— Тамаранта!

Грозившая ей опасность пересилила страх Кавинанта. Не задумываясь ни на миг, он выскочил из своего убежища и кинулся к ней. Она была так стара и слаба, что он не мог удержаться.

Женщина-Вудхельвеннин крикнула:

— Вниз!

Его внезапное появление на поверхности привело ее в замешательство, и она стала прекрасной мишенью для врагов. В результате она пропустила удар, и меч рассек ей бок. Но Кавинант не видел этого. Он уже бежал к Тамаранте, и уже было слишком поздно.

Пещерный Житель начал опускать копье.

В последний момент Страж Крови спас Тамаранту, бросившись на нее и приняв предназначавшийся ей удар в собственную спину.

Кавинант бросился на Пещерного Жителя и попытался заколоть его своим каменным ножом. Но лезвие вывернулось из его искалеченной руки, и он сумел лишь оцарапать плечо мерзкого создания.

Нож выпал у него из руки.

Пещерный Житель развернулся и одним ударом сбил его с ног. Удар на мгновение оглушил Кавинанта, но Баннор спас его, бросившись на существо.

Пещерный житель отбивал его удары, словно окрыленный, вдохновленный своей победой над Стражем Крови. Он ухватил Баннора длинными сильными руками и начал сдавливать его. Баннор колотил по глазам и ушам Пещерного, но безумная тварь лишь сильнее сжимала его.

Кавинант почувствовал, как в нем закипает ярость. Все еще полуослепленный, он заковылял к неподвижной фигуре Тамаранты и схватил лежавший возле нее посох. Она не пошевелилась, и он не стал спрашивать разрешения. Повернувшись, он дико взмахнул над головой посохом и изо всей силы обрушил его на череп Пещерного Существа.

Внезапно бесшумным фонтаном вспыхнула белая и алая энергия. Пещерный тут же упал замертво.

Эта вспышка на мгновение ослепила Кавинанта, но он узнал нездоровый красный отблеск пламени. Когда взор его прояснился, он посмотрел на свои руки, на коль-

цо. Он не помнил, чтобы вынимал его из кусочка клинго на груди. Но сейчас оно было надето на палец и светилось красноватым отблеском под влиянием закрытой тучами луны.

Еще один Пещерный Житель приблизился к нему. Инстинктивно Кавинант ткнул в него посохом. Пещерный скорчился в яркой вспышке, которая теперь была полностью красной.

При виде этого из Кавинанта изверглась вся его прежняя ярость. Разум его затмила злоба. С криком "Фаул!", словно Презренный мог быть перед ним на поле битвы, он кинулся в самую гущу сражения. Молотя посохом вокруг себя, словно сумасшедший, он прибил еще одного Пещерника, и еще, и еще. Он не смотрел, куда бежит. После третьего удара он упал в одну из траншей. Потом он долго лежал в могиле, словно мертвый. Когда он, наконец, вновь поднялся на ноги, его бил лихорадочный озноб.

На поверхности все так же кипела битва. Кавинант не мог определить, сколько нападавших было убито или выведено из строя. Но сражение достигло определенного поворотного пункта; отряд сменил тактику. Тротхолл оставил гриффина, поспешив на помощь Гиганту. И когда Гигант, истекая кровью, вновь поднялся на ноги, то ему пришлось схватиться с Гриффином, в то время как Тротхолл присоединился к Морэму в поединке с юр-вайлами. Баннор все так же держался рядом с Кавинантом; но Кваан приказал воинами своего йомена, оставшимся в живых, загородить спиной Вариоля и Тамаранту.

Мгновением позже раздался пронзительный зов Ранихинов. Освободив лошадей, они бросились в битву. И пока их могучие копыта и зубы крушили Пещерных Жителей, Тротхолл и Морэм вместе противопоставили свои пылающие посохи удару сверху, направленному мастером учения юр-вайлов. Его горящая кривая сабля распалась на куски лавы, и обратная ударная волна этой силы опрокинула самого юр-вайла. Тотчас же юр-вайлы перестроили клин, выдвинув нового лидера. Но самые сильные из них пали, и они начали отступать.

В этот момент Гиганту удалось застать гриффина врасплох. Тот кидался на воинов, защищавших Вариоля

и Тамаранту. Гигант с ревом подпрыгнул вверх и мертвой хваткой обвил руки вокруг туловища грифона. Его вес увлек летучую тварь на землю; они покатились по скользкой от крови траве, нанося друг другу беспощадные удары. Сидевший на грифоне юр-вайл упал с него, и Кваан его обезглавил прежде, чем тот успел поднять палаш.

Грифон отвратительно визжал от ярости и боли, пытаясь так извернуться в руках Гиганта, чтобы достать его своими когтями и клыками. Но тот сжимал его все сильнее и сильнее, пытаясь убить прежде, чем тот сможет вывернуться.

Это ему почти удалось. Навалившись на зверя всем телом, он рванул его за лапы и услышал, как хряснули кости в спине грифона. Тот испустил последний вопль и умер. Мгновение Гигант лежал рядом с ним, хрипло дыша. Потом он с трудом поднялся на ноги, его лоб был процарапан до кости.

Но он не остановился.

Смахивая кровь, заливающую глаза, он с разбега бросился на плотный клин юр-вайлов. Их ряды дрогнули под таким натиском.

Юр-вайлы тотчас же решили бежать. Прежде, чем Гигант решил встать на ноги, они исчезли, растворились в темноте.

Их поражение, казалось, лишило Пещерных Существ сумасшедшей отваги. Эти полумертвые существа были больше не способны противиться огню Лордов. Горящие посохи распространяли среди них панику, и крик сожаления прорезал битву. Пещерные Существа обратились в бегство.

Завывая от страха, они врассыпную бросились от пылающего дерева. Они бежали, гротескно дергая узловатыми конечностями, но сила и длина конечностей придавала им скорость. В считанные секунды последние из них покинули поляну.

Гигант бросился за ними. Извергая проклятия на языке Гигантов, он преследовал бегущих, словно пытаясь затоптать их всех ногами. Вскоре он исчез в темноте, и его криков не стало слышно. Но время от времени ночь нарушали слабые вопли, когда Преследующий Море настигал очередного убегающего Пещерного.

Тьювор спросил у Тротхолла, не послать ли кого-нибудь из Стражей Крови на помощь Гиганту, но Высокий Лорд покачал головой.

— Мы сделали достаточно, — тяжело дыша, сказал он. — Вспомни Клятву Мира.

Некоторое время люди стояли молча, тяжело и с облегчением дыша, в тишине, нарушаемой лишь отдаленными криками Пещерных Существ. Никто не двигался; Кавинанту казалось, что наступившая тишина была похожа на молитву. Выбравшись из траншеи, он оглядел вокруг себя остекленевшими глазами.

Пещерные Жители были раскиданы по всему лагерю бесформенными кучами. Их было около сотни — мертвых, умирающих и находящихся без сознания. Повсюду, словно роса смерти, была разбрызгана их кровь. Мертвых юр-вайлов было десять. Потери йомена составили пять воинов, а из подчиненных Кваана ни один не избежал ранений. Но из числа Стражей пал лишь один.

Со стоном, звучавшим в голосе, Высокий Лорд Тротхолл сказал:

— Нам повезло.

— Повезло? — отозвался Кавинант со смутным недоверием.

— Нам повезло. — На этот раз старческое дребезжание голоса Тротхолла окрасилось примесью гнева. — Подумайте о том, что все мы могли погибнуть. Представьте себе подобную атаку во время полнолуния. Примите во внимание то, что пока мысли Друла прикованы к этому месту, защита Горы Грома остается неполноценной. Мы заплатили, — на секунду у него перехватило дыхание, — заплатили минимальную цену за наши жизни и надежду.

Кавинант сначала ничего не ответил. Сцены насилия все еще стояли у него перед глазами. Все Вудхельвеннины были мертвы, в том числе женщина-воин, взявшая добровольно на себя заботу о нем. Он даже не знал, как ее зовут. Гигант убил... он сам убил пять... пять...

Он дрожал, ему необходимо было выговориться, защитить себя. Он был болен от ужаса.

— Гигант прав, — произнес он наконец хриплым голосом. — Это дело рук Фаула.

Никто, казалось, не услышал его слов. Стражи Крови подошли к Ранихинам и подвели к огню скакуна своего павшего товарища. Осторожно подняв тело на седло Ранихина, они укрепили его в этом положении с помощью ремней из клинго. Потом они все вместе отдали молчаливый салют, и Ранихин галопом помчался прочь, унося своего мертвого всадника к Горам Вестрон и Пропасти Стражей — домой.

"Фаул разработал весь этот план!"

Когда Ранихин исчез во тьме, некоторые Стражи занялись ранами своих скакунов, в то время как остальные возобновили караульную службу.

Тем временем воины начали обходить поле битвы, отыскивая все еще живых Пещерных Жителей среди мертвых. Все, кто не имел смертельных ран, были подняты на ноги и изгнаны подальше от лагеря. Остальных сложили в кучу на северной стороне дерева.

— Это означает две вещи... — Кавинант пытался побороть дрожь в своем голосе. — Он делает со мной то же самое. Это урок, подобный тому, что произошло с Ллаурой. Фаул говорит, что терпит нас только потому, что уверен: это знание нам не поможет. Он хочет напичкать нас отчаянием под завязку.

С помощью двух воинов Тротхолл помог Ллауре и Пьеттену выбраться из укрытия. Ллаура казалась изможденной до предела, она едва стояла на ногах. Но маленький Пьеттен пробежал руками по залитой кровью траве, а потом облизал пальцы.

Кавинант со стоном отвернулся.

— Второе — это то, что Фаул уже хочет, чтобы мы добрались до Друла. Умереть или нет. Он заставил Друла напасть на нас, чтобы отвлечь его от забот о собственной защите. Поэтому Фаул, должно быть, знает, что мы делали, даже если этого не знает Друл.

Тротхолла, казалось, тревожили раздававшиеся время от времени отдаленные вскрики, но Морэм не обращал на них внимания. Пока все занялись своими делами, Лорд подошел к костру и опустился на колени рядом с Вариолем и Тамарантой. Он склонился над своими родителями в одежде, запятнанной кровью.

— Говорю вам, что это часть плана Фаула. Черт побери! Да вы хоть слушаете меня?

Морэм внезапно встал и пристально посмотрел прямо в лицо Кавинанту. Он вел себя так, словно был готов обрушить проклятие на голову Кавинанта. Но в глазах его блистали слезы, а в голосе слышались рыдания, когда он говорил:

— Они мертвы, Вариоль и Тамаранта — мои родители, тело и душа.

Кавинант увидел на их морщинистой коже испарину смерти.

— Этого не может быть! — воскликнул один из воинов. — Я видел. Оружие ни разу не коснулось их. Стражи Крови никого к ним не подпускали.

Тротхолл поспешно подошел, чтобы осмотреть двух Лордов. Он прикоснулся к их сердцам и головам, потом весь как-то поник и вздохнул:

— Тем не менее.

Оба — и Вариоль, и Тамаранта — улыбались.

Воины, услышав печальную весть, прекратили свою работу; йомен молча склонил головы в знак уважения к Морэму и его умершим близким. Нагнувшись, Морэм поднял Вариоля и Тамаранту, взяв их обоих на руки. Их ветхие кости, без того легкие прежде, теперь и вовсе стали невесомыми, словно утратили тяжесть смертности. Щеки Морэма были мокры от слез, но плечи расправлены и напряжены, чтобы поддерживать родителей.

Сознание Кавинанта было затуманено. Он блуждал в этом тумане, и его, словно ветром, уносило прочь отсюда.

— Вы хотите сказать, что мы... что я... мы?.. За пару трупов?..

Морэм не подал вида, что слышал эти слова. Но по лицу Тротхолла, словно спазм, прошла ухмылка, а Кваан сделал шаг к Неверующему, сжал его локоть и прошептал ему на ухо:

— Если ты скажешь еще хоть слово, я раздроблю тебе руку.

— Не прикасайся ко мне! — огрызнулся Кавинант. Но в голосе его слышало бессилие. Он подчинился, чувствуя, как его поглощает туман.

Члены отряда приступили к выполнению ритуала. Отдав свой посох одному из воинов, Высокий Лорд Тротхолл взял посохи умерших Лордов и положил их в вы-

тянутые руки, словно предлагая кому-то. А Морэм повернулся к ослепительно горевшему дереву, удерживая Вариоля и Тамаранту в вертикальном положении. Вокруг стало тихо. Потом он начал петь. В этой песне словно слышались вздохи реки, и голос его звучал едва ли громче, чем течение воды между спокойных берегов:

Смерть косит красоту мира —
Связывает в пучки старый урожай,
Чтобы поскорее собрать новый.
Будь спокойно, сердце,
Храни мир.
Рост лучше, чем размножение.
Я слышу клинок, который
Отделяет жизнь от жизни.
Будь спокоен, мир.
Храни, сердце.
Смерть проходит,
Прокладывает дорогу жизни
И времени для жизни.
Питай ненависть к угасанию
И к убийству, а не к смерти.
Будь спокойно, сердце.
Не надо увещеваний.
Храни мир и горе
И будь спокойно.

Когда он закончил петь, его плечи поникли, словно не в силах больше держать ношу, не проронив хотя бы одну слезу по умершим.

— Ах, Создатель! — крикнул он голосом, полным тоски. — Как мне воздать им честь? Я поражен в самое сердце и обессилел от работы, которую должен делать. Ты должен воздать им честь, ибо они воздали тебе честь.

Ранихин Хайнерил, стоя у кромки света костра, заржала, словно зарыдала от горя. Огромная черная кобыла встала на дыбы и ударила воздух передними копытами, потом повернулась и галопом помчалась на восток.

Морэм снова забормотал:

Будь спокойно, сердце,
Не надо увещеваний.
Храни мир и горе.
И будь спокойно.

Затем он осторожно положил Вариоля на траву и обеими руками поднял Тамаранту. Хрипло крикнув: "Хей",

он поместил ее в расщелину горящего костра. И прежде, чем пламя охватило ее морщинистую кожу, он поднял Вариоля и положил его рядом с ней, снова крикнув: "Хей!" Улыбки на их лицах были видны еще мгновение, потом их скрыл ослепительный свет.

"Уже мертвые, — мысленно простонал Кавинант. — Тот Страж Крови был убит. О, Морэм!"

В охватившем его смятении он не мог отличить горе от гнева.

С высохшими уже глазами Морэм повернулся к отряду, и его взгляд, казалось, остановился на Кавинанте.

— Друзья мои, пусть ваши сердца будут спокойны, — успокаивающе сказал он. — Храните мир, несмотря на все свое горе. Вариоля и Тамаранты больше нет. Кто виноват в этом? Они знали время своей смерти. Они прочли приговор своей жизни в пепле Парящего Вудхельвена и были рады служить нам своим последним сном. Они предпочли сосредоточить силу атаки на себе, чтобы мы могли жить. Кто скажет, что вызов, принятый ими, не был великим? Помните Клятву и храните мир.

Йомены одновременно отдали последний салют, широко раскинув руки, словно открыв свои сердца мертвым. Потом Кваан крикнул: "Хей!" и повел воинов назад, вернув их к работе по сбору тел Пещерных Жителей и похоронам Вудхельвеннинов.

После того, как йомены снова приступили к работе, Высокий Лорд Тротхолл сказал Сорему:

— Посох Лорда Вариоля. От отца к сыну. Возьми его. если мы останемся в живых после этого похода и увидим время мира, ты будешь владеть им. Он был посохом Высокого Лорда.

Морэм с поклоном принял его.

Тротхолл в нерешительности повернулся к Кавинанту.

— Ты воспользовался посохом Лорда Тамаранты. Возьми его, чтобы использовать снова. Со временем ты убедишься, что он с большей готовностью станет защищать твое кольцо, чем посох, подаренный тебе Хайербрендом. Лиллианрилл действует иначе, чем Лорды, а ты — Юр-лорд, Томас Кавинант.

Вспомнив о красном пламени, вырвавшемся из этого дерева, чтобы убивать и убивать, Кавинант сказал:

— Сожги его.

Во взгляде Морэма сверкнула угроза. Но Тротхолл слегка пожал плечами, взял посох Тамаранты и положил его в расщелину дерева.

Мгновения металлические наконечники посоха сияли, словно сделанные из драгоценных камней. Потом Морэм воскликнул:

— Прочь от дерева!

Все быстро отошли от пылающего ствола.

Раздался треск посоха, похожий на треск разрывающихся веревок. Голубое пламя появилось в расщелине, и сгоревшее дерево упало прямо на землю, рассыпавшись на части, словно его сердцевина была теперь убита до конца. Обломки продолжали гореть яростным пламенем.

Кавинант услышал, что Биринайр сердито пробурчал: "Дело рук Неверующего", словно это была клевета.

"Не трогайте меня!" — пробормотал мысленно Кавинант.

Он боялся думать. Вокруг него кружилась тьма, словно крылья стервятников, сделанные из полночи. Ужасы пугали его, он чувствовал себя в лапах какого-то вампира. Он не в силах был перенести кровавые пятна на своем кольце, не мог выносить то, чем сам стал. Он осматривался вокруг, словно стремился найти повод схватиться с кем-нибудь.

Неожиданно вернулся Гигант. Он появился из ночи, словно само убийство во плоти, икона насилия. С ног до головы он был покрыт пятнами крови, в том числе и своей собственной. Рана у него на лбу все еще кровоточила, а глубокие глаза казались пресыщенными и жалкими. Пальцы его были измазаны плотью Пещерных Жителей.

Пьеттен указал на Гиганта, и его лицо исказила ухмылка, обнажившая зубы. Ллаура тотчас схватила его за руку и потащила к постели, которую приготовили для них воины.

Тротхолл и Морэм заботливо двинулись к Гиганту, но он прошел мимо них к огню. Он опустился на колени перед пламенем, словно пытаясь согреть свою душу, и

его стон прозвучал так, словно скала раскололась пополам.

Кавинанту показалось, что это удобный момент, и он приблизился к Гиганту. Очевидная боль Преследующего Море привела к тому, что его непонятная злая печаль достигла апогея, который требовал выражения. Он сам убил пять Пещерных Жителей — пять! Его кольцо полно крови.

— Что ж, — произнес он сквозь зубы, — должно быть, это занятно. Надеюсь, тебе понравилось.

С другой стороны лагеря раздалось угрожающее шипение Кваана. Тротхолл придвинулся к Кавинанту и тихо сказал:

— Не надо терзать его. Пожалуйста. Он Гигант. Это каамора — огонь печали. Разве мало горя было сегодня ночью?

— Я убил пять Пещерных! — в безнадежной ярости выкрикнул Кавинант.

Но Гигант заговорил так, словно огонь привел его в состояние транса, и словно он был не в состоянии услышать Кавинанта. Голос его звучал все более сильно; он стоял перед огнем на коленях, словно готовясь петь погребальную песню.

— Ах, братья и сестры, слышите ли вы меня? Видите ли? Люди моего народа? Мы пришли к этому. Гиганты, я не один. Я чувствую вас в себе, вашу волю в моей. Вы поступили бы точно так же — чувствовали бы то же самое, что и я, горевали бы вместе со мной. И вот результат. Камень и Море! Мы унижены. Потерянный дом и слабое семя сделали нас меньше, чем мы были. Но сохранили мы веру даже теперь? Ах, веру! Мой народ, мой народ, если стойкость ведет к этому? Посмотрите на меня! Не находите ли вы меня восхитительным? Я испускаю зловоние ненависти и ненужной смерти.

От его слов веяло холодом. Запрокинув голову, он низким голосом запел.

Его пение продолжалось до тех пор, пока Кавинант не почувствовал, что вот-вот закричит. Ему хотелось толкнуть или пнуть Гиганта, чтобы заставить его замолчать. Пальцы его чесались от поднимающейся ярости.

"Стоп! — мысленно взмолился он. — Я не могу этого вынести".

Минуту спустя Преследующий Море склонил голову и замолчал. В таком положении он оставался долго, словно готовился к чему-то. Потом он резко спросил:

— Какие потери?

— Незначительные, — ответил Тротхолл. — Нам повезло. Твоя доблесть сослужила нам хорошую службу.

— Кто? — с болью в голосе настаивал Гигант.

Тротхолл со вздохом перечислил имена пятерых воинов, Стража Крови, Вариоля и Тамаранты.

— Камень и Море! — воскликнул Гигант. Конвульсивно передернув плечи, он сунул руки в огонь.

Воины затаили дыхание, Тротхолл оцепенел, стоя рядом с Кавинантом. Но это была каамора Гигантов, и никто не посмел вмешаться.

Лицо Преследующего Море исказила агония, но он не пошевелился. Его глаза, казалось, готовы были вылезти из орбит, и все же он держал руки в огне, словно жар был целебным или очистительным и мог если не вылечить, то хотя бы прижечь кровь на его руках — пятна отнятой жизни. Но боль была видна у него на лбу. Усиленная пульсация крови, вызванная болью, прорвала подсохшую корку на его ране; свежая кровь заструилась вокруг глаз и потекла по щекам в бороду.

Тяжело дыша и бормоча: "Проклятье! Проклятье", Кавинант рванулся прочь от Тротхолла и на негнущихся ногах приблизился к стоящему на коленях Гиганту. С чудовищными усилиями, заставившими голос звучать язвительно вопреки его намерению, он сказал:

— Вот теперь кто-то действительно должен был посмеяться над тобой.

Его вскинутая голова едва доходила до плеч Гиганта. Сначала Преследующий Море не подал вида, что услышал сказанное. Но потом его плечи обвисли. С медленным напряжением, словно ему не хотелось прерывать пытку над самим собой, он отнял руки от огня. Они были в целости и сохранности — по какой-то причине его плоть была неуязвима для огня, — но кровь с них исчезла: они казались такими чистыми, словно были смыты оправданием.

Пальцы его все еще плохо сгибались от боли, и Гигант мучительно подвигал ими прежде, чем обратить свое за-

литое кровью лицо к Кавинанту. Словно моля об отмене приговора, он встретил немигающий взгляд Кавинанта и спросил:

— Ты ничего не чувствуешь?

— Чувствовать? — процедил Кавинант. — Я прокаженный!

— Даже по отношению к Пьеттену? К ребенку?

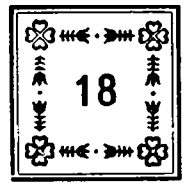
Его мольба вызвала у Кавинанта желание обнять его, принять это ужасное дружелюбие, как некий ответ на его дилемму. Но он знал, что этого недостаточно, знал в глубине души своего тела, охваченного проказой, что это его не удовлетворит.

— Мы тоже их убивали, — надтреснутым голосом произнес он. — Я убивал... я такой же, как они.

Внезапно повернувшись, он скрылся во тьме, чтобы спрятать свой стыд. Поле битвы было подходящим местом для него. Его ноздри не чувствовали зловония смерти. Некоторое время он бродил среди мертвых, потом споткнулся и лег на землю, залитую кровью, в окружении могил и трупов.

Люди! Он был причиной их криков и их агонии. Фаул напал на Вудхельвен из-за кольца.

— Только бы это не повторилось вновь... я не хочу... — Его голос был полон рыдания. — Я больше не буду убивать.

РАВНИНЫ РА

Несмотря на жесткое ложе, несмотря на едкий дым пламени и запах сгоревшей плоти, несмотря на окружающие со всех сторон могилы, где мертвые лежали грудами, кое-как погребенные, словно сконцентрированная боль, использовать которую или утолить теперь могла только земля, — несмотря на собственную внутреннюю боль, Кавинант спал. В течение всего остатка ночи остальные оставшиеся в живых члены отряда занимались погребением и сжиганием трупов. Но Кавинант спал. Тревожная бессознательность поднималась у него изнутри, словно беспрерывно повторяющийся процесс самоконтроля, и во сне он никак не мог выйти из этого замкнутого круга: левая рука — от плеча к запястью, ладонь левой руки — внутренняя и тыльная сторона, каждый палец, правая рука, рубашка, грудь, левая нога...

Проснулся он уже на рассвете, сделавшим все окружающее похожим на неудобную могилу. Поднявшись на ноги и дрожа от злобы, он увидел, что работа по захоронению завершена: все траншеи были заполнены, забросаны землей и засажены молодыми деревцами, которые где-то нашел Биринайр. Теперь большинство воинов лежали, скорчившись, на земле, пытаясь хоть немного отдохнуть и набраться сил. Но Тротхолл и Морэм занимались приготовлением пищи, а Стражи Крови осматривали и готовили лошадей.

Судорога отвращения исказила лицо Кавинанта — отвращения к самому себе, поскольку он не выполнил свою часть работы. Он посмотрел на свою одежду: парча была темной и стояла, словно кол, от засохшей крови.

“Подходящее одеяние для прокаженного, — подумал он. — Для отверженного”.

Он знал, что теперь уже поздно было принимать решения. Ему приходилось лишь установить, какое он отводит себе место в этой невероятной дилемме.

Опершись на посох и стоя посреди погребального рассвета, он чувствовал, что достиг предела своих уклонений. Он потерял след своих привычек по самозащите, утратил право выбора прятать свое кольцо, лишился даже своих грубых башмаков и пролил кровь. Он навлек беду на Парящий Вудхельвен, он был так озабочен своим спасением от сумасшествия, что не заметил, что все его старания привели именно к сумасшествию.

Ему необходимо было двигаться; он знал это. Но данная задача выдвигала ту же самую непроницаемую проблему. Принимать участие во всех этих событиях и, значит, сходить с ума. Ему необходимо было принять решение раз и навсегда и придерживаться его. Он не мог принять Страну и не мог отрицать ее. Ему нужен был ответ. Без него он попал бы в западню, как Ллаура, принужден был бы, к радости Фаула, потерять себя в стремлении избежать этой потери.

Взглянув на Кавинанта, Морэм увидел отвращение и испуг на его лице и мягко спросил.

— Что тебя тревожит, друг мой?

Мгновение Кавинант смотрел на Морема. Казалось, за одну ночь Лорд состарился на много лет. Дым и грязь битвы оставили печать на его лице, выделив морщины на лбу и вокруг глаз, словно внезапное обострение усталости и разложения. Глаза его потускнели от утомления, но губы сохранили доброту, а движения были по-прежнему уверенными, несмотря на то, что его одежда тоже была изрядно истрепана и покрыта кровью.

Кавинант инстинктивно уклонился от того тона, которым Морэм произнес “мой друг”. Он не мог позволить себе быть чьим-то другом. И он уклонился также от своего внутреннего побуждения спросить, что за причина сделала посох Тамаранты столь могущественным в его руках. Он боялся ответа на этот вопрос. Чтобы скрыть испуг, он быстро повернулся и пошел искать Гиганта.

Тот сидел спиной к жалким останкам, которые преж-

де были Парящим Вудхельвеном. Кровь и копоть зачернили его лицо, кожа имела цвет сердцевины дерева. Но самым заметным в его облике была рана на лбу. Разорванная кожа свисала над бровями, словно листва боли, и капли свежей крови сочились из раны, словно раскаленные мысли, проникавшие сквозь трещину в черепе.

Правой рукой он обнимал бурдюк с "алмазным глотком", а глаза непрерывно следили за Ллаурой, занимавшейся с маленьким Пьеттеном.

Кавинант приблизился к Гиганту, но прежде, чем он успел заговорить, Преследующий Море сказал:

— Можешь что-либо сказать о них? Может, тебе известно, что с ними сделали?

Этот вопрос отозвался в мозгу Кавинанта черным эхом.

— Я знаю только насчет нее.

— А Пьеттен?

Кавинант пожал плечами.

— Подумай, Неверующий! — Его голос был полон клокочущего тумана. — Я потерян. Ты можешь понять.

Кавинант с усилием ответил:

— То же самое, точно то же, что было сделано с нами. И с Ллаурой.

Спустя минуту он саркастически добавил:

— И с Пещерными Жителями.

Глаза Преследующего Море стали испуганными, а Кавинант продолжал:

— Всем нам суждено разрушить все, что мы собираемся сохранить. В этом метод Фаула. Пьеттен — это подарок для нас, образец того, что мы сделаем со Страной, если попытаемся спасти ее. Настолько Фаул уверен в себе. А пророчества, подобные этому, оправдывают себя.

Услышав это, Гигант уставился на Кавинанта, словно Неверующий только что обрушил на него проклятия. Кавинант попытался не отводить взгляда от глаз Гиганта, но неожиданно стыд заставил его опустить голову. Он посмотрел на истерзанную траву. Она выгорела странными пятнами. Местами она почти не была повреждена; видимо, огонь Лордов наносил ей меньший ущерб, чем разрушительная сила юр-вайлов.

Минуту спустя Гигант сказал:

— Ты забываешь, что между пророком и предсказателем есть разница. Предсказание будущего не есть пророчество.

Кавинант не хотел думать об этом. Чтобы переменить тему разговора, он сказал:

— Почему бы тебе не воспользоваться целебной глиной, чтобы залечить рану на лбу?

На этот раз Гигант отвел свой взгляд, глухо ответив:

— Ее не осталось.

Он беспомощно развел руки.

— Другие умирали. Третьим глина была нужна, чтобы сохранить руку или ногу. И... — его голос на мгновение прервался, — и я думал, что крошке Пьеттену, быть может, она в состоянии будет помочь. Он всего лишь ребенок, — настойчиво сказал он, взглянув на Кавинанта с внезапной мольбой, которой тот не мог понять. — Но один из Пещерных умирал очень медленно и в таких мучениях...

Новая струйка крови сбежала у него со лба.

— Камень и Море! — простонал он. — Я не мог перенести это. Хатфрол Биринайр отложил для него горстку глины несмотря на то, что ее все равно не хватало. Но я отдал ее Пещерному Существу. Не Пьеттену — Пещерному. Потому что он мучился.

Запрокинув голову, он сделал большой глоток "алмазного глотка", смахнув ладонью кровь со лба.

Кавинант пристально посмотрел на поврежденное лицо Гиганта. Поскольку ему в голову не приходили никакие слова дружелюбия, он спросил:

— А как твои руки?

— Мои руки? — На мгновение Преследующий Море, казалось, растерялся, но потом вспомнил: — Ах, каамора. Друг мой, я Гигант, — объяснил он. — Никакой обычный огонь не может нанести мне повреждений. Но боль — боль учит многим вещам.

Его губы изогнулись в гримасе отвращения к самому себе.

— Говорят, Гиганты сделаны из гранита, — пробормотал он. — Не беспокойся обо мне.

Под влиянием импульса Кавинант ответил:

— В некоторых местах того мира, из которого я при-

шел, есть маленькие старые люди, которые сидят возле дороги и весь день стучат по глыбам гранита маленькими железными молоточками. Это занимает много времени, но однажды они превращают эти глыбы в мелкие осколки.

Гигант немного подумал, прежде чем спросить:

— Это пророчество, Юр-лорд Кавинант?

— Не спрашивай меня. Я бы не понял, что это пророчество, если бы оно не сбылось со мной самим.

— Я тоже, — сказал Преследующий Море. Смутная улыбка тронула его губы.

Вскоре Лорд Морэм позвал отряд на завтрак, приготовленный им и Тротхоллом. С подавленными стонами воины поднялись на ноги и пошли к огню. Гигант тоже встал. Он и Кавинант прошли следом за Ллаурой и Пьеттеном, чтобы немного поесть.

Вид и запах пищи внезапно с новой силой заставили Кавинанта ощутить необходимость решения. Он был пуст от голода, но, протянув руку, чтобы взять немного хлеба, он увидел, что его рука обагрена кровью и пеплом. Он убивал... Хлеб выпал из его пальцев.

— Все это неправильно, — пробормотал он.

Еда была одной из форм покорности — подчинения физической реальности Страны. Ему необходимо было подумать.

Пустота внутри выдвигала требования, но Кавинант отказывался их выполнить. Сделав глоток вина, чтобы прочистить горло, он отвернулся от огня жестом отвержения. Лорды и Гигант озадаченно смотрели на него, но ничего не говорили.

Кавинанту необходимо было подвергнуть себя испытанию, отыскать ответ, который восстановил бы его способность выживать. С гримасой упрямства он решил оставаться голодным до тех пор, пока не найдет то, что ему нужно. Может быть, в голодном состоянии его ум прояснится настолько, что в состоянии будет решить фундаментальные противоречия его дилеммы.

Все брошенное оружие было убрано с поляны и собрано в кучу. Кавинант подошел к ней и, немного поискав, вытащил оттуда каменный нож Этьеран. Потом, движимый каким-то непонятным импульсом, он подошел к

лошади, чтобы посмотреть, не ранена ли Дьюра. Обнаружив, что она не пострадала, он почувствовал некоторое облегчение. Ни при каких обстоятельствах он не желал сесть верхом на Ранихина.

Вскоре воины закончили завтрак и устало двинулись к лошадям, чтобы продолжить поход.

Садясь на Дьюру, Кавинант услышал, как Стражи Крови резким свистом подзывают Ранихинов. Этот свист, казалось, некоторое время висел в воздухе. Потом со всех сторон на поляну галопом примчались огромные лошади — гривы и хвосты развивались, словно охваченные огнем, копыта ударяли по земле в длинных могучих ритмичных прыжках; девять скакунов со звездами во лбу, стремительных и буйных, как жизненный пульс Страны. В их бодром ржании Кавинанту слышалось возбуждение от предстоящего возвращения домой, на равнины Ра.

Но члены отряда, покинувшего этим утром Парящий Вудхельвен, не отличались ни бодростью, ни радостным возбуждением. Йомен Кваана теперь уменьшился на шесть воинов, а оставшиеся в живых были ослаблены усталостью и битвой. Казалось, на лицах лежат их собственные тени, когда они скакали на север, к реке Мифиль. Лошадей, оставшихся без всадников, взяли с собой, чтобы сменять уставших скакунов. Среди них трусцой бежал Преследующий Море, и казалось, что он несет груз всех мертвых. На сгибе руки он держал Пьеттена, который уснул сразу, как только солнце исчезло с восточного горизонта. Ллаура ехала позади Лорда Морэма, держась за его одежду. Рядом с его мрачным лицом и прямой спиной она казалась сломленной и хрупкой, но у обоих было одинаковое выражение невысказанной боли. Впереди них ехал Тротхолл, и плечи его выражали такую же молчаливую повелительность, которой Этьеран заставила Кавинанта двигаться от Подкаменья Мифиль к реке Соулсиз.

Кавинант рассеянно размышлял над тем, сколько еще времени ему придется подчиняться выбору других людей. Но потом он оставил эту мысль и посмотрел на Стражей Крови. Казалось, из всех членов отряда лишь они одни не пострадали морально в битве. Их короткие на-

кидки свисали лохмотьями; они были такими же чумазыми, как и все остальные; один из них был убит, несколько — ранено. Они защищали Лордов — особенно Вариоля и Тамаранту, — до последнего; но в них совершенно не было заметно ни усталости, ни депрессии, ни уныния. Баннор ехал на своем Ранихине рядом с Кавинантом и осматривался вокруг непроницаемым взором.

Лошади могли двигаться только медленным спотыкающимся шагом, но даже эта медленная езда позволила добраться всадникам до брода через Мифиль еще до полудня.

Отпустив лошадей на водопой и кормежку, все, кроме Стражей Крови, погрузились в поток. Натираясь чудесным песком с речного дна, они смыли кровь, грязь и боль смерти и долгой ночи в широком течении Мифиль. Чистая кожа и ясный взор проступили из-под пятен битвы; небольшие, незалеченные лечебной глиной, ранки открылись и были начисто промыты; обрывки грязной одежды оторвались и уплыли прочь. Кавинант вместе со всеми выстирал свою одежду, смыл и отскоблил пятна с тела, словно пытаясь избавиться от влияния совершенного убийства. И, чтобы заполнить пустоту внутри, вызванную голодом, он выпил огромное количество воды.

Потом, когда с этим делом было покончено, воины пошли к лошадям, чтобы достать из мешков новую одежду. Переодевшись и снова взяв в руки оружие, они разошлись по постам в качестве часовых, дав возможность искупаться Тьювору и Стражам Крови.

Стражам Крови удалось войти и выйти из реки без единого всплеска, но купались они очень шумно. Через несколько минут они уже переоделись в новую одежду и сидели верхом на Ранихинах. Ранихины успели восстановить свои силы, повалявшись на траве Анделейна, пока их всадники купались. Теперь отряд был готов продолжать путь. Высокий Лорд Тротхолл подал сигнал, и отряд поскакал на восток вдоль южного берега реки.

Остаток дня прошел легко для всадников и лошадей. Под копытами была мягкая трава, сбоку — чистая вода, вид самого Анделейна, который, казалось, пульсировал соком силы и здоровья.

Люди Страны черпали исцеление из окрестностей гор.

Но для Кавинанта этот день был тяжелым. Он был голоден, и живительная близость Анделейна лишь усиливала его голод.

Он старался изо всех сил не смотреть туда, отказывая себе в этом зрелище, как отказывал в пище. Его исхудалое лицо застыло в мрачном напряжении, а глаза были пусты от решимости. Он двигался по двойному пути: его плоть тряслась на спине у Дьюры, удерживая его среди членов отряда, но мысленно он бродил по дну пропасти, и ее темная, пустая бездонность причиняла ему боль.

Я не буду...

Он хотел выжить.

Я не...

Время от времени прямо на дороге перед ним встречалась алианта, как личный призыв Страны, но он не поддавался.

"Кавинант, — думал он. — Томас Кавинант Неверующий. Прокаженный, грязный, отверженный".

Когда все усиливающееся чувство голода заставило его поколебаться, он вспомнил кровавое прикосновение Друла на своем кольце, и его решимость восстановилась.

Время от времени Ллаура смотрела на него глазами, в которых отражалась смерть Парящего Вудхельвена, но он только сильнее становился в своей решимости и продолжал путь.

Я больше не буду убивать!

Ему надо было найти какой-то другой ответ.

Этой ночью он обнаружил, что с его кольцом произошла перемена. Теперь все свидетельства того, что оно сопротивлялось красным вкраплениям, исчезли. Под чудовищной луной его обручальное кольцо стало полностью алым, горя холодным светом на пальце, словно в алчном подчинении власти Друла. На следующее утро он сел на Дьюру, раздираемый между двумя противоположными полюсами безумия.

Но в полуденном ветерке чувствовалось предвкушение лета. Воздух стал теплым и благоуханным от цветения земли. Повсюду самонадеянно красовались цветы и беззаботно пели птицы. Постепенно Кавинанта переполнило утомление. Апатия ослабила натянутые струны его воли. Только привычка к езде и удерживала его в седле

Дьюры; он стал нечувствительным к таким поверхностным соображениям; едва ли он заметил, когда река стала поворачивать на север от направления движения отряда, или когда горы начали становиться выше. Этой ночью он спал глубоким сном без сновидений, а на следующий день ехал дальше в такой же немоте и безразличии.

Все возраставшая дремота не покидала его. Сейчас он, сам того не зная, ехал по степи; ему грозила опасность, которой он не сознавал. Усталость была первым шагом в неумолимой логике закона проказы. Следующим была гангрена, зловоние гниющей заживо плоти, настолько ужасное, что некоторые медики не могли его выносить; зловоние, которое ратифицировало отвержение прокаженных таким образом, что ему не могли противостоять ни простая жалость, ни отсутствие предрассудков. Но Кавинант путешествовал по своему сну с разумом, полным сна.

Когда он начал приходить в себя — рано в полдень на третий день после ухода из Парящего Вудхельвена и на семнадцатый со дня отъезда из Ревлстона, то обнаружил, что перед ним расстилается Моринмосский лес. Отряд стоял на вершине последней горы, у подножия которой земля пропадала под темной защитой деревьев.

Моринмосс лежал у подножия горы подобно плещущемуся морю: его края охватывали склоны гор, словно деревья впились в них своими корнями и отказывались отходить назад. Темная разнообразная зелень Леса простиралась до горизонта на севере, на востоке и на юге. У нее был какой-то угрожающий вид; казалось, она бросала вызов отряду, решившему пройти сквозь нее.

Высокий Лорд Тротхолл остановился на гребне горы и долго смотрел на лес, мысленно прикидывая, сколько времени потребуется, чтобы объехать Моринмосс, вместо того, чтобы принять вызов странной угрозы деревьев.

Наконец он спешился. Посмотрев на всадников, он заговорил, и его глаза были полны потенциального гнева.

— Сейчас мы будем отдыхать. Потом войдем в Моринмосс и не будем останавливаться до тех пор, пока не доберемся до дальнего края. Путешествие займет почти день и ночь. Во время езды не должно быть видно ни

одного клинка и ни одной искры. Слышите? Все мечи убрать в ножны, все ножи в чехлы, наконечники всех копий обвязать кусками тканей. И не высекать ни одной искры или вспышки огня. Я не намерен ошибаться. Моринмосс отличается еще большей дикостью, чем Гринмердис, — а никто еще со спокойным сердцем не въезжал в этот лес. Деревья веками переносили страдания, и они не забыли своего родства с Гарротинг Гип. Молитесь, чтобы они не сокрушили нас всех без разбора.

Он сделал паузу, оглядывая отряд, пока не убедился, что все его поняли. Потом он добавил уже мягче:

— Возможно, в Моринмоссе все же есть Лесничий, хотя это знание было утеряно после Осквернения.

Несколько воинов напряглись при слове "лесничий". Но Кавинант, медленно избавлявшийся от апатии, не почувствовал ни в малейшей степени того благоговения, которого, видимо, от него ждали. Он спросил, как прежде:

— Вы что, поклоняетесь деревьям?

— Поклоняемся? — Тротхолл, казалось, был озадачен. — Это слово мне непонятно.

Кавинант с удивлением уставился на него.

Мгновением позже Высокий Лорд продолжал:

— Ты хочешь спросить, почитаем ли мы леса? Конечно. Они живые, а Сила Земли — во всех живых вещах, во всех камнях, земле и дереве. Конечно, мы понимаем, что мы слуги этой Силы. Мы заботимся о жизни Страны. — Он оглянулся на Лес и продолжал: — Земная Сила принимает разные формы, от камня до дерева. Камень служит основой для мира, и, к чести наших познаний, какими бы неглубокими они ни были, эта форма силы не знает сама себя, но с деревом все иначе.

Однажды, в глубочайшем, отдаленнейшем прошлом почти вся Страна представляла собой Один Лес — одно могущественное дерево от Тротгарда и Меленкурион Скайвеа до Плато Сарангрейв и Сирича. И Лес этот был живой. Он знал и приветствовал новую жизнь, которую люди принесли с собой в Страну. Он чувствовал боль, когда простые люди — слепые и глупые эпизоды в древности Страны — вырубали и выжигали деревья, чтобы расчистить место, где они могли бы выращивать свою

глупость. Ах, трудно найти повод для глупости истории человечества. Прежде, чем новость распространилась по всему лесу, и каждое дерево узнало, какая опасность ему грозит, сотни лье жизни были истреблены. По нашим подсчетам на это потребовалось времени больше тысячелетия. Но деревьям это, должно быть, казалось быстрым уничтожением. К концу этого времени во всей Стране осталось всего лишь четыре места, где все еще влачила свое жалкое существование душа леса, выжившая и содрогавшаяся в своей благородной боли, — и она решила защищать себя. Потом Леса Гигантов, Гриммердхо, Моринмосс и Гарротинг Гип жили много веков, и их постоянная готовность выражалась в заботе Лесничих. Они помнили, и никто из людей, или вайлов, или Пещерных Жителей, отважившихся зайти туда, не возвращался.

Теперь и те времена уже прошли. Мы не знаем, живут ли еще Лесничие, хотя лишь глупец может отрицать, что Сиройл Вайлвуд все еще обитает в Гарротинг Гип. Но память о древних обидах, позволившая деревьям давать отпор всем чужакам, теперь увядает. Лорды взяли леса под свою защиту с той поры, когда Берек Полурукий впервые овладел Посохом Закона; мы не позволяли деревьям сокращать их численность. И все-таки их дух падает. Отрезанное друг от друга, совместное знание лесов умирает. И великолепие мира в связи с этим тускнеет.

Тротхолл на минуту печально умолк прежде, чем заключить:

— Из уважения к оставшемуся духу и из почтения к Земной Силе мы просим позволения войти в Лес одновременно большому количеству людей и животных. А всякий намек на угрозы мы ликвидируем из простой осторожности. Этот дух пока еще жив. А сила Моринмосса может сокрушить тысячу раз по тысяче человек, если случайно пробудить в деревьях память о причиненной им боли.

— Могут быть там еще какие-нибудь опасности? — спросил Кваан. — Не потребуется ли нам оружие?

— Нет. В прежние времена слуги Лорда Фаула причинили лесам огромный вред. Может быть, Гриммердхо и утратил свою силу, но Моримосс помнит. К тому же сегодня будет затмение луны. Даже Друл Каменный

Червь не настолько безумен, чтобы послать свои силы в Моринмосс в такое время. А Презренный никогда не был таким глупцом.

Воины молча спешились. Часть воинов йомена принялась кормить лошадей, а остальные наскоро приготовили еду. Вскоре весь отряд, кроме Кавинанта, поужинал. После этого Стражи Крови разошлись по своим постам, а остальные члены отряда легли спать, чтобы отдохнуть перед долгим переходом через Лес.

Когда они поднялись и были готовы отправиться в путь, Тротхолл широким шагом зашел на гребень холма. Здесь ветер был сильнее; он развивал его синюю мантию, подпоясанную черным кушаком, и уносил вдаль его крик:

— Эй, Моринмосс! Лес Одного Леса! Враг наших врагов! Моринмосс! Эй!

Бескрайние пространства леса поглотили этот крик, и ему не ответило даже эхо.

— Мы Лорды, враги твоих врагов и последователи Учения Лиллианрилл. Мы должны пройти через тебя!

Слушай, Моринмосс! Мы ненавидим топор и пламя, принесшие тебе боль! Твои враги — это наши враги. Мы никогда не приносили с собой топор и пламя, чтобы ранить тебя, и никогда не сделаем этого. Моринмосс, слушай! Дай нам пройти!

Его крик исчез в глубинах леса. Наконец он опустил руки, повернулся и сошел вниз, к отряду. Вскочив на коня, он еще раз пристально осмотрел всех всадников. По его сигналу они поехали вниз, к границе Моринмосса.

Казалось, будто они упали в лес, подобно камню. Только что они ехали по склону горы над деревьями и вот уже углубились в темную пучину, и солнечный свет угас позади, подобно закрывшейся безвозвратно двери. Во главе отряда двигался Биринайр, положив на шею коня перед собой посох Хайербренда, следом за ним ехал Тьювор на жеребце Ранихине по имени Марни. Ранихинам нечего было опасаться старого гнева Моринмосса, и Марни мог бы повести за собой Биринайра, если бы старый Хатфролл сбился с дороги. За Тьювором следовал Тротхолл и Морэм с Лаурой, сидевшей у него за спиной; а за ними ехали Кавинант и Преследующий Море. Ги-

гант все еще нес спящего мальчика. Затем, замыкая процессию, ехали Кваан и его йомен вперемешку со Стражами Крови.

Места, чтобы проехать, было достаточно. Деревья с эбеново-черными и красновато-коричневыми стволами были хаотично разбросаны во всех направлениях, оставляя между собой пространство для травы, кустарника и животных; и всадники находили путь без труда. Но деревья были невысоки. Они поднимались на приземистых стволах на пятнадцать или двадцать футов над землей и там раскидывали узловатые, наклоняющиеся вниз ветви, отягощенные листвой, так что отряд был полностью погружен в темноту Моринмосса. Ветви переплетались так, что каждое дерево, казалось, стоит, тяжело опустив руки на плечи сородичей. А с ветвей свисали огромные занавеси и полосы мха — темного, густого, влажного мха, спадавшего с ветвей, подобно медленно струящийся крови, замороженной на лету. Мох качался перед всадниками, словно пытаясь повернуть их назад, сбить их с дороги. И ни одного звука копыта не раздавалось по земле, тоже покрытой густым, глубоким мохом. Всадники ехали так беззвучно, словно их переместили в мираж.

Инстинктивно уклоняясь от прикосновения темного мха, Кавинант всматривался во все сгущающуюся темноту леса. Насколько было видно во всех направлениях, его окружала гротескная ярость мха, ветвей и стволов. Но за пределами явных ощущений он мог видеть больше — видеть и обонять, и в тишине леса слышалось нависающее сердце лесов. Здесь деревья размышляли над своими мрачными воспоминаниями — широкий, пускающий ростки побег самосознания, когда дух леса величественно царил над сотнями лье богатой земли; и тяжелый груз боли, и ужаса, и неверия, распространявшихся, подобно молнии на глади океана, пока самые отдаленные листья в Стране не вздрогнули, когда началось уничтожение деревьев, когда корни, ветви и остальное вырубалось и калечилось топором и пламенем; и выкорчеванные пни, и суета и мука животных, тоже убитых или лишенных домов, здоровья и надежды; и чистая песнь Лесничего, чей напев открывал тайное, злобное удоволь-

ствие уничтожения, ответного насилия над крошечными людьми; и вкус их крови и корней, и медленная слабость, которой кончалась даже яростная радость; и деревьям не оставалось ничего, кроме их закоснелой памяти и их отчаяния, когда они видели, как их ярость превращается в дремоту.

Кавинант чувствовал, что деревья ничего не знали о Лордах или о дружбе; Лорды были слишком редки в Стране, чтобы о них помнить.

Нет, это была слабость, упадок чувств, печаль, беспомощный сон. То тут, то там можно было услышать деревья, которые все еще не спали и жаждали крови. Но их было слишком мало, слишком мало. Моринмосс мог только размышлять, лишенный сил своей собственной древней смертности.

Ладонь мха ударила его, оставив на лице мокрое пятно. Он поспешно вытер влагу рукой, словно это была кислота.

Потом солнце село за Моринмоссом, и даже этот сумрачный свет угас. Кавинант наклонился вперед на своем седле, насторожившись и опасаясь, что Биринайр собьется с пути или наткнется на занавес из мха и будет задушен. Но по мере того, как тьма просачивалась в воздух, с лесом начала происходить перемена. Постепенно на стволах стало появляться серебристое мерцание — появляться и усиливаться по мере того, как ночь наполняла лес, пока каждое дерево не засияло, словно потерявшаяся во мраке душа. Серебристый свет был достаточно ярок, чтобы освещать путь всадникам. Сквозь подвижные облака этого свечения полотнища мха свисали, словно тени бездны — черные дыры, ведущие в пустоту. Они придавали лесу запятнанный, прокаженный вид. Но отряд теснее сомкнул свои ряды и продолжал двигаться сквозь ночь, освещенный только отблеском деревьев и красным светом кольца Кавинанта.

Он чувствовал, что может слышать испуганное бормотание деревьев, раздающееся при виде его обручального кольца. Это пульсирующее красное сияние ужасало и его самого.

Пальцы мха скользили по его лицу влажными проверяющими прикосновениями. Он сцепил руки над серд-

цем, пытаясь сжаться, уменьшиться в размерах и проехать незамеченным, — ехал, словно затаив под одеждой топор и страшась, как бы деревья не обнаружили этого.

Этот длинный переход был подобен боли от нанесенной раны. Отдельные световые пятна, наконец, слились, и отряд вновь очутился среди сумерек дня. Кавинанта передернуло от озноба, и, поглядев внутрь себя, он увидел нечто, заставившее его оцепенеть. Он почувствовал, что емкость его ярости полна тьмы.

Но он был пойман в сети неразрешимых обстоятельств. Тьма была чашей, которую он не мог ни выпить, ни выплеснуть в сторону.

И он дрожал от голода.

Он едва мог удержаться от того, чтобы не нанести ответный удар мокрым клочьям мха.

Тем временем отряд все так же двигался сквозь сумрак Моринмосса. Все молчали, задыхаясь в окружении ветвей; и в этом клубящемся безмолвии Кавинант чувствовал себя таким потерянным, словно он сбился с дороги в старом Лесу, который покрывал когда-то всю Страну. Со смутной яростью он наклонялся, избегая прикосновений мха. Шло время, и внутри него все росло желание закричать.

Потом Биринайр, наконец, взмахнул над головой посохом и тихо крикнул. Лошади поняли; спотыкаясь, они перешли на усталый бег, следуя за сильным шагом Ранихинов. На мгновение деревья, казалось, отступили назад, словно отпрянув от безумия отряда. Потом всадники вырвались на солнечный свет. Они оказались под полуденным небом на склоне, постепенно поднимающемся к реке, преграждающей им путь. Биринайр и Марни безошибочно вывели их прямо к броду Роумридж.

С хриплым криком облегчения воины ударили пятками в бока скакунов, и отряд бодрым галопом помчался вниз по склону. Вскоре лошади погрузились в поток, обдавая себя и своих счастливых седоков холодной водой Роумриджа. На южном берегу Тротхолл объявил привал. Переход через Моринмосс закончился.

Только остановившись, отряд осознал всю сложность перехода. Длительное бодрствование и вынужденный пост в еде ослабили всадников. А лошади были еще в

более худшем состоянии. Они дрожали от изможденья. Как только переход закончился, их шеи и спины поникли; у них едва хватило сил, чтобы поесть и напиться. Несмотря на бодрый призыв Ранихинов, два мустанга из йомена легли в траву, а остальные встали вокруг них на подгибающихся ногах.

— Отдыхать, отдыхать, — напевно и заботливо произнес Тротхолл. — Сегодня мы больше не сдвинемся с места.

Он походил среди лошадей, прикасаясь к ним старческими руками и тихо напевая поддерживающую силы песню. Только в Ранихинах и Стражах Крови не было заметно усталости. Гигант опустил Пьеттена на руки Ллауры, потом утомленно лег на спину в жесткую траву. С тех пор как отряд покинул Парящий Вудхельвен, он был непривычно молчаливым; он избегал говорить, словно боялся, что собственный голос предаст его. Теперь, без поддержки своих рассказов и смеха, он, казалось, почувствовал все напряжение путешествия.

Кавинант с сомнением подумал, доведется ли теперь ему еще раз услышать смех Гиганта.

Протянув руку, чтобы достать с седла Дьюры свой посох, он впервые заметил, что сделал Моринмосс с его белой одеждой. Она вся была покрыта темно-зелеными пятнами — следами от прикосновений мха.

Эти пятна оскорбили его. С перекосившей лицо ухмылкой он оглядел членов отряда. Другие всадники, видимо, более преуспели в уклонении от полотнищ мха; на них не было никаких пятен. Единственным исключением был Лорд Морэм: на обоих плечах его были темные полосы, словно знаки отличия.

Кавинант попробовал потереть пятна рукой, но они высохли и впитались. Тьма бормотала у него в ушах, словно далекий отзвук снежной лавины. Плечи его сгорбились, как у повешенного. Он отвернулся от своих попутчиков и снова вошел в реку. Ожесточенно царапая пальцами ткань, он попытался смыть пятна, оставленные лесом.

Но они стали частью ткани, неотъемлемой ее принадлежностью; они разметили ее, словно карту неизвестных земель. В приступе ярости обманутого ожидания он уда-

рил кулаком по поверхности воды. Но течение смыло образованную рябь, точно ее никогда и не было.

Он стоял в потоке, прямой и промокший. Сердце бешено стучало в груди. На мгновение он почувствовал, что его ярость либо перельется через край, либо разорвет его пополам.

Но ни того, ни другого не случилось.

"Ничего этого нет, — мысленно повторил он. — Я не могу вынести это".

Потом он услышал тихий возглас удивления со стороны отряда. Мгновение спустя Морэм спокойно приказал:

— Кавинант, подойди.

Чертыхаясь и проклиная такое количество вещей сразу, что невозможно было их перечислить, он повернулся. Все члены отряда смотрели в противоположную от него сторону; их внимание привлекло что-то, чего он не мог увидеть из-за воды, застилавшей глаза.

Морэм повторил:

— Подойди!

Кавинант вытер глаза, выбрался на берег и, истекая водой, пошел мимо воинов йомена к Морэму и Тротхоллу.

Перед ними стояла странная женщина.

Она была изящной и хрупкой — не выше плеча Кавинанта — и одета в темно-коричневое платье без рукавов. Коже ее была покрыта таким темным загаром, что он почти достиг цвета земли. Темные длинные волосы ее были стянуты на затылке крепким шнурком. Весь ее облик был достаточно суров, но смягчался маленьким ожерельем из желтых цветов. Несмотря на свой рост, она стояла в гордой позе, скрестив руки и слегка расставив ноги, словно могла запретить отряду ступать на равнины Ра, если вдруг ей вздумается. На приближающегося Кавинанта она смотрела так, словно давно ждала его.

Когда он остановился рядом с Морэмом и Тротхоллом, она подняла руку и каким-то неловким жестом отдала ему приветственный салют, будто это было для нее непривычно.

— Привет, Рингфейн, — произнесла она чистым звон-

ким голосом. — Белое золото известно. Мы почитаем и служим. Добро пожаловать.

Он тряхнул головой, рассыпав вокруг брызги воды, и уставился на нее.

Поприветствовав его, она проделала тот же ритуал с остальными.

— Привет тебе, Высокий Лорд Тротхолл, Лорд Морэм. Привет, Соленое Сердце Преследующий Море. Привет, Первый Знак Тьювор. Привет, Вохафт Кваан.

В свою очередь они отдали ей мрачный салют, словно узнали в ней властителя.

Потом она сказала.

— Мейнфрол Лифе. Мы видели вас. Говорите. Равнины Ра открыты не для всех.

Тротхолл выступил вперед. Подняв свой посох, он обеими руками приблизил его ко лбу и в таком положении низко поклонился. Увидев это, женщина слегка улыбнулась. Подняв ладони к голове, она поклонилась в ответ. На этот раз ее движения были естественными и привычными.

— Вы знаете нас, — сказала он. — Вы пришли издалека, но вы знаете.

Тротхолл ответил:

— Мы знаем, что Мейнфролы — лучшие друзья и первые хранители Ранихинов. Среди Раменов вы пользуетесь особым уважением. И вы знаете нас.

Теперь он стоял вплотную к ней, и его сутуловатая от времени фигура нависала над ней. Ее коричневая кожа и его синяя мантия оттеняли друг друга, словно земля и небо. Но все же она сохраняла свою приветливость.

— Нет, — ответила она. — Не знали. Вы пришли издалека, неизвестные.

— Тем не менее, ты знаешь наши имена.

Она пожала плечами.

— Мы осторожны. Мы следили за вами с тех пор, как вы покинули Моринмосс. Мы слышали, как вы разговариваете.

— Мы? — Кавинант почувствовал смутное удивление.

Ее глаза медленно обвели всех членов отряда.

— Мы знаем бессонных — Стражей Крови. — Казалось, ей не очень приятно было видеть их. — Они под-

вергают Ранихинов опасности. Но мы служим. Мы приветствуем их.

Потом ее взгляд остановился на двух мустангах, лежавших на траве, и ее ноздри затрепетали.

— Вы спешите? — требовательно спросила она, но ее тон подразумевал, что вряд ли она сможет посчитать что-либо уважительной причиной для такого состояния лошадей. При этом Кавинант понял, почему она помедлила приветствовать Лордов, хотя они должны были быть известны ей, по крайней мере, по слухам или легендам; он не хотела, чтобы кто-либо, плохо обращавшийся с лошадьми, вступал на равнины Ра.

Высокий Лорд авторитетно ответил:

— Да. Ядовитый Клык Терзатель жив.

На мгновение самообладание изменило Лифе. Когда ее глаза обратились к Кавинанту, он увидел в них искры затаенного страха.

— Ядовитый Клык, — взволнованно повторила она. — Враг Земли и Раннихинов. Да, белое золото знает. Терзатель здесь.

Внезапно ее голос стал твердым:

— Спасти Ранихинов от гибели!

Она посмотрела на Кавинанта, словно требуя от него обещаний.

Ему нечего было ей сказать. Он стоял, злобно истекая водой, слишком промокший от голода, чтобы ответить отрицательно, или положительно, или стыдливо. Вскоре она отступила в расстройстве и спросила у Тротхолла:

— Кто он? Что это за человек?

Улыбнувшись, он ответил:

— Это Юр-лорд Томас Кавинант Неверующий и повелитель белого золота. Он чужак в Стране. Не сомневайся в нем. Он повернул ход битвы в нашу сторону, когда нас осадили слуги Терзателя — Пещерные Существа и юрвайлы, а также гриффин, исчадие какой-то неизвестной нам бездны зла.

Лифе уклончиво кивнула, словно не поняла всех его слов. Но потом она сказала:

— Это срочно. Никакое действие против Терзателя не должно быть отложено. Были уже и другие знаки.

Хищные звери уже пытались пересечь равнины Ра.

Высокий Лорд Тротхолл, добро пожаловать на равнины Ра. Торопитесь в Менхоум, нам надо созвать Совет.

— Ваше радушие делает нам честь, — ответил Тротхолл. — Мы же в ответ окажем вам честь, приняв ваше приглашение. Мы будем в Менхоуме на второй день после сегодняшнего — если лошади будут живы.

Его осторожная речь вызвала у Лифе легкий смех.

— Вы будете отдыхать у гостеприимных Раменов прежде, чем солнце зайдет во второй раз с этого момента. Мы с самого начала не были невежественны в служении Ранихинам. Корды! Сюда! Вот вам испытание для Мейнинга.

Тотчас же появились четыре человека; они неожиданно появились прямо из травы, образовав вокруг отряда свободный полукруг, словно вышли из самой земли. Эти четверо — трое мужчин и одна женщина — были такими же миниатюрными, как Мейнфрол Лифе, и одеты, подобно ей, в коричневое платье поверх загорелой кожи; но на них не было цветов, зато талия была подвязана коротким шнурком.

— Подойдите, Корды, — сказала Лифе.— Не надо больше следить за этими всадниками. Вы слышали, как я приветствовала их. Теперь займитесь их лошадьми и их безопасностью. Они должны добраться до Менхоума прежде, чем наступит ночь следующего дня.

Четверо Раменов шагнули вперед, и Лифе сказал Тротхоллу:

— Это мои Корды — Фью, Хом, Грейс и Руста. Они охотники. Изучая дороги Ранихинов и знания Мейнфролов, они защищают равнины от опасных зверей. Я провела с ними много времени — они смогут позаботиться о ваших скакунах.

Учтиво поприветствовав членов отряда, Корды направились прямо к лошадям и принялись их осматривать.

— Теперь, — продолжила Лифе, — я должна уйти. Новость о вашем приезде должна облететь все равнины. В Мейнхоуме приготовятся к встрече с вами. Следуйте за Руста. Он ближе всех стоит к своему Мейнингу. Эй, Лорды! Вечером нового дня мы будем ужинать вместе!

Не дожидаясь ответа, Мейнфрол повернула на юг и умчалась. Она бежала с такой скоростью, что через не-

сколько секунд уже достигла гребня холма и скрылась из вида.

Глядя ей в след, Морэм сказал Кавинанту:

— Говорят, Мейнфрол может бежать со скоростью Ранихина в течение короткого времени.

Позади них Корд Хом пробормотал:

— Так говорят, и это правда.

Морэм посмотрел на Корда. Тот стоял, словно в ожидании, когда можно будет заговорить. Его внешность была очень похожа на внешность Лифе, хотя волосы были покороче, а черты лица более мужественные. Услышав замечание Морэма, он сказал:

— Я должен оставить вас, чтобы набрать травы, которая вылечит ваших лошадей.

Лорд осторожно ответил:

— Делайте то, что считаете нужным.

Глаза Хома расширились, словно он не ожидал таких мягких слов от людей, плохо обращавшихся с лошадьми. Потом, в некотором замешательстве, он отсалютовал Морэму в манере Лордов. Морэм в ответ поклонился, как это делали Рамены. Хом улыбнулся и готов был умчаться, когда Кавинант коротко спросил:

— Почему вы не ездите верхом? У вас ведь есть все эти Ранихины.

Морэм сделал быстрое движение, пытаясь удержать Кавинанта. Но вред был уже нанесен. Хом уставился на него так, словно услышал богохульство, и его сильные пальцы схватили за шнурок, подпоясывавший одежду на талии, зажав его в кулаке, словно гарроту.

— Мы не ездим верхом.

— Осторожнее, Хом, — мягко сказал Корд Руста. — Мейнфрол приветствовала их.

Хом посмотрел на своего товарища, потом быстро обвязал шнурок опять вокруг талии. Бросившись прочь от людей, он вскоре исчез из вида, словно провалился сквозь землю.

Сжав руку Кавинанту, Морэм сурово сказал:

— Рамены служат Ранихинам. В этом деле для них — вся цель жизни. Не оскорбляй их, Неверующий. Они очень быстро вспыхивают, и при этом они — лучшие охотники во всей Стране. В пределах досягаемости моего

голоса их может быть не меньше сотни, но мы никогда не узнаем об этом. Если они решат убить тебя, то даже не заметишь, как станешь мертвым.

Кавинант почувствовал всю силу этого предупреждения. Окружающая трава сразу как будто наполнилась глазами, которые с гибельным вниманием смотрели на него. Он чувствовал себя незащищенным, словно его одежда в зеленых пятнах была путеводителем для смертоносных намерений, спрятанных в земле. Он снова задрожал.

Пока Хом отсутствовал, остальные Корды занимались лошадьми — ласкали, заманивали в воду и уговаривали поесть. Большинство мустангов крепли на глазах под их добрыми руками. Удовлетворенные тем, что их скакуны находятся в хороших руках, Лорды пошли посоветоваться с Квааном и Тьювором; воины тем временем занялись приготовлением пищи.

Кавинант проклинал исходящий от нее аромат. Он лег на жесткую траву и попытался успокоить сосущую пустоту внутри, глядя в небо. Усталость овладела им, и он некоторое время дремал. Но вскоре был разбужен новым запахом, который заставил голод с силой вгрызаться в его внутренности. Запах исходил от пучков роскошных, похожих на папоротники цветов, которые жевали лошади, — лечебной травы, собранной для них Кордом Хомом. Теперь все лошади были на ногах, и сила, казалось, прямо на глазах вливалась в них, пока они ели траву. Пикантный аромат цветов заставил Кавинанта на мгновение представить, как он стоит на четвереньках и жует, подобно лошадям. С трудом подавив ярость, он пробормотал:

— Проклятые лошади едят лучше, чем мы.

Корд Руста улыбнулся странной улыбкой и сказал:

— Эта трава ядовита для людей. Это аманибхавам, цветок здоровья и безумия. Лошадей он лечит, но мужчин и женщин... ах, они для нее чересчур мелки.

Кавинант ответил ему пристальным взглядом и попытался подавить в себе стон голода. Он чувствовал упрямое желание попробовать траву; все чувства говорили ему, что это деликатес. И все же мысль о том, что он пал

так низко, была горька для него, и вместо пищи он смаковал эту горечь.

Разумеется, эти растения сотворили с лошадьми настоящие чудеса. Вскоре они нормально ели и пили и выглядели достаточно окрепшими, чтобы продолжать путь. Отряд покончил с едой, и воины убрали остатки пищи в мешки. Корды объявили, что лошади готовы отправиться в путь. Вскоре всадники уже ехали на юг через невысокие холмы Ра, сопровождаемые Раменами, легко трусившими рядом с их лошадьми.

Под копытами лошадей травянистые поля перекатывались, словно мягкие волны, создавая для отряда впечатление скорости. Они ехали по густой зеленой траве вверх и вниз по невысоким пологим склонам, вдоль неглубоких долин, между рощами и небольшими лесами, мимо узких потоков, через широкие поля. Кроме вездесущей алианты пейзаж не оживлялся ни фруктовыми деревьями, ни культурными насаждениями, ни цветами, за исключением аманибхавама. И все же равнины, казалось, были полны стихийной жизни, словно низкие, пологие холмы были образованы пульсацией почвы, а жесткая трава была достаточно питательна, чтобы прокормить любого, кто окажется достаточно крепок, чтобы перенести подобную пищу. Когда солнце начало клониться к закату, вереск на склоне холмов стал красным. Стада нильгаю вышли из лесов, чтобы напиться из источников, а вороны крикливо начали слетаться на широкие ветки каштанов, усеянные их гнездами.

Но больше всего внимание всадников привлекали встречавшиеся на пути Ранихины. Мчались ли он галопом, словно триумфальные знамена, или резвились вместе на вечерних играх — огромные лошади были окружены каким-то ореолом величественности, словно сама земля, по которой они гордо ступали, гордилась их созданием. В буйной радости они звали к себе скакунов Стражей Крови, и те исполняли небольшой танец копытами, словно не в состоянии были сдержать радостное возбуждение от возвращения домой. Потом свободные Ранихины уносились прочь, полные веселой крови и неукротимой энергии, извещая всех о своем приближении

веселым ржанием. Эти звуки заставляли воздух звенеть от переполнения жизнью.

Вскоре солнце зашло на западе, прощаясь оранжевым пламенем. Кавинант смотрел на закат с каким-то странным удовлетворением. Он устал от лошадей, от Ранихинов, от Раменов, и от Стражей Крови, и от Лордов, и от йоменов, устал от этой беспокойной жизни. Ему хотелось темноты и сна, несмотря на кровавый свет его кольца, предвещавший появление новой луны и крыльев ужаса, похожих на крылья стервятников.

Но когда солнце исчезло, Руста сказал Тротхоллу, что отряду лучше было бы не останавливаться.

— Есть опасность, — сказал он, — В траве другими Раменами были оставлены предупредительные знаки.

Отряду надо было двигаться до тех пор, пока он не окажется в безопасности — еще несколько лье. Поэтому они продолжили путь. Позже взошла луна, и ее осквернённый серп превратил ночной мрак в кровь, вызвав мрачный ответ у кольца Кавинанта и его голодной души.

Потом Руста сделал всадникам знак придержать лошадей и соблюдать тишину. Со всей возможной осторожностью они поднялись по южной стороне холма и остановились неподалеку от гребня. Всадники спешились, оставив несколько Стражей Крови присмотреть за лошадьми, и следом за Кордами поднялись на вершину холма.

Низкая плоская земля лежала к северу от холма. Корды некоторое время всматривались в нее, потом указали на какую-то точку. Кавинант поборол сонливость, застилавшую глаза, и сквозь красную тьму разглядел темное пятно, двигавшееся по равнине на юг.

— Креш, — прошептал Хом. — Желтые волки — порода Терзателя. Они пересекли Роумсиди.

— Ждите нас здесь, — сказал Руста. — Опасность вам не грозит.

Он и остальные Корды растворились в ночи.

Члены отряда инстинктивно приблизились друг к другу и до боли в глазах начали всматриваться в жидкий красный свет, который, казалось, сочился, подобно поту, из движущейся темноты на равнине. В беспокойном ожидании они стояли молча, едва дыша.

Пьеттен сидел на руках у Ллауры, полностью проснувшись с наступлением темноты.

Позже Кавинант узнал, что стая насчитывала пятнадцать огромных желтых волков. Их предплечья доходили человеку до талии; у них были массивные челюсти, усаженные кривыми острыми клыками, и желтые всеядные глаза. Они шли следом двух жеребят Ранихинов, единственной защитой которых был жеребец и его кобыла. В легендах Раменов говорилось, что дыхание крешей достаточно горячее, чтобы опалить землю, и везде, где бы они ни появлялись, оставляя за собой следы, доставляли страдание земле. Но все, что видел сейчас Кавинант, была приближавшаяся темнота, становившаяся с каждом минутой все гуще.

Потом ему показалось, что в хвосте стаи произошло короткое замешательство; а после того, как волки двинулись дальше, на земле будто бы что-то можно было разглядеть — две или три неподвижные черные точки.

Стая вновь завертелась. На этот раз тишину нарушило несколько коротких завываний удивления и страха. Раздавшееся затем резкое рычание внезапно замолкло. В следующий миг стая ринулась прямо в сторону отряда, оставив позади еще пять точек. Но теперь Кавинант был уверен, что эти точки — мертвые волки.

Еще три креша упали на землю. Теперь он смог рассмотреть три фигуры, отскочившие от мертвых и бросившиеся вдогонку за оставшимися в живых.

Они исчезли в тени у подножия холма. Из тьмы донеслись звуки борьбы, яростное рычание, лязг челюстей, упустивших добычу, и треск костей.

Потом в ночь снова влилась тишина. Все чувства людей обострились, поскольку им нечего не было видно — тень достигала почти самого гребня холма, на котором они стояли.

Внезапно они услышали звук неистового бега. Он приближался прямо к ним.

Тротхолл прыгнул прямо вперед. Он поднял свой посох, и голубое пламя рванулось из его наконечника. Внезапный свет озарил одинокого волка, бросающегося на него с ненавистью в глазах.

Тьювор очутился рядом с Тротхоллом на миг раньше,

чем Гигант. Но Преследующий Море вышел вперед, чтобы ответить на вызов волка.

Потом, безо всякого предупреждения, Корд Грейс выросла из укрытия прямо перед носом у волка. Ее движения были такими отточенными, словно она исполняла танец. Быстрым рывком она сняла с талии шнурок, не сходя со своего места. Когда креш прыгнул на нее, она захлестнула петлю шнурка вокруг его шеи и аккуратно отошла в сторону, повернувшись, чтобы потверже держаться на ногах. Сила волчьего прыжка, затянувшая петлю, сломала ему шею. Рывок сбил Грейс с ног, но она легко перекатилась на бок, удерживая давление на шнурке, и встала в такую позу, чтобы сразу прикончить креша, если он все еще будет жив.

Йомен встретил ее действия низким гулом восхищенных голосов. Она посмотрела на них и робко улыбнулась в голубом свете посоха Тротхолла. Потом она повернулась, чтобы приветствовать других кордов, выскочивших из тени холма. Они были целы и невредимы. Все волки были мертвы.

Опустив посох, Тротхолл отвесил кордам поклон Раменов.

— Неплохо сработано, — сказал он. Они поклонились в ответ.

Когда он погасил пламя своего посоха, вершина холма озарилась вновь красной тьмой. В кровавом свете всадники начали возвращаться к своим лошадям. Но Баннор подошел к мертвому волку и снял с его шеи шнурок Грейс. Натянув шнурок своими сильными руками, он сказал:

— Хорошее оружие.

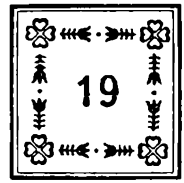
Голос его при этом был, как всегда, до странного бесстрастным.

— С его помощью Рамены совершили огромную работу в те дни, когда Высокий Лорд Кевин открыто боролся с Разложением.

Что-то в его голосе напомнило Кавинанту, что Стражи Крови были живыми людьми, которые более чем два тысячелетия не знали женщин.

Потом, под влиянием странного порыва, Баннор напряг мышцы, и шнурок порвался. Слегка пожав плеча-

ми, он бросил обрывки на мертвого креша. Его движение несло в себе законченность порицания. Не взглянув на Корда Грейс, он сошел с гребня холма, чтобы сесть верхом на Ранихина, избравшего его.

ВЫБОР РИНГФЕЙНА

Корд Руста известил Тротхолла о том, что, согласно традиции Раменов, убитые преследователи Ранихинов были оставлены стервятникам. Рамены не желали оказывать честь крешам или оскорбить землю, закапывая их. А сжечь трупы — значило подвергнуть равнины угрозе степного пожара. Поэтому всадники смогут отдыхать, как только их лошади окажутся вне досягаемости запаха смерти. Корд повел отряд снова на юг и, пройдя примерно лье, остановился, убедившись, что никакой ночной ветер не донесет тревожного запаха до животных. Отряд разбил лагерь.

Кавинант спал беспокойно, то и дело просыпаясь с таким ощущением, что ему в живот упирается наконечник копья, и когда наступил рассвет, он ощутил внутри такую пустоту, словно провел всю ночь в попытках нанести ответный удар голоду. И когда его нос снова учуял притягательный запах ядовитой аканибхавам, глаза его наполнились слезами, словно его ударили.

Он сомневался, что сможет еще долго удержаться на ногах. Но ответа, который был ему нужен, он еще так и не получил. Он не находил в себе никакого нового озарения, и зеленый узор Моринмосса на его платье казался неразборчивым. Верный инстинкт подсказывал ему, что он сможет найти то, чего ему не хватало, в крайности голодовки. Когда его попутчики поели и были готовы продолжать поход, он по инерции взобрался на Дьюру и двинулся вперед вместе со всеми. Время от времени по щекам его стекали слезы, но он не плакал.

Он чувствовал себя переполненным страстью, но не мог выплеснуть ее наружу. Проказа не позволяла сделать это.

Словно контрастируя с холодным видом его настроения, день был приветливым, полным яркого, безоблачного солнца и теплого южного ветерка, глубокого неба и невысоких холмов. Вскоре отряд полностью подчинился чарам равнины, величественной и суровой, украшенной гордыми стадами Ранихинов. Время от времени могучие лошади проносились мимо рысью или галопом, посматривая на всадников со смешинками в глазах, окликая их звучными криками. Их вид прибавлял скорость бегу Кордов, и когда утро закончилось, Грейс и Фью запели вместе:

Беги, Ранихин,
Скачи галопом, играй,
Ешь и пей, и сверкай блеском кожи.
Ты — костный мозг Земли.
Никакое удило, никакое подчинение
Не оскорбят тебя.
Никакие когти или клыки не
Останутся безнаказанными.
Ни одна капля лошадиной крови
Не упадет напрасно;
Она вылечит траву.
Мы — Рамены, рожденные служить;
Мейнфролы ухаживают.
Корды защищают.
Винхоумы заботятся об очаге и постели,
Наши ноги не уносят прочь
Наши сердца
Копыта, выросшие из травы,
И звезда во лбу.
Цвет и аромат земли —
Царственный Ранихин,
Беги, скачи, галопом.
Мы служим хвосту неба,
Гриве Мира.

Услышав эту песню, Ранихины начали резвиться вокруг отряда, и бег их был таким легким и стремительным, словно земля волнами подкатывала им под ноги.

Пьеттен зашевелился на руках Гиганта и на некоторое время стряхнул с себя свой дневной сон, чтобы посмотреть на Ранихинов пустыми глазами, в которых вдруг появилось нечто, похожее на тоску. Тротхолл и Морэм сидели, расслабившись, в своих седлах, словно в первый раз после того, как покинули Ревлстон, они почувствовали, что отряд находится в безопасности. И слезы бежали по лицу Кавинанта, как по стене.

Кара солнца смущала его в наполнявшей пустоте. Голова его, казалось, готова была взорваться, и это ощущение заставило его предположить, что его поместили на какую-то ненадежную высоту, и внизу огромные волны хищной травы огрызались, пытаясь схватить его за пятки, словно волки. Но седло из клинго удерживало Томаса на спине у Дьюры. Через некоторое время он погрузился в дремоту, в которой танцевал и плакал, и занимался любовью по приказу кого-то, кто насмешливо управлял им, словно марионеткой.

Когда он проснулся, была уже середина полудня, и почти весь горизонт впереди занимали горы. Дела у отряда шли хорошо. Лошади мчались с такой скоростью, словно равнины давали им больше энергии, чем они могли вместить.

На мгновение Кавинант представил себе Менхоум, где, вероятно, ошибочное и бесполезное уважение к его обручальному кольцу приведет к тому, что его представят Ранихинам, как будущего наездника одного из них. Безусловно, это была одной из причин, побуждавших Тротхолла посетить равнины Ра до приближения к Горе Грома. Воздать честь Юр-лорду, Рингфейну. Ах, проклятие! Он попытался представить себе, как едет на Ранихине, но его воображение не могло совершить такого скачка; более, чем что-либо другое, кроме Анделейна, огромные опасные лошади, обладавшие земной силой, выражали сущность Страны. А Джоан объезжала лошадей. По какой-то причине от этой мысли у него защипало в носу, и он попытался удержать слезы, из всех сил сжав зубы.

Остальную часть полудня Кавинант провел, осматривая горы. Они вырастали впереди отряда, словно вершины медленно вставали на ноги. Изгибаясь на юго-запад и северо-запад, горная цепь была не столь высока, как горы позади Подкаменья Мифиль, но она была зазубренной и неровной, словно самые высокие вершины были раздроблены на мелкие осколки, чтобы соединиться и сделаться непроходимыми. Кавинант не знал, что находится за этими горами, и не хотел знать. Их непроходимость каким-то странным образом успокаивала его, словно они являлись преградой между ним и чем-то таким, на что он не мог смотреть.

По мере того, как отряд легким бегом приближался к горам, они вырастали все быстрее и быстрее. Солнце уже садилось на западе, когда всадники добрались до обрывистого подножия горной гряды. Во время последнего подъема солнце окрасило их спину в оранжевые и розовые тона, и в этом свете они въехали на широкое ровное плато у подножия скалы.

Здесь, наконец, они увидели Менхоум.

Нижняя часть скалы на последние двести пятьдесят или триста футов под острым углом наклонялась внутрь широкого полуовального фасада, образуя пещеру наподобие глубокой вертикальной чаши в скале. В глубине этой чаши, где они были укрыты от ненастий и все же находились на открытом воздухе, стояли, скрепленные обручами, палатки семей Раменов. А впереди, под прикрытием скалы, находилась общая палатка, где Рамены жгли костры, готовили пищу, собирались, чтобы поговорить, потанцевать или спеть вместе, когда они не отсутствовали на равнинах вместе с Ранихинами. Все вместе это выглядело довольно сурово, словно поколениям Раменов не удалось найти для себя уюта в камне, ибо Менхоум был всего лишь центром, отправной точкой, откуда этот кочевой народ отправлялся в свои скитания по равнинам.

Встречать приближавшийся отряд собралось около семидесяти Раменов. Почти все они были Винхоумами, молодыми и старыми, но были здесь и другие, кто просто нуждался в покое и безопасности. В отличие от Кордов и Мейнфролов, у них не было боевых шнурков.

Но Лифе была там, и она легким шагом вышла вместе с тремя другими Раменами встречать отряд. На первый взгляд эти трое тоже были Мейнфролами; на них были надеты венки из желтых цветов, как у Лифе, и шнурки они тоже носили в волосах, а не на поясе. Отряд остановился, и Тротхолл спешился перед Мейнфролами, он поклонился им в манере Раменов, и они в свою очередь приветствовали его.

— Добро пожаловать еще раз, Лорды издалека, — сказала Лифе, — Привет вам, Рингфейн и Великий Лорд, и Гигант, и Стража Крови. Добро пожаловать к очагу Менхоума.

Увидев ее салют, Винхоумы устремились вперед из-под прикрытия скалы. Слезая с лошадей, всадники встречали приветствия улыбающихся Винхоумов с небольшими венками из сплетенных цветов. Жестами ритуальной величественности они надели эти венки на правые запястья своих гостей.

Кавинант слез с Дьюры и увидел сияющую девочку-Рамена лет пятнадцати-шестнадцати, стоявшую перед ним. У нее были чудесные темные волосы, падавшие на плечи, и мягкие большие карие глаза. Она не улыбалась, казалось, она благоговела, приветствуя самого Рингфейна, повелителя белого золота.

Протянув руки, она осторожно надела ему на запястья венок из цветов.

Их запах вызвал у него головокружение, и его едва не стошнило. Венок был сплетен из аманибхавана. Его запах жег обоняние, словно кислота, вызывая такой голод, что Томас, казалось, готов был вытошнить куски пустоты.

Он не в состоянии был остановить слезы, катившиеся из глаз.

С торжественным выражением на лице девочка-Винхоум подняла руку и прикоснулась к слезинкам на его щеках так, словно это были драгоценности.

Позади него Ранихины Стражей Крови галопом уносились на просторы Равнины. Корды уводили лошадей, чтобы дать им отдохнуть, а тем временем на площадке собиралось все больше Раменов, услышавших новость о прибытии отряда.

Но Кавинант не отрывал глаз от девочки, смотрел на нее так, словно она была чем-то съедобным. Наконец она ответила на его взгляд, сказав:

— Я — Винхоум Гэй. Скоро я буду знать достаточно, чтобы перейти в Корды.

Поколебавшись мгновение, она добавила:

— Я должна буду служить вам, пока вы будете гостить здесь.

Когда он ничего не ответил, она поспешно сказала:

— Если я вам не понравилась, то другие тоже будут счастливы служить.

Кавинант еще некоторое время молчал, призывая на

помощь свою бесполезную ярость. По потом он собрался с силами для окончательного отказа:

— Я ни в чем не нуждаюсь. Не трогайте меня.

Эти слова обожгли ему горло.

Почувствовав прикосновение чьей-то руки к своему плечу, он обернулся и увидел, что это Гигант. Преследующий Море смотрел на Кавинанта сверху вниз, но его слова были обращены к Гэй, на лице которой стремилась отразиться боль, вызванная отказом Кавинанта.

— Не грусти, маленький Винхоум, — пробормотал Гигант. — Кавинант Рингфейн проверяет нас, эти слова идут у него из сердца.

Гэй благодарно улыбнулась Гиганту, потом сказала с внезапной дерзостью:

— Не такая уж я маленькая, Гигант. Тебя обманывает твой собственный рост. Я почти достигла Кординга.

Казалось, всего мгновение потребовалось, чтобы Гигант понял ее шутку. Потом его жесткая борода дернулась, и он внезапно залился смехом. Его веселость все росла, она эхом отражалась от скалы над Мэнхоумом, пока сама гора, казалось, не заразилась его ликованием, и этот выразительный звук распространялся повсюду, так что каждый, услышав его, начинал смеяться, не зная причины своего смеха. Преследующий Море хохотал долго, словно выбросил вместе с дыханием осколки из своей души.

Но Кавинант отвернулся, не в состоянии вынести громогласную тяжесть юмора Гиганта.

— Проклятье! — прорычал он. — Ад и кровь! Что вы со мной делаете? — Он не принял никакого решения, и теперь его способность к самоотрицанию, казалось, была на исходе.

Поэтому, когда Гэй предложила проводить его к приготовленному месту на пиру, организованному Винхоумами, он молча последовал за ней. Она вывела его из-под тяжеловесной нависшей скалы к центральному открытому пространству с горевшим в середине костром. Большая часть отряда уже вошла в Менхоум. Кроме центрального, было еще два костра, и Рамены разделили отряд на три группы: Стражи Крови сели вокруг одного костра, Кваан и его четырнадцать воинов — вокруг дру-

гого, а в центре Рамены поместили Тротхолла, Морэма, Гиганта, Ллауру, Пьеттена и Кавинанта, а также Мейнфролов. Кавинант сел по-турецки на гладкий каменный пол напротив Тротхолла, Морэма и Гиганта. Четверо Мейнфролов расположились рядом с Лордами, а Лифе села возле Кавинанта. Остальные места в круге заняли Корды, вернувшиеся с равнин вместе со своими учителями, Мейнфролами.

Большинство Винхоумов прислуживало у стола, а также возле очагов внутри пещеры.

Гэй стояла возле Кавинанта, тихо напевая какую-то мелодию, которая напоминала ему другую песню, когда-то слышанную:

Какая-то красота произрастает
в душе Создателя,
Словно цветок...

Вдыхая дымок кострова и запах пищи, Кавинант подумал, что смог бы, наверное, ощутить чистый травяной аромат Гэй.

Когда он неуклюже уселся на каменный пол, последние лучи заходящего солнца окрасили крышу в оранжевый и золотой цвета, словно эффектное прощание. Потом солнце скрылось. Ночь распростерлась над равнинами; единственным источником света в Менхоуме были костры. Воздух наполнило бормотание голосов, как горный ветерок, полный аромата Ранихинов. Но пища, которой так боялся Кавинант, не была подана сразу. Сначала Корды исполнили танец.

Трое из них танцевали внутри кружка, в котором сидел Кавинант. Они плясали вокруг костра, совершая высокие прыжки и напевая веселую песню под аккомпанемент Винхоумов, отбивавших ладонями сложный ритм. Плавное скольжение их тел, внезапные повороты танца, темный оттенок кожи делали их похожими на бьющийся пульс равнин, который они убыстряли, чтобы сделать видимым для людей.

И время от времени они принимали такие позы, чтобы свет костров бросал на стены и потолок тени в форме лошадей.

Иногда танцоры оказывались в достаточной близости от Кавинанта, чтобы он мог разобрать слова из песни:

Выросшие из травы копыта,
И звезды во лбу,
Цвет самой земли —
Царственный Ранихин,
Скачи галопом, беги.
Мы служим Хвосту Неба,
Гриве Мира.

Эти слова и танец заставили Кавинанта почувствовать, что они выражают какое-то таинственное знание, какую-то способность видеть то, что необходимо увидеть и ему. Это ощущение внушало ему отвращение; он с трудом оторвал взгляд от танцующих и стал смотреть на пылающие угли костра. Когда танец закончился, он продолжал смотреть в сердце огня взглядом, полным неясного смятения.

Потом Винхоумы принесли к кострам еду и питье. Используя вместо тарелок широкие листья, они поставили перед гостями тушеное мясо и дикую картошку. Блюда были приправлены редкими травами, которые Рамены часто использовали в приготовлении пищи, и вскоре пир целиком захватил членов отряда. В течение долгого времени единственными звуками в Менхоуме были звуки приема пищи.

В разгар пиршества Кавинант сидел, словно чахлое дерево. Он не реагировал ни на что, предлагаемое ему Гэй. Он смотрел на огонь; одно полено в костре горело красным огнем, похожим на ночной свет его кольца. Мысленно он проводил самоосмотр, исследуя конечности, и его сердце пребывало в убеждении, что он вот-вот обнаружит какое-то в высшей степени неожиданное пятно проказы. Он выглядел так, словно увядал на корню.

Через некоторое время люди снова заговорили. Тротхолл и Морэм отдали свои листья-тарелки Винхоумам и вновь обратили свое внимание на Мейнфролов. Кавинанту были слышны отдельные обрывки из их разговора. Они говорили о нем, о том послании, которое он доставил Лордам, о роли, которую он играет в судьбе Страны. Их физический комфорт странно контрастировал с серьезностью их слов.

Рядом с ним Гигант описывал беду, случившуюся с Ллаурой и Пьеттеном, беседуя с одним из Мейнфролов.

Кавинант смотрел в огонь. Ему не надо было смотреть

на руку, чтобы увидеть кровавую перемену, происшедшую с кольцом; он ощущал волны зла, исходившие от металла. Прикрыв кольцо другой рукой, он задрожал.

Каменный потолок, казалось, нависал над ним, словно жестокое крыло откровения, ожидая момента наибольшей его беспомощности, чтобы ударить по незащищенной шее. Он был бездонно голоден.

— Я схожу с ума, — пробормотал он в пламя.

Винхоум Гэй уговаривала его поесть, но Кавинант не реагировал.

Сидевший напротив него Тротхолл объяснял цель их похода. Мейнфролы неуверенно слушали, словно им трудно было усмотреть связь между далеким злом и равнинами Ра. Поэтому Высокий Лорд рассказал им, что случилось с Анделейном.

Пьеттен пустым рассеянным взглядом смотрел в ночь, словно с нетерпением ждал восход луны. Рядом с ним Ллаура тихо разговаривала с Кордами, благодарная за гостеприимство.

Когда Гигант описывал подробности того ужаса, который случился с двумя оставшимися в живых обитателями Парящего Вудхельвена, его лоб напрягся от усилий сдерживать эмоции.

Пламя сияло, словно дверь, за которой подстерегала страшная опасность. Шея Кавинанта ныла от напряжения, а глаза смотрели невидящим взглядом. Зеленые пятна на одежде отмечали как бы предупреждение: "Нечистый, прокаженный, отверженный..."

Он уже заканчивал мысленный самоконтроль. Позади осталась невозможность поверить в реальность Страны. А впереди была невозможность поверить в ее нереальность.

Гэй внезапно вошла в круг и встала перед ним, держа руки на бедрах и с горящими глазами. Она стояла, слегка расставив ноги, так что ему были видны кровавые огненные угли в промежутке между ними.

Он посмотрел на нее.

— Вы должны поесть, — сердито сказала она. — Вы и так уже наполовину мертвый.

Плечи ее были расправлены, и ткань платья на груди туго натянулась. Она напомнила ему Лену.

Тротхолл в то время говорил:

— Он не рассказал нам всего, что произошло на Праз-

дновании. Нападение на духов не было предотвращено, и все же мы верим, что он как-то сражался с юр-вайлами. Его попутчица винила и себя, и его во зле, которое произошло во время танца.

Кавинант дрожал.

"Как Лена, — подумал он. — Лена?"

Тьма набрасывалась на него, словно когти головокружения.

"Лена?"

На миг он потерял способность видеть от заслонившей глаза черной воды и грохота. Потом вскочил на ноги. Он сделал это с Леной — сделал ли? Отшвырнув Гэй в сторону, он прыгнул к огню. Лена! Размахивая посохом, он накинулся на пламя. Но победить пламя он не мог, избавиться от воспоминания был не в силах. Посох вывернулся из его руки от силы удара. Искры и угли полетели во все стороны. Он сделал это с ней! Потрясая изуродованной рукой в сторону Тротхолла, он крикнул:

— Она была неправа! Я не мог помочь им! — И думал: "Лена! Что я наделал? Я прокаженный!"

Люди вокруг него вскочили на ноги. Морэм быстро шагнул вперед и предостерегающе поднял руку.

— Спокойнее, Кавинант, — сказал он. — В чем дело? Мы — гости.

Но несмотря на свой протест, Кавинант знал, что Этьеран права. Перед его глазами словно проходили эпизоды битвы у Парящего Вудхельвена, когда он сам убивал и наивно думал, что быть убийцей — это что-то новое для него, что-то беспрецедентное. Но он стал им еще раньше, в нем это было с самого начала его сна, с самого начала. Его интуиция подсказывала ему, что никакой разницы не было между тем, что юр-вайлы сделали с духами, и тем, что он сделал с Леной. Он служил Лорду Фаулу с самого первого дня своего пребывания в Стране.

— Нет! — прошипел он так, словно его варили в кипящем котле. — Нет, я больше не стану этого делать. Я не собираюсь больше быть жертвой! — Противоречие с яростью потрясало его, когда он мысленно воскликнул: "Ты изнасиловал ее! Ты, вонючий поганый ублюдок!"

Он чувствовал себя таким слабым, словно понимание того, что он сделал, разрушило его кости.

Морэм настойчиво повторил:

— Неверующий! В чем дело?

— Нет, — ответил снова Кавинант. — Нет.

Он попытался закричать, но его голос звучал глухо и еле слышно.

— Я не стану... терпеть это. Это неправильно. Я хочу выжить! Слышите?

— Кто ты? — прошипела сквозь сомкнутые зубы Мэйнфрол Лифе. Быстро встряхнув головой и молниеносно взметнув руку вверх, она сорвала шнурок с волос и привела его в боевую готовность.

Тротхолл схватил ее за руку. В его старческом голосе слышалась властность и мольба:

— Прости, Мэйнфрол. Тебе не понять этого. Он — носитель дикой магии, которая разрушает мир. Мы должны простить.

— Простить? — пытался крикнуть Кавинант. Ноги его подкосились, но он не упал. Баннор подхватил его сзади. — Вы не можете простить.

— Ты просишь наказать тебя? — недоверчиво спросил Морэм. — Что ты сделал?

— Прошу? — Кавинант напрягал все свои силы, чтобы вспомнить что-то. Потом ему это удалось. Он знал, что ему надо было делать. — Нет. Позовите Ранихинов.

— Что? — негодующе огрызнулась Лифе. И все Рамены эхом подхватили ее протест.

— Ранихинов! Позовите Ранихинов!

— Ты сумасшедший? Осторожнее, Рингфейн. Мы — Рамены. Мы не зовем, мы служим. Они приходят тогда, когда захотят. Слишком много ты на себя берешь. И они никогда не приходят ночью.

— Зовите, я вам говорю! Я! Зовите их!

Что-то в его ужасной требовательности смутило ее. Она заколебалась, глядя на него со смешанным выражением гнева, протеста и неожиданного сострадания, потом повернулась и вышла из-под навеса.

Поддерживаемый Баннором, Кавинант заковылял прочь из-под давящего навеса скалы. Отряд и Рамены потянулись за ним, подобно следу, остающемуся в киль-

ватере корабля, следу ошарашенной ярости. Позади кровавая луна только что взошла над скалой, и отдаленные равнины, видимые за пределами горных подножий перед Менхоумом, уже были омыты алым светом. Этот кровавый поток, казалось, проник в самую структуру земли, превратив камни, и почву, и траву в разложение и кровь. Люди расположились по обеим сторонам площадки так, чтобы освободившееся место освещалось кострами.

Лифе шла сквозь ночь, направляясь к равнинам, пока наконец не остановилась у дальнего край площадки. Кавинант стоял и смотрел на нее. Слабым, но решительным движением он освободился от поддержки Баннора и остался стоять один, словно поврежденный галеон, выброшенный на берег и оставшийся там после отлива, занесенный на невозможную высоту среди рифов. Потом, двигаясь, как деревянный, он подошел к Лифе.

Кровавый отблеск луны лежал перед ним, словно мертвое море, и тянул его, становясь все ярче с каждым мгновением восхода луны. Его кольцо холодно тлело. Он чувствовал себя так, словно был магнитом. Земля и небо были одинаково алого цвета, и он шел, будто полюс, на котором сосредоточилась красная ночь, — он и его кольцо, сила, которая принуждала этот прилив осквернённой ночи. Вскоре он уже стоял в центре открытой площадки. Собравшиеся вокруг были словно отделены от него невидимым колеблющимся занавесом тишины.

Мэйнфрол Лифе потянула руки, словно подзывая в себе тьму. Внезапно он издала пронзительный крик:

— Еленбрабанал иврушин! Рувин хайнин келенко лирримарунал! Ранихин Келебрабанал!

Потом она свистнула один раз. Этот свист эхом отразился от скалы, словно визг.

В течение долгого времени на площадке стояла тишина. Вызывающим шагом Лифе прошествовала назад, в Менхоум. Проходя мимо Кавинанта, она резко произнесла:

— Я вызвала.

Потом она оказалась позади него, и он очутился один на один с осадой луны.

Но вскоре раздался топот копыт. Огромные лошади

пожирали расстояние; звук был столь мощным в ночной тишине, что, казалось, сами горы катятся к Менхоуму. Ранихинов было много — несколько десятков. Кавинант усилием воли заставил себя удержаться на ногах. Его сердце, казалось, слишком ослабело, чтобы продолжать биться дальше. Едва ли он замечал молчаливую тревогу Раменов.

Затем внешний край площадки, казалось, приподнялся, и волна Ранихинов ворвалась на открытое пространство — почти сотня лошадей неслась плечом к плечу прямо на Кавинанта, словно стена.

Возглас восхищения и изумления вырвался у Раменов. Мало кто из старейших Мейнфролов когда-либо видел так много Ранихинов вместе.

А Кавинант чувствовал, что видит саму гордую плоть Страны. Он боялся, что они затопчут его.

Но стена обогнула его слева и справа так, что в итоге он оказался в кольце Ранихинов. С развевающимися гривами и хвостами, со звездами во лбу, Ранихины заслонили собой весь мир. Топот их копыт ревел у Кавинанта в ушах.

Их кольцо сжималось все плотнее. Их рвущаяся наружу сила вызывала в нем страх, заставляла его крутиться на месте, словно он пытался увидеть их всех одновременно. Сердце бешено колотилось у него в груди. Он не успевал поворачиваться с такой скоростью, чтобы видеть их всех. Это усилие заставило его споткнуться, потерять равновесие и упасть на колени.

Но в следующее мгновение он уже снова поднялся, встав так, чтобы оказаться против направления вращения кольца, и лицо его исказилось, будто в крике — сам крик затерялся в громе копыт Ранихинов. Раскинув руки, он словно оперся о стены ночи.

Медленно и мучительно, переминаясь с ноги на ногу и роя землю копытами, Ранихины остановились. Они смотрели на Кавинанта. Глаза их вращались, у некоторых на губах была пена. Сначала Кавинант не понял их волнения.

Внезапно раздался крик со стороны Мейнфролов. Кавинант узнал голос Ллауры. Повернувшись, он увидел, что Пьеттен бежит к лошадям, а Ллаура едва успевает

за ним и с каждым шагом все больше отстает. Ребенок застал всех врасплох; все смотрели на Кавинанта. Теперь Пьеттен уже добрался до круга и протиснулся между ногами Ранихинов, беспокойно рывших землю.

Казалось невозможным, чтобы его не затоптали. Его голова была не больше по размеру, чем копыта Ранихинов, а эти копыта находились в беспрерывном движении. Воспользовавшись удобным моментом, Кавинант прыгнул вперед, повинуясь импульсу, и выхватил Пьеттена из-под копыт одного из коней.

Но его рука, лишенная одного пальца, не смогла удержать мальчика, и Пьеттен вырвался от него, мгновенно вскочив на ноги. Он бросился на Кавинанта и ударил его изо всех сил.

— Они ненавидят тебя! — бушевал он. — Уходи!

Свет луны упал на площадку, выделив ее среди окружающих гор. В алом сиянии маленькое личико Пьеттена выглядело пустыней.

Ребенок продолжал молотить по нему кулаками, но Кавинант поднял его с земли и обеими руками прижал к себе. Удерживая Пьеттена таким образом, он смотрел на Ранихинов.

Теперь он понял. Правда, он слишком старательно избегал их, чтобы заметить, как они реагировали на него. Они не угрожали ему. Этим огромным животным он внушал ужас. Ужас. Глаза их сторонились его лица, и они роняли вокруг себя хлопья пены. Мышцы их ног и груди дрожали. Тем не менее, они, словно в агонии, приближались к нему. Древняя традиция нарушалась. Вместо того, чтобы выбирать себе седока, они подчинились его выбору.

Импульсивным движением Кавинант освободил руку и взмахнул холодным красным кольцом перед одним из Ранихинов. Тот вздрогнул, изогнул шею, словно увидел перед собой змею, но не сошел с места.

Кавинант снова прижал Пьеттена обеими руками. Сопротивление ребенка теперь несколько ослабло, словно он подвергся медленному удушению. Но Неверующий продолжал его сжимать изо всех сил. Шатаясь, словно не мог восстановить равновесие, он диким взглядом смотрел на Ранихинов.

Но он уже принял решение. Он видел, что Ранихины узнали его кольцо. Прижимая Пьеттена к себе, он крикнул:

— Слушайте! — Голос хриплый, как рыдание. — Слушайте. Я заключаю с вами сделку. Поймите правильно. Проклятье! Поймите правильно. Сделку. Слушайте! Я не могу выносить... Я распадаюсь на части. На части. — Он еще крепче прижал Пьеттена. — Я вижу... вижу, что происходит с вами. Вы боитесь. Вы думаете, что я... Хорошо. Вы свободны. Мне не нужен никто из вас.

Ранихины со страхом смотрели на него.

— Но вы должны что-то сделать для меня. Вы должны отступить! — Этот крик отнял у него почти все оставшиеся силы. Вы... Страна... — Он задыхался, в его голосе слышалась мольба. — Дайте мне быть! Не просите так много.

Но он знал, что в ответ на воздержанность ему от них было нужно нечто большее, чем готовность вытерпеть его недоверие.

— Слушайте, слушайте. Если вы мне понадобитесь, то лучше будет, если вы явитесь. Чтобы мне не приходилось быть героем. Поймите правильно.

Глаза его ослепли от слез, но он не плакал.

— И... и вот еще что... Еще одно... Лена... Лена... Девушка. Она живет в Подкаменьи Мифиль. Дочь Трелла и Этьеран. Я хочу... я хочу, чтобы кто-нибудь из вас отправился к ней. Сегодня ночью. И каждый год. В последнее полнолуние перед серединой весны. Ранихины это... это то, о чем она мечтает.

Он смахнул слезы из глаз и увидел, что Ранихины смотрят на него так, словно понимают все, что он пытался сказать.

— А теперь идите, — прошептал он. — Пожалейте меня.

С внезапным могучим и единодушным ржанием все Ранихины встали вокруг него на дыбы, ударив копытами воздух над его головой, словно давая обещание. Потом они развернулись с облегченным фырканием и понеслись прочь от Менхоума. Лунный свет, казалось, не касался их. Они упали на краю площадки и исчезли, словно сама земля приняла их в свои объятия.

Ллаура почти сразу же оказалась рядом с Кавинантом. Она медленно высвободила из его рук Пьеттена и посмотрела на него долгим взглядом, понять который он не мог, потом молча отвернулась. Он пошел за ней, едва волоча ноги, словно перегруженный обломками самого себя. Он слышал удивленные голоса Раменов. Удивление их было так велико, что в его поступке они не видели никакой обиды. Он был вне их и слышал, как они говорили:

— Они почтили его ржанием. Но ему было все равно. Он был болен от чувства, что ничем не овладел, ничего не доказал, ничего не решил.

Лорд Морэм подошел к нему. Кавинант не поднял на него взгляда, но услышал неподдельное удивление в голосе Лорда, когда тот сказал:

— Юр-лорд, ах! Подобная честь еще не оказывалась ни одному простому смертному, будь то мужчина или женщина. Многие приходили на равнины, и были предложены Ранихинам, и получили отказ. А когда была предложена Лорд Тамаранта, моя мать, пять Ранихинов выбрали ее — пять! Это была высочайшая честь, о какой только она могла мечтать. Нам не было слышно. Ты отказал им? Отказал?

— Отказал, — тяжело вздохнув, простонал Кавинант. — Они ненавидят меня.

Он прошел мимо Морэма в глубину Менхоума. Двигаясь нетвердыми шагами, как корабль с разбитым килем, он направился к ближайшему костру, где готовилась еда. Рамены уступали ему дорогу и смотрели ему в след с благодарностью и благоговением на лице. Ему было все равно. Подойдя к костру, он схватил первое, что попало под руку. Мясо выскользнуло из его ополовиненной ладони. Тогда он зажал его в левой руке и жадно принялся за еду.

Он еще никого не замечал вокруг, почти не пережевывал куски мяса и, едва проглотив один кусок, тут же запихивал в рот следующий. Потом ему захотелось пить. Он оглянулся вокруг, увидел Гиганта, стоявшего неподалеку с бурдюком "алмазного глотка", до смешного миниатюрным в его огромной руке.

Кавинант взял у него бурдюк и залпом осушил его.

Потом он некоторое время стоял, не двигаясь, ожидая воздействия напитка.

Результат не замедлил сказаться. Вскоре его голову начал заполнять туман. В ушах зазвенело, словно звуки Менхоума он слышал со дна колодца. Он знал, что скоро сознание отключится, и очень хотел этого, но прежде, чем это случилось, боль в груди заставила сказать:

— Гигант, я... мне нужны друзья.

— А почему ты считаешь, что их у тебя нет?

Кавинант закрыл глаза, и перед его мысленным взором предстало все, что он сделал в Стране.

— Не будь смешным.

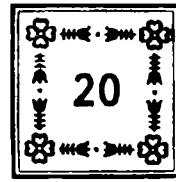
— Тогда ты все же веришь в нашу реальность.

— Что? — Кавинант словно цеплялся за смысл сказанного Гигантом руками, на которых не было пальцев.

— Ты думаешь, что мы можем не простить тебя, — пояснил Преследующий Море. — А кто простил бы тебя с большей готовностью, чем твой сон?

— Нет, — сказал Неверующий. — Сны никогда не прощают.

Потом он перестал видеть свет костра и доброе лицо Гиганта, погрузившись в сон.

ВОПРОС НАДЕЖДЫ

Он блуждал, вздрагивая, во сне в ожидании ночных кошмаров. Но их не было. Сквозь туманные подъемы и падения своих скитаний — словно даже и во сне его чувства были настороже по отношению к Стране — он чувствовал, что за ним издали наблюдают. Этот взгляд был обеспокоенным и доброжелательным, он напоминал ему о старом нищем, который заставил его прочесть эссе о "Фундаментальном вопросе этики".

Проснувшись, он обнаружил, что Менхоум ярко освещен лучами солнца.

Затемненный потолок пещеры был почти не виден, но свет, отражавшийся от пола, казалось, рассеивал гнетущий вес камня. Солнечные лучи проникали в Менхоум достаточно глубоко, чтобы Кавинант мог определить, что он проснулся рано в полдень теплого, почти уже лет него дня. Он лежал возле задней стены пещеры в полной тишине. Рядом с ним сидел Гигант.

Кавинант на мгновение закрыл глаза. Он почувствовал, что пережил вызов. И у него было смутное чувство, что его сделка вступила в силу. Когда он снова поднял веки, то спросил:

— Сколько времени я спал? — Словно восстал из мертвых.

— Привет и добро пожаловать, мой друг, — ответил Гигант. — Судя по тебе, сила моего "алмазного глотка" не так уж велика. Ты проспал всего лишь ночь и утро.

С удовольствием потянувшись, Кавинант сказал:

— Привычка. Я это так часто делал... что стал уже специалистом.

— Редкое умение, — усмехнулся Преследующий Море.

— Я бы не сказал. Прокаженных не так уж мало, как вам, может быть, кажется.

Внезапно он нахмурился, словно поймал себя на непроизвольном нарушении своей обещанной выдержанности. Чтобы его не приняли всерьез, он добавил мрачным тоном:

— Мы везде.

Но его попытка сострить только озадачила Гиганта. Спустя мгновение он медленно произнес:

— А другие... "Прокаженный" — нехорошее слово. Оно слишком коротко для обозначения таких, как ты, как вы. Мне это слово незнакомо, но мои уши не слышат в нем ничего, кроме жестокости.

Кавинант сел на своем месте и отбросил одеяло.

— На самом деле это не так уж жестоко. — Этот предмет казалось, внушал ему стыд. Пока он говорил, то не мог смотреть в глаза Гиганта. — Это либо бессмысленная случайность, либо "форменная пустыня". Если бы это было жестоко, то случалось бы чаще.

— Чаще?

— Безусловно. Если бы проказа была актом жестокости — Бога или кого-то еще — она не была бы столь редка. Зачем довольствоваться несколькими тысячами случайных жертв, если можно иметь несколько миллионов?

— Случайность, — пробормотал Гигант. — Друг мой, ты смущаешь меня. Ты говоришь с такой поспешностью. Быть может, Презренный твоего мира обладает лишь ограниченной силой, чтобы противостоять своему Создателю.

— Может быть. Я как-то не думаю, что мой мир живет по тем же законам, что и этот.

— Тем не менее, ты сказал — разве нет? — что прокаженные есть везде.

— Это была шутка. Или метафора. — Кавинант сделал еще одну попытку превратить свой сарказм в юмор. — Я никогда не видел между ними разницы.

Гигант долго смотрел на него, потом осторожно спросил:

— Друг мой, ты шутишь?

Кавинант встретил взгляд Гиганта с сардонической улыбкой.

— Очевидно, нет.

— Не беспокойся об этом.

Кавинант воспользовался случаем прекратить разговор.

— Давай чего нибудь поедим. Я голоден.

К его облегчению, Гигант начал тихо смеяться.

— Ах, Томас Кавинант, — сказал он — ты помнишь наше путешествие по реке в Колыбель Лордов? Вероятно, в твоей серьезности есть нечто такое, что возбуждает аппетит.

Протянув руку куда-то в сторону, он достал поднос с хлебом, сыром и фруктами, а также с флягой вина. При этом он продолжал тихо посмеиваться, пока Кавинант набросился на еду.

Насытившись, Кавинант начал оглядываться вокруг. Потом он испытал потрясение, заметив, что пещера обильно украшена цветами. Гирлянды и букеты лежали повсюду, словно за ночь каждый Рамен вырастил сад, изобилующий белыми цветами и зеленью.

Белое и зеленое смягчало суровую обстановку Менхоума, покрывало камни подобно прекрасному ковру.

— Ты удивлен? — спросил Гигант. — Это цветы в твою честь. Многие Рамены всю ночь собирали их. Ты тронул сердца Ранихинов, а Рамены не бездушны и не отличаются благодарностью. Их посетило чудо — пятьдесят Ранихинов предложили себя одному человеку. Я думаю, подобным зрелищем Ранихины не почтили бы даже сам Анделейн. Значит, они вернули ту честь, которая была в их силах.

— Честь? — эхом отозвался Кавинант.

Гигант сел поудобнее и сказал, словно начиная длинный рассказ:

— Говорят, что ты не видел Страну до Осквернения. Тогда Рамены могли бы оказать тебе такую честь, которая принизила бы все твои дни. Все было выше в те времена, но даже среди Лордов не много нашлось бы такой красоты, которая бы сравнилась с великим искусством Раменов. Они называют его "Моррумелд" — "анундивиан джиа" на языке Старых Лордов. Это костяная

скульптура. Из скелетов на равнине Ра, очищенных временами и стервятниками, Рамены изготавливали фигурки редкой правдоподобности и красоты. В их руках и под властью их песен кости сгибались и становились мягкими, как глина, принимая прчудливые очертания, так что из белой сердцевины прошлой жизни Рамены делали эмблемы для живых. Я никогда не видел этих фигурок, но легенда о них хранится среди Гигантов. В лишениях и униженности, долгих поколениях голода, скитания и бездомности, принесенных Ранихинам и Раменам Осквернением, искусство морроумелда было утрачено.

Голос его становился все тише, и спустя миг он громко запел:

— Камень и Море глубоко в жизни...

Тишина уважительного внимания окружила его. Винхоумы остановились рядом с ним, чтобы послушать.

Немного спустя один из них махнул рукой в сторону площадки, и Кавинант, проследив за этим жестом, увидел Лифе, быстро пересекавшую открытое место. Ее сопровождал Лорд Морэм на красивом Ранихине. Это зрелище порадовало Кавинанта. Он допил вино и отсалютовал Морэму.

— Да, — сказал Преследующий Море, заметив взгляд Кавинанта, — многое произошло за это утро. Великий Лорд Тротхолл предпочел не предлагать себя. Он сказал, что его старые кости лучше подойдут лошадке поменьше, имея при этом в виду, как мне кажется, что он опасается, как бы его "старые кости" не нанесли обиду Ранихинам. Но напрасно он недооценивает свои силы.

Кавинант почувствовал в словах Гиганта какой-то намек.

— Тротхолл собирается сложить с себя полномочия после того, как закончится поход, если будет удачным, — сказал он Преследующему Море.

В глазах Гиганта была улыбка.

— Это пророчество?

Кавинант пожал плечами.

— Ты это знаешь не хуже меня. Он слишком много думал о том, что ему не удалось овладеть Учением Кеви-

на. Он считает себя неудачником. И будет думать так, даже если ему удастся вернуть Посох Закона.

— И в самом деле, пророчество.

— Не смейся, — Кавинант спросил себя, как он мог объяснить резонанс того факта, что Тротхолл отказался от шанса быть выбранным Ранихином. — Как бы там ни было, расскажи мне о Морэме.

Гигант с готовностью начал:

— Лорд Морэм, сын Вариоля, был в этот день выбран Ранихином Хаймерил, которая также была скакуном Тамаранты, жены Вариоля. Великие лошади вспоминают о ней с уважением. Рамены говорят, что ни один Ранихин прежде не носил двух седоков. Воистину время чудес пришло на равнины Ра.

— Чудес, — пробормотал Кавинант. Ему не хотелось вспоминать о страхе, с которым смотрели на него все Ранихины. Он заглянул во флягу, словно ее пустота обманывала его.

Один из Винхоумов, находившихся поблизости, поспешил к нему с кувшином. Он узнал Гэй. Она приближалась к нему среди цветов, потом остановилась. Когда она заметила, что он смотрит на нее, она опустила глаза.

— Я хотела бы наполнить вашу флягу, — сказала она. — Но боюсь вас обидеть. А вы посчитаете меня за ребенка.

Кавинант состроил гримасу, глядя на нее. Она была для него, словно живой упрек, и он внутренне сжался. С усилием, заставившим его голос звучать холодно и официально, он сказал:

— Забудь о прошлой ночи. Это была не твоя вина.

Неуклюжим движением он протянул ей флягу.

Она подошла ближе и стала слегка трясущимися руками наполнять его флягу.

Он отчетливо произнес:

— Спасибо.

Она дико смотрела на него несколько мгновений, потом лицо ее смягчилось выражением облегчения, и она улыбнулась.

Ее улыбка напомнила ему о Лене.

Через силу, словно она была ношей, от которой он добровольно отказывается освободится, Кавинант указал

ей на место рядом с собой. Скрестив ноги, Гэй села на пол у подножия его постели, сияя от счастья и чести, оказанной ей Рингфейном.

Кавинант старался придумать для нее какие-нибудь слова, но прежде, чем ему это удалось, он увидел Вохафта Кваана, входившего под своды Менхоума. Кваан шел прямо к нему тяжелой походкой, словно преодолевая взгляд Кавинанта, и когда он приблизился к Неверующему, то колебался лишь мгновение прежде, чем задать вопрос:

— Мы беспокоились. Жизнь нуждается в питании. С тобой все в порядке?

— В порядке? — Кавинант чувствовал, что вторая фляга вина начинает оказывать на него воздействие. — А разве ты не видишь? Я тебя вижу. Ты такой же здоровый, как дуб.

— Ты закрыт для нас, — сказал Кваан бесстрастно и с неодобрением. — То, что мы видим, — это не ты.

Это двусмысленное заявление, казалось, должно было вызвать саркастическую реакцию у Кавинанта, но он сдержался. Томас пожал плечами и сказал:

— Я ем, — словно не хотел претендовать на избыток здоровья.

Кваан, казалось, принял этот ответ за чистую монету. Он кивнул, слегка поклонился и ушел.

Глядя ему в след, Винхоум Гэй прошептала:

— Он не любит тебя?

В ее голосе слышался страх перед дерзостью и глупостью Вохафта. Казалось, она спрашивала, как он осмелился испытать такое чувство, словно все происходящее с Кавинантом в предыдущую ночь возвело его в ее глазах в ранг Ранихина.

— У него есть на это серьезная причина, — уныло ответил Кавинант.

Гэй выглядела растерянной. Словно пытаясь узнать что-то запретное, она быстро спросила:

— Потому что ты "про..." "прокаженный"?

Томас видел, насколько это серьезно для нее. Но он чувствовал, что сказал уже чересчур много о прокаженных. Подобный разговор компрометировал его сделку.

— Нет, — сказал он, — он просто считает меня неприятным.

Услышав это, она нахмурилась, словно подозревая его в нечестности. Долго глядя в пол, она словно пыталась использовать камень, чтобы измерить его двуличность. Потом встала и наполнила флягу Кавинанту из своего кувшина до краев. Отвернувшись, она тихо сказала:

— Ты все же считаешь меня ребенком.

При ходьбе ее бедра вызывающе и пугающе раскачивались, словно она считала, что рискует своей жизнью, обращаясь с Рингфейном столь нагло.

Он смотрел ей вслед и удивлялся гордости людей, которые служили другим, и их внутреннему миру, который сделал правду столь труднопроизносимой.

Потом он перенес взгляд с Гэй на выход из Менхоума, где в солнечном свете стояли Морэм и Лифе. Они стояли лицом друг к другу — она каштаново-коричневая, а он в голубой накидке — и спорили, точно земля и небо. Прислушавшись, Кавинант мог различить, о чем они говорят.

— Я это сделаю, — настаивала она.

— Нет, послушай меня, — ответил Морэм. — Он не хочет этого. Ты только причинишь ему боль и себе тоже.

Кавинант с беспокойством смотрел на них из прохладной темной пещеры.

Большой, как руль, нос Морэма придавал ему вид человека, который прямо смотрит на вещи, и Кавинант чувствовал уверенность, что он и в самом деле не хочет того, против чего возражал Морэм.

Вскоре спор закончился. Мейнфрол Лифе оставила Морэма и вошла в пещеру Менхоума. Она приблизилась к Кавинанту и в высшей степени удивила его, упав перед ним на колени и прикоснувшись лбом к камням. Не поднимая головы и опираясь ладонями об пол, она сказала:

— Я твоя слуга. Ты — Рингфейн, повелитель Ранихинов.

Кавинант смотрел на нее, разинув рот. Сначала он не понял ее, в своем удивлении он не мог представить себе чувство, настолько сильное, чтобы заставить Мейнфрола склониться так низко. На лице его внезапно появилось выражение стыда.

— Мне не надо слуг, — проскрежетал он. Но потом увидел Морэма, беспомощно хмурившегося позади Лифе. Он сдержался и предложил уже мягче: — Я недостоин чести твоего служения.

— Нет! — взорвалась она, не поднимая головы. — Я видела, Ранихины почтили тебя ржанием.

Кавинант почувствовал себя пойманным в ловушку. Казалось, не было способа заставить ее прекратить унижаться, не дав ей понять при этом, что она унижается. Он жил без такта и уважения так долго. Но он обещал быть воздержанным. И во время своего путешествия из Подкаменья Мифиль он ощутил последствия своего согласия на то, чтобы люди Страны общались с ним, как с каким-то мифическим героем. С усилием он хрипло ответил:

— И, тем не менее, я не привык к таким вещам. В моем мире я... я — всего лишь маленький человек. Ваше уважение доставляет мне неудобства.

Морэм тихо, с облегчением вздохнул, а Лифе подняла голову и с удивлением спросила:

— Разве это возможно? Разве могут существовать такие миры, где вы не относились бы к числу великих?

— Даю честное слово. — Кавинант сделал глоток из фляги.

Осторожно, словно опасаясь, что в его словах все же заключался какой-то подвох, она поднялась с пола. Откинув голову и тряхнув связанными в пучок волосами, она сказала:

— Кавинант Рингфейн, будет так, как ты захочешь. Но мы не забудем о том, что Ранихины почтили тебя ржанием. Если мы сможем чем-нибудь служить тебе, дай нам только знать об этом. Ты можешь приказывать нам во всем, что не касается Ранихинов.

— Одну услугу вы могли бы мне оказать, — сказал он, глядя на каменный потолок. — Приютите у себя Лауру и Пьеттена.

Когда он взглянул на Лифе, то увидел, что она улыбается. Он свирепо рявкнул:

— Она — один из Хиироз Парящего Вудхельвена. А он — просто ребенок. Они достаточно испытали, чтобы заслужить немного доброты.

Морэм мягко перебил ее.

— Гигант уже говорил об этом с Мейнфролами. Они согласились позаботиться о Ллауре и Пьеттене.

Лифе кивнула.

— Подобные приказы выполнять нетрудно. Если б Ранихины не были предметом наших забот, то большую часть своих дней мы провели бы во сне.

По-прежнему улыбаясь, она оставила Кавинанта и вышла на солнце.

Морэм тоже улыбался.

— Ты выглядишь... лучше, Юр-лорд. Как ты себя чувствуешь?

Кавинант снова пригубил вино.

— Кваан спрашивал меня об этом же. Откуда я знаю? В эти дни я часто не мог вспомнить даже своего имени. Я готов продолжить поход, если тебя интересует именно это.

— Хорошо. Мы отправимся в путь как можно быстрее. Приятно, конечно, отдыхать здесь в безопасности. Но если мы хотим находиться в безопасности и дальше, мы должны идти. Я скажу Кваану и Тьювору, чтобы они были готовы.

Но прежде, чем Лорд ушел, Кавинант сказал:

— Скажи мне одну вещь. Почему мы все же пришли сюда? Ты заполучил Ранихина, но мы потеряли четыре или пять дней. Мы уже могли бы перескочить Моринмосс.

— У тебя есть желание обсудить тактику? Мы считаем, что получим преимущество, если пойдем туда, где нас не может ожидать Друл, а также если дадим ему время принять меры, связанные с его поражением в Парящем Вудхельвене. Мы надеемся, что он вышлет туда армию. Если же мы подъедем слишком быстро, то армия еще будет находиться в Горе Грома.

Кавинанту это показалось маловероятным.

— Ты решил заехать сюда задолго до того, как мы были атакованы в Парящем Вудхельвене. Ты все это запланировал. Я хочу знать, почему?

Морэм встретил требовательный взгляд Кавинанта, не дрогнув, но лицо его напряглось, словно он ожидал, что его ответ не понравится Кавинанту.

— Когда мы составляли наши планы в Ревлстоне, я видел, что это принесет нам пользу.

— Видел?

— Я пророк и время от времени могу предвидеть.

— И что?

— Я не ошибся.

Кавинант не был готов продолжать расспросы.

— Это, должно быть, забавно.

Но в его голосе было не так уж много сарказма, и Морэм рассмеялся. Его смех подчеркнул доброту линии губ. Мгновение спустя он смог сказать без горечи:

— Я был бы непрочь сделать побольше таких добрых прорицаний. А в наши дни они столь редки.

Когда Лорд ушел, чтобы заняться подготовкой отряда, Гигант сказал:

— Друг мой, в этом деле есть для тебя надежда?

— Предсказание правды, — фыркнул Кавинант. — Гигант, если бы я был таким же большим и сильным, как ты, для меня всегда бы была надежда.

— Почему? Разве ты считаешь, что надежда — это дитя силы?

— А разве нет? Откуда еще можно взять надежду, как не из силы? Если я неправ — проклятье! По всему миру живет множество несчастных прокаженных.

— Как измеряется сила? — спросил Гигант с серьезностью, какой Кавинант не ожидал.

— Что?

— Мне не нравится то, как ты говоришь о прокаженных. Где она, сила, если твой враг сильнее?

— Ты допускаешь, что есть такие враги? Я думаю, это несколько упрощенный взгляд на вещи. Для меня не было бы ничего лучше, чем... чем обвинить кого-то другого, какого-нибудь врага, причинявшего мне страдания. но это просто еще одна разновидность самоубийства. Отказаться от ответственности — остаться живым.

— Ах, живым, — возразил Преследующий Море. — Нет, давай рассуждать дальше, Кавинант. Какая польза от силы, если это не есть власть над смертью? Если ты возлагаешь надежду на нечто меньшее, то твоя надежда может обмануть тебя.

— И что из этого?

— Но власть над смертью — это решение. Жизни без смерти быть не может.

Кавинант признал этот факт. Но он не ожидал от Гиганта подобного умения спорить. Оно вызвало у него желание выбраться из пещеры на солнечный свет.

— Гигант, — пробормотал он, вылезая из постели, — ты снова думал. — Но он чувствовал интенсивность взгляда Преследующего Море. — Хорошо. Ты прав. Скажи мне, откуда, черт побери, ты берешь надежду?

Гигант медленно встал. Он возвышался над Кавинантом, и его голова почти касалась потолка.

— Из веры.

— Ты слишком долго общался с людьми и начинаешь спешить. "Вера" — слишком короткое слово. Что ты имеешь в виду?

Гигант принялся расхаживать между цветами.

— Я имею в виду Лордов. Послушай, Кавинант. Вера — это способ жизни. Они полностью посвятили себя служению Стране. И они принесли клятву Мира — приговорили себя к служению великой цели своей жизни только определенными методами, к смерти, если понадобится, но они никогда не подчиняются разрушительной страсти, ослепившей Высокого Лорда Кевина и вызвавшей Осквернение. Разве можешь ты поверить в то, что Лорд Морэм может когда-нибудь отчаяться? Это суть Клятвы Мира. Он никогда не отчаится и никогда не сделает того, что требует отчаяние — убийства, осквернения, разрушения. И никогда не поколеблется, ибо его служение Стране, его звание Лорда поддержит его. Служение вызывает служение.

— Это не то же, что надежда, — сказал Кавинант, выходя вместе с Гигантом на залитую солнцем площадку. Яркий свет заставил его опустить голову, и при этом он снова заметил пятна, оставленные мхом на одежде. Он быстро оглянулся внутрь пещеры. Зелень там была расположена среди белых цветов так, чтобы напоминать узор зеленых линий и пятен на его белом парчовом платье.

Он подавил в себе стон. Словно изрекая непреложную истину, он сказал:

— Все, чего необходимо избегать — это неизлечимой глупости или неограниченного упрямства.

— Нет, — настаивал Преследующий Море. — Лорды не глупцы. Взгляни на Страну.

Широким жестом руки он обвел простиравшуюся перед ним землю, словно ожидая, что Кавинант увидит всю Страну от края и до края.

Взгляд Кавинанта не мог охватить так много. Но он смотрел на зеленые просторы Равнин, слышал отдаленный свист — позывные Стражей Крови Ранихинам — и их ржание в ответ. Он заметил доброжелательное любопытство Винхоумов, вышедших из пещеры, поскольку им невтерпеж было сидеть в Менхоуме в ожидании Ранихинов. Наконец он сказал:

— Иначе говоря, надежда возникает из силы того, чему ты служишь, а не их тебя самого. Черт побери, Гигант, ты забываешь, кто я такой.

— Разве?

— Во всяком случае, откуда в тебе такие познания о надежде? Я не вижу для тебя никакого повода отчаиваться.

— Не видишь? — Губы Гиганта улыбались, но глаза оставались серьезными под нависающими бровями, а шрам на лбу напрягся. — Разве ты забыл, что я научился ненавидеть? Разве... Но оставим это. Что, если я скажу, что служу тебе? Я, Соленое Сердце Преследующий Море, Гигант Сирича и посланник моего народа?

Кавинант слышал эхо в этом вопросе, словно доносившееся с дальней вырубки и едва уловимое на ветру, и отпрянул.

— Не говори загадками, черт побери. Говори так, чтобы я мог понять.

Гигант прикоснулся к груди Кавинанта огромными пальцами, словно указывая на одно из пятен на его одежде.

— Неверующий, ты держишь судьбу Страны в своих руках. Губитель Душ пошел против Лордов как раз тогда, когда мы вновь обрели надежду отыскать свой дом. Неужели я должен объяснять то, что в твоей власти спасти нас или бросить на произвол судьбы?

— Проклятье! — прошипел Кавинант. — Сколько раз

я уже говорил вам, что я — прокаженный? Все это — сплошная ошибка. Фаул просто разыгрывает всех нас.

Гигант ответил просто и спокойно:

— Тогда неужели для тебя так неожиданно узнать, что я думаю о надежде?

Кавинант встретил взгляд Гиганта под нависающим лбом, пересеченным шрамом. Тот смотрел на него так, словно надежда Бездомных была подобна тонущему кораблю, и у Кавинанта все заныло внутри от сознания своей беспомощности и неспособности спасти эту надежду. Но Преследующий Море сказал, словно спеша на помощь Кавинанту:

— Не тревожься, друг мой. Этот рассказ пока еще слишком короток для того, чтобы кто-нибудь из нас смог предугадать его окончание. Как ты сказал, я провел слишком много времени с вечно спешащими людьми. Мой народ долго смеялся бы, увидев меня, Гиганта, у которого не хватает терпения на длинный рассказ. И у Лордов еще много такого, что может быть неожиданным для Губителя Душ. Не тревожь свое сердце. Быть может, и ты, и я уже пережили свою долю ужасов, которая нам положена в эти времена.

Кавинант хрипло сказал:

— Гигант, ты слишком много говоришь.

Способность Преследующего Море к мягкости смущала его. Бормоча про себя проклятия, он отвернулся и занялся поисками своего посоха и ножа. С площадки доносился шум приготовлений к походу; внутри пещеры суетились Винхоумы, укладывая в мешки пищу. Отряд готовился к выходу, и Томас не хотел оставаться в бездельниках. Свой посох и нож вместе с ворохом белья он нашел на камне. Все это было разложено среди цветов, словно на витрине. Потом он попросил одного из Винхоумов, тотчас пришедшего в восторг, достать ему мыло, зеркало и принести воду. Он чувствовал, что должен побриться.

Но едва он установил зеркало в нужное положение и смочил лицо водой, как обнаружил Пьеттена, торжественно стоявшего прямо перед ним, а в зеркало ему была видна Ллаура, стоявшая позади. Пьеттен смотрел на него так, словно Неверующий был неуловим, подобно ды-

му. А лицо Ллауры казалось напряженным, словно она заставляла себя делать что-то против своей воли. Беспомощным жестом проведя рукой по волосам, она сказала:

— Ты просил Раменов приютить нас здесь.

Кавинант пожал плечами.

— Так же, как и Преследующий Море.

— Почему?

В ее вопросе слух Кавинанта уловил целый набор значений. Она не отрывала взгляда от зеркала, и он видел в ее глазах воспоминание о горящем дереве. Он осторожно спросил:

— Ты в самом деле думаешь, что у тебя может появиться шанс отомстить Фаулу? И что сможешь этот шанс использовать?

Он посмотрел на Пьеттена.

— Оставь это Морэму и Тротхоллу. Ты можешь доверять им.

— Конечно. — Выражение ее голоса не хуже слов говорило о том, что не доверять словам Лордов она не может.

— Тогда займись делом, которое у тебя уже есть. Здесь Пьеттен. Подумай о том, что с ним может случиться — нечто худшее, чем то, что вы уже пережили. Ему нужна помощь.

Пьеттен зевнул, словно ему давно было пора спать, и сказал:

— Они ненавидят тебя.

Голос его был столь же бесстрастный, как голос палача.

— Как? — вызывающе ответила Ллаура. — Разве ты наблюдал за ним? Видел, как он не спит по ночам? Как его глаза пожирают луну? Видел его пристрастие ко вкусу крови? Он не ребенок, уже нет.

Она говорила так, словно Пьеттен не слышал ее, а Пьеттен слушал так, будто она произнесла слова, не имевшие никакого значения.

— Это предательство в форме ребенка. Как я могу ему помочь?

Кавинант снова намочил лицо и принялся намыливаться. Спиной он чувствовал присутствие Ллауры, осо-

бенно когда намыливал подбородок. Наконец он пробормотал:

— Попробуй сделать это с помощью Ранихинов. Он их любит.

Когда Ллаура нагнулась, чтобы взять Пьеттена за руку и увести его, Кавинант вздохнул и поднес к подбородку нож. Рука его была нетвердой; перед глазами мелькали видения того, как он поранил себя. Но лезвие скользило по его коже так гладко, словно помнило о том, что Этьеран отказалась нанести ему удар.

К тому времени, когда с процедурой бритья было покончено, отряд уже собирался снаружи Менхоума. Кавинант поспешил присоединиться к всадникам, словно опасаясь, что отряд уйдет без него.

Последняя проверка седел и креплений мешков — и вскоре Кавинант стоял возле Дьюры. Состояние лошадей удивило его. Все они блестели ухоженными боками и выглядели такими сытыми и отдохнувшими, словно Рамены ухаживали за ними с самой середины весны. Некоторые из скакунов йомена, наиболее изможденные, теперь рыли землю копытами и весело потряхивали гривами.

Весь отряд, казалось, забыл о том, куда он направляется. Все воины дружно смеялись над какой-то шуткой. Старый Биринайр что-то кудахтал и бранился по поводу того, как Рамены обращались с его прутьями Лиллианрилл. Он держал себя с Раменами, как с испорченными детьми, и это, казалось, доставляло ему такое удовольствие, которого он не мог скрыть даже под своим величием. Морэм сидел на Хайнерил, широко улыбаясь. А Высокий Лорд Тротхолл стоял, расслабившись, рядом со своей лошадью, словно провел в безопасности несколько лет. Только Стражи Крови, уже сидевшие верхом на своих Ранихинах, оставались невозмутимыми.

Веселое настроение отряда встревожили Кавинанта, как скрытая угроза. Он понимал, что она частично происходит из успокоительности и расслабленности. Но он также был уверен, что она вызвана и его встречей с Ранихинами. Как и Рамены, воины находились под глубоким впечатлением, их желание видеть в нем нового Берека получило новый импульс. Повелитель белого золота

проявил себя, как могущественная и значительная фигура.

— Ранихины были в ужасе! — твердил он самому себе. — Они видели на мне отпечатки рук Фаула и были в ужасе.

Но вслух он не стал протестовать. Он обещал быть терпимым в обмен на свое выживание. Несмотря на молчаливую нечестность, позволял своим товарищам верить в то, во что им хотелось верить, внешне оставаясь спокойным.

Пока всадники смеялись и шутили, перед ним возникла Мейнфрол Лифе в сопровождении нескольких других Мейнфролов и большой группы Кордов. Когда внимание отряда было перенесено на нее, она сказала.

— Лорды просили помощи Раменов в битве против Ядовитого Клыка Терзателя. Рамены служат Ранихинам. Мы не покидаем равнин Ра. Такова жизнь, и это хорошо — нам ничего больше не нужно до самого конца, кроме того, чтобы вся земля была Анделейном, а люди и Ранихины жили вместе в мире, без волков или голода. Но мы должны помочь врагам Ядовитого Клыка тем, что в наших силах. И мы это сделаем. Я пойду с вами. Мои Корды пойдут с вами, если только захотят. По пути мы будем заботиться о ваших лошадях. И когда вы оставите их, чтобы начать поиск Ядовитого Клыка в земле, мы их сохраним, Лорды, примите это предложение служить вам, как честь среди друзей и верность среди союзников.

Точас же Корды Хош, Фью, Грейс и Руста сделали шаг вперед и объявили о своей готовности последовать всюду за Мейнфролом Лифе.

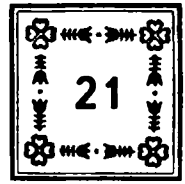
Тротхолл поклонился Лифе в манере Раменов.

— Услуга, которую вы предлагаете, велика. Мы знаем, что ваши сердца принадлежат Ранихинам. Как друзья, мы отказались бы от этой чести, если бы, как союзники, не находились в столь затруднительном положении. Рок этих времен обязывает нас принимать любую помощь. Добро пожаловать в наши ряды. Ваше мастерство охотников намного уменьшит опасности пути. Мы надеемся, что сможем вернуть вам эту честь, если останемся в живых после нашего похода.

— Убейте Ядовитого Клыка, — сказала Лифе.— Это вы окажете честь, которой не хватит до конца дней.

Она поклонилась Тротхоллу в свою очередь, и все собравшиеся Рамены последовали ее примеру.

Затем Высокий Лорд обратился к своим товарищам. Минуту спустя отряд, снаряженный на поиски Посоха Закона, был готов отправляться в путь. Возглавляемый Мейнфролом Лифе и ее Кордами, отряд бодрым галопом отъехал от Менхоума, словно в селении Раменов они нашли неисчерпаемый источник мужества.

Ущелье предателя

Они пересекали равнины, направляясь на север, в уверенности и в хорошем настроении. По дороге не встречалось никаких опасностей, даже их признаков, и Ранихины скакали по траве, словно живые символы земли. Гигант рассказывал веселые истории, словно желая показать, что его дурное настроение прошло. Кваан и его воины реагировали на рассказы жестами и веселыми замечаниями. А Рамены развлекали себя тем, что показывали друг другу примеры охотничьего мастерства. На привал остановились уже поздно ночью, словно бросив вызов обезображенной луне. А во вторую ночь отряд разбил лагерь на самом берегу Брода Роумсиди.

Но рано утром следующего дня они пересекли брод и повернули на северо-восток по широкой дороге между Роумсиди и Моринмоссом. К середине полудня они добрались до восточной оконечности леса. Отсюда Роумсиди, северная граница равнин, сворачивала почти прямо на восток, а отряд направлялся на северо-восток, удаляясь от Моринмосса и от равнин Ра. Этой ночью они заночевали на краю суровой, недружелюбной местности, где не было жилищ людей, и куда лишь изредка заглядывали путешественники. Весь район к северу от них был изрезан, покрыт шрамами и темнел, словно древнее поле битвы, огромное поле, на котором погибло все от того, что оно впитало в себя слишком много крови. Чахлая трава, кривые низкорослые деревца и несколько кустиков алианты лишь подчеркивали пустынность этого пейзажа. Отряд находился прямо к югу от Горы Грома.

По мере того, как отряд разворачивался на юго-восток, Морэм рассказал Кавинанту кое-что об этой пустыне. Она простиралась на восток до Края Земли и являлась

естественным плацдармом для армий Лорда Фаула во времена древних войн. От водопада реки Лендрейдер до Горы Грома проходила открытая местность вдоль огромной скалы Края Земли. Орды, выпускаемые из Яслей Фаула, могли подняться во многих местах, чтобы перенести битву на верхнюю Землю. Поэтому во всех войнах Страны против Презренного первые великие битвы происходили на этой истерзанной равнине. Поколение за поколением защитники сражались, чтобы остановить Лорда Фаула у Края Земли, но им это не удавалось, поскольку они не могли перекрыть все пути вверх с Испорченных Равнин и Плато Саран Грейв. Потом армии Лорда Фаула шли на запад вдоль Мифиль и углублялись в Центральные Равнины. В последней войне, прежде, чем Кевин Расточитель Земли был наконец доведен до того, чтобы совершить Ритуал Осквернения, Лорд Фаул прорвался сквозь сердце Центральных Равнин и повернул на север, чтобы вынудить Лордов к их последней битве у Кураш Пленетор, теперь называемого Третгардом.

Всадники притихли, словно ощущая присутствие большого количества прежних смертей. Но в течение нескольких первых дней они пели песни и несколько раз возвращались к легенде о Береке Полуруком и об Огненных Львах Горы Грома. В этой пустыне Берек когда-то сражался, переживая смерть своих друзей и утрату в битве нескольких пальцев. Здесь его охватило отчаяние, и он бежал к склонам Грейвин Френдор, к Пику Огненных Львов. И там он нашел Земную Дружбу и Земную Силу. Это была успокаивающая песня, и всадники пели ее припев вместе, словно хотели, чтобы она превратилась в правду для них самих:

Берек! Друг Земли!
Помощь и благо,
Союзник в борьбе против врага!
Земля дает и отвечает
На звон силы!
Звони, Друг Земли!
Помощь и излечение!
Очисти Страну от
Кровавой смерти и горя!

Им необходимо было полное утешение. Мрачное, изуродованное и измученное поле битвы, казалось, говорило о том, что победа Берека была всего лишь иллюзией, что вся его Земная Дружба и Посох Закона, и Линия Лордов, его могущественные труды и труды его последователей — ничто по сравнению с таким количеством жухлой травы, обугленного камня и пыли; что истинная история Страны была написана здесь, на поверхности голой почвы и камня, простиравшихся могильной россыпью от равнин Ра до Горы Грома, от Анделейна до Края Земли.

Атмосфера этих мест привела в волнение Гиганта. Он бежал рядом с Кавинантом так, словно пытался скрыть поспешность и подавить в себе желание перейти на бег. И он непрерывно говорил, стараясь поднять настроение потоком историй, легенд и песен. Сначала его попытки доставляли всадникам удовольствие, действовали на их углублявшееся голодное уныние подобно драгоценным ягодам или развлечению. Но члены отряда находились на пути к холодным темным владениям Друла Каменного Червя, затаившегося, подобно яду, в катакомбах Горы Грома. На исходе третьего дня после Брода Роумсиди Кавинант почувствовал, что тонет в разговорах Гиганта, а голоса воинов, когда они пели, были скорее улюлюкающими, чем уверенными, — словно свист в безжалостной ночи.

С помощью Раменов Тротхолл нашел самый короткий путь через суровую местность. Поздно вечером на четвертый день, когда растущая луна взошла высоко в ночном небе, отряд устало разбил лагерь на границе того места, которое называлось Краем Земли.

Проснувшись на рассвете, Кавинант едва подавил желание пойти посмотреть на огромную скалу. Ему хотелось посмотреть вниз и хотя бы мельком увидеть Нижнюю Землю, Испорченные равнины и Плато Сарангрейв — районы, которые постоянно упоминал Гигант в последние дни. Но он не собирался подвергать себя приступу головокружения. Хрупкая стабильность его сделки противилась добровольному риску. Поэтому он остался в лагере, в то время, как большая часть его товарищей отправилась осматривать Край Земли. Но позже, когда отряд снова ехал на север в такой близости от Края, что

до него можно было добросить камнем, он попросил Лорда Морэма рассказать ему об огромной скале.

— Ах, Край Земли, — спокойно ответил Морэм. — Существует, поверьте, необоснованное даже в древнейших легендах поверье, будто ущелье Края Земли появилось в результате святотатства, похоронившего под корнями Горы Грома чудовищные яды. В катаклизме, потрясшем само ее сердце, Земля вздыбилась от отвращения ко злу, которое заставили носить в себе. И сила этого негодования отделила Верхнюю Землю от нижней, подняла ее к небу. Так что эта скала вздымается с глубин в Цепи Саутрон, мимо водопада реки Лендрайдер, через сердце Горы Грома еще по меньшей мере на полтысячу лье среди снегов вершин Нетрон, которые даже не нанесены на Карту. Ее высота в разных местах разная. Но она стоит поперек Страны и не дает нам забыть.

Неровный голос Лорда только обострил тревогу Кавинанта. По мере того, как отряд продвигался вперед, он не сводил взгляда с западного горизонта, надеясь, что пустыня, словно якорь, удержит его от инстинктивного страха перед высотой. Незадолго до полудня погода изменилась. С севера внезапно налетел резкий ветер, щетинившийся мрачными, сверхъестественными ассоциациями. В несколько секунд все небо затянули черные тучи. Воздух распорола молния; словно раскалывающиеся валуны, загрохотал гром. Затем из отверстого неба, словно в пароксизме ярости, хлынул дождь — ударил с такой свирепой силой, словно хотел затопить все вокруг. Лошади опустили головы, вздрагивая все телом. Потоки воды барабанили по всадникам, которые вмиг промокли до нитки и ослепли. Мейнфрол Лифе послала своих Кордов на разведку, чтобы отряд не угодил в пропасть. Тротхолл поднял вверх посох с горящим на конце ярким огнем, чтобы тот служил ориентиром для всадников. Они сбились все вместе, и Стражи Крови расположили Ранихинов вокруг, чтобы в случае необходимости принять на себя основную тяжесть удара.

В белых сполохах молний огонек Тротхолла казался тусклым и слабым, и гром, оглушительно грохотавший над ним, словно разрывался от смеха при виде подобной глупости. Кавинант низко пригнулся к спине Дьюры,

уклоняясь от молний, словно небо было камнем, потрясаемым громом. Он не мог видеть Кордов, не знал, что происходило вокруг него; он все время боялся, что следующий шаг Дьюры будет шагом в пропасть. Он не отрывал глаз от пламени Тротхолла, словно тот мог помочь ему не заблудиться.

Мастерство и настойчивость Раменов очень помогали отряду, и он постепенно двигался к Горе Грома, но их продвижение было похоже на блуждание по взбесившимся небесам. Всадники могли ориентироваться только по тому, что они постоянно углублялись в эпицентр бури. Ветер швырял водяные брызги им в лицо с такой силой, что, казалось, вот-вот выхлестнет глаза или вырвет щеки. Холодные потоки, струившиеся по телу, постепенно парализовали людей, словно холод смерти. Но они продолжали идти вперед, словно пытались пробить лбами каменную стену.

В течение целых двух дней они пробивались вперед, чувствуя, как их тела словно разваливаются на куски под натиском дождя. Они не могли отличить дня от ночи, не знали ничего, кроме одного непрерывного, ревущего, тяжелого, жестокого, неумолимого шторма. Они ехали до полного изнеможения, отдыхали, стоя по колено в воде и грязи, ухватившись за поводья лошадей, ели размокшую, развалившуюся на куски пищу, подогретую на огне Лиллианрилл, который Биринайру с большим трудом удавалось поддерживать; считались, чтобы проверить, не потерялся ли кто-нибудь, и ехали снова, пока усталость не заставляла сделать новую остановку. Временами они чувствовали, что только голубое пламя Тротхолла поддерживает их. Затем Лорд Морэм начал объезжать членов отряда. В мертвенно-бледном свете молний его лицо, залитое водой, напоминало тонущий поврежденный корабль, но он подъезжал к каждому и кричал сквозь завывания ветра и дождя, сквозь неистовство грома:

— Друл... шторм... для нас! Но он ошибается! Главная сила.... проходит... на запад! Мужайтесь! Предсказания... за нас!

Кавинант слишком устал и замерз, чтобы ответить. Но в словах Морэма он услышал настоящую храбрость.

Когда отряд снова двинулся вперед, он постарался приблизиться к огню Тротхолла, словно пытаясь заглянуть в тайну.

Борьба продолжилась, и тот миг, когда она казалась больше непереносимой, давно прошел. С течением времени само понятие "терпение" стало абстрактным — простое слово, неосязаемое, чтобы нести в себе убеждение. Неистовство шторма превратило людей просто в дрожащую плоть, едва способную сидеть на лошадях. Но огонь Тротхолла все горел. С каждой новой его вспышкой Кавинант начинал ерзать в седле. Ему не хотелось ничего — только получить возможность лечь в грязь.

Но огонь Тротхолла все горел. Он был подобен узам, сковывающим всадников, тащившим их вперед. В грозящих сумасшествием потоках Кавинант не отрывал взгляда от огня, словно эти узы были драгоценны для него.

Затем они пересекли границу. Это было так же внезапно, как если бы стена, на которую они кидались, как пойманные в ловушку титаны, вдруг упала в грязь. Еще десять спотыкающихся шагов — и они оказались в залитом солнцем полудне. Буйство шторма еще слышалось позади, постепенно удаляясь. Вокруг повсюду виднелись следы потопа — многочисленные озерки, потоки бурлящей воды и болота, густая грязь наподобие той, что остается на поле битвы. А перед ними высилась огромная опустошенная глава Горы Грома — Грейвин Френдор, Пик Огненных Львов.

В течение долгого времени она приковывала их взгляды подобно эгиде тишины — мрачной, зловещей и величественной, подобной частице обнаженного сердца Земли. Пик находился к северу и немного к западу от них. Выше, чем Смотровая Кевина над Верхней Землей, он, казалось, стоял на коленях на краю Саронграйва, положив локти на плато и держа голову высоко над скалой, устремляясь к небу со странным выражением гордости и мольбы; и он возвышался на 12 тысяч футов над Жифалз Кос, воды которой текли на восток от подножия.

Там, глубоко в громадной груди горы, была цель похода — Кирил Френдор, Сердце Грома.

Они находились на 10 лье от пика, но расстояние было

обманчиво. Он уже доминировал на северном горизонте, противопоставляя их расщелинам Края Земли, словно неотвратимому требованию. Гора Грома! Здесь Берек Полурукий нашел свое великое откровение. Здесь отряд, снаряженный за Посохом Закона, надеялся вновь обрести будущее для Страны. И здесь Томас Кавинант искал освобождения от невозможности своих снов. Отряд смотрел на возвышавшуюся скалу, словно она исследовала их сердца, задавала им вопросы, на которые они не могли ответить.

Затем Кваан улыбнулся свирепой улыбкой и сказал:

— По крайней мере, мы достаточно чисто вымыты для того, чтобы заняться этим делом.

Это неуместное замечание нарушило транс, овладевший всадниками. Несколько воинов разразилось смехом, словно освобождаясь от напряжения последних двух дней, а большинство остальных заулыбались, представляя Друлу и другому врагу возможность поверить в то, что буря ослабила их. Рамены, едва стоящие на ногах от изнеможения (ведь все это время они шли пешком, отыскивая дороги сквозь потоки воды) тоже рассмеялись, хотя до конца не поняли юмора.

Только Гигант никак не прореагировал. Глаза его были прикованы к Горе Грома, и брови повисли над ними, словно защищали их от чего-то чересчур яркого или горячего.

Отряду удалось отыскать относительно сухой холмик, на котором можно было отдохнуть и поесть, а также покормить лошадей; Гигант рассеянно последовал за остальными. Пока все устраивались поудобнее, он стоял в стороне и смотрел на гору так, словно читал секреты в ее многочисленных расщелинах и утесах. Потом он тихо запел:

Теперь мы бездомные,
Лишенные корней, родных и знакомых.
От других таинств наслаждения
Мы ставим паруса, чтобы плыть
По своим прежним следам.
Но ветры жизни дуют не туда,
Куда надо,
И земля за морем потеряна...

Высокий Лорд Тротхолл позволил отряду отдохнуть столько, сколько считал относительно безопасным на открытом месте. Затем они снова двинулись в путь до конца полудня, прижимаясь к Краю Земли, словно это была их последняя надежда. Еще до бури Кавинант узнал, что единственным известным входом в катакомбы Горы Грома был вход через западную расщелину Соулсиз — Ущелье Предателя, скалистую утробу, поглотившую реку, чтобы затем снова выплюнуть ее с восточной стороны на Нижнюю Землю; превращенную скрытыми бурными глубинами в Дифайлз Кос — поток, серый от тины и отбросов вайтваррена. Поэтому Тротхолл всю надежду возлагал на дорогу с юго-востока. Он считал, что добравшись до горы Грома с южной стороны и двигаясь к ущелью Предателя с востока, отряд проберется незамеченным и неожиданно к западному входу в пещеру. Но никакого ненужного риска он не предпринимал.

Грейвин Френдор грозно возвышался своей громадой на фоне неба и, казалось, уже навис, склонившись, над отрядом, будто сам пик был наклонен так, как того желала злоба Друла. Он побуждал усталых Раменов проявить все свое умение, чтобы выбрать путь у Края Земли, и отряд продолжал идти вперед до самого захода солнца.

Но все это время Кавинант ехал, устало сгорбившись в своем седле, наклонив голову, словно готовя шею под удар топора. Казалось, все его силы ушли на то, чтобы провести отряд сквозь шторм. Когда он начинал говорить, голос его дрожал от упадка сил.

На следующее утро солнце взошло на сером небе, словно рана. Серые тучи висели над землей, и вздрагивающий ветер, словно стон, упал со склонов Горы Грома. Вода в лужицах на пустыре застоялась, словно земля отказывалась впитать влагу, оставляя ее гнить на поверхности. Садясь на коней, всадники услышали мягкий рокот, похожий на бой барабанов, глубоко в камне. Через ноги, через суставы коленей ощущалась какая-то дрожь.

Это был пульс готовившейся войны.

Великий Лорд ответил так, словно это был вызов.

— Меленкурион! — отчетливо воскликнул он. — Вставайте, защитники Страны! Я слышу барабаны Земли! Это великое дело нашего времени!

Он вскочил на своего коня, взмахнув голубой мантией.

Вохафт Кваан ответил приветствием:

— Да здравствует Высокий Лорд Тротхолл! Мы горды следовать за тобой!

Плечи Тротхолла распрямились. Его лошадь навострила уши, подняла голову и сделала несколько шагов, встав на дыбы так же величественно, как Ранихин. Ранихины весело фыркнули при виде этого, и отряд бодро поскакал за Тротхоллом, словно дух Древних Лордов передался им.

Свой путь к склонам Горы Грома они проделали под несмолкаемый приглушенный рокот барабанов. Пока они искали путь через плотные каменные завалы, окружавшие гору, гулкий подземный звук сопровождал их, подобно испарениям злобы. Но когда они начали подниматься по одному из неровных склонов Пика, они забыли про барабаны, им пришлось сосредоточить все внимание на подъеме. Подножье горы было подобно бугристой каменной мантии, которую Гора Грома сбросила со своих плеч в давно минувшие времена, и путь на запад через склоны был такой же. Время от времени всадникам приходилось слазить с лошадей и вести их на поводу вниз по коварным склонам или через серые нагромождения беспорядочно наваленных пепельных камней. Сложность местности делала их продвижение медленным, несмотря на то, что Рамены прилагали все усилия, чтобы провести их наиболее легким путем. Пик, казалось, грозно наклонился над ними, словно наблюдая за их жалкими усилиями. А с возвышавшихся утесов на них падал знобящий ветер, холодный, как сама зима.

В полдень Тротхолл остановился в глубоком овраге, проходящем вдоль склона горы, словно разрез. Здесь отряд отдохнул и подкрепился. При каждой остановке барабаны становились отчетливо слышны, и холодный ветер, казалось, с новой силой бросался на них со скал наверху; они сидели в прямых лучах солнца и не могли унять дрожи — некоторые от холода, другие от звука барабанов.

Во время привала Морэм подошел к Кавинанту и предложил вместе подняться вверх по оврагу. Кавинант

кивнул; он был рад чем-то заняться. Он последовал за Лордом вверх по кривому дну оврага, и вскоре они оказались у пролома в западной стене. Морэм вошел в пролом, и когда Кавинант присоединился к Лорду, перед ним неожиданно открылся прекрасный вид на Анделейн.

С высоты пролома между каменными стенами он чувствовал, что смотрит на Анделейн как бы из окна в боку Горы Грома. Вдоль всего западного горизонта лежали горы, и от их красоты у Томаса перехватило дыхание. Он жадно смотрел туда с таким чувством, словно на миг прикоснулся к вечности. Бурное, чистое здоровье Анделейна сияло, словно страна звезд, несмотря на серые небеса и монотонный воинственный рокот. Он ощутил странное нежелание дышать, прерывать это состояние транса, но мгновение спустя его легкие потребовали воздуха.

— Вот она, Страна, — прошептал Морэм. — Мрачная, могущественная Гора Грома над нами. Самые темные яды и тайны Земли находятся в катакомбах у нас под ногами. Позади — поле битвы. Внизу — плато Саронграйв. А там — бесценный Анделейн, красота жизни. Да, это сердце Страны.

Он стоял благоговейно, словно чувствовал себя в присутствии величия.

Кавинант смотрел на него.

— Значит, ты привел меня сюда, чтобы убедить, что за это стоит сражаться. — Его рот искривило от горького вкуса стыда. — Ты что-то хочешь от меня, какой-то декларации преданности прежде, чем вам придется встретиться лицом к лицу с Друлом.

Убитые им Пещерные отягощали его память чем-то тяжелым и холодным.

— Конечно, — ответил Лорд. — Но это не я, а сама Страна просит тебя о преданности.

Потом с внезапной силой он добавил:

— Смотри, Томас Кавинант. Воспользуйся своими глазами. Смотри на все это. Смотри и слушай меня. Это сердце Страны. Это не Дом Презренного. Ему не место здесь. О, он жаждет власти ядов, но его дом — в Яслях Фаула, не здесь. У него нет ни глубины, ни твердости,

ни красоты, чтобы иметь право на это место, и когда ему надо что-то сделать в этом месте, он это делает через юр-вайлов или Пещерников. Понимаешь?

— Понимаю. — Кавинант посмотрел в глаза Лорду. — Я уже заключил свою сделку, свой "мир", если так вам больше нравится. Я не собираюсь больше убивать.

— Свой "мир"? — эхом отозвался Морэм, выразив в этом вопросе целую гамму чувств. Постепенно в его глазах возникла угроза. — Что ж, тогда ты должен простить меня. Во время несчастий некоторые Лорды ведут себя странно.

Он прошел мимо Кавинанта и начал спускаться по оврагу вниз.

Кавинант еще некоторое время оставался у окна, глядя вслед Морэму. Он заметил косвенный намек Лорда на Кевина; он терялся в догадках, какую связь видел он между ним и Расточителем Земли? Неужели Лорд считал, что он способен на такую степень отчаяния?

Бормоча себе под нос, Кавинант вернулся к отряду. В глазах воинов он видел оценивающий взгляд; они пытались догадаться, что произошло между ним и Лордом Морэмом. Но ему было безразлично, какие предзнаменования видели они в нем. Когда отряд двинулся дальше, он повел Дьюру вверх по оврагу, не замечая сползающих камешков, то и дело падавших ему на руки и колени и оставлявших на них опасные царапины.

Он думал о Праздновании Весны и битве у Парящего Вудхельвена, о Ллауре, Пьеттене, Этьеран и безымянном Освобожденном, о Лене, Триоке и женщине-воине, погибшей, защищая его; думал и пытался внушить себе, что его сделка была чем-то неприкосновенным, что он был недостаточно зол, чтобы снова рискнуть вступить в битву.

В этот полдень отряд с трудом продвигался по тяжелому пути, медленно поднимаясь вверх в западном направлении. Пункта их назначения еще не было видно. Даже когда солнце было уже совсем низко в небе, а рев воды стал ясно различимым аккомпанементом к подземному реву барабанов, ущелья все еще не было видно. Но потом они вышли на отвесную скрытую лощину в склоне горы. Отсюда в скалу под углом уходила щель, слишком

узкая для лошадей, через которую был слышен огрызающийся поток. В лощине всадники оставили лошадей под присмотром Кордов. Дальше они пошли пешком вдоль трещины, поворачивающей в гору и здесь обрывающейся в скале не более, чем в ста футах прямо над Ущельем Предателя.

Барабанов больше не было слышно; шум реки заглушал все остальные звуки, так что им приходилось почти кричать. Стены пропасти были высокими и гладкими и заслоняли горизонт с обеих сторон. Но сквозь водяную пыль, закрывавшую их, словно туман, они могли видеть само ущелье — тесный каменистый канал, стискивающий реку так, что она, казалось, готова была закричать; и дикую, белую, с огненными барашками воду, бурлившую так, словно она боролась против своего же собственного неистового бега. С расстояния примерно одного лье к западу река корчилась, мчалась по ущелью и затем уходила в недра горы, словно всасываемая в бездну. Заходящее солнце висело у горизонта над Ущельем, словно кровавый шар в свинцовом небе, а в его свете возникали огненные тени, отбрасываемые несколькими отважными деревьями, прилепившимися на краю пропасти, словно пустив здесь корни по какому-то принуждению или обязанности. Но в самом Ущелье Предателя не росло ничего: здесь была только водяная пыль, гладкие каменистые стены и терзаемая вода.

Ее рев оглушил Кавинанта, а мокрый от брызг камень, казалось, готов был выскользнуть из-под ног. На мгновение скалы закружились у него перед глазами; он чувствовал, что утроба Горы Грома с жадностью следит за ним. Он отшатнулся назад, в щель, и, прижавшись спиной к камню, с трудом перевел дыхание.

Вокруг него все было в движении. Он слышал удивленные и испуганные крики воинов у края ущелья, приглушенное завывание Гиганта. Но он не двигался. Прижавшись к стене, он подождал, пока у него перестанут дрожать колени и пройдет ощущение того, что опора выскальзывает у него из-под ног. Лишь после этого он пошел выяснить, что все-таки вызвало огорчение его товарищей.

Между Кавинантом и стеной бушевал Гигант. Двое

стражей Крови повисли у него на руках, а он колотил их о стены щели, хищно шипя:

— Отпустите меня! Отпустите... Я хочу их! — словно он хотел прыгнуть вниз, в Ущелье.

— Нет! — Тротхолл внезапно встал перед Гигантом. Лучи солнца затенили его лицо, обрисовав его силуэт на фоне сияния. Он стоял, широко раскинув руки и зажав в одной руке посох. Он был стар и вдвое меньше Гиганта. Но оранжево-красное пламя, казалось, увеличило его, сделало выше, величественнее.

— Горбрат! Возьми себя в руки! Именем Семи! Ты бредишь?

Услышав это, Преследующий Море отбросил Стражей Крови. Он схватил Тротхолла за одежду спереди, поднял Высокого Лорда в воздух и прижал его к стене. Задыхаясь, словно от ярости, он взвизгнул прямо в лицо Тротхоллу:

— Брежу? Ты что, обвиняешь меня?

Стражи Крови прыгнули к Гиганту. Но крик Морэма остановил их. Тротхолл висел, распятый на камне, словно пригоршня старых тряпок, но не отводил взгляда от Гиганта. Он повторил:

— Ты бредишь?

В какой-то ужасный миг всем показалось, что Преследующий Море вот-вот размозжит голову Великого Лорда одним ударом могучего кулака. Кавинант попытался придумать что-то, какой-то способ вмешаться, но не мог. Он не понимал, что случилось с Преследующим Море.

Потом за спиной у Кавинанта Первый Знак Тьювор отчетливо произнес:

— Пожиратель? В одном из Гигантов Сирича? Невозможно!

Словно отрезвленный утверждением Тьювора, Гигант разразился конвульсивным кашлем. При этом он отпустил Тротхолла, потом завалился набок, с глухим стуком ударившись о противоположную стену. Постепенно его пароксизм перешел в низкое хихиканье, похожее на истерическое веселье, и на фоне рева реки этот звук заставил Кавинанта почувствовать, как он весь покрывается мурашками, словно после чьего-то липкого прикоснове-

ния. Он не мог вынести этого, и, движимый желанием узнать, что произошло с Гигантом, продвинулся вперед, чтобы заглянуть в Ущелье.

Там он увидел, настроив себя против головокружения и оглушительного рева реки, то, что возбудило Преследующего Море.

— Ах, Гигант! — простонал он. — Убивать...

Под ним, едва в 20 футах над уровнем реки, проходила неширокая дорога, похожая на выступ в южной стене ущелья. И по этой дороге под бой неслыханных барабанов маршировала армия Пещерников, выходившая из Горы Грома. Возглавляемая клином юр-вайлов, шеренга за шеренгой этих мерзких существ выползала из горы и топала по выступу с блеском вожделения на глазах цвета лавы. Тысячи уже вышли из своих вайтварренов, а позади шли все новые шеренги, словно Гора Грома выплевывала все орды населявших ее паразитов на беззащитную землю.

Преследующий Море!

Мгновение сердце Кавинанта билось в ритме с болью Гиганта. Ему невыносима была мысль, что Преследующий Море и его народ могут потерять надежду найти Дом из-за подобных тварей.

Неужели убийство — единственный ответ?

Молча, почти ничего не различая в водяном тумане, он попытался представить себе, каким образом Гигант намеревался добраться до выступа и Пещерников.

Оказалось, что это не так уж и сложно для любого, кто не боится высоты. В скале, в южной стене, была вырублена грубая склизкая лестница, которая шла от щели до дороги. Напротив нее виднелись ступени, поднимавшиеся от щели вверх, к вершине Ущелья. Они были такими же серыми, изъеденными водяной пылью и древними, как и весь камень вокруг.

Лорд Морэм подошел сзади к Кавинанту. Его голос глухо звучал сквозь рев реки:

— Это Древняя Смотровая Ущелья Предателя. Та часть Первой Заповеди, которая рассказывает об этом месте, легка для понимания. Смотровая была создана для наблюдения и для того, чтобы скрывать здесь предателей. Лорд Фаул Презренный открыл здесь свою ис-

тинную сущность Лорду Кевину. Здесь был нанесен первый удар в открытой войне, которая закончилась Ритуалом Осквернения.

Еще до этого Кевин сомневался в Лорде Фауле, хотя сам не знал, почему, ибо Презренный не делал такого зла, которое мог бы обнаружить Кевин; и он выказывал доверие Лорду Фаул, словно стыдясь своих необоснованных сомнений. Потом по замыслу Фаула, в Совет Лордов пришло послание из Демонмглы в Горе Грома. В этом послании Лорды приглашались в мастерские Демонмглы, — в склепы, где плодилось это отродье — чтобы встретиться там с мастерами их учения, якобы владевшими тайной силой.

Ясно, что Лорд Фаул надеялся, что Кевин сам придет в Гору Грома. Но Великого Лорда охватили сомнения, и он не пошел. Потом ему опять стало стыдно за свои сомнения, и он послал вместо себя нескольких своих лучших друзей и сильнейших союзников. Итак, Высокая делегация Старых Лордов отправилась на плоту по Соулсиз через Анделейн к Горе Грома. И там, в реве водяных брызг и тумане Ущелья Предателя, их ждала засада юр-вайлов. Лорды были зверски убиты, а их тела отправлены в бездны Горы. Потом из катакомб вышли армии, подобные этим, и Страна, не успев подготовиться, вынуждена была вступить в войну.

Этот долгий поединок продолжался битва за битвой, неся сотни тысяч смертей, и не видно было никакой надежды на ее окончание. Высокий Лорд Кевин храбро сражался. Но он отправил своих друзей в засаду, и вскоре начались его полночные встречи с отчаянием, и не было никакой надежды.

Соблазняющий головокружительный бег реки постепенно ослабевал вместе с сопротивлением Кавинанта. Брызги стекали по его лицу, словно капли пота.

Гигант хотел сделать то же самое — прыгнуть во вращающуюся приманку Ущелья, упасть на Пещерников из засады.

С усилием, заставившим его застонать сквозь стиснутые зубы, Кавинант отошел со Смотровой назад. Изо всех

сил прижимаясь к стене, он спросил нарочито бесстрашно:

— Он все еще смеется?

Морэм, казалось, понял его.

— Нет, теперь он сидит и тихо поет песню Бездомных и не подает никаких признаков безумия.

"Преследующий Море!" — подумал Кавинант, а вслух сказал:

— Почему ты остановил Стражей Крови? Он мог повредить Тротхоллу.

Лорд повернулся спиной к Ущелью Предателя, чтобы посмотреть на Кавинанта:

— Гигант — мой друг. Я не мог так просто вмешаться. — Спустя миг он добавил: — Великий Лорд не беззащитен!

Кавинант настаивал:

— Может быть, Пожиратель...

— Нет. — В голосе Морэма чувствовалось, что в этом не может быть сомнений. — Тьювор сказал правду. Ни один Пожиратель не обладает достаточным могущест вом, чтобы овладеть Гигантом.

— Но что-то... — Кавинант запнулся. — Что-то гложет его. Он не верит в эти предсказания. Он думает... Друл или еще что-то хочет помешать Гигантам вернуться домой.

Ответ Морэма был таким тихим, что Кавинант смог прочесть его лишь по губам Лорда:

— Этого хочу я.

Преследующий Море!

Взгляд Кавинанта скользнул по трещине к Гиганту. В темноте Преследующий Море сидел, похожий на кучу гальки, насыпанной у стены, тихо напевая и рассматривая невидимые картинки на камне перед собой. Это зрелище подняло в Кавинанте волну сострадательного гнева, но он подавил его, вспомнив о своей сделке. Стены ущелья наклонились к нему, словно удушающий страх, словно темные крылья. Кавинант метнулся оттуда мимо Гиганта в лощину.

Вскоре весь отряд собрался там на ужин. Они ели при свете одного тусклого факела Лиллианрилл, и когда с трапезой было покончено, они попытались немного по-

спать. Кавинант чувствовал, что отдых был невозможен; перед его глазами стояла армия Пещерников, выкатывающаяся, словно клубок разрушений, разматываясь на ходу, чтобы сплести смерть Страны. Но нескончаемый рев реки убаюкивал его, и, наконец, он расслабился, улегшись на землю. Он немного вздремнул под рокот барабанов войны, доносившийся из скалы под ним.

Позднее он как-то резко проснулся. Красная луна перевалила за гребень горы и теперь светила прямо в лощину. Кавинант понял, что полночь осталась позади. Сначала он подумал, что это свет луны разбудил его, но потом догадался: вибрация, вызываемая барабанной дрожью, исчезла из скалы. Он оглядел лагерь и увидел, как Тьювор шептался о чем-то с Лордом Тротхоллом. В следующий миг Тьювор начал будить спящих.

Вскоре воины были готовы. Кавинант проверил, на месте ли его нож, засунутый за пояс, и крепче сжал в руках посох.

Биринайр держал прут с мецающим на его конце слабым огоньком, и в этом неверном свете Морэм и Тротхолл стояли вместе с Мейнфрол Лифе, Всхафтом Квааном и Первым Знаком. Смутные тени мелькали, словно страх и решимость, на лице Тротхолла. Голос звучал слабо от старости, когда он сказал:

— Сейчас мы проводим свой последний час под открытым небом. Выход армии Друла завершился. Те из нас, кто пожелает, должны войти в катакомбы Горы Грома. Мы должны использовать этот шанс, пока внимание Друла все еще занято его армией и прежде, чем он сможет понять, что мы находимся не там, где он полагает.

Теперь настало время для тех, кто хочет выполнить цель похода. В вайтварренах не может быть ни отступления, ни бегства после поражения. До сих пор все проявили себя в Походе наилучшим образом. Никто из присутствующих здесь не может чувствовать стыд.

Кваан осторожно спросил:

— Ты поворачиваешь назад, Высокий Лорд?

— Ах, нет! — вздохнул Тротхолл. — Рука этих времен лежит на мне. Я не имею права колебаться.

Тогда Кваан ответил.

— А разве йомен Боевой Стражи Колыбели Лордов

может повернуть назад, когда его ведет Высокий Лорд? Никогда!

И весь йомен эхом повторил:

— Никогда!

Кавинант подумал о том, где сейчас может быть Гигант и как он поступит. Что касается его самого, то он интуитивно чувствовал, что у него нет выбора, что сон освободит его только посредничеством Посоха Закона или смерти.

В последующий миг к Тротхоллу обратилась Мейнфрол Лифе. Голова ее была откинута назад, а маленькая фигурка напряжена так, словно она готова была взорваться.

— Я дала слово. О ваших лошадях позаботятся. Корды будут беречь их в надежде на ваше возвращение. Но я... — Она тряхнула связанными волосами, словно бросая вызов самой себе. — Я пойду вместе с вами. Под землю.

Протест Тротхолла она остановила резким жестом.

— Вы дали пример, которому я должна следовать. Как я снова могла бы предстать перед Ранихинами, если бы они узнали, что я забралась так далеко, чтобы повернуть назад, когда угроза стала слишком велика? И я чувствую нечто большее. Рамены знают небо, открытую землю. Мы знаем воздух и траву. Мы не сбиваемся в пути во тьме. Ранихины научили наши ноги не ошибаться. Я чувствую, что всегда смогу найти путь наружу. Вам, возможно, понадобится эта моя способность, хотя я далека от равнины Ра и от самой себя.

Тени превратили лицо Тротхолла в гримасу, но он спокойно ответил:

— Я благодарен тебе, Мейнфрол. Рамены — храбрые друзья Страны.

Скользнув взглядом по всему отряду, он сказал;

— Тогда пойдемте. Нас ждет исход нашего пути. Что бы ни случилось с нами, пока есть в Стране люди, умеющие петь, они будут петь о том, что в этот темный час Страна не осталась без защиты. Теперь храните ей верность до конца.

Не дожидаясь ответа, он вошел из кровавого лунного света во тьму щели.

Воины пропустили Кавинанта следом за двумя Лордами, словно предоставив ему возможность занять наиболее уважаемое место. Тротхолл и Морэм шли рядом; когда они приближались к Смотровой, Кавинант увидел между ними Гиганта, стоявшего на краю скалы. Ладонями обеих рук Преследующий Море упирался в противоположные стены. Он стоял спиной к Лордам и всматривался в мрачный, окрашенный кровавым светом круговорот реки. Его огромная фигура темнела на фоне ярко-красного неба.

Когда Лорды приблизились к нему, он сказал, словно обращаясь к ним из Ущелья:

— Я остаюсь здесь. Мой пост. Я буду охранять вас. Армия Друла не захлопнет ловушку Горы Грома, пока я жив.

Мгновение спустя он добавил, словно обратив взгляд внутрь самого себя:

— Отсюда не услышу я запаха вайтварренов.

Но в следующих его словах слышался отзвук старого юмора Гигантов:

— Катакомбы не были рассчитаны на то, чтобы там могли поместиться существа размеров Гигантов.

— Ты правильно решил, — пробормотал Тротхолл. — Нам нужна твоя защита. Но не оставайся здесь после полуночи. Если мы не вернемся к тому времени, значит, с нами все кончено, и ты должен отправиться предупредить свой народ.

Гигант ответил, словно реагируя на какой-то другой голос:

— Помните Клятву Мира. В лабиринте, в который вы входите. Она будет вашей путеводной нитью. Она будет хранить вас от намерений Губителя Душ, тайных и жестоких. Помните Клятву. Надежда, может быть, вводит в заблуждение. Но ненависть — ненависть разлагает. Я слишком поторопился с ненавистью. Я стал похож на то, что ненавижу.

— Прояви хотя бы долю уважения к правде, — огрызнулся Морэм. Внезапная резкость его тона ошеломила Кавинанта. — Ты, Соленое Сердце Преследующий Море, Гигант Сирича, горбрат людей Страны. Это имя не может быть отнято у тебя.

Но Кавинант не слышал в словах Гиганта никакой жалости к себе — только осознание и печаль. Преследующий Море больше ничего не сказал. От стоял так же неподвижно, как стены, о которые он опирался, — стоял, словно статуя, высеченная на Смотровой.

Лорды больше не стали терять время. Ночь уже пошла на убыль, а они хотели войти в гору до наступления дня.

Члены отряда заняли свои места. Тротхолл, Биринайр и двое Стражей Крови шли за Первым Знаком Тьювором. Затем следовали Морэм, Лифе, Баннор, Кавинант и Корик. За ними шел Вохафт Кваан, его четынадцать воинов, и замыкали колонну четверо последних Стражей Крови.

Их было только двадцать один против всей неизвестной мощи Друла Каменного Червя.

От Тьювора до последнего Стража Крови протянули полоску клинго. В таком порядке они начали спуск по скользкой лестнице в Ущелье Предателя.

КАТАКОМБЫ ГОРЫ ГРОМА

Луна Друла отравляла ночь, словно издевающаяся желчь. В ее кровавом свете река билась и ревела в Ущелье Предателя, будто в агонии. Водяная пыль и скользкий мох делали лестницу, спускавшуюся со Смотровой, такой же предательской, как болото.

Кавинанта бил озноб. Сначала, когда подошла его очередь спускаться, ужас парализовал его. Но когда Баннор предложил понести его, он нашел в себе достаточно гордости, чтобы заставить себя двигаться. В дополнение к веревке из клинго Баннор и Корик несли его посох, за который он мог держаться, как за перила в ущелье, словно пытаясь при каждом шаге приклеиться ногами к камню.

Лестница постепенно переходила со скалы в стены Ущелья. Вскоре отряд уже вползал в ревущую бездну, ведомый только светом факела Биринайра. Красная пена реки, казалось, прыгала вверх, пытаясь достать до них, словно голодная чума, когда они стали приближаться к дороге. Каждая ступенька была более скользкая, чем предыдущая. Позади Кавинант услышал вскрик одного из подскользнувшихся воинов. Этот негромкий вскрик нес в себе ужас, леденивший кровь. Но Стражи Крови крепко держали веревку из клинго. Воин быстро восстановил равновесие.

Спуск продолжался. Икры Кавинанта начали болеть от все возрастающего напряжения. Он пытался представить себе, что его ноги — часть камня, что они вросли в скалу. И он с такой силой сжимал посох, что ладони стали скользкими от пота, и дерево, казалось, стало стараться вырваться из них. К тому же начали дрожать и колени.

Но Баннор и Корик поддерживали его. Расстояние до дороги мало-помалу сокращалось. После нескольких долгих мучительных минут угроза паники уменьшилась.

Потом он добрался до сравнительно безопасного выступа. Томас стоял в середине отряда, между стеной ущелья и руслом реки. Полоса неба над головой начинала сереть, но приближавшийся рассвет лишь подчеркнул темноту ущелья. Одинокий факел Биринайра мерцал, словно затерявшийся в пустыне.

Членам отряда приходилось кричать, чтобы услышать друг друга сквозь рев течения. Кваан отдал своему отряду короткую команду построиться. Воины проверили оружие. Несколькими жестами Тьювор отдал последние распоряжения Стражам Крови. Кавинант сжал посох и убедился в том, что его нож — нож Этьеран — на месте. У него было смутное ощущение, будто он что-то забыл. Но прежде, чем он смог вспомнить, что именно, его отвлекли крики.

Старый Биринайр кричал на Высокого Лорда Тротхолла. Впервые Хатфрол, казалось, забыл о собственном грубоватом достоинстве. Приблизив к Тротхоллу морщинистое дрожащее лицо, он рявкнул, перекрывая шум реки:

— Ты не можешь! Риск!

Тротхолл отрицательно покачал головой.

— Ты не можешь вести! Позволь мне!

Тротхолл снова ответил молчаливым отказом.

— Конечно! — кричал Биринайр, пытаясь выразить всю свою решимость вопреки грохоту воды. — Ты не должен! Я могу! Я знаю дорогу! Разумеется. Разве только ты достаточно стар, чтобы узнать? Я знаю старые карты. Я не шучу — ты знаешь — если я выгляжу старым, и... — он на мгновение запнулся, — и бесполезным. Ты должен позволить мне!

Тротхолл попытался ответить ему без гнева:

— Времени мало! Нам нельзя медлить, Биринайр, старый дружище, я не могу возложить первую опасность похода на кого-либо другого. Это мое место!

— Глупец! — плюнул Биринайр, не заботясь о том,

что его грубость уже граничит с наглостью. — Как ты будешь видеть?

— Видеть?

— Конечно! — Хатфрол дрожал от охватившего его сарказма. — Ты пойдешь впереди! Рискнуть всем! Освещать путь Огнем Лордов! Глупец! Друл увидит тебя раньше, чем ты доберешься до моста Варренов!

Тротхолл, наконец, понял.

— Ах, это правда!

Он обмяк, словно мысль об этом причинила ему боль.

— Твой огонь не такой яркий, как мой. Друл обязательно почувствует наше приближение, если я воспользуюсь посохом.

Рассерженный, он резко повернулся и скомандовал:

— Тьювор! Хатфрол Биринайр пойдет вперед! Он вместо меня будет освещать нам путь. Охраняй его, как следует, Тьювор! Не допусти, чтобы угрозы, предназначенные мне, заставляли страдать старого друга!

Биринайр подтянулся, обретя в ответственности прежнее величие. Загасив прут Лиллианрилл, он отдал его одному из воинов, чтобы тот связал его вместе с остальными прутьями. Затем, ударив по наконечнику своего посоха, он вызвал появление пламени. Резким движением он поднял его вверх и зашагал по дороге ко входу в Гору Грома.

Террель и Корик тотчас обогнали Хайербренда и заняли разведывательные позиции в 20 футах впереди его. Двое других Стражей Крови расположились сразу следом за ним; потом шли Тротхолл и Морэм вместе, потом еще двое Стражей Крови, сопровождаемые цепочкой, состоящей из Мейнфрола Лифе, Кавинанта и Биринайра. Следующими шагали Кваан и его йомен в шеренгу по три, и замыкали колонну два оставшихся Стража Крови. В таком порядке отряд двигался ко входу в катакомбы.

Кавинант бросил короткий взгляд вверх, пытаясь в последний раз увидеть Гиганта на Смотровой. Но он ничего не разглядел — Ущелье было слишком заполнено темнотой. А дорога требовала постоянного внимания. Он вошел в скалу под Гигантом, даже не помахав ему рукой на прощание.

Отряд удалялся от дневного света — от солнца, неба,

открытого воздуха, травы и возможности отхода назад — и продолжал поход уже в глотке Горы Громы.

Кавинант входил в это сгущение ночи, словно в кошмар. Он не настроил себя на катакомбы, но облегчение, наступившее после спуска со Смотровой, временно обеспечило ему иммунитет от паники. Он не простился с Гигантом, он что-то забыл, но эти угрызения рассеивались чувством предвкушения, чувством, что сделка освободит его ото сна, оставив способность к выживанию.

Но небо над головой — открытое пространство, которое он вряд ли осознавал, — было отрезано, словно ударом топора, и на его месте теперь оказалась каменная громада горы, такая тяжелая, что могла расплющить одним своим видом. Кавинанту казалось, что ее масса гудит, словно молчаливые раскаты грома. Рев реки усиливался в глотке горы, словно боль сдавленного течения становилась сильнее, громче от еще более сильного сдавливания. Водяные брызги падали часто, как дождь; пламя Биринайра, ведущего отряд, было тусклым и слабым, почти задушенным влажным воздухом. И поверхность дороги была раздолбанной, усыпанной камнями и щебнем, с внезапными ямами и провалами. Кавинант напряг внимание, будто прислушиваясь к ноте чувства в тарабарщине всего, происходившего с ним, и под этой настороженностью он спрятал свою надежду на бегство.

Каким-то комплексом ощущений он чувствовал, что это — его единственная защита. Отряд выглядел трогательно слабым, беззащитным перед обитателями тьмы — Пещерниками и юр-вайлами. Спотыкаясь в ночи, освещаемой лишь одиноким огоньком Биринайра, он предвидел, что их скоро заметят. После этого о них доложат Друлу, и внутренние силы вайтварренов польются им навстречу, и армия будет отозвана назад. Какой шанс был у Гиганта в борьбе со многими тысячами Пещерников? И отряд будет сокрушен, словно горстка самонадеянных муравьев. И в это мгновение решимости или смерти наступит его собственное спасение или поражение. Другого выхода он не мог себе представить.

С такими мыслями он шел, словно прислушиваясь к шуму волны, несущейся вниз.

Пройдя некоторое расстояние, он осознал, что звук

реки начал меняться. Дорога уходила внутрь почти горизонтально, но река падала в глубины скалы. Течение превращалось в водопад, бездонный отвесный поток, подобный прыжку в смерть. Шум реки постепенно утихал по мере того, как река рвалась все дальше и дальше от пропасти.

Теперь водяной пыли стало меньше, и она не так затемняла пламя Биринайра. Каменная стена, уже не такая мокрая, еще больше начала давить своим гранитом. Между стеной и пропастью дорога казалась единственным надежным местом для Кавинанта. Делая очередной тяжелый шаг, он чувствовал, как твердость выступа пронизывает его от ступней до основания позвоночника.

Пещера вокруг стала похожа на тоннель, если не считать пропасти слева. Чтобы не думать о ней, Кавинант сосредоточился на дороге и на пламени Хайебренда. Река беспомощно падала вниз, и ее рев стихал глубоко внизу, словно пальцы, скребущие по краю пропасти в последней попытке удержаться. Вскоре Кавинант начал различать шум движения отряда. Он повернулся, пытаясь увидеть вход в пещеру, но либо дорога сделала поворот, либо вход остался далеко позади; он не увидел ничего, кроме мрака, столь же непроницаемого, как тьма над головой.

Но через некоторое время Кавинант почувствовал, что клубящаяся темнота как-то неуловимо меняется. Какая-то перемена в воздухе ослабила полночь катакомб. Кавинант вглядывался вперед, пытаясь выяснить, в чем дело. Все молчали, как будто боялись, что стены имели способность слышать.

Однако вскоре Биринайр остановился. Кавинант, Лифе и Лорды быстро подошли к старому Хайербренду. С ним стоял Террель.

— Впереди мост Варренов, — сказал Страж Крови — Корик ходил на разведку. Там есть часовые.

Он говорил тихо, но после долгой тишины его голос звучал вызывающе громко.

— Ах, я боялся этого, — прошептал Тротхолл. — Мы можем приблизиться?

— Скальный огонь отбрасывает темные тени. Часовые стоят на вершине пролета моста. Мы можем приблизиться на расстояние полета стрелы.

Морэм тихо подозвал Кваана, пока Тротхолл спрашивал:

— Сколько часовых?

Террель ответил:

— Двое.

— Только двое?

Страж Крови слегка пожал плечами.

— Этого достаточно. Между ними лежит единственный вход в вайтваррен.

Но Тротхолл снова повторил:

— Только двое?

Казалось, он пытался предугадать опасность, которой не может увидеть.

Пока Высокий Лорд размышлял, Морэм быстро говорил о чем-то с Квааном. Вохафт повернулся к своему йомену, и тотчас двое воинов встали рядом с Тереллем, отвязав со спины луки. Это были высокие стройные Вудхельвеннины, и в бледном свете их руки выглядели слишком тонкими, чтобы согнуть тугие луки.

Тротхолл еще мгновение колебался, дергая себя за бороду, словно пытаясь довести до сознания какую-то смутную идею. Но потом он подавил тревогу и резко кивнул Террелю. Страж Крови тотчас повел двух воинов в направлении забрезжившего впереди рассеянного света.

Тротхолл напряженно прошептал, обращаясь ко всему отряду:

— Будьте осторожны. Без моего приказа никакого риска. Сердце подсказывает мне, что впереди опасность, какое-то зло, которое упоминается в учении Кевина, но сейчас я не могу этого вспомнить. Ах, памяты! Эти знания столь туманны и отделены от всего, что мы узнали со времен Осквернения. Думайте, каждый из вас. Будьте очень осторожны.

Медленно двигаясь, он прошел вперед, к Биринайру, и отряд последовал за ним.

Теперь свет становился все отчетливей — оранжево-красный скальный отблеск, подобный тому, который Кавинант видел очень давно, во время своей встречи с Друлом в Кирил Френдор. Вскоре члены отряда уже могли видеть, что в нескольких сотнях ярдов от них пещера резко поворачивает вправо, и в тоже время потолок тон-

неля поворачивается и поднимается, словно за поворотом находится огромный склеп.

Прежде, чем они прошли половину расстояния, Корик присоединился к ним, чтобы указать дорогу к безопасному укрытию. По дороге он указал позицию Терелля и двоих воинов. Они вскарабкались вверх по правой стене и стояли на коленях на выступе, в углу наклона.

Корик подвел отряд вплотную к расселине реки, пока они не достигли гладкой каменной стены. Пропасть, казалось, исчезала прямо в скале, поворачивавшей дорогу в ночь, но свет был виден и над этой скалой, и в расселине. Скала была не стеной, а скорее огромным валуном, служившим полуотворенной дверью в огромную пещеру. Террель определил двум воинам позицию, с которой они могли выпустить стрелы над этим валуном.

Корик провел Тротхолла, Морэма и Кавинанта через тень, отбрасываемую валуном, и отсюда они могли взглянуть слева из-за края камня. Кавинант увидел высокую пещеру с плоским полом. Расщелина реки огибала камень сзади и под прямым углом сворачивала в прежнем направлении прямо через центр склепа, а затем исчезала в дальней стене. Поэтому дальше дорога шла уже параллельно курсу реки. Но по внешней половине пещеры больше не было никаких отверстий.

В этом месте расщелина была по меньшей мере 50 футов шириной. Единственной дорогой через нее являлся массивный мост из природного камня, занимавший середину склона.

Морэм осторожно прошептал:

— Всего двое. Этого достаточно. Будем надеяться на меткость наших стрелков. Другого шанса не будет.

Сначала Кавинант не заметил Стражей. Его взгляд остановился на двух столбах пульсирующего огненного скального огня, которые стояли, словно часовые, по обеим сторонам гребня моста. Но затем он заставил себя оглядеться внимательнее и вскоре различил черные фигуры на дуге моста, по одной возле перил с той и другой стороны. Они были почти невидимы, стоя так близко к скальному огню.

— Юр-вайлы, — пробормотал Высокий Лорд. — Именем Семи! Я должен вспомнить! Почему не Пещерники? Зачем Друлу тратить юр-вайлов на такое дело?

Кавинант почти не слушал Тротхолла. Скальный свет поглощал его внимание; казалось, он имел какое-то сходство с ним, которого он не мог понять. Порочная логика пульсации этого огня заставила его подумать о своем обручальном кольце. Мощное сияние вызвало боль в руке, на которой было надето кольцо, и эта боль являлась как бы напоминанием, что обещанное им счастье не состоялось. Он мрачно сжал кулак.

Тротхолл, наконец, справился с собой и тяжело сказал Корику:

— Попытайся. Но только нас может ждать неудача.

Не сказав ни слова, Корик кивнул Тротхоллу.

Две стрелы одновременно прожужжали в воздухе.

В следующий миг юр-вайлы исчезли. Кавинант успел заметить, как они, словно черные камни, падают в бездну.

Великий Лорд с облегчением вздохнул. Морэм повернулся в сторону лучников, отдав им благодарный салют, и поспешил к остальным членам отряда, чтобы дать им объяснения и наказы. Со стороны Морэма раздались приглушенные крики одобрения.

— Не ослаблять внимания! — прошептал Тротхолл. — Опасность еще не миновала. Я чувствую это.

Кавинант оставался на своем месте, вглядываясь в скальный огонь, сжимая кулак. Происходило нечто такое, чего он не понимал.

— Юр-лорд, — мягко спросил Тротхолл. — Что ты там видишь?

— Силу, — его охватило раздражение от того, что ему помешали. Собственный голос, казалось, царапал горло. — У Друла достаточно средств для того, чтобы вы оказались в дураках. — Он поднял левый кулак. — Снаружи сейчас день.

Его кольцо горело сейчас кровавым красным светом, пульсируя в такт скальному огню.

Тротхолл, нахмурившись, смотрел на кольцо, и на его лице появилось выражение яростной сосредоточенности. Губы почти не шевелились, когда он пробормотал:

— Это не так. Я должен вспомнить. Скальный свет не может сделать этого.

К ним приблизился Морэм, и еще до того, как увидел,

что происходит между Кавинантом и Тротхоллом, сказал:

— Террель вернулся, мы готовы перейти мост.

Тротхолл рассеянно кивнул. Потом Морэм заметил кольцо. Кавинант услышал звук, словно Морэм заскрежетал зубами. Протянув руку, Лорд схватил кулак Кавинанта.

Мгновение спустя он повернулся и подал сигнал отряду. Кваан повел свой йомен вперед вместе со Стражами Крови. Тротхолл, казалось, находился в замешательстве, но вместе с Биринайром зашел в склеп. Автоматически Кавинант последовал за ними к мосту Варренов.

Тьювор и другой Страж Крови пошли впереди Великого Лорда. Они приблизились к мосту, осматривая его, чтобы убедиться, что он действительно свободен, прежде чем на него вступят Лорды.

Кавинант брел вперед, словно в трансе. Чары скального огня все больше овладевали им. Кольцо стало горячим. Ему пришлось сделать попытку сознательного осмысления причины того, что кольцо стало кровавым вместо оранжево-красного, как мерцание огненных столбов. Но ответа он не находил. Он чувствовал, что с ним происходит какая-то перемена, которой он не мог сопротивляться, измерить, ни даже проанализировать. Это было похоже на то, как если бы кольцо смешивало его чувства, поворачивая их вокруг оси, чтобы дать ему возможность заглянуть в неизвестные измерения.

Тьювор и его товарищ начали подниматься по мосту. Тротхолл придерживал отряд позади, несмотря на очевидную опасность оставаться в открытом свете. Он смотрел вслед Тьювору и дергал себя за бороду старчески трясущейся рукой.

Кавинант чувствовал, как чары овладевают им. Пещера начала меняться. В некоторых местах скалистые стены стали казаться тоньше, словно готовились стать прозрачными. Кваан, Лифе и воины тоже становились прозрачными, приближаясь к призрачности духов. Тротхолл и Морэм казались прочнее, но Тротхолл мерцал, в то время как Морэм оставался неизменным. И лишь Стражи Крови не проявляли никаких признаков рассе-

ивания, утраты своей сущности в тумане — Стражи Крови и кольцо. Плоть самого Кавинанта теперь казалась настолько невесомой, что он боялся, как бы кольцо не соскользнуло с нее на камень. Увидев, как он вздрогнул, Баннор встал с ним рядом — непоколебимый, неумолимый и опасный, словно простое прикосновение Стража могло развеять туманную суть Кавинанта по ветру.

Он постепенно таял. Попытка сопротивляться этому ни к чему не привела.

Тьювор приблизился к гребню моста. Мост, казалось, вот-вот рассыплется под ним — настолько он казался тяжелее камня.

Потом Кавинант увидел это — ветка мерцавшего воздуха, натянутая поперек дороги. Он не знал, что это было, ничего не понимал, кроме того, что это — могучая сила.

Тьювор был готов пересечь ее.

С усилием, похожим на конвульсию, Кавинант начал бороться, сопротивляясь чарам. Какая-то интуиция говорила ему, что Тьювор будет убит.

— Даже прокаженный! — заклинал он себя. Это не имело отношения к сделке; он не давал обещания стоять молча и смотреть, как гибнет человек. Проклятье! Потом, ощутив в себе новый прилив ярости, он воскликнул опять: — Проклятье! Стоп! — задыхаясь произнес он. — Разве вы не видите?

Тротхолл тотчас закричал:

— Тьювор! Не двигайся!

Резко повернувшись к Кавинанту, он потребовал:

— Что это? Что ты видишь?

Сила ярости вернула его облику некоторую прочность. Но Тротхолл все еще казался опасливо прозрачным. Кавинант вздернул вверх руку с кольцом и прорычал:

— Прикажи им спуститься. Ты что, слепой? Это же скальный огонь. Вверху есть что-то еще!

Морэм отозвал с моста Тьювора и его товарищей. Но Тротхолл некоторое время смотрел на Кавинанта с удивлением и страхом. Затем он внезапно ударил посохом о землю и сказал:

— Юр-вайлы! И скальный свет прямо, как якоря! Ах, я слепец, слепец! Они стерегут силу!

Морэм недоверчиво прошептал:

— Слово Предупреждения?

— Да!

— Неужели это возможно? Неужели Друл полностью овладел Посохом? Может ли он управлять таким могуществом?

Тротхолл был уже на пути к мосту и ответил через плечо:

— У него в учителях — сам Лорд Фаул. А у нас такой помощи нет.

Мгновением позже он начал подниматься по арке моста. Тьювор следовал за ним по пятам.

Чары вновь начали действовать на Кавинанта. Но теперь он уже знал, как с ними поступать, и отогнал прочь злобными проклятиями. Он все еще видел силовую петлю Слова, к которой приближался Тротхолл.

Высокий Лорд шел медленно и, наконец, остановился на расстоянии одного шага от Слова. Взяв посох в левую руку, он поднял правую ладонь вверх жестом узнавания. Затем, откашлявшись, начал петь. Постоянно повторялся один и тот же мотив: он пел каким-то загробным голосом на языке, которого Кавинант не понимал, на языке, таком старом, что он звучал поседевшим от времени. Тротхолл пел тихо, таинственно, словно входя в личное общение со Словом Предупреждения.

Постепенно, медленно, как грозный туман, Слово стало видимым для отряда. В воздухе напротив ладони Тротхолла появился неясный красноватый лоскут, который затем начал разрастаться, как фрагмент невидимой ткани. Бледное красное пятно расширялось до тех пор, пока напротив ладони Тротхолла не образовался большой неправильный круг. С чрезвычайной осторожностью, не переставая напевать, Высокий Лорд поднял руку, чтобы измерить высоту Слова, а затем чуть сдвинулся в сторону, чтобы определить его конфигурацию. Так постепенно перед глазами отряда возникал барьер, преграждавший им дорогу. И по мере того, как Кавинант вызывал в себе все большую ярость, его собственное восприятие Слова тускнело, и вскоре он видел только то, что видели остальные.

Наконец Тротхолл опустил руку и замолчал. Лоскутки исчезли. Он обессиленно сошел с моста, словно оставался на ногах только с помощью силы своей решимости. Но взгляд его был полон понимания и осознания степени риска.

— Слово Предупреждения, — сурово объявил он. — Находится здесь властью Посоха Закона, чтобы информировать Друла, если его защита будет нарушена, и уничтожать мост Варренов при первом прикосновении.

Это был голос человека, заглянувшего в бездну.

— Это работа огромной силы. Ни один Лорд со времен Осквернения не был способен на подобное. И даже если бы мы овладели достаточной силой, чтобы нейтрализовать Слово, нам бы это ничего не дало, поскольку Друл был бы предупрежден. И все же есть кое-что и в нашу пользу. Такое Слово нельзя поддерживать без постоянного внимания. За ним нужен уход, в противном случае оно начинает разрушаться, хотя и недостаточно быстро для нашей цели. То, что Друл поставил здесь в качестве часовых юр-вайлов, может быть, говорит о том, что особого беспокойства этот вход у него теперь не вызывает.

— Прекрасно! — скрипучим голосом произнес Кавинант. — Ужасно!

Его руки тряслись от желания кого-нибудь задушить.

Тротхолл продолжал:

— Если Друл не следит за словом, то, может быть, нам удастся немного отодвинуть его, не причиняя ему вреда.

Он глубоко вздохнул и заключил:

— Я считаю, что это можно сделать. Это Слово не столь опасно, каким оно могло бы быть.

Он повернулся к Кавинанту.

— Но я боюсь за тебя, Юр-лорд.

— За меня? — Кавинант отреагировал так, будто Высокий Лорд в чем-то обвинил его. — Почему?

— Я боюсь, что простое приближение твоего кольца к Слову может разрушить его. Поэтому ты должен идти последним. И даже тогда нас могут поймать в катакомбах, если мост будет разрушен и, таким образом, путь к отступлению отрезан.

Последним? У него возникло внезапное видение, как

его тут оставляют одного, или он попадает в ловушку, отрезанный от обратного пути этой расщелиной.

Он хотел возразить: "Позвольте мне пойти первым. Если я смогу это сделать, то и все остальные — тоже". Но он видел всю глупость этого аргумента.

"Терпи, — внушал он самому себе. — Не нарушай условий сделки".

Страх заставил его голос прозвучать резко, когда он сказал:

— Приступайте. Вскоре они пришлют сюда новых охранников.

Тротхолл кивнул и, бросив на Кавинанта последний оценивающий взгляд, отвернулся. Он и Морэм начали подниматься по мосту, чтобы заняться Словом.

Тьювор и Террель шли следом, неся в руках петли из клинго, которые они набросили Лордам на талии и прикрепили их к подножию моста. Предохраняемые таким образом от разрушения арки моста, Тротхолл и Морэм осторожно поднимались вверх, пока, наконец, не оказались на расстоянии вытянутой руки от невидимого слова. Здесь они вместе опустились на колени и начали петь.

Когда в алом свете появилась нижняя часть Слова, они положили свои посохи параллельно ему на камни перед собой, затем с мучительной осторожностью подкатили посохи прямо под радужное силовое поле.

В течение одного мгновения, когда все затаили дыхание, они оставались в позе молитвы, словно заклиная эти кусочки дерева не прерывать течения, проплывавшего мимо их лиц. Ответом была короткая вспышка в красном сиянии, от которой у всех замерло в груди.

Но Лорды продолжали петь, и вскоре Слово успокоилось.

Собрав все силы, Лорды приступили к самой трудной части задачи. Они начали поднимать концы посохов.

С коротким вздохом удивления и восхищения члены отряда увидели, как нижний край Слова выгнулся, образовав под собой небольшую выемку.

Когда ее высота достигла более одного фута, Лорды застыли. В то же мгновение Баннор и два других Стража Крови бросились вверх по мосту, разворачивая на бегу веревку из клинго. Один за другим они нырнули в вы-

емку и протянули за собой веревку, закрепив ее на другом берегу расселины.

Как только это было сделано, Морэм взял у Тротхолла его посох. Великий Лорд прополз сквозь выемку и, взяв оба посоха из рук Морэма, дал ему возможность тоже пролезть под Словом. К тому времени, когда Морэм оказался рядом с Тротхоллом, старый Биринайр уже был наготове, чтобы последовать за ними. Дальше шеренгой выстроились воины йомена, замыкаемые Квааном и Лифе.

По очереди Тьювор и Террель проскользнули под Словом и прикрепили веревки к двум Лордам, которые теперь были за расщелиной. Затем, быстро двигаясь, последние Стражи Крови обвязали последнюю веревку вокруг Кавинанта и прошли сквозь выемку.

Кавинант остался один.

Обливаясь холодным потом гнева и страха, он начал подниматься по мосту. Он чувствовал, как два столба скального света словно бы рассматривают его. Он яростно шел вверх, проклиная Фаула и себя за свой страх. В пропасть он не смотрел. Глядя на проем, он собрал всю свою ярость в один пучок и так приближался к сияющей силовой ткани. По мере того, как он приближался, кольцо все больше сжимало руку. Мост, казалось, становился все тоньше, словно растворяясь под ним. Слово стало более неподвижным, приковывая к себе его внимание.

Но он держал ярость в узде. Даже прокаженный! Он добрался до выемки, опустился перед ней на колени и сквозь свечение бросил быстрый взгляд на Лордов. Их лица были мокры от пота, а голоса дрожали, но они все пели. Томас сжал обеими руками посох Барадакаса и прополз под Словом.

Проползая, он услышал мгновенный и высокий пронзительный звук, похожий на жалобный визг сопротивления. Холодное белое пламя на миг вырвалось из кольца.

Потом он уже был по ту сторону петли, а Мост и Слово остались целы и невредимы.

Спотыкаясь, он начал спускаться с Моста, отбросив прочь веревку из клинго. Оказавшись в безопасности, он увидел, оглянувшись, как Тротхолл и Морэм вынимают

из-под Слова свои посохи. Затем, спотыкаясь, он заспешил в темный тоннель дороги. Почти сразу же ощутил у своего плеча присутствие Баннора, но не остановился до тех пор, пока темнота, в которую устремился, не стала достаточно густой и непроницаемой.

В состоянии прострации и удушающего страха он проскрежетал:

— Я хочу остаться один. Почему ты не оставишь меня в покое?

С обычной невозмутимостью Баннор ответил:

— Ты — Юр-лорд Кавинант. Мы — Стражи Крови. Мы несем ответственность за твою жизнь.

Кавинант всматривался в окружающую тьму и думал о неестественной твердости Стражей Крови. Что делало их плоть менее смертной, чем скалистые внутренности Горы Грома? Взглянув на кольцо, он увидел, что красное сияние почти потухло. Он обнаружил, что завидует бесстрастности Баннора; его собственная нечестность оскорбляла его. Повинуясь импульсу какой-то свирепой интуиции, он ответил:

— Этого недостаточно.

Даже не видя Баннора, он ясно представил себе, как тот слегка, но красноречиво пожал плечами.

Стоя с вызывающим видом в темноте, Кавинант ждал, когда отряд догонит его. Но когда он вновь занял место в строю, когда тусклый огонь Биринайра проплыл мимо него, указывая направление невидимой дороги, мрак катакомб обрушился на него, подобно мириадам злобно наблюдающих шпионов, с нетерпением ожидающих кровопролития, и реакция напряженных нервов заставляла его страдать. Плечи начали дрожать, словно он долго висел, схваченный за руки, и холодное оцепенение начало сковывать его мысли.

Слово Предупреждения явилось знаком того, что Лорд Фаул ждал их, зная, что они не станут жертвами армии Друла. Друл не смог бы сотворить Слово, и, тем более, не смог бы сделать его столь подходящим белому золоту. Таким образом оно служило скорее целям Презренного, нежели целям Друла. Возможно, это была какая-то проверка, чтобы выяснить силу Лордов и степень их изобретательности, а также показатель уязвимости Кавинанта.

Но как бы там ни было, это было дело рук Фаула. Кавинант был уверен, что Презренный знал все — спланировал, организовал и сделал неизбежным все, что случилось с отрядом, каждое его действие и решение. Друл ни о чем не подозревал — сумасшедшее, управляемое существо. Пещерник, вероятно, не подозревал и половины того, чего он достиг под руководством Фаула.

Но в глубине души Кавинант знал об этом с самого начала. Он не удивился; скорее, он рассматривал это, как симптомы другой, более существенной угрозы. Эта главная опасность, которая так завораживала разум, что, казалось, только его плоть была способна реагировать дрожью, — имела нечто общее с кольцом из белого золота. Он ясно ощущал эту угрозу, поскольку сковывающее его оцепенение не давало спрятаться от нее. Вся функция компромисса, сделки, которую он заключил с Ранихинами, состояла в том, чтобы удерживать невозможность и реальность Страны отдельно друг от друга, как противовесы, чтобы не давать им проникать друг в друга и тем самым подрывать его ненадежную связь с жизнью. Но Лорд Фаул использовал его кольцо, чтобы произвести столкновение этих противоположных сумасшествий, чего так отчаянно желал избежать Кавинант.

Он подумал о том, что будет, если попытается забросить кольцо куда-нибудь подальше. Но он знал, что не сможет этого сделать. Слишком много с ним было связано воспоминаний об утраченной любви, почете и взаимоуважении, чтобы отбросить все это. И старый нищий...

Если условия его сделки будут нарушены, ему нечем будет защитить себя против тьмы; у него не будет ни сил, ни плодородия, ни согласованности — ничего, кроме собственной способности к мраку, собственной злобы и возможности убивать.

Оцепенение, казалось, стало полным. Он не смог иначе оценить ситуацию. Все, что он мог сделать, — это тащиться вслед за огнем Биринайра и повторить свои отказы подобно отчаявшемуся, жаждущему веры, пытающемуся обрести независимость.

Он сконцентрировал все внимание на дороге, словно она был призрачной, а камень — ненадежным, словно Биринайр мог привести его на край бездны.

Постепенно характер путешествия во мраке менялся. Сначала изменилось впечатление от окружающего тоннеля. Время от времени стена, казалось, открывались в другие тоннели, а в одном месте мрак стал таким невероятно густым, словно отряд проходил по дну амфитеатра. На этом открытом месте, ослепляющем своей тьмой, Биринайр, казалось, потерял дорогу. Когда ощущение обширного пустого пространства исчезло, он повел отряд в каменный коридор, такой низкий, что огонь почти касался потолка, и такой узкий, что людям пришлось построиться в шеренгу по одному.

Потом старый Хайтфрол провел их через запутанный лабиринт коридоров, различных по величине и направлениям. Из низкого тоннеля, сделав резкий поворот, они вышли на длинный крутой склон, вокруг которого невозможно было различить никаких стен. По мере того, как они спускались, поворачивая то влево, то вправо, следуя ориентирам, которые, казалось, способен был видеть один Биринайр, тем воздух становился холоднее и как-то противнее, словно в нем слышалось эхо юр-вайлов. Холод приносили внезапные сквозняки и воздушные ямы, одевавшие пропасти и тоннели, невидимо открывавшиеся по обеим сторонам в логовища, убежища, коридоры и большие залы Пещерников, невидимые, но создававшие ощущения пустот, где темнота сгущалась еще больше.

Чем ниже, тем все более зловонными становились сквозняки. Погребенный воздух, казалось, стоял над веками копившейся грязью и отбросами, над невообразимыми пространствами непохороненных мертвецов, над давно заброшенными лабораториями, где готовились яды... Время от времени запах гниения становился таким густым, что Кавинант, казалось, видел его в воздухе. А из соседних пустот доносились холодные отдаленные звуки — треск камушков, падающих в бездонные пропасти, изредка — скрип камней, придавленных громадой горы, тихие хрустальные трескучие звуки, похожие на постукивание железных молотков, приглушенные погребальные детонации и долгие усталые вздохи, испарения утомления из древних подножий горы. Казалось, сама темнота бормочет, когда отряд проходит мимо.

Но в конце спуска они вышли к неровной лестнице, вырубленной в стене скалы, под которой разинулись голодные пасти темных пропастей. А после этого они шли через извилистые тоннели, по дну расщелин, над острыми скалистыми гребнями, вокруг ям со стонущей водой и зловонием разложения в их глубинах, под арками, напоминающими входы в гротескные пиршественные залы, поворачивали, карабкались вверх и продвигались наощупь в тоннеле, словно в полном опасностей лимбо, коварном и фатальном, однообразие которого нарушают только разные по виду и степени опасности угрозы. Нуждаясь в доказательстве своей собственной реальности, Кавинант двигался, прижав пальцы левой руки к сердцу.

Трижды отряд останавливался на широких ровных площадках, которые могли быть залами, выступами или вершинами пиков, окруженными бездной, и принимали холодную пищу при свете факела Биринайра. Каждый такой перерыв был облегчением; вид других лиц вокруг огня, потребление осязаемых продуктов действовали подобно утверждению или продлению способности отряда к длительному существованию. Однажды Кваан заставил себя даже пошутить, но его голос прозвучал в вечной тьме так пустынно, что никто не смог найти в себе сил для ответа. После каждой остановки отряд вновь бодро отправлялся в путь. И с каждым разом их мужество, получившее поддержку, улетучивалось все быстрее, словно тьма втягивала его в себя со все возрастающей прожорливостью.

Чуть позже старый Биринайр вывел их из холодных продуваемых коридоров в тесные, затхлые и душные коридоры вдалеке от главных вайтварренов. Чтобы уменьшить риск быть обнаруженными, он выбрал тропинку через район пещер, более мертвых, чем все остальные, — безмолвных и пустынных, где почти не осталось свежего воздуха. Но эта атмосфера чуть усилила напряжение отряда. Они двигались так, словно молча кричали в предчувствии какой-то слепой беды.

Они шли все дальше и дальше, и Кавинанту уже казалось, что это продлится несколько дней, и только по своему кольцу он мог определить, что это не так, по-

скольку оно еще не начало светиться от восхода луны. Но через некоторое время белое золото начало поблескивать, как красное пророчество. А если они все так же шли туда, где — теперь он это знал — была ночь, они не могли позволить себе отдыха для сна или даже долгую остановку. До пика настоящей силы Друла оставался всего один день.

Они шли по тоннелю, стены которого, казалось, вот-вот сомкнутся вокруг мерцающего огня Биринайра. Внезапно из тьмы перед Хайебрендом возник Террель, вернувшийся из разведки. Тротхолл, Морэм, Лифе и Кавинант поспешили подойти к ним. В голосе Терреля слышалось нечто, похожее на тревогу, когда он сказал:

— Сюда идут юр-вайлы, около полусотни. Они видели свет.

Тротхолл застонал, Морэм изрыгнул проклятие. Мейнфрол Лифе с шипением вздохнула и сняла с волос шнурок, словно собралась противостоять существу, из которого были сделаны ночные кошмары Раменов.

Но прежде, чем кто-то успел что-либо сделать, старый Биринайр, казалось, треснул, словно сухой сучок. С криком "За мной!" он повернул вправо и бросился в темноту.

Двое Стражей Крови тотчас помчались за ним. Лорды на мгновение замешкались. Потом Тротхолл воскликнул: "Меленкурион!" и устремился вслед за Биринайром. Морэм начал выкрикивать приказы; отряд быстро привел себя в боевую готовность.

Кавинант бежал за подпрыгивающим огнем Биринайра. В голосе Хайебренда не было слышно никакой паники. Этот крик "За мной!" побуждал Кавинанта бежать быстрее. Позади слышались первые команды и звуки сражения. Он не отводил взгляда от огня Биринайра и следовал за ним в низкий, совершенно лишенный воздуха тоннель.

Биринайр все так же на шаг или два опережал Стражей Крови.

Внезапно раздался какой-то жаркий звук, похожий на вспышку молний; откуда ни возьмись пелена голубого пламени окутала Хайербренда. Ослепительно детонирующая, она перегородила тоннель сверху донизу. Пламя ревело, словно в топке. И Биринайр замер в нем,

словно пригвожденный к месту, раскинув руки и ноги. Очертания его тела исказились судорогами. Рядом с ним вспыхнул и превратился в пепел посох.

Не колеблясь, двое Стражей Крови бросились в огонь. Он отшвырнул их назад, словно они ударились о каменную стену. Они вновь прыгнули к Биринайру, пытаясь протолкнуть его сквозь огненную пелену. Однако это было бесполезно: Биринайр оставался на том же месте — обугленная жертва в паутине голубого огня.

Стражи Крови готовы были прыгнуть еще раз, когда их прогнал Высокий Лорд. Ему пришлось кричать, чтобы голос был слышен сквозь треск силы.

— Мое место! — крикнул он, почти рыдая. — Он умрет! Помогите Морэму!

Казалось, он перешел границу отчаяния или безумия, в глазах его был хаос. Раскинув руки, он пошел вперед, пытаясь обнять Биринайра.

Огонь яростно отбросил его прочь. Он упал и долгое время лежал, прижавшись лицо к каменному полу.

Позади нарастал шум битвы. Юр-вайлы образовали клин, и даже со всей помощью Стражей Крови и воинов Морэм едва удерживался на ногах. Первый натиск атакующих отбросил отряд назад; Морэм отступил на несколько шагов назад, в глубь тоннеля, где висел Биринайр. Там он остановился. Несмотря на крики Тротхолла и рев пламени позади него, он стоял лицом к юр-вайлам.

Тротхолл тяжело поднялся. Голова его тряслась на усталой старческой шее, но в глазах уже больше не было безумия.

Ему потребовалось еще мгновение, чтобы собраться, зная о том, что он уже опоздал. Затем, собравшись с силами, он резко ударил посохом по голубой стене.

Дерево с металлическим наконечником высекло ослепительную вспышку. Мгновение Кавинант ничего не видел. Когда его зрение восстановилось, он обнаружил, что посох Тротхолла тоже висит в пелене огня. Биринайр же лежит теперь в тоннеле за огненной рекой.

— Биринайр! — воскликнул Высокий Лорд. — Мой друг!

Казалось, он считал, что смог бы помочь Хайербренду,

если бы вовремя успел добежать до него. Он снова бросился на пламя и снова был отброшен назад.

Юр-вайлы продолжали свирепые атаки в голодном молчании. Двое из йомена пали при отходе в тоннель, и еще один умирал сейчас с железным наконечником в сердце. Одна из женщин оказалась слишком близко от клина, и ее рука была отрублена.

Морэм со все возрастающим отчаянием сражался с мастером учения. Вокруг него мастерски сражались Стражи Крови, но даже им редко удавалось отыскать уязвимые места в клине.

Кавинант смотрел сквозь голубую пелену на Биринайра. Лицо Хайебренда не было повреждено, но на нем остались следы агонии, словно после того, как его душа была сожжена, он еще оставался жить в течение одного мгновения. Остатки одежды висели на нем обожженными клочьями.

— За мной!

В этом крике не было паники. У Биринайра появилась какая-то идея. Его крик отдавался эхом и звал за собой. Его мантия развивалась позади него...

— За мной!

Кавинант что-то забыл — что-то важное. Он дико бросился вперед.

Морэм пытался усилить свои удары. Его сила, словно молнии, обтекала посох по мере того, как он наносил удар за ударом по мастеру учения. Ослабленный потерями, клин стал понемногу подаваться назад.

Кавинант остановился в нескольких дюймах от огненной стены. Посох Тротхолла находился внутри, подвешенный вертикально, словно вилка. Пламя, казалось, скорее поглощало, нежели выделяло тепло. Кавинант почувствовал, как немеет от холода. В ослепительном голубом сиянии он увидел шанс к бегству, к спасению.

Внезапно мастер учения юр-вайлов издал лающий крик и прорвался сквозь строй. Он нырнул мимо Морэма и устремился в тоннель, к стоящему на коленях Высокому Лорду. Глаза Морэма опасно сверкнули, но он продолжал битву. Резко приказав что-то Кваану, он с еще большей силой врубился в клин юр-вайлов.

Кваан вырвался из боя. Подбежав к брошенному лу-

ку, он натянул тетиву и выпустил стрелу прежде, чем мастер учения достиг Тротхолла.

Кавинант смутно слышал раздавшийся в мертвом воздухе крик Высокого Лорда:

— Юр-лорд! Берегись!

Но он не обратил внимания. Его обручальное кольцо горело, словно осквернённая луна, было подобно скальному свету на мосту Варренов, Слову Предупреждения.

Протянув левую руку, он мгновение колебался, затем схватил посох Великого Лорда. Силы столкнулись. Кровавый огонь вырвался из его кольца, противодействуя фосфоресцирующей голубизне. Рев пламени достиг такой силы, которая уже не воспринималась на слух. Потом последовал мощный взрыв, безмолвная силовая вспышка. Пол тоннеля подбросило, словно киль корабля ударился о рифы.

Белая пелена распалась в клочья. Кваан опоздал, чтобы спасти Тротхолла. Но юр-вайл не стал нападать на Великого Лорда. Перепрыгнув через него он устремился к Кавинанту. Кваан изо всех сил согнул лук и выстрелил в спину твари.

Мгновение Кавинант стоял неподвижно, покачиваясь и с ужасом глядя во внезапную темноту. Тусклое оранжевое пламя горело на его руке и кольце, но сияющая голубизна исчезла. Огонь не причинял боли, хотя сначала он горел на нем, словно Кавинант был сухим деревом. Он был холодным и пустым и вскоре погас, рассыпавшись шипящими искрами, словно у Кавинанта не было достаточно тепла, чтобы питать его.

Потом мастер учения со стрелой Кваана, застрявшей точно между лопатками, обрушился на него и распластал на каменном полу.

Некоторое время спустя Кавинант очнулся и поднял голову, полную тумана. Единственным источником света был огонь Морэма, все еще отражавшего натиск юр-вайлов. Потом этот огонь тоже погас; юр-вайлы были разогнаны. Тьювор и Стражи Крови бросились за ними, чтобы не дать им донести Друлу о случившемся, но Морэм крикнул:

— Оставьте их! Все равно мы уже обнаружены. Теперь их донесения уже не играют роли.

В темноте раздавались стоны и вздохи; вскоре двое или трое из воинов зажгли факелы. Пламя отбрасывало на стены странные призрачные тени. Отряд собрался вокруг Морэма, и все пошли туда, где на коленях стоял Тротхолл.

Великий Лорд держал в руках обугленное тело Бирнайра. Но он не дал излиться сочувствию и горю членов отряда.

— Идемте дальше, — слабым голосом произнес он. — Найдите то, что хотел найти он, или узнайте, чего он хотел. Я скоро догоню вас.

Поясняя свои слова, он добавил:

— Он шел впереди вместо меня.

Морэм соболезнующим жестом положил руку на плечо Кавинанта и Высокого Лорда. Но опасность сложившейся ситуации не позволила ему медлить. Друл теперь почти наверняка знал, где они находятся; энергия, высвобожденная ими, должна была указать на них, как обвиняющий перст.

— Почему? — вслух задал себе вопрос Морэм. — Почему такая сила была расположена здесь? Друл не смог бы такого придумать.

Взяв в руки один из факелов, он пошел по тоннелю.

Словно в ответ Кавинант произнес:

— Я забыл свою одежду — оставил ее сзади.

Но этим он отвечал на другой вопрос.

Морэм склонился над ним. Осветив его лицо факелом, Лорд спросил:

— Ты ранен? Я не понимаю, при чем тут твоя старая одежда?

Чтобы ответить на этот вопрос, казалось, потребуется не один год, но Кавинант ответил с легкостью, словно онемение и туман подарили ему красноречие:

— Конечно, я ранен. Вся моя жизнь — это сплошная рана.

Едва ли он расслышал свои собственные слова.

— Неужели ты не понимаешь? Если бы проснулся и обнаружил на себе свою старую одежду, а не это тряпье в пятнах от мха, то это доказывало бы, что я в самом деле спал, и все это мне приснилось. Если бы это не было таким успокаивающим, я бы ужаснулся.

— Ты подчинил себе огромную силу, — пробормотал Морэм.

— Это была случайность. Все получилось само собой. Я пытался... я пытался бежать, сжечь себя.

Потом им овладело страшное опустошение. Он опустил голову на камень и уснул.

Его отдых длился недолго; воздух в тоннеле был слишком тяжелым, а отряд был полон слишком кипучей деятельности. Когда он открыл глаза, то увидел Лифе и несколько воинов, готовивших пищу на слабом огне. С песней на дрожащих губах и со слезами, струящимися из глаз, Тротхолл с помощью своего голубого огня прижигал женщине-воину культю обрубленной руки.

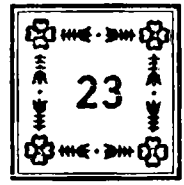
Кавинант смотрел, как она переносила боль; только когда запястье было туго забинтовано, она позволила себе потерять сознание. Кавинант отвернулся, словно чужая боль причиняла страдания ему самому. С трудом поднявшись на ноги, он ощутил ужасное головокружение и вынужден был опереться о стену. Так он стоял, сгорбившись, пока не вернулся Морэм в сопровождении Кваана, Корика и двух других Стражей Крови.

Вохафт нес небольшой металлический сундук.

Подойдя к огню, Морэм заговорил в спокойном удивлении:

— Эта энергия была защитой, устроенной здесь Высоким Лордом Кевином. За тоннелем находилась пещера. Там он спрятал вторую заповедь Учения Кевина — Вторую из Семи.

Лицо Высокого Лорда Тротхолла озарилось надеждой.

КИРИЛ ФРЕНДОР

Тротхолл благоговейно принял сундучок. Его пальцы дрожали, открывая запоры. Когда он поднял крышку, бледное перламутровое свечение, подобно чистому лунному свету, засияло изнутри. Этот блеск придал его лицу выражение блаженства, когда он осторожно опустил руку внутрь и вынул оттуда древний свиток. Когда он поднял его вверх, члены отряда увидели, что сияние исходило именно от свитка.

Кваан и его йомен опустились на одно колено перед Заповедью и склонили головы. Морэм и Тротхолл стояли прямо, словно чувствуя на себе испытывающий взгляд хозяина их жизней. Когда первое удивление прошло, Лифе присоединилась к воинам. Только Кавинант и Стражи Крови не проявляли никакого благоговения. Товарищи Тьювора были все время настороже, а Кавинант устало оперся на стену, пытаясь справиться с подступающей дурнотой.

Но важность свитка все же не осталась им незамеченной. Надежда восстала против головокружения. Он боком придвинулся к сундуку.

— Биринайр знал... о том, что вам здесь придется обнаружить? Значит, поэтому...

— Почему он побежал сюда? — Голос Морэма звучал рассеянно; все в нем, кроме голоса, было сосредоточено на свитке, который Тротхолл держал, словно могущественный талисман.

— Может быть, это не исключено. Он знал старые карты. Без сомнения, они были даны нам в первой заповеди с тем, чтобы в свое время мы бы смогли найти дорогу сюда. Возможно, его сердце видело то, чего не видели наши глаза.

Кавинант помолчал, потом спросил, стоя все так же боком:

— Почему ты дал юр-вайлам возможность бежать?

На этот раз Лорды, казалось, обратили внимание на его серьезность. Бросив на него пронизывающий взгляд, Тротхолл положил свиток на место. Когда крышка закрылась, Морэм строго ответил:

— Ненужные смерти, Неверующий. Мы пришли сюда не для того, чтобы убивать юр-вайлов. Ненужными убийствами мы повредим себе больше, чем риском оставить в живых несколько врагов. Мы сражаемся при необходимости, а не в ярости вожделения. Нельзя компрометировать Клятву Мира.

Но это тоже не дало ответа на вопрос Кавинанта. Усилием он помог надежде одержать верх.

— Все равно. Эта Вторая Заповедь, она удваивает вашу силу. Вы могли бы отправить меня назад.

Лицо Морэма смягчилось от необходимости уверений и утешений против невозможных требований. Но его ответ был отрицательным:

— Ах, друг мой, вы забываете. Мы еще не овладели Первой Заповедью, хотя ее изучением занимались уже несколько поколений. Лучшим представителям Лосраата пока не удалось распутать главные тайны. Сейчас мы ничего не можем сделать с этой новой Заповедью. Может быть, если мы останемся в живых после этого похода, то в последующие годы узнаем что-нибудь из Второй.

Он замолчал. На лице его отразилось желание доказать свою мысль, но он ничего не сказал более до тех пор, пока Тротхолл не вздохнул:

— Расскажи ему все. Теперь мы можем себе позволить ничего не скрывать.

— Хорошо, — поспешно сказал Морэм. — По правде говоря, наше владение Второй Заповедью в такое время опасно. Из Первой совершенно ясно, что Высокий Лорд Кевин готовил Семь в строгом порядке. Его намерением было, чтобы Вторая Заповедь оставалась сокрытой до тех пор, пока не будет завершено изучение Первой. Очевидно, определенные аспекты его Учения несут в себе великие беды для тех, кто сначала не овладел определенными другими аспектами. Итак, он создал свои Заповеди и

защитил их силами, которые нельзя было разрушить до тех пор, пока не было закончено овладение предыдущим Учением. Теперь его намерение было нарушено. До тех пор, пока мы не проникнем в тайны Первой, для нас будет большим риском пытаться использовать Вторую.

Он выпрямился и глубоко вздохнул.

— Мы не желаем. Несмотря на всю опасность, это открытие, возможно, является величайшем событием нашего времени. Но все же оно не может осчастливить нас.

Тротхолл добавил тихим голосом:

— Мы никого не обвиняем и ничего не подвергаем сомнению. Откуда кому-то было знать, что мы здесь найдем? Но Судьба Страны теперь втрое зависит от нас. Если мы хотим нанести поражение Лорду Фаулу, мы должны овладеть силами, для которых еще не готовы. Поэтому мы черпаем надежду и страх из одного и того же источника. Не пойми нас превратно — мы с радостью принимаем этот риск. Овладение Учением Кевина — цель наших жизней. Но мы должны четко уяснить себе, что существует риск. Я вижу надежду для Страны, но гораздо меньше — для себя.

— И даже это видение призрачно, — твердо сказал Морэм. — Возможно, что Лорд Фаул завел нас сюда, чтобы нас предали силы, контролировать которые мы не можем.

Услышав это, Тротхолл пристально взглянул на Морэма. Потом Высокий Лорд медленно кивнул, выражая свое согласие.

Но его лицо не утратило выражение облегчения при уменьшении веса ноши, которое дал ему первый взгляд на Заповедь. Под влиянием этого он, казалось, способен был сбросить с плеч свой возраст. Теперь время Высокого Лорда Тротхолла, сына Двиллиана, будут долго помнить, если отряд выживет в Походе. Его решимость выражала взгляд в будущее, когда он закрывал сундук со Второй Заповедью; его движения были точными и решительными. Он отдал сундук Корику, прикрепившему его к своей обнаженной спине с помощью полос клинго, а сверху закрыв накидкой.

Но Кавинант смотрел на останки собственной надеж-

ды, смятой, как игрушечный домик. И у него не было прочной основы, чтобы построить его вновь. Он был слишком слабым и усталым, чтобы думать об этом. Он долго стоял, опершись о стену, опустив голову, словно пытаясь расшифровать карту рисунка на своей одежде.

Несмотря на опасность, отряд сделал в тоннеле передышку для отдыха и еды. Тротхолл высказал предположение, что остановка здесь была столь же непредсказуемой, как и любое их действие; поэтому, пока Стражи Крови стояли на посту, остальные по настоянию Высокого Лорда отдыхали. Сам он тоже лег, положив голову на сложенные руки и, казалось, сразу уснул таким спокойным и безмятежным сном, что это больше было похоже на подготовку, чем на отдых. Следуя его примеру, большинство членов отряда сомкнуло веки, хотя сон их был судорожным и прерывистым. Однако Морэм и Лифе остались бодрствовать. Морэм смотрел в огонь небольшого костра, словно ожидал какого-то видения, а Лифе сидела напротив него, сгорбив плечи под давящим весом горы, неспособная к отдыху под землей, словно отсутствие открытого воздуха и травянистой земли оскорбляло ее кровь Рамена. Сидя у стены, Кавинант смотрел на них, а потом ненадолго уснул, не заметив, как напряженность его кольца стала уменьшаться с заходом луны.

Потом Тротхолл проснулся, бодрый и освеженный, и разбудил отряд. После того, как все еще раз поели, он потушил костер. Вместо этого он зажег один из факелов Лиллианрилл. Огонь оплывал и опасно мерцал в густом воздухе, но Высокий Лорд предпочел его своему посоху для освещения тоннеля. Вскоре отряд был уже снова в пути. Не имея возможности поступить иначе, они оставили погибших лежать на каменном полу пещеры, где была найдена Заповедь. Это была единственная дань, которую они могли отдать Биринайру и убитым воинам.

Снова они шли в темноте, ведомые Высоким Лордом, через переплетающиеся черные лабиринтоподобные коридоры в толще Горы Грома. Воздух становился все плотнее, горячее и мертвее. За исключением редких подъемов, их путь главным образом вел вниз, к бездонным недрам Горы, ближе с каждым невидимым, неизмеримым лье к опасным, захороненным, дремлющим мрач-

ным ядам, к ужасным костям Земли. Все вперед и вперед шли они, словно околдованные темнотой, непроницаемой ночью. Они прокладывали свой путь в тяжком молчании, словно сдерживая рыдания. Они ничего не видели. Обстановка действовала на них, как тяжелая утрата.

По мере того, как они приближались к бьющемуся сердцу вайтварренов, становились громче и более различимы некоторые звуки — стук наковален, рев топок, вздохи боли. Время от времени они пересекали пласты горячего зловонного воздуха, подобные принудительной вентиляции склепов. И постепенно новый звук вкрался в их сознание — звук бездонного шипения. Долгое время они приближались к этому хаосу, не имея никакого представления, что это такое.

Позже они прошли мимо источника этой какофонии. Их путь лежал вдоль выступа огромной пещеры. Стены были освещены зловещим светом бурлящего оранжевого моря скального огня. Глубоко внизу находилось озеро из расплавленного камня.

После длительного пребывания в темноте яркий свет причинял боль глазам. Поднимающийся вверх едкий пар озера вливался в их легкие, словно пытаясь сбросить с карниза. Глубокий шипящий звук наполнял воздух. Огромные всплески магмы взмывались к потолку, а потом падали назад, в озеро, как рассыпающиеся башни.

Кавинант смутно услышал, как кто-то сказал:

— В дни великого Лорда Лорика Демонмгла отказалась от неудавшихся попыток воспроизводства в этом месте. Говорят, будто отвращение Демонмглы и Вайлов, которые их производили в собственной форме, ничем не удалось подавить. Это привело их к такому виду размножения, в результате которого появились и юр-вайлы, и Вейнхим. И это побудило сбросить их все слабые и испорченные образцы в ямы, подобные этой, — так сильно они ненавидели свою невидимую безглавость.

Застонав, Кавинант отвернул лицо к стене и прополз мимо пещеры в коридор сзади. Когда он оторвал руки от каменной опоры, то почувствовал, как судрожно дергаются его пальцы, словно они только что держались за края гроба.

Тротхолл решил остановиться здесь на отдых, сразу

за пещерой со скальным светом. Отряд быстро проглотил холодную пищу и вновь устремился во тьму. Из этого коридора они сделали два поворота, поднялись по длинному склону и, наконец, оказались на выступе какой-то трещины. Эта расщелина уходил влево. Кавинант машинально шел вперед, потряхивая головой, чтобы прояснить мысли. Юр-вайлы вертелись у него в мозгу, словно образы самоненавистничества и предупреждения. Неужели он обречен был на то, чтобы видеть себя даже в таких существах, как эти? Нет. Он скрипнул зубами. Нет! В свете заполнившихся всплесков лавы он начал бояться, что уже упустил свой шанс упасть.

Со временем им овладела усталость. Тротхолл объявил остановку на выступе, и Кавинант сам удивился тому, что почти мгновенно уснул в такой близости от пропасти. Но Высокий Лорд теперь уже видел свою цель и не давал отряду долго отдыхать. Подняв вверх оплывающий факел, он вновь повел его сквозь тьму во тьме.

Постепенно их осторожность начала исчезать. Приближалось полнолуние, и где-то впереди Друл готовился к встрече с ними. Тротхолл двигался так быстро, словно ему не терпелось пройти последнее испытание, и отряд ускоренным шагом шел за ним по выступу. В результате один из юр-вайлов застал их совершенно врасплох.

Он спрятался в узкой трещине в стене расщелины. Когда Кавинант проходил мимо, он выпрыгнул на него и всей тяжестью навалился на грудь. Его тупое безглазое лицо являло воплощение свирепости. Ударив Кавинанта, эта тварь схватила его за левую руку.

Сила удара отбросила Кавинанта назад, к пропасти. Какой-то миг он не осознавал опасности. Юр-вайл поглощал все его внимание. Подтянув руку Кавинанта прямо к своему лицу, он обнюхал ее, влажно хлюпая носом, словно ища что-то, а потом попытался засунуть палец с кольцом в свой рваный рот.

Кавинант отшатнулся еще на один шаг назад; его нога соскользнула с выступа. В это мгновение он вспомнил об алчной бездне, лежавшей внизу. Инстинктивно он сжал кулак и отбросил юр-вайла. Уцепившись за свой посох всей силой покалеченной руки, он метнул другой его конец в направлении Баннора. Страж был наготове и тотчас поймал конец посоха.

Какое-то мгновение Кавинант удерживал посох. На его левой руке всем своим весом повис юр-вайл. Посох вырвался из руки Кавинанта. Вместе с юр-вайлом, пытавшимся откусить его кольцо, он полетел в пропасть.

Прежде, чем он смог издать крик ужаса, сила, подобная силе большого валуна, ударила его, выбив воздух из легких, и лишила сознания.

Очнувшись после удара, он обнаружил, что задыхается в грязи, залепившей лицо. Он лежал лицом вниз на крутом склоне, покрытом сланцем, глиной и мусором, и все это набилось в рот и в нос. Он долго не мог пошевелиться и только кашлял и отплевывался. Спазмы сотрясали его, мало помогая.

Потом, задрожав от напряжения, он перекатился через бок и поднял голову. Откашлявшись и выбросив из себя целый фонтан грязи, он почувствовал, что может дышать. Но он по-прежнему ничего не видел. Потребовалась секунда, чтобы он осознал это. Он ощупал лицо, убедился, что глаза его целы и открыты. Но они не видели ничего, кроме полной и кромешной тьмы. Это было похоже на то, как если бы он ослеп от паники, словно его оптические нервы онемели от ужаса.

На некоторое время им и вправду овладела паника. Лишившись возможности видеть, он почувствовал, как пустой воздух засасывает его, словно он тонул в зыбучих песках. Ночь била по нему крыльями, словно стервятники, слетевшиеся на падаль.

Сердце билось тяжелыми толчками страха. Он стоял на коленях, покинутый, лишенный зрения, света и разума крайней степенью своего ужаса, и его дыхание булькало в горле. Но когда первый приступ ужаса прошел, он понял все. Страх — это эмоция, которую он понимал, часть условия его существования. И его сердце продолжало биться. Работая с перебоями, словно раненое, оно все еще поддерживало в нем жизнь.

Внезапно конвульсивно он поднял кулаки и ударил в грязь по обе стороны от головы, отбивая ритм своего пульса, словно пытаясь выбить из грязи разум.

— Нет! Нет! Я выживу!

Это утверждение укрепило его. Выжить. Он был прокаженным, привычным к страху. Он знал, как с ним

обращаться. Дисциплина, дисциплина... Он прижал руки к глазам — на фоне черного появились красные пятна. Он не ослеп. Он видел темноту. Он упал и теперь не видел единственного источника света в катакомбах; разумеется, он не мог видеть.

Ад и кровь!

Он инстинктивно потер руки и вздрогнул, ощутив на них царапины.

Дисциплина.

Он был один... один... Без света, где-то на дне выступа расщелины, за много лье до ближайшего выхода на открытый воздух. Без помощи, без друзей, без средств к спасению; для него внешняя поверхность горы была так же недосягаема, как если бы ее вообще не было. Спастись было невозможно, если только...

Дисциплина...

Если только он не найдет какой-нибудь способ умереть.

Проклятье!

Голод. Жажда. Ранение, потеря крови. Он легкомысленно перечислил все возможности, словно производил процедуру самопроверки. Он мог стать жертвой какого-нибудь порожденного тьмой яда. Мог наткнуться на более глубокую пропасть. Безумие, да. Это не то же самое, что проказа.

Крылья ночи хлопали вокруг него, головокружительно вращались на фоне слепой черноты. Кавинант бессознательно поднес руки к голове, пытаясь как-то защититься.

Проклятье!

Ничего со мной не происходит!

Дисциплина!

Его осенила фатальная идея. Он ухватился за нее, как за видение. Да! Он быстро переменил позу и теперь сидел на склоне. Ощупав пояс, он нашел нож Этьеран. Тщательно зажав его в искалеченной руке, он начал бриться.

Не имея ни воды, ни зеркала, он подвергал себя реальной угрозе перерезать горло, а сухость бороды причиняла ему боль, словно он использовал нож, чтобы придать своему лицу новую форму. Но этот риск, эта боль были частью его самого; ничего невозможного в этом не

было. Если он порежется, то грязь на лице сделает заражение почти неминуемым. Это успокоило его, как демонстрация собственного опознания и идентификации.

Таким образом он заставил тьму отступить, втянуть когти.

Когда с бритьем было покончено, Кавинант усилием воли заставил себя оценить ситуацию. Ему хотелось знать, где он находится. Осторожно, на ощупь он начал исследовать склон, двигаясь на четвереньках.

Прежде, чем он продвинулся на три фута, ему попалось тело. Плоть его была еще мягкой, словно не успев застыть, но грудь была холодной и покрытой какой-то жидкостью, в которой Кавинант испачкал руку и ощутил запах гнилой крови.

Он отпрянул назад, застыв на месте, тяжело дыша и чувствуя, как дрожат колени. Это был юр-вайл, тот самый, что напал на него, разбившийся насмерть. Он хотел пошевелиться, но не смог. Шок открытия заморозил Кавинанта, словно он внезапно открыл опасную дверь; он чувствовал себя в окружении опасностей, названия которым не знал. Почему это существо напало именно на него? Неужели оно чувствовало белое золото по запаху?

Потом его кольцо начало светиться. Кровавый отсвет превратил его в кружок тусклого огня вокруг пальца, в красные оковы. Но оно не отбрасывало света — даже не давало Кавинанту возможности увидеть сустав, на который оно было одето. Кольцо зловеще сияло перед ним, выдавая его любому взгляду, спрятанному в темноте, и не давало ему ничего, кроме страха.

Он не мог забыть, что это значило. Кровавая луна Друла всходила в полной фазе над Страной.

Открытие заставило Кавинанта вжаться в грязный склон. В горле у него стоял ком, словно насильственно втиснутый туда ужас. Даже бесконтрольный шум дыхания, казалось, указывал на него атакующим когтям и клыкам, таким невидимым в темноте, что он даже мысленно не мог их себе представить. Он был один, беззащитный и жалкий.

Если только он не найдет какой-нибудь способ воспользоваться силой своего кольца.

Он отбросил эту мысль в тот же миг, когда она возникла у него в голове. Нет! Никогда! Он был прокаженным; его способность выжить зависела от полного понимания и принятия своей импотенции, как неотъемлемой черты. Таков был закон проказы. Ничто не могло быть таким фатальным для него, ничто не могло разрушить его тело и разум с такой болью, как иллюзия. Силы во сне. И прежде, чем умереть, от стал таким же зловонным и обезображенным, как тот человек, которого он видел в лепрозории.

Нет!

Лучше сразу покончить с собой. Все, что угодно, только не это.

Он не знал, сколько прошло времени в этих раздумьях прежде, чем он услышал во тьме тихий звук — далекий, скользивший и зловещий, словно окружающая его ночь начала тихо дышать сквозь зубы. Этот звук оглушил Кавинанта, как удар в сердце. Вздрагивая в глухом страхе, он попытался отогнать его прочь. Однако тот постепенно становился все яснее — тихий шуршащий звук, похожий на дыхание, вырывающееся сквозь зубы из множества ртов... Он наводнил воздух, как кипящие паразиты, и по телу Кавинанта побежали мурашки.

Они шли за ним. Они знали, где он был, по его кольцу и шли за ним.

Перед глазами мелькнуло воспоминание о Вейнхим с металлическим острием в груди. Он закрыл правой рукой кольцо. Но в тот же миг он понял, что это бесполезно, и начал судрожно шарить руками по поверхности склона в поисках какого-нибудь оружия. Потом он вспомнил о ноже. Тот казался слишком мал, чтобы помочь ему. Но он сжал его левой рукой, а правой продолжал шарить вокруг, едва ли сознавая, что именно он ищет.

Это продолжалось довольно долго, и Кавинант не обращал внимания на создаваемый им шум. Потом его пальцы нащупали посох. Должно быть, Баннор уронил его, и тот упал неподалеку.

Шуршание приближалось. Это был звук множества босых ног, скользящих по камню. Они шли за ним.

Посох! Это был посох Хайербренда. Барадакас дал его Кавинанту. И тут он вспомнил его слова:

"В час тьмы вспомни о посохе Хайербренда!"

Если бы он мог зажечь его...

Но как?

Холодный воздух кишел вражескими тенями. Их шаги, казалось, скользили к нему сверху.

— Как? — в отчаянии крикнул он, пытаясь зажечь посох одним лишь усилием воли. — Барадакас!

Шаги все приближались. Он уже мог слышать хриплое дыхание сквозь шуршание их приближения.

На Праздновании Весны он зажегся для него. Дрожа от нетерпения, Кавинант прижал конец посоха к своему красному кольцу. И тотчас красное пламя расцвело на дереве, потом стало бледно-оранжевым и желтым, ярко разгораясь. Внезапный свет ослепил Кавинанта, но он вскочил на ноги и поднял посох над головой.

Он стоял у подножия длинного склона, занимавшего половину пола расщелины. Это беспорядочное нагромождение мусора и мягкой глины спасло ему жизнь, смягчив удар при падении и заставив его скатиться вниз вместо того, чтобы задержать на том месте, о которое он ударился. Впереди и позади него расщелина тянулась вверх далеко за пределы досягаемости света от его пламени. Неподалеку, скорчившись, лежал юр-вайл, и его черная кожа была мокра от крови. По полу расщелины, направляясь к нему, шла, шаркая ногами, разрозненная группа Пещерников.

Они еще были на расстоянии 30 ярдов, но даже издалека их вид удивил Кавинанта. Они выглядели не так, как другие Пещерники, которых он видел. Разница была не только в одежде, хотя эти существа были наряжены в яркие узорчатые наряды, словно королевские приближенные, развратные и бесстыдные. Физически они тоже различались. Они были старые, состарившиеся преждевременно, неестественно. Их красные глаза были затянуты перепончатыми пленками, а длинные конечности изгибались, словно кости в них за короткое время искривились. Их головы болтались на шеях, которые еще выглядели достаточно толстыми, чтобы быть сильными и прямыми. Их тяжелые, с выступающими венами руки

дрожали, как у паралитиков. От них исходило зловоние зла, мучений. Но они шли вперед с напряженной решимостью, словно им был обещан покой смерти после завершения этого последнего задания.

Справившись со своим удивлением, Кавинант угрожающе потряс посохом.

— Не приближайтесь ко мне! — прошипел он сквозь зубы. — Назад! Я заключил сделку!..

Пещерники словно бы и не слышали. Но они не стали нападать на него. Подойдя почти вплотную к Кавинанту, они окружили его неровным кольцом и, напирая с одной стороны, заставили его двигаться в том направлении, откуда они пришли.

Как только Кавинант понял, что они хотят отвести его куда-то, не вступая с ним в драку, он тотчас подчинился. Интуитивно он знал, куда они идут. Поэтому он медленно двигался внутри кольца вдоль расщелины, пока они не дошли до лестницы в левой стене. Это было грубое сооружение, кое-как прорубленное в скале. Но достаточно широкое, чтобы несколько Пещерников одновременно в ряд могли подниматься вверх. Кавинант сумел справится с головокружением, стоя возле стены, вдали от пропасти. Поднявшись на несколько сотен футов, они добрались до отверстия в стене. Хотя лестница уходила дальше вверх, Пещерники повели Кавинанта через это отверстие. Он оказался в узком тоннеле, в конце которого был виден скальный свет. Теперь Пещерники начали слегка подгонять Кавинанта, словно торопились поскорей доставить его на эшафот.

Потом волна жара и зловония окатила Кавинанта. Он вышел из тоннеля в Кирил Френдор.

Он узнал блеск отполированного камня граненых стен, зловоние, похожее на запах серы, разъедающей гниющую плоть, несколько входов, танец бликов, отбрасываемых огнем на пучки сталактитов высоко вверху. Все это было так живо для него, словно воплощение ночного кошмара. Пещерники ввели его в зал, а сами остались сзади, загородив вход.

Во второй раз Кавинант встретился с Друлом Каменным Червем.

Друл валялся на низком ложе в центре пещеры. Обе-

ими огромными руками он сжимал Посох Закона, и сначала Кавинант узнал его именно по этому Посоху. Друл изменился. Казалось, он поражен какой-то болезнью. Увидев Кавинанта, он визгливо захохотал. Но его голос был слаб, а смех — какой-то истеричный. Смеялся он недолго; казалось, он был слишком изможден для этого. Так же, как и Пещерники, приведшие Кавинанта, он был стар.

Но то, что случилось с ними, на Друла оказало особенно сильное разрушительное воздействие. Его конечности так искривились, что он едва мог стоять; слюна стекала с его отвисших губ, а он этого даже не замечал; и с него градом лил пот, словно он больше не был в силах выносить жару своего собственного обиталища. Он сжимал Посох жестом свирепой собственности и отчаяния. Лишь глаза его не изменились. Они сияли красным светом, не имея ни радужной оболочки, ни зрачка, и, казалось, пенились, как злобная лава, готовые проглотить.

Кавинант ощутил странное чувство смешанной жалости и отвращения. Но у него было лишь мгновение, чтобы удивиться перемене, происшедшей с Друлом. Потом ему пришлось собраться. Пещерники мучительно заковыляли к нему.

Застонав от боли в ногах, Друл остановился в нескольких шагах от него. Оторвав одну руку от Посоха, он указал трясущимися пальцами на обручальное кольцо Кавинанта. Заговорив, он начал дергать головой, бросать долгие злобные взгляды через плечо, словно обращаясь к невидимому зрителю. Его голос был таким же дряхлым и больным, как его руки и ноги.

— Мое! — прокашлял он. — Ты обещал. Мое. Лорд Друл, Посох и кольцо. Ты обещал. Сделай это, сказал ты. Сделай то. Не уничтожай. Подожди пока. — Он злобно сплюнул. — Убей позже. Ты обещал. Кольцо, если я сделаю то, что ты сказал. — Он был похож на больного ребенка. — Друл Лорд Друл! Власть! Теперь моя!

Пуская густую слюну, он протянул руку к кольцу Кавинанта.

Кавинант мгновенно отреагировал на это. Размахнувшись своим горящим посохом, он нанес быстрый удар, отбросив прочь лапу Друла.

От удара его посох разлетелся в щепки, словно руки Друла были из сверхпрочного материала.

Но Друл издал кашляющий рев ярости и ударил по полу наконечником Посоха Закона. Камень подпрыгнул под ногами у Кавинанта; потеряв равновесие, он упал на спину, ударившись так, что, казалось, сердце замерло.

Он лежал, оглушенный и беззащитный. Сквозь пульсирующий шум в ушах он слышал, как Друл крикнул:

— Убейте его! Дайте кольцо!

Кавинант перекатился на живот. Пот заливал глаза; он смутно видел Пещерников, ковылявших к нему, замыкавших его в кольцо. Сердце его, казалось, было парализовано, и он никак не мог подняться на ноги. Хватая ртом воздух, он попытался отползти подальше.

Первый Пещерник схватил его за шею, потом вдруг застонал и упал рядом. Тут же упал и еще один Пещерник; остальные в смятении отступили. Один из них со страхом воскликнул:

— Стражи Крови! Лорд Друл, помоги нам!

— Глупцы! — неистовствовал Друл, кашляя так, словно его легкие разрывались в клочья. — Трусы! Я — это сила! Убейте их!

Кавинант наконец поднялся на ноги, вытер пот со лба и обнаружил, что рядом с ним стоит Баннор. Одежда Стража Крови клочьями свисала с плеч, а один глаз заплыл от огромной царапины, пересекавшей бровь. Но руки его были такими же ловкими. Он стоял, опираясь на пятки, готовый прыгнуть в любую сторону. В его бесстрастных глазах тускло мерцал огонь битвы.

Кавинант ощутил такое облегчение, что ему захотелось обнять Баннора. После долгих скитаний в темноте и последовавших за этим событий он чувствовал себя внезапно спасенным, почти избавленным от всего. Но его хриплый голос скрыл эмоции:

— Какого черта тебя так долго не было?

Пещерники медленно двинулись вперед, осторожно окружая Кавинанта и Баннора. Друл подгонял их хриплыми выкриками.

Над головой весело мигали сталактиты.

Со странной рассеянностью Баннор ответил, что, убив

юр-вайла, он неудачно упал и потерял сознание. Потом ему никак не удавалось обнаружить Кавинанта в темноте.

Подгоняемый скрипучими командами Друла, один из Пещерников хотел напасть на Кавинанта сзади. Но Баннор, молниеносно повернувшись, сшиб его с ног одним ударом.

— Тебя обнаружил огонь твоего посоха, — продолжил он. — Я решил последовать за тобой.

Он сделал паузу, чтобы расправиться с двумя ближайшими нападающими. Те поспешно отступили. Когда он заговорил снова, в его голосе слышалась неподдельная честность:

— Я медлил со своей помощью, решив сначала получить доказательства, что ты не враг Лордам.

Что-то в самоотрешенном и бескорыстном лице Баннора, обращенном к смерти, передалось Кавинанту. Он ответил без обиды:

— Подходящее ты выбрал время для проверок, нечего сказать.

— Стражи Крови подвержены сомнениям. Мы должны быть уверены.

Друл собрался с силами и яростно завопил:

— Глупцы! Черви! Боитесь всего двоих! — Он сплюнул. — Идите! Смотрите! Лорд Друл убивает!

Пещерники расступились, и Друл, вздрагивая, вышел вперед, держа перед собой Посох Закона, словно топор.

Баннор прыгнул и нанес удар прямо в лицо Друлу.

Но, несмотря на внешнее уродство, Друл был полон сил. Казалось, он даже не почувствовал удара Баннора. В тяжелой ярости он занес посох над головой, чтобы вызвать взрыв, который бы испепелил Баннора и Кавинанта на месте. Против того вида могущества, которым он сейчас владел, они были бессильны.

И все же Баннор, заслонив собой Кавинанта, приготовился принять удар.

Дрожа, Кавинант ждал боли, которая освободит его.

Но Друл уже опоздал. Он упустил шанс, пренебрегая другими опасностями. Как только он поднял посох, отряд под предводительством Первого Знака Тьювора и

Высокого Лорда Тротхолла ворвался в Кирил Френдор.

Они выглядели довольно потрепанными, словно только что закончили сражение с охраной Друла, но они были в полном составе и ворвались в пещеру, подобно решительной волне. Тротхолл остановил Друла решительным окриком. Прежде, чем Пещерники успели собраться вместе, воины йомена напали на них и выгнали из пещеры. В мгновение ока Друл был окружен широким кольцом воинов и Стражей Крови.

Медленно, с выражением замешательства, он начал отступать, пока не оказался в полулежачем состоянии на своем ложе. Оглядывая воинов, он словно никак не мог понять, что же произошло. Но его жилистые руки держали Посох смертельной хваткой.

Потом в его лавовых глазах появилось гротескное выражение хитрости. Кивая через плечо, он прошептал срывающим голосом:

— Вот это прекрасно. Прекрасно. Лучше, чем обещано. Все они здесь. Все маленькие Лорды и слабенькие Стражи Крови — люди. Готовься к уничтожению. — Он начал смеяться, но закашлялся. — Уничтожить! — прошипел он, справившись с собой. — Уничтожить силой. — Он издал какой-то звук, похожий на треск костей в горле. — Сила! Маленькие Лорды! Могучий Друл. Лучше, чем обещано.

Тротхолл пристально посмотрел на Пещерника. Отдав свой посох Морэму, он сделал шаг к ложу вместе с Тьювором. Он стоял, выпрямившись, лицо его было спокойным и ясным. После долгих лет самоотречения его глаза никогда не моргали и не вспыхивали. Красные глаза Друла, напротив, были ослаблены бесчисленными пресыщениями — присущими власти. Когда Высокий Лорд заговорил, даже его старческий голос звучал повелительно и внушительно. Он тихо сказал:

— Оставь это, Друл Каменный Червь, слушай меня. Посох Закона не принадлежит тебе. Он сделан не для тебя. Его сила может быть использована только в интересах здоровья Страны. Отдай его мне.

Кавинант сделал движение, чтобы присоединиться к

Высокому Лорду. Он чувствовал, что ему необходимо быть возле Посоха.

Но Друл лишь пробормотал:

— Власть? Отдать? Никогда.

Губы его продолжали двигаться, словно он так обдумывал секретные планы.

Тротхолл снова настойчиво сказал:

— Подчинись этому. Для своей же пользы. Неужели ты сам себе враг? Неужели ты не замечаешь, что с тобой произошло? Эта власть предназначена не для тебя. Она разрушает тебя. Ты неправильно использовал Посох. Ты воспользовался Камнем Иллеарта. Такие силы смертоносны. Лорд Фаул предал тебя. Дай мне Посох. Я постараюсь помочь тебе.

Но это предложение оскорбило Друла.

— Помочь? — прокашлял он. — Глупец! Я — Лорд Друл. Мастер! Луна моя! Власть моя. Ты мой. Я могу уничтожить. Старый человек, маленький Лорд. Я позволяю тебе жить, чтобы ты веселил меня. Помочь? Нет, танцуй. Танцуй для Лорда Друла. — Он угрожающе покачал посохом. — Расскажи мне. Рассмеши меня. Я позволяю тебе жить.

Тротхолл словно бы вырос и сказал тоном приказа:

— Друл Каменный Червь. Освободи Посох.

Он приблизился на шаг.

Рывком, похожим на истерические конвульсии, Друл занес Посох для удара.

Тротхолл рванулся вперед, пытаясь остановить его. Но Тьювор первым подскочил к Пещернику и схватился за конец Посоха.

Истекая слюной от ярости, Друл ткнул металлическим наконечником Посоха в тело Тьювора. Вспыхнул кровавый свет. В то же мгновение плоть Первого Знака стала прозрачной; отряд видел, как его кости горят внутри, словно сухие палки. Потом он упал, откинувшись назад, прямо на руки Кавинанту.

Вес его тела был слишком велик, чтобы Неверующий смог его удержать; под этой ношей он опустился на каменный пол. Не выпуская Тьювора, он смотрел на Высокого Лорда. Тротхолл схватился с Друлом. Он ухватился за Посох обеими руками, чтобы не дать Друлу ударить

его. Они принялись бороться за овладение им, пытаясь вырвать друг у друга.

Борьба казалась безнадежной для Тротхолла. Несмотря на всю свою дряхлость, Друл сохранил часть силы Пещерника. И у него была власть над Посохом. А Тротхолл был стар.

Держа Тьювора в объятиях, Кавинант не мог ничего сделать.

— Помоги ему! — крикнул он Морэму. — Его убьют!

Но Лорд Морэм повернулся спиной к Тротхоллу. Он опустился на колени рядом с Кавинантом, чтобы посмотреть, не сможет ли он помочь Тьвору. Осматривая его, он хрипло сказал:

— Друл хочет овладеть Посохом с помощью зла. Высокий Лорд может спеть более сильную песню, чем эта.

Кавинант в ужасе крикнул:

— Его убьют. Ты должен помочь ему!

— Помочь? — Глаза Морэма опасно сверкнули. Боль и сдерживаемая ярость сделали его голос резче, когда он сказал:

— Он не одобрил бы моей помощи. Он — Высокий Лорд. Вопреки моей Клятве... — у него на миг перехватило дыхание от сдерживаемой страсти, — я бы уничтожил Друла.

Он использовал это выражение Друла — "уничтожить" — с какой-то ноткой отчаяния, заставившей Кавинанта замолчать.

Тяжело дыша, Кавинант следил за поединком Высокого Лорда. Его ужасала опасность, которая подстерегала обоих Лордов, и та цена, которую они готовы были заплатить.

Потом битва закипела вокруг него, Пещерники с разных сторон устремились в Кирил Френдор. Вероятно, Друл был способен послать мысленный приказ — его охрана ответила. Первые силы, достигшие пещеры, были невелики, но этого было достаточно, чтобы весь отряд вступил в бой. Только Морэм не присоединился к остальным. Он стоял на коленях возле Кавинанта и гладил лицо Тьювора, словно зрелище умирающего Стража приковало его к месту.

Надрывно крича сквозь лязг оружия, Кваан приказал

своим воинам образовать оборонительное кольцо вокруг Друла и Лордов. Потери и усталость не прошли бесследно для йомена, но стойкий Кваан вел себя так, словно служба Лордам сделала его невосприимчивым к усталости. Вместе со Стражами Крови йомен сражался и наносил удары, вдохновляемый его ободряющими криками.

Возрастающая опасность вызвала у Кавинанта приступ головокружения. Тротхолл и Друл продолжали свой опасный поединок. Сражение вокруг становилось все яростнее. Умирающий Тьювор лежал у него на коленях. И Кавинант ничего не мог поделать со всем этим, не мог никому помочь. Вскоре все пути к отступлению будут отрезаны, и все их усилия будут напрасны.

Он не предполагал, что его сделка может иметь такой финал.

Друл мало-помалу теснил Тротхолла назад.

— Танцуй! — бушевал он.

Тьювор вздрогнул; его глаза открылись. Кавинант оторвал взгляд от Тротхолла. Губы Тьювора зашевелились, но он не произнес ни звука.

Морэм попытался успокоить его:

— Не бойся. Это зло будет побеждено — им занимаются Лорды. Твое имя будет вспоминаться с уважением везде, где ценится доверие.

Но Тьювор не сводил глаз с Кавинанта, и, наконец, ему удалось прошептать всего одно слово: "Верно?" Все его тело напряглось от усилия, но Кавинант не знал, чего он просит — то ли обещания, то ли приговора.

И все же Неверующий ответил. Он не мог отказать Стражу Крови, не мог отвергнуть мольбу такой беззаветной преданности. Слово застряло у него в горле, но он вытолкнул его наружу:

— Да.

Тьювор снова содрогнулся и умер с тихим стоном, словно оборвалась струна его клятвы. Кавинант обнял его за плечи и слегка встряхнул: ответа не было.

Друл тем временем уже заставил Тротхолла встать на колени и сгибал Высокого Лорда назад, чтобы сломить его. В беспомощности и ярости Кавинант взвыл:

— Морэм!

Лорд кивнул и поднялся на ноги. Но он не напал на

Друла. Держа свой посох над головой, он протрубил таким мощным голосом, что прорезал шум битвы:

— Меленкурион абафа! Минас милл кхабаел!

Его посох от одного конца до другого вспыхнул ослепительным пламенем.

Сила этих слов подбросила Друла и заставила сделать шаг назад. Тротхолл поднялся на ноги.

В Кирил Френдор ворвались новые силы Пещерников. Кваан и его йомен были оттеснены к самому ложу. Наконец Морэм пришел им на помощь. Его посох яростно пылал, когда он вступил в бой. Рядом с ним, словно дьяволы ветра, сражались Стражи Крови, прыгая среди Пещерников и нанося такие молниеносные удары, что существа, пытаясь нанести ответный удар, попадали друг в друга.

Но защитники Друла продолжали прибывать, вливаясь в пещеру. Отряд начал тонуть во все возрастающем кровопролитии.

Потом Тротхолл крикнул сквозь лязг оружия:

— Он у меня. Луна свободна!

Он торжествующе стоял на ложе Друла, высоко подняв Посох Закона. Друл лежал у его ног, всхлипывая, словно кусок разбитой скалы. Между спазмами горя существо хныкало:

— Отдай его мне. Он мне нужен.

Это зрелище вселило ужас в Пещерников. Они отпрянул назад, прижавшись к стенкам пещеры.

Получив передышку, Кваан и его воины повернулись к Тротхоллу и приветствовали его недружным хором. Голоса их были хриплыми и усталыми, но они ликовали, видя победу Высокого Лорда, словно он спас будущее Страны.

Тем временем танцующие огни Кирил Френдор продолжали свою игру над головой.

Кавинант быстро взглянул на кольцо. Оно по-прежнему сияло кровавым светом. Луна, возможно, и была свободной, но он не был.

Прежде, чем умолкли приветственные крики, прежде, чем кто-либо успел шевельнуться, новый звук обрушился на них. Сначала он был тихим, но, постепенно усиливаясь, наконец заполнил всю пещеру, как будто

обрушился потолок. Это был смех, смех Лорда Фаул, пульсирующий ликованием и бесконечной ненавистью. От этого он стал тяжелым, и казалось, его можно было потрогать руками. Он овладел ими, похоронив в их беспомощности; он парализовал их и, казалось, отделил от собственного сердцебиения и дыхания. Пока он оглушал, они были беспомощны.

Даже Лорд Тротхолл стоял неподвижно. Несмотря на свою победу, он стоял и казался старым и дряхлым, а его взгляд был отсутствующим, словно он смотрел в свой собственный гроб. И Кавинант, которому был знаком этот смех, не мог ему противостоять.

Но Лорд Морэм первым пришел в себя. Вскочив на ложе Друла, он взмахнул своим посохом над головой так, что воздух загудел, и голубые молнии взметнулись вверх к скоплениям сталактитов.

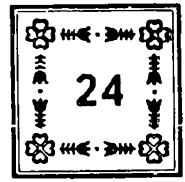
— Так покажись же, Презренный! — воскликнул он. — Если ты так уверен, давай встретимся лицом к лицу! Или ты так боишься испытать судьбу с нами?

Смех Лорда Фаул разразился еще сильнее, еще большим презрением. Но вызов Морэма разрушил его чары. Тротхолл прикоснулся к плечу Морэма. Воины, сжав в руках мечи, в мрачной готовности встали позади Лордов.

Новые Пещерники появились в пещере, хотя не делали попыток нападения. При виде их Друл приподнялся на своих уродливых ногах. Его кровавые глаза по-прежнему кипели, до конца сохраняя в себе ярость и злобу. Кашляя так, словно пытаясь откашляться или откашлять свое сердце, он выдавил из себя:

— Посох. Вы не знаете. Не могу им пользоваться. Глупцы. Спасения нет. Никому. У меня армия. У меня Камень. — С диким усилием он заставил свой голос быть слышным сквозь смех. — Камень Иллеарта. Сила и Власть. Я уничтожу. Уничтожу. — Взмахнув правой рукой в сторону своих охранников, он проскрежетал: — Уничтожить!

Размахивая оружием, Пещерники двинулись вперед.

ВЫЗОВ ЛЬВОВ

Они шли скоплением красных глаз, тусклых от пустой решимости. Но бесплотный смех Лорда Фаул, казалось, затормаживал их. Они шли через него вброд, словно через болото, и их мучительное приближение давало отряду время подготовиться. По команде Кваана воины окружили кольцом Морэма и Тротхолла. Стражи Крови тоже присоединись к ним.

Морэм позвал Кавинанта. Тот медленно поднял голову. Он посмотрел на своих товарищей, и ему показалось, что их число до жалкого сократилось. Он попытался встать на ноги. Но Тьювор был слишком тяжел, чтобы он смог его поднять. Даже в смерти тяжеловесная преданность Стража превосходила силу Кавинанта.

Он слышал, как Мейнфрол Лифе крикнула:

— Сюда! Я знаю дорогу!

Уворачиваясь от Пещерников, она прокладывала дорогу к одному из входов. Он смотрел ей вслед, как будто уже простился с ней. Он не мог поднять Тьювора, поскольку не мог удержать его правой рукой; двух пальцев было недостаточно.

Потом Баннор оттащил его от павшего Тьювора и втолкнул в защитное кольцо йомена. Кавинант сопротивлялся.

— Вы не можете его оставить!

Но Баннор молча проталкивал его среди воинов.

— Что ты делаешь? — протестовал Кавинант. — Нам надо взять его с собой. Если вы не пошлете его назад, его не заменят. — Он повернулся, чтобы обратиться к Лордам: — Вы не можете оставить его!

Губы Морэма сложились в скорбную линию.

— Мы должны.

Из отверстия выбранного ею тоннеля Лифе позвала:

— Сюда!

Захлестнув шнурок вокруг шеи одного из Пещерников, она использовала его в качестве защиты от нападения других.

— Дорога здесь!

Другие Пещерники устремились к ней, тесня ее в глубь тоннеля.

В ответ Тротхолл зажег свой старый Посох, взмахнул им и бросился на помощь Лифе. Вместе с Морэмом он прожег дорогу для отряда сквозь скопление Пещерников.

Яркий огонь Лордов наводил ужас на Пещерников. Но прежде, чем отряд добрался до тоннеля, выбранного Лифе, в пещеру рыча ворвался клин юр-вайлов из соседнего входа. Вел их могучий мастер учения, черный, как сами катакомбы, размахивавший металлическим палашом, казавшимся влажным от мощи или крови.

Тротхолл крикнул:

— Бежим!

Юр-вайлы устремились им наперерез.

Однако отряд оказался быстрее. Тротхолл и Морэм вбежали в тоннель и разделились, чтобы дать остальным пройти между ними.

Но один из воинов решил помочь своим товарищам бежать и внезапно отделился от йомена. Бешено вращая мечом, он бросился на клин юр-вайлов.

Морэм вскрикнул и бросился назад из тоннеля, чтобы помочь ему. Но мастер учения отшвырнул воина прочь одним ударом, и тот упал. Темная жидкость покрыла его с головы до ног; он вскрикнул, словно его погрузили в кислоту. Морэм едва избежал удара страшным палашом и отступил к Тротхоллу, внутрь тоннеля.

Там они попытались остановиться, противопоставив свой ослепительно голубой огонь юр-вайлам. Мастер учения набрасывался на них вновь и вновь; они отражали каждый удар своими посохами, брызги огненной жидкости, вспыхивавшие голубым светом, а потом быстро черневшие, рассыпались вокруг при каждом столкновении. Но клин сражался с яростью, которая шаг за шагом начал теснить Лордов в глубь тоннеля.

Кваан попытался вмешаться, отдав приказ свои лучшим лучникам выпустить стрелы в мастера учения. Но стрелы были бесполезны. Они загорались в черном могуществе юр-вайлов и превращались в пепел.

Позади отряда Лифе пыталась сосредоточиться, чтобы инстинкт подсказал ей путь к дневному свету. Она уже несколько раз звала Лордов последовать за ней. Но они не могли; нельзя было подставить спину клину юр-вайлов.

Каждый новый удар оттеснял их назад. Несмотря на все свое мужество и решительность, они сильно устали, а каждое новое нападение мастера учения ослабляло их еще больше. Теперь их огонь был не таким неистовым, а огненные брызги чернели быстрее. Было ясно, что долго им так не продержаться. И никто из отряда не мог помочь им.

Внезапно Морэм крикнул:

— Назад! Освободите проход!

Повелительность его тона не терпела возражений; даже Стражи Крови повиновались.

— Кавинант! — крикнул Морэм.

Кавинант вышел вперед, оказавшись всего лишь на расстоянии вытянутой руки от кипевшей битвы.

— Подними кольцо!

Вынужденный подчиняться силе приказа, Неверующий поднял левую руку. Кровавый отсвет все еще загрязнял сердцевину обручального кольца.

Мастер учения уставился на кольцо, словно внезапно учуял его запах. Узнав белое золото, он заколебался. Клин остановился, хотя мастер учения все еще оставался во главе.

— Меленкурион абафа! — скомандовал Морэм. — Взорви их!

Наполовину интуитивно Кавинант его понял. Он сунул прямо в рыло мастеру учения левый кулак, словно нанося удар.

Залаяв от непреодолимого страха, весь клин отпрянул назад.

В это мгновение Лорды начали действовать. С криком "Манас милл вхабалл!" они прочертили в воздухе своим огнем букву Х, перегородившую тоннель снизу доверху.

Пламя словно повисло в воздухе; прежде, чем оно погасло, Тротхолл поместил свой посох вертикально внутри его. Тотчас пелена голубого огня вспыхнула в тоннеле.

Завывая от ярости при виде хитрости Морэма, юр-вайлы ринулись вперед. Мастер учения нанес по огню чудовищный удар своим палашом. Огненная стена пошла рябью и затрепетала, но не пропустила клин.

Тротхолл и Морэм лишь одно мгновение наблюдали за действием своей защиты. Потом они повернулись и бросились в глубь тоннеля.

Тяжело дыша, Морэм сказал, обращаясь к отряду.

— Мы закрыли тоннель. Но защита продержится недолго. Мы недостаточно сильны; понадобился Посох Высокого Лорда, чтобы поставить хоть какой-то заслон. А юр-вайлы полны ярости. Друл наполняет их безумием с помощью Камня Иллеарта.

Несмотря на всю поспешность, голос его слегка дрожал.

— Теперь нам надо бежать. Мы должны спастись, должны! Все наши труды пропадут даром, если мы не обеспечим безопасность как Посоха, так и Заповеди.

— Идем! — ответила Мейнфрол. — Я знаю траву и небо. Я смогу найти дорогу.

Тротхолл кивнул в знак согласия, но движения его были медленными несмотря на необходимость торопиться. Он ужасно устал, и истощение жизненных сил давно уже превысило все нормы. Тяжело опершись на Посох Закона, он произнес хриплым голосом, клокотавшим глубоко в груди:

— Идите! Бегите!

Двое Стражей Крови взяли его под руки, и он, спотыкаясь, с их помощью медленно побежал по тоннелю. Собравшись вокруг него, отряд побежал за Лифе.

Сначала их путь был довольно легким; при виде каждого из них Лифе, казалось, испытывала мгновенную уверенность, что давало величайшую надежду на дневной свет. Освещаемая сзади Посохом Морэма, она быстро шла вперед, словно чувствуя теплый свет свободы.

После изнурительной борьбы обычный бег казался людям величайшим облегчением. Он позволял им сконцентрировать и сохранить силы. Более того, они удаля-

лись, словно медленно освобождались, из зоны распространения смеха Лорда Фаул. Вскоре они уже не слышали за спиной ни насмешек, ни угрозы нового кровопролития. Молчавшая темнота снова поддерживала их.

Они поспешно продвигались вперед почти лье, начав пересекать район катакомб, превращенный в лабиринт маленькими пещерами, коридорами и поворотами, но где, казалось, не было ни больших залов, ни склепов, ни мастерских вайтварренов. Однако Лифе без колебаний находила путь среди этих многочисленный коридоров. Несколько раз она выбирала дорогу, которая медленно выводила их вверх.

Но по мере того, как запутанные тоннели открывались в более широкие и темные коридоры, где огонь Морэма не достигал ни стен, ни потолков, катакомбы становились все более враждебными. Постепенно тишина менялась, теряла оттенок облегчения и становилась похожей на затаенное молчание ловушки. Тьма вокруг огня Морэма, казалось, становилась все более открытой. В поворотах и пересечениях тьма сгущалась, сбивая инстинкт Лифе. В ней появилась неуверенность.

Тротхолл тем временем все с большим трудом шел вперед. Его хриплое сопящее дыхание становилось все более прерывистым; даже самые слабые члены отряда слышали его хрипы сквозь свое тяжелое дыхание. Стражи Крови уже почти несли его.

И все же они продвигались вперед в непроглядную тьму. Они несли Посох Закона и Вторую Заповедь и не могли позволить себе сдаться.

Потом они добрались до высокой Пещеры, находившейся на пересечении нескольких тоннелей. Общее направление, которого они придерживаются после выхода в Кирил Френдор, продолжалось одним из коридоров, проходивших через пещеру. Но Лифе остановилась в центре пересечения дорог, словно удерживая натянутые поводья. Она радостно огляделась вокруг, смущенная необходимостью такого выбора и каким-то интуитивным отрицанием наиболее очевидного варианта. Качая головой, словно сопротивляясь движениям, она проговорила:

— Ах, Лорды, я не знаю.

Морэм резко сказал:

— Ты должна, у нас нет другого выбора. На старых картах не нанесены эти пути. Ты завела нас слишком далеко за пределы, изученные нами.

С этими словами он схватил ее за плечо, словно собирался силой заставить принять решение. Но в следующий миг его отвлек Тротхолл. Охваченный сильнейшим приступом кашля, Высокий Лорд сел на пол.

Один из Стражей Крови быстро придал ему сидячее положение, и Морэм опустился возле него на колени, вглядываясь со вниманием и заботой в его старческое лицо.

— Отдохни немного, — пробормотал Морэм. — Наша защита давно уже разрушена. Нам нельзя медлить.

Между приступами кашля Высокий Лорд ответил:

— Оставьте меня. Возьмите Посох и идите. Со мной все кончено.

Его слова ужаснули отряд. Кавинант и воины затаили дыхание, чтобы услышать ответ Морэма. Воздух вдруг стал напряженным от страха, что Морэм примет жертву Тротхолла.

Но Морэм ничего не сказал.

— Оставьте меня, — повторил Тротхолл. — Отдай мне свой посох, и я прикрою ваш отход, как смогу. Идите, говорю вам. Я стар. Я испытал времена своего триумфа. Я ничего не теряю. Берите Посох и идите.

Морэм и на этот раз ничего не ответил, и Тротхолл уже с мольбой в голосе прохрипел:

— Морэм, послушай. Неужели ты можешь позволить, чтобы мои старые кости стали причиной неудачи похода?

— Я слышу тебя. — Морэм опустился на колени, склонив голову.

Но мгновение спустя он поднялся откинул голову и начал смеяться. Это был спокойный смех — не лихорадочный и не вынужденный — смех облегчения и избавления от отчаяния. Все смотрели на него, открыв рот от удивления, пока наконец не поняли, что это не истерика. Потом, сами не зная, почему, они тоже засмеялись в ответ. Смех, словно чистый ветер, овеял их сердца.

Кавинант чуть не выругался вслух, так как ему все это было непонятно.

Когда все понемногу успокоились, Морэм сказал Высокому Лорду:

— Ах, Тротхолл, сын Дуиллиана. Это хорошо, что ты стар. Оставить тебя? А что за удовольствие для меня будет рассказывать Осандрее о твоих великих подвигах, если тебя не будет рядом, чтобы ты мог возразить на мое хвастовство?

Он снова весело рассмеялся. Потом, словно вспомнив о чем-то, вернулся в центр пещеры, где, погруженная в раздумья, стояла Лифе.

— Мейнфрол, — мягко сказал он, — ты все сделала правильно. Твой инстинкт тебя не подвел, вспомни о нем теперь. Отбрось все сомнения. Мы не боимся идти туда, куда ведет твое сердце.

Кавинант заметил, что Лифе, как и он, не смеялась вместе со всеми. В глазах ее была тревога; он догадался, что ее, вспыльчивую от природы, оскорбил прежний резкий тон Морэма. Но она мрачно кивнула головой Лорду.

— Хорошо. Мои мысли не доверяют моему сердцу.

— Как так?

— Мои мысли говорят мне, что мы должны идти в том же направлении, в каком мы шли. Но мое сердце указывает мне путь туда. — Она указала на тоннель, выходивший из пещеры почти в том же направлении, откуда они пришли. — Я не знаю, — просто заключила она. — Это для меня новое.

Но в ответе Морэма не было колебаний:

— Ты — Лифе. Мейнфрол Раменов. Ты служила Ранихинам. Ты знаешь траву и небо. Верь своему сердцу.

Мгновение спустя Лифе приняла его совет.

Двое Стражей помогли Тротхоллу встать на ноги. Поддерживая его, они присоединились к отряду, уходившему следом за Лифе в тоннель.

Этот коридор вскоре начал медленно опускаться, и идти по нему стало легко. Их поддерживала надежда, что преследователи не догадаются, куда они пошли, и не смогут им перезать путь или сразу броситься за ними в погоню. Но в полной темноте и тишине у них не было уверенности. По пути им не встречалось никаких отверстий, но коридор извивался, словно следовал какой-то жиле в горе. Наконец он открылся в нечто, производив-

шее впечатление огромного пустого пространства, и отсюда начался подъем по крутой поверхности горы, через ряд поворотов в обратном направлении. Теперь отряду приходилось карабкаться вверх.

Трудности восхождения замедляли скорость их передвижения. Чем выше они поднимались, тем холоднее становился воздух и тем больше начинало казаться, что в темной пропасти рядом с ними дует ветер. Но холод и ветер лишь делали заметнее их обильный пот и затрудненное дыхание. Лишь на Стражей Крови, казалось, все напряжение этих долгих дней не оказывало никакого воздействия; они размеренными движениями поднимались вверх по склону, словно это была лишь одна из разновидностей их бесконечного самоотречения. Но их товарищи были в гораздо худшем состоянии. Воины и Кавинант начали спотыкаться, словно калеки, на своем пути вверх.

Наконец Морэм объявил остановку. Кавинант рухнул на землю как камень, потом сел, прислонившись спиной к скале, глядя в черную бездонную пустоту. Пот, казалось, начал замерзать у него на лице. Люди разделили между собой последние остатки пищи и воды, но в этой огромной могиле ни то, ни другое, казалось, уже не способно были поддерживать их силы, словно тьма катакомб высосала из продуктов все питательные вещества. Кавинант механически жевал и пил. Потом он закрыл глаза, чтобы на время избавиться от пустой черноты. Но он видел ее и с закрытыми глазами.

Некоторое время спустя — Кавинант уже не отсчитывал его — Лорд Морэм произнес горячим шепотом:

— Я слышу их!

Ответ Корика звучал, словно вздох из гробницы:

— Да. Они идут за нами. Их очень много.

Шатаясь, словно от удара, люди снова начали взбираться вверх, перенапрягая остатки сил. Они чувствовали слабость от неудачи, словно двигались только потому, что их толкал вперед голубой огонь Морэма, заставляя, умоляя, используя лесть, понукая, вдохновляя, отказываясь принимать от них что-либо, кроме выносливости и еще раз выносливости. Не обращая внимания ни на что, кроме необходимости бежать, они продолжали подниматься.

Потом ветер завыл вокруг, и их путь изменился. Расщелина внезапно сузилась; они оказались на тонкой спиральной лестнице, вырубленной в стене вертикальной шахты. Ширина грубых ступеней позволяла им подниматься только по одному. И ветер с воем устремился вверх, словно покидая катакомбы в полном ужасе. Кавинант застонал, поняв, что ему придется пойти на риск еще одной опасной высоты, но натиск ветра был таким мощным, что падение казалось невозможным. Чувствуя головокружение, он карабкался вверх по лестнице.

Шахта уходила прямо вверх, и ветер завывал в ней, словно от боли; отряд поднимался, словно их тащил воздух. Но по мере того, как ствол шахты сужался, скорость ветра стала такой стремительной, что начала затруднять дыхание. Пока они, задыхаясь, карабкались вверх, головокружение стало охватывать их. Казалось, шахта начала опасно раскачиваться из стороны в сторону. Кавинант двигался уже на четвереньках.

Вскоре его примеру последовали и остальные.

Придавленный безвоздушным пространством, окружавшим его со всех сторон, Кавинант лег, распластавшись, на ступеньки. Он не двигался. До его слуха доносились смутные голоса, пытавшиеся перекричать шум ветра. Но они не доходили до сознания. Он чувствовал, что вот-вот задохнется, и единственное, что ему хотелось сделать, — это заплакать. Он едва мог вспомнить, что мешало ему излить свое горе прямо сейчас.

Чьи-то руки схватили его за плечи и втащили на плоский камень. Руки волокли его десять или пятнадцать футов по дну узкой щели. Вой ветра уменьшился.

Он услышал, как Кваан сдавленным запыхавшимся голосом ободрял его, и с усилием поднял голову. Он лежал в расщелине, выходившей одной стороной на восточный склон Горы Грома. Над плоским серым пространством далеко внизу всходило солнце.

Он был настолько оглушен, что даже слова радости звучали для него, как рыдания. Мимо один за другим выбирались на свет воины. Лифе уже спустилась на несколько футов с расщелины и, встав на колени, целовала землю. Вдалеке, за Сарангрейвом и Высокой Топью, царственно вставало солнце в своей алой короне.

Кавинант сел и посмотрел на Лордов, ожидая увидеть их торжество.

Однако вид у них был совсем не торжественный. Высокий Лорд сидел, сгорбившись, словно мешок старых костей, с Посохом Закона на коленях. Голова его была опущена, а лицо закрыто обеими руками. Возле него неподвижно стоял Морэм, и глаза его были холодны, как пустыня.

Кавинант не понимал.

Потом Баннор сказал:

— Здесь мы можем защищаться.

Ответ Морэма был тихим и горьким:

— Как? Друл знает здесь все входы и выходы. Если мы подготовимся к его появлению здесь, он нападет снизу или сверху. Он может бросить против нас тысячи.

— Тогда закрой этот вход, чтобы оттянуть время.

Голос Морэма стал еще тише:

— Высокий Лорд остался без своего посоха. Я не могу в одиночку защищать выход — я не обладаю такой силой. Или, может быть, ты считаешь, что я достаточно силен, чтобы сдвинуть стены этой расщелины? Нет, даже если бы я хотел таким образом разрушить землю. Мы должны бежать. Туда... — дрожащей рукой он указал вниз, на склон Горы.

Кавинант посмотрел туда. Расщелина срывалась в дно глубокого оврага, проходившего прямо внизу по склону Горы Грома, подобно ножевой ране. По краям этот разрез был завален нагромождениями камней — упавшими валунами, обломками скал, похожими на мертвую плоть горы. А стены были отвесными, непригодными для подъема. Отряду пришлось бы с трудом пролагать себе дорогу по дну оврага на расстояние половины лье. Здесь стены расступились, и овраг упирался в утес. Когда отряд добрался бы до него, то ему пришлось бы искать окружной спуск и совсем другой путь.

И все же Кавинант не понимал. При мысли о трудности перехода по оврагу ему хотелось застонать, но все же это был выход. Он чувствовал на своем лице солнечный свет. С трудом поднявшись на ноги, он пробормотал:

— Пошли.

Морэм посмотрел на него взглядом, полным подавлен-

ной боли. Но не высказал ее вслух. Вместо этого он тихо заговорил с Квааном и Кориком. Через несколько минут отряд спустился в овраг и продолжил путь.

Их продвижение было страшно медленным. Чтобы проложить себе дорогу, им приходилось карабкаться с камня на камень, перелезать через огромные валуны, протискиваться на четвереньках сквозь узкие щели между камнями. А они очень ослабли. Самым сильным воинам то и дело требовалась помощь Стражей Крови. Тротхолла практически пришлось нести. Он сжимал Посох и едва шевелился при подъемах. Когда приходилось прыгать с камней, он падал на колени; скоро его одежда спереди запачкалась кровью.

Кавинант начал чувствовать грозившую им опасность. Скорость их передвижения могла оказаться роковой. Если Друл знал другие выхóды на склон, его подчиненные могли добраться до конца расщелины прежде, чем это сделает отряд.

Но он один его понимал. После облегчения у воинов снова появился загнанный вид. Вскоре они едва тащились, карабкаясь и спотыкаясь, опустив головы и согнув спины, словно на них разом навалилась тяжесть их жизненного опыта. Солнечный свет не мог их обмануть, обещая безопасность.

Их страхи, подобно пророчеству, сбылись, когда отряд прошел все лишь полпути по оврагу. Один из воинов йомена, издав сдавленный крик, указал вверх на гору. Там они увидели целую армию юр-вайлов, вырвавшихся из расщелины, через которую они вышли сами.

Они попытались поскорее преодолеть заваленное дно оврага. Но юр-вайлы полились за ними, подобно черному потоку. Эти твари, казалось, прыгали с камня на камень, не боясь оступиться, словно движимые вперед силой своей жестокости. Они настигали отряд с чудовищной скоростью.

И юр-вайлы были не одни. Возле конца оврага на одной стене сверху внезапно возникли Пещерники. Заметив отряд, они тотчас начали спускать к ним в овраг. Отряд казался зажатым в клещи воинством Друла.

Они остановились на месте, парализованные ужасом. На мгновение даже Кваан утратил чувство ответствен-

ности за свой йомен; он растерянно озирался вокруг и не двигался. Кавинант сел, привалившись к большому валуну. Он хотел крикнуть горе, что это нечестно. Он уже столько пережил, столько потерял. Где его спасение? Было ли это ценой его сделки, его терпения? Она слишком велика. Он прокаженный, не приспособленный к таким испытаниям. Его голос, не подчиняясь, дрожал, полный беспощадной ярости.

— Не удивительно, что он... позволил нам завладеть Посохом. Чтобы сейчас удар был еще больнее. Он знал, что нам не удастся уйти с ним.

Но повелительный голос Морэма перерезал всеобщий ужас. Пробежав немного по оврагу, он взобрался на широкий плоский камень, возвышающийся над остальными.

— Здесь хватит места для всех нас! Сюда! — скомандовал он. — Мы приемем свой конец здесь!

Воины медленно вскарабкались на камень, словно под тяжестью поражения. Морэм и Стражи Крови помогли им подняться. Последним был Высокий Лорд Тротхолл, поддерживаемый под руки двумя Стражами. Он пробормотал: "Нет, нет". Но он не сопротивлялся приказам Морэма.

Когда все оказались на камне, йомен Кваана и Стражи Крови образовали кольцо по его краю. Лифе присоединилась к ним, туго натянув руками свой шнурок. Тротхолл, Морэм и Кавинант встали внутри оборонительного кольца.

Теперь юр-вайлы преодолели уже половину расселины, отделявшую их от камня, на котором стоял отряд. За ними следовали сотни Пещерников, вылезавших из расселины и спускавшихся в овраг со стены. Не меньшее их количество продвигалось в сторону отряда по верху, по стенам оврага.

Оценив силы Друла, Морэм тихо сказал:

— Мужайтесь, друзья. Вы хорошо послужили. А теперь давайте примем свою кончину так храбро, чтобы ее запомнили даже наши враги. Не отчаивайтесь. У исхода войны и победы много шансов. Давайте докажем Лорду

Фаулу, что ему никогда не вкусить победу до тех пор, пока не будет мертв последний из друзей Страны.

Но Тротхолл прошептал:

— Нет. Нет.

Глядя вверх на вершину Горы Грома, он встал на ноги и закрыл глаза. С медленной решимостью он поднял Посох Закона на уровень своего сердца и сжал его в обоих кулаках.

— Это должно быть возможно, — прошептал он. — Именем Семи! Должно.

Костяшки его пальцев побелели на загадочно изрезанной поверхности Посоха.

— Меленкурион скайвеа, помоги мне. Я не принимаю такой конец.

Брови его медленно сошлись над закрытыми глазами, а голова склонилась так, что борода коснулась груди. Из бледных губ вырвалась беззвучная, бессловесная песня. Но дыхание так хрипело в его груди, что песня больше походила на панихиду, чем на заклинание.

Силы Друла все еще изливались вниз и непреклонно устремлялись к отряду. Морэм смотрел на них с беспомощной усмешкой на губах.

Внезапно отчаянный шанс блеснул в его глазах. Он повернулся, взглянул на Кавинанта и прошептал:

— Есть еще выход! Тротхолл пытается вызвать Огненных Львов. Он не сможет этого сделать — сила Посоха закрыта, а мы не знаем, как освободить ее. Но это может сделать белое золото. Надо попробовать!

Кавинант отпрянул, словно Морэм предал его.

— Нет! — задыхаясь, произнес он. — Я заключил сделку...

Потом с головокружительной вспышкой внутреннего озарения он вдруг понял план Лорда Фаул, подстроенный для него, понял, что делает с ним Презренный. Это был убийственный удар, скрытый за всеми махинациями, за всеми уловками.

Ад и кровь!

Именно власть была точкой столкновения двух его противоположных безумий. Если бы он попытался воспользоваться дикой магией... если его кольцо обладает силой... если его кольцо не обладает силой... — Он

вздрогнул от кружения и ударов черных видений... Убитый отряд... уничтоженный Посох... тысячи мертвецов, вся эта кровь на его голове, его голове.

— Нет, — хрипло воскликнул он, — не проси меня. Я обещал, что больше не буду убивать. Ты не знаешь, что я сделал... с Этьеран... с... Я заключил сделку, чтобы мне больше не пришлось убивать.

Юр-вайлы и Пещерники были теперь в пределах полета стрелы. Воины йомена подняли луки наизготовку. Орды Друла замедлили приближение и начали готовиться к последнему прыжку.

Но Морэм не отрывал взгляда от Кавинанта.

— Если ты не сделаешь этого, то тем самым совершишь худшее убийство. Неужели ты считаешь, что Лорд Фаул удовлетворится нашими смертями? Никогда! Он будет убивать до тех пор, пока вся жизнь без исключения не будет уничтожена. Вся жизнь, слышишь ты? И даже эти существа, которые служат ему, не будет исключением.

— Нет! — снова простонал Кавинант. — Неужели ты не понимаешь? Именно этого он и хочет. Посох будет разрушен... или Друл будет уничтожен... или мы... Что бы ни случилось, он выиграет. Он будет свободен. Ты делаешь как раз то, чего он хочет.

— И, тем не менее, — с горячностью возразил Морэм, — Мертвые — это мертвые. Только живые могут сопротивляться Презренному.

Проклятье! Кавинант искал ответ! Как человек, неспособный на собственное горе, он искал ответ. Но он не нашел ответ. Никакая сделка или компромисс не отвечали его потребности. С болью в голосе он дико выкрикнул, протестуя и моля:

— Морэм! Это самоубийство! Ты просишь, чтобы я сошел с ума!

Угроза в глазах Морэма не дрогнула.

— Нет, Неверующий. Тебе не обязательно терять разум. Есть другие ответы, другие песни. Ты можешь найти их. Почему Страна должна быть уничтожена во имя твоей боли? Спаси или прокляни! Возьми Посох!

— Проклятье! — Яростно стаскивая свое кольцо, Кавинант прокричал: — Сделай это сам!

Он стащил кольцо с пальца и попытался бросить его Морэму. Но он дрожал, как сумасшедший, пальцы его не слушались. Кольцо упало на камень и откатилось в сторону.

Кавинант пополз за ним. Но у него не хватило ловкости схватить кольцо. Оно скользнуло мимо ног Тротхолла. Кавинант снова нагнулся за ним и, потеряв равновесие, упал, ударившись лбом о камень.

Потом он смутно услышал гул взлетевших стрел; битва началась. Но он не обратил внимания. Он чувствовал, что расколол себе череп. Подняв голову, он обнаружил, что со зрением не все в порядке: в глазах у него двоилось.

Пятна на его одежде, оставленные мхом, стали расплывчатыми и неясными. Если у него когда-то и был шанс расшифровать их рисунок, то теперь он был утрачен. Ему никогда не удастся расшифровать таинственное послание Моринмосса. Он увидел, как Морэм в двух лицах поднял его кольцо. Потом он увидел двух Тротхоллов над ним, державших Посохи и пытающихся из последних сил пробудить в нем энергию, подвластную его воле. Два Баннора, оторвавшись от битвы, повернулись к Лордам.

Потом Морэм сделал шаг к Кавинанту. Быстрым движением Лорд схватил его за правое запястье с такой силой, что Кавинанту показалось, будто хрустнули кости. Это заставило его руку раскрыться, и когда два его пальца оказались беззащитными, Морэм надел на одно из них кольцо. Кольцо застряло после первого сустава.

— Я не могу занять твое место, — проскрежетал двойной Лорд. Грубым движением он заставил Кавинанта подняться. Приблизив двойное лицо к Кавинанту, он прошипел: — Именем Семи! Ты боишься силы больше, чем слабости!

"Да! — мысленно простонал Кавинант, чувствуя ужасную боль в запястье и в голове. — Да! Я хочу выжить!"

Свист стрел теперь был почти непрерывным. Воины едва успевали перезаряжать свои луки. Но запас стрел был не безграничным. А юр-вайлы и Пещерники теперь держались поодаль, вызывая на себя огонь лучников, но терпя лишь минимальные потери. Силы Друла не спе-

шили. Особенно юр-вайлы, казалось, готовы были растянуть удовольствие расправы с отрядом.

Но Кавинанту было не до этого. Словно охваченный какой-то агонией, он смотрел на Морэма. У Лорда было два рта, губы прикрывали длинные ряды зубов и четыре глаза, все горящие повелительным огнем. Поскольку ему больше ничего не приходило в голову, он потянулся к своему поясу, достал нож Этьеран и протянул его Морэму. Сквозь зубы он произнес:

— Будет лучше, если ты убьешь меня.

Морэм медленно опустил руку. Его рот смягчился; огонь в глазах угас. Взгляд его, казалось, обратился внутрь, и он вздрогнул, увидев там нечто. Когда он заговорил, голос его был похож на пыль:

— Ах, Кавинант, прости меня. Я забылся. Гигант... Гигант понимал это. Я должен был прислушаться к нему более внимательно. Неправильно просить больше, чем ты отдаешь по собственной воле. Иначе мы становимся похожими на то, что мы ненавидим.

Он опустил запястье Кавинанта и отступил назад.

— Мой друг, это не твоя ноша. Она висит на нас, и мы понесем ее до конца. Прости меня.

Кавинант не в силах был ответить. Он стоял с перекошенным лицом, словно готов был разрыдаться. Глаза его болели от раздвоенности зрения. Доброта Морема подействовала на него сильнее, чем любой приказ. С жалким видом он повернулся к Тротхоллу. Неужели он не смог где-нибудь найти силу для этого риска? Быть может, тропа избавления лежала именно в этом направлении; быть может, ужас дикой магии и был той ценой, которую он должен заплатить за свою свободу. Ему не хотелось быть убитым юр-вайлами. Но когда он поднял руку, то не смог сказать, какая из двух рук принадлежит ему, какой из двух посохов был настоящим.

Потом с низким гудением пролетела последняя стрела. Пещерники издали громкий вопль злобы и ликования. По команде юр-вайлов они начали приближаться. Воины вытащили мечи, приготовились к бесполезной кончине. Стражи Крови замерли на пятках, готовые прыгнуть в любую сторону.

Дрожа, Кавинант попытался дотянуться до Посоха.

Но голова его кружилась, и клубящаяся тьма набрасывалась на него. Он не мог преодолеть свой страх, его ужасала мысль о мести, которую могла наслать на него проказа за такую дерзость. Рука преодолела половину расстояния и остановилась, в бессилии сжимая пустой воздух.

— Ах! — воскликнул он. — Помогите!

— Мы — Стражи Крови. — Голос Баннора едва слышился сквозь громкие вопли Пещерников. — Мы не можем позволить такой конец.

Твердо взяв руку Кавинанта он положил ее на Посох Закона, посредине между напряженными кулаками Тротхолла.

Сила, казалось, взорвалась в груди у Кавинанта. Беззвучное сотрясение, шок, не воспринимаемый слухом, потряс овраг, словно гора забилась в конвульсиях. Взрыв сбил несколько членов отряда с ног, расшвыряв их среди камней, а с ними всех юр-вайлов и Пещерников. Только Высокий Лорд удержался на ногах. Голова его гордо откинулась, и Посох забился у него в руках.

На мгновение в овраге воцарилась тишина, такая напряженная, что казалось, будто взрыв оглушил воем всех сражавшихся. И в этот миг все небо над Грейвин Френдор почернело от непереносимого грохота.

Потом раздался звук — какая-то глубокая нота, словно кричал сам камень горы, — сопровождаемый длинными волнами горячего, шипящего бормотания. Тучи опустились вниз, закрыв вершину Горы Грома.

Огромные желтые костры зажглись на скрытой тучами вершине.

Некоторое время отряд и нападавшие оставались на прежних местах в овраге, словно боясь пошевелиться. Все смотрели вверх, на огни и молнии.

Внезапно огонь начал извергаться. С чудовищным ревом, словно загорелся сам воздух, огненные языки, похожие на огромных голодных зверей, устремились вниз по всему пространству горного склона.

Завизжав от страха, Пещерники вскочили и побежали. Некоторые с безумным видом пытались вскарабкаться по стенам оврага. Но большинство, обтекая камень, где стоял отряд, бросились вниз, пытаясь опередить Огненных Львов.

Юр-вайлы поступили иначе. В яростной спешке они пронеслись вверх по оврагу, ко входу в катакомбы.

Но прежде, чем они оказались в безопасности, из расщелины над ними появился сам Друл. Пещерник двигался ползком, не в силах удержаться на ногах. Но в кулаке он сжимал зеленый камень, излучавший сквозь темноту туч нитевидное зло. Его вопли перекрыли даже рев Львов:

— Уничтожить! Уничтожить!

Юр-вайлы остановились, очутившись между двумя угрозами.

Воспользовавшись их замешательством, отряд заспешил вниз по оврагу. Тротхолл и Кавинант были слишком ослаблены, чтобы идти самим, поэтому их несли Стражи Крови, передавая друг другу через Камни, тащя по заваленному дну оврага.

Впереди Пещерники уже почти добрались до конца оврага. Некоторые из них были так ослеплены страхом, что наткнулись на утес, остальные рассеялись в том или ином направлении по уступу, пытаясь найти дорогу к спасению.

Но в тылу отряда юр-вайлы образовали клин и снова устремились вниз. Отряд едва успевал сохранять расстояние, отделявшее его от клина.

Рев воспламененного воздуха становился все более сильным и свирепым. Сдвинутые с места энергией вершины валуны сорвались со скалы. Огненные Львы катились, как слюна, выплюнутая из сердца. А еще дальше, над оврагом, удалявшееся завывание их мощи, казалось, удваивалось и утраивалось с каждым новым рывком вниз. Порыв обжигающего воздуха несся впереди, словно герольд, возвещающий о приближении огня и вулканического голода. Грейвин Френдор сотрясалась до самих корней.

Идти по оврагу стало немного легче, когда отряд приблизился к его нижней оконечности, и Кавинант нашел в себе силы идти самостоятельно.

Побуждаемый поврежденным зрением и перегруженным слухом, приходя постепенно в ярость, он вырвался из рук Стражей Крови. Двигаясь на негнущихся ногах, словно кукла, он влился в спотыкающуюся шеренгу направлявшихся к утесу.

Остальные члены отряда повернули вдоль утеса. Но он пошел прямо к пропасти. Когда он дошел до нее, его ноги едва нашли в себе силы остановиться. Шатаясь от слабости, он заглянул в бездну. Она падала отвесно на две тысячи футов, а утес был по меньшей мере в пол-лье шириной.

Спасение невозможно. Львы настигнут отряд прежде, чем он доберется до какого-нибудь спуска с утеса — намного раньше.

Люди окликали его, тщетно предупреждая, он едва слышал их сквозь рев воздуха. Он не обращал внимания. Это бегство был не тем, чего он хотел. И он не боялся падения; он не видел дна, чтобы бояться.

Ему надо было что-то делать. На мгновение он заколебался, собираясь с мужеством. Потом подумал, что кто-нибудь из Стражей Крови, вероятно, попытается спасти его. Он хотел выполнить свое намерение прежде, чем это могло случиться.

Ему нужен был ответ смерти. Стащив кольцо, он твердо зажал его в исковерканной руке и размахнулся, чтобы бросить с утеса.

Пока он заносил руку назад, его глаза следили за кольцом, и он внезапно остановился, пораженный ударом стыда. Металл был чист. Он по-прежнему видел два кольца, но оба были абсолютно одноцветными; пятна исчезли с них.

Повернувшись спиной к бездне, он посмотрел в овраг, ища Друла.

Он услышал, как Морэм крикнул:

— Баннор! Это его право!

Страж Крови мчался к нему. По команде Морэма Баннор резко остановился в десяти ярдах от Кавинанта, несмотря на свою Клятву. В следующий миг, отвергнув приказ, он снова прыгнул к Кавинанту.

Кавинант не мог сфокусировать зрение. Краем глаза он увидел Огненных Львов, несущихся к расщелине в верхней части оврага. Но остальное заслонил клин юрвайлов. Он был всего лишь в трех шагах. Мастер учения уже занес для удара палаш.

Кавинант истинктивно попытался двигаться. Но это получилось у него слишком медленно.

Он был как раз на пути у клина юр-вайлов, когда Баннор подлетел к нему, опрокинул его, а юр-вайлы с сумасшедшим торжествующим лаем, словно только что видели фантом, врезались в утес. Их вопли, когда они падали в пропасть, были все такими же свирепыми и ликующими.

Баннор помог Кавинанту встать и, поддерживая, подошел к отряду, но Кавинант вырвался и, спотыкаясь, прошел несколько шагов вверх по склону, напряженно осматривая овраг.

— Друл! Что случилось с Друлом?

Глаза его ничего не видели. Он остановился в нерешительности и яростно произнес:

— Я не вижу!

Морэм поспешил к нему, и Кавинант повторил вопрос, крикнув его прямо в лицо Лорду.

Морэм мягко ответил:

— Друл там, в расщелине. Сила, которой он не мог управлять, уничтожает его. Он уже не знает, что делает. Еще мгновение, и Огненные Львы проглотят его.

Кавинант попытался овладеть своим голосом и прошипел:

— Нет! Просто он — еще одна жертва. Все это Фаул спланировал заранее.

Несмотря на стиснутые зубы, его голос срывался.

Морэм успокаивающе прикоснулся к его лицу.

— Успокойся, Неверующий. Мы сделали все, что могли. Не надо проклинать себя.

Кавинант вдруг понял, что его ярость исчезла, превратилась в ничто. Он чувствовал себя разваливающимся на части и опустился на землю, словно кости не в состоянии были больше поддерживать его. Взгляд его был рассеянным, как паруса корабля-призрака. Не сознавая того, что делает, он надел обручальное кольцо на палец.

Остальные члены отряда шли к нему. Оставив попытки бегства, они смотрели на приближающихся Львов. Полночные тучи затемняли всю гору, и сквозь мрак прыгающие огни сверкали и переливались, словно звери из солнечного пламени. Они спрыгнули со стен в овраг, и некоторые из них повернули вверх, к расщелине.

Лорд Морэм наконец стряхнул с себя оцепенение.

— Зови своих Ранихинов, — скомандовал он Баннору. — Стражи Крови могут спастись. Возьмите Посох и Вторую Заповедь. Зовите Ранихинов и спасайтесь.

Баннор долго смотрел в глаза Морэму, оценивая приказ Лорда. Затем последовал твердый отказ:

— Пойдет один из нас. Чтобы доставить Посох и Заповедь к Колыбели Лордов. Остальные останутся.

— Почему? Мы не можем бежать. Вы должны жить и служить Лордам, которым придется продолжать это войну.

— Возможно. — Баннор слегка пожал плечами. — Кто знает? Высокий Лорд Кевин отослал нас от себя, и мы повиновались. Еще раз мы этого не сделаем.

— Но эта смерть бесполезна! — крикнул Морэм.

— Все равно, — голос Баннора был бесстрастным, как металл. Потом он добавил: — Но ты можешь позвать Хайнерил. Сделай это, Лорд.

— Нет, — вздохнул Морэм с усталой улыбкой. — Я не могу. Как я могу оставить остальных умирать?

Кавинант слушал вполуха. Он чувствовал себя, словно брошенный, и блуждал среди обломков своих эмоций в поисках чего-то, стоящего спасения. Но часть его разума поняла. Положив два пальца правой руки в рот, он издал короткий пронзительный свист.

Весь отряд посмотрел на него. Кваан, казалось, подумал, что Кавинант лишился рассудка; в глазах Морэма отразилась внезапная догадка. Но Мейнфрол Лифе взметнула свой шнурок высоко в воздух и воскликнула:

— Ранихины! Грива Мира! Он зовет их!

— Как? — возразил Кваан. — Он же отверг их!

— Они ржали в его честь! — ответила она с торжествующей улыбкой. — Они придут!

Кавинант перестал слышать вообще. Что-то происходило с ним, и он с трудом встал на ноги, чтобы встретить это достойно. Намерения его ситуации менялись. Его затуманенному взору члены отряда представали все более твердыми и сплошными, словно превращались в камень. И сама гора становилась все более несокрушимой. Она казалась такой же незыблемой, как краеугольный камень мира. Он чувствовал, как покров упал с его восприятия; он увидел незатуманенную Гору Грома во всей

ее непревзойденной силе. Он тускнел рядом с ней, его плоть становилась все тоньше и прозрачнее. Ветер, густой, как дым, дул сквозь него, замораживая кости. Горло его души сжалось в молчаливой боли.

— Что происходит со мной?

Из-за края утеса с южной стороны галопом выскочили Ранихины. Как сияние надежды, они обгоняли мчавшихся Львов. Хриплый крик радости вырвался у воинов.

— Мы спасены! — крикнул Морэм. — Времени хватит.

Вместе с остальными членами отряда он поспешил вперед, навстречу быстро приближавшимся Ранихинам.

Кавинант чувствовал, что его оставили одного.

— Что со мной происходит? — повторил он едва слышно, обращаясь к могучей горе.

Но Тротхолл был все еще рядом с ним. Кавинант слышал, как Высокий Лорд произнес теплым добрым голосом, казавшимся оглушительным, как раскаты грома:

— Друл мертв. Это он вызвал тебя, и с его смертью сила вызова исчезает. Ты многое сделал для нас. И, имея Посох Закона и Вторую Заповедь, мы сможем противостоять злу Презренного. Мужайся. Отчаяние и злоба — не единственные песни в мире.

Но Кавинант рыдал в безмолвном горе. Все вокруг него — Тротхолл, и отряд, и Ранихины, и Огненные Львы, и горы — стало слишком твердым. Они преодолели его ощущения и наконец исчезли из его восприятия в сером тумане. Он пошарил руками вокруг себя и ничего не почувствовал. Он не мог видеть; Страна исчезла из поля видения. Она была слишком велика для него, и он ее потерял.

ОСТАВШИЕСЯ В ЖИВЫХ

Серый туман клубился вокруг него в течение долгого конвульсивного мгновения. Потом он начал рассеиваться и наконец исчез совсем. Перед глазами Кавинанта поплыли пятна, словно какой-то жестокий бог надавил на его глаза пальцами. Он быстро заморгал и потянулся рукой к глазам, чтобы протереть их. Но что-то мягкое остановило его руку. Зрение оставалось мутным.

Он просыпался, хотя чувствовал скорее так, будто все больше и больше хмелел.

Постепенно он смог определить, где находится.

Он лежал в постели с цилиндрическими защитными перилами по бокам. Белые простыни укрывали его до самого подбородка. Серые занавески отделяли его от других пациентов в палате. Флюоресцентный свет пусто лил лучи с потолка мимо него. В воздухе слабо пахло эфиром и каким-то противобактерицидом. У изголовья кровати была прикреплена кнопка вызова.

Все его пальцы на руках и ногах были немы.

Нервные окончания не восстанавливаются, конечно нет, нет...

Это было важно — он знал, что это важно, — но по какой причине — это не имело никакого значения. Его сердце было слишком горячо для других эмоций, чтобы чувствовать лед открытия.

А имело для него значение то, что Тротхолл, Морэм и отряд выжили. Он уцепился за это, словно в этом было доказательство здравомыслия, свидетельство того, что все, случившееся с ним, не было продуктом безумия, саморазрушения. Они выжили, по крайней мере, его сделка с Ранихинами была ненапрасной. Они сделали точно то, что хотел от них Лорд Фаул, но они выжили. По

крайней мере, он не был виновен в их смерти. Его неспособность использовать кольцо, поверить в свое кольцо не превратила их в духов. В этом было его единственное утешение на фоне того, что он потерял.

Потом он различил две фигуры, стоявшие у подножия кровати. Одна из них была женщиной в белом — няня. Когда он попытался сосредоточиться на ней взгляд, она сказала:

— Доктор, он приходит в себя.

Доктор был мужчиной среднего возраста в темном костюме. Под глазами у него были мешки, словно он устал от всей человеческой боли, но губы под седевшими усами были мягкими. Подавшись к изголовью, он на мгновение коснулся лба Кавинанта, потом оттянул вверх его веко и поднес к зрачкам небольшой огонек.

С усилием Кавинант сосредоточил взгляд на этом огоньке.

Доктор кивнул и убрал фонарик.

— Мистер Кавинант?

Кавинант сглотнул, ощущая сухость в горле.

— Мистер Кавинант. — Доктор приблизил лицо к Кавинанту и говорил тихо и спокойно. — Вы в госпитале. Вас привезли сюда после того, как вы были сбиты полицейской машиной. Вы были без сознания около четырех часов.

Кавинант приподнял голову и кивнул в знак того, то он понял.

— Хорошо, — сказал доктор. — Я рад, что вы начали приходить в себя. А теперь позвольте мне немного с вами побеседовать.

Мистер Кавинант, офицер полиции, который вел машину, утверждает, что он не ударил вас. Он говорит, что остановился вовремя, а вы упали прямо перед машиной. Проведя осмотр, я склонен согласиться с ним. Ваши руки немного поцарапаны, на лбу тоже есть ссадина, но такое случается при падении. — Он на миг поколебался, потом спросил: — Так он все же ударил вас?

Кавинант покачал головой. Вопрос не казался ему слишком важным.

— Что ж, я думаю, вы могли потерять сознание, ударившись головой об асфальт. Но почему же вы упали?

Это тоже не казалось ему слишком важным. Движением руки Кавинант словно отодвинул вопрос в сторону. Потом попытался сесть в кровати.

Это ему удалось даже без помощи доктора; он не был так слаб, как опасался, как мог бы быть. Немота его пальцев все еще казалась неубедительной, словно они были должны войти в норму, лишь только в них восстановится нормальное кровообращение.

Нервные окончания не... Спустя миг к нему вернулся голос, и он попросил дать ему одежду.

Доктор пристально разглядывал его.

— Мистер Кавинант, — сказал он, — я бы позволил вам вернуться домой, если бы вы пожелали. Я думаю, мне стоит подержать вас под наблюдением день или два. Но мне и в самом деле не удалось найти у вас что-то серьезное. И к тому же вы лучше знаете, как обращаться с проказой, чем я.

От внимания Кавинанта не ускользнуло выражение брезгивости, мелькнувшее на лице у няни.

— Я, если быть до конца честным... — голос доктора на мгновение стал язвительным, — мне не хотелось бы выдерживать сражение со своим персоналом, чтобы за вами обеспечивали должный уход. Как вы — сможете справиться самостоятельно?

В ответ Кавинант начал стаскивать немыми пальцами тоскливую госпитальную белую пижаму, надетую на него.

Доктор тотчас подошел к шкафчику и вернулся с одеждой Кавинанта.

Кавинант тщательно осмотрел ее. Она был потертой и пыльной от падения на улице; и все же она выглядела точно такой, какой была в последний раз, когда он ее надевал, в первые дни Похода.

Словно ничего и не было.

Одевшись, он подписал справку о выписке. Его рука была такой холодной, что он едва мог написать свое имя.

Но отряд выжил. По крайней мере, его сделка пригодилась для этого.

Потом доктор довез его в кресле-каталке до выхода. Оказавшись снаружи, доктор внезапно начал говорить,

словно косвенно пытался извиниться перед Кавинантом за то, что не оставил его в госпитале.

— Должно быть, это ад — проказа, — быстро говорил он. — Я пытаюсь понять. Это как... Я учился в Гейдельберге давно. И во время учебы увлекался средневековым искусством. Особенно религиозным. Прокаженный напоминает мне фигуру Распятия, сделанную в средние века. На кресте распят Христос, и его облик — его тело, даже лицо — намечен так слабо, что фигура неузнаваема. Это мог быть кто угодно — мужчина или женщина. Но раны — гвозди в руках и в ногах, копье в боку, терновый венец — вырезаны и даже покрашены до мельчайших деталей так, что выглядят настоящими. Можно подумать, что художник распял свою модель, чтобы достичь такого реализма.

Должно быть, болезнь проказы похожа на это.

Кавинант чувствовал симпатию к доктору, но не мог ответить на нее. Он не знал, как это сделать.

Через несколько минут подъехала машина "скорой помощи" и отвезла его на Небесную Ферму.

Он выжил.

Он шел по длинному подъездному пути к своему дому, словно это была его единственная надежда.

ГЛОССАРИЙ

Авурака — Старший преподаватель в Лосраате.

Айрин — воин Третьего йомена Боевой Стражи.

алианта — драгоценные ягоды.

"алмазный глоток" — ликер Гигантов.

амамибхаван — целебная лошадиная трава, ядовитая для людей.

Аматин — Лорд, дочь Матин.

Амок — таинственный сторож и слуга древнего Учения.

Аморайн — Первый Хафт, позднее Хильтермарк.

анундивиан джиа — утерянное Раменами искусство костяной скульптуры.

аханкара — "Дверь".

Аханна — художница, дочь Ханны.

Банас Ниморам — Празднование Весны.

Бани — Страж Крови, в подчинении Лорда Тревора.

Баннор — Страж Крови, в подчинении Томаса Кавинанта.

Барадакас — Хайербренд Парящего Вудхельвена.

Бездомные — Гиганты.

Берек Полурукий — Сердечная мышца — основатель династии Лордов, первый из Старых Лордов.

Виринайр — Хайербренд, позднее Раб Сердца в колыбели Лордов.

Боевое Учение — раздел "Меч" Учения Кевина.

Боевая Стража — армия Колыбели Лордов.

Большой Камень — район Третгарда до реконструкции.

Борнаха — Хайербренд и Хатфел Колыбели Лордов.

Брабка — Ранихин, скакун Корина.

Брафер — люди, встреченные бродячими Гигантами.

Вайды — Хозяева Демонмглы.

вайтваррен — обиталище Пещерных Существ под Горой Грома.

Вариоль Дальновидец — муж Тамаранты, Лорд, затем Высокий Лорд, сын Пентиля, отец Морэма.

Вейлант — бывший Высокий Лорд.

Вейнхим — няньки Веймитов, порождения Демонмглы, но противоположные юр-вайлам.

Вейн — Корд Раменов.

Верхняя Страна — территория к западу от Края Земли.

Веремент — муж Метим, Лорд.

весеннее вино — мягкий освежающий напиток.

Виankем — место сбора в Ревлвуде.

Винхаум — самое низкое звание у Раменов.

Водопад Фел — водопад около Ревлстона.

Вомарк — дословно "боевой знак", командир Боевой Стражи.

Вохафт — дословно "боевая рукоять", командир йомена.

Вудхельвен — селение на дереве.

Вудхельвеннин — обитатель (ница) селения на дереве.

Высокий Лорд — глава Совета Лордов.

Высокий Лес — Ломильялор, потомок Одного Дерева.

Ганимерин — озеро на взгорье под Ревлстоном.

Гаф — Вомарк Боевой Стражи Колыбели Лордов.

Гиганты — Бездомные, старинные друзья Лордов.

Глотатель Жизни — гигантское болото.

Горный брат, Горная сестра — термины симпатии между людьми и Гигантами.

гравий — огненные камни, которые заставляет светиться Учение о Камне.

Гравлингас — мастер Учения о Камне.

Грейвин Френдор — Гора Грома.

Грейс — Корд Раменов.

Гриа — Коуэркри, столица Гигантов.

гриффин — существо, похожее на льва, но с крыльями.

Губитель Душ — прозвище, данное Гигантами Лорду Фаул.

Губители — три древних слуги Лорда Фаул.
Гэй — завоеванная Раменами территория.

Демонмгла — "грибница", плодящая юр-вайлов и Вейнхим.
Двайн — Кейнфрол Раменов.
Джекаррин — мягкие существа, побочные продукты производимого Лордом Фаул уродства.
Долина Двух Рек — местонахождение Ревлвуда.
Дом — первоначальная родина Гигантов.
Дом Творца — Ясли Фаула.
Доур — Страж Крови.
драгоценные ягоды — алдианта, питательные фрукты.
Дринин — Ранихин, скакун Лорда Морэма, жеребенок Хаймерил.
Дринишок — Старший Меча в Лосраате.
Друл Каменный Червь — Пещерное Существо, позднее лидер Пещерных Существ, нашедший Посох Закона.
Друг Земли — титул, первоначально присвоенный Береку Полурукому.
духи Анделейна — существа из живого света, исполняющие танец на Праздновании Весны.
дхормакшетра — "бросить вызов врагу", название Вайнхин.
Дьетра Дзафиенк — (дословно Прекрасный Бок). мустанг, скакун Томаса Кавинанта.
дьека — "жертва", термин Вейнхим.
Дэймлон Друг Гигантов — Старый Высокий Лорд, сын Берека Полурукого.

Елена — Высокий Лорд во времена нападения (первого) Лорда Фаул, лочь Лены.
Еленид — дочь Лоэрьи.

Закон Смерти — разделение живого и мертвого.
Заповедь — часть Учения Кевина.
Запрет — отталкивающая сила, стена энергии.
Запустение — эра разрухи в Стране, наступившая после Ритуала Осквернения.
Земная сила — источник всей силы в Стране
Злоба — сила Дьявола.

Золотая жила — могущественный лес из золотых деревьев.

золотень — похожее на клен дерево с золотыми листьями.

Зуру-па-мерль — каменное ремесло.

исцелитель — враг.

йовард — 20 йоменов + Хафт.

йомен — 20 воинов + Вохафт.

Иоханнум — Пожиратель, Мучитель плоти, мокша.

Каамора — (у Гигантов) тяжелое испытание огнем.

Кам — Мейнфрол Раменов.

Камень Иллеарта — камень, найденный под Город Нпрма, источник дьявольской силы.

Кваан — Вохафт третьего йомена Боевой Стражи.

Квест — действия, связанные со спасением Посоха Хакона.

Квиррел — Подкамник, компаньон Триока.

Кевин — Расточитель Земли, сын Лорика Глушителя Мерзости, последний Высокий Лорд из Старых Лордов.

Каленбрабанад — отец Лошадей в легендах Ранихинов.

Кирил Френдор — пещера могущества глубоко под Горой Грома, Сердце Грома.

клинго — липкая кожа.

Клоуз — палата Совета в Колыбели Лордов.

Клятва — обет Харучай служить Лордам.

Клятва Мира — клятва, данная людьми Страны против ненужного насилия.

Коллиандрий — Муж Фер, Лорд.

Колоссус — древняя каменная статуя, стоящая на страже Верхней Страны.

Колыбель Лордов — Ревлстон.

Корд — второй чин у Раменов.

Корел — Страж Крови, в подчинении Лорда Айстина.

Кордринг — церемония посвящения в Корды.

Корик — Страж Крови, командующий первоначальной армией Харучай.

Коримини — самый старший преподаватель в Лосрате.

Костер Лордов — огонь, используемый Лордами.

костяная скульптура — древнее искусство Раменов.

Краул — Страж Крови.

креш — свирепые гигантские желтые волки.

Крюлл — заколдованный меч Лорика, тайна для Новых Лордов, пробуждаемый к силе Томасом Кавинантом.

Круг Старейшин — вожди Подкамников.

Кудрявая Шевелюра Хейлон — Гигант, жена Спарлимба Корабельщика, мать тройняшек.

Кулак Сатаны — Пожиратель Гигантов.

Кураш Пленетор — территория, когда-то носившая название "Большой Камень", а позднее — Третгард.

Кураш Квелленир — Раздробленные Горы.

Лел — Корд Раменов.

Лена — Подкамница, дочь Этьеран и Трелла, мать Елены.

Лесничий — защитник Лесов Страны.

Лиллианрилл — лесное учение или мастер лесного учения.

Лифе — Мэйнфрол Раменов.

Лларура — Хиир Парящего Вудхельвена.

Ловарден — преподаватель в Лосраате.

ломильялор — Высокий Лес, лес могущества.

Лор-лиарилл — золотая жила.

Лорд — мастер Меча и Посоха, частей Учения Кевина.

Лорд Создатель — Берек Полурукий.

Лорд Фаул — враг Страны.

Лорик — Глушитель Мерзости, Старый Высокий Лорд, сын Дэймлона Друга Гигантов.

Лосраат — школа в Ревлвуде, где преподается Учение Кевина.

Лоэрьи — жена Тревора, Лорд.

Марин — Ранихин, скакун Тьюдора.

мастер учения — вождь юр-вайлов.

мастерская Закона — лаборатория колдовства Демонмглы.

Меленкурион абафа — фраза заклинания или колдовства.

Меч — раздел Учения Кевина, изучаемый в Лосраате.

Мехрин — Ранихин, скакун Хайл Трон.

Мирка — Ранихин, скакун Елены.

мокша — Пожиратель, Иоханнум, Терзатель Плоти.

Моллинер — Хиир Вудхельвена, сын Вейнин.

Морин — Первый знак Стражи Крови, командующий первоначальной армией Харучай.

Моррин — Страж Крови, в подчинении Лорда Конлиндрилла.

морроумелд — костяная скульптура.

Морэм — Лорд, позднее Высокий Лорд, сын Вариоля.

Муррин — муж Одоны, Подкамник.

Мучитель Плоти — Пожиратель Гигантов, Йоханнум, мокша.

Майн — Ранихин.

Мойнинг — церемония посвящения в Мейнфролы.

Мэйнфрол — высший чин у Раменов.

Нагорье — плато над Ревлстоном.

Неверующий - Томас Кавинант.

Нижняя Страна — территория к востоку от Края Земли.

Огненные Львы — огненные поток Горы Грома.

огненные камни — гравий.

Огонь Фел — предупредительный огонь у Ревлстона.

Один Лес — древний лес, покрывавший большую часть территории Страны.

Одно Дерево — мифическое дерево, из которого был сделан Посох Закона.

Одона — жена Муррина, Подкамница.

Омоурния — Хиир Вудхельвена, дочь Моурнии.

Оркрест — камень могущества.

Освобожденные — студенты, изучающие Учение, освобожденные от всех обычных обязанностей.

Осандрея — Лорд, позднее Всыокий Лорд, дочь Сандреи.

Оссет Вефлеам — детская ферма Джекринов.

Падриас — Хиир Вудхельвена, сын Милла.

Палата сердца лесов — место собраний в Вудхельвене.

Первая Рукоять — третий командир Боевой Стражи.

Первый Знак — командующий Стражей Крови.

Первая заповедь Учения Кевина — основа Учения, оставленного Лордом Кевином.

песчаные горгоны — песчаные чудовища, описанные Гигантами.

Пещерные Существа — дьявольские создания, обитающие под Горой Грома.

Пик Огненных Львов — Гора Грома.

"Победа Лорда Морэма" — картина Аханны.

Подкаменье — селение Подкамников.

Подкамник (ница) — житель Подкаменья.

Пориб — Страж Крови.

Порча — прозвище, данное Стражами Крови Лорду Фаул.

Посох — часть Учения Кевина, изучаемая в Лосраате.

Посох Закона — посох, изготовленный Береком из Одного Дерева.

Празднование Весны — танец духов Анделейна в новолуние, в полночь, весной.

Презренный — Лорд Фаул.

Пул — корд Раменов.

Пьеттен — ребенок из Вудхельвена, изуродованный миньонами Лорда Фаул, сын Соранала.

Радхамаэрль — учение о камне или Мастер каменного учения.

Рамены — люди, служащие Ранихинам.

Ранихины — огромные свободные лошади равнины Ра.

Раскол Гигантов — конфедерация Гигантов.

Раэль — Страж Крови, в подчинении Хайл Троя.

Ревлсвуд — место, где находится Лосраат.

Ревлстон — Колыбель Лордов, город Лордов, расположенный в горах.

Риджек Доум — Ясли Фаула.

риелишье — целебная лесная пыль.

Рингфейн — прозвище, данное Раменами Томасу Кавинанту

Ритуал Освобождения — церемония посвящения в Освобожденные.

Ритуал Осквернения — акт отчаяния, которым Высокий Лорд Кевин уничтожил Старых Лордов и разрушил большую часть Страны.

Роуг Бефаулем — джехаррины в форме Пещерных Существ.

Рунник — Страж Крови.

Руиза — Корд Раменов.

Рю-Мейнфрол — прежде носившая имя "Гэй".

самадхи — Пожиратель, шеон, Кулак Сатаны.

Саронал — Хиир Вудхельвена, сын Тиллера.

священная ограда — зал Вечерен в Ревлстоне.

Семь Заповедей — собрание знаний, оставленных Лордом Кевином.

Семь Слов — магические слова.

Сердце Грома — пещера могущества в Горе Грома.

Сердце Сатаны — Губитель Душ, прозвище, данное Гигантами Лорду Фаул.

Серрин — Страж Крови, в подчинении Лорда Нестры.

Серый Убийца — прозвище Лорда Фаул.

Силл — Страж Крови, в подчинении Лорда Хейрила.

Сила Власти — Седьмая заповедь Учения Кевина.

Сир-Каверрел — ученик Лесничего в Моренмосском лесу.

Сирейл Вайлвуд — лесничий Бездны Гаррота.

Слен — Муж Терасс, Подкамник.

Слово Предупреждения — могущественный разрушительный запрет.

Соленое Сердце Преследующий Море — Гигант, друг Томаса Кавинанта.

Спарлимб Корабельщик — Гигант, отец тройняшек.

Старые Лорды — Лорды, существовавшие до Ритуала Осквернения.

Старший Меча — Ловарден Меча в Лосраате.

Страж Крови — защитник Лордов.

Страна — как правило территория, изображенная на карте.

Тамаранта — жена Вариоля, Лорд, дочь Энасты.

танец духов — Празднование Весны.

творец — прозвище, данное джехерринами Лорду Фаул.

Творец — легендарный Лорд Времени и Отец Страны. враг Лорда Фаул.

Терасс — жена Слена, старшая Подкаменья Мифиль, дочь Акидрии.

Террель — Страж Крови, в подчинении Лорда Морэма.

тест правды — проверка правдивости.

Тожав — ремесленник из Подкаменья.

Томин — Страж Крови, в подчинении Лорда Веремента.

Торм — Гравлингас и Хатфрол Колыбели Лордов.

Тревор — муж Лоэрьи, Лорд.

Трелл — муж Этьеран, Гравлингас Подкаменья Мифиль, отец Лесны.

Триок — Подкамник, сын Тулера.

Тротхолл — Высокий Лорд. сын Двиллиана.

Тулл — Страж Крови.

Тьювор — Первый знак Стражи Крови, командующий первоначальной армией Харучай.

Убийца Родстенников — Пожиратель Гигантов, Херем, турайя.

Уорренбридж — вход в катакомбы под Горой Грома.

Учение Кевина — Учение Силы, оставленное Кевином в Семи Заповедях.

Фел Высоких Лордов — знамя Высоких Лордов.

фел бефалам — змеиная форма джехарринов.

Фэр — жена Лорда Коллендрилл.

Фье — Корд Раменов.

оглавление

1. Золотой мальчик.....6
2. У тебя нет надежды.....15
3. Приглашение к предательству.....39
4. Смотровая Кевина.....47
5. Подкаменье Мифиль.....62
6. Легенда о Береке Полуруком.....75
7. Лена..... 98
8. Этьеран..... 108
9. Иоханнум.....133
10. Праздник Весны.....163
11. Бездомные.....192
12. Ревлстон.....220
13. Вечерни.....246
14. Совет Лордов.....271
15. Великий вызов.....302
16. Граница крови.....323
17. Смерть в огне.....345
18. Равнины Ра.....383
19. Выбор Рингфейна.....410
20. Вопрос надежды.....427
21. Ущелье Предателя.....444
22. Катакомбы Горы Грома.....464
23. Кирил Френдор.....488
24. Вызов Львов.....509
25. Оставшиеся в живых.....531

ГЛОССАРИЙ.....535

